

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://fetathanasius.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки: из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет

Путевые впечатления

<Письмо первое>

Можно сказать, что у путешественников, отправляющихся за границу, одно общее чувство. Это неопределенное чувство ожидания, надежды, любопытства можно только сравнить с ощущениями театрала, входящего в заново отделанный театр посмотреть новую пьесу, про которую много наговорили, но которой еще не удалось видеть. Он не новичок в театре, но это ничего не значит. В сердце человека запас надежд неистощим. «Вот скоро сам увижу, – говорит театрала, – может быть, будет хорошо». То же самое говорит про себя отъезжающий за границу. Глаз наш привык к родным полям и лесам. Если мы едем по России, нас занимает цель, с которой мы пустились в дорогу, а декорация путешествия тихо проходит мимо, едва замечаемая. За границей самый хладнокровный поворачивает голову к стеклу вагона, а большая часть, по преданию, восхищается и там, где восхищаться нечем.

Уже у Английской набережной, на пароходе, который должен был везти нас на Кронштадтский рейд, к большому почтовому пароходу «Прусский орел», слышалось смешение языков. Здесь француз из Бордо, вставя стеклышко в глаз и глотая окончания слов, условливался с своею полновесною дамою в том, что им заказать на завтрак; там старуха-немка, говоря с детьми, которых провожала до Кронштадта, испускала какие-то гортанные, болезненные звуки и по временам подносила платок к покрасневшимся глазам. Русский купец, отъезжающий по делам, давал окончательные наставления родственникам. Впоследствии оказалось, что он ни слова иностранного не знает. А ведь не унывает! и будет везде, где нужно, и обделает все, что следует...

Но вот пар перестал клокотать, трап сняли, и пароход плавно и быстро полетел ко взморью. Всякий не только знает, далеко ли до Кронштадта, но, взглянув на часы, почти может определить минуту, в которую ступит на палубу почтового парохода; а между тем все спрашивают: «скоро ли приедем?» Кажется, рейд нарочно от нас уходит. Приехали, наконец, и все ринулось на палубу «Прусского орла». Шум, говор, толкотня. Странное дело!

7

Почтовый пароход чуть ли не в десять раз более того, на котором мы приехали, между тем на палубе давка едва ли еще не хуже прежнего. Тюки, ящики, чемоданы совершенно загородили дорогу к каютам; а каждому хочется именно в каюту. И неудивительно: всякому желательно взглянуть на уголок и шкафчик, в котором ему придется просидеть трое суток, а при неблагоприятной погоде, быть может, и более. Прусскому капитану, видно, не в диковинку подобные сцены. Надобно видеть, с каким невозмутимым спокойствием он расхаживает в новом мундире со штаб-офицерскими эполетами. Когда каждый нашел свое место, ящики и чемоданы ушли в трюм, а провожающие на прежний пароход, помещение на «Прусском орле» оказалось не только, по возможности, удобным, но даже изящным. Я говорю о первых местах. Тут все придумано для того, чтобы путешественник незаметно перенесся с Кронштадтского рейда на штеттинский берег. Переборки и двери из карельской березы и красного дерева, наличники и ручки у замков из прекрасно разрисованного фарфора, большая светлая обеденная зала, карточные и шахматные столы, даже библиотека с французскими и немецкими книгами. Я искал русских. Нет. Жаль! пора бы! «Скоро ли обедать?» раздавалось отовсюду. – «А вот, как только пойдем. Дожидаем почту. Она сейчас должна быть».

Через час мы весело сидели за столом, и кто-то справедливо заметил, что мы уже в Пруссии. Точно, все немецкое: кушанья, монета, прислуга, язык, – словом, плавающая немецкая колония. «Посмотрите, посмотрите, наши корабли!» В эту минуту мы проходили мимо двух линейных кораблей, стоявших на якоре на значительном от Кронштадта расстоянии. В самом деле, что это за громады! Наш пароход, в сравнении с ними, лодка... Берега уходят все далее и далее. Обед кончился; лениво берешься за кофе. Дамы разошлись, – что делать?

- Не составить ли преферанса?
- Что ж? можно.
- А есть ли карты?
- Есть.
- Русские?
- Нет, прусские.
- Все равно, давай!

Оказывается, что короля от валета не отличишь. Но по привычке, и дело пошло как

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana по маслу. Подали свечи. В зале зажгли лампы и снова застучали ножами и вилками. После ужина или чаю, назовите как хотите, прогулка по палубе, и затем каждый отправляется на свою койку... В первый день погода была чудная, и морская болезнь беспокоила немногих;

8

зато на второй ветер стал свеж-е, волны побелели, и к обеду не явилось и половины путешественников. Тем не менее, капитан неизменно приходил к обеду в полной форме и садился в конце стола. Хотя общество собралось чуть не со всех концов света, за все время переезда между пассажирами не было и тени неприятности. Англичане чинно сидели где-нибудь в углу, французы гуляли или читали, немцы курили или спали, русские играли в карты. Только в последний день между немцами возник было крупный разговор. Пагубный пример русских подействовал и на них – у другого ломберного стола они составили свою партию. Я уселся на диване подле русских. Время приближалось к обеду, и капитан, войдя на этот раз с веселым лицом, объявил, что земля показалась. Вдруг один из партнеров за немецким столом громко заметил зрителю о неприличии советов играющим со стороны лиц, не участвующих в играх. В ответ на это полновесный немец громовым голосом стал доказывать, что он имеет полное право (на что? не знаю) и что желать уверить его в противном значит считать его болваном (Dummer Junge)* – самое обидное выражение на немецком языке. Последнее слово сказано было с ударением, по которому первый оратор мог принять нелюбезность, пожалуй, и на свой счет. Но он замолчал, и слава Богу.

Желая достоверно узнать, успею ли в тот же день отправиться в Берлин, я обращался к слугам с вопросом о времени поездов железной дороги. «Да вы сходите в каюту к капитану: там есть “Прусский почтовый дорожник”», – сказал мне кто-то. Я пошел. Отворяю дверь и застаю капитана. Но каково было мое изумление, когда на стене каюты я увидал небольшой, но прекрасно писанный образ Николая Чудотворца, в серебряной ризе, с золоченым венцом.

– Капитан! откуда у вас этот образ? Ведь вы лютеранин? – воскликнул я невольно.

– Что ж это вас так изумляет? – Разве вы хотите мне запретить дорожить этим образом и чтить его? – отвечал капитан.

– Но по какому случаю он у вас?

– Его оставила моему кораблю русская дама. В бурную ночь, когда, и по моему мнению, пароход был в опасности, я нашел этот образ на палубе и на другой день стал спрашивать, чей он. Дама, о которой я вам говорю, сказала, что вчера она сама вынесла его на палубу и теперь просит меня оставить на спасенном корабле. С тех пор он у меня в каюте и останется здесь навсегда, пока я жив.

* Буквально: глупый мальчишка, молокосос (нем.).

9

От Свинемюнде до Штеттина еще четыре часа езды на пароходе. Чем выше поднимаешься по Одере, тем уже становится эта река, и большое судно принуждено идти половинным ходом, если капитан не хочет волнением, образующимся от быстрого движения парохода, повыкидать бесчисленные лодки, привязанные у плоских берегов, и вслед за тем заплатить штраф за повреждения. Берега Одера местами живописны и представляют уже довольно яркий образчик немецкой жизни. Бульвер, в своей книге: «Англия и англичане», указывая на туземные недостатки, постоянно ставит в пример Пруссию. И он прав.

Мне кажется, всякого путешественника, кто бы и с каким бы направлением он ни был, не может не поразить эта жизнь, в которой, как в хорошо устроенном корабле, не пропадает даром малейший закоулок. Тут воспользовались всем. Наука, труд, капитал, опыт, искусство сосредоточили свои силы к достижению возможного порядка и благосостояния. Одер постоянно затягивает свое русло илом, и на всем значительном протяжении от Фришгафа до Штеттина (верст 40) машины, расчищающие русло реки, неумолимо заняты бесконечной работой. Ил, ими добываемый, не пропадает даром. Окрестные поселяне с радостью накладывают его, в виде плотины, вдоль плоских берегов, и мало-помалу образуется защита от наводнения и в то же время полоса самой плодородной почвы. Речные пароходы шныряют взад и вперед, а версты за две до Штеттина, по обеим сторонам реки, такое множество купеческих судов, что большой пароход, в избежание несчастия, принужден двигаться, как черепаха... Таможенный офицер, севший к нам на пароход в Свинемюнде, успел, до прихода в Штеттин, осмотреть все наши вещи, так что мы ни минуты не были задержаны у пристани. «Да ты погляди-ка только, – раздалось на русском языке за моей спиной, когда мы столпились у трапа, – у них и собаки не гуляют. Возит тележку, сердечная, а живет по пашпорту. Ведь ей билет выправлен, значит. Право!» Оглядываюсь: русский купец говорит товарищу.

На железную дорогу в день приезда мы не поспели. Надобно было поневоле дожидаться курьерского поезда, отправляющегося в два часа ночи, или утреннего,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana который отходит в 7 часов. Я избрал последнее. Описывать Штеттин не буду. Возьмите первое попавшееся изображение старинного немецкого города и подпишите под ним: Дрезден, Лейпциг, Штеттин, вы ошибетесь в размерах и частностях, а не в общем впечатлении. Отправляюсь в отель. Комната в третьем этаже, окнами на двор. Во дворе небольшой каменный бассейн с живою рыбой. Посредине фонтан, но он, вероятно, бьет по праздникам. Вокруг фонтана

10

беседка из дикого винограда. Посредине ее мраморная скамья. По углам прекрасные тюльпаны и великолепные белладонны. Что-то эти цветы мне подозрительны! Уж не искусственные ли они? Ни один листок, ни один лепесток не шевельнется. Правда, вечер необыкновенно тих, да к тому же кругом каменные стены сажен в 8 вышины. Скучно. Ехать некуда, спать рано. Пойду шататься, в буквальном смысле слова, потому что, после трехсуточного пребывания на море, вам кажется, будто тротуары, каменные лестницы, дома, – словом, все под вами шатается. В театр идти не стоит. Если бы я был немецкий или английский турист, то рассмотрел бы в подробности вот этот собор, но так как это памятник не только не первой и не второй, а разве десятой величины, то я поглядел на него с одной да с другой стороны, сказал про себя: «что ж? собор ничего», и пошел в магазин за покупками. Вот прусская мелкая монета (серебряный грош – 3 коп.) – камень преткновения для иностранца. На всякой такой монете цифра, но она означает не число содержащихся в ней грошей, а сколько монет составляют талер. На 5-тигрошовой, напр<имер>, написано 6, то есть шестая часть талера. По величине не узнаешь. Иная монета в 5 грошей более 10-тигрошовой. Надпись заросла грязью и зеленью: гадко в руки взять, а поневоле берешь. Куда ни сунься, доставай пять грошей. Вам нужен извозчик? Только что вы приняли к нему направление, за вами раздается резкий свист, и незнакомый человек спешит опередить вас, отворяет дверцы у колясочки и помогает под локоть сесть. Вы кивнули ему головой, а он протягивает руку и просит на водку. Разумеется, все купленное мной в Штеттине никуда не годилось. Жиды меня и обманули и обочли. Они ждут русских и шведов, как ворон крови. Большая часть проезжих знают это наперед, а между тем все сгоряча покупают и бывают обмануты. Подъезжая к гостинице, я встретил конно-артиллерийскую прислугу, возвращающуюся верхом, без орудия, в казармы. Лошади, как вообще прусские лошади, напоминают английских верховых. Но полно таскаться. Кажется, нового более ничего не увидишь, а завтра надобно проснуться спозаранок. В шесть часов утра слуга принес счет и кофе, а в половине седьмого объявил, что коляска готова. На железной дороге я взял билет на первое место. Глядь: наши русские тут же.

– Господа! Сядемте вместе, – сказал я.

– Но вы на каком?

– На первом.

– Помилуйте! там скука. Мы все на втором.

Подхожу к вагонам: одна карета первого класса, и та пустая. «Нет, – думаю себе, – ни за что туда не сяду». На осталь

11

ных местах усаживаются, суетятся. Гляжу, француженка с парохода и еще какой-то господин, очевидно немец, ей чужой, сидят одни в карете второго класса. Я отворил дверцы и сел против француженки. После первых слов она сделала мне выговор за то, что во время переезда я мало обращал внимания на дам, и показала даже в лицах, как рассеянно я на них смотрел. Я постарался исправить ошибку и всю дорогу уверял собеседницу, что немец, сидящий с закрытыми глазами в противоположном углу восьмиместной кареты, спит непробудным сном. Машина шла очень быстро, и мы незаметно прикатили в Берлин. Надо осмотреть столицу Пруссии. Но возможно ли русскому осматривать Берлин? Это все то же, что осматривать Москву. А почему же не осматривать Москвы? Сказать по правде, мы ничего не осматриваем – ни своего, ни чужого. Это мне напоминает следующий случай. Месяц тому назад я сидел в Петербурге у одного известного русского поэта. До обеда было еще далеко. Хозяину захотелось прогуляться.

– Куда?

– На острова далеко: опоздаешь к обеду.

– В Летний сад: кстати, посмотрим памятник Крылову.

– А вы видели памятник?

– Нет.

– А вы?

– Тоже нет.

Оказалось, что мы, хотя петербургские жители, а памятника не видали. Поехали, посмотрели и остались довольны. Мало этого: едва мы приехали домой, вошел общий наш знакомый литератор.

– Где вы были, господа?

– Смотрели памятник Крылова.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana

– А, а!!!

– А вы, милостивый государь, видели памятник?

– Нет.

– Ну как же вам не стыдно! А еще патриот, русский литератор...

И мы продолжали в этом роде нападать на нашего знакомого. Мало и этого: когда почтовый пароход остановился у штеттинского порта, француз, не знающий ни слова по-русски, подошел ко мне и, ни с того ни с другого, обратился с вопросом:

– Будьте так добры, милостивый государь, скажите, как имя русского поэта, которому в Летнем саду поставлен монумент?

– Крылов.

Француз достал бумагу и карандаш.

12

– Как это пишется?

– K-r-y-l-o-f-f.

– Merci, monsieur!*

И он записал это имя.

Теперь его родственники и знакомые узнают, что у нас был Крылов, а они, может быть, и через двадцать лет не узнают, что у нас был Пушкин. Итак, отправлюсь осматривать Берлин.

Что в нем нового?

Как что? Во-первых, монумент Фридриха Великого, во-вторых, Новый музей, в-третьих, заведение Кроля. Правда, монумент все видели на картинке. Но на картинках он плох, а на деле истинно прекрасен. Все фигуры на пьедестале выработаны с добросовестной отчетливостью и не лишены характера и движения. Несмотря на огромные размеры конной статуи великого монарха, во всем памятнике соблюдена удивительная гармония. Можно сделать одно замечание: такую статую следовало бы поставить на более открытом месте, а не в конце улицы, спиной к бульвару. Спрашивается: откуда ее смотреть? С площади? Но вы видите статую спереди, стало быть, с невыгодной для нее точки зрения. С бульвара? То же самое, если еще не хуже. С тротуаров? Памятник так колоссален, что вы видите его снизу, опять нехорошо.

Прежде, чем стану говорить о Новом музее, позволю себе сказать по поводу его несколько слов. Новый музей можно по справедливости, назвать последним шагом архитектуры по пути, проложенном для нее Шинкелем. Шинкель отбросил все смешанные роды и обратился к чисто-греческому. Пусть решают специалисты, в какой мере он был прав – я пишу не рассуждение об архитектуре, а рассказываю факт. Во всяком случае, последний шаг этого направления, в применении к Новому музею, пантеону пластических искусств, вполне удачен. Говоря о Шинкеле, нельзя не сказать, что этот замечательный художник, бывший столько лет главным начальником строительной части в Пруссии, сам неусыпно трудившийся над каждым вновь воздвигаемым памятником и через руки которого шли миллионы, умер если не в нищете, то, по крайней мере, не оставя семейству никакого состояния. Новый музей, соединенный колоннадой со старым, так называемым шинкелевским, выстроен по плану Штюлера. Здание главным фасадом обращено на восток. Длина его триста сорок футов, то есть без малого пятьдесят сажен, а высота сто футов, то есть с лишком четырнадцать сажен. Несмотря на то, что над музеем трудятся неутомимо и что большая часть

* Спасибо, сударь! (франц.).

13

зал уже открыта для любопытных, совершенно окончен внутри он еще так скоро быть не может. И слава Богу! это постоянный предмет соревнования для художников и ученых, постоянно открытые врата гению. Здание сооружено в три этажа. Нижний предназначен для египетских, отечественных и северных древностей и этнографических собраний. Во втором помещаются гипсовые снимки скульптурных произведений: греческих, древне и ново-римских, средневековых и новейшего времени. Одним словом, здесь перед лицом науки и искусства наглядным образом предстанет вся история скульптуры. Третий этаж – для кунсткамеры и собрания гравюр. Середину музея, поперек, через все три этажа прорезает зала лестницы (так называемая Treppenhaus*). Зала эта продолговата, несмотря на классическую соразмерность высоты и ширины с длиной, а высота ее, как мы видели, более четырнадцать сажен. Можете себе представить, что это за громада! Ступени гигантской лестницы еще доселе тщательно заклеены холстом и бумагой. Местами только, где бумага протерлась от ходьбы, просвечивает дымчатый мрамор, отполированный как зеркало. Стены первой лестницы, до поворотов направо и налево, покрыты гипсовыми снимками с античных барельефов. Потолок, расписанный в греческом вкусе, великолепен. Честь и слава Пруссии за ее благородное стремление на поприще искусства!

Носятся слухи, что в Берлине будет основано отдельное министерство свободных

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
искусств, в том числе и поэзии. Зала лестницы, бесспорно, одно из
замечательнейших сооружений. Вас не удивило бы увидеть на первой площадке
гигантскую статую Фидиева Зевеса. А между тем какая гармония, как вам легко
дышать! Кажется, сама Паллада-Афина, встретя вас у входа между колоннами из
каррарского мрамора, подняла на руки и несет показывать свое жилище. Но это
архитектурная часть. Взгляните на стены: все гигантские фрески – работы
Каульбаха, при помощи учеников его Мура, Эхтера и других. Повернитесь налево, к
южной стороне. Эта стена совершенно отделана. На правой виден только один
оконченный фреск «Битва гуннов»; вся остальная часть заставлена лесами, с
которых торчит конец громадного картона. Ходите, смотрите, а между тем
гениальный художник трудится над вашей головой и упрочивает свою славу. Прежде
чем станете рассматривать отдельные произведения Каульбаха, взгляните на всю
стену. Как хороши эти тоны в промежутках между главными картинами! Без этих
тонов картины сливались бы и утомляли зрение, а теперь все улыбается и

* Буквально: лестничная клетка (нел.). 14

ярко выступает вам навстречу. Три главные картины на южной стене представляют:
«Падение Вавилона», «Цветущий век Греции» и «Разрушение Иерусалима». Скажу хотя
несколько слов о содержании каждой. В «Падении Вавилона» в небе над башней
является Господь, в сопровождении ангелов, кидающих молнии на гордое создание
человека. Вавилонский столп разрушается; народ, трудившийся над его сооружением,
в ужасе бежит, и дома низринуты в прах. Внизу башни, на первом плане, потомки
Сима, Хама и Иафета расходятся по разным направлениям отдельными группами.
Сколько жизни и выражения в каждой! Вот удаляются верующие в истинного Бога,
напутствуемые Его благословением. Какое чистое, прекрасное племя! Белые быки
влекут безыскусственную колесницу прародителя, окруженного веселыми детьми и
многочисленными стадами. Но вот уходят и потомки Хама. С какою дикою жадностью
уносит этот эфиоп своего безобразного идола! Закоснелость и тупость изуверства
во всех его чертах. Но гром Иеговы грянул, – и все усилия человеческие тщетны.
Напрасно клеветы столпостроителя Нимврода подгоняют рабочих, подвозящих
материалы. Вы видите: один из них, отдавая приказание, в озлоблении кричит, но
его уже не понимают. Языки смешались. На первом плане, в правом углу картины,
кирпичами, приготовленными для постройки, убивают архитектора. Все рушилось, все
изменилось; один Нимврод непреклонен. Напрасно жена и дети, распростертые у
ступеней полуразрушенного трона, умоляют его (прелестная группа); он один, как
сатана, коснеет в гордыне. Во второй картине: «Цветущий век Греции» – Каульбах
живописно воплотил слова Геродота: «Гомер и Гезиод дают грекам богов». Сивилла
правит рулем челнока, в котором слепой певец Илиод – на подъезде к берегу.
Фетида, мать восплаемого Ахиллеса, поднявшись по пояс из волн, внемлет
песнопению; греческие певцы, ваятели и живописцы спешат во сретение Гомера.
Дикие пеласги бегут из лесов к берегу, алкая просвещения. Над этой сценой яркая
радуга с облаков, расстилающихся над морем, с правой стороны (со стороны поющего
Гомера) перекинулась в лес, над столпившимися греками, и по этому воздушному
мосту боги спускаются на землю. Вправо Зевес и Юнона с павлином. Над ними парит
орел. Влево хор богов, предводитель Аполлоном и музами. Яркая и в то же время
воздушная радуга придает не только самой картине, но и всей стене нежный,
улыбающийся колорит. Третья картина изображает «Разрушение Иерусалима». Пророки
Исаия, Иеремия, Иезекииль и Даниил появились в небесах над городом. Карающие
ангелы исполняют их предсказания. Иерусалим и храм Соломона объаты пла-

15

менем; вожди иудейские лежат, сраженные молнией. С правой стороны Тит,
окруженный ликторами, верхом, вступает в город победителем. Впереди его трубят
герольды; за ним виднеются римские легионы. Вправо, на первом плане, ангел
напутствует юных христиан. Посредине первосвященник храма Соломонова в белой
одежде. Он не может пережить падения храма и закаляется. Влево вечный жид,
преследуемый демонами, бежит скитаться, томиться и никогда не умирать. Решаюсь
обратить внимание ваше на последний большой фреск Каульбаха, находящийся с
правой стороны площадки, то есть на северной стене. В «Битве гуннов» падшие с
обеих сторон на кровавом поле, по преданию, воскресают и вступают в бой с новым
ожесточением. Над сценой сражения, происходящего на земле, покрытой трупами,
мало-помалу возвращающимися к жизни, в облаках новая картина битвы. Тут Аттила
сам предводительствует неистовыми полчищами. В руке его окровавленный
многоконечный бич. Но христианству суждено восторжествовать над варварством.
Римляне, под предводительством Аэция, начинают одерживать верх. О двух остальных
фресках: «Крестовые походы» и «Реформация», которые, рядом с «Битвой Гуннов»,
будут украшать северную стену залы, ничего сказать не могу – они закрыты лесами,
– но постараюсь передать общее впечатление, произведенное на меня теми, которые
я видел. Я не боюсь, если суждение мое о таком важном предмете отделится слишком
резко от общего. Я пишу не приговоры, а передаю собственные впечатления, которые

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana стараюсь уяснить и оправдать перед самим собою. Смотри на геркулесовские подвиги одного из зам. чательнейших современных художников, я допытывался у самого себя простого беспристрастного слова, непосредственного чувства и – увы! – пришел к убеждению, что в деле чистого искусства, в деле вкуса современный голос неправ, и в Германии, быть может, более чем где-либо. Холод, дидактика и безвкусие, то есть искусственность – вот отличительные признаки нашего искусства и чувства. Восхищаться зимою дорогим букетом потому только, что он дорог, не значит понимать и любить природу. Наш век не любит ничего простого: ему все подавай с перцем. Виктор Гюго в предисловии к «Notre Dame de Paris» говорит: книгопечатание убило архитектуру. Можно прибавить: трезвая Реформация коснулась таинственного покровы Изиды, а цинизм последних двух веков сорвал его, и напрасно современное искусство силится прикрыть лик богини. Толпа видела его. Тайна нарушена. Пифия говорит уже не по внушению бога, а под влиянием искусственного раздражения и по отрывочным воспоминаниям. Повторяю: я не боюсь показаться странным,

16

пожалуй, диким, но опасаясь только, чтобы слова мои не были не поняты или превратно истолкованы.

Первым моим впечатлением при входе в музей было чувство признательности и благоговения к величию замысла и исполнения. С тем же чувством смотрел я на картины Каульбаха и убежден, что его разделяет со мной каждый зритель, для которого искусство не пустая забава, а лучший дар, каким благословенна жизнь. Сколько знания, труда, изучения потратил Каульбах на свои фрески! Какая обдуманность в целом, какая изящная правда в подробностях! Огромные картины большею частью отделаны мелкими штрихами, как гравюры. Какой труд! Каульбах сделал все, что мог, при огромных средствах своего таланта и учености. Главный недостаток его произведений принадлежит не ему, а веку. Этот недостаток – символичность, дидактизм. Не говоря о театральности некоторых фигур, например, первосвященника в «Разрушении Иерусалима», не могу не сказать, что картины Каульбаха не видения художника, перенесенные на стену, а диссертация на степень доктора философии, написанная кистью. Уже самые сюжеты картин говорят вам, что здесь вся история человечества от столпотворения до Реформации. Это живописная философия истории. Все фрески вместе – символ, каждая картина отдельно – символ, каждая группа – символ, каждое лицо – символ, и каждая подробность – опять-таки символ, переходящий иногда в неясность. Так, например, перед «Битвою гуннов» между зрителями возник спор. Одни утверждают, что у Атиллы в руках факел, другие говорили – бич. И точно, многочисленные, развивающиеся концы ярко-красного бича легко в некотором расстоянии принять за пылающий факел. Положите, если хотите, бич, на какое угодно время, в сосуд, наполненный кровью, он все-таки не примет того ярко-красного цвета, который художник придал ему на картине. Но ведь Атилла – бич Божий! Говоря символическим языком, художник хотел сказать: Атилла шел с кровавым бичом, и вот, жертвуя истиною, он представил его с бичом, похожим на факел.

Я останавливаюсь на этой подробности, только вполне убежденный, что дидактизм и преднамеренность сильно вредят свободному творчеству.

Собрание древностей Египетского музея очень богато и уступает в этом отношении только лондонскому, ватиканскому и лейденскому. В 1827 году покойный король Фридрих-Вильгельм III основал Египетский музей, скупив замечательные частные собрания; а экспедиция 1843 года значительно его обогатила. Впечатление зрителя полно и глубоко. Куда ни обратитесь, на что ни взгляните, перед вами не казарма, загроможденная всякой вся

17

чиной, а музей, в котором архитектура, скульптура, живопись и мозаическое искусство употребили все усилия указать каждой вещи приличное место и перенести зрителя в эпоху, безмолвные представители которой его окружают. Первая зала выстроена в виде преддверия египетского храма – atrium*. На карнизе иероглифическая надпись следующего содержания: «Королевский орел солнца; мститель Пруссии, король – сын солнца – Фридрих-Вильгельм IV – Филопатер – Эвергет – Эвхарист – Любимец смерти и сна – победоносный властитель Рейна и Вислы – сын Германии, повелел поставить в этом здании колоссы, статуи и картины, столпы и надгробные памятники и много всякого добра, привезенного из Египта и Эфиопии». Сходного содержания надпись и на левой стороне. Иероглифы, окруженные кольцами и находящиеся над большими надписями, изображают попеременно имена: Фридрих-Вильгельм, Елисавета. На египетских надписях имена царей отделялись кольцами от прочих иероглифов. Остальные иероглифы, подражания египетским оригиналам, сняты с колонн Карнакского храма. Стены залы покрыты ландшафтами, изображающими египетские местности и здания. Тут вы видите пирамиду Хеопса, дендерский храм Хаторы (египетской Афродиты), двойную статую Мемнона

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana (чрезвычайно эффектно восходящее солнце, диск которого заслонен головою статуи, находящейся на втором плане), мемфисские пирамиды, Карнакский храм и пр. Все ландшафты работы известных художников. Обстановленные таким образом, колоссальные памятники египетской древности еще сильнее действуют на воображение. Вы, точно перенесенные волшебной силой, ходите по древнему Египту. Прежде всего бросаются в глаза два сфинкса барана: левый – оригинал, правый – подражание. Двойные ряды подобных сфинксов, обращенных друг к другу головами, вели ко входам фивских храмов и дворцов. Овен с диском солнца на голове – эмблема Амон-Ра, египетского Зевеса. Между колен сфинксов, перед грудью, изображение Озириса (на языке иероглифов–Аменопис, у греков – Мемнон). Посреди atrium'a, между сфинксами, жертвенник. В глубине, противу входа, два колосса из порфира, изображающие: один Рамзеса II (Сезостриса), другой – Сесуртазена I, сидящими на престолах, на которых написаны имена этих царей. С правой и с левой сторон – ряд надгробных камней. Такие камни помещались у египтян внутри гробниц и иссекались из гранита, известняка или песчаника. Надписи, которыми они покрыты, говорят о жертвоприношениях усопшего Озирису, первообразу человека, судии в мире

* преддверие в обширном здании (лат.).

18

теней, сопровождаемому сестрами: Изидой и Нефти, или сыном Горусом. Нередко жертвоприношения и гимны относятся к богу Пре-Атму, в образе человека, с головою копчика и диском солнца (символу вечернего солнца, с которым соединялась мысль о разлуке с землей). На некоторых изображениях олицетворена апофеоза самого умершего. Он сидит с усопшей родственницей на креслах, и родные приносят ему жертву, как Озирису.

Большая часть камней из мемфисского некрополя, только немногие – из фивских катакомб, потому что в Верхнем Египте преобладал обычай класть в гробницы папирусы, а в нижнем клали исписанные камни.

Из atrium'a выходишь в залу, построенную в форме египетской колоннады. Во втором ее отделении – гигантская статуя царя Горуса II, сына Аменописа III (Мемнона). На стенах – изображения ежедневных занятий: полевых, домашних и т. п. Здесь же, внизу картин, в рамках за стеклом – ряд развернутых папирусов. Их очень много. Если бы не знать, что это исписанная плева растения, можно принять эти листы за тафту, покрытую печатными знаками. В третьей, исторической зале, построенной в виде Бени-гассанских катакомб, находятся час- тию статуи богов, царей, первосвященников и государственных сановников, частью другие исторические памятники: жертвенники, надписи, произведения искусств и т. д. Стены покрыты историческими изображениями. Все это чрезвычайно интересно и драгоценно для специалиста; но мимо стеклянных ящиков самый равнодушный посетитель не пройдет без особенного изумления и раздумья. Здесь уже не снимки, не камни дошли до нас, а вещи самые преходящие, уже по существу своему обреченные тлению – и между тем они нетленны. Перед вами длинный ряд священных животных: ибисов, копчиков, кошек, ихневмонов, рыб, лягушек и пр. Я заметил женскую косу, как будто только что вышедшую из рук парикмахера. Вот обувь из древесной коры, напоминающая нам русский лапоть. И как все это сохранилось! Перья и шерсть не только вполне сохранились, но даже мало изменили природный цвет. Тут не нужно толкователей. Вы с первого раза узнаете знакомое животное. То же можно сказать и о плодах: гранатах, финиках, сикоморах и проч.

Какой странный, своеобразный народ были древние египтяне! Вот египетский анекдот, которого, не имея, к сожалению, справок под руками, не могу передать с обозначением имен. Египтянин, страстно любивший древнегреческого оратора, завещал положить сочинения его в собственное брюхо при погребении. Волю завещателя, изображенную на гробе иероглифами, прочли недавно и, вскрыв брюхо мумии, нашли греческий свер

19

ток. Теперь в Лейпциге появилось издание речей греческого оратора, жившего за много лет до Демосфена и сочинения которого, без египетской причуды, никак бы до нас не дошли. Я говорил уже о полноте и силе впечатления, производимого на зрителя Египетским музеем. Это мистический мир иносказаний. Тут все символ: религия, закон, обычай и искусство. С этой точки зрения произведения египетского искусства не лишены своей прелести. Вдумайтесь в атрибуты того или другого божества, и вы убедитесь, как тонко они избраны. Но не такой красоты ищет сердце наше в современном искусстве. Что ни говорите, а сухопарый, синий или коричневый человек с птичьей головой – урод. Символизм – или наивность детства, или бессилие дряхлости. Ребенку простительно играть неодушевленными предметами, придавая им качества, которых они не имеют; но что сказать про взрослого, которого застаешь в зале сидящим на опрокинутом столе и погоняющим скамейки, несмотря на невозможность убедить себя, будто скамейки – лошади, а опрокинутый

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
стол – сани? Между тем новейшее искусство так и порывается играть всеми
возможными деревяшками...

Нет! нет! пойдёмте скорее во второй этаж: там древняя Греция. Там сухой жезл
символа прозяб и распустился живыми, неувядающими цветами мифа. Там нет
сентенций. Там один закон, одно убеждение, одно слово – красота.

В первой зале, так называемой греческой, стены расписаны профессорами Ширмером,
Бирманом, Шмидтом и другими. Куда ни обратитесь, навстречу вам улыбается древняя
Эллада: «Роца Зевеса Ликейского»; «Ликейские могилы» (в Малой Азии); «Крепость
Сиракузы и храм Минервы»; «Вид Эгины с храмом Зевеса Пангелления»; «Внутренний
вид Акрополя, со статуей Минервы»; «Внутренний вид храма Юпитера Олимпийского,
со знаменитой статуей бога», и проч. Рисунки истинно прекрасны. Во всей зале нет
скамьи, которая не была бы сделана по античному оригиналу. Между статуями прежде
всех обращает на себя внимание слепок с «Борьбы вокруг тела Патрокла». Эта
группа известна под именем Эгинетов. Она в 1811 году отыскана под развалинами
Эгинского храма, куплена наследником баварского престола и восстановлена
Торвальдсеном. Оригинал теперь в Мюнхене. Вся группа расположена так, что
посредине находятся стоящие фигуры, с боков в согнутом, а в двух нижних углах в
лежащем положении. Минерва, в полном вооружении, с эгидой на груди, держит в
левой руке щит, а в правой – копье. С правой стороны греки стараются спасти
умирающего Патрокла, которого Аякс прикрывает щитом; с левой – нагнувшийся
троянец хочет перетащить Патрокла на свою сторону. Но довольно. Не буду

20

описывать, ни даже именовать всех Минерв, Вакхов, Аполлонов, находящихся в этой
и последующих залах. Во-первых, недостаточно о них читать: их надо видеть; а
во-вторых, мне, быть может, придется еще увидаться с оригиналами снимков,
помещенных в Новом музее. Скажу два слова о впечатлении. Случалось ли вам в
конце зимы, хворому, просидеть в душной комнате? Вы обжились в спертый
атмосфере, вас окурили уксусом, задушили лекарствами, и вам казалось под конец,
что в целом мире нет другого воздуха. И вот, в исходе мая, вам позволено в
первый раз выйти в расцветающий сад. Что вы чувствовали, вдыхая весенний воздух?
То же чувство испытывает современный человек, одаренный хотя малейшей
способностью понимать красоту, вступая в среду произведений греческого
искусства.

Посмотрите на эти группы, на эти отдельные лица! Какое движение и сила и, в то
же время, какое спокойствие! Ни один боец не ослабил, ни одно лицо, например,
у сражающихся эгинетов, не искажено усилием. Это, быть может, не совсем верно
законом природы, зато верно законом красоты. Ни одно изваяние не забывает, что
оно мрамор, каждый страстный образ помнит, что он прежде всего идеал.

– Мы с вами так опоздаем к обеду, – заметил мой товарищ.

Я взглянул на часы: половина четвертого.

– В самом деле, пора.

«Мы вышли – я мчался на борзом коне», то есть в извозчицкой коляске, и долго еще
белоснежные боги и герои стояли у меня перед глазами. 6 часов вечера. В театр
идти не стоит: летом лучшие артисты не играют. У меня и без того осталось
незавидное воспоминание о немецкой сцене. Теперь, быть может, дело поправится.
Но куда девать вечер в городе, где никого не знаешь? А к Кролю? Быть в Берлине –
и не видать Кроля! Разве это возможно? Мой любезный соотечественник не отказался
взглянуть и на эти диковинки. Мы снова сели в коляску и поехали за заставу, в
парк, хотя в большом размере, напоминает наши острова... ну, хоть
Каменный. Те же расчищенные дорожки и шоссе, те же сосны и ели, под которыми так
вычищено и выметено, что самое пламенное воображение не может признать леса в
этом рауте вышколенных деревьев. Скорее можно поверить искренней веселости этих
разряженных господ, попадающихся навстречу.

Извозчик остановился у ворот огромного здания. В кассе мы заплатили по
полтиннику и получили право наслаждаться всеми диковинами. Дом, или, пожалуй,
дворец, в который мы входим, был, как говорят, выстроен антрепренером Кролем,
которого заведение перешло по наследству к дочери. Теперь у обан

21

кротившихся Кролей его купила компания на акциях, и не будет удивительно, если
она разорится в свою очередь. Несмотря на тысячи посетителей, по полтинникам не
много наберешь; а чего стоит поддержка такого здания. Везде бронза, зеркала,
драпри. Множество зал. Главная и огромна и богата... не скажу: изящна. Золото,
малахит и опять золото, – всюду золото. По стенам великолепно отделанные ложи,
по паркету расставлены стулья, и в углублении одной из продольных стен – сцена.
Мы как раз попали на представление. Боже мой! опять то же самое. Можно
помириться с тем, что у актрисы нет ни малейшего таланта: это бы еще не беда; но
зачем она так безобразно причесалась, зачем так адски кривляется и приподымается
на цыпочки, находя, вероятно, что в мире нет ничего грациознее ее? Самая пьеса

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana усыпительна до раздражительности. При малом приеме опиума человек засыпает, при большом – приходит в неистовство. Мы не дослушали и вышли в сад. Сколько экзотических цветов по клумбам и вазам! А! да это мои подозрительные штеттинские тюльпаны и белладонны. Так и есть: они из жести, и из каждого цветка брызжет фонтанчик. Цветы сделаны прекрасно, даже вблизи можно их принять за настоящие; но как вам нравится самая мысль заставить из каждого цветка днем бить фонтанчик, а вечером – струю горящего газа? Не желая быть опрометчивым в суждении, я задал себе вопрос: отчего не заставить бить фонтаны из салогов? Если добиваться одной новизны, то этого, кажется, тоже еще не было. Сад обнесен высокою стеною, и не заплативший за вход не может наслаждаться бесплатно. Под навесом липовых аллей расставлены столы для охотников поесть и попить на открытом воздухе. Мы спросили шипучего лимонаду – и тут не посчастливилось: подали какого-то кисловатого меду с имбирем. Между гуляющими много гвардейских офицеров. В стороне устроен тир из пружинного карабина, стреляющего стальною шпилькою с шелковой или волосяной кисточкой, сообщающей верность полету. Конечно, это игрушка; но я любовался ловкости, с которой два офицера выстрелили на пари по пятнадцати раз, и из тридцати выстрелов гипсовая цель была разбита двадцать восемь раз.

– Как бы я желал видеть ученье прусской кавалерии! – сказал я своему спутнику.

– Дело, кажется, нетрудное: обратитесь к любому кавалерийскому офицеру – он вам скажет, когда и где можете видеть их ученье. Я так и сделал. Молодой кирасирский штаб-офицер, к которому я обратился, сказал мне, что если я завтра выеду за Галльскую заставу (Hallische-Thor), то увижу гвардейских кирасир.

22

– Но, – прибавил он, – теперь только домашние, эскадронные ученья.

– Они-то меня более всего интересуют.

– В таком случае выезжайте между восемью и девятью часами утра. Вы где остановитесь?

Я назвал гостиницу.

– В пятидесяти шагах от вас берейторский манеж. Там можете получить лошадь.

Я поклонился и ушел. Зазвонили ко второму акту комедии. Публика отправилась досматривать пьесу, а нам, кажется, смотреть более нечего.

– Не пора ли домой?

Это восклицание услышали русские, приехавшие с нами на пароходе.

– Как это можно, с этих пор домой! Мы прочли в афише, что сегодня публичный бал Гоф-Егер: так мы туда. Не хотите ли?

– Пожалуй!

Опять коляска покатила по аллеям совершенно стемневшего парка. Ехали, ехали; наконец и Гоф-Егер налицо. Ну, это другое дело. Сад пуст и темен. Большая полинявшая зала тоже скудно освещена. На стене, противу входа, поблекший театральный занавес.

– Что, и тут театр?

– Нет, это прежде играли, а теперь давно уже не играют.

– Да где же публика, дамы?

– Еще будут, а, может быть, и не будут.

Стеклянный коридор, в котором накрыты столы для ужина, не менее мрачного вида. В зале, у дверей, стоит какой-то господин лет под сорок, великолепно расчесанный, в белом галстухе и таких же лайковых перчатках. Правая нога отставлена небрежно, и у него вообще предприимчивая осанка. Музыканты, взобравшись на авансцену, уселись спиною к занавесу и заиграли польку. Из сада вошли три дамы и сели на диван. Предприимчивый господин подошел к одной из них, сделал с нею круг польки, раскланялся и подошел к другой, проплясал с этою и подошел к третьей. Вошли три-четыре человека мужчин и еще две-три дамы. Предприимчивый опять за свое. Наша молодежь уже завязала с дамами разговор. Подошел и я.

– Скажите, пожалуйста, кто этот господин в белом галстухе?

– Танц-директор.

– Что ж он один все танцует, точно по найму?

– Как же, он за это жалованье получает.

23

– А, а! Однако пора домой; не то завтра проспий ученье. Поутру в восьмом часу я уже напился кофею, а в восемь мне привели лошадь. На взгляд еще туда-сюда.

– А каково она ходит? – спросил я у рейткнехта.

– Да она участвовала в кадрили! – был ответ.

Когда и где, я не расспрашивал. Ехать пришлось по мостовой, версты полторы или

две. Оказалось, что лошадь моя, если и участвовала в кадрили, то, должно быть, очень давно. Но делать нечего – и на том спасибо. Вдали за заставой показались два эскадрона гвардейских кирасир и эскадрон драгун. Они учились порознь на значительном друг от друга расстоянии. Не желая опоздать, я пустился рысью к ближайшему кирасирскому эскадрону, и первый встретившийся мне офицер был майор, который накануне так любезно пригласил меня. Не находясь во фронте, он мог снова отвечать на мои расспросы. На этот раз полковой командир сам учил эскадрон.

– Что получает у вас кавалерийская лошадь? – спросил я майора.
– Три кружки (3 Motzen) овса, пять фунтов сена и пять фунтов соломы в день.

Майор уже спросил мою фамилию и сказал, что не раз бывал в Петербурге. Поэтому я спросил, как велика кружка в сравнении с нашим гарнцем.

– Гораздо меньше.

– Так ваши лошади получают корму вдвое меньше против наших?

– Да.

– Зато подъемным отпускается особая дача?

– Нет, и подъемные должны продовольствоваться из того же количества.

– У нас этому не поверят. Однако ваша лошадь в прекрасном теле.

– Да; но она и корму получает вдвое против казенных.

– Славная лошадь! Что здесь стоит такой конь?

– На ваши деньги, с лишком две тысячи рублей серебром.

– Лошадь прекрасная, но, по нашим ценам, дорого.

– Здесь дешевле не купить. У меня семь верховых, а мало таких, которые обошлись бы дешевле.

– А как у вас производство?

– Туго.

– Но, судя по вашим летам и чину, этого предполагать нельзя.

– Да, но я обошел многих товарищей.

В это время скомандовали; «к церемониальному маршу, в карьер». Майор должен был ехать на фланге, и я за ним. Как

24

ни жаль мне было принуждать своего почтенного кадрилиста, но делать было нечего: ему пришлось проскакать порядочный конец по рыхлому полю.

С фланга мне все было видно. Ученье кончилось, и эскадрон пошел в казарму.

Драгуны тоже потянулись с плаца. Их мундиры напоминают наших жандармов.

– Не хотите ли ближе взглянуть на драгун? У них хороший сорт лошадей, – сказал майор, обращаясь ко мне.

Надо было проститься.

– Позвольте, – сказал я, – и мне, в свою очередь, узнать, кого я должен благодарить за обязательное внимание?

– Принц Мекленбургский.

– В таком случае, ваше высочество, меня не удивляет число верховых лошадей, которое едва ли найдется у другого офицера.

Его высочество слегка улыбнулся. Я откланялся и поехал в гостиницу. На этот раз мой вороной, почуяв манеж и конюшню, не требовал особого понуждения. Пора в Дрезден. Славная вещь – сеть железных дорог! Куда ни задумай – близко. Лет через пять, Бог даст, и у нас из Петербурга будет в Одессу ближе, чем из Пскова в Новгород или из Воронежа в Тамбов. Чем долее смотришь на панораму, бегущую за стеклом вагона, тем более удивляешься благоустройству Пруссии. В глазах рябит от маленьких городов, мелькающих по обеим сторонам дороги. Вспомните, тут всё живут люди, из которых немногие обрабатывают землю, а все едят хлеб, – и между тем посмотрите, какая неблагодарная почва. Хлеба плохи, особливо рожь. Да на чем ей и расти-то? Песок, глина, хрящ. Самое количество и величина засеянных полей ничтожны в сравнении с тем, что глаз привык видеть в средней и южной России, где, куда ни взглянешь, море волнующихся посевов, и так и хочется затянуть кольцовскую:

Пе шуми ты, рожь, спелым колосом,

Ты не пой, косарь, про широку степь...

Здесь даже смотреть жалко. Земля обработана, как огород, а рожь растет, как падалица. Каким же образом все огромное народонаселение продовольствуется

произведениями этой скудной почвы? – мало того: Пруссия ежегодно отпускает в Англию значительное количество хлеба; все одеты прилично, по состоянию.

Встретишь извозчика или поселянина – лошадь, воз, сбруя, – все в порядке; босых почти нет, и ни одного нищего. Местами старые сосновые и еловые леса напоминают наши северные губернии; а глядя на обширные полосы молодого сеяного леса, я невольно спрашивал сидящих в вагоне пруссаков: много

25

ли дичи по кустарникам, которые, по-видимому, лучший приют для тетеревей и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana куропаток?

- Мало.
- А зайцев много?
- Есть, но тоже мало.

Не выглядывая вдаль из-за тополей эти белые строения с остроконечными кровлями, подумал бы, что подъезжаешь с севера России к средним губерниям. Справа и слева белые полосы цветущей гречихи, как разостланные полотна, упираясь в самую дорогу, напоминают родину. Местность ровная, и сходство тем поразительней, что и здесь гречиха сеется по большей части клоками. Время от времени поезд прогремит по мостику, перекинутому через небольшой ручей, который, сверкнув двумя-тремя излучинами, прячется за прибрежный тростник и быстро убегает из квадрата окна. Однако, несмотря на внешнее сходство местности, климат берет свое. Сено почти свезли, рожь поспела и в иных местах скошена. По мере приближения к Саксонии пшеница становится желтее и желтее, а сегодня только 28 июня (10 июля). Курьерские поезда на железных дорогах идут, как наш пассажирский, тридцать пять верст в час; но обыкновенный – не более двадцати осьми. Это тем более неприятно, что, желая наверстать потерянное время, на станциях останавливаются на самый короткий срок: полторы, две, три минуты. Если хотите закусить, то, сообразив заранее, сколько порций намерены взять, приготовьте деньги, рассчитывая за каждую по два с половиною гроша (семь с половиною копеек). Все порции приготовлены в эту цену, все равно, чего ни спросите: тартинку, рюмку ликера, чашку кофе, стакан лимонада, тарелку вишен или земляники, – все равно – два с половиною гроша. Зато на станциях, где сходятся рельсы различных дорог и пассажиров пересаживают из одних карет в другие, поезда, во избежание столкновений, должны дожидаться один другого. Так, на станции Риза, в Саксонии, пришлось нам сидеть почти три четверти часа. Чем более поезд углубляется в Саксонию, тем цветущее становится природа и пышнее созревшая жатва. Вот наконец вправо и влево горы, покрытые виноградником, окружающие Дрезден. Богатые деревни, тянущиеся по соседним долинам, можно, пожалуй, принять за города. Вино из местного винограда плохо, но здесь многие фабрики выделывают шампанское, которое, будто бы, трудно отличить от французского. Я его не пил – не знаю, а может быть и пил – и тоже не знаю. Поезд остановился – мы в Дрездене.

- В какую гостиницу прикажете? – спросил извозчик, захлопывая дверцы коляски.

26

Я хотел было отвечать: «в какую хочешь, только порядочную», но вспомня, что мне рекомендовали Hotel de Berlin, спросил:

- Далеко ли это?
- Да по другую сторону Эльбы, от моста недалеко.
- Ступай.

Городом пришлось проехать довольно долго. Хотя собственно Дрезденом восхищаться нечего, как это делают немцы, но он все-таки один из лучших представителей старых немецких городов. Дома очень высоки: у некоторых я насчитал до семи этажей. Поговорите-ка с саксонцем: он вам докажет, что мост на Эльбе чудо искусства, – а мост не больше и не лучше московского Каменного, которым никто не думает восхищаться. В гостиницу я приехал, по-здешнему, довольно поздно, то есть часу в шестом пополудни. Театра сегодня нет, читать и на железной дороге надоело, смотреть замечательные предметы поздно.

- Вот, – сказал дрезденский житель, – если бы вы послушали нашу знаменитую певицу г-жу Бюрде-Ней, но ее теперь нет в городе. Прошлую зиму она производила фурор в Лондоне.

- Она завтра поет в моцартовом «Похищении из Сералия», – заметил услужливый обер-кельнер.

Саксонец с жаром опровергал справедливость такого показания и ушел в полном убеждении, что Бюрде-Ней за тридевять земель услаждает слушателей. Я велел на всякий случай принести афишу и билет на завтрашнее представление. У входа в столовую, между сотнями объявлений, большими красными буквами напечатано: «Циклорама путешествия по Калифорнии, до золотых приисков», и вслед за тем на огромном листе расписано, какие профессора живописи трудились над картиной в несколько десятков саженей и кто да кто удостоил признать ее образцовой. Что ж! отчего не посмотреть на циклораму, особенно когда ничего другого сегодня видеть нельзя, да и завтра будет трудно, по случаю воскресенья?

Мне указали гостиницу, в которой показывают циклораму. Вхожу. В зале так темно, что сначала решительно нельзя различить окружающих предметов. Но мало-помалу глаз привыкает. А! да тут есть и зрители! Перед занавесом с одной стороны стол и стул, с другой – рояль. Стало быть, мы поедем по Калифорнии с музыкой. Так и есть. Господин в черном фраке заиграл увертюру, и вслед за тем из-за кулис вышел француз и сел за стол. Увертюра кончена, француз застучал палочкой, занавес

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana поднялся. «Я буду иметь честь, мм. гг., сопровождать вас по пути к золотым приискам. Вы видите, караван скоро тронется в дорогу и

27

конный индеец, как это всегда бывает в подобном случае, готов в проводники. Вместе с углублением нашим в страну, все предметы, встречающиеся нам на пути, примут ретроградное движение; но явление будет то же самое, как если бы почтенная публика, сидя в вагоне железной дороги, обгоняла тише движущийся караван. Теперь мы отправляемся». Француз отвесил поклон, стукнул палочкой, и мы поехали в мнимом вагоне. Несмотря на великолепное объявление, не скажу чтобы профессора, писавшие циклограмму, превзошли своим искусством мои ожидания, хотя иные места бесконечной картины сделаны недурно, – например, ночной пожар в степи. Индейцы, хитрые на выдумки, особенно где дело касается того, чтобы ограбить европейцев, поджигают по ветру сухую траву против места, на котором в известное время будет находиться караван. Вы видите, яркая стена пламени широко охватила ночной горизонт, и красные языки его, извиваясь, как исполинские змеи, все ближе и ближе подползают к несчастным путникам. В караване ужас и смятение. Индейцам только того и нужно: они ограбят путешественников, а сами уйдут по знакомым лишь им одним ущельям, куда пламя не проникает, не находя себе пищи на голых уступах. Не знаю, до какой степени верна природе циклограмма, но эти безводные степи, перевалы и овраги, поросшие леском, засевающим у небольшого ручья или стремительной речки, которую волю, запряженные в фуры, должны переходить чуть не вплавь, напоминают новороссийскую природу. Занавес уже два раза опускали, а конца все еще нет. Француз за столиком и немец за фортепьяно не щадили себя, стараясь друг перед другом овладеть нашим воображением, один – посредством красноречивых объяснений предметов, другой – соответственной музыкой. Но – увы! – это попури как-то плохо действовало, вылетая из старого расстроенного рояля. Нет, не доеду до приисков, а уйду в свою гостиницу. По небольшому народонаселению (не более 90000), Дрезден довольно оживлен.

Щегольские экипажи и извозчики коляски то и дело снуют через Новый рынок (Neumarkt). Гуляющим беспрестанно перерезают дорогу подмастерья, перевозящие на разнокалиберных тачках и тележках хозяйские материалы. Нельзя не задать себе вопроса: зачем и здесь, как в Берлине, припрягают в тележки собак? Там, по крайней мере, собаки огромного роста, обещающего силу, а за тем и помощь человеку. Но какую помощь могут оказать эти собачонки? И как с ними порой обходятся! Вот широкоплечий белокурый парень захотел бросить тележку у тротуара и зайти в полпивную. Несчастливая собака не поняла его движения и, собравшись с силами, оттащила порожнюю тележку на два шага от порога. Парень зашел спереди

28

и ударом каблука в голову остановил ее рвение. Посмотрите, с каким пристыженным видом она облизывается. Ей, очевидно, не столько больно, сколько стыдно своей недогадливости. Бедняжка убеждена, что в целом мире собаки ходят в дышле исправнее ее. Не знаю, справедлива ли пословица: «немцы обезьяну выдумали», но не подлежит сомнению, что они собаку если не съели, то, по крайней мере, невероятно вышколили. Обратите внимание на маневры этой большой, мохнатой собаки, подгоняющей двух телок, которых мясник ведет на веревке. Телята, чуя недоброе, упираются и мычат. Без собаки немец не довел бы их куда следует; но она безостановочно маячится у самых задних ног упрямец, заметя возрастающее сопротивление, лает и толкает носом непокорного. Такое самоотвержение, конечно, не проходит даром. Телята, подвигаясь вперед, лягают беспрепятственно и так ловко, что голова собаки звучит под ударами, как пустое лукошко. Руководясь одним инстинктом, собака отомстила бы за нестерпимую боль, но она понимает, что нельзя кусать теленка, предназначенного на жаркое и что всякое занятие имеет свои невыгодные стороны... Чудный вечер! Тепло и легко дышать. Городской шум мало-помалу утихает, извозчики уезжают на квартиры, и носильщики (портшезы) предлагают свои услуги. В ночное и дождливое время портшез – обыкновенный экипаж дрезденских дам, возвращающихся с бала, если нет собственного. Темнеет, и газовые фонари вспыхивают один за другим. Пора спать. С вечера меня уверяли, будто в воскресенье нельзя ничего видеть, но, не теряя надежды, я часов в десять утра пошел попытать счастья. Картинная галерея недавно перенесена из прежнего помещения в новое, собственно для нее возведенное здание, заложенное по плану Семпера в 1847 году и находившееся с 1849 года под ведением Генеля и Крюгера. По этой причине я долго не мог добиться, где она. Наконец у входа швейцар объявил, что с одиннадцати часов можно видеть галерею, а до тех пор предлагал мне осмотреть собрание драгоценностей, известное под названием «Зеленых сводов» (Grüne Gewölbe). Делать нечего, отправляюсь в двор королевского дворца и в правом углу нахожу запертую дверь «Зеленых сводов». Но тут вот какое обстоятельство: надобно дожидаться вожатого – толкователя и в то же время надсмотрщика за посетителями, которых число не может превышать пяти. Обход зал

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana совершается обыкновенно в час времени, за что проводнику платится два талера, – следовательно, копеек по тридцати пяти с каждого посетителя, – и вы можете быть уверены, здешние любопытные не пойдут до тех пор, пока выход предшествовавших не совпадет с установленным наибольшим числом новых. Если партия не условлена

29

заранее, ждать приходится долго. Ничего – ждут. На этот раз на скамье у входа я застал француза с женой.

– Скоро ли выйдут посетители? – спросил я.

– Должно быть скоро: давно пошли.

– В таком случае пойдемте сейчас с первым проводником.

– Как же мы пойдем? Нас всего трое – надо подождать еще двоих.

– А стоит ли смотреть «Зеленый свод»?

– О! *c'est bien beau!** тут большое собрание богатств.

Положим; но подобные собрания, если не представляют замечательных памятников искусства, мертвый капитал – не более.

– Не говорите этого. Всякая достопримечательность – самый живой капитал не только для города, но и для всего края. Путешественник заранее говорит себе: «в таком-то городе нужно видеть то-то и то-то», а вследствие беспрестанного движения город цветет.

Француз прав. Без сомнения, в Дрездене не было бы и одной трети приезжих, не будь в нем, например, Картинной галереи.

Во время нашей болтовни железная дверь отворилась, и по лестнице сошли пять человек.

– Можно идти? – спросил я проводника.

– Можно.

– Пойдемте, – обратился я снова к французам.

– Нет, мы обождем французского проводника.

Я поклонился и пошел один. Не знаю, почему пять или шесть зал со сводами названы «Зелеными»? Я ничего зеленого не видал. Кругом по стенам стеклянные шкапы, наполненные разною средневековою утварью, золотыми, серебряными, бронзовыми и эмалевыми вещами. Если вещь незатейлива и изяжна, будьте уверены, она принадлежит к XV или XVI веку. Чем к более близкой эпохе она относится, тем менее в ней характера и вкуса, несмотря на то, что на иные произведения позднейшего времени употреблены годы невероятного труда. Замечательнее прочих древностей две вазы, которые считаются работой Бенвенуто Челлини, да комната коронных драгоценностей саксонских монархов. Алмазные цепи, серьги, венцы, запонки, пуговицы, по величине, чистой воде и ровному подбору камней, невольно останавливают внимание зрителя. Я не ошибся, предполагая увидеть много редкого по цене, а не по художественному достоинству. Французы все еще сидят у входа. Я поклонился и побежал в Картинную галерею. Обширное здание в три этажа. В нижнем – снимки со скульптурных произведений, второй и

* О! это очень красиво! (франц.).

30

третий заняты картинами. Большая и высокая ротонда под стеклянным куполом, с рафаэлевскими и нидерландскими коврами по стенам, разделяет галерею на две равные части. Куда из нее ни сойдете по ступенькам, на восточную или на западную половину, перед вами анфилада из трех громадных зал, с тою разницею, что с одной стороны вас встречают произведения испанцев, неаполитанцев, нидерландцев и немцев, а с другой – итальянские школы. Кроме этих шести, а с ротондою семи главных зал, освещенных сверху, в каждом конце здания по три залы, уступающие первым по величине, – и затем, с одной стороны фасада, длинный ряд комнат, в которые свет падает сбоку. Этих комнат счетом двадцать одна, и все они служат как бы дополнением школ, представители которых помещены в главных залах здания. В третьем этаже ряд таких же комнат, и все, можно сказать, переполнено картинами. Как ни ухитрялись достигнуть самого выгодного освещения и как саксонцы ни гордятся результатом своих усилий, говоря по справедливости, все-таки многие прелестнейшие картины первоклассных мастеров отсвечивают и блещут так, что даже досадно смотреть. Описывать Дрезденскую галерею не буду. Ее надо изучать, а изучив – мало написать несколько томов. Я буду говорить о моем впечатлении и о картинах, заставивших меня останавливаться не как художника или дилетанта, а как простого зрителя, каких здесь перебивают тысячи. Но, возвращаясь воспоминанием к виденному, чувствую, что не могу исполнить и этого. Как описать «Царство Флоры» (Пуссена), «Quos ego», то есть Нептуна, укрощающего бурю (Рубенса), или его же «Императора Карла V», венчаемого победой и попирающего одной ногой силена, в то время как Венера и Амур плачут в стороне? Можно ли описывать нежное и сочное, как румяный плод, тело вандиковой «Данаи», к которой Юпитер спускается на ложе золотым дождем, или Рембрандтов «Пир Эсфири у Агасвера», или его самого с бокалом в руке и женою, сидящей у него на коленях;

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana «Святую Магдалину» (famosissima Maddalena) Аллегри-Корреджио (Antonio) или (его же) всему свету известное «Поклонение пастырей» (Корреджиева ночь)? Все это так разнообразно по содержанию, по мысли и исполнению, что слова могут только затмить впечатление, производимое одними именами этих произведений. К таким творениям гения можно вполне отнести стих Гюго:

Hélas! je t'aime tant qu'& ton nom seul je pleure*.

Какая страшная сила, какая гениальная правда! Посмотрите на рембрандтовского «Ганимеда», уносимого орлом. Вам,

* Увы! я так люблю тебя, что плачу от одного твоего имени (франц.).

31

может быть, и в голову бы не пришло искать в картине Рембрандта воспроизведения известного греческого мифа: так далеко художник отошел концепцией от образа, возникающего перед нами при мысли о похищении Ганимеда. Но эту неверность мифу он заставляет забыть изумительной верностью природе и творческой правде. Перед вами не юноша, пленивший Юпитера, и которого самому большому орлу едва ли поднять на небо, а трех-четырёхлетний ребенок, висящий в воздухе. Огромный и умный слуга Зевеса схватил игравшее дитя за спинку рубашки и мощно подымает к небу свою ношу. Между тем страшные когти, которыми орел поддерживает малютку, и глаз хищной птицы несколько вас не успокаивают. Быть может, орел уносит мальчика на заоблачное гнездо в пищу детям, чему бывали примеры. Ребенок очевидно только что лакомился. Пучок спелых ягод замер у него в правой ручонке. Всмотритесь в его фигуру, в кислое и то же время вопросительное выражение лица и замершие руки. Он уже плачет, но сейчас заревет. Больше правды ни одно искусство сказать не может. Вы до малейшего оттенка видите все душевные и телесные ощущения мальчика. Рубашка, на которой он висит, режет ему под мышками и связала руки. Он еще молод и не понимает, что с ним делается и где он. Но ему больно и страшно в высоте, – страшно от присутствия хищной птицы, которая так нецеремонно с ним обходится. Если на лице его нет и тени отчаяния, требующего сознания, зато, вы видите, ребенок и капризничает, и страдает, и удивлен и запуган. Последнее чувство до того преобладает в бедном малютке, что заставляет его делать то же самое, чем прославилась известная корова Поля Поттера (в нашем Эрмитаже). А вот одно из самых капитальных сокровищ Дрезденской галереи: гольбейнова «Мадонна». Ганс Гольбейн младший, родившийся в Аугсбурге, а по мнению других – в Базеле, в 1489, и умерший в Лондоне в 1554, написал эту картину для базельского бургомистра Иакова Мейера, представив его с семейством под покровом Пресвятой Девы. Это в настоящее время не подлежит сомнению; но справедливо ли предание, по которому на картине Пречистая держит на руках большое дитя Мейера, не решено. Более двухсот лет мастерское произведение, доставшееся наследникам Мейера, переходило из рук в руки, пока в 1743 г. не было куплено в Венеции для Дрездена известным графом Альгаротти, просвещенным любимцем Августа Саксонского и Фридриха Великого. Здесь религиозный и местный характер выражается на картине не только в одеждах и какой-то эпической неподвижности, но и в разъединении полов. Как во храме, по правую руку Божией Матери – Иаков Мейер преклоняет колени с двумя сыновьями, а по левую, разное

32

с мужчинами, его жена Анна Шекенторлин с матерью и дочерью. Такие затруднительные условия гений художника умел превратить во всемогущие средства, которыми он передает свою благоговейную душу. Из залы гольбейновой «Мадонны» выходишь с душой, затихнувшей до дна, преисполняешься тем невозмутимо сладостным чувством, которым веет от мейерова семейства, преклоненного перед Царицей Небес. Долго еще ходил я из залы в залу, из комнаты в комнату. Самые разнообразнейшие впечатления сменялись одно другим, от усилия зрения в глазах стало горько, а напряженное внимание истощилось до того, что я стал бродить полубессознательно, как сомнамбул. Вдруг внезапная мысль озарила меня, и, подняв голову, я обратился к какому-то седому старичку с просьбой показать мне залу Сикстинской Мадонны, – под влиянием Мурильо, Рубенса, Корреджио, Рембрандта, Гольбейна и других, я совершенно забыл о «Мадонне» Рафаэля.

– Направо, угольная комната, первая дверь, – отвечал старичок.

Помню, я перешагнул заветный порог без всякого волнения. В угольной комнате «Сикстинская Мадонна» помещена одна, так же, как и гольбейнова, на противоположном конце галереи. Единственное окно прекрасно освещает огромную картину, против которой стоят диванчики для зрителей, чего я не заметил в зале «Мадонны» Гольбейна. Меня поразила необыкновенная тишина, царствовавшая в комнате, в которой находилось до пятнадцати человек посетителей. Не подымая головы, я прошел до места, откуда хорошо мог видеть картину. Подняв глаза, я уже ни на минуту не мог оторвать их от небесного видения. Сколько каждый из нас видел копий, гравюр, литографий с гениальнейшего творения Рафаэля! но все они не только не напоминают, а, напротив, грубо искажают бессмертное произведение.

Этого человек не в силах повторять. Как благословлял я в душе короля саксонского за то, что он запретил снимать дагерротипы с этой картины и только известнейшим художникам лично разрешает писать с нее копии. Картина удивительно сохранена и свежа. В настоящее время она за стеклом, которое, однако ж, не мешает наслаждению, – напротив, возвышает его мыслию, что еще через сотни лет она будет неиссякаемым источником восторга. Прежде, как говорят, картина постоянно была обставлена мольбертами пачкунов, которые, искажая на своих холстах видение Рафаэля, только мешали тихому созерцанию посетителей. О! как я радуюсь, что я не знаток живописи, не дилетант: может быть, впечатление мое не было бы так полно и сладко. Когда я смотрел на эти небесные, воздушные черты, мне ни на мгновение не при

33

ходила мысль о живописи или искусстве; с сердечным трепетом, с невозмутимым блаженством я веровал, что Бог сподобил меня быть соучастником видения Рафаэля. Я лицом к лицу видел тайну, которой не постигал, не постигаю и, к величайшему счастью, никогда не постигну. Пусть эта святая тайна вечно сияет, если не перед моими глазами, по крайней мере, в моем воспоминании... В растворенном окне, под раздвинутыми зелеными занавесками, на облаке появилась Пречистая с Божественным Младенцем на руках. С правой Ее стороны, на коленях перед Ней, св. Сикст, с левой – великомученица Варвара. Два младенца-ангела, опершись на подоконник, ищут глазами своих владык. Разве это картина? разве это сочинено? Оторвите хотя на миг ваш взор от Пречистой и взгляните на двух младенцев-ангелов: они не только чистые служители Божества, но и блаженные Его созерцатели. Вся воздушная фигура Мадонны, дыша, плавно парит к вам навстречу. Вы это видите собственными глазами. В глубине небесной лазури мало-помалу возникают светлые лики миллионов ангелов, окружающих Божество. Но, взглянув раз на лики Пречистой и Божественного Младенца, вы не будете и не можете глядеть ни на что. Такого ясного, лучезарного чела, таких глаз не может быть у человека. Самая нежная, самая святая мать не может так глядеть на вас. Спаситель на руках Матери – совершенный младенец от одного до двух лет: в этом убеждают Его лик и детские члены; но никакой гений не может сиять тем лучезарным светом, каким светится каждая его черта, Точно так же светятся чело и глаза Богоматери; но свет их мягче, хотя не менее осязателен для зрения. Над божественными ликами никакого ореола, а между тем небесная красота их светится и проникает своими дрожащими лучами до глубины души. Нет, тысячу раз нет! это не картина. Я просидел перед образом Мадонны di San Sisto* два часа и понял, почему по улицам народ толпою следовал за Рафаэлем. Из галереи я вынес неподдельный восторг и счастье, которого уже не утрачу в жизни. После этого, разумеется, мне не хотелось смотреть на другие картины и было жаль смутить чем бы то ни было торжественное настроение души; но в ротонде рафаэлевских ковров какая-то барыня заставила меня невольно улыбнуться наивностию своего восклицания. Она вела за руку мальчика лет шести и в ту минуту, когда я проходил шагах в двух мимо нее, громко сказала ему;

– Хорошенько смотри, сын мой: это тебе на всю жизнь.

В голосе слышалось выражение душевного убеждения матери, желающей пользы своему ребенку.

* св. Сикста (ит.).

34

Возвращаясь в гостиницу, я наткнулся, как нарочно, на смену саксонского караула. В Германии вокруг музыкантов всегда толпа. В отношении ловкости надобно отдать справедливость саксонским солдатам, и в особенности офицерам. Последние преимущественно из специальных школ, и у них чрезвычайно порядочный вид. Что касается до солдат, то по одиночке и как люди они красивы и ловки, а в массе – нет воинственной осанки. Впрочем, и немудрено, если взять в соображение краткость времени, проводимого ими в строю. Наравне с другими, музыканты пользуются правом кратковременной службы; но правительство лучшим из них предлагает хорошее жалованье, так что они находят расчет добровольно оставаться при полку и нередко седьми усами и бакенбардами отбивают от молодых однополчан. У саксонской пехоты, как у нашей кавалерии, инструменты все без исключения медные; а как с Саксонии начинается полоса Германии, где всякий простолюдин врожденный музыкант, то нельзя без удовольствия слушать их полковой музыки: так стройно и мягко это у них выходит. На афише я прочел имя госпожи Бюрде-Ней; начало в шесть часов. Пробыло половину пятого, когда я встал из-за стола и от нечего делать пошел на террасу, возвышающуюся по левому берегу Эльбы. Вид с террасы очень хорош. Вправо и влево по обеим сторонам реки тянутся горы. То, что синее вправо из-за ближайших гор, покрытых виноградником, саксонская Швейцария. Внизу у ног ваших течет Эльба. Не представляйте себе какой-нибудь великопепной реки. В Дрездене Эльба едва ли поспорит обилием воды с Москвою-ре-кою. Те же плоскородные барки, только окрашенные по большей части охрой. Вот уже третья,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
медленно пробравшись под аркой каменного моста, еще медленнее подняла спущенную
мачту и, расправив парус, тихо пошла вслед другим, против течения. Слава Богу,
шесть часов, и я получу понятие о Дрезденском театре, которого здание, несмотря
на странную архитектуру, снаружи довольно казисто. С террасы до театра недалеко.
Зайдешь за собор – тут и есть. Зала, как оказалось, и мала, и плохо освещена, и
еще хуже расписана. Оперу Моцарта «Похищение из Сераля» дают довольно редко,
хотя она очень хороша. Тенор, похититель прекрасной султанши, пел с чувством, но
без голоса; высокие ноты он доделывал руками. Зато султанша, г-жа Бюрде-Ней,
составляет в этом отношении прямую противоположность. У нее сильный и чистый
голос, но невыносимые гримасы при руладах и отсутствие даже тени чувства. Ее
единственная задача – доказать вам, что в вашем горле не поместятся вся эта
дробь и крючковатые возгласы и что если она этими пилюлями только что не
подавилась, так единственную потому, что она

35

Бюрде-Ней. Дополняя портрет, вообразите пожилую, безобразную, растолстевшую,
задышающуюся от шнуровки женщину, одетую с поразительным безвкусием. Не будь
опера сочинения Моцарта и представься малейшая возможность продраться к выходу
из немецкого партера, я ушел бы домой.

Часто слышишь у нас жалобы на недостаток общественной жизни. Спорить против ее
удобства и пользы напрасно; а тем не менее она приносит множество условий
обременительных, к которым русский человек не привык. Поезд железной дороги,
пароход, дилижанс, table d'hote* не будут вас дожидаться; надо самому
позаботиться и всюду поспать и ничего не потерять. Последнюю задачу я разрешаю
так дурно, что везде что-нибудь забуду: в одном месте платок, в другом книгу, в
третьем сигары и т. д. Желая попасть обыденкой в Карлсбад, я принужден был
встать в четыре часа утра и отправиться на железную дорогу в пять. Из Дрездена
до Хемница по железной дороге пять часов езды, да из Хемница дилижанс, отходя в
четыре часа после обеда, идет до Карлсбада часов семь. Следовательно, в
двенадцать часов ночи я буду в Карлсбаде, отдохну, и следующий день у меня в
полном распоряжении. В Хемнице с некоторых пор завелась такая фабричная
деятельность и столько получается заказов из Пруссии и других частей Германии,
что он со временем обещает заслужить имя саксонского Манчестера. Теперь в
Германии уже не то, что было прежде. Бывало, посмотрят ваш паспорт на границе
Таможенного союза, и вы во все время путешествия можете не доставать его из
чемодана. Теперь другое дело: куда ни приезжайте, в каком трактире ни
остановитесь, второе слово, которым вас встретит хозяин: «пожалуйста паспорт». В
Хемнице со мной случилось то же самое.

– Сейчас, – отвечал я, преспокойно раскрывая дорожную сумку.
Паспорта в ней не оказалось. Я в карманы – и там нет. Выбрасываю до безделицы
все вещи из чемодана – нет, нет и нет. Что тут делать? Где взять паспорт? Писать
ли в Россию, или ехать назад в Дрезден просить консула о новом виде?

– Не забыли ли вы паспорта в Дрездене, в гостинице? – отозвался немец,
заметивший, как мне досадна моя неудача. – Съездите на железную дорогу и
спросите по телеграфу.

Я послушал доброго совета и, запросив в дрезденской гостинице о паспорте,
возвратился к обеденному столу и велел с досады подать бутылку montebello. Не
успел я отпить и половины, как явился посланный с телеграфической депешей и
известием,

* общий стол, табльдот (франц.).

36

что паспорт мой приедет с вечерним поездом. Пришлось ночевать в Хемнице, но
обрадованный возвратившимся паспортом, я не стал уже роптать в этот вечер на
скуку.

В шесть часов утра дилижанс тронулся в Карлсбад. За Хемницей начинаются первые
уступы Рудных гор. Чем далее движется медленный дилижанс, тем круче подымается
шоссе и выше с обеих сторон отвесные скалы, у подошвы которых проезжаешь.
Буковые леса заменяются сосновыми, с северными березами по опушкам; еще выше
ельник и кустарник и наконец мшистые растения, окружающие тощий можжевельник.
Зелень из сочной темно-зеленой постепенно переходит в желто-бурый цвет, и
окрестные горы начинают плавать в глубоком тумане. Русский, даже сочувствующий
красотам природы, едва ли с чужих слов угадает и воссоздаст впечатления,
возбуждаемые страной гористой: в европейской России, за исключением Крыма и
Финляндии, нет гор. Не хочу этим сказать, чтобы картины наших безбрежных степей
были лишены своей прелести. В природе нет ничего резкого. Кто ее любит, должен
привыкнуть всматриваться в ее стыдливую, застенчивую красоту. Напрасно станет
просить неподдельного восторга у горной природы человек, равнодушно проезжающий
вечером по серой степной дороге, между созревающей пшеницы или трехаршинной ржи,
и которому не легче, не свободней дышать, глядя на широкую темно-зеленую массу,

по которой задорный перепел то побежит, раскачивая былинки, то вдруг, превратясь в осторожность и внимание, замрет, вытянув любопытную головку. Вот почему меня так бесят неуместные восторги тупых спутников, с одной стороны, и вот почему я вполне убежден, с другой, что русские художники со временем растолкуют всему свету красоту родного ландшафта, точно так же, как голландцы растолковали особенную прелесть своего.

На австрийской таможене слишком долго нас не задержали. Главный камень преткновения – табак. Или запаситесь иностранным табаком и заплатите огромную пошлину, или обреките себя на австрийские сигары, которых курить невозможно без головокружения и дурноты. Со мною был небольшой запас: надолго ли хватит? Опять в гору да в гору.

Не успел дилижанс перевалиться за саксонскую границу, нищие, как по мановению волшебного жезла, обступили его со всех сторон. Чем выше поднимаешься, тем посеветы скудней и зеленей, то есть менее созрели. На иных высотах пшеница только выколашивается, тогда как в Саксонии ее на днях будут жать. Сено хорошего качества изобильно, а рогатый скот тирольской породы крупен и красив. Самое название Рудных гор говорит о

37

разработке металлов. В прежнее время прииски были богаче; но до сих пор добывают много серебра, более же всего, и во многих местах Богемии, находят каменного угля. Вот причина, по которой все горы покрыты лесами, несмотря на множество фабрик, находящихся в стране и потребляющих огромное количество топлива. В полдень дилижанс встал на самую возвышенную точку Рудных гор – Зонненвирбель (Sonnenwirbel). Мы с товарищем вышли из кареты и пошли пешком. Панорама, открывающаяся влево с дороги, вдоль широкого ущелья между двух горных отраслей, истинно великолепна. Горный туман, переходя в отдалении из светло-голубого цвета в волокнистомолочный, сливается наконец с небом и облаками; а группы лесов, массаи врезывающиеся в это дымчатое море, принимают неуловимо причудливые очертания туч, так что не различишь, что такое перед глазами: леса в тумане или облака на небе? Слава Богу! дорога начинает спускаться. Еще три четверти часа, и мы будем в Карлсбаде, к которому так жадно стремятся больные со всего света. Самый город, расположенный по обеим сторонам речки, между двумя горными хребтами, как в котле, предстает глазам путешественника почти в ту минуту, когда дилижанс въезжает на его мостовую.

Если не взгляды вправо и влево, через черепичные крыши однообразных трех- и четырехэтажных домов, на темно- и светло-зеленые стены почти отвесно поднимающихся сосновых, еловых и буковых лесов, испещренных живописными глыбами серых скал, а смотреть только перед собою, вдоль тесных улиц, первое впечатление не будет ни отрадно, ни поэтично. Немецкий городок – и только. Все дома, хотя и каменные, не более как гостиницы для приезжающих, и в целом Карлсбаде нет дома без вывески на немецком и французском языках, обозначающей прозвание или девиз: Черный медведь, Золотой слон, Золотой щит, Единорог и т. д. Описать один день карлсбадской жизни значит описать весь сезон, потому что жизнь на водах вставлена в известные рамки, из которых выдвигать ее можно только в ущерб здоровью. Так, по крайней мере, толкуют здешние врачи, и больные строго исполняют предписания.

С раннего утра все на ногах. В пять часов у любого источника можете убедиться, что есть сотни людей, более вас хлопочущих о восстановлении утраченного здоровья. Редко приходится беспрепятственно дойти до ключа: обыкновенно надо становиться в конце длинной вереницы, faire queue*, и только подвигаясь шаг за шагом, дожидаться, в свою очередь, слова: «прошу стака-

* встать в очередь (франц.). 38

на», с которым одна из девочек, черпающих из источника, протянет к вам руку. Процесс довольно скучный, и неудивительно, что некоторые русские дамы, англичанки, француженки и немки посылают со стаканом галунами расшитых лакеев, а сами у выхода ожидают кружку солоновато-теплой или горячей воды. Теплых ключей в Карлсбаде много, но главных, при которых выстроены галереи, четыре: Шлосс-брунн, Ней-брунн, Мюль-брунн и наконец перл и гордость Карлсбада – Шпрудель. В продолжение пятидневного лечения больных заставляют обыкновенно перепробовать все температуры теплой воды, начиная со Шлосс-брунна, едва ли превышающего теплотой парное молоко, до Шпруделя, доходящего до шестидесяти градусов жару, который надо изловчиться пить, не обжигая рта. В первые дни вода ужасно противна, но потом привыкаешь. Утром, с шести до семи часов, в двух галереях – у Ней-брунна и Шпруделя играют оркестры Лабицкого, и, должно отдать полную справедливость, играют прекрасно. После восьми музыка умолкает, толпы гуляющих редуют у источников, цветочницы уносят нераспроданные букеты, и редко-редко какой-нибудь запоздавший пациент, морщась, давится горячей водою. Все теперь на Старой долине (Alte wiese). Не воображайте в самом деле зеленой долины: Старая

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
долина – просто улица.

По левую сторону речки Тепель, извивающейся в виде буквы Г между гор и разделяющей Карлсбад, как я уже говорил, на две части, с одной стороны улицы – большие каменные дома, набитые вверху жильцами, а внизу всевозможными магазинами, с другой – густолиственные каштаны, под сенью которых, во всю длину улицы, тянется одноэтажное здание, вроде наших гостинных рядов, занимаемое исключительно магазинами. Тут найдете все, чем промышленность и мода умеют уверить в необходимости той или другой вещи, и, благодаря большому стечению народа, дела промышленников идут отлично. О числе посетителей можно судить по тому уже, что в Карлсбаде, где постоянных жителей от четырех до пяти тысяч, из которых большая половина довольствуется ситным хлебом и где больным не позволяется есть в день более пяти-шести небольших булок, этих булок ежедневно выпекается шестьдесят тысяч. В девять часов утра все временное народонаселение Карлсбада под каштанами Старой долины, у небольших столов, за кофеом. Только проходя накануне весь день по горам и лесам да поднявшись снова спозаранок и не смея с тех пор, в продолжение трех часов, почти присесть для отдыха, можно понять алчность, с какою пациент придвигает к себе чашку ароматного кофе. Любой больной скажет вам: «утренний кофе – самая отрадная эпоха карлсбадских суток». И в шесть часов вечера

3»

большинство пьет кофе за теми же столами, под теми же каштанами, но это уже далеко не то. Если хотите исполнять в точности врачебные предписания, идите после кофе гулять до обеда, идите после обеда до вечернего кофе, идите после кофе. Правда, вследствие восхождений и нисхождений по горам и действия вод, ноги откажутся служить вам, но вас будут уверять, что это отлично. В час пополудни, то есть время table cPhot-OB, публика превращается из серых невзрачных кокон в блестящих мотыльков. Недаром дамы стеклись со всего света, а у модисток и магазинщиков разложены и развешены всевозможные наряды. Каких-каких не встретишь платьев, шляпок и мантилий! А прически? Это целые поэмы или, по крайней мере, прологи, увертюры, интродукции. Нарядная дама, выходя из дому, знает заранее, что на нее будут бессознательно обращены тысячи мужских и тысячи женских глаз, от которых не ускользнет малейший бантик, незаметнейший поворот гребенки. Только и слышно:

- Серизовые ленты?
- Нет, в амазонской шляпке.
- Англичанка.
- Соломенная гирлянда.
- Из Парижа.
- Венская отделка.
- Как мила!

Обедают в хорошую погоду тоже большею частью под открытым небом, в садах, служащим преддверием гостиниц.

С приезда первые дни было холодно, и я обедал в гостинице. Гулять идти не хотелось, и для моциона я велел поставить шары и начал русскую партию.

Словоохотный немецкий маркер болтал без умолку. Вдруг он обратился ко мне на чистом русском языке:

- Вы, должно быть, из России?
- Да. А ты почему говоришь по-русски?
- Помилуйте-с, я русский, приехал с господином, барин изволили скончаться, и вот я пятнадцатый год здесь... жена, дети...

Космополит, растолкуйте, пожалуйста, отчего, при одинаковом образовании, один народ весел и живет изо дня в день насущными радостями, иногда самыми детскими, другой носит печать невыносимой апатии и скуки? Не угодно ли взглянуть на этих двух разряженных венков, что прошли мимо. Неужели кавалер их превзошел всех мужчин в Карлсбаде любезностью и остроумием? У его дам, если не радость, по крайней мере, веселье во всех чертах. А сколько поляков и полек! Пройдите по Старой долине, вам покажется, что вы в Варшаве. Трескучие и

40

шипящие согласные как фейерверки летают вокруг вас; но заметите ли вы хотя одно угрюмое лицо? Француженки высшего круга умереннее в выражении радости, но все видно, что они довольны и не скучают. Зато наши соотечественницы очевидно с утра до ночи заняты разрешением мировых вопросов. Глубокомысленная дума не сходит с лица. Напрасно кавалер отпустил шутку – шутка не пошла впрок. В ответ на нее губы раздвинулись на улыбку, которой вполне противоречит выражение глаз. Этот барин видимо погружен в созерцание собственного достоинства и хочет удивить Карлсбад соломенной шляпой с черными лентами да великолепной драпировкой пледа. Может быть, он отчасти в этом и успеет, но ему адски скучно. Теперь посмотрите на леди, сопровождаемую двумя мисс. За ними бредет седой старичок в белом

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana галстухе. Ему волей-неволей приходится развозить своих автоматов по свету. Им, всем четверем, нестерпимо скучно и, можно держать английское пари, никогда не будет весело. Вот еще англичанка. Ей лет под пятьдесят, и она решилась веселиться одна. Накутав на себя всевозможных мантилий, она неподвижно уселась на спине осла, которого погонщик ударами палки и визгливым понуканьем заставляет подыматься в гору. Ливрейный лакей, в белых штиблетах, застегнутых сверху широким галуном, следуя в почтительном расстоянии, несет на руке еще мантилью на всякий случай. Лицо его выражает глубокое убеждение в важности подвига, совершаемого в настоящую минуту его госпожой, у которой кислое выражение лица превосходит всякое описание. Ей противны и горы, и осел, и погонщик, и каменистая дорога; но ведь за катанье на осле в горы платят деньги, – следовательно, это удовольствие, и, во что бы то ни стало, надо им воспользоваться с четырех до семи часов пополудни. Можно ли человеку добровольно так себя мучить!? Зато полновесный венгерец, с отеками лицом, затылком и ногами, который сейчас провалил мимо, с усилием опираясь на камышовую трость, – не чета этим господам. Когда поутру у Шпруделя Лабицкий заиграл попури из национальных венгерских песен, толстяк не выдержал: стал пошатываться, притопывать ногами и чуть не махнул венгерку; а ведь старику под шестьдесят лет! Спрашивается, какой музыкой можно заставить хотя бы одиннадцатилетнего англичанина сделать подобное неприличие?

Окрестные карлсбадские возвышенности на большое расстояние покрыты дорожками, взбирающимися зигзагами до горных вершин, высота которых доходит до 4000 футов. Всякий проезжий платит за весь курс около пяти рублей серебром. На сумму, образующуюся из этих сборов, магистрат поддерживает общественные здания минеральных вод, нанимает музыку и

41

расчищает дорожки на публичных гуляньях. Положим, сумма, ежегодно собираемая, значительна, однако содержать в примерном порядке каких-нибудь 50 верст лесных дорожек – тоже не безделица. В Германии курят табак все и всюду; но пойдите по какому угодно направлению в горы, вы не заметите на усыпанной песком дорожке ни конца сигары, ни желтого листка, ни сухой веточки. Говорят, все это метут рано поутру, когда никто еще не гуляет. С каждой вершины панорама окрестных гор плавает в голубом тумане, а в ясную погоду можно даже различить хребет, убегающий в Тироль. Растительность чудная. Очертания и переливы оттенков зелени нагорных лесов разнообразны, свежи и чрезвычайно мягки. Каждое выдавшееся дерево, каждая отдельная группа ветвей пышна и в тоже время просится в общую гармонию. Недаром, говорят, итальянские ландшафтные живописцы ездят в Германию писать деревья. К сожалению, в последние годы во многих здешних лесах показался червь, иссушающий целые дачи с быстротой, не позволяющей даже своевременно срубить пораженные деревья, стволы которых делаются затем ни к чему не пригодными. Само собою разумеется, мелкая промышленность загородных кофейных встречает вас почти на каждом шагу. Так как большим запрещается, во-первых, все горячительное, а во-вторых, всякое излишество в пище, то кушанье и напитки отпускаются полпорциями, а отношение количества кофе и сливок обозначается местным выражением. Спросите полпорции налицо (rechts), вам подадут большой фарфоровый кофейник и маленький сливочник; спросите полпорции наизнанку (verkehrt), получите то же самое в обратном содержании. В Карлсбаде можно убедиться во врожденном стремлении человека каким бы то ни было образом продлить свое я и увековечить его. Не один Гораций вправе сказать:

Воздвиг я памятник вечнее меди прочной!

– все отвесные скалы, куда только могла достигнуть пирующая рука, все стены и балюстрады беседок испещрены именами лиц всех наций и состояний. В самых скалах вырезаны надписи или вставлены стихи на мраморных и металлических плитах. Сколько стихов итальянских, французских, немецких, английских, латинских, венгерских, русских, – словом, на всех европейских языках! даже евреи не отстали от прочих и от правой руки к левой воспели Карлсбад. Разумеется, общему темой этих каменных альбомных страниц – кипящий Шпрудель, вырывающийся из недр земли белым дымящимся фонтаном, у струй которого страждущие толпятся с надеждою в стесненной груди. Каковы самые стихи, можете судить по русскому образцу не

42

поименованного автора, в пользу которого уже говорить краткость:

Когда-то славился Парнас Струями чистой Иппокрены;
В наш век водою гигиены Карлсбад славнее во сто раз.

Изредка, между тысячами широковещательных афоризмов, memento* и т. п., попадаются короткие, задумчивые, милые надписи. По Мариенбадской дороге, близ гостиницы “Зала дружбы” (Freundschaftssaal), за мостиком, перекинутым через Тепель, на скале, под зеленой подвижною сенью наклонившихся ветвей, вырезано большими буквами вверху русское: Авось, а под ним – немецкое: wiedersehen**! В

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
этих двух словах весь русский человек. Быть может, душа истомилась, а шутите –
молодец! Ближайшая, над самым городом нависшая гора “Олений прыжок”
(Hirschsprung) весьма живописна, когда на нее смотреть из Карлсбада.

Серые скалы, подымаясь уступами друг над другом вместе, и скрывают корни высоких сосен, и просвечивают между их вершинами. Предание указывает на скалу, с которой будто бы олень, преследуемый царской охотой, спрыгнул в долину и, попав в Шпрудель, первый открыл целебный источник. В честь легенды на этой скале поставлен бронзовый олень, которому до Шпруделя пришлось бы совершить полет почти в полверсты; но предания не заботятся о правдоподобии. Долго не мог я понять, отчего олень из Карлсбада бел, как снег, а подойдешь с нагорной стороны – темная бронза. Наконец, рискуя сорваться со скалы и сломить шею, я полез вверх, и загадка объяснилась просто: его с левой стороны, обращенной к городу, выкрасили белой краской, чтобы на темной зелени ярче обозначался очерк статуи, тогда как с правой белый ее цвет совершенно бы сливался с небом и облаками. На самой вершине горы, на большой каменной плите, немецкая надпись:

«Посвящается Высочайшим Властителям могущественного Русского Императорского Дома, осчастливившим Карлсбад своим посещением».

В заглавии Высочайших имен изображено:

Петр Великий 1710, 1711, 1712.

* памятных надписей (лат.).

** До встречи! (нем.).

43

Проезжайте всю Россию, ступайте в Архангельск, на Кавказ, в Ревель, в Воронеж, в Новороссийский край, в Германию, Голландию, Францию, везде за полтора года перед вами прошел державный исполин и оставил богатырский след свой. Мысль, невольно поражающая всякого русского при взгляде на карлсбадский памятник, посвященный Российскому Императорскому Дому, выражена стихами на особой голубой доске, вправо от немецкой:

Великий Петр! твой каждый след для сердца русского есть памятник священный;
и здесь, среди гордых скал, твой образ незабвенный встает в лучах любви и славы
и побед.

Нам святы о тебе преданья вековые,

жизнь русская еще тобой озарена и памяти твоей, Великий Петр, верна твоя великая
Россия.

Кн. П. Вяземский.

В нескольких шагах от памятника, над самым обрывом скалы, небольшая площадка, обнесенная перилами. С нее весь Карлсбад, как на ладони. Чтобы представить полную программу дня, приведу перечень карлсбадских удовольствий. Плохой театр, панорама Варны, Одессы, Севастополя и прочее, черный слон, ученый пудель, стяжавший лавры во всех частях света, поющие тирольцы, стрельба в цель из машинных штуцеров, два раза в неделю концерт Лабицкого на Старой долине под каштанами и в субботу бал в зале минеральных вод. Побывав только у слона да в театре, могу сказать одно: слон исполнял заученные роли, как совершеннейший актер, а актеры играли, как совершеннейшие слоны.

В девять часов вечера Карлсбад, вследствие докторских наставлений, спит глубоким сном. Недели две тому назад, воротясь в шесть часов вечера с прогулки, застаю у себя на столе пакет. Что такое? Телеграфическая депеша: «Я во Франценсбаде. Если можешь, приезжай немедля, или я к тебе приеду. Решайся. Жду ответа у телеграфа. N. N.». Встретиться с человеком близким и на родине отрадно, а неожиданное свидание на чужбине – счастье. Я стремглав побежал на гору к телеграфу. Что писать? Если поеду во Франценсбад, свидание наше, по причине курса моего лечения, не может быть продолжительно, и надолго ли N. N. во Франценсбаде – не знаю, а в Карлсбаде мы могли бы провести хотя несколько дней вместе. Попрошу N. N. приехать сюда. Но едва депеша ушла, мне пришло на ум простое соображение:

44

Франценсбад такой же Бад, как и Карлсбад; следовательно, уехав ко мне, N. N. так же точно может не портить своего курса. Вследствие этого новой депешей прошу разрешения вопроса о водолечении. Нет ответа.

– Вероятно, гуляет, – заметил чиновник на телеграфе.

– А! гуляет! стало быть, наверное пьет воды. Пишите поскорей: дожидайся меня, я сейчас выеду; завтра утром буду. Так, так, так, так... Что?

– Не принимают депеши.

– Почему?

– Да, верно, поздно. После девяти часов нет службы.

Уж в Германии так: *wier haben keinen Nachtdienst**, да и только, и ступай домой. Что ж теперь делать? Чего доброго, я во Франценсбад, а N. N. в Карлсбад. Подожду до утра: авось, получу ответ. На другой день, половина восьмого – нет ответа, а в восемь дилижанс отходит. Еду!

Во Франценсбад, то есть за пятьдесят верст, почтовая карета дотащи́лась в четыре часа пополудни. Небольшой городок напомнил бы низменными, засеянными полями, его окружающими, русский уездный город, но широко разбежавшийся венец гор, синюющих на горизонте, ясно говорит, что вы все-таки не в России, а в Богемии. Бегу на квартиру N. N.

– Дома?

– Нет. В два часа уехали в Карлсбад.

Экое горе! Пожалуй, не застанет меня в Карлсбаде и проедет далее. Скорей на телеграф. «Жди в Карлсбаде: я сейчас прискачу на курьерских». В коляску заложили пару больших лошадей, и почтарь, перекинув трубу через плечо, с места тронулся крупной рысью. Немецкий курьер не то, что в России носит это имя и что Гоголь прозвал «птицей-тройкой», а все-таки в четыре часа я проехал те же пятьдесят верст, которые в дилижансе протащился семь. На одной даже станции молодой почтальон, рассвирепев, пустил лошадей в галоп и заставил прохожих, оборачиваясь, смотреть на нас, как на воздушные видения в «Волшебном стрелке». Между Франценсбадом и Карлсбадом, по обеим сторонам шоссе, на большое протяжение зеленеет какой-то молодой лес. Сначала я подумал: не виноградники ли? Подъезжаю – хмель, вьющийся по двухсаженным тычинкам, поставленным в близком друг от друга расстоянии, так что далее пяти шагов глаз не проникает в чащу этого эфемерного леса. Надо видеть, на каком сыпучем, сером песке он растет, а денег за него наберут пропасть. В иных местах хозяин не удовольствовался одной жатвой

* По ночам мы не работаем (нем.).

45

и промежутки между хмелем засадил картофелем. Солнце стало садиться и наполнило долины между горами синим, розовым, золотым и фиолетовым туманом. Прелесть! В одном месте старик-почтальон вдруг остановил лошадей и, проворно соскочив с козел, бросился к задней оси коляски. Я обернулся посмотреть, что такое. Два босых мальчика, как зайцы, уходили прочь, а почтальон снял с задней ступеньки два чистые деревянные сосуда и поставил на шоссе.

– Ну, идите же, берите ваши кадки! – кричал он мальчикам, держа бич наготове. Надо было видеть, с какими плаксивыми лицами охотники кататься подходили к своему судье и с какой быстротой пустились снова в бегство, унося сосуды.

Началась травля. Старик-почтальон не знал, за которым бежать. Наконец, одному из ловких беглецов не посчастливилось: он упал на картофельной гряде, и в два взмаха резолюция была подписана... В четверть десятого я был уже в Карлсбаде и застал у себя N. N., а на столе – три утренние телеграфические депеши, ответы на вчерашние вопросы. Ответы были переданы на телеграф еще с вечера, но, как звуки мюнхгаузенского рожка, застывшие на морозе, пролежали безгласно целую ночь и уже без ведома хозяина оттаяли и зазвучали в девять часов утра, когда я пустился в дорогу. «Wier haben keinen Nachtdienst!»

На прошлой неделе его величество король прусский, проездом из Мариенбада, посетил Карлсбад и обедал у его величества короля Оттона, постоянного посетителя здешних вод. Национальный костюм греческого короля и его свиты очень живописен. После обеда в гостинице, занимаемой его величеством Оттоном, перед которой вокруг хора музыкантов собралось множество народа, их величества отправились гулять на Старую долину, где тоже были встречены стечением публики и оркестром Лабицкого, расположившегося на эстраде, под каштанами. В шесть часов их величества удостоили своим посещением здешний театр, а в восемь, с наступлением ночи, в полугоре против Старой долины засверкал под короной вензель F.W.IV*, а беседка на Hirschsprung**, посвященная Высочайшим Особам Российского Императорского Дома, загорелась тройным венцом разноцветных огней. Вчера проводил N. N. Бог даст, недели через две увидимся в Париже. А мне еще дней десять придется просидеть в Карлсбаде. Погода прекрасная, окрестности живописны, жизнь дешева до невероятия, а между тем скучно,

* Friedrich Wilhelm IV (Фридрих Вильгельм IV).

** Букв.: Олений прыжок (нем.), название горы.

46

как той англичанке, что веселится по заданным урокам. Хотя бы заснуть на это время. Доктора и этого не позволяют. «Спать и есть как можно менее, а ходить как можно более». Нечего сказать, славный афоризм! Если теперь, в половине лета, в цвету, Карлсбад не может похвастать особенным весельем, каково тут зимой, когда все дома и лавки пусты, а горные дороги и улицы до того засыпает снегом, что дилижансы откапывают и таскают народом. Не далее как в прошлую зиму около многих домов улицы на сажень заносило снегом. Поневоле вспомнишь стихи Гейне:

Здесь, напротив, так пустыньны Гор холодных вышины,
И зимой мы совершенно Будто в снег погребены.

Письмо второе

I

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Прогулка по пражскому шоссе. – Sonntagsjager. – Студент. – Переезд до Гофа. –
Баварская железная дорога и туннель. – Франкфурт и кельнеры. – Гейдельберг и
знакомый англичанин.

Еще три дня, и я выеду из Карлсбада, в котором большую часть времени скучаю
невыносимо. Вчера вечером в первый раз сделал не то, что другие, то есть пошел
гулять перед самым захождением солнца в сторону пражского шоссе, и остался
совершенно доволен. Прогулка не была преднамеренна, а пришла, как все хорошее,
неожиданно и незаслуженно. Квартира моя в полугоре, недалеко от пражской
заставы. Напившись вечернего кофе, я взшел было уж к себе на крыльцо, но,
взглянув на часы, увидел, что только восьмой час. Спать рано, читать не хочется
и в теле какая-то трезвость, неусидчивость. Что ж? – пойду потаскаться, только
не туда, где гуляют равнодушные энтузиасты – мои злейшие враги. Есть чудное
немецкое слово: воскресный охотник (Sonntagsjager), человек, которому в будни и
в голову не приходит охота, но в воскресный день он охотник. Тут ни жена, ни
дети его не удержат, он – Немврод. Такой-и у нас невозможен. Самый заваленный
работой дворовый не идет на охоту, если он в душе охотник, только за недосугом, –
зато в свободное время не разрядится для охоты, а наденет какое-нибудь тряпье, –
и поминай как звали. Он рад зайти в тридцатое царство, если кум дорогой не
сманит в кабак. Но в

47

Германии слово: «Sonntag»* можно прибавлять к любому нарицательному дилетанта:
воскресный живописец, воскресный музыкант, воскресный любитель поэзии,
воскресный кавалерист и воскресный поклонник природы. Этих господ в Германии 99
на 100. Воскресный поклонник природы способен равнодушно пройти мимо самого
роскошного явления, – оно не озарит его своим сродством с вечно присущим
идеалом, если предание или дорожник о нем умалчивают. Зато, чья бы рассеянная
рука ни дернула засаленный шуруп этих кухонных часов, они сейчас зашипят и
пошли щелкать: прекрасно, прелестно, бесподобно. У многих преувеличенные похвалы
– вывеска умения жить, признак тонкого образования. Мне случилось у одной
загородной кофейни услышать из уст весьма прилично и даже богато одетой дамы,
рассказывавшей, вероятно, мужу и сестре способ приготовить какой-то напиток из
пива, вина, сахару, черного хлеба и еще чего-то, что это: «ах! небесно!» Ach!
Himmlich! – Ни одной русской женщине, я уверен, в голову не придет замешать
ужасную бурду и назвать ее небесной. Говорить о превосходстве одного народа как
народа над другим – вздор. Люди везде люди. Но мне кажется, сравнивая настоящие
моменты жизни двух наций, скорее всего получишь ответ, сличив их идеалы,
принимая это слово в обширном значении. Политическая, гражданственная жизнь
народа так многосложна, и по преимуществу вытекает из исторических данных, – а
идеал, хотя и подвержен тем же условиям, живет по преимуществу в душе, в крови,
и передается вместе с жизнью из поколения в поколение.

Что – родится вследствие исторической необходимости, но как – дело
индивидуального вкуса, последнее слово идеала. Вокруг каждой необходимой вещи
есть тонкая ореола ненужного. Присматривайтесь к ней. Она, несмотря на свою
внешность, чрезвычайно важна. Недаром говорят: литература – зеркало народа. Но
стены народной храмины все зеркальные, и народ бессознательно отражается не в
одной литературе, но и во всех зеркалах того, что он делает, не в угоду
необходимому, а отрадному.

Вот прочтите объявление о концерте тирольцев, которые поют сегодня на одной из
соседних гор.

«Такой-то надеется заслужить внимание почтеннейшей публики рядом хороших песен
патриото-комических, задушевно-нравственно-чистых» (Gemüthlich-sittlich-rein).
Но для кого это напечатано? – скажете вы. – Для черни. – Во-первых, в Германии
нет резких различий каст, во-вторых, чернь не ездит

* «воскресенье» (нем.). 48

по водам, а у тирольца ежедневно сбор огромный. Следовательно, в объявлении
своем тиронец знает, в какую жилу попасть. Последние три слова умножают сбор на
двадцать процентов. Не угодно ли у нас журналисту объявить, что с нового года в
журнале будут исключительно помещаться нравственно-сатирические повести? Много
ли у него найдется подписчиков? Я далеко не хочу сказать, чтобы идеал был живее
и свежее в массе нашего народонаселения. Во многих еще местах у нас он не
выражается даже резным коньком на кровле или писаными ставнями у старосты; – но
людей, в которых он пробудился, пугает нравственно-сатирическое не потому, что
оно нравственно, а потому что плоско. Человек, любующийся
нравственно-сатирическим, так же не лучше отворачивающегося от него, как
говорящий: да- с не нравственной говорящего: да. – Перед вами современный
немецкий идеал, когда немец, с сияющим лицом, объявляет, что в их курфиршестве
три туннеля, что Гейбель вышел двадцатым изданием, или что затевается процессия,
в которой все цехи будут на повозках отправлять свои занятия, то есть портные

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
шить, сапожники тачать, типографчики печатать и т.д. Теперь позвольте сделать
вопрос. Согласны ли вы, что ни одна нация не могла породить «Фауста» как идеал и
дать ему ту бронзовую форму, в которую его отлил Гёте? Согласны. Исторический
факт дает утвердительный ответ. Сличите же идеалы Гете и Шиллера, Канта,
Шеллинга и Гегеля и т. д. с современными немецкими идеалами и скажите, понимаете
ли вы что-нибудь? Я, с своей стороны, тут ничего не понимаю и умолкаю с
намерением не возвращаться к этому предмету. Вот куда завели меня воскресные
поклонники природы, а я только что медленно и равнодушно стал было взбираться на
гору по пражскому шоссе. Вправо и влево то сплошные, то разделенные
картофельными полями старинные дома. Глинистые скаты изрыты дождями, и перед
каждым домом чернорабочие отдыхают за вечерним супом или переклиниваются, сидя
на бревнах и камнях, громкими гортанными звуками. Но вот, слава Богу, мостовая
кончилась, и я на темном, почти черном шоссе. Город внизу, за моей спиной, а
передо мной две роскошных долины, из которых бегущая влево опоясана цепью
исйолинских сводов, по которым шоссе ползет с горы на гору. Как хорошо это
громадное сооружение, с его каменными перилами, горящими в лучах заходящего
солнца, и серыми арками, опускающими тяжелые столбы в глубокий сумрак долины!
Так как эта висящая дорога переброшена с менее возвышенных на более высокие горы
и самые своды постепенно возвышаются, то становится страшно взглянуть через
перила. Любуясь чудными сочетаниями лесной зелени на убегающих

49

скатах, я незаметно прошел с версту по шоссе. На дне долины совершенная ночь,
выше, у ног моих, чудный вечер, а рядом со мной и над головою еще день. Я
остановился и закурил сигару. Не знаю, почему в золотом сиянии вечернего солнца
так хороши на скате снопы пшеницы, преклонившиеся к земле над моей головою? А
этот простой домик на полугоре подо мной, окруженный виноградником, небольшим
овсяным полем и едва заметным лиловым паром! Попробуй художник срисовать весь
ландшафт и проведи по нем вон ту лиловую каменную тропинку, которая полукругом
ярко и невыразимо нежно опоясала темную зелень газона, – скажут: шарж, и будут
правы. Под самой мягкой, чувствительной кистью все эти краски закричат, а здесь
все примирилось и сладострастно замирает под дыханием ночи. За мною раздавались
звонкие шаги, и под ухом прозвучал свежий, молодой голос: «позвольте закурить
сигару». Я оглянулся, – передо мной стоял красивый молодой человек, в щеголеватом
картузе, коротком сюртучке и черном галстуке, из-за которого вылезал отложной
воротник ткацкой белоснежной рубашки. Небольшой чемоданчик, перекинутый на ремне
через плечо, и толстая палка в правой руке довершали наряд.

– Вы из Праги? – спросил я, догадываясь, что передо мною студент.

– Да, семестр кончен, и я иду на каникулы к матери.

– А теперь в Карлсбад?

– Да, переночую, напьюсь кофе, да и марш. Завтра буду дома.

Я совсем повернулся лицом к городу, намереваясь возвратиться домой вместе со
студентом. Карлсбад с окружающими его горами и лесами совершенно потонул в
ночном мраке, только из-за крайних вершин глядел разордевшийся вечер, а в
царстве тьмы вставал яркий столб пламени, от которого дым подымался до багряного
неба.

– Что это, – невольно вскрикнул я, – не пожар ли?

– Нет, – сказал студент, весело отвечая на мой вопрос, – какая-нибудь
фабрика фарфоровая или хрустальная. Их тут множество. – И вежливо и ловко
поклонившись, он быстрыми шагами стал спускаться по наклонному шоссе. Пройдя
шагов двадцать, студент затянул песню. Какой чистый, верный голос. Вот кому
жизнь легка, – бедному студенту. Прощай, Карлсбад, – завтра утром окончательно
уезжаю.

Попасть с парохода да с железных дорог в богемский дилижанс – пытка. Тесно,
душно, неловко. В ногах и под головой своя и чужая рухлядь, картонки, зонтики,
палки, и во всей карете только и есть беспечных лиц, что у кондуктора да у почта

50

ря, – зато эти изверги, кажется, издеваются над нашими мучениями. Если в целом
дне, необходимом на переезд из Карлсбада до Гофа, есть отрадные минуты, так
только те, в которые вспоминаешь, что Карлсбад за спиной, а Гоф, с его железной
дорогой, впереди, на закуску. Как нарочно, погода грустная. Дождик от времени до
времени поливает и без того грязное шоссе. Горы точно под колпаками из матового
стекла. Но вот последняя австрийская станция, и на козлы лезет обратный
баварский почтальон. Веселя свое молодецкое сердце и только для формы
подстегивая лошадей, плетущихся с ноги на ногу в гору, он выделяет такие
адские трели на рожке, что, наконец, австрийского кондуктора проняло – ион
просит пощады. На самой баварской границе остановились пломбировать чемоданы,
которые будут перерывать в Гофе. Около самой таможни, в двухэтажном доме,
раздается жестокая скрипка, наигрывающая, при помощи гнущего кларнета,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana флегматический вальс, а в окнах мелькают пары, напоминающие движения проселочных кузнецов при на- резывании винта. Баварский почтарь не выдержал. В желтых лосинцах и тяжелых ботфортах он пустил вальсировать вокруг деревенского храма Терпсихоры. Красные, от дождя отекие пальцы, растопыренные в воздухе, щелкают под такт: раз, два, три, раз, два, три, – и небольшие, заплывшее глаза тускло чернеют, как две червоточины на темно-багровом яблоке. Молодец! Пломбы приложены, бич хлопнул, и нас опять потащили с горы на гору. Мало-помалу серый день уступает свои права черной ночи, а о Гофе ни слуху, ни духу. В одиннадцать часов вечера что-то мелькнуло между деревьями. Что это за огоньки? Гоф? – Гоф. – Ну, слава Богу!

Пословица недаром говорит: «новые метлы метут хорошо». Несмотря на прекрасные здания и газовое освещение, многие станции на давнишних трактах железных дорог своими обыденными залами и комнатами для путешественников напоминают ту половину русских трактиров, которую половой, приглашая вас движением руки войти в комнату с органом, загораживает спиной и в которой вы мимоходом видите синие армяки и плисовые поддевки. Мрачно, грязно и каждый на глаза попадающийся предмет будто хочет сказать: «тут у нас все свои, – не взьщут». В первом часу ночи пар свистнул, и мы покатили вдоль Баварии, к Франкфурту-на-Майне. Поутру, вместе с тенями ночи, улетали за нами влево последние седые очерки гор, и мы выкатили на равнину, там и сям усеянную городами и селами, и, за исключением тополей, частых полей, засеянных свекловицей, да виноградников, – напоминающую среднюю полосу России. Лесов нет или очень мало, почва слегка волнуется и принимает

51

степной вид. Что это за грязная речонка, бегущая параллельно с железной дорогой, по левую ее сторону? – Это Майн. – Неужели? – Я назвал свои летучие заметки впечатлениями и ни за что не откажусь от такого названия. Быть может, в них найдутся противоречия, но меня они не пугают. Стараясь по возможности точно передать минутные впечатления, я думаю, что общее должно быть верно. Каждое лето идет дождь, дуют холодные ветры, падает град, а при конце все-таки можно сказать, было ли оно дождливо или нет. О Баварии, или, по крайней мере, о северной ее части, по которой проходит железная дорога, распространяться не буду, указав на бедность панорамы сравнением ее с средней полосой России. Но бедность бедности рознь. Есть бедность с кислым выражением и бедность, пышущая здоровьем. Может быть, я сравниваю пристрастным взором, но мне кажется, что в средней России скорее остановишься на уголке, в котором бы хотел докончить век, чем на этих бесприютных равнинах. Оставляя на время северную часть Баварии, не могу не передать заключения, к которому невольно привели меня виденные мной в различные времена более или менее гористые части Германии, покрытые виноградниками, пересеченные каменными заборами, калитками у спусков по каменным плитам, с населением, носящим бессознательно и сознательно во глубине души идеал домовитости (Hauslichkeit) и дышащим, чем ниже слой общества, более и более той непосредственной идиллией, которая составляет основу германского характера. Вот мое умозаключение. Кто бы ни воссоздавал Германии, изучив ее во всех возможных направлениях и описывая каждый пригорок и замок, каждого мужика и горожанина, каждое поле и даже сливу или яблоню, растущую за его канавою, – он никогда не представит той полной и верной картины, которая всецело возникает при внимательном чтении «Германа и Доротеи» Гёте. Только сняв очки предубеждения и изучив бессмертную идиллию Гёте, вы поймете тайный идеал Германии и наоборот. Но в какой мере этот идеал совпадает с вашим, уже не мое дело.

А ежели король идиллий не полюбит, – Так просто он идиллии не любит.

Майн, ухोдивший во время нашего размышления влево набирать воды, подбежал снова к дороге с видом уже большего достоинства. Вместо скромных лодок он несет уже порядочные барки. Сейчас встретился поезд пехотных солдат. Это австрийцы, сменившиеся с караула во Франкфурте, возвращаются через Гоф в Богемию. Вот наконец-таки показались горы, и Майн, снова ходивший по воду, воротился на этот раз к дороге совершенным

52

молодцом. Горы Спессарта невысоки, но скаты их довольно живописны и отчасти суровы, покрыты темными хвойными лесами и можжевельником. Рельсы железной дороги беспрестанно изгибаются, следя за излучинами долин. Но местами не было ходу и пришлось прибегать к туннелям. В одном из них, прорезающем хребет, наш поезд пробыл, по моим часам, три минуты. Принимая скорость только тридцати верст в час, получим длину туннеля в полторы версты. Это не безделица. При сооружении его, как говорят, не обошлось без несчастий. Массы земли, обрываясь, давили рабочих. – Горы превращались в пригорки, леса в рощи, и мы снова вылетели на равнину, которая чем более приближается к Рейну, тем приветливее улыбается. Поля уже не поля, а сплошные сады, в которых между фруктовыми деревьями возделываются

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
овощи и зерновой хлеб. Вот окрестные виллы, а вот и сам Франкфурт. – Боже мой!
неужели это Франкфурт, стоявший таким корифеем в моем воспоминании? Мне было
двадцать два года, когда я видел его в первый раз. Не оттого ли показался он мне
таким блестящим, громадным? Как он съехался, точно модель того Франкфурта,
который жил в моем воображении до настоящей минуты. Да не может быть! Неужели
это Цейле (главная улица)? Дома, магазины, гостиницы, – да все не то. Это даже
не Берлин, а уж далеко не Лейпциг, не Дрезден. Там есть свой особенный характер,
своя физиономия, а это ново, чисто, и только. Жаль: еще одной иллюзией меньше!
Даже досадно! В какой магазин ни заверни, израильская физиономия приветливо и
подобострастно улыбается, не в силах скрыть радостного блеска черных, лукавых
глаз. Один франкфуртский тип не уронит себя в моих глазах – кельнер. Самый
ловкий московский половой, перекидывающий в дверях два подноса с чашками и
закусками из одной руки в другую, в сравнении с франкфуртским кельнером,
медведь. Здешний кельнер разом несет порции десяти человекам и становится, или,
лучше сказать, кидает перед каждым тарелку так, что она, не звякнув, завертится
как волчок. Он никогда не забудет отданного ему приказания и не подаст одному
того, что заказано другим. За то и честь ему и слава, и кельнер, получивший
образование в одном из первоклассных франкфуртских отелей, обеспечен. Его во
всей Германии принимают с ра- достию, за двойную цену в обер-кельнеры, а
путешествующий франкфуртский обер-кельнер принят во всех немецких гостиницах со
всевожможным почетом. Хозяин истощает все умение, желая угодить дорогому гостю,
и в заключение не возьмет с него ни копейки. Однако, несмотря на баснословных
кельнеров, я все-таки не останусь во Франкфурте. Не могу простить разочарования,
которым он меня встретил. Ни его торговое, ни полити

53

ческое значение меня не подкупают. Вперед! вперед! завтра же отправляюсь по
железной дороге в Дармштадт, а оттуда в Страсбург, – и прощай, Германия.
Надо быть весьма сильным в естественных науках, чтобы объяснить себе, почему,
без всякой видимой причины, страна вдруг изменяет физиономию и как бы переносит
вас под другие широты. От Франкфурта до Дармштадта пятьдесят минут езды.
Следовательно, расстояние невелико. Откуда же вдруг на возвышающейся почве,
вслед за садами и виноградниками, окружающими Франкфурт, ельник и можжевельник,
поросший метловидной, сухой травой, точно у нас в Эстляндии. Но по приближении к
городу местность снова принимает более улыбающийся вид. В Дармштадте я узнал,
что англичанин П., с которым я когда-то случайно познакомился по замечательной
красоте его жены, которой отдавал должную дань удивления, навсегда поселился с
супругой-немкой в Гейдельберге и не раз выражал желание со мною свидеться. Что
же он делает в Гейдельберге? – «Он богатый человек, купил дом, ходит на лекции,
занимается естественными науками и повторяет уроки с сыном, готовящимся в
университет». – А жена-то была какая прелесть! – «Она и теперь хороша». – В свою
очередь, желая увидаться с П., я уведомил его о моем намерении проездом в
Страсбург остановиться в Гейдельберге. В Богемии меня удивляла дешевая жизнь, но
тамашняя дешевизна ничто в сравнении с здешней. Рейнский гульден значительно
менее австрийского (если считать австрийский в шестьдесят коп., то рейнский
только пятьдесят), а между тем здесь за гульден купишь больше, чем в Австрии. В
последние годы, со времени легкого сообщения по железным дорогам, цены на
припасы всякого рода возвысились почти вдвое, потому что все появляющееся на
рынках как бы волшебством уносится во всепожирающий Париж. Несмотря на это, цены
готовых вещей, то есть представляющих первоначальные материалы в виде,
сообщенном им соединением труда и капитала, баснословно умеренны, даже в тех
случаях, когда этого всего менее ожидалось. В Дармштадте я осматривал заводских
жеребцов на придворной конюшне и нашел лошадей истинно прекрасных.

– Что здесь может стоять вот этот гнедой? – спросил я у берейтора.

– От семисот до восьмисот гульденов.

У нас, где столько заводов, и за восемьсот руб. серебром такого коня не купишь.
Какими средствами выкармливают здесь так дешево хороших лошадей, – не понимаю.
Утром в назначенный день я отправился в Гейдельберг. Имена собственные – камень
преткновенения для моей памяти. Вышел из вагона, я стал

54

расспрашивать о квартире г-на, г-жи... – «Вот он» – раздалось за моей спиной, и
белокурый, худощавый англичанин дружески протянул ко мне руку.

– Пойдемте к нам. Жена ожидает вас на балконе.

Как все худощавые, П. очень моложав и почти не изменился, но жена – правда, она
еще очень красивая женщина, – но тем-то и досадно, что, напоминая, она убивает
прежний образ. Черты, которые были неуловимы и изменчивы как сон, определены и
неизменны как долг. Sic transit...* П. не дал мне даже хорошенько осмотреться и,
поручив жене позаботиться о завтраке, потащил меня и двенадцатилетнего сына
своего смотреть Гейдельберг. Пройдя несколько шагов по бульвару, мы стали

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
подниматься на гору, у подошвы которой лежит город. Северное ее продолжение, образуя ущелья и перевалы так называемой Горной дороги (Bergstrasse), составляет, красотою местностей, не последний предмет гордости туземцев. Вся гора над Гейдельбергом покрыта старинным, тенистым парком, в котором, разумеется, дело не обошлось без ресторанов и кофейных. На верхнем уступе открывается прелестный вид на Гейдельберг, у которого, надо ему отдать справедливость, тихая, но вместе с тем чистая и красивая физиономия. Он по преимуществу город студентов, и студентов, проживающих значительные деньги. Сюда со всех концов Германии стекаются матушкины сынки отпраздновать первую молодость. Более всего богатых пруссаков. Поэтому внизу, на квадрате площади, такое количество фиакров, какого не встретите в другом немецком городе с равным населением. За городом открывается вид на Рейн до самого Мангейма. Все это у ног ваших, а на равной с вами высоте густой туман заслоняет вправо лежащую гору. По словам П., здесь повторяется одно из горных явлений. При ярком солнечном свете можно видеть собственное изображение на окрестном тумане. Влево к городу, на втором уступе, рисуется довольно хорошо сохранившаяся развалина старинного замка. Спускаясь в парк, примыкающий к замку, мы зашли в кофейню выпить шоколаду и, по заграничному обычаю, в силу которого всяк платит за себя, я спросил еще несколько персиков. Когда мы кончили, подхожу к буфету расплатиться, но вследствие красноречивого взгляда, брошенного П. и пойманного мною случайно на лету, трактирщик поклонился, сообщая, что все уже приведено в порядок. Из ограды парка, непосредственно принадлежащего к замку, уцелели одни старинные ворота, у которых колонны покрыты рель-
* Так проходит... (лат. Полностью: sic transit gloria mundi! – Так проходит земная слава!).

55

ефными изображениями растений и гротесков. Хотя изображения и выветрились, но далеко не сгладились.

– Вы не видите на этих колоннах гадов между каменными ветвями? – спросил П., слегка улыбаясь.

– Не вижу, – отвечал я, пробежав глазами по каменным листам.

– Хорошо, что вы не здешний студент, а то пришлось бы вам за незоркость поставить товарищам пива или вина. Этой пене подвергаются все первокурсные студенты (Ftichse*), если затруднятся с первого разу отыскать вот эту лягушку и эту ящерицу. Тут где-то есть еще жук, но уж того и я не найду. Пойдемте во двор замка.

И мы вошли. Все было так спокойно, все так от века мирно и светло!

Нет, последний стих сюда никак нейдет. Во-первых, тут от века было мрачно и до сих пор мороз подирает по коже, когда привратница показывает ямы и клетки, в которых пфальц-графы держали пленных, и никакое воображение не может озарить сурового готического здания, – а во-вторых, здесь и в старину не было мирно, да и в последнее время французы так похозяйничали, что половина взорванной башни поныне лежит целым куском на дне южного рва.

Стены замка заросли виноградом, акациями и исполинским плющом, у которого ствол около полуаршина в диаметре.

– Хотите посмотреть известную гейдельбергскую бочку? – спросил П. – Правду сказать, – прибавил он, – она замечательна только как памятник. У лондонских пивоваров бочки гораздо больше, а их никто не смотрит.

Тем не менее, мы сошли в старинный подвал, и я обошел кругом бочку, все-таки громадную для не видавшего лондонских. К дому П. мы на этот раз воротились городом, и вблизи Гейдельберг произвел на меня не менее приятное впечатление. Здесь проживает и особенно зимует много русских и англичан. Откуда этих англичан берется такое множество и зачем они спуют по Европе, – этого, я думаю, они и сами не знают. На каждом рейнском пароходе увидите их по нескольку, сидящими над подробной картой или панорамой.

– А! а! Майнц! Майнц! – А скоро будет Майнц?

– Сейчас проехали.

– А! а! проехали!..

* Лисицы (нем.). Возможно, намек на Fuchseisen – капкан для лисиц, ловушка.

56

И он смотрит следующий пункт, не выходя на палубу.

Дом П. устроен совершенно на английский манер. Внизу домашние, а в верхнем этаже приемные комнаты. Наверху хозяйка уже ждала нас за завтраком, похожим скорее на обед, запиваемый золотым рейнвейном. Картины и мебели свидетельствуют о прекрасном вкусе богатого владельца. Погода между тем разгулялась, даже стало жарко, и мы после завтрака вышли на балкон.

– Не пора ли мне на железную дорогу? – спросил я, поглядывая на часы.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana
– Нет, – сказал П., – Вам можно еще пробыть с нами полчаса, и тогда я сам
провожу вас до вагона.

Через полчаса, поблагодарив хозяйку, я отправился, и без помощи П., вероятно,
опоздал бы. Но кое-как все уладилось. П. втолкнул меня в начинавший двигаться
вагон и на ходу протянул руку на прощанье. Вот вам образчик заграничного
гостеприимства. Оно не так бурно, как наше, зато гораздо покойнее для пациента.

II

Киль. – La belle France*. – Страсбург. – Физиономия города. – Французские
солдаты. – Собор. – Смена караула. – Дорога из Страсбурга в Париж. – Таможня. –
Физиономия парижских улиц. – Экипажи и внешний блеск. – Общий взгляд на карту
Парижа. – Оранские улицы. – Уличные типы. – Парижанки. – Кофейни и их
посетители. – Елисейские поля и Cafe chantant**.

Ветвь железной дороги, поворачивающая с баденской на Страсбург, прерывается в
Киле, где путешественников ожидает французский дилижанс, употребляющий не более
часу времени на то, чтобы доставить вас через Страсбургский мост на парижскую
железную дорогу или в назначенную вами гостиницу. Показалось ли мне, или в самом
деле дилижанс покотился побойчее немецких. Вот, наконец, и Рейн, и мост, на
середине которого медными, в половицы врезанными буквами написано: «France»***.
Итак, я во Франции. Так вот она, Франция! La belle France! Посмотрим. Мостовая
загрелась под колесами дилижанса. Мы в Страсбурге. Наружным видом Страсбург
вполне соответствует своему пограничному положению. Это французом

* Прекрасная Франция (франц.).

** Кафешантан (букв.: поющее кафе; франц.).

*** «Франция» (франц.).

57

прикинувшийся немец, и переход тем менее резок, что оба соседние народа
мало-помалу подвергаются взаимному влиянию и перенимают друг у друга. Дома
немецкие, большая часть населения говорит дурным немецким языком, хотя все
понимают по-французски. Синяя блуза и в Германии почти так же у себя дома, как и
во Франции, но зато там не процветает *dame de comptoir** и по улицам нет такого
множества солдат. Вот оригинальный тип, который довольно трудно воспроизвести.
Нельзя сказать, чтобы французский солдат вообще был очень ловок, он мало
выправлен, в массе у них толкотня и на наш взгляд беспорядок, но взгляните, и
вы заметите то, что называется военной кисточкой, а у старых солдат чудный
взгляд. У французских баталистов эти черты схвачены необыкновенно верно. К
одному глаз не вдруг привыкает, – к кирпичному цвету шаровар. Точно полинявшее
сукно. Молодые франты-офицеры видимо стремятся к алому, – но напрасно, в
форменном цвете столько кирпича, что нет средств от него отделаться. В пестрой,
движущейся толпе невольно поражает роскошь блестящих черных волос у женщин
низшего класса. Недавно какой-то строгий критик упрекал меня за то, что я два
раза в стихах говорю о прекрасных женских волосах. Что ж делать? У всякого свой
вкус. Быть может, почтенный критик любит жидкие, кокетством вытеревленные
волосы, а меня приводят в восторг сизые, тяжелые змеи, облегающие вокруг
смуглых, черноглазых головок страсбургских нянек (*bonnes*). Гоните от себя
лонлакея, он вас поведет посмотреть статую маршала Клебера, которой и без того
нельзя не видеть, потому что она посередине главной городской площади, и которой
если не увидите – мало потеряете, потащит вас посмотреть гулянье, пушки и всякий
вздор. Ступайте сами к собору (Мюнстеру**) и, если вы способны понимать
средневековое искусство, у вас дух захватит при виде целого и частного. Из
двух башен, как известно, долженствовавших украшать собор, только южная
достроена, но этого довольно, чтобы дать понятие о замысле целого.

Основной план всех средневековых соборов неизменен; крест, переходящий в
стрельчатую розу. Сколько грации в этой розе! Она вся убрана самым усидчивым и
нежным женским рукодельем – кружевами. Но в том-то и заключается могучая сила
средневекового зодчества. Оно умело высказать свой задушевный мотив в самых
тесных рамках символа. Перед вами снова возникает лик гольбейновой Мадонны. Вам
тяжко, страшно

* продавщица (франц.).

** Munster – кафедральный собор (нем.).

58

и вместе с тем легко до слез. Это не наши современные здания, в которых холодные
камни сплочены с целью укрывать человека в ничего не говорящих клетках от
непогоды. Тут, слава Богу, нет внешней цели или, по крайней мере, она вся
принесена в жертву идеалу. Этот камень, светло и легко вознесенный верою из
праха – это возвышенная, страстная песнь мистического хора, окаменевшая под
небом. Взглянув на сквозящую башню, на тонкие, воздушные колонны, ее облеглие,
не веришь глазам. Кажется, от малейшего дуновения все рухнет, – а между тем все
это вечно. На какую бы точку громады ни упал взор, он поражен прелестью

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana исполнения и причудливым вымыслом подробностей. Какая сила! какое искусство! Только бесстрастная тупость и пламенная гениальность способны на такой труд, убийственный своею мелочностью. На площадке у северных дверей прекрасные статуи архитектора Эрвина (баденского уроженца) и его дочери, украсившей храм, сооруженный отцом, произведениями своего вдохновенного резца. И старика отца, и себя изваяла она же. Нельзя сказать: учитесь, художники, а можно и должно сказать: будьте чисты духом и веруйте во вдохновение, тогда ваши камни задышат и заговорят. Обыкновенный утренний поезд, отходящий в семь часов из Страсбурга, прибывает в восемь часов вечера в Париж, а экстренный, отправляющийся в полдень, прибывает в десять с половиной часов. Разумеется, я выбрал последний: для меня нет довольно быстрых поездов; а между тем, что делать целое утро до двенадцати часов? Глядеть из окна на площадь и статую Клебера да на проходящий народ, или идти в кофейню играть на бильярде без луз, потешаясь одними карамболями? – Направо в улице затрещала труба. Ей против меня на гауптвахте откликнулась такая же, и караул высыпал на плацформу. Отдаленная труба трещит все громче и громче, вот и трубач, покачиваясь с ноги на ногу, показался из- за угла, а за ним и красноногий взвод пехоты, с ружьями вольно. А! а! смена караула!?

Однако пора в Париж, догонять чемоданы, которые еще из Гейдельберга прямо туда ускакали. О местности между Страсбургом и «столицей мира», как говорят французы, скажу два слова. Однообразная равнина, по которой все дороги, канавы и межи засажены высокими тополями, придающими стране вид шахматной доски. Множество полей, покрытых свекловицей и в Шампани виноградниками. Там и сям крестьянин в синей блузе погоняет по-русски двух-трех тяжелых лошадей, взрывающих широким плугом желтоватую, глинистую почву. Иногда эту работу исполняет одна огромная лошадь при помощи осленка или коровы. Что касается до станций, они так же мрачны, как немец

59

кие, и можно б вообразить, что едешь по Бадену, если б кондукторы, отворяя дверцы карет, кричали не так отрывисто и звонко: «Nancy!.. Ваг le Duc! Chalons-sur-Marne!!.. Epernay!!»*. Смеркается, темнеет, через полчаса приедем в Париж. В темных вагонах тяжелых поездов мычат быки и телята, блестящие реверберы чаще освещают дорогу, машина убавила ходу, остановилась. Что такое? «Приехали в Париж». Что ж нас не выпускают? «Верно, в дебаркадере место занято. Выведут тот поезд, тогда и нас введут». Минут через пять и нас вкатили под огромный стеклянный свод, опирающийся на железные стропила. – Шум, беготня. – Все бросилось к выходу. А мне еще нужно чемоданы выручать. Где таможня, мой милый? «Вот здесь, налево. Пожалуйста в комнату для проезжающих. Теперь дверь в таможню заперта, но когда ее отопрут...» Нельзя ли, любезный друг, мне добраться до чемодана, который я вижу через стекло, вон, вон стоит на лавке? – «Мг!** сегодня я не на службе и потому не могу вам быть угодным, а завтрашний день я готов...» Что ты, любезный, – подумал я, – белены что ли объелся? Мне нужны вещи сегодня, а не завтра. Человек десять подобных танталов оставались во внутреннем коридоре смотреть в томительной скуке через окно на недосыгаемые чемоданы. Возник ропот на медленность таможенных, и каждый вклеил свое словцо, – но дело не подвигалось. Я посмотрел на часы, двенадцатый час. Наконец, вожделенные двери отворены, и мы бросились на свою законную добычу. «Вам нечего объявлять?» – Нечего. – «Все равно, не угодно ли открыть вот этот чемодан. А! а! ничего! закрывайте».

«Прикажете снести ваши вещи?» – спросил фактор. – «Да». – Наконец-то я выдрался на наружную колоннаду здания. Тележки, тачки так и снуют мимо ног. Омнибусы с разноцветными фонарями смотрят из сумрака ночи, как разноглазые чудовища, дверцы хлопают, лошади ржут, народ кипит во мраке и кричит, как при столпотворении. Дождик хлещет, и все разъезжается. Гляжу, мой молодец свалил вещи при первой колонне и уверяет, что ему некогда. То есть: давай франк и делай с чемоданом что хочешь. – Черт тебя возьми, много услужил. – «Я вам приведу извозчика», – вызвался какой-то блузник. – «Веди!» – Жду, отойти нельзя, утащат чемоданы и последнее будет горше первого. – Наконец фиакр, то есть карета в одну лошадь, является, вещи забраны, и я укрываюсь от дождя. «Куда прикажете?» – «Boulevard des Italiens, Rue Taitbout, hotel Taitbout»***.

* «Нанси!.. Бар ле Дюк!!.. Шалон-сюр-Марн!!.. Эперне!!» (франц.).

** M<onsieur! – Сударь! (франц.).

*** «Итальянский бульвар, улица Тэтбу, гостиница Тэтбу» (франц.).

60

После немецких фиакров, не отличающихся проворством, вас поразит быстрота, с которой всякого рода экипажи раскатывают по Парижу. Примите в соображение, что вы едете в чет- вероместной карете, а везет ее, по большей части, одна лошадь. Впрочем, быстрой езде много способствует превосходная мостовая из квадратами отесанного и чрезвычайно ладно сплоченного камня. Тяжесть экипажа верно

рассчитана по средней силе лошади, так что малейшая перемена условий, например, незначительный подъем в гору превращает крупную, размашистую рысь в томительный шаг, сопровождаемый громким хлопанием бича. Дома огромны и улицы покамест довольно тесны. По всем стенам без окон и по заборам читаешь, при свете газовых фонарей: «Ddfense de ddposer des ordures contre ce mur»*, или: «Ddfense d'afficher»**; а там, где этих надписей нет, все залеплено красными, желтыми, белыми и зелеными объявлениями всевозможных родов и видов. Карета остановилась перед воротами, над которыми золотыми буквами написано: Taitbout. – Звоню. Задвижка щелкнула, одна половинка приотворилась, и я очутился в четвероугольном сарае (vestibule), со стеклянной дверью в комнату хозяев гостиницы и ложей привратника во глубине, куда, при моем появлении, флегматически отправилась огромная ангорская кошка. Каменный пол, газовый ревербер, сонный слуга и привратница, снова уснувшая под качающимся шнурком, которым она только что отворила мне ворота. – «Комнату!» – «Пожалуйте во второй этаж».– Две небольших комнаты, в каждой ковром обтянутый пол, камин с бронзовыми часами под стеклянным колпаком и по стенам гравированные сцены из жизни Наполеона I; во второй, кроме того, кровать под занавесками, в виде палатки. Упоминаю об этих мелочах с тем, чтобы к ним не возвращаться, тем более что они повторяются, с небольшими изменениями, в каждом парижском доме. Нередко vestibule проходной и ведет на мощный внутренний двор, но это уже в очень больших домах. Однако пора спать. Утро вечера мудренее. Полезу под палатку. Поутру, отправляясь завтракать к Тортони и отдавая привратнице ключ от комнаты, я мимоходом заметил хозяйский завтрак. Все сидели за небольшим столом, и перед каждым стояла фарфоровая чашка, видом и величиной напоминающая наши полоскательные, а в каждой суповая ложка и почти до краев кофе с молоком, в котором плавают куски булки и гренков. Неужели и я буду пить кофе из полоскательной чашки? Выхожу на бульвар. По широкой улице с новыми

* «Запрещается класть мусор у этой стены» (франц.).

** «Запрещается развешивать объявления» (франц.).

61

или обновленными домами в шесть-семь этажей, с превосходно содержимым шоссе посередине и широкими асфальтовыми тротуарами по обеим сторонам, не идет и не едет, а бежит и скачет несметная толпа.

Надо иметь некоторый навык, чтоб, переходя через улицу, не попасть слева под лошадей, когда бережешься их справа. Рябит в глазах от блестящих экипажей и мелькающих желтых омнибусов. – Дайте кофе! – говорю я слуге, переступая за порог кофейни с зеркальными стенами и мраморными столиками перед диванами и стульями. «Сейчас! Не прикажете ли баранью котлетку, английской ветчины, холодной телятины и проч.?» – Нет. Дайте кофею. – «Сейчас, – отвечает gar\$on*, ставя предо мной прибор и крикнув отрывисто вбок: сафб!!** – Вот она, узнаю ее, полоскательная чашка и суповая ложка.

Я поспешил положить все четыре изящными кирпичиками наклонные куски сахара, которые мне подали, и предо мной предстал другой слуга, с огромным жбаном из накладного серебра в каждой руке, из одного в мою чашку полилась темная, из другого белая струя. Ну, слава Богу! Смесь произведена, и, намазав масла (парижское масло славится свежестью) на булку, я стал черпать столовой ложкой сероватую влагу. Впрочем, это единственное средство напиться кофею, – ручки у чаши (чашкой стыдно назвать) нет. Впоследствии я узнал, что в иных кофейнях есть огромные чашки с ручками и подаются не столовые, а десертные ложки. Это уже экономия, а настоящее – вот. Я забыл сказать: по обеим сторонам бульварных улиц, опоясывающих весь Париж, по чертам, отделяющим шоссе от тротуаров, насажены деревья, как это когда-то было на Невском, а в иных местах, по крайней мере с одной стороны, тянутся небольшие липовые аллеи, наподобие тех, что украшают московские бульвары. Решась осмотреть улицу, садитесь в один из извозчичьих фаэтонов. Если на лице кучера приветливая, французская улыбка, подходите смело и садитесь в экипаж, а если на козлах сидит важная особа, да еще читает журнал, и не трудитесь заводить с ним речи – он только искоса посмотрит на вас и опять погрузится в сознание собственного достоинства, – он занят. «A l'heure ou a la course?»*** – спросит он непременно. Вам нужно видеть улицы, а торопиться некуда, говорите: a l'heure****, и будьте уверены, что и конные, и пешие будут обгонять вас. Кажется, сама

* официант, гарсон (франц.).

** чашку кофе!! (франц.).

*** «<Оплачиваете> время или расстояние?» (франц.).

**** время (франц.).

62

лошадь понимает роковой звук. А кругом все мчится и несется. Экипажи блестящие, лошади прекрасные, а время от времени попадают щегольские – английские,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana особенно запряженные в собственные экипажи. В Париже нет вещей, связанных лыком, и выражение «дряхлае кареты», столь меткое у нас, здесь совершенно непонятно. Перед омнибусами, почти без исключений, пара серых, отлично содержанных жеребцов, которые иногда раздирают слух своим ржанием, но зато как перышко мчат огромную карету, унизанную в два этажа народом. Не видавши, нельзя себе вообразить, сколько таких омнибусов рыщет по Парижу, но для иностранца, незнакомого с городом, подобный дешевый способ переездов почти не существует. Зато посмотрите, с какой ловкостью взлетел француз на имперьял, – на ходу, – и как ему там удобно. У него такое выражение лица, что, кажется, его ничем на свете не озадачишь. Для удобства внешнего вида в Париже сделано все. Даже двухколесные фуры, перевозящие товары и мебель, завешаны расписанными занавесками, за которыми нагруженный хлам не кидается в глаза. Одно неприятно поражает любителя коней: – кожаные наколенники, попадающиеся беспрестанно даже на славных, кровных лошадях. Может быть, это и предотвращает ушиб переднего колена лошади, могущей споткнуться при быстрой езде или трогании с места огромной тяжести, но, не менее того, очень безобразно. – Кто любит наружный блеск и роскошь, тот нигде в мире так не насмотрится на них, как в Париже. Зеркальные стены, цветы, резной дуб и орех, красное дерево, бронза, зеркальные стекла, за которыми разложены и развешаны несметные богатства. Не будь здесь столько богатых иностранцев, развозящих предметы роскоши по целому свету, нельзя бы понять, кто может раскупать все это. В громадном городе почти нет дома, в котором бы внизу не было магазина, а главные улицы – двойные ряды бесконечных магазинов. К этому надо прибавить множество пассажей и Пале-Ройяль, которые и состоят из одних магазинов. Уже одно накопление драгоценных камней и металлов изумительно. Вечером все загорается ярким газовым светом и еще резче выступает со всеми изящными подробностями.

Париж, как известно, состоит из двух почти равных частей, разделенных Сеной, которой обилием воды нельзя похвастать перед Москвой-рекой. Я хотел видеть знаменитые сети для задержания утопленников, но меня убедили стороной, что эти сети существуют только в воображении романистов. Левая, южная сторона города – старый Париж, а правую, соединенную несколькими мостами со старым, можно, не стесняясь, назвать Парижем наполеоновским. Здесь все напоминает эпо

63

ху первой Империи и все подверглось влиянию новой. Не хочу сказать, чтобы и на южной части не отразилось это влияние, но вполне наполеоновская часть города северная. Тут и знаменитая новая улица Rivoli с Лувром, увеличенным вдвое, и с громадными новыми домами насупротив, вытянутыми до такой степени в струнку, что когда вы с одной стороны вступите под своды арок, которыми эти здания обращены на улицу, глаз видит одну бесконечную галерею. Напрасно прибавлять, что под этими арками, sous les arcades, более чем на версту блистают друг возле друга всевозможные магазины, выставки, гостиницы, кофейни и проч. Середину зданий, подделанных под стиль старинного Лувра и составляющих в настоящее время один четвероугольник с Тюльерийским дворцом, занимает широкая Наполеоновская площадь. Под главными воротами, ведущими на нее с улицы Rivoli, вход в дворцовые казармы зуавов, которых батальоны сменяются каждые три месяца. Кроме зуавов, караул в Лувре, Тюльерийском дворце и находящемся напротив Пале-Ройяле, равно как и в других императорских дворцах, содержат гренадеры, одетые в мундиры Наполеона I. Разбитные, бородатые зуавы, с белыми чалмами на бритых головах, и важные, отчасти суровые гренадеры, в медвежьих шапках, наклоненных наперед, два совершенно различные типа. Тем не менее, и те и другие молодцы. На правом берегу Сены и Вандомская площадь с колонной, украшенной

– статуей чугунной

Под шляпой с пасмурным челом,

С руками, сжатыми крестом,

и наполеоновские казармы по обеим концам Rivoli, и продолжение Тюльерийского сада – Елисейские поля с хрустальным дворцом (Palais de l'Industrie) и перспективой на Триумфальные ворота.

Тут улицы и дома возникли не вследствие частных соображений и условий, а по строго обдуманному плану одного. До какой степени наполеоновский элемент проник в старый Париж, можно судить по тому, что там находятся Военная школа, Инвалидный дом, Наполеоновский лицей и т. п. Между двумя частями города, немного выше Лувра, вверх по течению, Сена, раздвоившись, образует два острова, из которых второй, ближайший к Лувру, замечателен находящимся на нем собором Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). Прежние жители и посетители Парижа жаловались на уличную нечистоту и нестерпимые испарения. Со времени Людовика-Филиппа подобных жалоб не слышать. Он перемостил жолобовидные мостовые, подняв сере

64

дину, по которой прежде проходил сток (Le ruisseau), вследствие чего стоки

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana образовались у обоих тротуаров. Кроме подземных труб, существующих во всех больших городах, он снабдил все улицы тумбами и кранами (bornes, fontaines) и пробвел в них воду с возвышенного места. По мере надобности полиция пускает из кранов воду, которая сбегает по стокам вдоль улицы до самой нижней точки склона и, уходя сквозь железную решетку в подземную трубу, уносит с собою весь сор, неизбежный на улицах столицы с народонаселением в полтора миллиона. Бассейны, из которых вода проведена в уличные краны, доставляют чистую, прозрачную воду, и вы нередко переступаете через ручеек, светлый, как хрусталь. Кроме того, в летний зной подобное орошение чрезвычайно освежает улицы, в которых без него духота была бы страшная. Что касается до различных типов, лиц, сословий, наций, ремесел и промыслов, двигающихся по парижским улицам, то не только исчислить, но намекнуть на них невозможно. От курчавой негрятки и важного бедуина до американского плантатора и громко разговаривающего русского, все народы имеют тут своих представителей. Бывают мгновения, когда в тесных улицах экипажи, наткнувшись друг на друга, останавливаются, а вслед за ними и пешеходы, которым они на перекрестках загородили дорогу. Но вот снова все тронулось и поскакало и побежало куда следует. Кроме того, между всеми конными и пешими, катятся и тащатся бесчисленные тележки и тачки со всевозможным товаром. Вот блузник везет артишоки и персики и кричит, вот баба тащит воз зеленых бобов – и кричит. Стук, гром, гам; но не беспокойтесь, посреди этого содому она так крикнет: «haricots!»*, что у вас в ушах зазвенит. А вот поль- де-коковский продавец сбитня (marchand de coco**), с огромной жестяной флягой за спиной и такими же стаканами, торчком расположенными по помочам. Все это вычищено донельзя и горит, как серебро. В руках у него колокольчик, которым он скликает охотников насладиться солодковым настоем. Вслед за ним идет продавец и исправитель кранов. Этот не кричит, а только на адском рожке наигрывает адские арии. Прежде у этих господ были сигнальные рожки, приводившие в недоумение публику насчет того, приближается ли marchand des robinets*** или взвод пехоты, которой надо дать место, – вследствие чего сигнальные рожки им запрещены и они выдумали рожки с дикими звуками, которых нельзя принять ни за что другое в мире. Спрашивается,

* «фасоль!» (франц.).

** продавец кокоса (франц.).

*** продавец кранов (франц.).

65

каково человеческим ушам? Но вот господин или госпожа, которая и трещит во все горло, и орет во все горло: «du plaisir, s'il vous plaît, du plaisir!..» * Вы думаете, что за plaisir** такой, а дело ограничивается лепешками, вроде трубочек, подаваемых у нас к битым сливкам.

Мужчины-парижане, за незначительными исключениями, одеваются не без вкуса, но чрезвычайно просто; зато парижанки! Что бы сказал фамусов, говоривший про московских девушек, будто:

Умеют же себя они принарядить Тафтидей, бархатцем и дымкой.

Всякая парижанка умеет из дурного лица сделать чуть не красоту, и в этом случае другим женщинам с ними спорить мудрено. Здесь про немилovidную женщину не говорят, как она дурна, а говорят, как она глупа. Парижанка так все расположит и примостит, что одно скрывает другое, а быть может, и то и другое поддельно. Где теперь не носят подвязных кос? Но вы с первого взгляда их узнаете. Узнайте же у парижанки. Да она шляпку перед вами снимет и покажет прическу, вы и тут не узнаете, а о прочих частях туалета и говорить нечего. Это не наряд, а цветок-самородок. Летом парижане чуть не живут на бульварах. Толпа и суета страшная, но беспорядку никакого. На каждом угле, на каждом тротуаре расхаживает господин полицейский (sergent de ville), в треугольной шляпе и шпаге. Они чрезвычайно вежливы, особенно с иностранцами. Спросите его о чем угодно, он все вам растолкует, даст сведения самые точные и проводит вас несколько шагов по указанному направлению. – Вечером, кроме больших газовых фонарей, каждый магазинчик зажигает небольшой плоский фонарик, от которого свет ударяет в зеркальное окно магазина, освещенное и изнутри газом. Есть еще газовая иллюминация, например, над концертом Мюзара. В теплый летний вечер перед кофейнями целые бивуаки посетителей за мраморными круглыми столиками прохлаждаются лимонадом, мороженым, ликером и пивом. Прежде пиво не было в таком употреблении, ныне же обычай этот перешел из-за Рейна и с каждым годом распространяется более. Мороженое, за немногими исключениями в кофейнях и у лучших ресторанов, плохо, что не мешает ему быть потребляемым в большом количестве. Все столики в известные часы заняты, и посетители истинно прохлаждаются, то есть сидят за рюмкой чуть не час, любуясь на проходящих дам-каме-

* «удовольствие, пожалуйста, удовольствие!..» (франц.).

** «удовольствие» (франц.).

лий, разряженных в шелк и бархат. французы великие мастера подмечать собственные забавные стороны. Иллюстрации выходят ежедневно десятками и, разумеется, бульвары с кофейнями не забыты. Вот господин, с газетой в руке, важно закинулся на спинку стула; вот другой, облокотись на колено, хищно смотрит на мелькающие ботинки проходящих дам. Такие живые типы встречаются на каждом шагу. Главная, блестящая жизнь Парижа сосредоточена на правой его стороне. Тут биржа, Тюльери, Лувр и все лучшие рестораны, а вечером Итальянский бульвар с его продолжениями привлекают толпы различными зрелищами, без которых француз жить не может. Бульварных театров не перечтешь, и в воскресный вечер, когда рабочий и торгующий класс свободны, надо видеть, что тут происходит. В доказательство, до какой степени французов занимают игрушки, можно привести пример изобретателя ручного парашюта, то есть тонкой цветной бумаги со шнурками по краям. Вечером какой-нибудь *commis** или *garçon* стоит под фонарем своего магазина и, в ожидании покупателей, забавляется следующим невинным образом. Он махнет вверх бумажный зонтик, придерживая шнурок, и цветная легкая бумага, нередко вздувшись, медленно опустится с аршинной высоты. Вот и все. Между тем господин изобретатель бумажного парашюта купил на него привилегию и нажил 200000 франков. Оставя толпу стремиться вверх по бульвару ко входам театров, о которых поговорим в свое время, последуем за идущими вниз к церкви Магдалины. Оттуда, повернув налево, в две минуты дойдешь до Площади Согласия (*Place de la Concorde*), с известным обелиском посредине. Площадь эта отделяет Тюльерийский сад от Елисейских Полей. Скамейки по бульварной аллее, как видите, все заняты, – они даром, а на складных железных стульях довольно мест для отдыха: за них платят по две копейки. Ночь чудная, луна – как зеркало. Около обелиска два прекрасных телескопа, в которые уличный астроном покажет вам за три копейки луну, как на ладони, а за три других – Юпитера или иную планету, достойную общественного внимания. Видите ли длинный ряд довольно тщедушных, но великолепно освещенных деревьев – это Елисейские Поля (*Champs Elysees*). Деревья точно плоховаты, зато чего нет вокруг их, чтобы не сказать: под их сенью. Подвижные бильярды, на которых разыгрываются всевозможные вещи, таковые ж рулетки, вертящиеся качели с газовым освещением, деревянные коньки и даже корабли под парусами

* приказчик (франц.).

67

и флагами, подвешенные на бревнах, от которых этот воздушный флот получает круговращательное движение. Тут же, в нескольких шагах, *Café chantant*, то есть кофейня, перед которой, вместо лож, поставлены стулья вокруг небольших столиков, а напротив полукруглая беседка, декорированная, освещенная газом и украшенная распеваящими грациями в пастушеских костюмах. Все место отделено от безденежных любопытных деревянной решеткой, у ворот которой вы, однако же, ничего не платите, а обязаны только порцией того или другого. Если злая судьба (а она всегда зла) поместит вас не у самой беседки, то увидите только пастушек, не боящихся простуды, сидящих рядком у драпированных стен, – увидите, что одна из них, вышед на авансцену, с открытым ртом, размахивает руками, но пеня, за окружающим шумом, не услышите, да и не будете в потере. Но кто же начинает осмотр Парижа с публичных гуляний? Мы зашли в Елисейские поля мимоходом, вечером, – но с завтрашнего дня пустимся осматривать капитальные редкости, между которыми первое место, бесспорно, принадлежит Лувру.

III

Лувр. – Статуя Франциска I. – Общее впечатление здания. – Музей американских древностей. – Египетский музей. – Вазы. – Французский музей. – Французские живописцы. – Грэг. – Музей античных изваяний. – Кулачный боец. – *Diane a la biche*. – Вепрь. – Демосфен. – Венера Милосская. – Картинная галерея. – Зала Аполлона. – Опять французы. – Зала Павла Веронеза, Перуджино, Рафаэля, Мурильо: «Брак в Кане Галилейской», «Вознесение Божией Матери», «Михаил Архангел» и «Мадонна венков». – «Мадонна Перуджино», Поль Поттер и «Мальчик» Мурильо.

Когда с *Rivoli* входишь на обширный внутренний двор старого Лувра, первый предмет, бросающийся в глаза, – конная статуя Франциска I, поставленная среди двора. Пряничный, невозможный француз сидит на прянично-невозможном коне. Я называю их пряничными, несмотря на огромные размеры памятника, потому что не умею иначе выразить всю смешную, детскую изысканность самодовольного седока и невозможно и в хвост и в гриву завывающегося коня. Перед подобными произведениями мне приходят на память стихи Крылова:

Какой бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы это сделал я?

68

Квадратом расположенное здание Лувра, построенное во вкусе Возрождения, прекрасно и, без сомнения, вместе с Тюль-ерийским дворцом, один из лучших, если не лучший архитектурный памятник Парижа. Напрасно стараются связать эти два здания постройками в том же вкусе. Громадно, но глаз так скоро не обнимает целого и части не сливаются так легко в стройное единство. Взвасьтесь быть проводником по Лувру, я заранее отказываюсь показать вам в порядке все его богатства. Во-первых, всего не покажешь и не перескажешь, а во-вторых, у самих французов нет по этому предмету порядочного руководства. Для каждого отделения составлены кое-какие, но вы не можете, как в Берлине или Дрездене, положить книгу в карман и сказать: «теперь все рассмотрю». Утешьтесь! Таков не один Лувр, а весь Париж и все его памятники. Тут все начато, затеяно на большую ногу, сломано, недоделано и ждет окончания, и быть может, будет ожидать его вечно, как страсбургская колокольня. Вы идете по парижской улице или по бульвару и вдруг натываетесь на веревку или доску, а блузник-мальчишка махнет в сторону. Значит – не ходи, ушибут с 7-го этажа или обольют известью. В Лувре то же самое. План его таков, что вошедши под одни из четырех ворот, можно обойти его кругом, переходя из зала в залу, из отделения в отделение. Не тут-то было! Лестница забита досками, галерея с ободранными стенами, по которым льется дождевая вода, загорожена и завешана посередине. – Поворачивай назад. – Для почину пожалуйста налево, в небольшую залу, из которой другого выхода нет, а надо опять воротиться во двор. Это – Музей американских древностей. Смотрите на каменных змей, крокодилов, баснословных зверей и чудовищ, на различные чаши, сосуды, каменные топоры и проч. Судя по отделке многих вещей, можно заключить, что первобытные жители Америки не могли быть дикарями. У диких таких потребностей не бывает; но кто и что они были, едва ли кто-либо скоро ответит. Теперь пойдете через двор под ворота налево, то есть в те, к которым франциск обернулся спиной. Здесь прежде всего вступаешь в Египетский музей. Огромная зала в два ряда уставлена колоссами и гробницами царей. Собрание чрезвычайно богато, но на обстановку далеко не обращено той любви к предмету, которая меня поразила в Новом берлинском музее. Следующие затем залы, этажом выше, представляют в стеклянных шкапах, расположенных вдоль стен, богатое собрание всевозможных египетских, греческих и этрусских ваз и сосудов глиняных, металлических и стеклянных. Посреди зал большие конторки под стеклом, наполненные всякого рода древними украшениями и утварью. Вправо от этого музея начинается ряд зал, со стеклян

69

ными же шкапами. Тут хранятся всякого рода вещи, принадлежавшие французским королям и королевам: лампы, панцири, шлемы, мечи, седла, шпаги, браслеты, ожерелья, венцы. Целая зала с порфирами, в которых короновались французские монархи и, между прочим, мундир Наполеона I, его славный серый сюртук и складная, низенькая походная кровать.

Отсюда ход в галерею французских живописцев.

– Ради Бога, не водите меня туда или, по крайней мере, не будем там долго останавливаться. Оглянитесь только и скажите, где искусство когда-либо так размахивало руками? А станете присматриваться, то ли еще увидите! Мелодрама, да такая, какой не-француз и во сто лет не выдумает. Но зато в конце этих зал и глаза и душа отдохнут отрадою перед картинами и головками Грёза. Как они просты и грациозны! – точно светлый, волшебный сон. В созданиях Грёза есть что-то дымчатое, неопределенное. Это не Рубенс, который говорит: видали ли вы женщин-богинь, с телом, дышащим горячей негой вечной юности, с золотистыми кудрями, в которых шелк сквозит солнечным лучом? Не видали? – Я, волшебник-исполин, в самых широких размерах, не стесняясь ничем, я покажу вам этих богинь так близко, в таком ярком свете, что вы никогда уже не скажете: я не видал их. Не то говорит Грёз. Случалось ли вам, говорит он, в чистых, безгрешных снах вашего детства видеть прелестные, детские головки, неизвестно почему и откуда окружившие вашу постельку? Помните ли, как вам хотелось к ним или, по крайней мере, рассмотреть их поближе? Со слезами на глазах вы тихо к ним просились, но поутру самые образы исчезали из памяти и только подушка, смоченная слезами, свидетельствовала о посещении воздушных гостей. – Я волшебник, я призову и в небольшой рамке покажу вам такую головку, только не просите опять, чтоб она выступила к вам еще ближе. Это невозможно, не ради меня, а ради прелести вашего сна. Тут нельзя рубить топором. Если вы утратили чуткое, детское чувство – проходите мимо; если же оно еще живет в вас, вглядывайтесь в эти воздушные черты, и на сердце вашем закипят те сладостные слезы, которыми некогда смочено было ваше детское изголовье.

Я предупреждал, что тут то и дело свет досками забит и дальше нет ходу. Пойдемте назад тем же следом, через весь двор мимо Франциска I, как раз напротив, под западные ворота, находящиеся под часами (sous l'horloge). Не подымаясь по лестнице, поворотом налево, в Музей античных изваяний. Перечислить Марков-Аврелиев, Титов, Неронов, Вахвов, Вах-хов-Геркулесов, Амуров,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana Геркулесов, Венер – невозможно и бесполезно.

70

Остановимся перед произведениями, которых образ просится в память и вечно остается в ней. Вот всему свету известный Дискобол или, вернее, кулачный боец. Он, как и следует борду, весь нагой. Все тело, опираясь в наклонном положении на правую ногу, получает свое могучее движение от левой, упирающейся в землю и натянутой, как струна. Левая рука, в согнутом положении, занесена для отражения удара от головы, обращенной лицом несколько влево, а правая замахивается для нанесения его. Какая верность в воссоздании прелестного атлетического тела, и в то же время какая идеальность! Кажется, вся железная сила вышла наружу и высказывается в каждом мускуле, каждой жиле и каждом сгибе сустава. Говорят, наш покойный Брюллов разбил вокруг этой статуи шестнадцать точек и срисовал ее с каждой. И неудивительно. Только греки умели уловить тайну природы, вследствие которой тело равно совершенно со всех возможных точек зрения, и ни на минуту не представляет загадочного вопроса: что это такое? У новейшей скульптуры этого не найдете. Как бы статуя ни была хороша, всегда есть точка, с которой придется спросить: что это такое? или с которой, по крайней мере, исчезает вся прелесть. Здесь, напротив, с малейшим движением зрителя линии изменяются, ничего не теряя в ясности и красоте. До какого, однако же, непостижимо-чуткого понимания красоты дошли эти греки! «Вот открыл новую истину!» скажете вы. Истина старая, но она непременно сорвется с языка перед луврским Борцом. Что касается до Дианы (Diane й la biche*), находящейся в одной из соседних зал, не могу ей не удивляться, но в то же время, к стыду моему, не могу безусловно восхищаться ею. При дивной чистоте форм, она холодна, как самый миф богини. Тонкая, высокая шея еще увеличивает общую сухость и холодность впечатления. Но зато в той же комнате чудный образчик греческого мастерства – Вепрь, изваянный из черного мрамора. Зверь только что лежал и, услышав шум, встает с логова. Хрюкнув, он поднял голову и насторожил уши. Передние ноги уже крепко стоят, опираясь на лоснящиеся, от быстрой ходьбы спереди несколько сточившиеся ногти, а задние судорожно сжимаются в нижнем суставе, готовясь поднять тяжесть зада, левым боком еще лежащего на земле. Это настоящий кабан. Это дичь. Каменные уши чуть не сходятся на макушке, напрягаясь разгадать услышанный шум. Но в то же время это идеал кабана. Вся поэзия свиной морды воплощена, все изумленно вопросительное выражение головы животного сосредоточено в этих небольших каменных глазах.

Пятачок на

* Диана с ланью (франц.).

71

конце рыла не только чует, даже говорит: «Что? кто такой? Эх! належал было место!» – От дикого кабана перейдем к лику кабана образованного, мудрого, но, тем не менее, готового каждую минуту лететь на нож. Я говорю о статуе Демосфена. Он сидит, понутив голову, на которой уже мало осталось кудрявых волос. Если бы без подписи, вы и не узнали <бы> Демосфена, каждая черта истомленного лица и судорожно сжатых губ сказала бы вам: этому человеку дана страшная сила, но он видит, что борьба неравна и все-таки идет вперед, навстречу трагической судьбе, идет, потому что остановиться не может. Живой оратор не был красноречивее своего каменного образа и, если бы мрамор задышал и ожил, Демосфен продолжал бы бездействовать, сохраняя позу, данную ему художником. В настоящую минуту он живет не внешнею, публичною жизнью, а келейной, так сказать, с глазами, обращенными внутрь. Несмотря на обнажающую голову и впалые щеки, он готов бы заплакать. Но люди, у которых губы сжаты таким образом, не плачут. Пойдемте далее. Нас ожидает высокое эстетическое наслаждение. В конце одной из галерей возникает образ, рядом с которым едва ли что может поставить скульптура. Перед нами Венера Милосская. Статуя отыскана на острове Милосе в 1820 году, и маркиз де Ривьер, бывший в то время посланником в Константинополе, прислал ее в подарок королю. Подарок истинно царский. Из одежд, спустившихся до бедер прелестнейшим изгибом, выцветает нежно, молодой, холодной кожей сдержанное тело богини. Это бархатный, прохладный и упругий завиток раннего цветка, навстречу первому лучу только что разорвавшего тесную оболочку. До него не только не касалось ничье дыхание, самая заря не успела уронить на него свою радостную слезу. Богиня не кокетничает, не ищет нравиться. Пленительный изгиб тела явился сам собою, вследствие змеиной гибкости членов. Она ступила на левую ногу, нижняя часть торса повинуется движению, а верхняя ищет равновесия. Обойдите ее всю и, затаив дыхание, любуйтесь невыразимой свежестью стана и девственно строгой пышностью груди, которая как бы оспаривает место у несколько прижатой правой руки, этой чудной, упругой, треугольной складочкой, образовавшейся сзади, под правой мышкой. Что ни новая точка зрения, то новые изгибы тончайших, совершеннейших линий. А эта, несколько приподнятая, полуоборотом, влево смотрящая голова? Вблизи, снизу вверх, кажется, будто несколько закинутые, слегка вьющиеся волосы

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana собраны торопливо в узел. Но отойдите несколько по галерее, чтобы можно было видеть пробор, и убедитесь, что его расчесывали Грации. Только они умеют так скромно кокетничать. О красоте лица говорить нечего.

72

Гордое сознание всепобеждающей власти дышит в разрезе губ и глаз, в воздушных очертаниях ноздрей. Но и эта гордость не жизненный нарост известных убеждений, нарост угловатый и всегда оскорбляющий глаз, как бы искусно и тщательно ни был скрываем. Это выражение, присущее самому явлению. Это гордость прекрасного коня, могучего льва, пышного павлина, распустившегося цветка. Что касается до мысли художника, – ее тут нет. Художник не существует, он весь перешел в богиню, в свою Венеру Победительницу (Venus Victrix). Ни на чем глаз не отыщет тени преднамеренности; все, что вам невольно поет мрамор, говорит богиня, а не художник. Только такое искусство чисто и свято, все остальное его профанация. Одна сатира имеет право прикрывать виноградным венком острый рог воинственного животного, да и то, как Минерва, она должна выходить из головы отца во всеоружии, а не походить на тех кукол, у которых острый клин служит основой тряпичного тела. Если, просидев час перед милосской Кипридой или дрезденской Мадонной, вы не убедитесь в этой вечной истине, говорите смело: «ведите меня вон! Я слеп, от рождения слеп». Когда в минуту восторга перед художником возникает образ, отрадно улыбающийся, образ, нежно согревающий грудь, наполняющий душу сладостным трепетом, пусть он сосредоточит силы только на то, чтобы передать его во всей полноте и чистоте, рано или поздно ему откликнутся. Другой цели у искусства быть не может, по той же причине, по которой в одном организме не может быть двух жизней, в одной идее двух идей. У Венеры Милосской обе руки отбиты: правая выше локтя, левая почти у самого плеча, по приподнятым округлостям которого видно, что рука была в вытянутом положении. Думают, будто победительница держала в этой руке копье. Но об этом даже подумать страшно и больно. Что ни вообрази, сейчас нарушается стройное единство идеала, находящегося перед глазами. Того, кто осмелится сюда прибавить что-либо, будь он сам Панова или Торвальдсен, надо выставить к позорному столбу общественного презрения. Знатки ценят безрукую статую в пять миллионов франков, но эта сумма ничего не говорит. Пожалуй, цените ее хоть в грош, и грошей и миллионов на свете много, а Венера Милосская одна и во веки веков не может быть повторена ни за все сокровища мира.

Вышед из галереи антиков в те же двери, в которые вошли, подыдемся по лестнице во второй этаж, в Картинную галерею. В первых комнатах французы. Не отворачивайтесь, – смотрите! После Венеры Милосской эти вычурные фигуры назидательны. Здесь без комментариев поймете, до чего может дойти изысканная преднамеренность. Тут художник не спрятался за свое про

73

изведение, нет, он тут во всей красе, с подвижным усом, взбитым хохлом, ухарски раздвинутыми ногами и руками, заложенными в карманы. Длинная галерея с раззолоченными украшениями по потолку и стенам, – знаменитая зала Аполлона. Потолок расписан сценами апофеозы божества. Но смотреть тут в настоящую минуту нечего. Места, предназначенные для картин, пусты и придают зале грустный, ободранный вид, точно после пожара. Впрочем, в настоящее время появились две-три картины, о которых нельзя умолчать. Они не спасают залу от пустоты, но зато истинно прекрасны. Небольшой портрет «Infante Marguerita» (Velazquez'a)*, «Голова страждущего Спасителя» (Guido-Reni) и (его же) «Спаситель в Гефсиманском саду». Последняя картина производит страшное впечатление. Лик коленапреклоненного Спасителя дышит молитвой и страданием. Во мраке, у ног его, спят ученики, и ангелы, парящие вокруг Сына Божия, с улыбкой подают ему орудия пытки: бичи, гвозди, клещи, терновый венок и проч. Надо видеть грацию небесных младенцев и лицо Спасителя, молящегося, да мимо идет чаша сия, чтобы понять всю силу замысла и исполнения. В конце залы Аполлона, направо, дверь, ведущая к драгоценнейшим покоям дворца. Из первой залы влево ход в комнату, где хранятся средневековая утварь, чаши, кубки, блюда и проч., работы известных художников и между прочим Бенвенуто Челлини. Но о первой зале, наполненной произведениями новейшей французской школы, умолчать невозможно. Каждый француз, интересующийся живописью, спросит вас: видели ли вы «Гибель фрегата Медузы» Жерико (Gericault)? А там и видеть нечего, – мелодрама, да и только. Но как назвать «Потоп» кисти Girodet-Trivison? Этой вычуре не приберу названия. Зато еще несколько шагов, и вы у Павла Веронеза, Перуджино, Рафаэля и Мурильо. Посреди залы диван со спинкой разделяет зрителей, осматривающих противоположные стены. Описывать картину Веронеза, находящуюся на левой стене, «Брак в Кане Галилейской», невозможно. Эта эпопея состоит по крайней мере из ста лиц. Самое название говорит о возможности совершающегося чуда. Пестрая толпа пирующих гостей, невозмутимый мир и вместе

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
человеческое участие на лице Спасителя, головы любопытных, не участвующих в пиршестве, но без которых подобные торжества никогда не обходятся, дышат библейской жизнью и правдой. Даже самые животные, без которых у Веронеза не обходится, собаки, ждущие подачки, и кошка, играющая с ручкой сосуда, в который вливают воду, претворенную в вино, – переносят
* «Инфанта Маргарита» (Веласкеса) (франц.). 74

зрителя в среду той ежедневной действительности, в которую не погнушался вступить Сын Божий, пришедший умереть за человека. На правой стене, против Веронеза, мурильево «Вознесение Божией Матери». Спорят о том, где оригинал картины: здесь в Лувре, или в Зимнем дворце. Чувствую, что заслужу название профана, но я и не брал на себя роли знатока, а говорю о своих впечатлениях при взгляде на то или на другое. В настоящую минуту вижу прекрасную, молящуюся женщину, возносимую ангелами на небо, но не вижу Матери Божества, которая настолько же выше самой совершеннейшей женщины, насколько идеал выше существенности. До сих пор этот небесный, невыразимый идеал я только видел в дрезденской рафаэлевой Мадонне и с той поры перед каждой другой повторяю стихи пушкинского рыцаря:

Он имел одно виденье,

Непостижное уму,

И глубоко впечатленье

В сердце врезалось ему.

Вы везде узнаете Рафаэля по безукоризненной чистоте его линии, по нежной грации, разлитой на всех фигурах; вот и в этой зале, тотчас налево у входа, небольшой образ Мадонны, сидящей с младенцем на руках, и около самых дверей (его же) большая картина «Михаил Архангел, поражающий Дявола». Мало сказать: прелестно, – единственно в своем роде. Самый поверженный ангел, при адском безобразии, все-таки создание рафаэлевской кисти, – то есть легко и грациозно очерчен. Перепончатые крылья дракона, которые силятся приподнять поверженного Сатану, не возбуждают отвращения. Одни глаза Дявола, как угли горящие бессильной злобой, страшны. На лице Архангела идеальная тишина, которую всюду разливал строгий гений Рафаэля. Лучшая, однако же, в Лувре картина Рафаэля, без сомнения, «Мадонна венков» (или *La Jardinière**, как ее называют французы»), находящаяся от Михаила Архангела в диагонально противоположном углу. Божия Мать наклонилась к колыбели, из которой к Ней тянется Божественный Младенец. Ангелы сыплют цветы, и один держит венок над головою Спасителя, а престарелая Елисавета, приведшая младенца Иоанна на поклонение Мессии, морщинистыми руками складывает руки сына на молитву. Малышка Иоанн покорился внушению матери, и его лик уже засветился тою невыразимо-ясной тишиной, которая так умирительна на лице молящегося ребенка. О ликах Пречистой и Спасителя, равно как о престарелом лице Елиса-Садовница (франц.).

75

веты, озаренном глубоким убеждением, не говорю. Довольно сказать: картина Рафаэля. Но перед всеми этими картинами вы наслаждаетесь еще сознательно, а перед дрезденской Мадонной ум переходит в зрение и отказывается служить. Дело в том, что в художественном мире есть два рода идеалов. Одни – идеалы явлений будничных, так сказать возможных, другие – явлений невозможных, которых отчизна непостижимая бездна человеческого духа. Первые можно назвать типами, на которых отразились все стороны предмета, хорошие и худые; во вторых нет дурных сторон, в них все – совершенство. Агамемнон, Гамлет, Лир, Дон-Кихот, Тартюф, Фауст, Онегин, Хлестаков – идеалы в первом смысле, – и блажен художник, способный выразить их во всей полноте. Другой идеал достижим для немногих избранных. Того не подсмотрит, не изучит никакой гениальный взор, чего нет в природе и чего, между тем, так безумно жаждет душа. Никто никогда не видал ни Елены, ни Венеры Милосской, ни Офелии, ни Дездемоны, ни Гретхен, ни дрезденской Мадонны, ни... ни еще десяти-двадцати таких явлений рядом с сотнями, если не тысячами, первых. Я говорю об этом, только желая объяснить, в каком смысле не безотчетно восторгаюсь тем или другим известным произведением искусства. Тем не менее, для меня понятна молитвенная чистота перуджиновой Божией Матери с младенцем на руках и двумя ангелами по сторонам. Рисование еще не стало на степень живописи, тело не вступило в свои права, самые лики святых на первой взгляд однообразны, но всматриваясь, невозможно не угадать Пречистой Девы, по какой-то непостижимой тайне, мало-помалу перед вами расцветающей блаженной красоты. – За этой залой следует ряд зал, отделенных небольшими сводами и колоннадами друг от друга и представляющих как бы одну огромную галерею. Здесь старинные итальянская и немецкая, нидерландская и фламандская школы имеют бесчисленных представителей. Целые стены увешаны одними огромными картинами Рубенса, писанными по заказу Марии Медичис и представляющими эту государыню в различные моменты блестящей жизни. – Ландшафтная живопись не менее богата чудными образцами. Стада Поля

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Потера ненаглядны. От его коров, козлов и баранов веет не только бессознательным, непосредственным счастьем покусать сочную траву или понежиться в лучах заходящего солнца, тихо пережевывая то, что так пришлось по вкусу, – от них, кажется, пахнет душистым коровником и травой, измятой тяжелыми копытами. Истинный художник, он дает вам свои артистические глаза, открывающие прелесть, которой бы вы не заметили. Вот торжество искусства над дагерротипом. Дагерротип – зеркала

76

ло природы, картина – зеркало той же природы, отраженной в магической, осмысленной призме человеческого духа. Но истинная жемчужина галереи – небольшая картина Мурильо «Мальчик», казнящий перед распахнутой грудью, на внутренней складке рубашки, насекомое, получившее у Гоголя прозвание зверя. На улице, спиной к колонне и лицом к зрителю, сидит мальчик, вытянув ноги перед собою по земле так, что видишь его босые подошвы. Коротко остриженная голова местами покрыта струпьями. Ему на вид лет двенадцать-тринадцать, и подобные струпья нередко в этом возрасте бывают у непризнанных детей юга. С первого взгляда он не поразит красотой. Его несколько наклоненное, занятое операцией лицо далеко от красоты идеальной. Про его обнаженные члены можно сказать, что они пропечены вертикальными лучами солнца; они светятся, как бронза. Но взгляните пристальней, – он только потому не поражает вас с первого взгляда, что еще не сложился. В его чертах намеки на ту, более прочную, можно сказать, задумчивую красоту, которой Жорж Санд облакает девочку Консуэлло, слышную у большинства дурнушкой. Как хороши его затвердевшие, пылью покрытые подошвы! Какая сила в худоватых, окрепнувших членах! Какая легкость и живость во всем очерке. Эти ноги поспорят с серной в неутомимости и быстроте. Художник подсмотрел и высказал все тайны энергической природы. Перед вами не только известный момент, но и вся биография мальчика. В лице его нет ни злобы, ни удивления, при виде казнимого зверя. Он к ним привык и уничтожает их по инстинкту. Лицо его говорит только: «А, а!! вот ты где!». Но вы чувствуете, что занятие временно. При первом удобном случае мальчик вспрыгнет, как кошка, и только его и видели. Если б тупое жеманство могло перестать быть тупым и жеманным, то это случилось бы здесь, перед картиной Мурильо, возбуждающей своим грязным сюжетом самые чистые, духовные наслаждения. Я сказал грязным, выражаясь языком жеманства, не понимающего, что искусство есть высшая, нелицемерная правда, беспристрастнейший суд, перед лицом которого нет предметов грязных или низких. Оно осуждает только преднамеренность, влагающую в воспроизводимый предмет свою грязь, свои цинические наросты. Искусство в этом отношении настолько выше всякой земной мудрости, насколько любовь выше знания. Мудрость судит факты, искусство всецело угадывает родственную красоту. – Но пора уходить. Слышите! ливрейные лакеи по всем залам закричали: «Messieurs et mesdames! on va fermer!»* Стало быть, пробило 4 часа.

* «Дамы и господа! Пора закрывать!» (франц.).

77

Письмо третье

I

Инвалидный дом; гробница Наполеона. – Марсово поле. – Елисейские поля днем. – Дворец всемирной выставки. – Гипподром. – Булонский лес и P^ge Catelan. – Бал Мабиля и концерт Мюзара. – Биржа.
Пойдемте снова на Rivoli и чрез Тюльерийский сад проберемся на Площадь Согласия. Оттуда, перешед на левый берег Сены, по мосту того же имени (pont de la Concorde*), повернув вниз по набережной, мимо Министерства иностранных дел, пойдем по широкой аллее (Esplanade des Invalides) к самому Инвалидному дому (Hotel des Invalides). На лавках против главного фасада огромную, высокой стеной обнесенного здания, состоящего из множества связей со внутренними дворами, сидят на солнышке безногие и безрукие ветераны в треуголках и синих мундирах. Кругом ограды аллеи, в тени которых на каждом шагу встречаются те же гуляющие горемыки. Кто желает прежде всего осмотреть церковь Инвалидов, должен обойти ограду и войти в церковь с южной стороны, в ворота, обращенные на площадь Вобана. О наружности церкви только и можно сказать, что это одна из тысячных подражаний храму св. Петра. Но зато внутренность замечательна по своей строгой простоте. Кажется, великая тень повеяла на французов эпической простотой и они хотя на этот раз обошлись без тряпок и позолот, без которых им жизнь не в жизнь. Вступая на порог ротонды, вы видите на диаметрально противоположной стороне высокий траурный алтарь. Все просто и величественно. Над колоссальным цоколем из черного мрамора возвышается купол, поддерживаемый колоннадой из широко-волнистого мрамора, которого белые и черные струи, переливаясь и возносясь вокруг колонн, служат прекрасной эмблемой скорби. Посредине ротонды парапет из белого мрамора. – Подходите, – и глазам представляется цилиндрическое

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana углубление саженей в пять в диаметре и сажени в три глубины. Это место приготовлено для принятия праха Наполеона I. Всю стену углубленной ротонды обшла небольшая галерея, карниз которой поддерживают кариатиды из белого мрамора. Посреди мозаикового пола большая разноцветная звезда, озаряющая имена главных побед императора и посреди ее на высоком мраморном подножии самая гробница. Вот и все. Ни на крыше, ни на гробнице из темно-красного финского гранита

* мост Согласия (франц.).

78

(подарок императора Николая I), нет ни завитушек, ни мнимых украшений. Просто и величественно. Но и тут суетящийся, хлопотливый, все начинающий и ничего не оканчивающий Париж остался верен самому себе.

Гробница открыта и пуста, а под крышей еще машины и веревки, которыми ее надвинут на гробницу. Тело Наполеона не тут, а в особой часовне храма, влево от приготовленного места. Сквозь железную решетку видна, посреди часовни, убранной темно-вишневым бархатом, гробница, увешанная венками и по обеим ее сторонам пуки забранных знамен. Долго смотреть через решетку не дадут. Неумолимый *sergent de ville* запоет: «De-pechez vous, m-rs et m-mes! Nous avons beaucoup de monde»*. Если хотите видеть внутреннее устройство Дома Инвалидов, возьмите первого из них попавшегося в проводники. Он вам все покажет: и казармы с двойными рядами кроватей, и обеденные залы, где для большего удобства три тысячи человек обедают в три смены, по 1000 в раз, и кухню, в которой готовятся завтраки и обеды, в одном отделении для офицеров, в другом для солдат, и библиотеку с книгами, большую часть духовного содержания, и двумя портретами императоров на противоположных концах зала. Направо Наполеон I, налево Наполеон III. – «Посмотрите, какой у него славный перехват в тальи», – заметил подле меня блузник товарищу, рассматривающему портрет. Удивительные господа эти французы! – В обеденной офицерской зале круглые, клеенкой покрытые столы с приготовленными приборами. Ничего, – недурно; но ей-ей не отрадно. Зашедши в южную часть Парижа, по левую сторону Сены, и добравшись до Инвалидов, небольшого труда стоит взглянуть на обширное здание Военной школы (*Ecole Militaire*). По бульвару (*Avenue de la Motte Picquet*) в десять минут дойдешь до Школы и прилежащего к ней Марсова поля (*Champ de Mars*). Школа, превращенная в настоящее время в казармы, не замечательна как архитектурный памятник, а огромное Марсово Поле, протянувшееся холстом к Сене, еще менее замечательно. Оно даже не выровнено и в настоящую минуту, как все в Париже, в починке.

Теперь придется возвращаться тою же дорогою и против Инвалидов перейти по мосту того же имени на правый берег Сены. Перед нами снова знакомые Елисейские поля, с пресловутым стеклянным дворцом (*Palais de l'Industrie*). В первый раз мы видели Елисейские Поля вечером, при газовом освещении; вот те же поля или, скорее, огромное, чахлыми деревьями засаженное шоссе, при свете дня. Трудно представить, сколько старания

* «Поторопитесь, дамы и господа! У нас много народу» (франц.).

79

употреблено на разведение молодых и поддержку старых деревьев. Чуть только на каком-либо месте старого дерева умрет кора, ее счищают и зальют дегтем. Пусть судят садоводы, хорошо ли это, но дело в том, что глаза всюду встречают очищенные корни, залитые дегтем, и людей с помазками. Но проку выходит мало. В Париже подземные газовые трубы придают глинистой почве вид каменного угля и сушат всю растительность, поэтому деревья на бульварах, за малымя исключениями, совестно назвать даже вениками. Дворец всемирной выставки в настоящее время пуст. Архитектура его ничтожна, а размеры не более или не менее Московского манежа. Стеклянный свод, как в дебаркадерах железных дорог, утвержден на железных стропилах. Снаружи казарма, изнутри сарай. Вот и все. Какой-то фабрикант оставил навсегда на первой площадке лестницы, ведущей на внутреннюю галерею, опоясывающую здание, стеклянного льва во весь рост. Лев, его шерсть, грива, трава, на которой он стоит, из цветного стекла. Фабрикант, вероятно, в восторге от своей работы. Я тоже удивляюсь, но не льву, а человеку, которому пришла в голову такая дикая, готтентотская мысль. – Окончательно убеждаюсь, что осматривать Париж надо по географическому положению предметов, а не по степеням их важности, – по крайней мере, будет какая-нибудь путеводная нить. Собственно как памятники вполне интересны только Лувр, Тюльери, да еще два-три здания; но в смысле картины нравов, в своем роде, все интересно. Поэтому, не затрудняясь выбором, отправимся из стеклянного дворца по широкой *Avenue des Champs Elyses* к заставе Звезды (*Barridre de l'Etoile*), она же триумфальные ворота, и оттуда к знаменитому Булонскому лесу. По дороге можно заглянуть в огромное деревянное здание Гипподрома, выстроенного в мавританском вкусе, с башнями, на которых развевается трехцветный французский флаг. Посреди амфитеатра, разделенного на

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
ложи, защищенные крышей от дождя и солнца, продолговатая арена, на которой газон
изрезан и обведен дорожками для скачек. На газоне жонглеры тешат зрителей своими
штуками между сменами конных представлений. Не одни люди показывают свою
ловкость, повиснув затылком на канате и барабаня в то же время обеими руками;
животные quadrumanes* (намек на развязность их ног), в свою очередь, являются
искусными акробатами. Собаки ходят по лестницам вниз головой, и, стоя на
деревянном шаре, вскапывают его своею тяжестью на вершину наклонной плоскости,
как это до сих пор делали канатные плясуны. Главная слава Гипподрома однако же
принадлежит наездникам вер
* четверорукие (франц.).

80

хом и на разных фантастических колесницах. Многие, особенно упряжные лошади
породисты, красивы и выезжены отлично. Седок почти не разделен с лошадыю, но
наездница, управляющая лошадыю с колесницы, должна довести коня до большого
послушания, если хочет совершенно незаметными движениями натянутых вожжей
заставлять его идти испанским ходом в такт музыки и правильно менять ноги с
легкостью, заставляющею зрителя думать, что лошадь рисуется перед ним из
сознания собственной грации. Чем более всматриваешься в общественную жизнь
парижан, тем более убеждаешься в их декораторском искусстве, в самом обширном
значении слова. Главная цель парижанина – приобрести как можно скорей и более
денег, а первейшая задача – остановить и приманить общее внимание. Тут название
играет весьма важную роль. Поэтому в Париже на каждом шагу встретите прехитро
придуманные названия и вывески. Вы видите, например, блестящий экипаж, у
которого на задней дверке прекрасный портрет Ришелье, в красной кардинальской
мантии и проч. Это экипаж магазина под фирмой Ришелье. Назови содержатель
посещенного нами зрелища свое заведение цирком, у него не было бы и половины
иностранцев, которых одно имя Гипподрома приводит на память античные ристалища.
Я сам, подъезжая к Гипподрому, воображал огромную арену со вкопанным столбом на
конце, и стих Горация: «Не трогая меты, на жарких колесах...» невольно приходил
мне на память. Оказалось, что Гипподром – большой цирк с открытым манежем
посередине. Тем не менее, 30 франков заплачено за ложу. У французов есть еще
другой способ привлекать публику: неимоверная дешевизна платы за вход в
заведения, предлагающие множество разнородных развлечений. В этом можно
убедиться в одном из огороженных отделений Булонского леса, известном под
названием le Pêché Catelan. Заплата у ворот парка один франк, посетитель имеет
право входа во все зрелища, расположенные под сенью дерев, у дорожки, огибающей
просторную лужайку. Тут театр марионеток, на балконе которого весьма приличный
на взгляд господин свищет и пищит голосом будто бы кукол, зазывающих
посетителей, и театр магии, то есть просто фокусов, и еще что-то. Кроме того,
хор красных гусар, усевшись под навесом открытой беседки, с грехом пополам
исполняет отрывки арий и увертюры. Кажется, какого еще гулянья за четвертак! Сам
Булонский лес едва ли заслуживает такого громкого названия. Это роца,
подметенная, подлизанная и только что не причесанная. В середине небольшой пруд
с извилистыми берегами и пристанью, у которой между небольшими лодками
возвышается трехмачтовая шхуна. Я не выдержал, спросил: для чего

81

она тут, когда не успеет еще поднять парусов, как уже дойдет до противоположного
берега? – «На ней никогда не ездят, это для вида». – Как ни дорого в Париже
содержание лошадей, нигде нельзя встретить так много охотников до верховой езды,
как здесь... Дамы и кавалеры, сопровождаемые грумами и без оных, попадают, начиная
от Булонского леса, через все Елисейские поля и по бульварам
беспреданно, хотя, по большей части, не могут похвастать ни собственной
ловкостью, ни красотой коней.

Между заставой Вагпёге de l'Etoile и Хрустальным дворцом, в нескольких шагах от
Елисейских полей, находится заведение, которого посетителю Парижа никак миновать
не следует: во-первых, недорого – три франка за вход, дамы не платят, – а
во-вторых, как не побывать на bal mobile*? Едва ли возможно с большим искусством
воспользоваться небольшим садиком, окруженным строениями, и придать ему вид
волшебного парка, в котором фея дает бал. Каждый кустик, каждое дерево – живая
декорация, великолепно освещенная бриллиантовыми газовыми огнями, придающими
зелени нежно-голубоватый оттенок. Чего тут нет! Вдоль главной аллеи статуи в два
ряда, кругом беседки из подстриженных деревьев. Беседок этих без числа, и в
каждой деревянные скамьи вокруг столика приглашают гуляющие пары присесть и
потребовать мороженого, оршаду и проч. Под навесом прекрасных, фантастически
освещенных деревьев возвышаются насыпные клумбы с редкими цветами, между
которыми, как огромные светляки, горят разноцветные газовые огоньки, а сверху
прозрачными куполами льется вода, позлащенная дрожащими лучами газового света.
Чтобы вполне оправдать название волшебного, бал Мабилля предлагает в углу сада

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana холм, на вершину которого приводит улиткообразная аллея, величаемая лабиринтом. Жилище волшебника, китайский храмик, ждет после минутного странствования отважного Тезея. Тут за два или три франка можете наверное узнать свое настоящее, прошедшее и будущее. Между воздушными кофейнями, рулетками, бильярдами и тирами из пистолетов и карабинов расчищен круг с асфальтовыми шоссе и китайским грибок посредине, под навесом которого ревет огромный оркестр, а вокруг поочередно движутся кадрили, польки и вальсы. По окружности асфальтового круга железные пальмы поддерживают газовые фонари. Грибок тоже в огнях, следовательно, на асфальте, заменяющем паркет, можно без труда различить булавку. Кроме того, около самого круга огромный зал, предназначенный укрывать гуляющих от

* бал Мабиля (франц.).

82

дождя. Но кто пойдет в душный зал, когда вечер так тих, что ни один огонек не качнется, ни одна ветка не вздрогнет голубоватыми листьями, а светлая луна, вышед из-за деревьев, беззастенчиво плывет через лужайку, не боясь сравнения с искусственным освещением. Но вот заиграли кадрили, пары стали по местам и зрители столпились к стульям, расстановленным по окружности асфальтового круга. Довольно беглого взгляда для убеждения, что публика Мабилля состоит из туземных и заезжих львов и дам-камелий, разряженных со вкусом и роскошью в шелк и бархат. Но только парижский старожил знает, сколько тайной, незримой нищеты скрыто под веселыми улыбками красавиц в кокетливых шляпках. У большей части беспечно гуляющих на сердце затаен девиз: «Победить или умереть», – или, по крайней мере, возвратиться домой с пустым кошельком и желудком. Посторонний, новичок, ничего этого не заметит, он будет видеть одни кружева и букеты из камелий, не подозревая, что и самые букеты такое же средство выманить деньги, как улыбки и скромно или рассеянно опущенные ресницы. «Купите мне букет!» – скажет дама, проходя с вами под руку мимо цветочницы, предлагающей тут же у дорожки свой душистый товар. Кто же откажет в цветах? Букет куплен, за него поблагодарили, им полюбовались, обходя круг. Составляется танец, букет передан нетанцующей подруге и затем исчезает. Верно та, шутя, кому-нибудь подарила его, а между тем букет снова очутился у цветочницы и сейчас пустился во вторичное странствование. Подойдемте поближе к кругу посмотреть на танцующих. Наши соотечественники и соотечественницы едва ли поверят, до какой степени французы Мабилля неловки в вальсе, польке и польке- мазурке. Эти танцы они не танцуют, а как-то усыпительно ползают, большею частью не в такт. Совершенно сбившаяся с толку пара хладнокровно останавливается, начинает и снова останавливается среди круга. Зато кадрили, *la contredanse*, танцуемый здесь только в две пары, – совершенное зеркало парижских нравов. Под звуки его ритуриэля танцоры перерождаются и предаются самым отчаянно-развязным телодвижениям. Мужчины каждое па кончают скачком, а дамы так и расстилаются по земле. Их пышные кринолины волнуются как море-океан. Ловкие танцорки составляют отдельные кадрили, вокруг которых толпа. Неумолимая полиция, в лицах сержант-де-вилей, не позволяет ни одного нескромного движения, а между тем правительство, угождая общей страсти к зрелищам, платит ловким танцоркам известную сумму за каждый вечер, и надо сказать правду, эти дамы недаром берут деньги. Большая их часть театральные балетчицы, но

83

надо быть французом, чтобы вполне наслаждаться всеми импровизированными наклонами и быстрыми поворотами кадрилиных героинь и героев. Лучше пойдите на Итальянский бульвар и мимоходом заглянем в залы над террасою, перила которой озарены брильянтовым вензелем: *Concert Musard**. Заплатя франк, подыдемся по лестнице в бельэтаж, выходящий одною стороною на террасу, а другою, задней, прилегающий к горе, по которой разбит миньютюрный садик, или, лучше сказать, коридорчик с деревьями и цветами, обогнувший главную музыкальную залу. Между террасой и главной залой две-три небольшие комнаты, вроде угольных петербургского Дворянского собрания. Вот и все помещение. Главная зала с бархатными скамьями и креслами для слушателей и огромной эстрадой для музыкантов велика и декорирована, как все в Париже, с большим вкусом. Между открытых ее арок с одной стороны выход в садик или галерею с деревьями и цветами. О Боже! В первый раз вижу в Париже берлинские железные цветы, с газовыми трубочками посредине. Нет! этого я не ожидал от Мюзара. Оркестр, как бы стыдись национальной музыки, с неистовством играет преимущественно немецкие пьесы. Народу каждый вечер бездна, но какого рода музыкальное воспитание у Мюзара получают все эти барыни и господа, предоставляю судить знатокам. Много говорено о лихорадочной страсти парижан, с одной стороны, к зрелищам всякого рода (хотя бы того, что представляет споткнувшаяся и запутавшаяся в постромках лошадь, около которой немедленно образуются непроницаемая толпа), а с другой – к деньгам. Идеал человека во Франции *un rentier***, то есть владетель капитала,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana позволяющего жить процентами и ровно ничего не делать, ходить по театрам или сидеть под навесом кофейни, с журналом в руке, над стаканом отвратительной, зеленоватой микстуры из полынной настойки (absinthe***) и холодной воды. Но убедиться наглядно в последнем можно только зайдя в три часа пополудни на Биржу. Огромное здание выстроено в виде греческого храма с колоннадой и террасами кругом. Втереться в среду самой залы, на место действия, и трудно, и незачем, а добраться до круглых перил, у которых ежедневно производятся покупка и продажа акций, едва ли возможно. Равнодушные зрители отправляются на верхнюю галерею и смотрят на живую драму через перила. Все, что можно сказать или только вообразить о шумных собраниях, бледно в сравнении с ревушей действительностью.

Черная

* Концерт Мюзара (франц.).

** рантье (франц.).

*** абсент (франц.).

84

толпа, плечо с плечом, напирает к перилам двойного круга, в середине которого агенты предлагают те или другие акции, торгуясь из-за денежки. Таких агентов человек более ста. Они то перебегают к своим доверителям ко внешним перилам круга, то, снова крича во все горло, с лицами и глазами, налившимися кровью, предлагают друг другу свой изменчивый товар. Вся зала заинтересована ходом дел, и никто не может передать даже ближайшему соседу роковой новости иначе как криком из всей силы. Совершенный пандемониум. Не знаю, как они могут понимать друг друга. Ровно в четыре часа раздается звонок, адский крик утихает, и зала мало-помалу пустеет.

Н

Пале-Ройяль. – Новый мост. – Дворец Юстиции и образцы французского судопроизводства. – Церковь Парижской Богоматери. – La Morgue; Pire La Chaise*; гробница Абеляра и Элоизы. – Призовые скачки. – Пантеон и Люксамбургский дворец. – Jardin des Plantes** и гиппопотамы – Студенческий бал.

Вышед на биржевую площадь и повернув налево по Вивиен-ской улице, к берегу Сены, мы неминуемо должны пройти вдоль громадного четвероугольного здания Пале-Ройяля, состоящего в связи с небольшим дворцом, именем которого названо все строение, напоминающее наши гостиные дворы, с тою только разницею, что на внутреннем дворе Пале-Ройяля разбит прекрасный английский сад, с цветниками, аллеями и пыльным фонтаном посредине. Пале-Ройяль – целый мир промышленности. Вдоль внутренней колоннады, во всю длину кругом – магазин возле магазина в два этажа. Коридоры, пассажи, два театра: Comedie Française и Palais Royal***, рестораны и кофейни. В саду под липками кормилицы и нянюшки с целой ватагой юного поколения. Я уже имел случай говорить о непостижимом скоплении в Париже всех возможных предметов роскоши, и по этой части Пале-Ройяль представляет достойный образчик столицы, которая вся один гигантский магазин.

Прошед вдоль Пале-Ройяль, мы снова на неизбежной улице Риволи, против Лувра. С Луврской площади перейдешь по Новому Мосту (Pont-Neuf) на остров, о котором уже было говорено. Новый мост, соединяющий остров с обоими берегами Сены, ук

* Морг; Пер-Лашез (франц.).

** Сад растений (франц.).

*** Комедии Франсэз и Пале Руаяль (франц.).

85

рашен посредине, то есть на самом острове, конной статуей Генриха IV, обращенной лицом к Palais de Justice*. Это огромное здание, занимающее целый квартал и смотрящее главным фасадом вовнутрь острова, вмещает суды: уголовные, гражданские и полицейские. Все отделения помечены цифрами, выставленными над дверями. Во дворе здания прекрасная готическая капелла, а в глубине знаменитая зала des Pas Perdus**. В архитектурном отношении зала отнюдь не замечательна, ни величиной, ни отделкой, особенно в настоящее время, когда здание юстиции, наравне со всеми парижскими памятниками, подвергается починкам и переделкам. На площадках лестниц вставлены камни с эмблематическими барельефами весов, сохраняющих равновесие. Во избежание шума при делопроизводстве, в палаты пускают ограниченное число зрителей, нужно дожидаться выхода какого-нибудь любопытного, чтобы быть пропущенным часовым на его место. Так, нам с товарищем пришлось ожидать более получаса у входа в Уголовную палату. Наконец, два блузника сошли по лестнице, и мы бросились занять их места. Продолговатая зала, в которую мы вошли, разделена барьером на две части. Меньшая со скамьями для любопытных, а большая для делопроизводителей. В противоположном от нас овальном конце залы, вокруг стен, деревянные хоры. Середину занимает президент, по правую его руку прокурор (Procureur Impérial***), за которым безмолвно сидят присяжные (Jury****); по левую, между двумя жандармами, подсудимый, внизу залы вправо от президента писцы, а влево адвокат подсудимого. Мы застали процесс какого-то довольно

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana прилично одетого человека (здесь, предстаяя пред лицо правосудия, столько же заботятся о внешнем виде, как и об ответных пунктах), обвиненного в умышленном нанесении удара ножом в глаз женщине, с которой он был в связи, по собственному признанию, одиннадцать лет. Президент самым приличным тоном расспрашивал его об обстоятельствах поступка и доказывал подсудимому, что объяснения его неосновательны; так, например, что он не мог желать ударить на кровати лежавшую женщину хлебом, который будто бы держал в правой руке вместе с ножом, потому что в таком случае неумышленный удар ножа пришелся бы черенком, а не лезвием. Отобрав показания подсудимого, президент попросил его сесть и потребовал ту, над которой совершено было преступление. В залу вошла женщина лет 35, вся в черном, и, к общему удивлению, здоровая на оба глаза, только под пра
* Дворцу Правосудия (франц.).
** неслышных шагов (франц.).
*** королевский прокурор (франц.).
**** суд присяжных (франц.).

86

вым остался едва заметный рубец. По приглашению президента, она, подняв руку, произнесла клятву говорить в своем показании правду и вслед за тем стала описывать все происшествие. Так как она говорила в противоположном конце залы, обратясь лицом к судьям, я не мог слышать ее слов, но из выражения президента понял, что она старалась облегчить судьбу обвиненного намеками на его умственное расстройство. Бедная женщина! Человек опозорил ее, выводя на суд все тайны ее жизни, посягнув самым гнусным образом на жизнь, и тем не менее, она, отдавшая ему одиннадцать лучших лет, не в силах равнодушно смотреть на его гибель. Когда свидетельнице позволили удалиться и сестра на скамью, она пошла трепеща и заливаясь слезами, непритворно горькими слезами. Вслед за нею был позван медик, подавший первую помощь после катастрофы. Медик объявил, что рана нанесена была с такою силою, что нож переломился, хотя особенный случай спас глаз от повреждения. Когда все показания были собраны, поднялся прокурор, в качестве обвинителя, в противоположность адвокату-защитнику. Прокурор в черной мантии с белой манишкой, какую носит католическое духовенство, прежде чем встал с места, надел на голову черный бархатный берет. Вслед за прокурором, доказывавшим низкую степень нравственности подсудимого, на защиту последнего поднялся, в свою очередь, адвокат, но заговорил так тихо, что я потерял терпение и вышел вон. Как бы то ни было, подсудимый может быть доволен, отделавшись шестью- семью годами каторжной работы. Из Уголовной мы перешли в палату Исправительной полиции (Police Соггес- tionelle). Расположение зала и способ делопроизводства почти те же, с тою разницей, что присяжных нет и приговор произносится судьями. Когда мы вошли, они, переговора между собой, присудили какую-то нарядную барыню к шестимесячному тюремному заключению. Затем поднялось следствие об украденной козе, но мы не дождались конца процесса и пошли в палату обыкновенной полиции (Police Simple). Тут дело идет о нарушении полицейского порядка, и наказания ограничиваются денежными штрафами. При нас осудили на уплату пяти франков господина, нечаянно облившего водой прохожего. Из Palais de Justice выйдешь по одной из улиц прямо перед собою к церкви Парижской Богоматери, стоящей на восточном конце острова и представляющей одно из древнейших и капитальнейших украшений Парижа. По поводу Страсбургского собора я говорил уже о впечатлении, произведенном на меня готическими памятниками. Все эти головы крылатых чертей, виднеющихся по углам карнизов; все тонко задуманные и грубо исполненные фигуры рыцарей и аскетов умиляют и переносят в наивный период непосредственности так

87

же неизбежно, как неизбежно злят и отвращают все современные пластические памятники, тонко и тщательно исполненные и плоско задуманные. До какой степени современное искусство утратило не только инстинкт художественной правды, но даже чувство художественного приличия, можно наглядно убедиться, посетя в St. Denis склепы французских королей, где все могилы украшены скульптурными изображениями покоящихся в них усопших от Хлодовика до Людовика XVI. В грубых статуях древних царей и рыцарей набожный и неискусный художник почтил усопшего, заклеив свой несовершенный мрамор той строгой печатью, которую смерть налагает на самого простого человека. Посмотрите, как современный художник понял тайну смерти и как он отличился на отроческой могиле Марии Антуанеты. Под его непристойным, – чтобы не сказать циничским – резцом, несчастная королева похожа на парикмахерскую куклу или бульварную dame de comptoir*. Полиция не позволит плясать вприсядку за траурной колесницей погребального шествия, а за подобную статую произведут в академики. Архитектура церкви Notre Dame строже и проще архитектуры Страсбургского собора, и каменная масса тяжело гнетет зрителя. Сверху башен Париж как на ладони. Нечего прибавлять, что и эту церковь поправляют, восстанавливая отбитые башенки и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana украшения в общем тоне здания. Но зачем заново расписали внутренность храма? – непонятно. Пономарь таки заставил меня взглянуть на чудовищный, по его мнению и по мнению Виктора Гюго, колокол, но русского не удивишь; колокол не превосходит величиной любого соборного в губернском, или, пожалуй, в уездном городе. Между Notre Dame и Pal- ais de Justice, на левом берегу острова, небольшое здание, – la morgue**, в котором левая сторона, отделенная от зрителей стеклянными дверями, предназначена для выставки скоропостижно умерших, найденных полицией. Как ни опрятны наклонные прилавки, на которых кладут утопленников всякого рода, самоубийц, зрелище, тем не менее, грустно и неприятно. Поведя речь об утопших, мы с товарищем французом, обязательно взявшим на себя роль руководителя, решили посетить знаменитое кладбище Pere La Chaise, представляющее один из важных источников городских доходов. Воротясь по Аркольскому мосту на правый берег Сены, мы очутились против знаменитого, старинного Hotel de Ville***, взяли карету и пустились в путь через

* продавщицу (франц.).

** морг (франц.).

*** Городской ратуши (франц.).

88

площадь Бастилии, по улице de la Roquette, в конце которой находится тюрьма, сложенная по американской методе келейного заключения для несовершеннолетних преступников. Недалеко отсюда другая тюрьма, по той же методе, для взрослых, но метода, производящая благотворное действие на флегматического американца, – здесь неприложима. Француз, лишенный сообщения с людьми, в самое короткое время сходит с ума. По мере приближения к кладбищу, по обеим сторонам улиц, чаще и чаще попадаются лавки с надгробными памятниками и венками, приносимыми родственниками на могилы усопших. Эта значительная в своем роде отрасль торговли ничуть не менее других умеет показать товар лицом. Первое, что кидается в глаза на парижских надгробных камнях, чистота и глубина надписей, могущих таким образом долго противостоять разрушительному действию времени. Но вот и самое кладбище, расположенное на полугоре и изрезанное мощеными дорогами, по которым во всех направлениях могут подыматься печальные поезда. Сколько богатых, великолепных гробниц! К сожалению, общее впечатление лишено величавости, которой мы вправе ожидать в царстве смерти. Малые и большие камни толпятся и жмутся друг к другу с мещанской скупостью. Смотря на эти местечки, купленные на вечные времена, вспоминаешь о восточной части кладбища, где места покупают на пять лет, по истечении которых памятник снимается, а кости усопшего зарывают в общую могилу.

Мы подошли к старинному мавзолею, обнесенному железной решеткой и укрытому навесом. На каменном подобии гробницы лежат рядом два мраморных изображения – монахиня и монах с изнеможенным лицом. Руки их, как у всех средневековых изваяний усопших, сложены для молитвы.

– Это памятник Абельяра и Элоизы, – шепнул мне на ухо товарищ, – несчастные любовники до сих пор не забывают поэтической могилы, и грустные посетители, которые, как видите, ходят кругом нас, непременно из этой категории. Я шепчу, боясь оскорбить их.

Не знаю, были ли окружающие нас в самом деле несчастные жертвы любви, но бесчисленные венки, украшающие трагическую могилу, достаточно говорят о симпатии парижан к беспримерным жертвам дикости XI века. Абельяр, родившийся в 1079 году близ Нанта, происходил из хорошей фамилии; он, несмотря на свое первородство, разделив имение между меньшими братьями, отправился в Париж заниматься науками и читать лекции. Слава его достигла до слуха необыкновенно ученой Элоизы, дочери тупого и развратного каноника Фульберта, воспитывавшего ее под именем племянницы. Эксцентрическая Элоиза захотела

89

видеть славного ученого и заставила Фульберта пригласить его в дом. Абельяр отказался, дав заметить, что ученые предметы не женское дело. Но в отсутствие Фульберта Элоиза написала к Абельяру письмо. На этот раз он явился на свидание, и два существа, высоко стоявшие над толпой, почувствовали друг к другу роковую страсть. Завистники выгнали Абельяра из Парижа, и Фульберт, не знавший еще о связи его с Элоизой, предложил ему место в Корбелье, где он снова вступил на кафедру. Один из учеников, по имени Альберик, страстно влюбился в Элоизу, посещавшую лекции Абельяра, и Абельяр, застав Альберика объясняющимся в любви, выгнал его из аудитории. Фульберт узнал тайну любовников. Нужно было поправить беду свадьбой, тем более что Элоиза была беременна. Но девушка решительно отказалась, с одной стороны, от руки Альберика из равнодушия, с другой, от руки Абельяра из опасения погубить жгучую страсть неразрывными узами. Абельяр отправил ее в Бретань, она разрешилась от бремени сыном, а Альберик, узнав о происхождении Элоизы, отказался от ее руки. Раздраженный Фульберт принудил

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana любовников к браку, но во избежание соблазнительных толков они положили разойтись на некоторое время. Элоиза, не произнося обета, отправилась в монастырь близ Парижа, в котором провела детство. Но подобное решение было выше сил любовников. Однажды монахини увидели Абельяра, возвращавшегося из ночного свидания с Элоизой. Этого уже Фульберт не вынес. Зверь пробудился во всей дикости и с помощью друзей соумышленников он проникнул в спальню Абельяра с ножом в руках; молодой, страстный любовник на всю жизнь остался только жалкой тенью человека. Если бы грубая страсть связывала Абельяра и Элоизу, они неминуемо отвернулись бы друг от друга после ужасной катастрофы. Надо любить, как они любили, чтобы страстное чувство перешло в то бесплодное и деликатное сострадание друг к другу, в ту слепую преданность, которыми дышат их, дошедшие до нас латинские письма. Но я распространяюсь об общеизвестной кровавой драме. Уединясь в пустыню, Абельяр основал монастырь Параклет и передал его, как игуменье, Элоизе, которую из ревности принудил постричься, прежде чем сам поступил в иноки. Абельяр умер в 1142 году в монастыре Клуэньи, на 63-м году от рождения. Тело его перенесли ночью в Параклет и положили в могилу, заранее приготовленную Элоизой. 22 года неутешная Элоиза томилась над прахом обожаемого супруга и умерла в 1164 году, тоже шестидесяти трех лет от роду. В 1817 году, по закрытии Музея французских памятников (Mivée des Monuments Français), сенский префект граф Шаброль приказал находившиеся в нем прах и памятник Абельяра и Элоизы перенести на кладбище Pègre la Chaise.

90

Вот в нескольких словах повесть двух страдальцев, но нет человека, который бы мог подумать о ней без содрогания. С кладбищем Pègre la Chaise мы достигли крайней восточной точки правой стороны Парижа, в противоположность Булонскому лесу, составляющему крайнюю западную. Перейдем на левый берег Сены и взглянем еще раз на часть Парижа, которого западную оконечность мы уже посещали, выходя на Марсово поле. На нем в настоящую минуту начались призовые скачки, привлекающие, от двух до пяти часов пополудни, несметные толпы любопытных. Довольно значительные казенные призы и частные пари сообщают скачкам особенный интерес в глазах людей, принимающих в них существенное участие, но для равнодушного зрителя картина мало привлекательна. Когда мимо вас, довольно флегматически, скачут два жокея, один красный, другой синий, вы забываете, что обскакать все Марсово поле значит сделать, по крайней мере, две версты и что нельзя принуждать лошадей к быстроте, возможной только, как говорится, на коротке. Но оставим западную часть левой половины Парижа и отправимся с острова Парижской Богоматери, через Petit Pont*, по улице St. Jacques**, к центру южной половины города. В конце улицы найдем в недалеком друг от друга расстоянии два памятника, мимо которых нельзя пройти без внимания. По левую руку Пантеон, а по правую Люксамбургский дворец и сад того же имени. Пантеон, построенный Людовиком XVIII для католического служения, превращен во время первой революции в храм славы, как о том гласит сохранившаяся до сих пор на фронтоне золотая надпись: «Aux grands hommes la patrie reconnaît sa sante »***. Следуя заходом политических событий, Пантеон менял эти два назначения, то есть попеременно принимал в свой купол изображение Людовика XVIII, дающего хартию, а в катакомбы мраморные гробницы Вольтера и Руссо (единственные великие люди, перед которыми Пантеон сдержал обещание) или украшал стены свои плохими копиями рафаэлевских фресков. Наконец в 1852 году он окончательно принял прежнее назначение, превратясь в католическую церковь. Как бы то ни было, внутренность храма не соответствует надписи, красующейся на фронтоне, да и самому названию: Пантеон. В архитектурном отношении это опять снимок с церкви Св. Петра; только в одном отношении зданию вполне принадлежит первое место. С его верхней, наружной галереи панорама Парижа видна во всех подробностях

* Маленький мост (франц.)

** Сен-Жак (франц.)

*** «Великим людям от благодарной отчизны» (франц.)

91

еще лучше и яснее, чем с колокольни Notre Dame. О Люксамбургском дворце и его саде могу сказать одно, что я настолько же не люблю новейших французских живописцев, произведениями которых украшены залы дворца, насколько равнодушен к напудренным красотам городских садов. Нам предстоит еще одно не близкое странствование, но зато оно будет последним. Воротясь на набережную левого берега, пойдем против течения реки на восток, до самого Аустерлицкого моста. Деревья вправо за каменной оградой укажут конец странствования. Еще несколько шагов до ворот, и мы в Jardin des Plantes*. Как сад для прогулки, Jardin des Plantes должен уступить место всем без исключения парижским садам, разве одни Елисейские Поля еще беднее растительностью. Вправо и влево от дорожек небольшие клочки земли отгорожены проволочными решетками, за которыми гуляют образцы

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana различных животных. Вот где, думаете вы, увижу четвероногих и птиц всех стран. Ничего не бывало. В одном месте ходят обыкновенные мериносы, в другом ослы и лошаки, далее разного рода олени и козы, простые кролики и ручные чайки, и все в таком же роде редкости. Животные более редкие содержатся в каменной ротонде и только в известные часы дня выпускаются за наружную проволочную решетку. Но таких экземпляров в ротонде немного. Первое место по важности занимают два гиппопотама. Бассейн, в котором они нежатся, частью в ротонде, частью вне ее, так что животные по произволу могут показываться любопытным или укрываться от них. Во время моего посещения, гиппопотамы вышли во внешнюю часть бассейна, но как назло выставляли из воды одни безобразные головы. Я набрал медовых лепешек и стал кидать в бассейн, стараясь попасть в чудовищ по головам.

– Не поднимутся, – раздалось вокруг меня в сгустившейся толпе. Долго и безуспешно продолжал я свой маневр, вдруг восторженный крик: *le voilà! le voilà!* раздался в толпе. Зарывав страшно-пронзительно, один из гиппопотамов приподнялся и двинулся с разинутой пастью к качающейся на мутных струях лепешке, выставляя из воды свою голую спину медно-розового цвета. Кроме гиппопотамов, в ротонде живут: слон, две жирафы, две зебры и два дромадера. В нескольких шагах от ротонды еще два каменных помещения для зверей, каких обыкновенно показывают в зверинцах, с тою разницей, что мне случалось видеть гораздо лучшие экземпляры львов, тигров, леопардов и пантер, не говоря уже о медведях и волках; интереснее прочих пара годо

* Саду растений (франц.).

** вот он! вот он! (франц.).

92

валых льявят, ручных до смешного. В большой воздушной проволочной клетке содержатся обезьяны, а единственный экземпляр орангутанга сидит, скучая в одиночестве, и дружески пожимает руку, подающую морковь или палочку леденцу. Дети – главные посетители *Jardin des Plantes*, и промышленность у ворот предлагает новое удовольствие, от которого едва ли кто из них добровольно откажется. Нарядные козлы, запряженные парами, возят по асфальтовым дорожкам небольшие колясочки и фаэтоны, и блузник за несколько копеек передает вожжи счастливому малютке. – Если в новом, блистательном Париже мы посещали великолепный бал *Мабиля*, почему же хотя на минуту, для контраста, не взглянуть на студенческий бал старого Парижа? Такой же садик с боскетами по сторонам и асфальтовым кружком для танцующих посредине. Тот же грибок для музыкантов, то же газовое освещение, как у *Мабиля*, но все без сравнения бедней и проще. Там нелепая роскошь, прикрывающая – хуже чем пустоту и нищету, – нарядную безнравственность; здесь простое, быть может, несколько шумное веселье нараспашку. Тут никто никого не обманывает, а просто угощают дешевым вином и пивом и пляшут, не помышляя о завтрашнем дне. Там романы Александра Дюма-сына, здесь рассказ *Поль-де-Кока*, даже песня *Беранже*. Там шумно проходят куклы, причесанные, распомаженные, надутые кринолинами, здесь встретите типы веселых, беззаботных французов, не лишенных неподдельной грации. Что может быть легче, отважнее и лукавее вот этой блондинки с черными, умными глазами, с темными бровями и ресницами, с волосами, остриженными до плеч и безыскусственно откинутыми назад? Пепельного цвета блуза, совершенно под цвет чудных волос, схвачена широким поясом из той же недорогой материи, хорошенький башмачок кокетливо выглядывает из-под вольно разбегающихся складок, немного вздернутый носик придает миловидному и бледному лицу девушки насмешливо-уверенный вид. Подпершись одной рукою в бок, другою она придерживает у рта дымящуюся папиросу. Вот уже третий студент приходит ангажировать ее, но легким движением стана девушка каждый раз уклоняется от рук претендента и продолжает докуривать папироску, время от времени отбрасывая назад движением головы роскошные пряди волос. Папироска докурена, и блондинка, проскользнув между танцующими, бесцеремонно подкралась к какому-то студенту, стоящему лицом к буфету, и неожиданно закрыла ему сзади глаза руками. Долго озадаченный студент не мог ни освободиться, ни отгадать, кто его мистифирует, и когда он вырвался, блондинка уже упорхнула и пустилась носиться в вальсе.

93

III

Столбы театральных афишек и торговля билетами. – Кофейни и полынная водка. – Рестораны и обеды. – Общий взгляд на современный французский театр; «*La dame aux Caméllas, Alex. Dumas fils*». – парижский партер и его права. – Гг. Самсон, Брессан и г-жи Плесси, *Rose-Chéri, Cabel* и *Ugalde*.

До сих пор мы бродили по Парижу, нигде не останавливаясь и не принимая участия в его ежедневной уличной жизни, теперь, исполнив долг туристов, можем, хотя на один день, пожить, как живут здесь все, или, по крайней мере, большая часть жителей. Если погода хороша, то в двенадцать часов надо почти толкаться по

бульварам, осматривая находящиеся по обеим сторонам улицы между липками столбы объявлений. Кто не знает наверное столба театральных афиш, тому придется долго обманываться, подходя к пестрым столбам, попадающимся шагов через двести. Большая их часть откуплены навсегда и расписаны неизменными объявлениями магазинов, кофеен и ресторанов, а главное, шоколадных фабрик. Но вот вожаемый столбик театральных афиш. Выбирайте, куда идти вечером. И опер, и раздирательных драм, и балаганных фарсов, и классической комедии, – чего хочешь, того просишь! Теперь час кофеен, а в ресторанах народу мало. Их жатва созреет в пять часов. Не забудьте взять билет, если выбрали пьесу, производящую фурор. Кажется, чего проще – заплатить деньги и взять билет? – не тут-то было. Иностранец, не знакомый с парижскими проделками, рискует не получить его или получить не такой, какого желает. У большей части театров касса открыта днем в известные часы, и, кроме того, ее отворяют за час до представления. Тут же надо пускаться в критский лабиринт, то есть между деревянных загоронок, завитых по коридору или по площадке лестницы таким гордиевым узлом, что у одного пункта побываешь пять раз, прежде чем доберешься до кассы. Эта адская машина – известный «хвост» (La queue*). Кроме такого способа добывания билетов есть другой. У каждой кассы по тротуару снуют продавцы, неотразимым красноречием склоняющие неопита на покупку билетов из их рук. Когда в кассе нет билетов, продавец неумолим и дорожится, а когда видит, что вы на пути к источнику, он уступает билет дешевле театральной цены. Надо сказать, что в парижских театрах купленный вами билет берут при входе, а на место его выдают другой, отбираемый, в свою очередь, при входе в кресла капельдинером, а при входе в ложи и остальные

* очередь (франц.).

94

места женщиной (ouvreuse*). Француз, хорошо знакомый с театральными местами, может экономничать на франк, покупая билет у тротуарного продавца. Он заранее знает, какая его ждет участь, – но вы купили подобный билет и не постигаете, каким образом продавец уступил его ниже театральной цены. Дело объясняется у входа, когда вам дадут взамен билета другой, с надписью: auteur** и поместят вместо первых рядов оркестра, то есть кресел, на последние, то есть скамьи, хотя и то и другое обито малиновым бархатом. Вам неловко, вы хотите переменить место, приплата франк или два, приходите к supplément***, где все, находящиеся в вашем положении, получают лучшие места, но вам объявляют, взглянув на билет, что с ним, купленным за дверями театра, supplément невозможно. Зато в конторе театра, если застанете ее отпертой, не только самым вежливым образом выдадут билет, но покажут на картонном подобии амфитеатра ваше место в ложе, креслах, партере или на балконе. Так или иначе, билет в кармане и вы можете отправляться снова на бульвар или в один из кабинетов для чтения. Я говорил уже о бульварной и вообще парижской промышленности, поставившей себе целью скорое обогащение, и девизом: новизна (nouveauté). На безделицах это еще заметней. Давно ли мы видели у дверей бульварных магазинов пестрые бумажные парашюты, доставившие изобретателю капитал в двести тысяч франков? В настоящую минуту парашюты сошли со сцены и место их заняли воздушные шары. У каждой игрушечной лавки их привязано по нескольку, и все в качестве воздушных шаров натягивают шнурок не книзу, как прочие вывешенные вещи, а вверх. Детям праздник, а изобретателю вдвое, пузырь наполнен газом, заставляющим его свободно подымать, в ожидании нажать, в свою очередь, двести или четыреста тысяч франков. От трех до пяти часов пополудни уличный Париж пьет полынную водку (absinthe) с водой и пьет эту противную смесь так усердно, что все стулья и столики под холстинными навесами кофеен заняты. В пять часов стулья начинают пустеть, и всякий ищет обеда по карману. Плата за обед восходит от двух франков до желаемо дорогих цен. В ресторанах, у которых платят при входе, за обед цены меняются между двумя и четырьмя франками, и, разумеется, помещение и самый обед незавидны. Зато в каждом отеле за табль-д'отом в известный час дня кормят прекрасно и берут не дороже пяти франков с вином, без которого за

границей не обедают.

* билетершей (франц.).

** автор (франц.).

*** дополнительной продаже билетов (франц.).

95

За табль-д'от вы должны, по крайней мере, явиться в черном галстухе. Англичанки разодеты, а англичане не только в черных, но в белых галстухах. Лучший, однако же, способ хорошо и недорого пообедать вдвоем, – пойти в ресторан и спрашивать кушанье порциями по карте. У Frdres Provençaux, у Уёгу и в тысяче хороших ресторанов кушанье прекрасно и порции до того велики, что более двух нет возможности съесть человеку с обыкновенным аппетитом. Взявши обед из пяти блюд, заплатите около десяти франков, и двое наедятся и дешево, и хорошо. Помещение великолепно, прислуга внимательна и не заставляет ждать, как милости, того, за

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
что платятся деньги. Но обед кончен, пробило 7 часов, пора в театр. При торжественных словах: парижские театры, – я в состоянии забыть скромную роль рассказчика и обратиться с воззванием к эпической музе, прося помощи для передачи всего, мною слышанного и виденного самым правдивым образом, как бы дика ни показалась моя правда. За весьма малыми исключениями, я побывал во всех парижских театрах и с самым сосредоточенным вниманием смотрел в это зеркало народной жизни. Мало того, в первое время я входил во французские театры с тем предубеждением в их пользу, с каким въезжал во Францию и в Париж... и... и... Но лучше расскажу про виденное и слышанное. Что такое театр и мимическое искусство? или, проще, что такое актер? По моему мнению, актер – умный и тонко-художественный толкователь красот, которые ускользают от читателя, не одаренного сильным воображением и тонким поэтическим чутьем. Дело актера-художника отыскать в душе зрителя тайную струну, по которой хотел ударить автор, но до которой мертвое, печатное слово не всегда достигает. Слово – тело мысли и чувства, но тело тончайшее, осязаемое только для развитых. Движением, интонацией, взглядом актер должен вторично возродить мысль и облечь ее в плоть и кровь, осязаемые для каждого. Если он этого не делает, если он не заставляет меня трепетать, открывая оттенки красоты, которых я до сих пор не замечал, он для меня бесполезен, я сам прочту пьесу и получу то же наслаждение, а если он замазывает, искажает образ, созданный поэтом, он не только бесполезен, а вреден и противен, как глупая клевета. С этой точки зрения, французские театры, за редкими исключениями, нестерпимо плохи. Можно указать на двух-трех актеров-стариков, понимающих свое призвание, – но я не говорю о личностях, а о целом впечатлении. Нигде сценические предания псевдоклассицизма не сохранились в такой силе, как на парижских сценах. Это та же адвокатская мантия с манишкой и беретом. Дикция, самая походка ни на минуту не позволяет забыть, что перед вами не действительность, а театральные подмостки. Король и дворянин ходят петухами, с ногой,
96

оставшейся назади, а первые любовники кобелятся и неистово кричат такие слова, которых в жизни никто не говорит с пафосом. Кто, например, уходя из комнаты, крикнет: «je pars!»* таким тоном, каким объявляют о государственной тайне. К этому ложному пафосу присоединяется еще более грустное явление. В тех местах, где самое положение исполнено страстности и скрытой драмы, большая часть актеров холодны и неодушевлены, по той простой причине, что они не чувствуют внутренней драмы. Особенно заметно это в «Большой опере» (Thdatre Impdrial de Горбга**). По всем соображениям должно бы ожидать великолепного исполнения пьес Мейербера. А посмотрите, как апатически дают самую драматическую его оперу, «Роберта». Что бы им хотя поучиться у итальянцев, но, к несчастью, этому выучиться нельзя. Все, чему можно научиться, доведено на парижских театрах до возможного совершенства. Я говорил уже о декораторском искусстве французов, но по поводу театров вынужден к нему возвратиться. Внешность доведена в парижских театрах до возможного совершенства. Говорю не об уличной их внешности, она за малыми исключениями не блистательна и не заставляет даже предполагать театральные залы в домах, ничем не отличающихся от соседних, исключая доски, на которой написано: «Vaudeville», «Gymnase dramatique», «Gaietf»*** и так далее. Зато из предназначенного в театральном зале выгодно действовать на зрителя, извлечено все, что было возможно. Небольшие, душевные залы и тесные места декорированы со вкусом и претензией на роскошь. (Больших театров нет, в самом огромном: «Thdatre Imperial de l'Oréга», и зала и сцена без сравнения меньше наших больших петербургских и московских сцен.) Декорации написаны с большим вкусом и тщанием, на постановку пьес обращено все внимание, и при самых многочисленных выходах действующие лица строго наблюдают группировку живописную и в то же время соответствующую данной минуте действия. На все подобные вещи директор не смеет не обратить надлежащего внимания, – в партере третий человек декоратор, привыкший убирать окна и прилавки магазина, стало быть, в деле сочетания цветов, освещения и общего эффекта строгий судья. Но на этих внешностях и останавливается требовательность публики, а с тем и заслуги дирекции. Можно сказать: нет француза невежды, все равно, красильщик ли он или медик, и нет француза образованного. Специалист смотрит на все, не принадлежащее к кругу его деятельности, глазом, ог

* «я ухожу!» (франц.).

** Императорский театр оперы (франц.).

*** «Водевиль», «Жимназ драматик», «Тэте» (франц.).

97

раниченным бесконечно узким горизонтом, и чем уже горизонт, тем самонадеяннее и строже приговор обо всем постороннем. Эта умная ограниченность, эта стойкая рутинность, это самодовольное презрение ко всему чуждому, не французскому, светится в каждом мускуле француза. Он дышит ограниченной самоуверенностью. У

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana нас на Руси писатель пока еще не ремесленник, вынужденный подмалевывать свою куклу в угоду детям, для которых румяная, московская кукла с голубыми кружками вместо глаз бесконечно привлекательнее Амура Праксителя. Наш писатель еще хлопочет об обнаружении того, что считает непреложной истиной, и поэтому литература занимает место, которое ей вполне принадлежит. Она поучает устами таланта. Хорошо ли учит тот или другой – дело частное и случайное, но только при таком положении вещей возможно развитие вкуса и ширины взгляда. Во Франции в настоящее время дело наоборот. Литература та же модистка, обязанная выбирать материю и покрой платья, сообразуясь с общим вкусом покупателей, без того магазин будет пуст и магазинщик умрет с голоду. Журнальная критика, по причине своей продажности и пристрастности, давно вышла у читателей из веры, и окончательным судьей осталось большинство. Роли переменялись: масса безвкусничает, а писатели прислушиваются к ее послеобеденным причудам. Наслаждение «Гамлетом» или «Фаустом» требует усилия, труда, а скачка в Гипподроме или балаганный фарс всякому понятны. Автору прежде всего нужно доставить успех своей пьесе, а успех пьесы, замечательной со стороны эстетического вкуса, положительно невозможен перед парижским партером, необразованным, односторонним, безапелляционным судьей. Авторы до того боятся напряжением умственных способностей расстроить послеобеденное пищеварение партера, что известный литератор, любящий парижской публики, хвастал уловкой, доставляющей успех его пьесам, и состоящей в том, чтобы заставляя действующее лицо говорить не то, что оно должно чувствовать, а что зрители без малейшего труда видят простыми глазами. Топит ли человек камин, пусть он не говорит: «экой холод!», а скажет, кладя дрова: «теперь я топлю печь». Входит ли девичий хоровод, пусть он поет не деревенскую песню, а восклицает: «вот идут девушки крестьянки», и т. д. Затруднения удалены, все ровно и плоско, катись, как по железной дороге. Пьесы, как сапоги, делаются на известную колодку, и сотрудники принимают работу из рук ловкого закройщика. Один тачает голенище, другой пришивает рант, третий подошву. Удобно, скоро и гладко. Каждый в своем деле набил руку. Кроме того, самый сапог шит на мозолистую, узкую обувь изуродованную ногу. Актеры (артистами их назвать невозможно) представляют

98

результаты того же безвыходного положения и распадаются: старики на сухих и тупых резонеров или рутинных декламаторов, а молодые на типы уличных зевак (gamin*), портных вывесок с хлыстом в руках, с безукоризненным пробором и брюками с лампасами, и гуляк дурного тона, или смешивают в одном лице все помянутые оттенки. Из этих только данных объясняется появление такой сценической диковинки, какую Vaudeville услаждает свою публику в виде «La dame aux Camélias, par Alex. Dumas fils» **, которая всякого человека не поражает, а оглушает невероятным безобразием. На меня она произвела то же впечатление, как если бы выдумали самую пошлую нелепость, дали ее обработать бездарнейшему поэту-горемыке и заставили Ноздрева продекламировать на публичном акте. Такая нелепость уже не бесит, а истерически смешит. Трудно поверить, что в отвратительно смешном акте смерти героини во всех ложах дамы начали усердно сморкаться и утирать невольные слезы. К счастью, мы с товарищем сидели в первом ряду кресел, и я мог, склонясь на рампу, предаваться взрывам неудержимого смеха. «Боже! что бы сказал Шекспир, глядя на все эти штуки», – восклицал мой товарищ, скрестив руки на груди и стоически ожидая после каждой новой нелепости, чем все разыграется. Это не мешало ему давать мне шепотом знать, что многие недовольные взоры обращены на меня и что если я буду продолжать смеяться, грозное & la porte!*** не заставит ждать себя. В этом отношении с парижской публикой шутить нечего. Несмотря на постоянное вмешательство полиции, партер умел во все времена отстоять за собой известные привилегии. Свистки запрещены, но если пьеса падает и публика недовольна, свистки мало-помалу вступают в свои права и раздаются со всех сторон. В зале шум, говор, клакеры выбиваются из сил, но их никто не слушает; бледные, потерянные актеры ходят как привидения по сцене и бормочут роль про себя. Власть партера распространяется не на одну сцену, он и в зале берет на себя роль блюстителя известного театрального этикета. В антрактах мужчины надевают шляпы и каждый может ходить, сидеть или стоять с покрытой головой, обращенной в какую бы то ни было сторону. Только вольность эта не вполне распространяется на сидящих в ложах. В ложах дамы непременно должны сидеть на передних местах, в противном случае партер мало-помалу забунтует и поднявшийся в КАКОМ-НИБУДЬНОМ ОБРАЗОМ: «lesdames en avant!»**** не перестанет в оглушительный вопль. То же самое, если мужчина, надевший

* уличный мальчишка, зевака (франц.).

** «Дама с камелиями, Алекс. Дюма-сына» (франц.).

*** выходите! (франц.).

**** «женщин вперед!» (франц.).

в ложе во время антракта шляпу, обернется к сцене спиной: «la face au parterre! la face au parterre!»* – закричат ему. В одно из представлений «Гимназии», в антракте за моей спиной поднялся шум, и затем раздалось: «a la porte!» Спрашиваю соседа-француза о причине шума. «Не знаю, – отвечал сосед, – кажется, один из зрителей позволил себе неучтивость в отношении к даме». Между тем около балкона, на спинках стульев образовался живой амфитеатр, обращенный лицом к одной из лож бенуара и грозное a la porte! раскатывалось несмолкающей волной. «A la porte! h la porte!» – раздалось снова. Комиссар пришел попросить виновного оставить театр. «A la porte! h la porte!» – загремело вслед уходящему, и неумолимый ареопаг умолк и расселся по местам.

Лучшие актеры, сохранившие, по крайней мере, предания более благородной сцены, без сомнения, все-таки в «Comedie Fran- çaise». У гг. Самсона и Брессана есть минуты творчества, но они редки и не вознаграждают за скуку видеть в продолжение целого вечера таких кривляк, как г-жа Плесси. Что касается до актрис, они, в сущности, ничуть не лучше актеров. Правда, в большей или меньшей степени все они владеют искусством, редким на других сценах, держат себя ловко и непринужденно, но и это перешло в манеру: поправлять воланы, отстегивать и застегивать браслет, чистить брильянты и т. п. В Париже, более чем где-либо, все женщины до известной степени равны и пользуются теми знаками внешнего уважения, в которых парижанин никогда не откажет даме. Поэтому в школу приличных манер парижанке ходить недалеко; но жару, смыслу, инстинкту научиться нельзя, его надо принести с собой, и этих-то главных качеств у здешних артисток нет и подобия. Даже на сцене «Французской Комедии» такие королевы и наперсницы, что вам за них вчуже неловко. Лучшая артистка, какую мне удалось видеть в Париже, без сомнения, Rose- Chdri, на сцене «Гимназии». Она хороша, грациозна, но все-таки переходит в манеру, о которой я говорил. Об Итальянской опере ни слова, имена репертуара говорят сами за себя. Но с этими чудными голосами Верди обходится, как своенравный мальчик с барабаном. Бьет, бьет, пока барабан не лопнет. Французская Опера Большого Театра и особенно Opéra Comique** с ее m-mes Cabel и Ugalde просто плохи. В каждом нотном магазине выставлены статуэтки этих знаменитостей. Оркестры с французской самоуверенностью разыгрывают на визгливых скрипках какой-то непроходимый ералаш. Вообще француза-артиста не скоро собьешь с толку, и таких артистов в Париже на каждом шагу. Перед кофей

* «лицом к партеру! лицом к партеру!» (франц.).

** Комическая опера (франц.).

нями ходит господин, играющий на скрипке наканифоленным столовым ножом; по углам улиц, на мостах и в садах сидят слепые мужчины и женщины и водят смычком по копеечной скрипке, не давая даже себе труда перебирать пальцами по грифу.

IV

Поездка в провинцию и французская деревенская жизнь. – Трактир в Розе и капитан первой Империи. – Поверка общего впечатления в Париже.

На прошедшей неделе я получил письмо от Л. следующего содержания: «С последнего свидания нашего в Париже, я поселился у добрых приятелей и почти ежедневно таскаюсь с хозяином дома на охоту, хотя куропаток этот год весьма мало. Не знаю, когда буду в Париже. Если вам скучно, садитесь на железную дорогу, взяв предварительно билет в дилижанс, отходящий в Rozoy-en- Vrie, куда к вам вышлют навстречу экипаж. По крайней мере, получите понятие о французской деревенской жизни». В самом деле, подумал я, отчего ж не проехаться и не взглянуть, – и вслед затем написал, что в будущий понедельник выеду. В понедельник, набрав небольшую лукошку персиков и фонтенебльского винограду, до которого Л. большой охотник, я рано утром отправился на железную дорогу. В вагоне места много, да и ехать пришлось только полчаса, следовательно, с плодами и зонтиком возня не велика. Зато при перемещении в дилижанс, в котором пришлось просидеть четыре часа, дело оказалось хоть брось. В купе места заняты. Заглянул в карету – полна старухами, а небо хмурится, того и гляди нальет дождя. Кондуктор объявил, что я могу выбирать между каретой я имперьялом. Я подумал: лучше вымокнуть, нежели задохнуться, и полез наверх. Но куда девать коробку с плодами, чтобы они не превратились в морс? Все уселись, а я стоял на колесе с вопросительным видом Пандоры. «Дайте мне вашу коробку! – крикнула одна из сидящих в карете старух, – я ее буду держать на коленях». Ну, не милая ли эта старуха? – Бич хлопнул по запыленной, но доброй белой лошади, запряженной на выносе перед парой караковых дышловых, и дилижанс покатился со скоростью 10 верст в час. На имперьяле ожидало меня новое удобство. Рядом со мной поместились какие-то мальчишки, оспаривавшие друг у друга места, не без того чтобы встреча двух отталкивающихся тел не отзывалась и на моих боках. К этому сидящий со мною рядом прибавлял огромного бумажного змея, который во всю дорогу танцевал перед моим носом, заслоняя неживописную местность, вроде той, с которой я познакомился на Страсбургской

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
железной дороге. За мной и подо мной, рядом с почтарем, сиде

101

ли синие блузы. На половине дороги, около трактира или, лучше, шинка, слезли неугомонные мальчишки и унесли неукротимого змея. Я вздохнул свободнее. Дорога пошла лесами.

– Вы, смею спросить, в Розе? – обратился ко мне сидевший на козлах блузник.

– Нет, далее, – я назвал замок.

– А! вы к Г-ну R.?

– Да.

– Поздравляю вас! Премильные люди. Г-н R. пользуется большим уважением в нашем околотке. У него прекрасное состояние. К нему приехал землемер разбивать леса на лесочки, – ... и пошел... и пошел... так что в полчаса я узнал денежные обстоятельства R. гораздо лучше, чем свои собственные, с условием, надо прибавить, если в словах синей блузы было хотя половина истины. – За вами из замка вышлют экипаж, – продолжал он, – но если этого не будет, позвольте, я вас довезу. Моя лошадь дожидается в Розе, а в этом городишке экипажа нанять не найдете.

Я поблагодарил, с полной уверенностью, что блуза подпускает все эти туры с намерением взять с меня подороже за доставку в замок. Лошадей переменили, народу в дилижансе ubyло, и старуха закричала из окна, чтобы я взял коробку, а то она один персик уже съела. Места опростались, нашлось и коробке местечко. Вот и небольшой городишко Розе показался невдалеке. Блузник повторил приглашение. Эк его хлопочет! – подумал я.

– Далеко ли от города до замка?

– Тринадцать-четырнадцать километров (то есть около 12 верст).

Дилижанс остановился перед мелочной лавкой, заменяющей в Розе контору. Около дверей стояла прекрасная коляска, запряженная парой вороных, и кучер, в шляпе с галуном, прохаживался по мостовой. Я поспешил выпросить у кондуктора свой чемодан и сложил на него зонтик, пальто и коробку, вполне уверенный, что присланный кучер сейчас же освободит меня от этих скучных предметов. Подхожу, спрашиваю, оказывается, что это извозчик, подряженный везти часть пассажиров в совершенно противоположную сторону той, в которую мне нужно ехать.

– А где бы нанять лошадь?

– Здесь не найдете, – говорит лавочница, она же и управляющий конторою дилижансов.

– Видите, тут нет лошадей, – заметил снова мой знакомый блузник, – я предлагаю свои услуги, и вам выбора не остается. Лошадь моя ожидает недалеко отсюда у постоянного двора, и я повторяю предложение. Пойдемте. А! вас беспокоит чемодан? Позвольте, я его донесу!»

102

И с этим словом он ловко закинул себе па плечи мой, довольно увесистый, чемодан. Мы тронулись в путь. Несмотря на уверение блузника, что идти несколько шагов, мы прошли около полуверсты по дурной мостовой и наконец добрались до небольшого трактира, далеко не блистательного ни в каком отношении. У дверей стояла рессорная одноколка, и небольшая буланая лошадка нетерпеливо помахивала головой. В кабриолете сидел мальчик лет шести и девочка помоложе.

– Это дети приехали за мной. Лошадь так смирна, что ребенок может безопасно управлять ею, – сказал словоохотный блузник, устанавливая в ноги мой чемодан. – Теперь готово, – прибавил он, – не угодно ли садиться? Мы тронемся, а через час и даже менее вы будете у ворот замка. Я заметил, что желал бы кончить тут же на месте наши расчеты.

– Какие расчеты?

– Я бы не желал остаться в долгу за причиняемое вам беспокойство, – проворчал я, замечая, что дело что-то не ладно.

Черные глаза француза покрылись маслом и покосились в мою сторону.

– То есть вы хотите мне заплатить! Нет, милостивый государь, я предложил вам ехать со мной единственно из удовольствия оказать услугу вам и господину R., моему соседу, которому, я уверен, особенно приятно будет ваше посещение. Моя ферма за шесть километров, не доезжая до его замка, но лошадка проворна, а вам выбора нет.

Я был уничтожен. Вот тебе и синяя блуза! Нет, ни за что бы не хотел быть в таком нелепом, жалком положении. Человек предложил самую любезную услугу, как поденщик тащил полверсты мой чемодан, и в награду за все я его обидел, правда, неумышленно, – но от этого ни ему, а главное, ни мне ни на волос не легче. Не помню, какой вздор ворчал я в свое извинение. Нельзя же было молча сесть в кабриолет. Бич хлопнул, и буланенькая пустилась по шоссе. Слава Богу! быстрота рысачка помогла мне переменить тему, воздавая должную дань удивления неутомимо

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana резвой лошадке. Через три четверти часа кабриолет остановился у старинных сквозных ворот, между железных прутьев которых из-за деревьев выглядывал серый фасад древнего каменного дома.

– Позвоните; вот ваши вещи и желаю вам приятно провести время, – сказал мой неизвестный благодетель, кивая головой и заворачивая буланую назад.

Через минуту кабриолет умчался из глаз под учащенные звуки проворных копыт. Позвонив и не замечая никакого движения ни перед фасадом дома, ни по дорожкам, ведущим вокруг цветочных клумб и деревьев к воротам, я стал рассматривать мое

103
будущее пристанище. Пепельно-серый дом, или, вернее, замок с большими окнами, старой, местами мхом поросшей кровлей глядел на меня из-за каштанов и тополей с тем сурово-насмешливым выражением старика, свойственным всем зданиям, на которых не сгладилась средневековая физиономия, с выражением, явно говорящим: эх, вы, молодежь! Вам бы все покрасивей да полегче, а по-нашему, попрочнее да потеплее. У вас стенки в два кирпичика, а у нас в два аршина. Посмотрите, какими широкими канавами мы себя окапываем; коли ты из наших, опустим подъемный мост, и милости просим, а то походи около каменного рва, да с тем и ступай. Ведь теперь у вас, говорят, просвещение да земская полиция не дадут воли лихому человеку. А кто вас знает? оно все-таки лучше, как в канаве-то вода не переводится». Кроме цветов, пестревших по клумбам вдоль фасада, под окнами выставлены из оранжерей цветы и деревья стран более благосклонных.

Насмотревшись на эспланаду, на каменный ров, в зеленую воду которого ветерок ронял беспрестанно листья тополей и акаций, позлащенные дыханием осени, на самый фасад замка, я позвонил снова и на этот раз навстречу мне вышел лакей.

– Дома господин R.?

– Нет.

– Ал.?

–Тоже нет.

– Где же они?

– На охоте.

– Когда же они вернутся?

– Теперь час; они непременно должны быть к обеду, то есть к шести часам.

– Ну, а madame R. дома?

– Madame дома, только она еще не выходила. Вы желаете видеть господина Л.?

позвольте, я снесу пока ваши вещи в его комнату. Пожалуйста.

По каменным ступеням низенькой лестницы главного входа мы вошли в высокий светлый коридор, выходящий в приемную комнату. Здесь встретила меня женщина средних лет, но кто она, хозяйка ли дома, родственница или знакомая хозяев? Я не имел ни малейшего понятия. Отрекомендовавшись, я намекнул на желание видеть Л.

– Не угодно ли пожаловать в гостиную, пока вам приготовят комнату? Сестра еще не выходила, а брат и Л. на охоте.

Ну, слава Богу! по крайней мере, знаю, с кем говорю. В высокой и просторной, во всю глубину дома проходящей угольной гостиной в два света, стол посредине, против камина круглый

104

стол, обставленный диванчиками, кушетками и креслами. В окна, противоположные главному фасаду, смотрели клены, каштаны и тополи парка. В простенке тех же окон стоял рояль, а у стены, противоположной камину, на диване, перед которым разложена была медвежья шкура, сидели молодые девушки, вероятно, дети хозяев. Я поместился на кушетке у круглого стола и завязал один из спасительных разговоров, в продолжение которых мучит одна забота, как бы его хилой нитки хватило на возможно долгое время.

– Теперь ваша комната готова, – сказала дама, взглянув на вошедшего слугу, – и, если угодно отдохнуть или устроиться с дороги, делайте, как найдете удобным.

Я поклонился и пошел за слугой по знакомому коридору. Поднявшись по широкой лестнице во второй этаж, мы снова очутились в длинном коридоре с дверями направо и налево. В конце, направо у двери, лакей остановился и отворил ее.

– Вот ваша комната! Не прикажете ли горячей воды? Ma- dame приказала спросить, не угодно ли вам завтракать. Здесь завтракают в двенадцать часов, время прошло, а до обеда еще четыре часа.

Я отказался, и лакей вышел. Взятую с собою на всякий случай книгу читать не хотелось, – дай хоть рассмотрю, где я. В окно виднелся тот же парк, который я мельком заметил из гостиной. Внизу у самой стены светился глубокий каменный ров, огибающий весь замок. Легкие, очевидно, в позднейшее время через него переброшенные мостики вели под своды дерев парка. Тишина, не возмущаемая ничем. Я закурил сигару и отворил окно – все та же мертвая тишина. Лягушки тихо двигались в канаве по пригретой солнцем зеленой поверхности стоячей воды. С

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana полей, прилегающих к замку, осень давно разогнала всех рабочих. Ни звука.

– Madame приглашает вас в гостиную, если вам угодно, – проговорил лакей, не прося позволения войти в комнату.

«Слава Богу! наконец-то», – подумал я и пошел.

В гостиной, кроме знакомых уже лиц, я заметил женщину, присевшую у камина и передвигающую бронзовую решетку. При шуме моих шагов она обернулась, встала, и, по свободной грации и той любезно-приветливой улыбке, которой образованные женщины умеют встречать гостя, не было сомнения, что передо мной хозяйка дома. Я извинился в хлопотах, причиненных моим приездом, на который Л., без сомнения, испросил позволение хозяйки.

– Очень рада случаю с вами познакомиться, но Л., по обычной рассеянности, не сказал ни слова, и вот почему вы должны

105

были ожидать, пока приготовят вашу комнату. Но теперь все улажено, садитесь, пожалуйста.

Завязался разговор, и в десять минут хозяйка вполне успела, хотя на время, изгладить из памяти моей миниатюрную одиссею этого дня.

– Теперь обычное время наших прогулок. Не хотите ли пойти с нами?

День был прекрасный. Острые вершины тополей дремали в пригревающих лучах сентябрьского солнца, падалица пестрела вокруг толстых стволов яблонь, образующих старую аллею проселка, которую замок соединен с шоссе. Из-под скошенного жнивья начинал, зеленея, выступать пушистый клевер; вдалеке в ложине, около канавы, усаженной вербами, паслись меринсы; на пригорке два плуга, запряженные парами дюжих и сытых лошадей, медленно двигались друг другу навстречу, оставляя за собою свежие темно-бурые полосы. Когда мы обошли по полям и небольшим лескам весь замок, солнце уже совершенно опустилось к вершинам леса, разордевшись тем ярким осенним румянцем, которым горит лицо умирающего в чахотке.

– Как вам нравится здешняя природа? – спросила меня хозяйка.

– Природа везде хороша.

– Вы снисходительнее других к нашим местам. М-ме Дю- деван, гостя у меня, постоянно находила, что здесь почти жить нельзя, так пустыньны наши окрестности. Версты за полторы раздались выстрелы. «А! это наши охотники возвращаются. Пойдемте домой через сад, тогда вы будете иметь полное понятие о здешнем хозяйстве». Мы подошли к лощинке, около которой паслись стада меринсов. «Babette Babette!» – закричала одна из девочек, шедших с англичанкой. На голос малютки из стада выбежала белая коза и доверчиво подошла к своей пятилетней госпоже. Около оранжереи вся дамская компания рассеялась вдоль шпалер искать спелых персиков к обеду. Опять раздалась выстрелы, но на этот раз ближе к дому. Уверенный, что Л. забыл о своем приглашении и, во всяком случае, не ожидает моего приезда, я предложил дамам не говорить обо мне ни слова, предоставляя ему самому найти меня у себя в кабинете. Заговор составил, и как только завидели охотников, я отправился в комнату Л. Но судьба отметила этот день строгой чертой неудач. Кто-то из прислуги, не участвовавший в заговоре, объявил о моем приезде, и Л. встретил меня вопросом:

* «Бабетта! Бабетта!» (франц.). 106

– Разве вы не получали моего письма?

– Какого письма?

– Я писал, что хозяйка ожидают на несколько дней приезжих дам и в доме все лишние комнаты будут заняты. Поэтому я советовал вам приехать дней через десять. Итак, опять неудача. Уехать сейчас же неловко – сидеть дома тоже неловко. Я решил уехать, пробыв еще день. Раздался звонок к обеду, и все общество, довольно многочисленное, собралось в угольной зале, в противоположном от гостиной конце дома. Напрасно говорить о вежливости хозяина – он француз. Разговор переходил от ежедневных событий собственного семейного круга к вопросам общим политическим и литературным. Зашла речь о последних стихотворениях Гюго, и хозяин в подтверждение своих слов касательно силы, которую поэт проявил в некоторых новых пьесах, прочел на память несколько стихов. Смее уверить моих читательниц, что в продолжение почти трех дней, проведенных в замке, я ни разу не слышал насмешливых суждений о соседстве, без которых не обойдется у нас ни один общий разговор. Из-за стола все отправились в гостиную. Приехал домашний доктор, составил вист, хозяйка села за рояль, и долго чудные звуки Моцарта и Бетховена раздавались в комнате. Так прошел день. На другой почти то же самое, следует только прибавить утренние партии на бильярде, а ввечеру, кроме музыки и виста, серебряные голоски девиц, прочитывающих вслух роли из Мольера, приготавливаемого к домашнему театру.

На третий день я объявил желание возвратиться в Париж, и так как нужно было поспеть в Розе к шести часам пополудни, времени отправления дилижанса, то я

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana должен был уехать из дому не позже четырех часов. Хозяева, несмотря на сытный завтрак, всхлопотались кормить меня на дорогу. Но я отказался наотрез. Подали кабриолет, и через час я был уже в Розе.

– Скоро ли пойдет дилижанс?

– Да через полчаса, а самое позднее, через три четверти.

Хлопотать было нечего, любезный R. еще с утра приказал взять для меня место в купе. Теперь пять часов, дилижанс пойдет через час, будет шесть, да пройдет четыре, будет десять, да по железной дороге тридцать пять минут, – следовательно, мне не придется обедать раньше одиннадцати. Это что-то поздно!

– Нет ли тут гостиницы?

– Есть, отличная!

Я отправился в отличную гостиницу, и она оказалась точно вполне отличной ото всех гостиниц в мире, исключая наших почтовых. Как я ни бился, не мог достать ни супу, ни прочего.

– Нет ли мяса?

107

– Есть.

– Что такое?

– Голубенок.

– Один!!?

– Один.

– Дайте, пожалуйста, голубенка, – и с этим словом я вышел в небольшую обеденную залу. За круглым столом сидела дама и рядом с ней пожилой господин, по осанке и щетинистым усам которого легко можно было узнать старого солдата первой Империи, если бы даже в петлице не адела неизбежная розетка Почетного легиона. Перед ними стояла бутылка красного вина и блюдо сочной телятины, а подле на стуле лежал белый хлеб, похожий на двухаршинный отрубок березового бревна. Что делать? Есть нечего: принесенный голубенок, подпахивавший пережаренным маслом, исчез, оставивши жалкие следы своего существования. Я потребовал сыру и полбутылки шампанского.

– Шампанского нет!

– Как нет? – сказал обиженным тоном наполеоновский капитан. – Спросите в лавке у такого-то.

– У него нет.

– Ну, так у такого-то.

– Я послала, – отвечала хозяйка, – да не знаю, есть ли.

Ну, Розе. В двух шагах от Шампаньи, и не достанешь полубутылки вина. Наконец, явилась полубутылка сомнительного вида и хлопнула, как из ружья. Я предложил по бокалу капитану и его даме. Капитан поблагодарил и подвинул ко мне блюдо телятины, а вслед затем стал рассказывать о великой ретираде из сгоревшей Москвы, хваля русских на чем свет стоит. За что бы уже ему хвалить? – не знаю. Между тем кондуктор затрубил, и в купе у меня не нашлось товарищей.

Воспользовавшись простором, я закурил сигару, лег через все три или четыре места и приехал на станцию железной дороги сонный. На другой день за завтраком, в кофейне пале-ройальской ротонды, попался мне на глаза знакомый француз, бывший моим руководителем в странствованиях по Парижу. Он уезжал на месяц в деревню, и по этому случаю мы давно не видались. Приказав поставить приборы на один столик, мы пустились во взаимные расспросы.

– Ну, теперь вы огляделись в Париже, – заметил француз, – скажите, какое он на вас произвел впечатление? Мы, парижане, ко всему присмотрелись – интересно суждение человека свежего. Со мной можете быть совершенно откровенны, настолько вы меня знаете.

– Очень рад, что вы навели меня на эту тему, у меня у самого она вертелась в голове, и я не раз припоминал ваше выраже

108

ние касательно немецких книг. Вы говорили, что они непостижимо дурно сделаны (mal-faits*), в сравнении с французскими, из которых каждая, самая дрянная и пустая, так уложена, что читается легко, без сучка без задоринки.

– Помню, помню. У нас вообще думают плохо и трудно, а писать гладко великие мастера; но к чему вы это вспомнили?

– К тому, что отношу это ко всей парижской жизни, от улицы Риволи до Гипподрома, от последнего винтика в экипаже до первых бриллиантовых серег за стеклом магазина, от художественной выставки до Большой Оперы все гладко, ловко, блистательно (bien-fait**), а целое прозаично, мишурно и бессочно, как нарядный венский пирог, простоявший месяц за окном кондитерской.

– Это горькая правда, – подхватил француз, – и тем более горькая, что чем дальше в лес, тем больше дров. Чтобы создавать великое, нужно жить внутренней

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana
жизнью и образоваться, а нам ни того, ни другого делать некогда. Мы не живем, а ищем пропитания, нас, за малыми счастливыми исключениями, не воспитывают, а дрессируют, и всех увлекает могучий водоворот лихорадочного движения. Не думайте, чтобы все были слепы, хотя б ко внешним событиям. Многие, например, видят, что новые широкие улицы нисколько не украшения Парижа, а удобные стратегические пути, что мало-помалу огромные дома, все более и более вытесняя мелкие квартиры, превратятся в богатые отели для иностранцев, и Париж, перестав быть французским городом, будет местом свидания всех народов. Но мы с вами изменить этого не в силах, а между тем я хотел о чем-то вас спросить, да забыл.
– Да, вспомнил. Знаете ли вы, что завтра первый воскресный день этого месяца?
– Нет, забыл. Что ж из этого?
– То, что каждый месяц, в первое воскресенье, пускают в Версале воду, и там толпы народа. В обыкновенные дни еще можно не побывать в Версале, а иметь возможность видеть все фонтаны и не воспользоваться ею непростительно.
– Стало быть, мы завтра идем?
– Идем. Главные воды пускают от четырех до пяти пополудни, а железная дорога отходит и приходит в подобные дни через каждые полчаса. Приходите ровно в два часа к фонтану Тюльерийского сада, и мы отправимся.
– Прекрасно! Прощайте. Благодарю вас.
* плохо сделаны (франц.).
** хорошо сделано (франц.).

109

V

Тряпичники. – Ручные дикие голуби. – Поездка в Версаль. – Передний фасад дворца; малые и большие воды. –

Г-жи Перцова и Зайцева. – Отъезд в Марсель. – Дорога и дижонские туннели. – Охота за утками. – Город Марсель. –

Пароход «Капитолий» и южный берег Франции с моря.

Расставшись с приятелем и протаскавшись кое-как до обеда, я рано возвратился домой и взял книгу. Лень и дремота начали одолевать меня. Я прилег на постель и, продолжая читать какие-то небывалые, ни с чем не сообразные строки, уронил книгу и окончательно заснул. Когда открыл глаза, в комнате было светло и нестерпимо холодно. Я взглянул на часы – пять часов. Заснуть снова нет возможности. Затоплю, по крайней мере, камин и почитаю. Когда сухие дрова, схваченные пламенем, стали трескаться, и хотя ногам стало потеплее, я встал и начал ходить по комнате, время от времени останавливаясь у окна, выходящего на улицу. Если в Париже бывает пора отдохновения, то это в часы раннего утра. Экипажи перестают греть, и пешеходы мелькают все реже и реже. – На противоположной стороне улицы, как раз против моего окна, лежали три кучи сору, которые я свободно мог обозревать, несмотря на довольно значительное между нами расстояние. Парижский уличный сор имеет свою особенную физиономию. Его пестрые кучи напоминают взъерошенную голову деревенского мальчишки, над которою ученики в цирюльне учатся закладывать папильотки. Только бесчисленным множеством товаров, которые нетерпеливые покупатели разворачивают на улице, бросая тут же обертку, можно объяснить массу бумажных обрывков, составляющих две трети парижского сору. На эти-то лоскутки бумаги ведется по ночам правильная, систематическая охота тряпичников (chiffoniers). Сколько раз, возвращаясь домой после десяти часов вечера, я наткался на каких-то черных казуаров. Никогда не удавалось мне рассмотреть ни лица, ни костюма этих мрачных, долговязых фигур. Видишь только за их спиной большую плетеную корзинку, фонарь в левой руке и железный прут с крючком на конце – в правой. Я удивлялся инстинкту и ловкости, с какой эта ночная птица подойдет к куче, осветит ее фонарем и, быстро расшвыряв сор железным прутом, торопливо клюнет крючком. Глаз наблюдателя едва может уследить за движением. Прут, по-видимому, невысоко подымается от земли, а между тем грязная корзина уже поглотила крючком подхваченную находку. В нынешнее утро судьбе угодно было показать мне тряпичников во всей красоте. Охотникам за птицами известно выражение: тяга. Весной, при захождении солнца, на полянах березовых лесов вальдшнепы

110

с хриповатым скрипом начинают летать (тянуть) в известном направлении. Через час, когда почти совершенно смеркнется, они тянут в противоположную сторону. В это утро я пошел на тягу шифоньеров в ту минуту, когда они из центра города возвращались к предместьям. Тяги продолжались не более десяти минут. Первый тряпичник, остановившийся у ближайшей к бульвару кучи, был огромный широкоплечий мужчина. Порванные рыжие сапоги, полосатые, полные, заплатами покрытые брюки, черный короткий плащ, висящий по плечам, как сальная ветошка трубочиста, и черная изорванная шляпа, нахлобученная на красное лицо с багровым орлиным носом, придавали этому человеку, даже при дневном свете, какой-то фантастический вид.

Он шел бодро, большими шагами, самоуверенно, чтобы не сказать надменно. Большая корзина за плечами была почти полна. Он раздвигал кучу одним движением прута и, небрежно клянув крупную бумажку, быстро переходил к следующей куче. Не успел он скрыться из глаз моих, как у первой кучи показалась грязно-серая фигура приземистого старика. В нем уже не было и тени гордой удалы его предшественника, а заметна была какая-то старческая копотливость. Он гораздо долее останавливался у каждой кучки, долго переворачивал сор, клевал бумажки с разборчивостью и сам, по-видимому, сознавал, что ему за молодежью не угнаться. Когда старик прошел, у первой кучи показалась толстая, безобразная, грязно-серая хромая женщина. Вся она с головы до ног скорее походила на толстую связку грязных тряпок, чем на живое существо. Хромая, с почти пустою корзиной, она подвигалась весьма медленно, с каждым шагом раскачивая свои тяжелые тряпки. Железный прут ее как-то сиротливо-задумчиво раздвигал опустевшие кучи, словно желая сказать: нет! благо мира сего не для меня. Когда раскачивающийся пук лохмотьев пропал за углом, я все еще не отходил от окна, выжидая нового явления. Действительно, минуты через две послышался тяжелый стук и пара дюжих лошадей, запряженных цугом в огромную двухколесную фуру, остановились перед окнами. В один миг рабочие побросали сор в телегу и очистили улицу. Стало быть, тяга кончена. На другой день без четверти в два часа я стоял в Тюльерийском саду у фонтана, подле маленького деревянного домика, построенного у круглого бассейна. Домик этот ночной приют лебеда, плавающего целый день по бассейну и потешающегося над деревянными обручами и корабликами, спущенными на воду детьми. К бассейну подошел мальчишка- блузник лет двенадцати и стал манить рукой красивую птицу, не обращающую на его пантомимы ни малейшего внимания.

111

В это время два диких голубя, которых я несколько раз видал, проходя Тюльерийский сад, прилетели и сели посреди бассейна пить из мраморной воды, так же мало, как лебедь, обращая внимание на присутствие людей.

– Что это за голуби? – спросил я мальчика.

– Императорские.

– Где же их содержат?

– Они ручные и живут вон там (мальчик показал на тюль- ерийские каштаны), а зимой, когда холодно, ночуют в домике лебеда.

Каким образом сделали ручными диких голубей? – мальчик не мог мне объяснить.

– Вы чрезвычайно исправны! Идемте, – сказал подошедший приятель-француз, приближения которого я не заметил, занятый лебедем и голубями.

– Идемте. Я готов. Только на чем: в омнибусе или на извозчике?

– Разумеется, в омнибусе, зачем платить два франка там, где можно заплатить франк? Cocher!*

Карета подкатила. – На западную железную дорогу! – Кучер кивнул головою в знак согласия, подал мне в окно номерной билетик с тарифом и хлопнул бичом.

Через двадцать пять минут поезд железной дороги привез нас в Бель-Вю, небольшой городок, с террасы которого видна прекрасная панорама Парижа, вроде той, какую представляет Москва, если на нее смотреть с Воробьевых гор. По обеим сторонам дороги вывески водолечебниц, и по этой причине в Бель-Вю проводят лето многие иностранцы и парижане, врачующиеся по методу Присница. Поезд тронулся снова и через полчаса мы были в Версале.

– Теперь как раз половина четвертого. Пойдемте! До дворца всего минут десять ходьбы, а в четыре, пожалуй, пустят большие воды.

Француз был прав. Повернув со станции железной дороги вправо, по длинной липовой аллее, мы вышли на широкую площадь, по которой пришлось-таки порядочно подыматься на пригорок. Вот мы на середине площади; направо, выстроенные покоем, огромные кавалерийские казармы, а налево, насупротив, таким же покоем, во вкусе Возрождения, выстроенный Версальский дворец, огромный двор которого обнесен железной решеткой с золочеными воротами. Перед дворцом, к нему спиной и лицом к воротам, конная бронзовая статуя Людовика XIV, а вдоль

* Извозчик! (франц.). 112

внутренней стороны решетки, с обеих сторон мраморные статуи генералов. К этому Людовик-Филипп прибавил два флигеля в греческом вкусе, симметрически расположив их внутри покоя, параллельно обоим старым флигелям. Надпись на наружных фронтонах новых флигелей указывает на их предназначение. На том и на другом золотыми буквами написано: *A toutes les gloires de la France**. Это музей. Несмотря на серенький, дождливый денек, пестрые толпы вереницей тянутся направо под арку, соединяющую главный флигель дворца со второстепенными пристройками. Каждый спешит пробраться к заднему фасаду: там-то сад и все диковинки, воспетые поэтами. Мы в свою очередь спешили на огромную, песком усыпанную площадку, и яркая зелень обстриженных и игольчатых деревьев тем резче бросалась в глаза, что из-за нее выглядывали каштаны, тополи и акации, которые приближение осени

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana заставило и побледнеть, и покраснеть. Направо и налево партеры с цветами, содержат которые французы такие мастера. Через несколько шагов еще, слева и справа, сидящие и лежащие божества опрокидывают свои неистощимые урны над широкими каменными бассейнами. Прямо перед нами пестрая, густая толпа. Там-то открывается главный вид на малые воды. Там возвышенность, на которой стоит дворец, оканчивается резким уступом, обсаженным живыми шпалерами и оправленным посередине ступенями широкой лестницы, ведущей на обширную, посреди красивого леса расчищенную полукруглую долину. Лес поддержан со всевозможной щеголеватостью, долина пестреет клумбами, партерами и несметной толпой, над которой там и сям по всему пространству едва заметно дрожат молочнопенистые фонтаны, как гигантские пуки страусовых перьев. По самой середине дугообразной опушки леса, против каменной лестницы-террасы – канал прямолинейной просеки, в том же роде, как петергофский от Самсона, открывает в перспективе огромную водяную равнину, по которой движутся лодки и катеры, убранные флагами. Кроме главной просеки, на поляну, как радиусы, выходят и другие, и на каждой, в густой зелени, прядает пыльный водопад. Я уже не раз говорил о своем равнодушии и даже ненависти к подстриженным деревьям и подмалеванной природе вообще, но в Версале она до того подмалевана, что даже приятно действует на зрение. Это уже не природа и не робкое ей подражание, а смело расписанная декорация, не лишенная самобытной прелести, живая, широкая диорама. Робко и слегка поддуманная женщина жалка и смешна, но бывают минуты, когда отважно разрумяненные ланиты могут нравиться. Так мы

* Во славу Франции (франц.).

113

любовались живою диорамой, пестрые толпы гуляющих стали собираться к лестнице и дружно потянулись к другой просеке, вправо от дорожки, по которой мы пришли. В этой стороне слава Версаля: большие воды. Вслед за другими, вниз по широкой просеке сошли и мы к большому пруду, высокий берег которого, с нагорной стороны, уставлен мраморными урнами. Покамест никаких фонтанов не видать. Зато весь противоположный отлогий берег пруда обрамлен плотной толпой зрителей, рассеявшихся на стульях, над самой водой, в ожидании минуты, в которую пустят фонтаны. Стало быть, и нам надо пойти на ту сторону и взять пару наемных стульев.

– Ах! как я рада, что вас вижу! Давно ли вы здесь, то есть в Версале? *Comme c'est beau!** – прошебетала над моим ухом знакомая русская барыня, у которой на морщинистом лице глаза при этих словах засияли, как две спелые вишни, окунутые в масло. – Вообразите, какое несчастье! – продолжала она, не дожидая моего ответа, – мы с Жюли дали слово M-me Pertzoff** свидетельствовать сегодня у больших вод. Искали, искали, нигде не нашли. Долго вам рассказывать, каким образом составилось это *partie de plaisir****, – заметила мимоходом и скороговоркой моя знакомая, но тем не менее не избежала от малейшей из высоко для нее интересных подробностей. – Я уверена, – продолжала она, – что и вам доставит удовольствие видеть M-me Pertzoff. Она третьего дня меня спрашивала. Отчего вы, говорит, милая, добрая m-me Saitzoff****, не попросите его к нам? Он нас совсем забыл. Как она вам обрадуется! Пожалуйста, потрудитесь их найти и сказать, что мы здесь, а мы вас подождем. Ее легко отыскать. Правда, у нее четыре шляпки, и я не знаю, которая на ней сегодня, но вы, я уверена, не затруднитесь.

Что было делать, как не пускаться в поиски? Но едва я сделал несколько шагов, как уже начал раскаиваться в обещании, данном мной m-me Saitzoff. Плохое шоссе на низменном месте, вследствие утреннего дождя и ходьбы многочисленной толпы, превратилось в глиняный кисель, в котором ноги увязали по щиколотку. Обошед весь берег, а это не близко, и измаравшись донельзя, я возвратился к дамам с одним сожалением о бесплодности поисков и, отойдя к товарищу, сел на прибереженный для меня стул. Неужели тут каждый месяц такая толкотня и невылазная грязь, и неужели французы не догадаются сделать асфальтовое шоссе, щадя мужскую обувь и дамские платья? Через

* Как это мило! (франц.).

** Г-же Перцовой (франц.).

*** увеселительное путешествие (франц.).

**** Г-жа Зайцева (франц.).

114

несколько минут послышался отрывистый рев, и вода стала белыми клубами вырываться из трубок. Около колоссальной статуи Нептуна брызнули в пруд дугообразные струи, вслед затем с набережной и на поверхности самого пруда забрызгали такие же, из мраморных ваз полилась вода, и фонтан у подошвы наклонной просеки, по которой мы пришли, поднялся почти в уровень с деревьями. Правда, мы глядели на него снизу. Общее недурно, но мне гораздо более нравятся Малые версальские воды. Там декорация шире и пестрей, что же касается до силы и

высоты вод, сами французы отдадут в этом случае предпочтение нашему Самсону перед своим Нептуном. Мелкий дождик стал между тем накрапывать, и публика, распуская зонтики, повалила к дебаркадеру. Усевшись с приятелем-французом в вагоне, я спросил его о времени отправления экстренного поезда из Парижа в Марсель.

– Ежедневно в одиннадцать часов утра, – отвечал приятель, – но на что вам это знать?

– Я послезавтра уезжаю.

– В Марсель?

– Да – и оттуда в Рим и Неаполь.

– Куда же вы спешите? Еще успеете.

– Нет! покорнейше благодарю. Время наступило холодное, а с вашими каминами без вьюшек плохо зимовать, они только холодят комнату. В окна дует, двойных рам нет.

– Правда, у нас зимой холодно, и для бедного народонаселения зимние месяцы бедственны.

– Помилуйте, – не в одних мансардах холодно. Я плачу двести франков за квартиру, ведь это с лишком шестьсот рублей в год, а хоть волков морозь.

– Если вы непременно решились выехать послезавтра, то я приеду вас провожать.

– Пожалуйста.

В назначенный день приятель сдержал слово. Дружески пожали мы друг другу руки, и снова в глазах моих замелькали полосатые нивы и виноградники, речки, пригорки и долины. Напрасно, по мере приближения к южному берегу, я прикинул нетерпеливым взором к окнам вагона, стараясь уловить, не говорю привлекательную, но хотя бы милую местность. Пустынно, голо, так до самых сумерек и ночного мрака. Зато быстрота езды такая, какой мне нигде не приходилось испытывать, – 60 километров в час, то есть около 55-ти верст. За две станции до Дижона, то есть почти на половине пути между Парижем и Лионом, местность совершенно дичает, и, отказавшись наотрез вознаграждать труд земледельца, употребила все усилия преградить пути сообщения. Переезд между станциями Влези-Ва (Vlaisy-Bas) и

115
Мален (Malain) представляет интереснейший образчик победы человека над природой. Железная дорога углубляется в кремнистую почву почти на протяжении версты и, врезавшись в нее на одиннадцать сажен, пропадает в горе на пять минут, то есть пробегает прямолинейным туннелем около пяти верст. Три года две тысячи человек неусыпно трудились над этой циклопической работой, и один этот туннель стоит десять миллионов франков. До самого Малена дорога не перестает бежать из туннелей на виадуки и с виадуков под туннели. В Лион мы приехали в полночь. За темнотой нельзя было решительно ничего рассмотреть, кроме яркого газового освещения мостов, переброшенных через Рону. Поезд остановился на полчаса, и желающие продолжать ночное путешествие пересели в новые вагоны. Я был в числе последних, и, усевшись в углу вагона, заснул под равномерно-бесконечный, из одних дактилей состоящий гекзаметр паровой машины. Когда я открыл глаза, было уже светло, хотя утренний холод задержал окна вагона нашим дыханием. Сидевший против меня англичанин, бессознательно забывая этикет, сдвинул себе серую шляпу на нос, и, наклоня беспрестанно голову, принимал враждебный вид бодливого быка.

Я протер окно, – что за чудо? Красная, сургучного цвета земля. Я протер глаза, нет, точно так! Вот и мужик пашет, и за ним раскрывается свежая, сургучного цвета полоса. Ну, верно так тому и следует быть. А каково-то местоположение?

Пусто, голо. Вот вправо горы и на них старые замки да бедные остатки древнеримских зданий. Через час и прочие обитатели вагона проснулись, англичанин поправил шляпу и стал прямо, а рядом с ним сидевший француз стал осматриваться кругом, видимо желая завязать разговор. Местность изменилась. Мы уже вторую станцию проезжали мимо огромного озера, которое справа то приближалось к самой дороге, то пряталось за крутые берега, то широко сверкало на значительном расстоянии. Поезд остановился.

– Что случилось? – спросили мы у проходящего кондуктора.

– Пережидаем охотников.

– Каких охотников? – крикнул я ему вслед.

– За утками, – подхватил француз, которому давно хотелось поговорить. Их, вероятно, будет человек четыреста или пятьсот, и они набьют на этом озере тысячи уток. Утки слетаются об эту пору большими стадами, и марсельские жители объявляют им генеральную битву. Часть охотников садится на лодки, взявши по два ружья, а часть остается на берегу, и когда испуганные птицы бросаются к берегу, их встречают новыми залпа

116

ми. Убитых подбирают уже после. Мясо этих уток считается постным, и жир их, как рыбий, не застывает.

Не знаю, до какой степени безукоризненно верны слова француза, но часть его рассказа оправдалась через несколько минут самым блистательным образом. Мимо нас пронёсся огромный поезд третьеклассных вагонов, набитых битком охотниками, из которых большая часть держала перед собою по два ружья. Когда эти господа пролетели, мы тронулись в свою очередь. Отлогие песчаные берега озера стали пестреть низкими в две, три и четыре шеренги насаженными деревьями, с темно-зелеными, серебром отливающими коронами. Это масличные деревья, которые, по-видимому, не нуждаются в черноземе. Не обращая внимания на болтовню соседей и почти не замечая мимо бегущих олив, я пристально смотрел вперед, несколько вправо. Я ждал. Вот, наконец, между темно-красной землей и темно-синим небом блеснула белая полоса. Нечего было спрашивать: ясно, что это Средиземное море. Белая полоса стала быстро разрастаться в ширину и в длину, покрываясь голубыми струями. Там и сям на ней мелькали еще белейшие пятна и наконец совершенно ясно обозначился корабль. Через полчаса мы были в Марсели. Не буду никому, ни даже самому себе, досаждать воспоминаниями о Марсели как городе. Это грустный провинциал, несмотря на свои площади, жалкие фонтаны, четырех- и пятиэтажные дома, старинные аллеи и сто пятьдесят тысяч жителей. Вы чувствуете себя в провинции. Отели плохи, черномазые люди лишены парижской ловкости, хотя в суровых чертах гораздо более энергии. Толпы еще разнороднее и пестрее, чем в Париже. Турки, греки и английские матросы на каждом шагу, но толпа снует без шума и без лихорадочной суеты. Непривлекательные магазины наполнены мануфактурными товарами низкого качества.

– Где контора Императорского пароходства? – спросил я первого прохожего.

– А вот сейчас направо на площади, большая красная вывеска.

– Когда отходит пароход в Рим, то есть в Чивита-Векию? – крикнул я в окошко чиновника, выдающего билеты.

– Завтра, в десять часов, отходит «Капитолий».

– Он прямо пойдет в Рим?

– Нет, зайдет в Геную, в Ливорно, а уже оттуда пойдет в Чивита-Векию.

– Этого мне и нужно. Вот мой паспорт. Он в порядке: осмотрен в Париже у нашего посольства, и в римском взяли деньги за право въезда в Церковную область.

– А здешний консул видел?

117

– Нет.

– В таком случае мы не можем выдать билета.

– Где живет консул?

– Да сегодня воскресенье, вам ничего не сделают, а завтра до десяти часов не отпирают канцелярию; да вам еще нужно свидетельство генуэзцев, а то еще в Геную не пустят.

– Следовательно, я упущу пароход.

– Да, если не будете на нем в половине десятого, то опоздаете. В десять он уходит.

На другой день, после долгих и бесплодных попыток засвидетельствовать паспорт, я в десять часов прилетел вскачь, на извозчике, к темному лесу мачт, заслоняющих на марсельском рейде морскую даль.

– Где «Капитолий»?

– Вот, вот, дымится. Уже прозвонили во второй раз. Пожалуйста чемоданы, а то трап сейчас подымут.

Я рванулся вперед и чрез минуту стоял уже на палубе, окруженный своими пожитками. Лейтенант рассмотрел мои бумаги и окончательно меня успокоил, объявив, что все в надлежащем порядке.

– Скоро ли мы пойдём?

– Через пять минут.

Итак, я почти в Италии. Еще надежда, еще пленительный образ впереди. Каким-то предстанет он наяву? – Прозвонили в третий раз, ревущий пар замолк, и мачтовый лес начал тихо двигаться, уходя за корму «Капитолия». Вот и синяя бухта, и синее, совершенно безоблачное небо. Впереди в море желтые, пустынные, но тем не менее живописные скалы. Корабль все шибче и шибче подается вперед, он вышел уже из голубой бухты, которую здания Марселя, окруженные высокими береговыми уступами, обстали как целое стадо, сошедшее с гор напиться из лазурного озера. Направляясь к Генуе, «Капитолий» не отдалялся от южных берегов Франции, и мы вполне могли на них насмотреться. Каково на них жить? – другой вопрос, но дикою красой эти берега могут поспорить с какими хотите скалами. Формы красных, с вершин до подножия обнаженных утесов, причудливы и могучи. Яркое полуденное солнце, преломляясь по излучистым граням, вызывает самую разнообразную игру цветов. Редко-редко над обнаженной каменной стремниной зазеленеет бедный, приземистый кустарник, засереет развалина или забелеет уединенный домик. Волны моря, прозрачно лазурные в заливе, все более и более принимают блеск

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
зеленоватого стекла, и массы их, двигаясь все тяжелее и тяжелее, дружными грядами
бегут разбиваться у подножия скал. Прощай, Франция. Завтра буду в Италии!

118

ИЗ ДЕРЕВНИ

ИЗ ДЕРЕВНИ

Заметки о вольнонаемном труде

Авторитет умер, да здравствует авторитет! Тем лучше: следовательно, всяк – авторитет. Вот во имя этого всякого решился и я писать эти заметки.

Где-то я вычитал, что помещики переводят будто бы псовую охоту, но охотников до фраз у нас с каждым днем прибывает. фраза – это ассигнация, давно потерявшая номинальную цену и обращающаяся за деньгами только между людьми неопытными.

Подобные фразы в нашей литературе сыплются градом со всех сторон. Читает их публика или не читает? Кто ее знает! Но рано или поздно придется фальшивую бумажку вынимать из обращения и кто-нибудь за нее да заплатится. Итак, прочь фразы, в какую бы сторону они ни гнули. Говорить о деле надо добросовестно и прямо. В заметках моих я выскажу не только факты, идущие, по-моему, к делу, но и те соображения и ощущения, которые вызвали меня на тот или другой шаг. Словом, я буду рассказывать, что я думал, что сделал и что из этого вышло. Хорошо так хорошо; худо так худо, лишь бы правда была. Не одна тысяча людей пойдут теперь моею дорогой. Если мой читатель еще менее меня опытен в земледелии, то я порадоюсь возможности быть ему хотя сколько-нибудь полезным, крикнув впопыхах: тут яма, держи правей, я уж в ней побывал; а если он сам дока, то ему и книги в руки, а я с особенною радостью и жадностью стану слушать его советы.

Заподозривать меня в пристрастии к старому порядку или в антипатии к вольному труду нельзя. Я сам добровольно употребил на это дело свой капитал и бьюсь второй год лично над этим делом. Последняя щепка на дворе у меня точно так же куплена и привезена за деньги, как и то перо, которым я пишу эти заметки. И так, к делу, *in medias res**.

I. Осмотр имений

Года за три еще до манифеста бездеятельная и дорогая городская жизнь стала сильно надоедать мне. Правда, в Москве проживал я только осень и зиму, а на лето ездил в Орловскую

* прямо к делу, в суть дела (лат.).

121

губернию, в имение сестры моей Б<орисовой>. Прекрасный старый сад, чудная река Зуша, шоссе в 6 верстах, хорошее соседство – кажется, чего бы еще хотеть? Но сделаться зрителем, быв всю жизнь деятелем, тяжело, и я стал сильно подумывать о постоянной деятельности. Мне пришла мысль купить клочок земли и заняться на нем сельским хозяйством; но первое условие, чтобы мне никто не мешал делать, что и как я хочу, и чтобы то, что я считаю своим, было мое действительно. Для меня всякое неопределенное состояние тягостнее всего. Мысль о подобной покупке преследовала меня все более и более, и в 1859 и 60-м годах я пустился в розыски земли, подходящей под мои требования. Не стану исчислять все мои попытки. Я искал непременно незаселенной земли, хотя с небольшим леском, рекой, если можно, и готовою усадьбой, не стесняясь губернией, лишь бы не слишком далеко от моей родины Мценска. Разумеется, это не слишком далеко иногда, при сговорчивости с самим собою, выходило и очень далеко: в Ярославле, Смоленске, под Москвой и т. д. Попав прямо со школьной скамьи на коня во фронт, я всю жизнь не имел никакого понятия о ходе земледельческих занятий, но, подумав, что этим делом правят у нас на Руси и безграмотные старосты, я махнул рукой на земледельческую школу и решился приступить к делу в качестве слепца. При мысли отдохнуть среди своих полей, где, как говорит Гораций:

Вкруг тебя с ревом пасутся коровы,

Ржет кобылица, в четверку лихая, –

меня не покидала и другая: не затевать пустой игрушки, которая не окупит положенных на нее трудов и издержек, а следовательно надоест и отобьет охоту к занятиям, чего мне не хотелось. Я хотел, хотя на малом пространстве, сделать что-либо действительно дельное. Для этого первое условие, чтобы земля по местным данным не обошлась слишком дорого. Представился случай купить имение под Серпуховом. Владелец просил за 250 десятин с крестьянами по 30 р. серебром за десятину, а когда я заговорил об уступке ста десятин чистой земли, он запросил по 40 р., да за домик в три комнатки и плохой скотный двор 2000 р., следовательно, 6000 р.; да купчая, да переноска старых и постройка новых необходимых строений, закупка скота, орудий – и выйдет, что надо истратить 10 000 р. Почва серенькая, кругом десятины сорок мелкого березника, десятин 20 плохого покоса да десятин по двенадцати в трех клинах. Я стал расспрашивать о заработной плате и узнал, что в Московской губернии годовая цена не ниже 60 р., да прокормить рабочего дай Бог за 30 р., а урожай на пресной (ненавозной земле)

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana много-много 6–7 копен, следовательно, от 3 до 4

122

четвертей (и то много на десятине), кроме семян. Все эти подробности я узнал от местных крестьян и извозчиков, которых постоянно обо всем расспрашивал. Стоило только свести счета, чтобы прийти к следующему результату. На двенадцати десятин в поле надо трех работников: прибавив кухарку, пастуха и так называемого подпаска, выйдет, что на пять рабочих надо издерживать не менее 500 р.; да надо же если не на приказчика, то хотя на старосту (он же и ключник) положить 150 р., итого 650 р. Прибавив по 6% с 10 000 р. затраченного капитала 600 р., получишь расхода 1250 р., а прихода: 12 десятин ржи по 3 четверти – 36 четвертей, продавайте хоть по 4 р. на месте – 144 р. Что касается до ярового, то оно едва ли могло дать столько же, так как овес в Москве в то время я из лавки покупал по 2 р. за четверть, а когда в предлагаемом имении взглянул на сено, то, увидав какой-то темный мох, оставил надежду получить от него выгоду. Итак, самое поверхностное столкновение с действительностью на этот раз совершенно разочаровало меня в возможности вольного земледельческого труда в этой местности. Какая же это земля, которую надо возделывать в явный убыток? Это было весной 1860 года. Разочарованный, я поехал в Орловскую губернию. Здесь, по разным соображениям, я готов был на все возможные с моей стороны уступки, лишь бы поселиться вблизи Мценска. Нашлась и тут ненаселенная земля, и уже не 100, а 600 десятин, не по 40, а по 60 р. Это не Московская, а Орловская губерния. Вспомнив, что Тургенев, зная мою опытность в сельском хозяйстве, еще в Петербурге взял с меня слово ни на что не решаться, не посоветовавшись с его дядей, я обратился к последнему за советом. После многих усилий с своей стороны, почтенный Тургенев сумел унять мой пыл, доказав мне цифрами, что, заводясь вновь на такой значительной даче и взяв в соображение грунт не первого качества, нельзя и помышлять, при вольнонаемном труде, не только о барыше, но и о возможности вести какое-нибудь хозяйство. Оставил я и это дело. В начале августа 60-го года был я у родственника моего Шеншина:», проживающего в своем имении по старой мценско-курской дороге, в 60 верстах от Мценска и в 35 от Орла. «Ты ищешь землю? – спросил меня Шеншин, – близ меня продается земля. Дорого – 80 р., но земля отличного качества: чернозем, 200 десятин в одной меже, от нас верстах в трех через поля, а в объезд – верст пять. Строенья всего – новый, еще не отделанный домик отличного лесу да новый скотный двор. Надо многим обзаводиться, а наличных, верно, у них нет; вот они и продают. Есть и лесок». – «Есть ли вода?» – «Колодезь, но можно по местности вырыть пруд». – «А река близко?» – «Река верстах в семи». – «Это неутешительно, однако нельзя ли посмотреть?» Нам подали вер

123

ховых лошадей, и мы отправились в недалний путь. «Видишь ли тот лесок, – сказал Шеншин, – а под ним черную полосу? Это взмет на твоей земле». – «На моей, если куплю». – «Посмотри, какой чернозем, – заметил он, когда мы стали переезжать через поле, приготовленное под сев ржи, – и как славно возделана земля, поверь, никто не придерется». Действительно, лошади тонули по щиколки в пухлой пашне. Наконец завиднелся одинокий домик с соломенной кровлей и подле него скотный двор, с которого спускали стадо, когда мы подъехали к заброшенному свежю щепой крыльцу, сопровождаемые злобным лаем двух лохматых собак. Мы объявили свое желание видеть дом. Молодые хозяйские дочери повели нас по недоделанным и кое-чем меблированным комнатам с извинениями, что семейство только неделю тому назад переехало сюда и что все еще кое-как. И очень: над рамами были сквозные щели в ладонь, заложенные стружками; а заводя хозяйство, надо тут жить самому. «Ну, – подумал я, – это все успею сделать. Мебель какая-нибудь на время есть, а там из Москвы подвезут». – «Расположение комнат мне нравится», – сказал я по-французски Шеншину, не желая вводить продавцов в наш разговор. «II у а епcore une cuisine ici»*, – отозвалась неожиданно и довольно неисправно одна из молодых хозяек, отворяя дверь. Оказалась действительно премилая кухня, там, где она ничему не мешает, а между тем близко.

Вообще домик в семь небольших комнат для двоих достаточен и удобен. Не отделан, но это дело прихоти. «Ну как тебе понравился твой будущий хутор, – спросил Шеншин тем же шутливым тоном, когда мы возвращались домой. – А заметил ты табун?» – «Ну, брат, нечем похвастать!» – «Напрасно ты так говоришь. Лошади худы, но ты их видел мельком. А они хорошей породы, я это знаю». – «А как ты думаешь, – спросил я в свою очередь, – что может стоить полное устройство этого хутора, считая орудия, постройки, земляные работы, пруд, скотину, одним словом, все, без чего нельзя хозяйничать?» – «Да тысяч до 33, а может быть, и побольше». – «Сколько же он может, по-твоему, дать доходу?» – «Сочти сам: 55 десятин в поле. На этой земле надо считать 400 четвертей в продажу ржи по 3 р. – 1200 р. да ярового на 500 – из этого на рабочих». – «А какая тут цена рабочим годовым?»

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana – «Твой продавец нанимает по 25, а тебе десяти человек довольно». – «Да ведь это отлично. Следовательно, можно получить до 1500 р. в год, то есть то же, что дает 25 тыс., капитал по 6%. Я не гонюсь за барышами, лишь бы убытку не было».

Разговор до самой усадьбы Ш<еншина> про

* «Есть здесь еще и кухня»(франц.). 124

должался в этом роде, и я был совершенно доволен, что наконец- таки нашел, чего искал. При вторичном осмотре в сопровождении самого продавца, с которым уже я сходил, оказалось все в удовлетворительном виде: и рогатый скот, и лошади, и сенокосы до 30 десятин, давшие в текущем году до 3000 пудов сена. Надо было решиться. И при каких же более благоприятных условиях пускаться на вольнонаемную обработку земли? Почва прекрасная, рабочие дешевы, сбыт не слишком затруднительный. От добра добра не ищут. Я решился.

II. Покупка

Когда мы сошлись в цене с продавцом, человеком, далеким от науки, но не от практики, он в виде любезности высказал мне некоторые советы, тем более что я без зазрения совести сознавался в моем неведении. Однако неведение неведением, а надо же составить какой-либо план и что-нибудь делать. Он первый подал мне мысль разделить пашню на четыре поля, указав на убыточность трехпольной системы при вольнонаемном труде. Намек этот я тотчас же принял к сведению и в настоящее время развил его в особенную систему, которая, вероятно, уже существует в науке, и потому честь изобретения не останется за мной. Но об этом в своем месте. Накануне, можно сказать, необходимости стать лицом к лицу с самим делом я на первый раз не столько заботился отыскать для себя материальную, сколько моральную исходную точку. Надо было прежде всего иметь в руках рабочую силу, а когда она есть, можно исправить даже ошибку, не говоря уже об исполнении здорового плана. Итак, прежде всего мне нужно было определить мои отношения к рабочим. Там, где нет дружбы, признательности и т. п., отношения должны основываться на справедливости, а в деле обязательств справедливость состоит в добросовестном их исполнении. Нанимая рабочего, я обязуюсь его тепло поместить, сытно кормить здоровою пищею, не требовать работ свыше условия и исправно платить заработки. Кроме этого, мне хотелось, чтобы они чувствовали, что я дорожу их благосостоянием. Желая раз навсегда покончить с содержанием, скажу, что и сколько именно дается у меня рабочим харчей в неделю: 3 дня щи с салом, 1'л ф<унта> на 15 человек; 3 дня щи с солониной по К ф<унта> на человека; 2 постные дня с конопляным маслом – 2 ф<унта> в неделю на 20 человек. Молока, если можно, по штофу на человека, хлеба и картофеля сколько поедят. Зимой соленые, летом свежие огурцы и лук. Круп ровно вдвое против солдатского пая, из которого в артели выходит хорошая каша. Едят три раза в день: за завтра-

125
ком, обедом и ужином. Кроме того, каждый берет с собою хлеба за пазуху, если хочет. Эта статья, как потом оказалось, довольно важна. На днях пришел ко мне наниматься работник. Отчего же, спросили его, ты не остаешься на прежнем месте? или капитал (так они называют харчи) плох? «Нет, капитал ничего, да после еды хлеб запирают». И он идет искать места, где хлеб можно жевать целый день. Но исполнением обязанностей к рабочим не исчерпываются мои к ним отношения. Вопрос главный и трудный в том, должен ли я стоять к ним близко или отдаленно и действовать через посредствующее лицо, приказчика или старосту? Первый способ, которого придерживался мой предшественник, имеет свою выгоду. Если хозяин, поступив бестактно, нанесет вред экономии, то платит за собственные промахи, а при посреднике он рискует расплачиваться за чужие. О жалованье и содержании надсмотрщика, падающих на экономию, я уже и не говорю. С другой стороны: надсмотрщик идет будить рабочего, звать на работу и становить на нее Ивана, когда на нее хотелось бы Сидору, и его непременно встретят ропотом, а спросонья и бранью. Кроме того, если не послушались надсмотрщика, есть инстанция выше – хозяин; а не послушались хозяина, надо судиться. Сообразив все это, я решился взять надсмотрщика. Но хорошо решиться, а где его взять сейчас в степи?

Продавец, выпросив у меня позволение оставить свое семейство на неделю в доме и отвести для меня небольшой кабинет, взялся и тут помочь мне и рекомендовал, как он говорил, доброго и честного старика Глеба. Послали за Глебом. Явился Глеб, более похожий на седого сына, чем на человека. Ну, да тут некогда быть разборчивым! Надо с тем, что есть, приступить к делу. Я приговорил Глеба. Лицом к лицу с самим делом пришлось мне стать 13 августа 1860 года. Вечером, когда рабочие кончили возку ржи, мы с прежним владельцем велели позвать их, чтобы с глазу на глаз свести с ними счеты, так как в качестве годовых они обязаны были дожить до условленного срока у меня и дополучить причитающиеся им деньги. Я между тем послал взять водки в ближайшем кабаке, чтобы для первого знакомства поднести всем по чарке. Наступала вторая половина августа, дел предстояло много впереди, и я второпях поселился в кабинете безо всего. Со мной

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana не было даже слуги, а обедать я ездил верхом ежедневно к Шеннину». Водку привезли, но надо же было ее из чего-нибудь налить во что-нибудь. Я вспомнил про стоявший у меня рукомойник, а вместо среднего стакана нашлась порядочного объема чайная чашка без ручки, и дело уладилось. Казалось, еще легче было бы уладить дело с рабочими. «Вот я им продал имение, ребята, – сказал продавец, – и теперь, передавая все с рук на руки,

126

я должен передать и расчеты с вами. Ну ты, Андрон, живешь до заговин (15 ноября)?» – «Так точно». – «Тебе остается получить 2 р. 20 к.? а остальные ты получил?» – «Получил». – «Ну, а ты, ну, а тебе?» – и т. д. «Ну, а ты, Таврило? Ты тоже до заговин?» – обратился он к рыжеватуму с прямыми волосами как солома и прыгающими глазами дюжему мужику. «Точно так-с», – ответил Гаврила каким-то небрежно-внушительным тоном. «Ты взял у меня четверть ржи в счет жалованья?» – «Точно, взял-с (тем же внушительным тоном), мы не отказываемся. Никогда не могим этого сделать». – «Тебе приходится 5 р.?» – «Так точно-с – 5р.». – «Да за рожь мы с тобой кляли 2 р. 50 к. Вот тебе и следует получить 2 р. 50 к.? » – «Помилуйте-с, как же – это мне, значит, задарма приходится жить?» – «Как задарма?» – «Да это уж нам отчинно обидно». – «Но ведь тебе следует 5 р.; 2 р. 50 ты получил рожью, да 2 р. 50 получишь деньгами». – «Да помилуйте-с, это нам...» – и т. д. Кое-как эти словопрения кончились. Я взял в руки поданный мне лист, на котором были записаны имена всех рабочих с обозначением годовой платы и полученных рабочими денег. Всех годовых было пять, из которых четверо получили по 25 р. серебром в год, и только один красивый малый Иван, как значилось, получал 30р. «Вы получаете по 25 р. в год?» – спросила. «Точнотак, батюшка». – «Аты, Иван, 30р.?» – «Такточ- но-с». Умывальник между тем делал свое дело. Глеб таинственно подошел ко мне шепнуть: «Водки осталось, не прикажете ли по получашечке?» – «Пожалуй». Все поблагодарили, и аудиенция кончилась. Я отдал приказание касательно работ следующего дня и совершенно покойный отправился читать на сон грядущий. Каково же было мое удивление, когда на другой день Глеб объявил мне, что у нас неблагополучно. «Что такое?» – «Да рабочие не хотят идти на работу и говорят, что не будут жить». – «Почему?» – «Да они как узнали, что Ванька получал 30 р., а они только по 25, так обижаются». Я обратился к прежнему владельцу с просьбой разрешить мне эту чепуху. Ведь это вольный труд. Никто никого не принуждал наниматься на год за известную плату. Что же тут обидного, что другой получает более меня из той же экономии? Воображаю, как бы изумился редактор журнала, если бы, взяв большую часть денег за статью, автор отказывал ему в рукописи только потому, что узнал накануне о двойной цене, платимой редакцией другому. Подобного человека даже не назвали бы бесчестным, а просто помешанным. Сказать в их оправдание, что они договаривались с одним лицом, а имеют дело с другим – нельзя. Во-первых, им плата за работу, а не за личные отношения, во-вторых, они сами это осознают и не делают различия между нанимающими, а только требуют высшей против условия платы,

127

потому что один по каким-либо соображениям получает такую. «Вы сделали, – сказал мне продавец, – вчера большую ошибку, объявив цену Ивана. Мужикам ничего не надо объявлять подобного, теперь их сам черт не уломят». Я подумал, что черта искать далеко, а уломал бы становой, живущий за 25 верст, да ведь мне надо приучать, а не отучать от себя рабочих. И что за радость начинать дело судебным разбирательством, тратить и так почти уже упущенное время, рассылать лошадей и людей и под конец, хотя бы дело и решилось в мою пользу, три месяца возиться с людьми недовольными? «Что же вы мне посоветуете делать?» – спросил я. «Да я им скажу, что вы по расчету от себя набавляете помесечно против Ивана. Это выйдет копеек 40 в месяц. Всего каких-нибудь 5 р. до заговин». В сравнении с предстоящими издержками 5 р. действительно ничего не значили, но дело не в них, а в том, что почва уже зыблется под ногами. Если повар, кучер и т. п. вздумают пускаться в такую логику, то я еще могу как-нибудь заменить их на время. Все-таки это аксессуар. А вольнонаемный земледельческий труд без рабочих в последнее рабочее время – это страшный дефицит на целый год. Я воспользовался данным мне советом и скрепя сердце, против принципа, прибавил по 1 р. 20 к. на человека. Дело пошло мирно.

III. Необходимое устройство

Разделив, пока только в уме, свою запашку на 4 клина по 40 десятин в поле, я расчел, что, полагая по 5 десятин на рабочего, мне надо иметь 8 рабочих и 16 рабочих лошадей (крепостные рабочие, если взять в соображение господскую запашку и их собственный надел, обрабатывали в наших местах гораздо большее количество земли). Прибавьте к этому заводчиков, жеребят и подростков, всего будет 25 или 30 лошадей, да 8 или 10 штук рогатого скота, всего штук 40. Это уже последнее мінімум, так как вольный земледельческий (не буду употреблять более последнего

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
эпитета, потому что только о нем и говорю) труд только и может рассчитывать на
возможном улучшенный и высший способ хозяйства. Возможным я буду называть
экономически, а не материально возможный способ. Алюминий химически и
материально очень возможен. Из него продают безделки. Но экономически он пока
невозможен; овчинка не стоит выделки. Не забираясь на особенную высоту и
отбросив четвертое поле, мы имеем в трех клинах по 40 десятин, всего 120
десятин. Порядочный хозяин при крепостных рабочих обходил свои поля удобрением в
десять лет. Высота не чрезмерная, но мне приходится добиваться возможности
удобрять по этому расчету 10 десятин, что, принимая
128

самое умеренное удобрение по 360 возов на казенную десятину, составит 3600
возов. Я застал у моего предшественника штук 50 скота, и результат – удобрена
всего одна десятина. Старый Глеб знал все прежнее хозяйство как свое и чуть ли
не помогал прежним хозяевам. «Помилуй, Глеб, – спросил я, – да где же ваш
навоз?» – «Да вот, сударь, туда да сюда, да и весь тут». – «Куда же туда и
сюда?» – «Да вот на эту десятину». (Заметьте, около самого скотного двора.) –
«Как же: от пятидесяти штук скота только одна десятина?» – «Да помилуйте,
скотину-то нельзя сказать, чтобы зимой кормили, а бедствовали, не приведи Бог.
Силы нет самому засеять и ужать; все исполу да исполу, все равно как и в
нынешнем году, как вам известно. Стало быть, и хлеба-то только наполовину с
грехом пополам. Риги нет, молотильного сарая тоже, а вьюга по неделям не дает
молотить; вот и кормили снопами, да колодезь неглубокий и в низком месте, и
промерзает, и засыпает его снегом; так, бывало, руки в кровь обдирают,
докапываются до воды: скотина по два дня стояла не пивши; вот весной ее за
хвосты и подымали». – «Положим, что ржи мало, и на этот год мы приняли с тобой
всего триста копен. Вы и в нынешнем все исполу да исполу; но отчего же у вас в
этом- то году свой овес и гречиха из рук вон плохи, а кругом порядочные?» – «Да
тоже неуправка-с. В прошлую осень под яровое поднять не успели, а весной по
непаханому раскидали семена да и запахали, вот оно и пропало». Картина разлагающегося хозяйства может ли быть еще полнее? Остается только одна
ступень ниже: не засеивать полей и уморить скот с голоду. Не забудьте, что
предшественник мой – человек в десять раз практичнее меня и выросший на полевом
хозяйстве. Но вот что наделало новое хозяйство без значительного капитала для
обзаведения и оборота. И на какой почве? На первейшей, можно сказать, в мире!
Сообразив эти печальные факты с настоящим моим положением, я отбросил все
научные требования насчет количества скота по отношению к количеству земли. Тут
уже не в том дело, много ли скота, а как бы не потерять того, который есть. Ведь
и мне предстоит такая же зима и те же 300 копен ржи, 100 копен овса да 50 копен
пустой гречихи, которая много что даст всего 6 или 8 четвертей, – а мне их на
посев и кашу надо, по крайней мере, 40 четвертей, тот же овин, в три копны, без
молотильного сарая, и тот же колодезь, который придется разрывать окровавленными
руками полтора-два раза, а рабочего времени остается не более двух месяцев. Что же
необходимо сделать для избежания бедствий и, пожалуй, драматических катастроф?
Во-первых, нужна контора для приказчика и помещение для моей личной прислуги,
которая должна же
129

когда-нибудь явиться; во-вторых, молотильный сарай с кузовом для будущих
молотильной и веяльной машин; в-третьих, ледник, без которого, не говорю уже о
моей кухне, рабочие должны оставаться все будущее лето без мясной пищи. Ледник
надо набивать льдом, а где он? Стало быть, в-четвертых, надо пруд, а при
разбивке молодого сада, требующей поливки, и другой в саду, да, в-пятых, надо
сейчас же сад и усадьбу окопать рвами и обсадить ракишником; по расчету выходит
верста канавы. В-шестых, нужен погреб для рабочих и картофельная яма. Ко всему
этому надо, по расчету времени, приступить не только сию же минуту, но, если бы
возможно было, – вчера.

Семейство продавца, наконец, уехало в город, оставив мне, разумеется за деньги,
кое-какую мебель, и ко мне приехал мой слуга. Возвращаясь верхом от «Шеншина»,
вижу ежедневно на моем лугу стада свиней, которые взрывают и портят его
немилосердно. Вольное хозяйство без травосеяния невозможно. Поэтому в моем
хозяйстве нет и не будет свиней, а это свиньи соседних крестьян и дворян. Еще
до травосеяния далеко; не истребляйте хотя того, что посеяно природой! Надо
отрывать людей от необходимых работ и загонять свиней. Являются хозяева с плачем
и лживыми клятвами, но на завтра те же свиньи в саду, в огороде, по лугам, та же
гонка за ними и та же потеря времени, а луга испорчены.

Однажды вернувшись от «Шеншина», вижу, поля в доме отвратительно мокры. «Или тут
мыли полы?» – спрашиваю я слугу. «Помилуйте-с, это сильный дождь шел, так сквозь
потолок, как сквозь решето, льет; ведь потолок не насыпаны». Все это мило,
подумал я, но ведь мне уехать отсюда нельзя, не устроив необходимого. Глебу

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
впору будить рабочих, а где же ему распорядиться таким сложным делом, какое предстоит нам. И без того на вопросы мои, отчего не допахали, он, вздернув слезливо нос, отвечает: «Мочи моей нет, не слушают. Просишь, просишь: ребятушки! время запрягать, а они норовят за хлеб, а не то за трубку». Однако потолки-то надо обить войлоками да насыпать возов сорок золы; без этого тут не проживешь до декабря. Строиться в городе и в степи – две вещи совершенно разные. Там специалист вам скажет, что делать, а подрядчик за деньги даст рабочих. Здесь придумай сам; ошибся – сам плати за ошибку, в которую тебя, из-за каких-нибудь личных расчетов, втягивает рабочий; да прежде чем нанять, скажи во все стороны отыскивать специальных рабочих, которых часто во всей округе нет. На мое счастье, неожиданно явился подрядчик-копач, бессрочный солдат Михайло, по наружности расторопный и честный. Но как судить по одной наружности? «Есть у тебя вид?» – «Могу достать у командира гарнизонного батальона». – «Дос

130

тавай и приходи; без вида не возьму». Мы осмотрели местность прудов, из которых один приходилось рыть в сажень глубины, а другой только в пол-аршина. Условились, по дорогой по здешней цене, по 1 руб. с кубической сажени. «Сколько же ты поставишь рабочих?» – «Человек двенадцать». – «Стало быть, и тачек тебе надо столько же?» – «Точно так». – «А сколько досок?» – «Штук сорок». – «Хорошо, ступай да приходи поскорей, не то не успеешь вырыть прудов и канав». – «Помилуй Бог, ваше высокоблагородие, как не успеть! Только уж явите божескую милость, не передавайте никому другому работы». – «Зачем же я стану передавать, если ты ее сам сделаешь? Ведь мне все равно, кто бы ни сделал». – «Ну, на этом покорнейше благодарим». Что касается до небольших построек, и тут уже не ладилось. К моему счастью и превеликому горю всей округи, начиная от 12-ти и даже до двух верст, сводят с неистовством последние одинокие лески. Разумеется, свой я берегу как зеницу ока, а то летом придется сгореть на солнце. Срубы я купил сходно; нанял плотников и подрядил подводы. Разумеется, последнее страшно дорого. И камень на ледник нашелся за семь верст по 4 р. за сажень да перевозка столько же. Класть печи и ледник и исполнить всю каменную работу взялся Василий, красивый, зажиточный, сметливый и в высшей степени плутоватый мужик из имения Ш<еншина>. Он занимается всем и всюду поспекает. Каменную и штукатурную работу хоть во дворец, бьет конопляное масло в большом количестве, выделяет кожи, ездит в извозы; словом, на все руки, но иметь с ним дело – пытка. Никакая логика не может вытащить его на предварительную смету или условие. Явился и Михайло-копач, и к нему стала подходить артель. Давай досток, материялу на тачки и чугунных колес.

Но главным камнем преткновения явился левиафан – молотильный сарай. На него одной соломы, не говоря о решетнике и хворосте, нужно возов 200, а у меня на все продовольствие, дай Бог, 200. Соломы в прошлом году родилось мало; я приценялся, и с меня крестьяне просили рубль серебром за воз. Рубить и строить новый такой сарай не успеешь. Положим, с соломой материялу в нем на 300 р. серебром; да надо под него 300 подвод, а подвода стоит 30 к. серебром; да наем плотников. Следовательно, не успеешь, и страшно дорого. При ежедневных свиданиях с Ш<еншиным> я жаловался ему на невозможность поспеть с молотильным сараем. «Купи у меня, – заметил мне Ш<еншин>. – Мне надо молотить, а сарай мой мне мал. На хуторе (версты за две от его усадьбы) у меня есть сарай побольше, так я сделаю вот что. В том, который ты купишь, молотить будут до тех, пока хуторский не наденут на него как чехол, а тогда я велю твой вынуть и отвезть

131

к тебе, поставить и покрыть. Когда мой будет готов – твой поставят в неделю. А то мой теперешний пропадет даром, и его растаскают на дрова». Мы сошлись в цене, и я поуспокоился.

IV. Осенние хлопоты

Посреди всевозможных хлопот август и сентябрь промчались незаметно. Осими взошли прекрасные, но от свиней и лошадей отбою нет. Я пожаловался становому, и тот объявил, что если я буду добродушничать, отдавая загнанный скот, то никогда не отобьюсь от него. Камень привезен, яма для ледника выкопана в четыре аршина глубины, и артист Василий поставил брата своего класть стены. Когда рыли ледник, уже на двухаршинной глубине показалась вода, но в ясную погоду он высох совершенно. Тем не менее я заметил Василию, что он стены кладет без бута. «Помилуйте-с, да разве нам впервой! Я головой отвечаю, что ему ничего не сделается. Все равно: стены становятся на материк, и бут станет на материк». Я, к несчастью, дозволил себя убедить и имел потом причину горько в этом раскаиваться. Плотник-подрядчик нашелся и перевезть, и поставить контору; но людей у него мало. Надо поспешать да готовить сруб на ледник. Поэтому я нанял еще плотников помесечно, по совету подрядчика, и отдал их ему под присмотр. Возка лесу, работа в саду, щепка и мусор на дворе, ненужные канавы, которые надо

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana засыпать, – необходимо взять поденщиков. Глеб говорит, что у них на Неручи много. Явились и поденщики: 1 р. 30 к. в неделю, 5 р. 20 к. в месяц. Дорого, но делать нечего, лишь бы работы подвигались. Посреди рабочих торчит если не подрядчик, по крайней мере колоновожатый Алексей с вострым носом и физиономией коростеля. «Уж мы для вас постараемся, равно для себя. Вот и Глеб Михалыч про нас известны». Хомутов и телег немного, надо будет зимой все это завести и хорошо, и вдоволь. А между тем при возке лесу всякий день то клеща пополам, то ось, то колесо. Мужик, видно, не свое ломает, а мое. Но да делать нечего, надо как-нибудь вертеться. Глеб все более и более жалуется на непослушание рабочих. Две сохи давно не допахивают десятины (на моих переменных лошадях). Наконец, некоторые без спросу прямо с поля уходят на ночь домой за семь верст, бросая лошадь и соху на руки товарища, который и свою-то не уберет как должно, а ушедший придет завтра утром уже на поле и примет свою лошадь готовую из рук товарища, который терял время на запряжку двух сох. Независимо от убытка, что за беспорядок и какова наглость! Если нужно, спросись и ступай, а то каков пример? Будто это

132

вольный труд? Это воровское безначалие. Однако этого терпеть нельзя, и я выехал утром в поле, где нашел лошадь и соху Ан- дрона без пахаря. «Где Андрон?» – спросил я остальных. «Он сейчас придет». – «Я не спрашиваю, скоро ли он придет, а где он?» – «Дошел до дому». – «Хорошо». Я поехал осматривать пашню, довольно мелкую и с огрехами (непропаханными кусками). У помещиков-хозяев не допускалась даже мысль об огрехах, за которые с виновных взыскивалось строго. Но там можно было взять во внимание, что пахарь бережет собственную лошадь, а тут – уж не мою ли, которую он бросает без призора и уходит домой? Явился и Андрон. На этот раз я объявил ему, что если подобная выходка повторится, я не пожалею послать за становым, хоть придется целых пятьдесят верст сделать, и буду просить о примерно строгом взыскании. На рвах, где вырывают раakitник, чтобы засыпать и сровнять канаву, я увидел поденщика Алексея с грязною тряпкой на глазу. «Что это у тебя?» – «Да застегнул раakitником глаз». – «Давно ли?» – «Третьего дня». – «Что ж ты мне ничего не сказал?» – «Да думал: авось ничего». – «В обед приходи ко мне». В двенадцать часов явился Алексей. «Сними тряпку». Глаз очень красен и воспален, и на зрачке начинает образовываться бельмо. Человек может окриветь и непременно окривеет, если не помочь ему. «Сегодня едут в Орел, и ты поезжай. Вот тебе записка к инспектору врачебной управы, а между тем вот чистые тряпки и капли». Я вспомнил, что в полку, на пыльных степных маневрах, я и себе и солдатам нередко лечил глаза свежей водой, в которую вливал несколько капель одеколону. В Орле я прислал приятеля и соученика доктора осмотреть пациента и прописать что нужно. Прописали мушку за ухо и какие-то капли. На третий день посланный вернулся с Алексеем и привезли лекарства, разумеется, на мой счет. Я простриг больному затылок, налепил мушку и показал употребление капель. Через три дня он был на работе, с ясным и здоровым глазом, а через два дня затем явился Глеб с восклицаниями: «Как вам угодно, сударь! Или вы меня извольте отпустить, или Алешку прогоните». Я стал ему говорить, что пора на работу, ведь они эва какую цену лупят! а он меня всячески иссрамил при всех и говорит: “Я тебя прежде боялся, а теперь я тебя знать не хочу и живу здесь только из-за денег”. Какова логика? Как будто он делает одолжение, что берет даром деньги? В настоящую минуту, когда я уже обстрелян достаточно, я бы ограничился простым актом изгнания нелепого поденщика. Это не годовой рабочий, я с ним ничем не связан, а всех дураков учить ни времени, ни охоты неостанет. Но тогда этот факт меня возмутил. Третьего дня я его вылечил на свои деньги и, можно

133

сказать, своими руками, а сегодня он готов на все гадости! Мне удалось усовестить Алексея, и с этого дня он во всю осень изо всех поденщиков стал отличаться кротостию и трудолюбием; после он умолял дать ему весной работу. Но вот годовой рабочий Иван, яблоко раздора в первый день между рабочими, румяный и здоровый малый, получавший больше всех годового жалованья, объявляет, что не будет доживать до срока. «Как же ты это не хочешь? » – «А если ж я болен и не могу работать? » (Я узнал, что его переманивают в город в дворники, где он и по сей день.) Денег за ним не было, и я отпустил его, избегая жалоб, хлопот и проч. Но как подрывается принцип? куда теперь! В страшных хлопотах не до принципов, лишь бы довести дело до новой наемки. Однако при этом обстоятельстве я начал смутно понимать, что это не вольный труд, а что-то не то.

Контора моя воздвигается, зато сруб ледника мало подается вперед. Яков-рядчик очень просто расчел, что ему выгодней отпустить своих рабочих и взять от ледника моих. Таким образом, он за контору получил деньги огульно по подряду и делает дело на мой счет. «Что ж, Яков, где ж твои рабочие? » – «Да вот, разошлись по дворам молотить, а как мы контору-то кончим, я вашей милости поставлю народ на

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana ледник». – «Мы опоздаем». – «Помилуй Бог! с чего? » Разумеется, и опоздали, и я заплатил вдвое. Где же разбирать, чей рабочий клал то или другое бревно?

Михайло-копач с своею артелью пыхтит, а дело подвигается туго. Большого пруда вырыта половина, а за маленький и не принимались. Утром у крыльца мне попались два приземистые мужика, с пушистыми светло-русскими бородами наподобие веера. «Что вы?» – «Копачи. Слышали, что работка есть». – «Есть, да отдана вся». – «Видели, батюшка, да ведь они не управятся». – «Я и сам так думаю. Да как же быть?» – «А пусть их работают свое, а мы в саду пруд возьмемся копать». – «Для меня все равно, кому деньги платить. Я ни харчей, ничего не знаю и плачу 1 рубль с кубика (кубическая сажень)». – «Вес- тимо. Что ж? мы с удовольствием». – «Да ведь надо же мне переговорить с Михайлом, а то, пожалуй, обидится». – «А что с ними говорить, коли они не управляются». – «Да ты по себе посуди. Я найму тебя теперь на пруд, ты начнешь рыть, а я другому сдам дальше. Хорошо ли это будет? » – «Вестимо. Какое ж хорошо?» – «Так надо с Михайлой столкнуться». – «А что ж с ним столкнуться?» – «И посмотрите на этого копача. Сейчас видно, человек бывалый и себе на уме. Что же выражают его слова? Простоту, возлюбленную косность или безнравственное презрение к чужим правам? Разумеется, Михайло и просил, и умолял оставить за ним работу, которой он очевидно не в силах

134

был одолеть. А когда юхновец соглашался добровольно скинуть с кубика по 20 к., то есть стать по 80 к., Михайло стал доказывать, что на садовом пруду климат (почва) другой и что только имея в виду такой легкий, торфяной климат, он стал на более глубокий глинистый. Как я ни старался доказать ему, что он не управится, Михайло стоял на своем. Бранил нового рядчика, валялся в ногах, плакал – словом, мука, да и только. Дело кончилось бы тем, что я остался бы без пруда, но хитрый юхновец все уладил, уступив из рядной суммы, то есть из 1 р. с кубика 20 к. в пользу Михайлы. Я ничего не терял, авыигрывал – вероятность иметь два пруда вместо одного. Мы так дело и порешили, и оба юхновца стали рыть замок под плотину. Я объявил им, что деньги будут выдаваться по мере вырытого количества земли, а задатку я не дам ни копейки. Это им не понравилось, потому что чрез день или два они поджидали артель, которой надо поприготовить харчей. «Да пожалуйста хоть рубля три». – «Ни копейки: что вырешь, за то и получишь». Делать нечего; они пошли ни с чем. Рано утром на другой день я увидел их вдвоем на месте, размеченном мной под плотину. Широкие и острые лопаты ловко и, по-видимому, легко отрезывали слой за слоем и выкидывали землю. Я подумал, недаром юхновцы слыгут за первых землекопов. Вечером того же дня человек доложил о приходе юхновца. «Что тебе надо?» – «Да пожалуйста, ваше благородие, хоть рублика четыре». – «Я тебе сказал, не дам ни копейки кроме того, что будет следовать за работу». – «Да мы кубика четыре, должно быть, выкидали вдвоем». – «Что ты врешь, братец, вздор!» – «Потрудитесь примерить». Я пошел с уверенностью снова наткнуться на обычную ложь; но каково же было мое удивление, когда полуторааршинной в глубину и саженной в ширину канавы оказалось ровно восемь сажень. Предоставляю специалистам решить, в какой мере баснословно громадна эта работа. Положим, что, как говорил Михайло, тут климат другой, но его же работники, и даже самые досужие, выкидывали немногим более полукубика в день. Следовательно, каждый из двух юхновцев сработал чуть не вчетверо против обыкновенного работника. Это действительно орлиный труд и чисто вольнонаемный, со всеми своими преимуществами перед невольным, обязательным. Такой труд, где рабочий напрягает свои силы чисто и единственно для себя, есть идеал вольного труда, идеал естественного отношения человека к труду. Но как достигнуть обществу этого идеала? Вот вопрос, который не так легко разрешить. Далее мы, быть может, увидим, что труд вольного рабочего никак не подходит под эту категорию и нисколько не заслуживает имени вольного, хотя, за неимением другого

135

выражения, мы его так называем. Между тем и другим трудом, и по сущности, и по результатам, бездна. Возвращаясь к простому рассказу. Молотильный сарай Ш<енщина> окончен, и, слава Богу, можно разбирать проданный мне. Земля, того гляди, застынет, и тогда плохо будет ста- новить его у меня. Но это, по условию, не моя забота, а я должен припасти хворост и решетник. Забота тоже немалая, и при моих рабочих силах – труд гигантский. До сих пор не могу понять, как я с ним управился: правда, у меня были поденщики, но из пяти годовых осталось, за выбытием Ивана, четыре, которым пришлось всю осень подымать под яровое, и поднято таким образом 33 десятины. Пахали до тех пор, пока сошники воткнулись в мерзлую землю. Недели за две до срока Карп, крестьянин барона Т<аубе>, племянник Гаврилы, крупно разговаривавшего во время приемки с моим предшественником, пришел изъяснить мне свое сожаление о том, что его требуют в тягло и не дают дожить у меня. Я был доволен Карпом как усердным и ловким малым, но требовать его из барской экономики

значило заводить тяжбу из-за двух недель. Я знал, что его требует не экономия, а негодяй Таврило, которому лень была дотянуть тягло. Воскликать о нелепой несправедливости подобных выходов считаю излишним. Я отделил в моем суждении негодяя Гаврилу от исправного Карпа, вычел у него за недожитые две недели по расчету 70 к. и дал ему от себя сверх причетов 50 к. серебром. Читатель, вероятно, уже заметил мое стремление держаться середины, не допускать самоволия, разрушающего корень производства, и не забывать знаменитого изречения: «преступник прежде всего плохой счетчик», заменив в моем положении слово преступник словами несговорчивый, придирчивый, тяжелый хозяин. Как пролабировав я между этими Сциллой и Харибдой, предоставляю на суд читателя. Замечу только, что лавировать между двумя помянутыми принципами трудней, чем между гомеровскими чудовищами. Сцилла и Харибда равно губельны, но не противоположны, как крайности помянутых принципов.

Молотильный сарай перевезен и поставлен Ш<еншиным> с необычайною быстротой. Я наконец успел его разместить. Остается накрыть, и это, по условию, должен сделать Ш<еншин>. Я не перестаю ему напоминать об этом. «Накрою». – «Но ведь это легче сказать, чем исполнить. Наступили заморозы, и сарай раскрыт». Ш<еншин> как-то приехал завтракать. За рюмкой портвейну я напомнил ему о соломе. «Везут. Сейчас будут, я их обогнал». – «Да когда же перевезут 200 или 300 копен? Помилуй, стынет. Кто же кроет зимой? Когда же перевезут всю солому?» – «Сегодня. Вот посмотри в окно, уже везут». Дей

136

ствительно, по дороге к моему хутору тянулась длинная вереница подвод. Рядом с первым возом ехал мужик верхом, с последним тоже. «Кто эти люди?» – спросил я. «Старосты двух барщин». Нельзя себе представить более стройную картину сельского труда. Лошади у всех мужиков исправные, а у многих превосходной породы, от господских лошадей. Я насчитал сто подвод, и вся эта сильная стройная вереница потянулась к сараю. Кто не понимает наслаждения стройностью, в чем бы она ни проявлялась, в движениях хорошо выдержанного и обученного войска, в совокупных ли усилиях бурлаков, тянущих бечеву под рассчитанно-однообразные звуки «ивушки», тот не поймет и значения Амфиона, создавшего фивы звуками лиры. Так поэтому вы видите идеал в этом крепостном обозе и вы против эманципации? Все мы ужасно притки на подобные заключения. Но воевать с мельницами и скучно и некогда, а на вопрос, вижу ли я в этом обозе идеал, отвечу прямо – и да, и нет. В принципе нет, в результате – да. Это заведенный порядок, старинный порядок, которому надо подражать, несмотря на изменившиеся условия. Я не хочу ни под каким видом быть китайцем, а если заведу фарфоровую фабрику, хочу, чтоб у меня так же искусно делали фарфор, как у китайцев. Как будто звание европейца возлагает на меня обязанность делать все зря, нелепо и негодно? Я этому никогда не поверю. Напротив, каждому легко убедиться, что со вступлением России в новый период деятельности заветные слова авось, да небось, да как-нибудь должны совершенно выйти из употребления и остаться в одних лексиконах с понеже, поелику и т. п. Только над этим надобно много еще поработать, а барщина Ш<енши- на> – стройный результат прежнего порядка. При вольном труде стройность еще впереди. Прежде труд ценился мало; теперь он стоит высоко в цене и все более и более становящиеся на его место машины не терпят малейшего невнимания, не только нерадения. Лошадь, не кормленная два дня, авось дотащится, а машина, несмазанная и несвинченая, наверное не будет работать. Кроме того, машина, этот плод глубоко обдуманного и стройного производства прилежного Запада, есть наилучший и неутомимый регулятор труда. Машина не требует порывистых усилий со стороны прислуживающего при ней человека. Она требует усилий равномерных, но зато постоянных. Пока она идет, нельзя стоять, опершись на виду или лопату, и полчаса перебраниться с бабой. Отгребаешь солому, так отгребай точно так же в двадцатую четверть часа, как и в первую, а не то она тебя засыплет. Это качество машин, с непривычки, пока очень не нравится нашему крестьянину. Небогатый землевладелец

137

Г. поставил молотилку и нанял молотников. Машина так весело и исправно молотила, что Г. приходил ежедневно сам на молотью. Через три дня рабочие потребовали расчета. Г. стал добиваться причины неудовольствия, предполагая в плохом содержании или тому подобном. Наконец один из рабочих проговорился: «Да что, батюшка, немоготу жить. Сами ходите под машину: ишь она, пусто ей будь, хоть бы запнулась».

У. Приближение зимы

Свободы ищет и добивается человек на всех поприщах, политическом, общественном, умственном, художественном; словом сказать, на всех. Слово свобода у всех на языке и, быть может, на сердце; а между тем многие ли уяснили себе его значение? Свободу понимают как возможность двигаться во всех направлениях. Но природа не

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana пускает меня ни в небо, ни в землю, ни ко дну океана, ни сквозь стену. Для духовного движения есть свои океаны и стены. Интересно осмотреть остающееся в нашу пользу пространство, по которому мы действительно можем двигаться. Пространство это и обширно, и тесно, смотря по избранному нами направлению; но, куда ни пойдешь, непременно наткнешься на стену, будет ли эта стена вечность, запертые ворота, зверь или другой подобный нам человек – закон бессознательной природы или сознательный закон общества.

Но нет пограничного столба со словом закона: «дальше нельзя», который бы тем самым не говорил: «а до сих пор можно». Другими словами: нет обязательного закона, который бы не заставлял предполагать известное право. Вот сознание-то этого закона и определяемого им права и составляет сущность свободного существа в сравнении с несвободным. Человек, увязивший ногу между твердых тел, будет неподвижно ждать освобождения; но ни одно животное не в состоянии понять необходимости не двигаться, и не было примера, чтобы в подобном случае любое животное не сломало себе кости. Только сознание законных препятствий и связанных с ними прав дает то довольство, тот духовный мир, который составляет преимущество свободного перед рабом. Я вижу препятствие и знаю, что если туда нельзя, зато здесь я полный хозяин. С другой стороны, свободный человек не примет молча поставляемого ему препятствия, которого он не понимает, а будет посылать протестовать против него во имя своего сознания. Свободный человек, понимая несвоевременность известного явления в данный момент, не станет ратовать против него в прошедшем и поймет его заслуги там. Свободный человек, несмотря ни на Венеру Милосскую, ни на Аполлона Бельведерского, не предастся

138

культу олимпийцев, но не станет называть за него греков дураками. Свободный не оттолкнет никакого изучения, следовательно, и изучения древности хотя бы каракалпакской, но не забудет в то же время, что идеал всякого живого организма в будущем, а не в прошедшем. Потому-то нам и не нужно ни общинного владения, ни крепостного права, что они были, да сплыли или, Бог даст, сплывут. Свободный знает, что хлопотать о народности какого бы то ни было народа то же, что убиваться из-за древесности леса. Поэтому напряженно откапывать какое-нибудь наречие для литературного и образованного круга, в то время как лучшие представители его давно усвоили себе наречие более развитое, то же, что сказать: не ешь жаркого вилкой, потому что она орудие не народное. Кто-то отыскал в русских песнях:

Бабица кабацкая Турыжная, бабица ярыжная.

И долой Пушкина: то несерьезно, а вот эта гадость серьезна.

Свободный человек, поняв, например, что мы сидим в грязи, не ограничит свою деятельность праздной перефразировкой этого речения, а поищет средств вылезть из грязи. К этому первый шаг – сознание, как и насколько мы в грязи.

С этой точки обращаюсь от моего долгого отступления к продолжению моих заметок. Что такое предложение и требование, которыми свободно устанавливаются цены, говорить я не буду, как не стану и гадать о том, каково будет отношение предложения рабочих рук к требованию на них в будущем. Я говорю здесь о настоящем и вижу, что большая часть моих соседей мало-помалу заводят вольный труд и требуют рабочих на тех же основаниях и условиях, на каких требует их и моя экономия. Около Мценска есть уже большие экономии на чистом вольнонаемном труде. Чтоб объяснить себе условия найма рабочих, нужно сказать, для какого они времени нанимаются и кто они такие? Я уже упомянул, что мне для обработки моих полей нужно восемь человек, я нанимаю еще девятого на лето для облегчения работ. Кроме того, мне придется принанимать посторонних во время уборки. Первое, что при этом кинется в глаза каждому практику, будет несоразмерно большое число годовых рабочих. Зачем же нанимать восемь годовых, когда и на лето в крайнем случае достаточно восьми? Такое замечание справедливо. Но там, где все хозяйство основано на вольнонаемных, кто поручится, что рабочие, не нашедши около себя мест, не подрядятся в даль, на

139

дороги, на юг и т. д., и тогда что же делать с открытием весны? Нанимать издельно? Прекрасно. Но, во-первых, надо будет с потерей времени отыскивать желающих; во-вторых, никто не пойдет на чужую работу, не кончив своей, а между тем драгоценное время ушло, и вы без овса, навоза, гречихи, сена и т. д. Вольнонаемное дело у нас еще в младенчестве, и поэтому нечего удивляться, что крестьянин, не привыкший заранее рассчитывать, на всякое делаемое ему предложение, даже самое для него выгодное, отвечает одно: «Как люди, так и мы». И сколько бы вы ни перебрали людей, они все будут искать образцов; а если вам удалось склонить хотя одного, очарование снято, этот один делается людьми, и подражатели выполняют со всех концов, даже на умереннейших против первого условиях. Надо сказать правду, наемщики, с своей стороны, хотя и не говорят

громко заветного: «как люди, такими», но, в сущности, поступают так же. Как бы то ни было, для спокойствия необходимо в настоящее время нанять рабочего годового, имея преимущественно в виду его летнюю работу. Остается рассмотреть, кто нанимается в работники? Домашняя прислуга, кучер, лакей и пр. составляют отдельный вольнонаемный класс. В счет заработной платы идет его помещение, пища и т. д. Ему прежде всего необходимо где-нибудь приютиться и затем уже получать плату, и на его труд время года не имеет влияния. Тут отношения между наемщиком и рабочим просты. Не нравится один другому, и они расходятся так же просто, как и сошлись; зато никто и не даст вперед, без особых обстоятельств, денег неизвестному слуге. Не таковы отношения наемщика к полевому работнику. Этот последний также землевладелец, не нуждающийся в помещении и продовольствии (я говорю о найме в земледельческой полосе); осенью ему нужны деньги на уплату повинностей или на свадьбу, и он нанимается в работники. Не коротко знакомым с делом покажется странным, что отец или брат малого, которого женят, просит на одно празднество бракосочетания весь годовой заработок жениха, а иногда и более того; но это и служит новым доказательством крайней нерасчетливости нашего крестьянина. Интересна будет статистика браков 1861 года. Свадеб было без конца. Если бы нанимающийся перебилась осень без денег, то весной он, быть может, и вовсе не пошел бы в заработки, и двое-трое стали бы ковырять у себя там, где при бабах и одного довольно. Но ему нужны деньги не в будущем, а сейчас, безотлагательно, и он идет наниматься, ставя первым условием, чтобы половина денег была ему уплачена вперед. При таких обстоятельствах всякого рода советы, как, например: не нанимайте с осени полного числа рабочих, не давайте денег впе

ред – бесполезны; необходимость принуждает и нанять с осени, и деньги дать вперед. Независимо от приведенных причин, заставляющих хлопотать о прочности годового условия с рабочим, есть еще одна, о которой не могу умолчать. Предположим, что рабочий не нуждается в немедленном получении денег и согласен наниматься помесечно. У нас, по окончании полевых работ, можно иметь по 3 р. в месяц сколько угодно рабочих; мало того, рабочие с удовольствием станут по 10 р. за все шесть зимних месяцев. Но смешно было бы ожидать, чтобы рабочий месячный остался в покос и уборку за 3 р. в месяц, когда он легко заработает в это время юр.

Итак, еще раз: самый ход дела заставляет нанимать рабочего годового заблаговременно и давать ему большой задаток. Эти неблагоприятные для хозяйства условия оттого изменяют сущность и качество вольнонаемного труда, что его, по справедливости, нельзя и называть этим именем. Деньги получены вперед и истрачены полгода тому назад; к Святой получена еще часть. Много ли затем остается на все лето, когда другие, рядом, зарабатывают гораздо более? А тут-то и наступает истинно трудовая жизнь, когда, проработав весь день на жаре, надо ночью гнать лошадей в поле и караулить их в так называемом ночном. Много надо философии, чувства долга и разных добродетелей для того, чтобы человек не забыл давнопрошедшего одолжения и условия; и как ожидать этих выпспренных качеств от неразвитого крестьянина, когда они так редки у нас и между образованными? Человек, взявший деньги займы, через несколько времени не только забывает одолжение заимодавца, но даже смотрит враждебно на его притязания, и не будь закона, ограждающего последнего, многие ли получили бы обратно ссуду? Но пока я раздумывал о существующих условиях найма рабочих, нужно было приступить к самому делу. Что предложение было невелико, видно из того, что я только приискал необходимое число новых, а старых, бывших уже у меня и пожелавших остаться на следующий год, не переменял; зато цена несколько изменилась. Во избежание просьб насчет обуви (лаптей) и рукавиц, я прибавил на то и на другое 1 р. 50 к. и всем годовым обязался платить 31 р. 50 к.

Михайло-копач насилу дорыл свой пруд, между тем как юх- новцы живо окончили работу, но их пруд оказался против чаяния совершенно сухим, между тем как у Михайла стала набегать ключевая вода. Необходимость заставила обрыть один клин канавой в защиту от беспощадных набегов соседской скотины. Старик Глеб между тем оказался решительно неспособным вести хозяйство; я его расчел, взяв на время у Ш<еншина> хороше

141

го мужика в старосты. Этот мужик на все приказания отвечал однообразным: «слушаю, батюшка», а в сущности бесполезно топтался на месте не хуже Глеба. Надо было подумать о более расторопном и смышленном помощнике, и мне отрекомендовали молодого малого, проживающего в Москве. Дали ему знать, и он явился с полною готовностью приняться за дело усердно.

Прежде всего старался я объяснить новому приказчику необходимость прямых и честных отношений.

– Ради Бога, изгони раз навсегда всякую ложь. Проси, что тебе надо, и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
говори правду. Сделай замечание в случае, если найдешь распоряжение мое
неудобным; но если и затем я останусь при первом приказании, исполняй его.

– Слушаю.

Рабочих годовых мы наняли только шесть и затем несколько поуспокоились в надежде
принять еще двух в марте. Между новыми оказался взъерошенный чернолицый и
кряжистый, хотя несколько сиротливый Тит. На работе он с первого разу показался
весьма усердным, но все у него как-то не клеилось. Лошадь ли станет запрягать,
запряжет криво и косо; солому ли примется навивать, то же самое.

Ледник окончен и готов принять лед. Но где взять льду? Возить за 7 верст с
Неручи – слишком неудобно. В большом пруде вода едва покрыла дно в верхнем конце
и замерзла; но если она промерзла до дна, льда нельзя колоть, глыбы не будут
отделяться. Разумеется, пошли толки вроде: «Да как его колоть, не изымешь. Вишь
он! его теперь прихватило». Взглянув на берега, я расчел, что около плотины
глубина воды уже должна быть около двух аршин, и потому для пробы велел
прорубить четвероугольник. Рабочие очевидно считали это дело нелепою затеей.
Действительно, углубление было сделано почти в аршин, а воды все нет. Я уже и
сам стал терять надежду, но подумав, что весной все равно не достанешь льду, так
как по местности неполный пруд должен быть во время зимы занесен снегом сажени
на две, велел колоть далее. Не долго затем длилось мое неловкое положение. Еще
несколько ударов топором и пешней, и один из рабочих крикнул: вода! Вода точно
брызнула фонтаном. Ледник успели набить более чем в половину, а тут поднялись
метели и лед замело.

Приходя к окончанию заметок о первом, кратковременном, но тем не менее
хлопотливом сезоне, не могу не высказать еще одного убеждения, к сожалению
моему, почерпнутого из опыта. При настоящем положении вольного хозяйства должно
всеми мерами избегать сложных производств. Никакой глаз присмотр- щика не
уследит за всеми злоупотреблениями, от которых неред

142

ко все производство окончательно погибнет в один час. Вот один из таких
примеров. В числе прочих хозяйственных обзаведений я купил у предшественника за
сходную цену сорок ульев пчел; при этом он выпросил у меня позволение оставить
на пасеке до зимы четыре колодки, проданные им куда-то на сторону. Старик,
бывший у него пасечником, остался до зимы у меня и так хорошо рассказывал о
своих способностях ходить за пчелами, что любо было его слушать. В конце августа
надо было осмотреть пчел и подрезать излишний мед. Мы выбрали удобный на это
день. Приготовив чистые липовые кадушки, мы отправились на пасеку. Старик вынул
у первой колодки колозны (закладки), помолился на восток, сделал ножом крест на
сотах и начал подчищать. В это время я получил известие, по которому немедля
должен был отправиться в Москву. Делать было нечего; я велел готовить лошадей.
Однако через час сборов пошел заглянуть на пасеку и нашел уже одну липовку
полную сотами, а другую вощиной. «Сколько тут будет меду?» – спросил я
пчельника, полагая по объему посуды пуда четыре. «Пуда, должно быть, три есть».
– «А много подчистил?» – «Восемь колодок». Оставалось подчищать еще тридцать две
колодки. И я уехал, рассчитывая, по крайней мере, на двенадцать пудов меду.
Каково же было мое изумление, когда по возвращении я узнал, что меду собрано со
всех сорока колодок три пуда! Эти три пуда я сам видел, так украсть их уже
нельзя было. К чему же, спрашивается, молился и закрепивал соты набожный
пасечник? Беда была еще бы невелика, если б он украл только мед. Как
впоследствии оказалось, он так обчистил пчел, что они едва перезимовали. Здесь
позволю себе маленький анахронизм и забегу вперед. В феврале 1861 года я стал
искать пасечника. Явился старик, который, желая убедить меня в своем знахарстве,
совершенно для меня неожиданно нагнуллся ко мне и с необыкновенною быстротой
начал причитать какую-то специальную молитву о пчелах. Думая, что он долго
останется у меня, я не поторопился тогда же записать молитву, но помню из нее
несколько слов, особенно меня поразивших.

Божия Матерь,

Отворяй ворота,

чтоб моя пчела

на полет летала (шла на работу),

чужую пчелу побивала.

Сильные пчелы, как известно, иногда ходят на разбой к чужой пчеле. Мошенники
пчеловоды нередко нарочно возбуждают своих пчел к убийству, ставя им водку.
Конечно, мошенничество бывает везде, но обращаться с ним к небу в молитве – зна

143

чит считать его безупречным. Долго еще неуклонному закону придется бдительно
стоять на страже, пока русский человек не забудет своего наивного произвола и
наследственной лжи. Мне припомнился теперь рассказ своего соседа Ш<еншина>. В
качестве церковного старосты Ш<еншин> в своем большом и зажиточном приходе по

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
праздникам сам продает свечи. «Нередко, – говорит Шеншин, – подойдет мужик с
просьбой: копейную свечку, – и, наклонясь на ухо, прибавит: в должок. Да как же
брать деньги-то? – Помилуйте, отдам, ужели я Господа Бога-то обману? Ну, и
подашь ему свечку. А сколько я своих денег за такие свечи заплатил!..»
Когда выпал первый снег, приехали какие-то крестьяне с запиской на подъем
четырех колодок. Это было около завтрака. Я велел приказчику отпустить четыре
колодки в ряду у входа направо. Так говорил мне сам продавец и показывал их
моему старосте. У меня, помнится, был кто-то посторонний, потому я и не выходил.
Часу в четвертом пришел приказчик:

– Пожалуйте в пчельню. Мужики шумят. Подавай им на выбор лучшие колодки из
середины.

Я пошел на пчельню и уже издали услышал страшный спор и шум.

– Что вы за люди? – спросил я толстых и с виду богатых мужиков в новых
полурубках.

– Крестьяне князя К***.

«А! – подумал я. – Вот почему вы и кричите».

– Ну, любезные, вы здесь не шумите, берите то, за чем приехали, будете
кричать и выдумывать свое, я велю вас прогнать и дело пойдет через станового.
Вот ваши колодки. Где староста? – Пришел староста. – Укажи колодки.

– На вот, батюшка, извольте посмотреть, – и он показал мне на задней
стороне четырех колодок метки красного карандаша продавца.

– Видите. Теперь убирайтесь вон.

– Много довольны вашею милостью, – и они, забрав пчел, уехали.

Неутешительную перспективу представляла наступившая зима. Дом продувало со всех
сторон, зимовать в нем не было возможности. Надо было зимой привезть железа на
крышу, кирпичу, песку, лесу, алебастра и прочего материала для весенней
перестройки.

А чем кормить скот и как перемолотить без машин, в трехколенном овине, четыреста
копен хлеба? Пришлось бы кормить

144

снопами, как делал мой предшественник. Но и тут кое-как выручил меня Шеншин, предложив возить к нему немолоченую рожь и брать назад солому. Сена оставалось в
декабре не более 1000 пудов.

VI. Зимняя деятельность

В начале декабря наступила стужа, поднялись метели. Новые, необшитые и
неоштукатуренные стены дома решительно не защищали от ветру. Зимовать очевидно
было невозможно, да к тому же дела звали в Москву, куда я и прибыл около
половины декабря. Здесь первою заботой моею было заказать молотилку и веялку,
без которых полевое хозяйство будущим летом было бы невозможно. Знакомый мой,
опытный хозяин, посоветовал мне обратиться к г. Вильсону, у которого на
механическом заводе приготавливаются большею частью так называемые хуторские
двуконные молотилки. Я послушался совета, немедленно обратился к г. Вильсону и тут
же заключил с ним условие, по которому он обязался поставить мне к 1 февраля
хуторскую молотилку с чугунным приводом, для большей легкости на три, а не на
две лошади, и ручную веялку, могущую в случае нужды действовать и конным
приводом. В деревне между тем было поручено приказчику исправно уведомлять меня
о ходе приуготовительных работ по предстоящей отделке дома, которую мне хотелось
окончить как можно ранее весной, чтобы быть совершенно свободным для полевых
занятий. На этот конец я условился о покупке и доставке в деревню к февралю
необходимых материалов: лесу, кровельного железа, кирпичу, извести (на обкладку
стен), песку, который в нашей черноземной полосе добывать довольно
затруднительно, и т. п. Для внутренней отделки я велел нанять столяров, а сухим
ясеневым деревом мне заблаговременно назвался соседний лесоторговец, у которого
я в течение осени забрал довольно различного лесного материала. Полы в доме,
хотя и новые, были весьма неплотны, и я решился лучше заказать паркет в Москве.
Казалось, все наперед было обдуманно и рассчитано, но, зная, как все дела у нас
делаются, я никак не мог успокоиться в Москве и распечатывал каждое письмо
приказчика не без замиранья сердца. Предчувствие не обмануло меня. В начале
февраля я получил довольно лаконическое извещение, что ничего из приказанного не
делается, что столяров нанято трое и они уже напилили брусьев и фанер для
дверей, но ясеня оказался сырой и всю заготовку порвало в щепки. Молотилка и
веялка должны были скоро быть готовы к отправлению, и г. Вильсон, у которого,
сверх полной стоимости машин, оставалось в конторе 20 р.

145

серебром моих денег, совершенно успокоил меня насчет скорой их отправки, а равно
насчет присылки в мае машиниста, который должен по условию установить машины на
месте и пустить их в ход, получая у меня по 75 коп. в день харчевых. Кроме того,
я обязался отправить его на мой счет в Москву. На другой день по получении

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana рокового письма худые почтовые лошади валяли меня с боку на бок по невообразимым ухабам московско-харьковского шоссе, и через трое суток я прибыл домой. Оказалось, что приказчик ничего не преувеличил в своем письме. Я застал столяров, грациозно полирующих присланную из Москвы мебель, а за ними груды потрескавшегося ясеня. Строительный материал не только не привезен, но даже и не куплен. Дороги адские. Ни плотников, ни кровельщиков нет, а между тем надо сейчас снимать крышу, переделывать стропилы и крыть железом. Как? и это все в феврале? – Да что ж делать? С крышей, при усердной работе, надо провозиться месяц, а в марте пойдут весенние дожди, потолок протечет и вся привозная мебель должна погибнуть. Оставить же дело до июня значит обречь себя на столпотворение в продолжение всего лета. Во время полевых работ нужно жить дома, а как жить в нем, когда крыша и двери сняты, стены и потолки штукатурятся, а полы выломаны? Дополняя картину неустройства, я должен прибавить, что единственно спасительная мера перевозка хлеба к Ш<еншину> и соломы обратно от него ко мне оказалась на практике весьма неудобною. При значительной раструске дорогой мелкого и крупного корма двойная перевозка до того была обременительна для лошадей, что я застал вообще всю скотину в самом жалком виде. На жеребятках от худобы показалась даже сыпь. К счастью, я не продавал ни зерна ржи из моего небольшого запаса и тотчас же велел давать от четырех до пяти фунтов муки в сутки на каждую голову. Это усиленное, но дорогое средство спасло скотину. Плотников на крышу я нанял издельно. Лес привезли. За невозможностью в скором времени отыскать для столяров сухого ясеня, я нашел старого дубу, и работа немедленно началась. Недаром русская пословица говорит: * на добрых воду возят ». Эта пословица очевидно произошла из опыта. Если у вас есть между рабочими лошадьми замечательно добрая, будьте уверены, никакой присмотр, никакие увещевания не спасут бедного животного от ежеминутных попыток. Сена ли привезть, хоботья ли насыпать, соломы ли навозить, кого взять? – рыжего. Послать куда поскорее – на рыжем. Одним словом, бедный рыжий за все отвечает. Понятно, что в дальней дороге или на тяжелой работе всякому приятнее иметь лошадь, не требующую ежеминутных понуканий; но возить корм около дома решительно все равно,

146

слишком или не слишком ретива лошадь. Но рыжий недаром сльвет добрым, и поэтому оброть уже сама его ищет по двору между всеми другими отдохнувшими лошадьми. При окончательном разгроме дома я поневоле должен был прибегнуть к прошлогодней системе, то есть поселиться на жительство у Ш<еншина> и к себе приезжать ежедневно по утрам на несколько часов.

Надобно нанять кровельщиков. Мне сказали, что мценские и сходней, и искусней орловских. Кроме того, необходимо было по делам побывать во Мценске; но дороги были так дурны, что я предпочел поехать туда через Орел, где надеялся сам купить кровельного железа, которое в то время страшно поднялось в цене. Накануне отъезда я велел приказчику приготовить необходимое, по количеству железа, число подвод и ехать с ними в Орел за материалом, считая по дурной дороге от 20 до 25 пудов на лошадь. В Орле я купил железа, велел накладывать, а сам поехал далее.

Вернувшись из Мценска, спрашиваю:

– Что? привезли железо?

– Слава Богу, привезли благополучно и сложили. Только что-то наш рыжий невесел, корму не ест, а всю дорогу шел передом (впереди обоза) и вез с лишком тридцать пять пудов.

Неудивительно, что он невесел и не ест корму. Однако пойдём просмотрим его. Я нашел бедного рыжего в общем деннике с сильнейшим отделением злокачественной мокроты из ноздрей. Очевидно, у него открылся сап.

Заведовав в продолжение пяти лет в качестве полкового адъютанта конным лазаретом, я волею и неволей присмотрелся к разнородным явлениям конских болезней и в особенности сапа, долго свирепствовавшего в нашем полку. Эта ужасная и в высшей степени прилипчивая болезнь до того упорна, что никакие врачебные пособия, ни самые энергические меры полкового командира при первом появлении заразы не могли избавить от нее полка. Самое здание конного лазарета оказывалось заразительным. Ни обмазывание известью, ни хлор, ни изысканная чистота не помогали злу. Только поход во время венгерской кампании, в продолжение которого опустевший и растворенный конный лазарет вымерзал две зимы, избавил полк от давнишнего бедствия. Сап заразителен не только для лошадей, но и для людей, приходящих в соприкосновение с больными животными, и в этом случае никакие средства не помогают. Мучительная смерть неизбежна. Мне сказывали, что в К. гусарском полку погибли два служителя при конном лазарете, которые, несмотря на строгое запрещение, завертывались на ночь в попоны с больных лошадей. Все сказанное я считал необходимым объяснить приказчику, старательному молодому человеку. Тем не менее он

с какою-то полуулыбкой уверял меня, что это голова у рыжего болит и что когда мокрота сойдет, ему будет легче.

– Однако вот отдельное стойло, – сказал я, – загони его туда и, сделай милость, присмотри, чтоб он не приходил ни в какое соприкосновение с остальными лошадьми. Корм и водопой должны быть отдельные, иначе все лошади пропадут и весь двор надо будет бросить.

– Слушаю.

На другой день приезжаю и, представьте себя на моем месте, застаю рыжего в общем деннике. Повторяю, приказчик человек старательный и практически не глупый. Но что сделаешь против рутины? Разумеется, лошадь была тотчас же совершенно отделена от здоровых и, несмотря на уверения приказчика, что ей гораздо лучше, на третий день пала.

Много у нас было писано со всех концов России о высокознаменательном событии прошлого февраля и о том, как принят был крестьянами благодетельный манифест, но, говоря в свою очередь о прошлогоднем феврале, не могу не прибавить несколько слов от себя. Предварительных толков в образованных классах было довольно.

Наконец ожидания разрешились рассылкою манифеста. Оставалось только его обнародовать, то есть прочесть крестьянам по церквям. Нельзя отрицать, чтобы большая часть людей мыслящих не смотрела на будущее воскресенье почти с тем же чувством, с каким мореходец смотрит на ярко-прекрасную зорю, обещающую перемену ветра, и на бессознательное море, которое, Бог его знает, взволнуется или не взволнуется. Однако воскресенье пришло, а море и не думало волноваться. У него даже не зарябило в глазах от лишней чарки водки. Крестьяне обычным порядком разъехались по дворам, и, вероятно, каждый в своей семье занялись истолкованием совершившегося события. Мы с Шеншиным встретили на пороге только что вернувшегося от обедни старосту его имения.

– Что, Михайло, слушали манифест?

– Как же, батюшка! слушали.

– Что ж? вы его поняли?

– Как не понять! Поняли одно, что надо теперь всех слушаться от мала до велика.

Приходилось мне спрашивать и других крестьян о том же. Ответы были в подобном же смысле.

Возвращаясь к рассказу.

Нужный для построек песок отыскался в лугу крестьян деревни С***, смежных с хуторскими мужиками моего соседа Шеншина, верстах в трех от меня. До меня никто не покупал песку, как никто не покупал воды и снегу, несмотря на то что в трех верстах оттуда и помещики, и крестьяне давно торгуют

148

белым камнем. Но то камень, а это песок. Я послал попросить у старосты деревни С*** позволения брать песок и, рассчитав, как трудно добывание его в зимнее время, сам назначил за четверть 30 к. серебром. Очевидно, крестьяне этой деревни, которым всего сподручнее было воспользоваться предстоявшими заработками, сочли продажу и возку песка химерой. Песок мне брать позволили; но никто из крестьян и не тронулся рыть и возить его.

Зато хуторские мужики Шеншина деятельно принялись за работу и песку мне навезли немало. К концу февраля наступили оттепели, по дорогам образовались зажоры и возка сделалась страшно затруднительною. Тогда только крестьяне деревни С*** догадались, что, верно, можно и песком торговать, когда их соседям да за их же песок платят чистые деньги. Они наотрез отказали крестьянам хуторским в песке, говоря, что уж лучше они сами будут брать деньги. Мало того, что с-ские мужики стали наперебой между собою возить песок по выдуманной мною цене, у них за эту же цену явились конкуренты за 7 верст от меня, которые, по невозможности за дурною дорогой доставлять песок одиночками, возили его парами. Как нова и дика была для крестьян мысль о ценности личного труда, я еще яснее увидел впоследствии. При сложных на него требованиях с моей стороны, мне приходилось подобным же образом и с одинаковым успехом назначать от себя положительные цены по разным отраслям труда. С открытием весны, когда крестьяне уже опытом научились брать с меня деньги, они все-таки остались при внутреннем убеждении, что торговали несуществующими ценностями, то есть, по их же выражению, брали деньги даром. Вся округа говорила про меня: «Верно, у него денег много, когда он нам их даром раздает». – «Да за что же он вам их дает?» – «А Бог его знает! Мы и сами не знаем». Я не только не давал даром деньги, но платил цены весьма умеренные. Впоследствии мы увидим, что в знакомых уже крестьянам отраслях труда и промыслах они не так сговорчивы на дело и не так податливы в цене. Возить, например, хлеб на рынок мужичок готов, но ломит цену неслыханную. «Это дело – хлеб, а то песок». Невероятно, а правда.

После долгих и напрасных поисков нашелся простой мужик-штукатур. Мы поладили в двух словах, условясь в плате за квадратную сажень. Он получил 15 р. серебром задатку и пошел набирать рабочих. Шеншин тоже искал штукатур. На другой день явился великий краснобай из-за Мценска, положительно уверявший, что нанятый мною мастер не в силах сделать моей работы. К стыду моему, краснобай меня уговорил. Так как Шеншин в свою очередь нуждался в штукатуре, то мы предложили первому

рядчику стать на новую работу на тех же усло

виях, на что он легко согласился. Но меня краснобай жестоко наказал за мою доверчивость. Он взял, правда, небольшой задаток; но с тех пор я его не видал, и, что еще хуже, я поджидал его артель в то время, когда уже нужно было работать. Разумеется, не желая прибавлять к убыткам новые убытки, я его и не разыскивал, хотя знал его имя и место жительства.

Всякая законность потому только и законность, что необходима, что без нее не пойдут самые дела. Этим-то законности я искал и постоянно ищу в моих отношениях к окружающим меня крестьянам и вполне уверен, что рано или поздно она должна взять верх и вывести нашу сельскую жизнь из темного лабиринта на свет Божий. Но единицам добиться в этом отношении цели в настоящее время не только трудно, а едва ли возможно. Вздумав однажды утром взглянуть на работу поденщика Алексея, поступившего ко мне по примеру прошлого года, я увидел весьма бедно одетого крестьянина, державшего на веревке тощую косматую корову, едва ли не из числа виденных фараоном во сне. Надо прибавить, что тощий крестьянский скот, особенно лошади, в нашей стороне исключение. На это есть свои причины, о которых я, быть может, скажу в своем месте несколько слов. На этот раз мужик и его корова не представляли образцов довольства.

– Что тебе надо? – спросил я мужика.

– Да вот, батюшка, привел коровку к вашему бычку. Сделай божескую милость, не откажи.

– Ты откуда?

– Да вот мы с Алексеем из одной деревни, он меня знает!

Частые истребительные падежи скота в наших местах вынуждают быть крайне осторожным насчет сближения своей скотины с чужою. Поэтому прошлой осенью я отказал гуртовщику в просьбе прогнать по моей отаве гурт, хотя он мне за это предлагал порядочную плату. А тут неизвестная, да еще болезненная на вид корова. Несмотря на это, первым моим побуждением было уступить просьбе бедного мужика, не в пример другим. Авось так пройдет! Я знал, однако, что сделать это без всяких условий значило бы привлечь к себе на двор целую округу. Поэтому я обратился к мужику с следующими словами:

– Я ни своей скотины на чужую землю, ни чужой на свою не пускаю. И всякую приведенную или пущенную сюда корову буду забирать и отсылать в стан; на этот раз, так и быть, выручу тебя по-соседски. Почем у вас бабы продают кур? (Мне нужны были куры, и я скупал их у соседней.)

– Да кто их знает? Бабье дело.

– Однако ж? дороже четвертака не продают?

– Точно, что не продают.

150

– у тебя есть продажные?

– Есть.

– Сколько?

– Да с пяток будет.

– Ты поедешь в воскресенье мимо меня?

– Как же, батюшка, поеду.

– Привези же мне четырех, или, как ты говоришь, пяток кур, а я тебе заплачу по четвертаку.

– Слухаю, батюшка. С чего ж?

– Да ты смотри не обмани.

– То-то, ты смотри, Митрий, не обмани, – вмешался вслушавшийся в наш разговор Алексей. – Ведь это, брат, обмануть не своего брата мужика. Не приходится.

Я стал объяснять мужикам, что обман все обман, к кому бы он ни относился, в чем оба были совершенно согласны, и, в доказательство окончательного уразумения моих слов, Алексей с ударением повершил:

– Ведь это обмануть не своего брата мужика, это не приходится.

Просьба мужика была исполнена, а кур он мне не привез.

Приводить новых примеров понимания и исполнения условий и договоров со стороны наших крестьян я более не буду, хотя мог бы привести их сколько угодно.

VII. Контракт

С наступлением марта явилась необходимость нанимать недостающих годовых рабочих

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana и одного летнего на подмогу. Первым годовым цена уже была определена с осени, а с летним надо было торговаться. Прошлогодний горький опыт окончательно убедил меня, что давать задатку рабочим, без обеспечения насчет исполнения ими условий договора, нельзя. Но чем себя обеспечить? контрактом? Что же писать в этом контракте? Говорить в нем о штрафах – нечего и думать. Ни один рабочий не пойдет к вам ни за какие деньги. После многих соображений я выставил в контракте следующие пункты: «Обязан я (имярек) 1) вести себя честно и трезво; 2) никуда, ни под каким предлогом без разрешения начальства не отлучаться; 3) всякую порученную мне работу, во всякое время, исключая годовые праздники, исполнять усердно и без отговорок; 4) за порученными мне вещами смотреть старательно и хранить их в целости; 5) довольствоваться здоровою и сытною пищею и особого какого харча и содержания не требовать. А буде я вышесказанного не исполню, то подвергаю себя за то ответственности перед законом».

151

Написав последние слова, я невольно улыбнулся. Как будто закон, карая меня за противозаконные поступки, справляется, давал ли я подписку подвергать себя ответу перед ним или не давал! Но при составлении контракта я более всего имел в виду тот врожденный трепет, с которым русский человек смотрит на всякую грамотку. Я не ошибся в моем предположении. Этот страх оказался так велик, что я рисковал остаться без рабочих, на что я, впрочем, и решался, лишь бы только не иметь перед собою грустной перспективы остаться с незаконтрактованными рабочими. С другой стороны, я был уверен, что стоило мне с законтрактованными рабочими прожить год, так чтоб о контракте, как о неприятном предмете, не было и помину, то я буду спасен. Но как поймать первого рабочего? Случай на этот раз помог мне. Читатель, быть может, не забыл прошлогодного исправного работника Карпа, которого негодяй Гаврила так бесцеремонно взял у меня до срока. Вот этот-то Карп явился наниматься на лето. В цене мы скоро сошлись; но главное затруднение было убедить его подписать составленный мною контракт.

– Ты помнишь, – сказал я ему, – как твой дядя в прошлом году снял тебя до срока. Теперь, чтоб этого не могло быть, я никого, кто просит вперед денег, не нанимаю без контракта. Грамоте ты сам не знаешь; сходи к дворнику на Кресты, попроси его прочесть то, что я тебе прочел; дай ему руку, он за тебя подпишет, и тогда приходи за задатком. Ты слышишь, здесь в бумаге написано то же, что ты мне обещаешь на словах. Я тебе, быть может, и на слово бы поверил, но дяде твоему не поверю и без контракта тебя не возьму.

Задатку Карп, нанявшийся за 27 р. 50 к., просил 10. После долгих колебаний контракт был подписан; оставалось только отдать деньги, за которыми он хотел прийти вечером. Между тем тотчас же после обеда явился дядя его, Гаврила, с словами:

– Пожалуйте деньги.

– Я тебе денег не дам, потому что нанимался не ты, а твой племянник, на имя которого и написано увольнительное от помещика свидетельство. Приведи Карпа, и я при тебе ему отдам десять рублей.

– Нет, малый не может получить деньги, потому что я ему хозяин. (Этот хозяин постоянно обирает бедного Карпа, который вследствие того всегда одет весьма плохо.) Такого и закона нет, чтобы малый мог без меня наниматься. Напрасно старался я объяснить Гавриле, что теперь, напротив, нет закона, чтобы кто-нибудь мог отдавать другого в работу. Он стоял на своем.

– А коли так, значит, я сниму малого.

152

– Ты ни отдавать, ни снимать его не можешь, потому что он нанят у меня по контракту, и я знаю его, а тебя и знать не хочу.

Тут новые объяснения безопасности контракта, и за всяким разом возглас:

– Оно так, да на что ж вы малого-то под кундрах подвели? Мы люди темные, так что нам кундрах. Мне кундрах не нужен.

– Я писал контракт не для забавы и писал его не для темных людей, а для себя, и если он тебе не нужен, то он мне нужен, а ты если будешь приставать со вздором, то я тебя не велю сюда пускать.

Вошел Карп.

– Вот, Карп, если тебе нужны деньги, возьми десять рублей.

– Нет, как можно деньги брать вперед, – вдруг неожиданно заговорил Гаврила, – надо их прежде заработать, а тогда уж свое и получить. Мы денег вперед не возьмем.

Они действительно так и сделали и взяли первые юр. только после Святой. Карп благополучно дождал до последнего дня срока. Гаврила более не показывался. О контракте не было все лето помину; но он произвел магическое действие бумаги (грамоты) на людей темных, хотя, в сущности, исполнение его не было гарантировано. Что бы я стал с ним делать, если бы подписавший его нарушил

условия? Повел бы дело во время уборки судебным порядком, что ли? Предположим даже, что я выиграл бы его через два года, спрашивается: что бы я выиграл этим выигрышем? Все это очень ясно; а тем не менее, желая усилить магическую силу грамоты, я из писанных превратил контракты в печатные бланки и в прошлую осень не иначе нанимал годовых рабочих, как по таким документам. Карп проторил темную дорогу контракта. Мимоходом скажу несколько слов о дальнейшей судьбе Гаврилы. С выбором посредников выбирали и сельских старост. Не удивительно ли, что крестьяне села, в котором живет Гаврила, не нашли никого хуже его в сельские старосты? Этот пьяный, нахальный, вечно хитрящий и между тем странно тупой и бестолковый мужик, сделавшись старостой, накуролесил так исправно, что его пришлось, как я слышал, арестовать, оштрафовать, телесно наказать и сменить. Стало быть, он прошел все, что мог.

О крестьянах того же села рассказывали у нас в том же году довольно оригинальный анекдот. В помещичьем саду стояли, да и теперь еще стоят, небольшие медные пушки, из которых стреляли в торжественные дни. Довольно значительная стоимость пушек соблазнила каких-то охотников до легких заработков. Когда два вора сняли две пушки с лафетов и, навалив на воз, поскакали с ними через деревню, помещичий староста, заметив похищение,

153

вскочил на лошадь и бросился в погоню. На деревне он стал звать мужиков на помощь; но они отозвались, что сегодня не барский, а крестьянский день и потому им воров ловить не для чего.

VIII. Весенние затруднения

В начале апреля снег сошел и, несмотря на значительные холода, кое-где начала пробиваться молодая травка. Скучность зимнего корму заставляла думать о том, как бы поскорее выгнать скотину в поле. Желая осмотреть сенокосный луг, я поехал туда верхом и застал все стадо и весь табун соседей купцов К*** на моем сенокосе. Пастух даже не торопился сгонять стадо. Тут только, желая отбить и загнать к себе корову или лошадь, я убедился, как трудно, если не совершенно невозможно, исполнить это одному. Подо мной была резвая и очень поворотливая лошадь, так что я легко мог и догнать, и заворотить любую скотину. Но едва вы ее завернули, она огибает вас за крупом лошади, и заворачивание начинается снова, и таким образом можно вальсировать до бесконечности.

Я уже говорил о близости воды в нашей почве. Это хорошо в агрономическом отношении, но для построек невыносимо. Еще в марте, во время полой воды, пришлось выбираться из выхода под домом. Несмотря на каменные своды, вода прибывала в нем ежедневно, и наконец весь выход превратился в подземный водоем, в котором невыбранные овощи плавали в самом живописном беспорядке. Вот и земля оттаяла, а вода в выходе не убывает. Она может остаться почти на все лето, и тогда придется завалить выход и сделать новый на ином месте. Удобней всего ему быть там, где он есть, да и кто поручится, что и на новом месте он будет сухим выходом, а не колодцем? Долго думал я, как тут быть. Устроить машину неудобно: выход под самим домом. Черпать ведрами еще хуже: эта работа Данаид будет повторяться каждую весну. Наконец я, как Архимед, воскликнул: нашел, нашел! Лучше всего сделать подземный каменный тоннель, провести его из выхода в ближайшую садовую канаву, которую придется углубить, и этим путем спустить воду в пруд. Хотя тоннель и придется устраивать на четырехаршинной глубине, но все-таки такое устройство обойдется дешевле нового погреба. Я объяснил свою мысль поденщику Алексею, привычному рококопу, и он взялся за условленную плату исполнить ее. Надо было прорыть глубокую канаву к самому фундаменту и потом на четырехаршинной глубине подрываться под фундамент и под кухню, и только тогда можно было попасть на каменную стену выхода, чтобы проломать в ней отверстие. Уже при наружной работе стены глубокой канавы бес

154

престанно отседали, и земля огромными глыбами обваливалась, а когда дошли до фундамента, то и Алексея, и меня начало брать сильное раздумье. Ну, как и тут земля станет валиться и мы завалим фундамент на дом, да, пожалуй, подавим саперов? Судя по обстоятельствам, надо было непременно ожидать этих бедствий, и мысль о них до того меня запугала, что я дал Алексею новые деньги за то, чтоб он поскорее засыпал часть своей же работы. Вдруг неожиданно является прошлогодний солдат-копач, Ми- хайло. Посмотрев на нашу затею, он решительно объявил, что ему, то есть Алексею, этого не сделать.

– Ну, а ты сделаешь?

– Сделаю, ваше высокоблагородие. Тут надо подпорка, и мы будем работать сидя.

– Сделай милость, работай как хочешь, лишь бы успешно. Если окончишь, получишь от меня кроме условленной платы особое награждение.

С этими словами я уехал на несколько часов по одному делу. Вернувшись к полдню,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
застаю Михайла на крыльце.

– Что тебе надо?

– Ваше высокоблагородие, позвольте слово сказать.

– Хоть два.

– Оно точно, что погреб-то весь под домом, да рукав-то с каменной лестницей, ведь он нижним-то концом, то есть нижнюю площадкой, вышел под галдарею. Там, сказывают, воды-то, что в погребе, что на площадке, глубина одна. Я и сам видел, лест- ницу-то каменную высоко залило. Зачем же нам идти канавой под дом? Позвольте нам за угол обвести да привести к площадке. Вода все едино до капли должна сбегать. А фундамента мы нигде не тронем.

Эта здравая и совершенно простая мысль, не пришедшая, однако же, никому из нас в голову, привела меня в восторг.

Я не мог при всех плотниках и каменщиках не признать Михайла молодцом и не выдать ему тотчас же обещанного награждения. Тоннель действительно и прокопали, и выложили камнем в три дня, и вода сбегала вся.

Ай да Михайло! исполать! Никогда не забуду, как отрадно было мне среди тупого непонимания и нежелания понимать встретить самостоятельную усердную догадку.

IX. Песня

Погода установилась ясная и теплая. Хотя мне еще нельзя было жить дома, но я приезжал по-прежнему ежедневно сводить счеты с рабочими и, сидя за работой в комнате, нередко уже от

155

ворял окно на галерею. Всем известна привычка русского ремесленника петь во время работы. Пахарь не поет, зато плотники, каменщики, штукатуры – почти неумолкающие певцы. Последнее слово напоминает очаровательный рассказ Тургенева: но я не был так счастлив, чтобы встретить что-нибудь похожее на описанных им певцов. Много переслушал я русских песен, но никогда не слышал ничего сколько-нибудь похожего на музыку.

«Грустный вой песня русская». Именно вой. Это даже не известная последовательность нот, а скорее какой-то произвольно акцентированный ритм одного и того же неопределенного носового звука. У женщин пение – головной визг. И то и другое крайне неприятно. Говорят, на Волге поют хорошо. На Волге я не бывал. А может быть, когда завоют на Волге, скажут, что на Урале хорошо поют. Как бы то ни было, прошлую весной я жил в мире русских песен, или, лучше сказать, русской песни, потому что меняются одни слова, а песня все та же. Она неслась с крыши, с балкона, с кирпичных стен, отовсюду, и я уже не обращал на нее никакого внимания, как некогда, живя в десяти шагах от морского прибора, не обращал внимания на его шум. В плотничьей артели был красивый, сильно сложенный и щеголеватый малый. Имея дело с подрядчиком, я не знал плотников по именам и даже мало обращал на них внимания, но этого нельзя было не заметить. Невысокая полярковая шляпа с павлиньим пером так красиво сидела на густых, вьющихся белокурых волосах, образовавших под ее небольшими полями тугий и пышный веночек. Кудри эти были всегда тщательно расчесаны. Однажды, сидя у растворенного окна, я увидел этого парня, усердно пробивающего топором паз в столбе для стеклянной рамы на галерее. Он затянул песню, которая тотчас обратила на себя мое внимание, не напевом или гармонией, голос песни был один и тот же стереотипный, но словами, и я начал вслушиваться.

Парень затянул известный романс:

Отгадай, моя родная,

Отчего я так грустна и сию всегда одна я у заветного окна.

«Каково! – подумал я. – Вот оно куда пошло». А между тем я смутно чувствовал, что содержание романса, несмотря на свою незатейливость, далеко не по плечу певцу.

Романс трактует чувство девушки, волнуемой еще беспредметною любовью, в которой она не может дать себе отчета. Кто не слышал, как в устах людей, не усвоивших собственных имен русской географии, стих известной песни «и колокольчик дар

156

Валдая», превращался: в «колокольчик гаргалгая»? Подобные варианты встречаются даже у институток. Чего же я должен был ожидать от крестьянина? Однако строфа вытягивалась за строфой, не представляя никаких диковинок. Наконец дело дошло до куплета:

Лягу я в постель, не спится,

Мысли бродят вдалеке,

Голова моя кружится,

И сердечушко в тоске.

Как, подумал я, справится певец с этими отвлеченностями? Он затянул:

Лягу я в постель не спится – э-э-эх

Никто меня не беретъ.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Нужно же ему было объяснить, почему ей не спится, а следующий стих:

Мысли бродят вдалеке, –
не имеющий для него никакого значения, как ничего не объясняющий, заменен весьма понятным:

Никто меня не беретъ.

Что за беда, что он в явной вражде с содержанием романа! Зато понятен. А что ж? Дай Бог, чтобы русские крестьяне поскорее, подобно моему парню, почувствовали потребность затянуть новую песню. Эта потребность сделает им трубы, вычистит избу, даст человеческие постели, облагородит семейные отношения, облегчит горькую судьбу бабы, которая напрасно бьется круглый год над приготовлением негодных тканей, тогда как их и лучше, и дешевле может поставить ей машина за пятую долю ее труда; явятся новые потребности, явится и возможность удовлетворить их. Не беда, что, быть может, еще и через сто лет русский крестьянин-земледелец не в состоянии будет сознательно произнести стиха: «Мысли бродят вдалеке»; но на пути к этому стиху он найдет много и нравственных и материальных благ, доселе ему недоступных. Нравственное развитие не гвоздь какой-нибудь, который можно произвольно забить в народ, как в стену. Оно уживается только с материальным довольством. А нельзя отрицать заметного стремления русского крестьянина к прогрессу в последние 25 или 30 лет – и он уже поднял много добра по этому новому пути. Это особенно заметно по костюму. Старинный зипун с кружками из шерстяного шнура на спине, без которого

157

еще в детстве моем ни мужика, ни бабу нельзя было себе представить, исчез окончательно. Убийственно тяжелая и крайне безобразная кичка держится только по захолустьям. Зимой, вместо обычной пеньки вокруг горла, у тулупов поднялись высокие овчинные воротники. А как это важно в поле, вы можете убедиться на деле. Попробуйте в воскресный день, когда мужики возвращаются рысью, в несколько саней одни за другими, причем замечательно, что здоровяк-хозяин сидит в отличном тулупе с поднятым воротником, а бабы и мальчишки жмутся от холода в плохих шубенках, попробуйте, говорю, остановить такого носителя воротника. Поверьте, для сведения каких-либо счетов он, подобно обознику г. Успенского, не станет прибегать к держанию кошеля перед грудью, представлению себя двугривенным, а товарища пятиалтынным, или строганию лучинок. Сознанная потребность теплого воротника поможет ему рассчитаться хотя и не по арифметике, но скоро и безошибочно. В прошлом году главный плотник, принесший за излечение старика-отца к нам на поклон 10 яиц, уже получил в ответ не деньги, а немного чаю и сахару, чем остался гораздо довольнее. Я отчасти сочувствую иносказательной увязнувшей колымаге, о которой была как-то речь в газете «День», колымаге с оторвавшимся и ускакавшим фореитором. Действительно, фореитор оторвался и ускакал, но это слава Богу. Если б он не оторвался, то, вероятно, сидел бы с колымагой и до сегодня в грязи. Но, летая вкривь и вкось по всем направлениям, он немало обозрел местностей и поразведал дорог. Теперь, при его указании, стыдно будет закиданному грязью кучеру опять засесть в трясину. И не фореитору спрашивать совета у вахлака-кучера, а пусть кучер расспросит хорошенько у бывшего фореитора про дороги. Фореиторские лошади, слава Богу, проскакали через узкий мостик, кажущийся таким опасным для колымажных лошадей. Известное дело, не видывали и заноровились, и тут старая манера бить кнутом только испортит дело. Пусть-ка фореитор несколько раз переедет мостик на своих под самым носом колымажных лошадей, так колымажные- то очнут и сами тронут следом за передними. Все бы хорошо. Но тут еще другая беда. Хотя фореитор, в сравнении с кучером, парень бывалый, но, несмотря на долгую скачку вдоль и поперек, он все еще не выветрился. Сейчас видно, что они, и тот, и другой, не только одной семьи, а братья родные, которым, как говорится, в немце (то есть в порядке и сдержанности) тесно. Вот фореитор-то и вышел балагур хоть куда, он теперь может хоть с какою ни на есть особой разумом пораскинуть, а на деле до сих пор у чужих разных господ перенял только кафтан немецкого сукна, розовый галстук да папиросы. Что станешь делать с ши-

158

рокими натурами! Кроме крученых папирос он до страсти полюбил: «Шпилен-зи полька!»* «Бутылочку похолоднее!» А разверните-ка ему немецкие-то полы, так увидите, что под ним седло все истыкано, один войлок торчит, да что еще! Сказывают, лошадь- дей-то он мало что не кормит, а успел где-то заложить. Старик-кучер смотрел, смотрел, слез с козел – да в кабак, благо около кабака завязли. Говорят, кучер-то позапасливей и бережет мелочь в сапогах, да что-то плохо верится. Где, кажется, пьющему человеку быть запасливым около кабака. Прежде точно и кучеру, и фореитору думать много не нужно было. Лошади были свежие, еще не умотались; чуть стали запинаться, «валяй по трем, коренной не тронь». Великое и прямое дело был в то время кнут. Но теперь фореитор догадался, что когда

лошадь заноровилась, то что ни больше пори кнутом, то хуже. А вот о другом-то, таком же известном свойстве лошади они не догадываются. Иная худо зимовавшая лошадь с первого или со второго разу заноровится, так что бьются-бьются с ней, да и бросят. Глядишь, поступила на хороший корм, справилась и затем тронет с места без малейшего норова. «Люби кататься, люби саночки возить». А последнего-то ни кучер, ни фореитор терпеть не могут. Они точно не понимают, что синий кафтан – следствие исправных лошадей и что по грязной дороге, и в еще более грязной избе, такой кафтан случайная прихоть, а не насущная потребность. Выше я радовался возникающим в народе потребностям некоторых удобств. Но эти факты действительно отрадны только там, где они являются выражением более высокого уровня жизни.

В запрошлом году, в сезон тетеревиной охоты, мне привелось побывать у одного из героев тургеневского рассказа: «Хорь и Калиныч». Я ночевал у самого Хоря. Заинтересованный мастерским очерком поэта, я с большим вниманием всматривался в личность и домашний быт моего хозяина. Хорю теперь за восемьдесят лет, но его колоссальной фигуре и геркулесовскому сложению лета нипочем. Он сам был моим вожатым в лесу, и, следуя за ним, я устал до изнеможения; он ничего. Попал я в эту глушь как раз на Петров день. Хорь сам quasi-грамотный, хотя не научил ни детей, ни внучат тому же. У него какая-то старопечатная славянская книга, и подле нее медные круглые очки, которыми он ущемляет нос перед чтением. Надо было видеть, с каким таинственно-торжественным видом Хорь принялся за чтение вслух по складам. Очевидно, книга выводила его из обычной жизненной колеи. Это уже было не занятие, а колдовство. Старшие разошлись из избы по соседям. Оставались только ребятаи

* «Сыграйте польку» (нем.).

159

ки, возившиеся на грязном полу, да старуха сидела на сундуке и перебирала какие-то тряпки близ дверей в занятую мною душную, грязную, кишашую мухами и тараканами каморку.

Старуха, верно, для праздника поприневолилась над пирогами и потому громогласно икала, приговаривая: «Господи Ису- се Христе!» И посреди этого раздавались носовые звуки: «сту- жда-ю-ще-му-ся». Часа в три после обеда втащили буро-зеленый самовар, и Хорь прошел в мою каморку к шкапу с разбитыми стеклами. Там стояли разные бутылки с маслами и прокислыми ягодами, разнокалиберные чашки, помадная банка со скипидаром, а рядом с нею из замазанной синей бумаги выглядывали крупные листья чаю. Тут же, на другой бумажке, лежал кусок сахару, до неверотия засиженный мухами.

– Не хочешь ли, старик, я тебе отсыплю свеженького чайку?

– Пожалуйте. Да ведь нам чай надолго, – прибавил Хорь. – Пьем мы его по праздникам. Попьем, попьем да опять на бумаге высушим. Вот он и надолго хватит. Кто после этого скажет, чтобы грамотность и чай были в семье Хоря действительными потребностями?

Х. Еще о пчелах

Хотя я и не желал говорить более о пчелах, но как перевозка их производилась на наемных подводах прошлой весной, то я не хочу упустить случая сказать несколько слов о крестьянских лошадях, этой важной отрасли общего сельского хозяйства. Читатель, верно, помнит, как я бился, приискивая порядочного пасечника, и наконец пришел к убеждению, что, будучи сам малосведущ по этой части, я не могу вести правильно пчеловодство. Пришлось перевести пчел на пасеку к Ш<еншину>. Но мне сказали, что пчелам надо до перевозки дать облетаться, а перевозить их – после захождения солнца, когда они соберутся в ульи, и если на недаленое расстояние, то все ульи разом. Иначе пчелы утром прилетят на старое место и подымут с оставшимися губительный бой.

Для достижения этой тройкой цели я дождался теплого весеннего дня и нанял крестьян Ш<еншина> с тем, чтоб они приехали со всем необходимым количеством подвод разом и под вечер. Потому ли, что крестьяне знали о тяжеловесности моих ульев или по другой какой причине, но вечером они явились, как на подбор, на таких отличных сытых лошадях, что я невольно на них порадовался. Но радость эта была, однако, непродолжительна. Мужиков оказалось мало по количеству подвод,

160

да и тем пришлось сбиваться в кучу для осторожного подъема ульев, так что при лошадях, в числе которых нашлись матки и жеребцы, осталось мало людей. Пока хлопотали затыкать летки у ульев, стало темно. Нетерпеливые лошади не хотели смиренно стоять, двигались и ломали молодые деревья. Поднялся шум, ржание; мужики старались около ульев, и я напрасно пытался восстановить какой-нибудь порядок. Повалить воз с ульями значит побить пчел, потому что они потонут в оторвавшихся сотах. Кое-как ульи разложили по подводам, но на беду из лесу приходилось подыматься по косогору. В темноте, только что задний извозчик станет помогать

переднему поддерживать воз, лошадь его, порываясь за тронувшимся возом, хватит в свою очередь на пригорок, заберет в сторону, и воз с ульями грохнется со всего маху оземь. Ось или оглобли пополам, надо их переменить; подняли, переменили, два воза прошли, и опять та же история и та же мука. Вдруг слышу грохот воза и вопли приказчика: «ноги, ноги!» Тяжелый воз, который он было бросился поддержать, действительно, повалюсь, прихватил ему ноги. Надо было ожидать перелома костей, но, к счастью, этого не случилось.

Приятно видеть исправных крестьянских лошадей, но на эту исправность есть свои причины, о которых не мешает поразмыслить. Что такое наука, как не ряд наблюдений над известными явлениями, и что такое искусство, как не произвольное соединение известных условий для определенной цели? Ни с точки зрения науки, ни с точки зрения искусства хозяйство нашего крестьянина не выдерживает даже самой снисходительной критики. Тут нет ни опыта, ни умозрения, а царствует безрасчетная рутина. Так, например, хлеб, зерно, добытое в поте лица, единственная надежда и подспорье крестьянина-земледельца, ему решительно нипочем. К вороху подошла корова, лошадь, свинья – пусть роет, мнет и сорит. Это свой живот. Может быть, семья после нового году будет без хлеба, этого крестьянин не соображает. Тогда он займет, а к новине отдаст вдвое за то, что без пользы пропало под ногами лошадей, кур, свиней и проч. Крестьянин до сих пор уверен, что с осени зеленым только лучше от вытаптывающей их скотины. Полное равнодушие к собственному хозяйству продолжается у крестьянина до тех пор, пока дело не дошло до животов, то есть скотины и преимущественно лошади. Бывают и тут примеры нерадения и лени; но такие примеры – исключение. Зерно, борона, хомут и пр. безразличны, а лошадь индивидуальна; она уже не вещь, она лицо, и едва ли не первое лицо в семействе. Это превосходно понял Кольцов в своем «Пахаре»;

161

Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

И тут порою трудно определить, кто слуга и кто хозяин. Каждая кроха, за которую бы и ребятишки сказали спасибо, идет животам. Представьте себе теперь двух соседей: крупного фермера, помещика, и маленького крестьянина. У крестьянина 8 десятин земли, а у помещика 500. Первый всякую живность продает, а второй всякую живность покупает у первого, потому что домашнее ее содержание обходится дороже покупки. У нас, например, осенью молодая индейка покупается за 20 к. серебром. Разве есть возможность выкормить ее дома за эту цену? Мы только что сейчас говорили о сытости крестьянских лошадей в наших местах. Какой помещик-хозяин похвастает такими? Долго еще им придется этого дожидаться, да и едва ли когда дождутся. Вот что значит собственный присмотр и призор, скажут на это.

Действительно, собственная непосредственная деятельность тут много значит, но далеко не все. Оставя в стороне исправность крестьянской скотины, взглянем на ее численность. На восьми десятинах у хорошего крестьянина от трех до четырех лошадей, а с подростками до шести; от одной до двух, а быть может, и трех штук рогатого скота; да от десяти до двенадцати штук овец и свиней. Положим, что у крестьянина только по одной штуке крупного и по одной мелкого скота на десятину, – итого шестнадцать штук. Представим себе у помещика соразмерное числу десятин количество скота, и мы получим на 500 десятин 1000 штук. Не только такое количество, но даже 300 штук, и не при теперешнем состоянии хозяйства, а при искусственном разведении трав, едва ли возможно. В чем же заключается главный секрет успешного крестьянского скотоводства? Секрет простой: у мужика скотина и, главное, лошади все лето по чужим парам, сенокосам и хлебам, а зимой лошади в извозе. Мальчишку бьют в семье, если, имев возможность запустить лошадей на чужое поле, он прокормил их на своем. Кроме того, до сей поры крестьянин пахал барский пар, возил на этот же пар удобрение, возил с поля снопы, сено и т. д. Ясно и естественно, что его лошадь кормилась там же, где и работала.

Прошлою весною нанимались крестьяне за семь верст возить купленный мною на постоянных дворах навоз на мой пар. На этом пару они жили две недели и, разумеется, там же кормили своих лошадей и в полдень, и ночью, во все продолжение их работы. Не помню, была ли даже об этом речь при условиях найма, до того это вытекает из сущности дела. Не могу же я ему сказать: твоя лошадь целый день работала, так ты к вечеру сгоняй ее за семь верст покормить, а утром пригони назад на работу. Если

162

же по новому положению хозяйства большие фермы, не находя достаточного количества наемных конных рабочих во всякое время за сходную цену, будут вынуждены заводить собственных лошадей, то право или, лучше сказать, необходимость кормить лошадей там же, где она работает, перейдет с крестьянских на фермерских, и крестьяне должны будут или с большею готовностью идти на

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana конную вольную работу, или уменьшить количество своих рабочих лошадей, которые будут представлять в их хозяйстве ненужную тягость. Я говорю ненужную, потому что, полагая на тягло по две десятины в клину, одной лошади ттч- ти достаточно на три тягла, у которых теперь по крайней мере девять лошадей. Что же станут делать и есть остальные восемь или семь лошадей? Мне кажется, что естественное следствие нового порядка вещей точно так же побудит крестьянина к летнему конному вольнонаемному труду в поле, как недостаточность зимнего продовольствия гонит теперь зажиточного крестьянина зимой в извоз.

XI. Филипп и Тит

Приведу два примера особенного виду затруднений с рабочими. Филипп, доживший осень и до годового срока, поступил ко мне в годовые на новый срок и по новой цене; Тит годовой нанят в то же время на место убылого. В первые дни по приезде моем из Москвы приказчик объявил мне, что Филипп нам не годится, оказавшись нечистым на руку. «Когда его посылали в лес с его же малым, он из 11 сажени привез только 7 плах. Я и спрашиваю, – говорит приказчик, – а где же полсаженок? Да вот, весь тут. Это они с малым дома дров-то и скинули. А то еще Степан приходил да говорит: как бы чего не было? Филипп нас подговаривал из сараю набить воз сена ночью». – «А много ли за ним теперь наших денег?» – «Десять серебром». – «Ну тут уж не до денег, надо такого человека с рук сбить». – «То-то и я думал, да как его сбить-то? Это всякий станет деньги брать вперед да нарочно что ни есть сделает, чтобы согнали». И тут случай помог мне. На другой день после нашего разговора является ко мне незнакомый черный, высокий мужик. «Что тебе надо?» – «Явите, батюшка, божескую милость. Ваш работник Филипп меня больно обидел». – «Чем?» – «В прошлое воскресенье зашли мы с ним на постоянный двор. Дело было праздничное. Он меня угостил, и я его. Выпили на порядках. Я стал рассчитываться да распахнул грудь, а он у меня на кресте и увидал кошель. Там была красненькая, синенькая да рубль серебром. Рубль-то я достал, а те в кошель были. Нечего греха таить,

163

пьян был довольно. И легли мы с ним оба спать. Поутру проснулся: ни Филиппа, ни кошель на кресте: срезан». – «Об этом ты проси станového. Этого дела я разобрать не могу». Надо же было представиться такому стечению обстоятельств, что становой, который бывает у меня раза два в год проездом на следствие, явился в дверях в то же время, когда сильно опечаленный проситель уходил от меня. Я объяснил становойму дело, прося избавить меня от искусника Филиппа, но так, чтоб он по злобе не наделал какого зла. Проситель-мужик объяснил свою претензию, становой в тот же день через сотского вытребовал Филиппа, и я рад был, что мои 10 р. исчезли вместе с ним. Во время весенней пахоты Тит, вероятно, попростудился и занемог. У него появился озноб, жар и головная боль. Как всегда в подобных случаях, употреблены были домашние средства, и через неделю больной видимо поправился, но на работу не вышел; проходят еще три дня, другие в поле, а он в избе. Наконец он приходит ко мне.

– Позвольте мне до двора.

– Да ведь ты слаб?

– Я как-нибудь дойду.

– Когда же ты придешь?

– Как поправлюсь. Дело Божье. А может, я и все лето прохвораю. Власть Божья. А мне позвольте домой.

– Ты был болен?

– Был.

– Тебя заставляют работать?

– Нет.

– Лечили?

– Лечили.

– Ты здоров?

– Здоров. Да я слаб, не смогу работать.

– Не работай. Но домой тебе незачем. Ты можешь идти, коли хочешь, самовольно; но я тебя не отпускаю.

На другой день спрашиваю у кухарки, где Тит?

– Он с утра ушел домой.

– А как он теперь ест?

– С рабочими за стол не садится, а как они со двора, так только и подавай.

Ест как должно.

На этот раз случившийся в нашей стороне исправник, которому я объяснил дело, помог беде. Послали сотского на подводе за Титом.

– Сколько ты забрал денег?

– Пятнадцать рублей.

– Как же ты смел без позволения уйти оттуда, где забрал вперед деньги?
Ступай, и если ты через три дня не будешь на работе, то тебя сотский представит
в уезд. Там доктор тебя освидетельствует: болен – в больницу; здоров – на
заработки пятнадцати рублей. Ступай.

На другой день я нашел Тита под навесом; он справлял телегу.

– Что, Тит, знать лучше тебе стало?

– Маненько отошло будто.

На третий день рано утром он был на пашне с товарищами, а осенью, отходя в срок,
объяснял, что, если бы не нужда дома, остался бы еще жить. «Много доволен и вами
и приказчиком», – и за две прогулянные недели прислал дожить бабу.

XII. Систематическая потрава

Около половины мая, когда трава уже значительно подымается в лугах, однажды
вечером, при вечернем рапорте, приказчик объявил мне, что у нас на лугу свежие
следы конские.

– Надо, – прибавил он, – взять кого-нибудь верхом и часу в первом ночи
изъехать в луг.

– Хорошо. Возьми кого-нибудь из кучеров.

На другое утро, увидав его, спрашиваю:

– Ну что, были в эту ночь?

– Помилуйте, да мы с кучером Ефимом сели в полночь на лошадей – да в луг.
Только что поднялись на пригорок, глядим, а на нашем лугу человек десять з-ских
и к-ских мужиков запустили табун лошадей в сорок. Мы к ним. «Что ж это вы,
ребята, делаете?» – говорю я им. Они на нас. Тут по голосу я узнал нашего
прошлогоднего работника Ивана, да и говорю ему: «Как же тебе не стыдно, Иван, на
такие дела пускаться?» Ну, он немного и того – будто поедался. А те, з-ские, ко
мне, кричат: «Бей их! Мы вас отучим по ночам шляться. Вяжи их, ребята!» Ефим
видит, дело плохо, повернул лошадь да прочь. А я соскочил с лошади, да и говорю:
«Ну, коли вы разбойники, вяжите меня». Тут уж Иван стал их уговаривать, и
согнали лошадей. Пуще всех фомка з-ский озорничал. Я ему сегодня стал на меже
говорить, а он мне: «Чего ты? Я тебя и в глаза не видал».

Однако становой допросил Ивана, уличил и наказал фомку в пример другим, – и
потрава лугу из систематической превратилась, по крайней мере, в эпизодическую.
О мелких, тем не менее в совокупности весьма ощутительных потравах я говорил уже
столько, что не хочу дальнейшим о них воспоминанием тревожить себя и докучать
читателю.

165

XIII. Философия и история одной молотильной машины

Найдутся, вероятно, читатели, которых может заинтересовать обещанное будничное
отношение крестьян к новому для них и для всех вольному земледельческому труду;
а быть может, тем же читателям никогда не доводилось видеть молотилки или
составить себе о ней ясное понятие.

Для них я мог бы ограничиться немногими словами, а именно: молотильная машина
есть снаряд, состоящий из двух главных частей: привода и собственно молотилки.
Привод – зубчатое горизонтальное колесо, вращаемое вокруг неподвижной оси
рычагами, к которым припряжены лошади, и сообщаемое посредством врытого в землю
вала (незримого) вращательное движение так называемому маховому колесу. Самая
молотилка – ящик с горизонтально вращающимся цилиндром, вооруженным железными
зубьями, проходящими в своем движении от подобных же неподвижных зубьев на таком
расстоянии, что зерна растений не раздавливаются, а только выбиваются из
оболочки и отделяются от стебля. На наружной стороне молотильного ящика, на
самой оси цилиндра, небольшое колесо. Стоит связать это колесо с маховиком
привода посредством ремня и заставить лошадей ходить и двигать рычаги (водилы),
как беспощадные зубья цилиндра начнут протаскивать через одно отверстие ящика
подносимые к ним растения и выбрасывать их истерзанными в противоположное. Вот и
все. Стоит ли об этом толковать долго? Так думаете вы. Но для меня молотильная
машина имеет не одно значение. Мы видели выше, что она не только работник, но и
регулятор работ, самый бдительный надсмотрщик. Пока она работает, никто из ее
помощников не может не работать. Но всего этого мало. Посмотрите на этих бедных
лошадей! С каким усилием, с какою ревностью тащат они за собою тяжелые водилы!
Как задней, по ее мнению, лошади, хочется догнать переднюю! Сколько пути
придется несчастной четверне пройти в один день! И завтра то же, и послезавтра
опять, и опять то же! Бедные животные! Они без отдыха идут вперед и вперед, все
с одинаковым напряжением, и увь! все по тому же заветному кругу, из которого им
не дано выступить ни на шаг. И как бескорыстно-добросовестны эти усилия! Вот
оно, истинное искусство для искусства! Трудолюбивые двигатели, они и не замечают
скрытую под их же ногами связь с молотилкой, единственно от которой им так и
трудно совершать свой путь. Для постороннего поверхностного наблюдателя эти

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
двигатели заняты самым бесплодным и даже смешным делом вечно кружиться на одном
месте. Такая деятельность напоминает ему работу Данаид, и он с насмешливо
улыбкой уходит из небольшой пристройки, служащей театром

166

бесполезных кружений. * Точь-в-точь философская деятельность духа в обширном
значении, – думает поверхностный наблюдатель. – Неужели они не видят, что ходят
на привязи, с которой не могут сорваться? Вон, вон отсюда! Здесь душно, темно,
сыро: туда, в большой, светлый сарай – там, по крайней мере, кипит плодотворная
деятельность». Действительно, в большом сарае истории уже нельзя сомневаться в
результатах. Сокрушительные зубья цилиндра с быстротою молнии прохватывают все,
что бы им ни попало к роковому выходу. И очищенное зерно, и переработанная
солома вылетают из-под них могучим золотистым каскадом. Нет такого пророслого и,
по-видимому, никуда не годного снопа, из которого бы машина не выделила здоровых
зерен. Попадись препятствие, щепка, палочка, машина дрогнет, но препятствие уже
разлетелось прахом.

Все это прекрасно, господин наблюдатель, но отчего вы не постараетесь стать на
точку, с которой бы вы могли обозреть одновременно оба явления и уяснить себе
взаимное их соотношение? Вы бы сейчас заметили, каким сильным толчком отозвался
на лошадях-двигателях удар, полученный машиною от попавшей в нее щепки. Вы бы
поняли, что единственную целию механики было соединить в двигателях две силы:
центрального влечения и силу центробежную. При каждой отдельно взятой не было бы
самого движения и той плодотворной игры сил, которая вас так пленяет в большом
сараяе. Вам бы стало ясно, что движение во всем механизме одно, но что, будучи в
приводе горизонтальным, оно в молотилке переходит в вертикальное. Вы бы поняли,
что у хозяина две равносильные заботы. Первая, чтобы лошади шли тем естественным
ходом, на который рассчитан весь механизм, и не порывались придавать усиленными
движениями необычайной быстроты молотилке. Этого механизм не выдержит. Или
молотилка полетит вдребезги, или связь между ею и приводом лопнет. Вторая
забота, чтоб под могучие зубцы машины как можно реже попадали посторонние тела,
вроде щепок, камней и т. п.; в противном случае, при чрезмерном толчке,
произойдут те же самые явления, то есть порча машины или разрыв между ею и
приводом. Вам не случилось видеть этого разрыва во время самого хода, когда,
например, ремень соскакивает с маховика? Разумеется, машина еще прежним
импульсом повернется-повертит-ся да и остановится; но лошадей тут-то и не
остановишь. Откуда прыть возьмется! Они почувствуют удивительную легкость. Тут
уже философская деятельность переходит в софистику...

Но я слишком долго остановился на сравнении. Я хотел рассказать историю одной
молотильной машины и потому возвращаюсь к ней.

167

Во второй половине февраля по отвратительным дорогам обе машины, молотилка и
веялка, более или менее благополучно прибыли из Москвы по назначению. Имея в
виду средних рабочих лошадей, я при заказе просил г. Вильсона прислать мне
привод не о двух, а о трех водилах, что он и отметил в книге при мне. Присланный
привод, к сожалению, оказался о двух водилах. Делать было нечего; надо было
пособить этому горю домашними средствами. В мае, по условию, г. Вильсон должен
был прислать машиниста для установки машин на месте и приведения их в полное
действие. Однако май приходил к концу, а обещанный машинист не являлся, и
разобранные части машины лежали нетронутые. Я написал к г. Вильсону и получил
ответ, что машинист на днях должен выехать и явиться ко мне. Май и половина июня
прошли в напрасных ожиданиях. Я возобновил мою просьбу и получил новые уверения
в скорой высылке машиниста; но когда он и в последних числах июля не являлся, я
послал уже г. Вильсону письменные вопли, указывая ему на необходимость молотить
рожь для предстоящих посевов. На этот раз я не получил никакого ответа, и в
начале августа принужден был домашними средствами ставить машину. Не стану
описывать пытки, которую мне пришлось выдержать с неискусными в этом деле
деревенскими мастерами; довольно того, что машина наконец была установлена и,
худо ли, хорошо ли, стала молотить. Нужно прибавить, что она ломалась почти
ежедневно, а когда в конце осени наступила серьезная молотьяба, то я уже и
сказать не могу, сколько раз отдельные ее части пребывали в кузнице и на
орловском литейном заводе. Когда ролик, надавливающий горизонтальное колесо
привода на шестерню, после долгих и многообразных мучительных капризов
окончательно сломался, я вынужден был прибегнуть к помощи соседнего
машиниста-дворового. Разумеется, он нашел в машине все неудобным, условился
привести все в наилучший вид, взял с собою ролик, обещав установить его назавтра
самым прочным образом, выпросил задатку и уехал; через два дня мой посланный
вернулся с восстановленным роликом и известием, что механик уехал за полтора
верста и когда вернется – неизвестно. Вновь привертнутый ролик отлетел при втором
обороте колеса, и мое драматическое положение дошло до конца 5-го акта. Но тут

сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
судьба сжалилась надо мной и привела ко мне механика-дилетанта, который и
выручил меня из окончательной беды. По его указаниям исправленная и уложенная
машина молотила всю зиму, хотя и не совсем оставила милую привычку ломаться от
времени до времени. Легко представить, как сетовал я на г. Вильсона, от которого
уже и не ждал механика. С тем я и поехал в половине

168

декабря 1861 года в Москву и дня через два по приезде отправился к г. Вильсону.

– Однако, г. Вильсон, вы поступили со мною безжалостно. Я измучился над
вашею машиной.

– О! В этом отношении вы можете быть покойны, – был ответ. – Не вы одни на
меня сетуете. Я в нынешнем году надул всех моих доверителей. Это общая их участь
в нынешнем году.

Признаюсь, этот ответ так меня озадачил, что я на минуту замолчал, но тотчас же
прибавил:

– Я должен вам заметить, г. Вильсон, что в настоящее время готовлю статью
о сельском хозяйстве и считаю моим долгом рассказать в ней все наше дело, как
оно было.

– Я вас даже сам буду об этом покорнейше просить. Тогда, быть может,
войдут и в мое положение. Вот в этом ящике у меня восемь паспортов машинистов.
Все они забрали вперед по семидесяти да по восьмидесяти рублей серебром и
поехали ставить машины по покупателям, да вместо того разъехались по своим
деревням. Писал я, писал к местному начальству и пишу до сих пор, паспорта у
меня; но ни денег, ни мастеров по сей день не вижу.

На такой красноречивый довод я не нашелся ничего сказать. Впрочем, г. Вильсон
обещал непременно прислать ко мне машиниста в нынешнем году. Посмотрю, буду ли я
на этот раз счастливее.

XIV. Скачка по гречихе и последствия скачки

Прошлогодний яровой клин мой, большую часть которого, по возвышенному положению,
можно обозревать из усадьбы, одною стороною прилегает к землям деревни П<лоть>, а
другую к значительной даче О<ловеникова>. На эту сторону о<ло- веников>ские
крестьяне выезжали всю барщиной подымать пар, и мы принуждены были бдительно
наблюдать за тем, чтобы лошади, пасущиеся на пару, не побивали нашего ярового.
Однажды – это было тотчас после обеда – приказчик заметил о<ло- веников>ского
крестьянина, без церемонии проехавшего верхом с своей межи на противоположную,
прямо через наши овес и гречиху. Верховой проехал в деревню П<лоть> и очевидно
должен был возвращаться к своим тою же дорогой, то есть опять по хлебу. Ближе к
усадьбе наши рабочие в свою очередь подымали пар. Приказчик, выждав немного,
поехал верхом на жеребце на перехват проехавшему верховому; но вместо верхового,
поднимаясь на пригорок, захватил пешего мужика, шедшего по хлебу в одном с
исчезнувшим верховым направлении. Я в это время

169

гонял на корде лошадь и, увидав сначала верхового, а потом пешего мужика,
захотел лично убедиться, что за причина такого бесцеремонного путешествия по
моему яровому? С этою целию я пошел пешком вслед за уехавшим приказчиком. Еще
далеко не дошел я до ярового, а приказчик уже поворотил мужика к усадьбе, куда
он и пошел видимо без всякого сопротивления. Продолжая идти навстречу идущему ко
мне крестьянину, я решился быть как можно хладнокровнее.

– Что же это вы, ребята, – говорю я подошедшему крестьянину, – среди
белого дня и ездите и ходите по яровому? Разве это хорошо? Я на вас буду
жаловаться.

– Виноваты, батюшка, грех такой случился.

– Какой тут грех! Если б еще лошадь занесла, а то я сам видел, как сперва
малый проехал рысью через весь клин, а за ним и ты пошел, как будто так и
следует.

– Виноваты, батюшка.

– Ты о<ловеников>ский?

– Точно так.

– Как тебя зовут?

Он назвал себя по имени, отчеству и двору, и я записал его в памятную книжку.
После этого я хотел его отпустить; но вспомнив, что он мог назваться вымышленным
именем, я спросил еще раз, точно ли он тот, кем назвался. «Да меня ваших два
работника знают». Небольшой луг отделял нас от наших рабочих, и поэтому я позвал
его дойти до них для справки. Показание его оказалось верным, и я его отпустил.
В эту минуту на глазах у всех нас происходило довольно оригинальное зрелище.
Вернувшийся на клин приказчик столкнулся с возвращавшимся через наш клин
верховым мужиком. Увидев приказчика, мужик пустил лошадь по гречихе во весь дух.
Но приказчиков жеребец скоро догнал лошадь крестьянина, и, несмотря на увертки
последнего, было ясно, что угонки через две мужик будет пойман. Убедясь в

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
невозможности отвертеться верхом, мужик соскочил с лошади и стал делать пешком
такие зигзаги, что ему позавидовал бы любой заяц. Брошенная мужиком лошадь
побежала к своему табуну, а приказчик, видно, в свою очередь смекнул, что ему
верхом не уследить за изворотами пешего. Соскочив с жеребца, он пустился пешком
догонять мужика. «Э-э-эх! догонит он его! И-и-ишь, как припустил!» – раздавались
возгласы наших рабочих. Действительно, в минуту мужик был пойман. По-видимому,
не одних наших рабочих заинтересовала происходившая сцена. Оловениковские
мужики, побросав сохи, гурьбою двинулись к меже; отпущенный мною мужик подошел к
борцам, я тоже пошел к ним навстречу, а они все трое
170

повернули ко мне. Этим и следовало окончиться всей скачке и беготне, но судьбе
было угодно еще усложнить дело. Брошенная спасавшимся мужиком лошадь, вероятно,
была матка, и потому приказчиков жеребец понесся за нею следом и скоро очутился
на чужой земле, в чужом табуне. Заметив бегство жеребца и боясь, чтобы чужие
лошади не избili его в табуне, приказчик оставил шедших ко мне навстречу мужиков
и бросился со всех ног в погоню за жеребцом. Взволнованный и ошеломленный
собственным усиленным движением, он мчался как угорелый к чужой меже, но не
успел он добежать до нее, как вся барщина с криками и гиканьями кинулась на
него. На этот раз уходить пришлось уже ему, и он бросился бежать в мою сторону,
с каждым мгновением отделяясь все более и более от гикающей и бегающей по моему
овсу барщины. Между тем оба мужика, старый, отпущенный мною, и молодой,
пойманный приказчиком на гречихе, подошли ко мне.

– Как же это ты нашел конную дорогу по хлебу?

– Батюшка, позвольте мне вашего кнутика, – обратился ко мне старик.

– На что тебе?

– Да одолжите на одну минуту.

Не понимая, в чем дело, я передал старику арапник. В то же мгновение молодой
парень в белой рубахе упал на колени и пополз ко мне, а старик начал его
преусердно хлестать по спине, приговаривая:

– Это сын мой, батюшка!.. Я из-за тебя, подлеца, сам душой покривил на
старости лет. Как вижу, что он поехал по хлебам, и я, делать нечего, побежал,
хоть в П-лотах перенять его. Вот тебе наука: во всю жизнь не забудешь
отцовского наставления. И не проси милости.

Я уже вынужден был укротить пыл расходившегося не на шутку старика. В это время,
преследуемый издали ревушею барщиной, приказчик добежал до меня с воплями, что
разбойники хотят его убить и не отдадут убежавшего жеребца.

– Что за вздор ты говоришь? – перебил я его возгласы. – Что за чепуха там
у вас творится? – обратился я к старику.

– Да все с глупого, знать, разума, – отвечал старик. А между тем я
быстрыми шагами пошел навстречу бежавшей по овсу толпе. Оба мужика и приказчик
неподалеку следовали за мною. Увидев меня, несущаяся фаланга тотчас же
заколебалась и, оборотись назад, медленно пошла на свою межу. Только человек
десять левого фланга, стоявших не на овсе, а на лугу, сбились в кучу на дороге и
отступали так медленно, что я мог их догнать.

171

– Что вы тут делаете?

– Да мы так. Да нашего парня изловили. Да мы ничего. Мы, значит, только
так, значит, – слышалось из толпы.

– Разве вашего парня обижали или били? Разве вы судьи в своем деле? Разве
можно оравой бегать по чужому хлебу? Отчего же вы не даете жеребца?

– Да все, батюшка, сдуру, – перебил меня шедший за мною старик. – И уйдут
все, и сейчас сами поймаем и приведем жеребца.

Все сказанное стариком было немедленно исполнено, и мир восстановился.

Сами факты небольшой трагикомедии так красноречивы, что я не прибавлю от себя ни
слова.

XV. Исполная десятина

Выше было говорено, что предшественник мой, не управляясь с запашкой, был
вынужден отдавать большую ее часть исполу, то есть за пользование отдаваемою
землею получать только половину продуктов свезенными и сложенными на гумно. По-
видимому, что может быть проще и удобнее этой системы, тем более что чистая
прибыль, получаемая при наилучшей организации полного собственного хозяйства,
если взять в соображение все сопряженные с ним расходы, едва ли превысит прибыль
испольную. Наемщик при обработке исполной десятины не менее хозяина
заинтересован доброкачественною подготовкою почвы и охранением хлеба от побоев и
потрав. Чего же лучше? и покойно, и безубыточно. Но дело в том, что наемщик,
своя с вашего поля половину продуктов, тем самым лишает вас возможности
удобрять его, и в несколько лет земля будет совершенно истощена. Всякая система
где-нибудь да пригодна. Может быть, в Малороссии, где, по большому количеству

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
нови, возможно обходиться без удобрения, испольная раздача земель действительно
выгодна, а не разорительна, но в наших местах об этом не может быть и речи. Как
мы видели выше, половина моей озимой запашки в прошлом году была моим
предшественником роздана исполу, и хотя я записал по порядку имена главных
съемщиков и количество снятых каждым из них десятин, тем не менее весной не мог
понять, как они разберутся с своими участками. Главные наемщики раздавали свои
участки дробными частями, что привело к окончательной запашке и уничтожению меж,
которые мне по окончании осенних работ пришлось восстанавливать с невероятными
усилиями. Можно ли вести вольнонаемное хлебопашество без ясно обозначенных меж?
Если, как мы видели,
172

так трудно уберечь сенокосы, то еще труднее уберечь отаву, и потому в наших
местах тотчас по уборке сена на луга пускают скот на подножный корм. Это время
самое утомительное для рабочих, и потому, скрепя сердце, иногда проходишь
молчанием небольшие побои и потравы, причиненные в ночном собственными лошадьми,
под надзором истомленных дневными трудами рабочих. Когда у нас не будет потрав
со стороны соседей, явится травосеяние и с ним ночное продовольствие рабочих
лошадей на конюшне кошеным кормом. Тогда прекратится и нелепая, обременительная
для рабочих гоньба в ночное, отрадная для одних конокрадов. Но скоро ли наступит
для русского земледелия это вожделенное время? Недели через две после уборки
сена я узнал, что ночью наши лошади наделали следов по ржи. Я велел подтвердить
рабочим о более бдительном надзоре; но не делал из этого никакой истории, тем
более что потоптанной ржи не поможешь. Рожь поспела и, усердно принявшись косить
собственный посев, я дал знать половинщикам, чтоб и они принимались за работу. В
самый ее разгар, проезжая окраиной луга, недалеко от одного из наемщиков я
заметил, что он машет, делая знак, чтобы я остановился. Я задержал лошадь, и
мужик пошел ко мне навстречу.

– Что тебе надо? – спросил я его.

– Потрудитесь, батюшка, доехать до моей десятинки. Извольте посмотреть,
что тут такое, – продолжал мужик, когда мы остановились около его десятины,
вдоль которой пролегали два или три следа, а пятая часть была значительно
спутана.

– Что ж мне, батюшка, с нею делать? Ведь вот это место ни сжать, ни
скосить. Мы уж было зачали, да измучились.

– Во-первых, ты говоришь вздор. Спутанная рожь, я вижу, недурна, и ее
можно сжать. Да к чему ты меня привел сюда? Чем же я тебе могу пособить?

– Мне, батюшка, очень обидно. Вот рядом тоже моя десятина; я про ту ничего
не говорю, та цела, а эта извольте видеть! Больно обидно. Уж вы прибавьте
что-нибудь за побои. Пастух сказывал, это ваши работники в ночном потоптали.

– Ты прежде ее всю сожни и скоси, да сложи в копны. Видишь, немного
остается. Вечером я буду тут проезжать, и тогда мы с тобой перетолкуем.

– Слушаю, батюшка.

Действительно, я подъехал к этой десятине в то время, когда скашивались
последние копны.

– Ну что? сколько копен стало на ней? – спросил я.

– Да восемнадцать копенок. Что ж, батюшка, положите что-нибудь.

173

– За что же я тебе стану платить? Я с тебя ничего не полагаю за то, что
смотрел за вашими десятинами так же, как за своими, все лето. И хвастать мне
этим нельзя. Зная, что хлеб испольный, я берег столько же свое, как и твое, а
если грех случился над нашим общим хлебом, то грех пополам: мы терпим убыток
пополам.

– Да мне-то уж больно обидно, батюшка! Скотинка-то твоя, и твои рабочие
побили хлебушка. Ведь я его год ждал.

– Разве я меньше ждал? Подумай, чего ты у меня требуешь. Нашу общую с
тобою десятину потоптали рабочие, потоптали, как оказывается, не больно ей во
вред. Ты видишь, рядом с твоими десятинами у меня в целом ярусе стало не по
восемнадцати, а только по одиннадцати копен, и за это ты с меня же хочешь взять
деньги. Ты говоришь, что твоя работа пропала. Изволь, я тебе заплачу за твои
семена и за работу, а ты отдай мне весь хлеб.

– Нет, как можно!

– Не то выбирай любую из моих десятин. Там одиннадцать копен, а у тебя
восемнадцать.

– Да ведь эта какая десятина-то! Это новь. Мне ее-то уж больно жалко. Вам,
батюшка, следует за побой выворотить с твоих работников.

– Как же я с них стану выворачивать? Уговору у нас такого не было, и
теперь я не в силах этого сделать.

– Ты, батюшка, скрути-ка их хорошенько, так они духом виноватого найдут.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Ты их во как скрути, – прибавил мужик, сжимая свой кулак, – чтоб из них,
подлецов, сок потек.

– Значит, ты хочешь, чтобы я судом с них требовал уплаты за побой. Но я на
них не ищу, а если ты такой ретивый и добрый человек, что желаешь у нас порядки
завести, ступай, проси на них. Я от себя дам восемнадцать серебром на хлопоты.

– Нет, кормилец, лучше вся десятина пропадай, чем по судам за нею ходить.
А вы их сами прикрутите, так небось! Что на них глядеть-то? Мошенники, только
деньги брать, а хозяйского добра не жалко!

Убедясь окончательно в невозможности вразумить мужика, я переменял тон и
объявил, что если он не согласен ни на одну из предлагаемых мною сделок, то
ничего не получит.

Тем дело и кончилось, что не помешало тому же крестьянину поздней осенью
возобновить свою попытку сорвать с меня хотя что-нибудь. Он приходил опять
толковать о том же и так же безуспешно. Пробуют.

Выше я упомянул о возке зернового хлеба на рынок, в противоположность с возкою
песку; теперь скажу об этом предмете

174

несколько слов. Осенью я запродал часть ржи орловскому купцу, обязавшись
доставить хлеб к известному сроку. Прослышав, что мне нужны подвод, окрестные
крестьяне с разных сторон частенько приходили ко мне наниматься за
тридцатипятиверстное расстояние. Первый запросил с меня неслыханную цену 60
копеек серебром с четверти, то есть около 8 копеек с пуда. Я не давал ему и
половины, и он уехал. Но ни странно ли, что мужики, приезжавшие вслед затем из
совершенно других местностей, затвердили те же 60 копеек?

Вечное «как люди так и мы» у них не только переходит из уст в уста, но, кажется,
разлито в воздухе. Была единственная надежда на Алексея-плотника, простоявшего у
меня с артелью все лето. Он заблаговременно объявил мне, что не только пришлет
подвод шесть своих, но соберет еще охотников в своей деревне. Не дороги мне были
его шесть подвод, а нужен был его пример. Я знал, что, повези он на шестерне
хотя по три копейки с пуда, все повезут по той же цене. Дорожить двумя-тремя
лишними рублями он не мог, получая у меня, по душе, многое без ряда. Но и тут я
ошибся, – и он стал дожидаться каких-то людей. Наконец снег выпал, и охотников
по назначенной мною цене, даже с уступкой, явилось много.

XVI. Федот и праздник Михаила Архангела

Хотя мимо меня, в полуверсте, пролегает старая мценско- курская большая дорога,
но по случаю шоссе почтовые станции на ней упразднены и спасительные в зимние
метели старые ракиты безжалостно истребляются соседними крестьянами и
проходящими гуртовщиками. Зато почти на половине пути, на самой большой дороге,
сидит зажиточный, некогда богатый двор Федота. Отец Федота, бывший крепостной,
откупился с своею семьей на волю, купил у барина сто десятин земли, в том числе
несколько десятин строевого дубу, выстроил на большой дороге постоянный двор и на
превосходных лошадях держал вольную станцию. Старик, само собою разумеется, был
отличный хозяин, держал детей в страхе Божиим, и семейство при нем процветало.
Двор их я знаю уже лет двадцать пять и помню их патриархальный быт еще в то
время, когда теперешний хозяин Федот и пьяный брат его, мценский ямщик, возили,
молодыми парнями, проезжих на превосходных отцовских лошадях. Этот промысл
перешел к ним от отца, но мало-помалу – особенно стало это заметно в последние
три-четыре года – все у Федота пошло под гору. В праздник Федот неминуемо пьян,
и добрые лошади от дурного корму и присмотру еле-еле таскают проезжие экипажи.

175

Как бы то ни было, за неимением почтовых, нам при поездках в Мценск приходится
или высылать своих на подставу к Федоту, или, доехав до него, брать его лошадей.
Шестого ноября мне нужно было побывать в Мценске, куда должен был приехать и
Ш<еншин>. Дорога от осенних проливных дождей была отвратительная; тем не менее я
доехал до Федота на своих без особых приключений. Федота не было дома, так
называемая горница для проезжих была не топлена, чего в прежние времена не
случалось, и я был вынужден отогреваться в общей избе, состоящей из двух старых,
покривившихся и подпертых срубов. Трудно себе представить более грязное и
запущенное человеческое жилище. Я застал двадцатилетнюю хозяйскую дочь одну,
если не считать старуху-мать, от головной боли валявшуюся под грязным полушубком
на лавке. Девушка, сама в грязной рубахе и не менее грязном сарафане, мела
дырявый скачущий пол, покрытый перьями.

– Или кур щипала? – спросил я ее, закуривая папироску и начиная ходить
взад и вперед по избе, чтоб отогреть ноги.

– Как же, к празднику, к Михайлу Архангелу. У нас престол. Уж я их щипала,
щипала! В одни руки. Ишь мать-то от головы другую неделю валяется.

Проходя назад и вперед от двери к печке, я заглянул в так называемую загнетку
(площадку перед устьем). В углу ее, небольшою пирамидой, возвышались обгорелые,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
паленые бараньи головы.

– Эка вы баранов-то надушили. Куда вам такая пропасть, пять баранов?

– Там их шесть, – отвечала девушка не без гордости. – Как же? праздник!
Все поедят. Священники будут.

Овца у нас стоит три рубля серебром и весит около пуда, подумал я. Куда такую
пропасть мяса одиноко сидящему двору? Да и какой расход!

Девятого ноября мы с Ш<еншиным> на усталых лошадях приближались на возвратном
пути к усадьбе Федота.

– Кажется, – заметил Ш<еншин>, – придется нам сегодня долго дожидаться,
пока соберут тройку. Федот теперь или лежит, или сидит с красно-сизым носом, и
толку долго не добьешься.

На пороге сеней нас встретил какой-то залихватски развеселый парень в синем
кафтани и красной рубашке.

– Извольте, господа, лошадок спрашивать? В ту же минуту соберут.

Про Федота мы и не спрашивали, в уверенности получить неизбежный ответ:
«Отдыхает, того, маленько выпивши».

176

Афанасий Фет. Мария Петровна Фет.

Фотография Ф. Мебиуса. Нач. 1860-х гг. Москва. Государственный литературный
музей

Усадьба А. А. Фета в Степановне. Фотография 1920-х гг. Музей И. С. Тургенева в
Орле

Куртавнель. Рис. П. Виардо. 1859

Иван Сергеевич Тургенев. Фотография А. Бергнера. 1856 г. Петербург

Полина Виардо. Фотография середины 1860-х гг. Баден-Баден

Берлин. Новый музей. Главная лестница. Гравюра А. Г. Пайна. 1850

Берлин. Вид на Новый музей (справа) и Старый музей, соединенные колоннадой.
Гравюра А. Г. Пайна. 1850

«Падение Вавилона». Гравюра Мерца с фрески В. Каульбаха. Берлин. Новый музей

«Цветущий век Греции». Гравюра Рааба с фрески В. Каульбаха. Берлин. Новый музей

В. Каульбах.

Фотография Ф. Брукмана.

1864

«Реформация». Гравюра Г. Айлера с фрески В. Каульбаха. Берлин. Новый музей

Берлин. Новый музей. Египетский зал

Колоссы Мемнона. Гравюра В. Френча с картины В. Ширмера. Берлин. Новый музей

Берлин. Новый музей. Греческий зал. Гравюра А. Г. Пайна. 1850

Берлин. Памятник Фридриху Великому

Берлин. Заведение Кроля. Гравюра 1856

=idm

Дрезден.

Цвингер

Дрезден. Здание первого оперного театра (не сохранилось). Гравюра 1849 г. с рис.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Г. Земпера

Париж. Вандомская площадь.
Гравюра Д. Лансело и О. Тритона. 1855
Статуя Наполеона I работы Г. Серра, установленная на Вандомской колонне.
Гравюра

Париж. Двор Дома Инвалидов. Гравюра Д. Лансело и О. Тритона.
1855

Париж. Пантеон. Гравюра Э. Терона и О. Тритона. 1855

Париж. Новый мост. Гравюра Д. Лансело и А. Этеренгтона. 1855
Париж. Статуя Генриха IV на Новом мосту. Гравюра Э. Терона и О. Тритона. 1855

Кладбище Пер-Лашез. Гробница Абеяра и Элоизы

Париж. Базилика Сен-Дени.
Надгробие Людовика XVI и Марии-Антуанетты

Боргезский боец, или Гладиатор Боргезе. Римская копия с греческого оригинала
Агасия из Эфеса. Лувр

Рафаэль. Святое семейство (так наз. «Прекрасная садовница»). Лувр
Каково же было наше удивление, когда в дверях перегородки показался Федот, да
еще совершенно трезвый,

– Что это ты, Федот, не пьян? – спросил его Шеншин.
– Нет, будет. Вчера точно, сильно было в голове, а сегодня не надо.
Сегодня я еще ни-ни, маковой росинки во рту не было, а не то что пьян.
– А вчера-таки справил праздник? – спросил я его в свою очередь. – Кто же
гости-то были?

– Да вот, парень-то, что, может, видели в сенях, это мой зять с женою;
кое-кто из ближних соседей, человек пять было, может статья; да причет
церковный. Как же, нельзя! Не то что кто-нибудь; надо угостить как должно.
Нельзя же.

– А сколько, скажи-ка правду, стал тебе вчерашний праздник?
Как-то бойко подмигнув одним глазом, Федот наклонился ко мне и вполголоса
произнес: * Рублей в пятьдесят серебром обошлось. Я тут не считаю домашнего,
муки, крупы, картошек».

Вот отчего, подумал я, так тупы стали его лошади. Мало ли годовых праздников, и
если каждый стоит ему хоть в половину против престольного, то денег, необходимых
в хозяйстве, пропразднуется немало. Нам запрягли лошадей, и я потребовал счет,
который, по недостатку мелочи, редко у нас бывает очищен копейка в копейку.
Сосчитав мой расход, Федот лукаво поглядел на меня и скинул две косточки на
счетах.

– Эти два рубля за мною были еще с позапрошлого разу, – сказал он.

– Каких два рубля?

– А помните, вы проезжали в коляске, да за четверку следовало три рубля, а
вы мне дали ассигнацию. Я посмотрел на нее, отправя вас с малым, а там не три, а
пять рублей. Думал я, ошибся ли это он, или пытается меня. Верно, спросит. А вот
вы и в другой после проезжаете, а не спрашиваете. Зачем же мне даром
пользоваться?

Я очень рад, что пришлось окончить мои заметки рассказом об этом отрадном факте;
а то, быть может, и читателю, так же как и мне, не раз приходил в голову
нижеследующий вопрос.

XVII. Вопрос

Отчего в моих заметках выступает преимущественно темная сторона нашей
земледельческой жизни?

Ответ прост. Я ничего не сочинял, а старался добросовестно передать лично
пережитое, указать на те, часто непобедимые препятствия, с которыми приходится
бороться при осуществле-

177

нии самого скромного земледельческого идеала. Затруднений и препятствий много –
но где средства устранить их и сровнять дорогу всему земледельческому труду,

этому главному, чтобы не сказать единственному, источнику нашего народного благосостояния? Наше правительство и наши передовые люди деятельно заняты разъяснением и разрешением многообразных задач, связанных с этим вопросом. Даже в литературе нельзя отрицать темного стремления по этому пути; но как странно выражается порою это стремление! Сколько, например, говорится у нас о пауперизме и пролетариате! Наши публицисты из всех сил стараются доказать неудобство и зловредность колоссального пролетариата в государственном организме. Нельзя предположить, чтобы люди, пересыпающие перед публикой все возможные экономические теории и в сжатых очерках, и с мелкими подробностями, сами не понимали социально-экономических моментов народной жизни – не понимали бы, что при редком народонаселении и огромном количестве нови возможно и в некоторых отношениях удобно общинное землевладение, делающееся при густом населении и малоземельности невозможным, – не понимали бы, что пролетариат – следствие, с одной стороны, густого населения, а с другой – вызываемых самую необходимостью машин, – что он седины гражданственности и не может появиться при ее зачатках. Что такое страна пролетариата, в двух словах? Страна, где руки ищут работы, а работы нет. Что такое Россия? Страна, в которой необходимейшая работа ищет рук, а рук нет. Не очевидно ли, что у нас в настоящее время забота об устранении пролетариата не иное что, как заботы ленивого мальчика, который, вместо того чтоб учить латинские склонения, становится пред зеркалом и говорит: «Когда я буду большой, у меня вырастут усы и борода. Усы я буду завивать, как дяденька, а бакенбарды запущу, как у папаши». Действительно, при благоприятнейших условиях к умножению народонаселения и у нас лет через 500, может быть, вырастет борода пролетариата. Но что тогда будет, никто не знает; а если тогда будут журналы, то они на досуге побеседуют об этом предмете.

С вопросом о свободе сам собою возникает вопрос об образовании. Общество может руководиться или законом произвола, или законом разумной необходимости, будет ли этот закон отыскан сверху, снизу или из середины. Но накопление знаний, обуславливающих образование, требует напряженной специальной деятельности, большею частью несовместной с чисто материальными заботами, поглощающими всю жизнь большинства. Эта вековая истина только все более и более разрастается по мере ежедневно расширяющегося круга науки. Десятилетним

178

Каину и Авелю достаточно было десяти вечерних уроков матери для того, чтобы выдержать полный докторский экзамен во всех возможных науках. Недаром немецкий поэт говорит:

Es gab kein Buch in ganz Athen,
O! schreckliche Verworfenheit!

Man wurde vom Spazierengeh'n Und von der Luft gescheidt*.

Увы! куда девались эти удобные, покойные времена? Мальчик не успеет еще пройти доисторических фактов, как новейшая история в один день Севастополя и Сольферино наготовит их ему столько, что бедняк с ними и в неделю не управится. Ясно, что полное умственное образование, равно как и богатство, не каждому доступно по его материальным и моральным средствам. Эти роскошные плоды, возбуждающие общую деятельность свою хотя бы и отдаленною красотой, растут на ветвях дерева под ласкающими лучами солнца и уже оттуда, зрелые и плодотворные, падают к корню. Государственное хлебное дерево одновременно и распускается, и цветет, и оплодотворяется, и завязывает плоды, и выманивает их до окончательной зрелости. Как же, однако, тут быть? Не мы первые и не мы последние живем на свете. Есть же государства благоустроенные, где местные законы вытекли из исторической необходимости и где эти законы глубоко уважаются массой народа, массой, которая между тем никак не может похвастать, чтобы в ней повсеместно было развито образование. Стало быть, там у них есть еще какая-нибудь сила, вследствие которой скромный листок подчиняется общей гармонии растительности, чтобы в свою очередь пройти, быть может, через все ее фазы до зрелости сочного плода? Есть, и это сила не столько научное образование, доступное немногим, сколько воспитание, доступное всем. Перенося наше сравнение из мира растительного в мир человеческих возрастов, мы тотчас увидим, что образование доступно человеку зрелому и невозможно в ребенке, которому между тем воспитание необходимо. Воспитание есть та нравственная почва, в которой кроется корень истинного образования. Без этой почвы самый образованный человек нередко является каким-то ученым дикарем, в котором, вопреки всем данным науки, бессознательно бродят неукротенные и неуравновешенные инстинкты. Образование живет в области мысли и знания, воспитание совершается в нра-

* Во всех Афинах не было ни единой книги,
О ужасное невежество!

Люди умнели от прогулок и от одного лишь воздуха (нем.).

179

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana вах. К чему лукавить? Образование нередко в своих тенденциях враждебно воспитанию. Одинаково ли с воспитанием смотрит образование, например, на рыцарскую месть за личное оскорбление? А представьте себе целый народ, в котором бы совершенно замерло это чувство чести, и поверьте, что самый образованный человек отвернулся бы от этой всеобщей и безвозмездной потасовки.

Благодатные плоды вечно творческого духа все ниже и ниже собственную тяжесть наклоняют к корню плодоносные ветви. Но на все свое время и свой черед. На безвременье ничего не бывает. Было время, когда верхушки нашей народности должны были оплодотворяться цветом иностранной цивилизации; тогда нам еще рано было думать о плодах, мы еще гордились ранними цветами, хотя много в них впоследствии оказалось пустоцвету. Еще в очень недавнее время титул человека воспитанного был лучшей рекомендацией. Но теперь верхние побеги начинают сгибаться под наливающимися плодами, и в атмосфере высшей интеллигенции одного титула воспитанности недостаточно. В этом кругу надо уже самобытно действовать, а благовоспитанный человек только никого не толкает, ничего не ломает, никому не мешает, а для самостоятельности может еще не иметь достаточных способов. Жизнь в этой сфере кроме воспитания требует от человека умственного образования. Зато для нижних ветвей, в свою очередь, наступает время расцвета и оплодотворения, которое совершится тем проще и естественнее, что за семенную пыль не нужно обращаться в чужой сад, а она найдется тут же на родном дереве.

Наступило время, настоятельно требующее общего народного воспитания. Здесь не место подробно рассматривать признаки и сущность воспитания, заключающиеся преимущественно в непоколебимом уважении к законности, личности и собственности. Остается только спросить, какими путями можно, с большей вероятностью, достигнуть желанной цели? Чтобы разрешить этот вопрос, надо сделать другой: что такое воспитание? Рядом с сознательным образованием воспитание при своем начале есть привычка свободно действовать в кругу ясно обозначенных неизменных законов, привычка, переходящая со временем в природу. Ребенку до тех пор неизменно говорят: не клади локтей на стол, не зевай в обществе, не толкайся, не становись к другим спиной, пока это не станет у него второю природой и ему самому не будет совестно и неловко нарушение этих правил. Только тогда можно ожидать, что он поймет, как нехорошо оскорбить другого невниманием и невежеством. Итак, первое средство к народному воспитанию – положительные и бдительно охраняе-

180

мые законы. Вы хотите правильного, свободного и нерутинного сельского хозяйства. Прекрасно! Действительно, тут малейший успешный пример весьма важен и может повести к благотворным последствиям. Я только что начал сеять яровую пшеницу, а уж один работник, видя успех, просил у меня семян для своего домашнего хозяйства. Оградите же честный труд от незаконных вторжений чужого произвола. Тут не нужно никаких крутых мер. Объявите самый небольшой штраф за каждую загнанную на полях скотину, например, хоть 25 к. серебром с лошади, штраф, без которого скотина не может быть возвращена хозяину, и т. д., и поверьте, что через год слово потрава исчезнет из народного языка. Но положительные нелицеприятные законы, внушающие к себе уважение и доверие, только один из многих путей к народному воспитанию. Рядом с ним должны прокладываться и другие, для внесения в народные массы здравых понятий взамен дикого, полуязыческого суеверия, тупой рутины и порочных тенденций. Лучшим, удобным проводником на этих путях может, без сомнения, быть грамотность. Но не надо увлекаться и забывать, что она не более как проводник, а никак не цель. Говорите: нужно во что бы то ни стало воспитание; это главное. Нам стыдно уже поступать в этом деле так же опрометчиво, как поступали некогда невоспитанные и равнодушные родители, которые совали указку в руки первому пьяному пономарю или французскому кучеру. Тяжел и высок нравственный подвиг духовных воспитателей народа. Этим воспитателям предстоит наперед глубоко проникнуться сознанием предстоящего подвига и простым людям объяснять, понятным для них языком, простые законы чистой нравственности, оставляя на время схоластические тонкости в стороне. Тогда Федоты перестанут гордиться язычески невоздержным празднованием престола, далеко превышающим их средства и потому разорительным для их семейств, которым они не могут дать человеческое воспитание.

ИЗ ДЕРЕВНИ <1863>

I. Кому следует гласно обсуждать возникающие вопросы новой земледельческой деятельности

Вот и еще земледельческий год, канувший в вечность. Он отошел в нее, тихий, безмолвный, бессловесный, преданный своей тяжелой, земляной, кротовой работе. Даже и этот последний эпитет не вполне выражает ее бесследность. Работа крота, быть может, на много лет обозначается рядом насыпей, а труд

181

земледельца с концом сезона исчезает бесследно. Как весной было голое поле – так

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana и осенью осталась та же голая степь. Какая разница тот же год на литературном, политическом или социальном поприще? Тут диковинок не перечесть, и все они на виду, на глазах у всех! Но все эти дикие явления остаются чужды нашей смиренно-земной деятельности.

– Что же у них там? – скажете вы. – Застой, неподвижность, равнодушие? Не беспокойтесь. Крестьянское дело, затронув всех, всех тронуло с места. Все говорит, действует, мечется, лезет из кожи. Работа – общий и едва ли не исключительный помысел. Рабочий – единственно модный человек. Он – герой нашего времени и знает это хорошо. За ним скажут во все стороны, и его стараются завербовать всеми средствами: кто паром под скотинку, кто земелькой под яровое, кто четвертью ржи до новины, кто водкой и, наконец, чистыми деньгами. Ясно, что при подобной деятельности землевладельческое дело становится постоянным предметом разговоров, соображений, планов и т. д. Что у кого болит, тот про то и говорит. Откуда же то странное явление, что землевладельческое дело, за некоторыми исключениями, не заявляет себя в печати, в которой между тем подняты все другие вопросы? Я не говорю здесь о каком-либо вопросе сословном, как, например, дворянском, в противоположность крестьянскому. Речь идет о чисто землевладельческой или, пожалуй, земледельческой деятельности. Подумаешь, что первостепенный вопрос о рабочей силе у нас – никого не интересует? Согласитесь, этого быть не может. Не потому только, что это было бы позорно, а просто потому, что неестественно. Почему же молчат землевладельцы?

Говоря о землевладельцах, я имею в виду общие интересы обеих, пока еще недоумевающих, сторон: дворян и крестьян. Те и другие пока единственные землевладельцы в России, и последние, с каждой, можно сказать, минутой, яснее и яснее понимая все благо совершившегося преобразования, все более и более зреют для нравственной солидарности с другим классом землевладельцев. Но, говоря о печатном обсуждении землевладельческих интересов, поневоле должно под землевладельцами почти исключительно разуметь дворян. Стало быть, дело стало не за умением писать, а также и не за отвагой. Откуда же препятствия? Со стороны журналов? Но неужели лично заинтересованная сторона не нашла бы у себя средств для особого органа? Допустить этого нельзя, а между тем таинственное молчание продолжается.

Дело в том, что большинство крупных землевладельцев служит и потому поставлено в невозможность не только пи-

182
сать о собственном деле, но и разуметь его основательно. Нельзя требовать, чтобы человек и служил где-нибудь в Мадриде, и основательно следил за своим делом в Самаре. А если нельзя утверждать, что все крупные землевладельцы непременно на службе, то от этого не легче: они все-таки не живут по деревням и волей-неволей плохие судьи в собственном деле. Кому же писать? Остаются средние и мелкие землевладельцы. Что касается до крупных, то кроме замеченного нами явления в этой среде, как и везде, наша русская жизнь любит подчас необъяснимое. Известно воспитательное влияние среды на человека. Понятно, почему итальянец знает толк в статуях, а черкес в лошадях. А у нас не диво землевладелец первой величины, который в течение одного часа, на одном конце кабинетного стола, приходит в негодование над деревенскими счетами, отражающими в себе неизбежные последствия общих экономических реформ, и углубляется затем, на другом конце того же стола, в выбор и сортировку журнальных статей с социалистическим оттенком. У нас бывают еще социалисты, воспитанные в преданиях откупа. Не наше дело порицать или оправдывать подобных господ, но невольно обращаешься к ним мысленно с вопросом: господа! если вы действительно так далеко отошли нравственно от своей среды, почему не разрываете вы окончательно всех материальных с нею связей? Подобный акт с вашей стороны был бы натурален, а теперь вы только плохие деятели и самые некомпетентные судьи собственного дела.

О мелких землевладельцах в деле публичного обсуждения земледельческих вопросов нечего много распространяться. К несчастью, не многим из них, остающимся в первобытной среде, удалось воспользоваться необходимою степенью общего образования, и, кроме того, самая деятельность их, по тесноте своего круга, исключает все нововведения, сопряженные с материальными жертвованиями. Остается сравнительно самый многочисленный круг средних землевладельцев, и здесь-то людям с общим образованием следовало бы не отказываться от гласного обсуждения землевладельческих вопросов, более или менее удовлетворительное разъяснение и решение которых так тесно связано с общим благосостоянием.

У средневековых немцев человек, поставленный вне покровительства закона, назывался *vogelfrei**. Это не римский *capite minor*** и не русский опальный. Над подобным человеком всякий мог тешиться, как ему угодно. Было время, когда присяжный

* Букв.: свободный, как птица (нем.).

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
** ущемленный в правах (лат.).

183

русский литератор тешился подобным образом над помещиком. Но и в то время нельзя было смотреть на это иначе как на детскую забаву, уже по одному тому, что большая часть производительной почвы находится в руках этого класса, и нельзя никакими риторскими воркованиями зашептать эту жизненную силу, как невозможно заклинаниями заставить самую мелкую звезду опоздать хотя на миг против календаря. А как ведет себя присяжный русский литератор в настоящее время, об этом мы поговорим в следующей главе.

II. Литератор

Казалось бы, в минуту благодетельных преобразований и на заре новых, не менее живительных, когда каждая русская грудь вздыхает свободнее и каждая десная в народе поднимается для крестного знамения, литератор станет уяснять темному человеку его грядущий путь. Ничуть не бывало! Вот вы, например, на отдаленном конце России, отклонились от всех партий и предались какому-либо специальному занятию – положим, земледелию. Всякое нововведение имеет для вас прямое и важное значение только в приложении к вашему делу. Вы спасены, вы укрыты от волнения мелких страстей и самолюбия? Вы спокойны? Ничуть не бывало! Приходит почта – вы вскрываете периодические издания и бросаете беглый взгляд на их страницы. Кончено! Вы непременно наткнетесь на такие диковинки, что вам делается вдруг и грустно, и смешно, и стыдно, и противно. Перед вами выступает ваш собеседник, русский литератор, во всей красоте своего безобразия.

Было бы странно от органа общественного самосознания требовать пассивного безмолвия перед тем или другим нововведением. Но обсуживать и судачить свысока – два дела разные. Литератор (слава Богу, нет правила без исключения) считает своим присяжным долгом отвечать на всякий вопрос: veto*. Вас коробит это детское veto, и вы только благодарите Провидение, что дела идут своим прямым ходом. Как выражение сознательной косности, veto литератора еще не оскорбляло бы нравственного чувства; но оно возмутительно своим притоком – струею демократизма, в самом циническом значении этого слова. Надобно сказать, в нашем простом народе нет ни малейших признаков этой струи. Это тот мотив, который в парижском театре для черни заставляет блузников выгонять чисто одетого человека из партера огрызками яблок. Только эту струей можно иногда

* запрещаю (лат.).

184

объяснять в литераторе то упорное непонимание самых простых вещей, о котором резонерство ребенка еще не может дать надлежащего понятия. Например, в отношениях между нанимаемыми и нанимающими, рекомендуется ли первым точность в исполнении договора и уважение к хозяевам, а последним снисходительность и человеколюбие к первым, – кажется, чего бы яснее и проще? Но литератор (какой бы он был литератор, если б он понимал такие простые вещи?) разом становится в ораторскую позу и восклицает: «А еще стремятся к уравнению сословных прав! Отчего же не рекомендовать того же тем и другим? » Литератор обязан видеть, что тут дело идет не о сословиях, а о положениях, из которых вытекают отношения лиц. А между тем известный вопрос: «Почему курица на улице, а не улица на курице?», – без сомнения, придуман остроумным мальчиком на смех, – и не нашлось достаточно тупоумного, чтобы задать такой вопрос серьезно.

Дорожают ли квартиры, литератор тотчас хватает крупного домовладельца и целые годы хлопочет только о том, под каким бы соусом почернее подать его читателям. О том же, что по законам естественным ни одной вещи нельзя продать по произвольной цене и что на повышение и понижение цен влияют тысячи причин, литератор и знать не хочет: он литератор.

фантазия древних недаром избрала эмблемой мудрости сову, которая только тогда поднимается на своих беззвучных крыльях для ночных поисков, когда смолкает и замирает день с его жизненным блеском и шумом. Глаза науки, как и глаза совы, не созданы для того, чтобы видеть днем, а для того, чтобы в ночи, мрачной для всех, отыскивать свою добычу. Витая в своем безмолвном мире, наука, по существу своему, не может заботиться о том, какое приложение получит ее открытие в жизни общей. Наука существует для науки, как благо для блага, исти- • на для истины. Но какое до этого дело литератору? Ему не нравится известный вывод науки, он с размаху прибавляет к ней эпитет скаредная и радостно плещет в своем шумном ручейке.

Возникает ли вследствие распространяющегося круга вольнонаемной деятельности вопрос об изменении паспортной системы, во избежание разных неурядиц, вместо того чтоб обсудить дело со всех сторон, литератор восклицает: «Помилуйте! к чему это? это вздор! это все пустяки!» Заходит ли речь о штрафах за порубки и потравы, без чего земледелие было бы окончательно невозможно при новом порядке вещей, у литератора уже готова фраза: «Эх господа! laissez passer, laissez

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana faire!»* Это напоминает

* позволяйте делать, кто что хочет! (франц.)

185

тех мужиков, которые говорят помещику: «Помилуйте, батюшка! на что нам новое положение! Мы вашей милости будем работать, как работали. Какие нам уроки?» Как? По-старому? Стало быть, и число дней, и подводы по-старому? «Нет, кормилец! Какие подводы и дни? Это по-новому, а уж работа – по-старому». Зайдет ли речь о важности изучения древних изящных произведений, и тут раздается голос: «По чистоте форм и новые не уступят старым (тут и Пушкин пригодится), а по ширине идей новые создания превосходят старые. Что касается гибкости и стройности мышления, то этого результата можно с меньшим усилием достичь и другими путями». Что уж тут значит ширина идей, одному Богу известно, а на деле это выходит мочальный хвост, который, для назидания, прицепляют к произведению. Этот мочальный хвост литературы потянулся у нас по всем отраслям искусства и даже жизни. Мы ничего знать не хотим. Нам давай поучительную музыку, таковую же поэзию, живопись, скульптуру – словом, все поучительное. Одна хореография отстала. Не думаю, чтобы новейший канкан был особенно поучителен... Виноват, виноват! Вот непростительный промах. К канкану-то, напротив, и сводятся все современные искусства, с тою разницей, что все остальные обязаны говорить о том, чего не следует делать, а канкан в очию показывает, что именно требуется. Гоньба за мочальным хвостом производится до того усердно и добросовестно, что в драме, в статуе, в картине нет уже ни драмы, ни статуи, ни картины, а торжествует один мочальный хвост с кислым запахом рогожи.

Недавно посчастливилось мне выиграть в художественной лотерее масляную картину. Подписано: Шервуд. Картины тут положительно никакой нет, а есть только гиероглифы, которыми художник хотел выразить известную тенденцию. В гиероглифическом лесу стоит гиероглиф дровень с запряженною в него лошадью. Надо догадаться, что произошла порубка. Это уясняется гиероглифическими фигурами на первом плане. Мужики на коленях, и их бьет какой-то отвлеченный охотник с ружьем за плечами. По другую их сторону размахивающая руками крестьянская фигура, тоже, должно быть, бьет одного из мужиков, хотя ни по движению корпуса, ни по лицу нельзя истолковать, что собственно делает фигура? Задачей художника, очевидно, не было создать картину, требующую, как всякое произведение свободного искусства, уловления момента, самобытно играющего собственной жизнью. Все это трудно; для этого нужен талант и чувство красоты. Кроме того, необходимо все выразить в соответственной форме; новый, подчас тяжкий труд. Это делали Теньеры, Остады, Вуверманы и подобные им пошляки. Теперь

186

ничего подобного не нужно. Надо только гиероглифически изображать воров да каторжных, ставя их по возможности в романтически интересное положение, и задача искусства разрешена. До какой степени творцу купленной мною картины дорого было исключительно гиероглифическое изображение мысли, можно видеть из ничтожного обстоятельства. Чтобы бить воров, надо сперва захватить их врасплох. Кто же мог это сделать? Алек- сей-сторож? Но самому ему бить или вязать воров, как это всегда бывает на деле, если сторож еще не обжился и не привык продавать лес за водку, было бы ненародно; сторож сам мужик. Нужно, чтобы бьющий был главным образом барин или управляющий – словом, человек в немецком платье. Как же он зашел зимой в лес? Ходил на охоту. Значит, требуется надеть на него сумку и ружье. Что же он кладет зимой в сумку? Мало ли что? Однако что? Рябчиков. Да они идут на пищак только в конце февраля. Тут и изображен конец февраля, а если хотите – начало марта. Из чего же это видно? А шифервейсу-то сколько! Это снег – значит, зима; месяцы же, кто их разберет? Стало быть, у охотника за плечами обыкновенное егерское ружье. Подобно всем желчным людям, как видите, он на картине худощав, и потому его фигура с ружьем, надетым почти поперек, должна представлять перекосившийся крест. Отчего же над левым плечом виден ствол ружья, а под правую руку нет и признака приклада? В том-то и дело: в картине, воссоздающей действительность, нужно все необходимое в действительности. Есть ствол, давай и приклад. А в гиероглифе ничего этого не нужно: ведь ружье только объяснительный знак. По стволу можно догадаться, что этому господину быть тут следует, и довольно. Картины нет; зато мочальный хвост тут целиком, и я могу у себя в комнате повесить картинный гиероглиф с следующей сентенцией: «Не должно драться в лесу». Или, быть может, такой: «Ворам, одетым в дубленки, не должно мешать в их ремесле». Правда, я мог бы эти сентенции изобразить хорошим почерком на бумаге, но тогда они никого не приводили бы в негодование, как профанация искусства; а профанация-то именно и требуется.

Нет, в какой микроскоп ни рассматривай Гомера, Рафаэля, Бетховена, Гёте, Пушкина, ни хвосты, ни мочалы не отыщешь. А нам нужен хвост и нужно оправдать его. Как же быть? Очень просто: долой авторитеты! Все эти гении ничего в своем

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana деле не смыслили.

Однако подумайте! Сколько было варваров и с чубами, и с хвостами, которые, волна за волной, пронесли над образованным миром и ломали не по-вашему. То была сила, о которой свидетельствуют целые области, засыпанные обломками. А вы?

187

Какая вы сила? Кто вам это сказал? И что же, однако? Эта грубая разрушительная сила рассыпалась прахом, свалилась ветхой чешуей.

Творенье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Это ужасно! Через каких-нибудь двести лет ваши более или менее зазорные статейки будут забыты, а тот же мужик, которому вы тщетно старались привязать мочальный хвост, будет знать своего Пушкина, и «народная тропа» к его памятнику не зарастет.

Но, желая как можно скорее перейти к специальным вопросам статьи, я, кстати или некстати, решаюсь обратиться к вам, г. литератор, с следующей речью. Если положение помещиков, дававшее им еще в недавнее время возможность притеснять подчиненное им сословие, служило объяснением всех Оксан, вырываемых из семей, и Ванек, колотимых барами, завладевших нашей литературой; то теперь – против кого направлены все подобные выходки? Браните и помещика, если он вам попадет под руку, но браните его как человека, потому что бранить его как помещика в настоящее время не только бессмысленно, но и невыносимо скучно. Долго ли еще пережевывать эту жвачку? Если нелепо признавать талант в человеке во имя его сиятельного титула, то не менее смешно возносить на пьедестал бездарность только в честь ее происхождения из дворовых. Дело землевладельцев было всегда и везде делом великим. А теперь оно более чем когда-либо важно и значительно для всего государственного организма. Пора и нашей отсталой литературе вспомнить это и отнестись к нему без задора бессмысленной и нелепой вражды. III.

III. Равенство перед законом

Мы только что имели случай коснуться вопроса об уравнении, к которому очевидно стремится наше законодательство. Но никакое уравнение не в силах сгладить естественного различия общественных отношений между отдельными лицами. Идеал равенства именно и заключается в соблюдении полной справедливости среди возможного колебания отношений. Сегодня я нанимаю, завтра меня нанимают, и справедливость требует, чтоб я удовлетворял требованиям закона и в том, и в другом положении.

В уяснение вопроса приведу два факта из собственного опыта. Для не читавших моих прошлогодних статей о вольнонаем-

188

ном труде* скажу, что на хуторе моем ни один рабочий не нанимается, не представив увольнительного вида от своего начальства и не дав руки на подпись печатного условия с моею конторой, где он получает двойную бирку для отмены забираемых денег. В конце ноября 1861 года явился дюжий, краснощекий и прекрасно одетый рабочий Василий, изъявляя согласие наняться на год за 40 р., с условием получить при наемке 20 р. задатку.

– Ну, Василий! ты знаешь, что я не нанимаю без увольнений от местного начальства.

– Эфто, батюшка, нам не важность.

– Так принеси свидетельство, тогда подпишем контракт и получишь задаток. Через два дня Василий явился со свидетельством, за подписью старшины, с приложением волостной печати. Условие с конторой тотчас было написано, и оставалось вручить 20 р. Отъезжая в Москву, я спросил Василия, не может ли он обождать задатка несколько дней, и, получив согласие, поручил приказчику выдать ему деньги. В Москве получаю уведомление, что Василий на третий день по моем отъезде взят у нас со двора земскою полицией за то, что, нанявшись уже к подрядчику на железную дорогу, он получил от него 20 р. серебром задатку. К счастью, от нас задаток не был ему выдан. Контракт с моею конторой и свидетельство в волостного старшины, за казенною печатью, еще по сей день у меня. При свидании с знакомым членом губернского присутствия я показывал ему документы, настаивая на принятии каких-либо мер для предотвращения на будущее время подобного незаконного лжесвидетельства со стороны старшины (случайно не нашего мирового участка). Из заявления моего ничего не вышло.

Этот факт невольно приводит мне на память другой. В пятидесятых годах, в должности полкового адъютанта, я был на высочайшем смотре. Многосложная бумажная отчетность, продолжительные конные учения, осмотр ординарцев и уборных унтер-офицеров во дворец, церковные парады и репетиции занимали почти все часы суток, так что спать доставалось с час после обеда да с 12 до 2-х ночи. Тут приносилось из дивизионного штаба так называемое словесное приказание в

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana несколько листов, которое тотчас же нужно было диктовать циркулярно эскадронным писарям, украсив и значительно дополнив подробными распоряжениями полкового командира. Можно себе представить, как зато дороги были два ночные часа сна. Но судьба и в них мне отказала. В полку у нас служил юнкером сын значительного и * «Русский вестник» 1862 года, № 3 и 5 (Примеч. Фета).

189

богатого польского помещика. Юнкера этого, по просьбе отца, на днях перевели в другой, одного с нашим оружия, полк. В первую же ночь по приезде государя, когда я, сбросив мундир, упал на кровать, слуга доложил о каком-то барине, и в комнату вошел полный, почтенный господин в черном фраке и белом галстуке. По фамилии я узнал отца юнкера. Господин не позволил мне встать с постели, извинился в позднем посещении и, взяв стул, сел у моей кровати. После долгих прелюдий он стал убедительно просить, чтоб я сыну его выдал билет на Вольту.

– Извините, милостивый государь, этого и полковой командир в настоящее время сделать не вправе. К тому же сын ваш теперь не нашего полка.

– Знаю, господин адъютант. Но войдите в наше положение: сыну необходимо побывать дома, а новый полковой командир еще не знает его со стороны его нравственности; но я надеюсь, что сын мой успел зарекомендовать себя в ваших глазах.

– Если бы требовалось моего частного доверия, я бы ни на минуту не задумался. Но нужна моя официальная подпись с приложением казенной печати, и на это, как я уже объяснял вам, я никакого права не имею. Ну, если с сыном вашим что-нибудь случится, окажется официальная прикосновенность к следственному делу?

– Помилуйте, мы дворяне, люди чести!

– В этом я вполне уверен, но...

Но тут вошел слуга со словами: «Словесное приказание из дивизии».

– Извините! Надо на службу. Давай одеваться!

На следующую ночь повторилось то же; на третью буквально то же. Не знаю, как бы я теперь постарался избавиться от любезного гостя, но тогда я ни за что не решался оскорбить его невниманием. Между тем он пытал меня пыткой и все-таки не получил незаконной бумаги. Попадись юнкер с моею незаконною подписью, никакая сила не избавила бы меня от суда и приговора, вследствие которого меня навек лишили бы возможности делать подлоги. Я бы пропал за одно превышение власти, а вот с волостного старшины подлог как с гуся вода. Где же тут равенство перед законом?

Тю же осенью, перед отъездом моим, соседний крестьянин привел в контору восемнадцатилетнего женатого малого Семена в годовые рабочие за 38 р. и получил задатку 20. На другой же день я увидел Семена на работе. Он как-то беспокойно ворочался, и черные глазки его бегали как зверки. Было ясно по всему, что экономия не приобрела в нем капитального рабочего. Что ж? – подумал я. Где же набирать все молодцов? Год как-

190

нибудь дотянет. Между тем через неделю приказчик донес мне, что рабочие обижаются работой нового товарища. И лошадь ему запряги, и воз утяни веревкой; словом сказать, ему надо дядек. Это действительно неприятно для исправных рабочих. Но чем помочь беде? Я проворчал что-то и вскорости уехал в Москву. В феврале первое, что я услышал по возвращении, были жалобы на Семена: мало того, что ничего не делает, но, как ни попросится домой, прогуляет три, четыре дня и даже неделю. Таких прогулов за ним в конторе насчитался целый месяц, и в настоящую минуту не было его на хуторе уже с неделю. «Нет, – подумал я, – так невозможно этому делу продолжаться», – и тотчас поехал к мировому посреднику объяснить все обстоятельства. Посредник принял самое живое участие в моей просьбе, записал ее в книгу и стал рассчитывать, сколько следует Семену за прожитое время. «Я сам нанимаю по восьми рублей в зиму, – заметил он, – а так как Семен прогулял целый месяц, то ему следует получить семь, а вам из задатка приходится обратно тринадцать». Зная, как трудно получать в подобном случае деньги обратно, и настаивая на взыскании, главным образом для примера, я просил посредника взыскать только одиннадцать рублей; а вернувшись домой, велел объявить Семену, что он мне более не нужен и что посредник требует его. Семен исчез. Прошло более месяца, а денег я не получал. Между тем Семен, нанявшийся (вероятно ли это?) за восемь рублей серебром на лето у соседнего мужика, попался хозяину с украденными у него же хомутами. Поблагодарив судьбу, избавившую меня от дальнейшей практики Семена, я тем не менее решил во что бы то ни стало добиться следующих мне в возврат денег и часто обращался за этим к посреднику. Передаю один из наших разговоров.

– Когда же я получу эти несчастные деньги?

– Я давно сделал должное распоряжение. Сами знаете, какая затруднительная

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana с этим возня. Вероятно, он уже и на новом месте забрал деньги, следовательно, и нового хозяина поставил в подобное вашему положение. Я приказал сельскому старосте отдать его в третье место и полученным задатком удовлетворить прежних нанимателей.

– Это легче приказать, чем выполнить. Если до вас дошел слух о новых проделках Семена, то, вероятно, и все наниматели в округе знают про них. Кто же согласится нанять его теперь, да еще и денег дать вперед? Скажите откровенно, какую цену дадите вы рабочему с подобною рекомендацией?

– Откровенно признаюсь, не только не дам, не возьму ничего, чтобы принять его в имение. Однако же вы понимаете необходимость как-нибудь уладить это дело?
191

– Совершенно понимаю, и мы постараемся как-нибудь его уладить. Позвольте сделать вам один вопрос. Предположим, что я отказался бы уплатить рабочему заслуженные им по договору деньги, и он пошел бы к вам на меня жаловаться, как бы вы поступили?

– Очень просто. Распорядился бы, чтобы деньги эти непременно были с вас взысканы в пользу рабочего.

– Но могло бы случиться, что у меня не нашлось бы наличных денег?

– Все равно. Земская полиция продала бы вашу лошадь, корову, овцу и все-таки удовлетворила бы законное требование рабочего.

– Все это совершенно законно и справедливо, но позвольте мне сделать последнее замечание. Вы наш общий судья. Рабочий и я в двух данных случаях предстоим перед судом вашим в совершенно одинаковом положении. Считаете ли вы нас равноправными? Если считаете, то откуда являются две меры и двое весов? На этом разговор наш прекратился. Справедливость требует добавить, во-первых, что посредник через два месяца препроводил ко мне 11р. серебром и, следовательно, как-нибудь уладил дело. Во-вторых, разговор наш происходил весной, а летом обнародован циркуляр, возлагающий на начальников губерний заботу о неуклонном исполнении рабочими договоров. Циркуляр этот принес уже пользу делу и подает надежду, что законодательство определит хотя главные отношения между нанимателями и нанимаемыми и что положительный закон избавит всех от тяжкой необходимости улаживать эти дела – как-нибудь.

IV. Гуси с гусенятами

Когда Колумб поставил свое яйцо, все присутствовавшие нашли, что это слишком просто, хотя за минуту находили, что это было бы слишком хитро. Притча эта будет повторяться вечно, и преимущественно между людьми, не привыкшими близко подходить к делу. Такие люди не хотят понять, что самые простые вещи вместе и самые трудные. Мы уже имели случай говорить о модном в наше время вопросе касательно народности или ненародности той или другой меры, того или другого закона. Признаемся откровенно, вопрос этот, понятный в отношении к прошедшему и настоящему, решительно непонятен в отношении к будущему. Если меня спросят, народны ли в Орловской губернии квас, кичка и полушубок, я не запнусь отвечать положительно;

192

но если спросят: народны ли кохинхинка, петух-брамапутра и присяжные, я решительно стану в тупик. Спросите мужика на косье, давно ли он косит рожь и овес с помощью тех грабель, которые привязывают к ручке косы и называют крюком, и давно ли ему бабы выносят на работу картофель? Он посмотрит на вас, как на шутника, и ответит: «Испокон веку». Он скажет, что нельзя косить рослого хлеба без крюка, и будет совершенно прав. А вы знаете, что и крюк, и картофель введены очень недавно. Нам становой рассказывал, что лет восемь тому назад в одном имении поставили первую в округе молотильную машину. По неопытности рабочих случились два-три членоповреждения, и барщина наотрез отказалась работать при машине. А вот теперь молотильные машины сделались не только общим достоянием, но необходимым помощником молотьбы, и становому приходилось усмирять барщину, которая отказывалась молотить за неимением в хозяйстве молотильной машины. В настоящее время все земледельческое население России занято приложением к практике новых постановлений о потравах. И этот вопрос не ушел от точки зрения народности. Не решаясь на резкий приговор в деле грядущего, постараемся по крайнему разумению разъяснить себе этот вопрос. Порядок должен быть сохранен во что бы то ни стало. Но можно сохранять его и новыми, и старыми мерами: либо штрафом, либо палкой. Верит ли народ в действительность первой меры? Верит и выражает эту веру пословицей: «Не бей дубиной, а бей полтиной». Мало того, народ до такой степени убежден в радикальности новой меры против зла, с которым он сроднился и которым дорожит, что вы каждый день можете слышать возгласы: да после этого нам и жить нельзя, после этого надо умирать. Итак, в настоящее время понятие о действительности штрафов народно, а только самая мера ненародна. Вот один из тысячи примеров. Прошлою весной я нанял двух пастухов. Старого

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
отставного солдата и так называемого подпаска, малого лет тринадцати или
четырнадцати, приведенного отцом. Старик оказался совершенно хилым, а малый
отъявленным лентяем, нерадивцем и сквернословом, нередко смущавшим спокойствие
остальных рабочих. Значительные задатки были с самой весны, по грустным условиям
нашего дела, выданы тому и другому, и худо ли, хорошо ли, приходилось до поздней
осени перебиваться с такими хранителями скота. Замечу мимоходом: старшему
пастуху платится в лето рублей 25. Один из наших соседей, вздумав отказать среди
лета неисправному пастуху, послал разыскивать нового по всей округе и нашел
только одного, который за вторую половину лета запросил 50 р. Ясно, что этот
последний был уже не пастух, а че-

193

ловек зажиточный, который сказал себе: «Уж если дадут 50 р., то я свое дело
брошу и наймусь».

Вот красноречивое доказательство тому, что рабочие руки у нас бывают разбираемы
нарасхват, без остатка! Не упустим из вида, что все рабочие, отправившиеся в
прошлом году из наших краев на заработки в южные губернии, вернулись домой по
случаю тамошней засухи и неурожаев.

Но возвращаюсь к пастухам. Вследствие неожиданной вражды коров к лошадям,
вражды, кончившейся значительными жертвами, я отделил табун от рогатого скота, и
оба пастуха, по взаимному условию, стали чередоваться у отдельных стад. Не
говорю о старике: он делал, что мог, и осенью я вынужден был за совершенную
негодностью переменить его; но здоровый и сильный малый все лето отличался
такими выходками, которые и самого хладнокровного хозяина вывели бы из терпения.
То лошадьми, то коровами он перепутал и стравил несколько десятин лучшего моего
овса, несмотря ни на какие увещания вытравил до земли осеннюю отаву клевера
(вследствие чего, может быть, к весне он совершенно вымерзнет) и, наконец,
расщипал, обезобразил и стравил значительное количество сена, сложенного
скирдами. Вследствие жалоб моих на подпаска сделано было с него взыскание
мировым посредником в виде пяти ударов розгами; но это не помогло. Еще до общего
Положения о потравах в нашем округе установлен был штраф, одинаковый за всякое
пришлое животное, от птицы до свиньи. Штраф этот был неизменные 20 к. серебром с
головы. Потравы, причиненные мне подпаском, очевидно, не могли подходить под
этот штраф, а требовали бы, по своей значительности, особой оценки. Но в этом,
как и в большей части подобных случаев, доходить, по выражению крестьян, до
большого – слишком тяжело; а потому по вопросу о штрафах более прилагается
теория устрашения, чем теория возмездия. Как бы то ни было, к концу осени отцу
мало приходилось дополучить рублей пять, и посредник уполномочил меня
недодавать ему одного рубля в виде штрафа.

Не могу умолчать об одном довольно характеристическом эпизоде с тем же
подпаском. Рискуя более или менее потерпеть потраву собственных хлебов, я, во
избежание еще неприятнейших столкновений с соседями, при наемке полагаю
непременным условием: ни под каким видом не выпускать моего скота за чужой рубеж
и сторожу лично быть в ответе за причиненные там убытки. В один прекрасный
осенний вечер слышу, что подпасок распустил наш табун по ржаному соседскому
полю, покрытому копнами, стравил и растерзал три копны и пойман сторожем

194

на месте преступления. Улика была налицо, поэтому сторож не задержал ни одной
лошади, а на следующее утро отец подпаска явился ко мне:

– Что тебе надо?

– Да вот мальчишка мой вчера грешным делом стравил у Ол<овенико>ва три
копны ржи.

– Так что ж? Какое мне до этого дело? Вы травили, вы и разделяйтесь.

– Вестимо, кормилец, наш грех. То-то я к вашей милости! Пожалуйте
деньжонок. Ведь сторож, того, говорит, привези-по- ставь новые копны, а эти себе
возьми. С малого-то что взять? Оттаскал его за виски, да что ты поделаешь?
Виски-то понадрал, а колосьев-то не вставишь. Да где их теперь разваживать
копны- то? Надобеть деньги отдать.

«Экой исправный сторож! – подумал я. – Видно, у них там большой порядок, когда
за семь верст от усадьбы копна не пропадай».

– Да ведь, любезный друг, твой малый еще не зажил и того, что уже забрано
тобой.

– явите божескую милость! (И на колени.) Мы вашей милости заслужим...

Ну как тут не дать? Дал.

Вечером того же дня спрашиваю:

– что? кончили наши-то со сторожем?

– Кончили.

– Как?

– Да старик купил два штофа водки; оба пьяны напились, и только.

– У Оловеникова, стало быть, от этой водки копны-то обростут, что ли?

– Стало быть, обростут.

Тем дело и кончилось. Перед самым отъездом в Москву мне пришлось снова философствовать с отцом подпaska. Накануне отъезда докладывают о его приходе. Выхожу в переднюю. Он бух на колени.

– Что тебе надо? Да встань ты сперва, а то и говорить с тобой не стану. Что тебе надо?

– Не встану, отец мой... Не встану, кормилец.

– Да что такое?

– Да вот, батюшка! Сынишка-то, потрава-то... Так сделай божескую милость! Ведь завтра едешь в Москву.

Я было в суете и забыл о рубле штрафа, который был назначен посредником. Да и что было помнить-то? какое может быть удовлетворение в рубле серебром при убытке на сотню рублей.

195

– Послушай, любезный! Ты ставил своего сына ко мне с тем, чтобы беречь мое добро, а ты сам знаешь, сколько он мне наделал убытку. Чья же это вина? Если б я тебе неисправно платил или не давал твоему парню чего-нибудь по условию, а то теперь что ж я могу сделать? Ты знаешь, я и тебе говорил, и посреднику жаловался. Что ж проку-то?

– Да ты бы его, батюшка, за виски, да вот как! А мало того, кнутом бы его. Я б тебе в ножки поклонился. Я на этом не ищу. Спасибо доброму человеку, что поучил.

– Да я с тебя денег не возьму, чтобы бить твоего сына. Это твое дело его учить, а не мое. Ведь вам же с ним хуже будет. Вот на будущий год кто его, такого негодяя, возьмет в работники?

– Вестимо, батюшка, что так. Да ты уже яви божескую милость, не вели приказчику вычитать целкового.

Надобно было избавиться от гнусных валяний в ногах, надобно было согласиться и на эту уступку. Вот вам и народный взгляд на денежные штрафы! Взгляд далеко не частный, а общий, для объяснения которого не нужно особенной философии. Дело просто. Всем нам необходимо получить веру в неподкупность и неумолимость закона. Коль скоро человек, наделавший вам оскорблений или убытков, у вас в руках, то вы можете на месте с ним расправиться, а если вы передаете дело возмездия в другие руки, то с той уже минуты страдальцем делается не виновный, а обвинитель. Что же, однако, делать? что должно следовать в жизни из такого воззрения? Впрочем, посмотрим, не бывают ли случаи, когда штрафы встречают большую симпатию в нашем крестьянине?

Содержатели постоянных дворов на Крестах (в версте по прямому направлению от моей усадьбы), как все русские дворники, большие охотники водить домашних животных, не соображаясь с пастбищами. Земли у них только под усадьбами и огородами.

Отсюда прямое следствие: скот и птица их вечно таскаются по чужим дачам, которыми окружены их дворы. Надо заметить, что этих дворов немало, и содержатели люди очень достаточные, имеющие возможность сообщать исправного пастуха; но им кажется удобнее пускать скот на волю Божию, а что из того выйдет, до того им нет дела. Так, по крайней мере, было до нового порядка вещей. Прошлою весной работал у меня подрядчик Алексей с плотничьею артелью. В условии нашем не было обозначено окончательного срока работам, что и вынуждало меня частенько наведываться, каково-то они подвигаются. Сам Алексей – малый, что называется, себе на уме и, как большая часть подобных типов, не последний балагур. От него-то, между прочим, узнал я, что он нанял десятин десять прекрасного лугу,

196

примыкающего к нашему леску и находящегося, как и наша дача, в ближайшем соседстве с Крестами. Сенокос был нанят действительно очень выгодно; тем не менее я не мог не высказать Алексею сомнения насчет безопасности нанятого им клока.

– Что будешь делать, батюшка? Хошь и далеко от нас, а я уж посажу на лето своего старика.

Действительно, после Вешнего Николы я нередко видал его отца у опушки леса и невольно присматривался к этому оригинальному типу. В околотке он успел, заслуженно или незаслуженно, приобрести репутацию знахаря, умеющего расчистить колодец, укрепить плотину и т.п. (кажется, гораздо более на словах, чем на деле). Тем не менее в своей странной сборной одежде, с внушительным выражением лица и с длинной дубинкой в руках он казался созданным в степные сторожа и напоминал собою стариков-сторожей по степным малороссийским баштанам (огородам). Однажды утром, выйдя в молодой сад, где садовник хлопотал около прививков, я увидел на прилегающей к саду пшеничной зелени шесть гусей с целою вереницей гусенят, весело пощипывавших пшеницу и направлявших шествие от Крестов к нам.

сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana

Надобно было всячески избавиться от подобных посетителей, и садовник, по указанию моему, направил их в водосточную канаву, руслом которой все стадо в самое короткое время добралось до пруда в саду. Кликнув мальчика, я поручил ему не выпускать гусей на берег, а садовника послал на Кресты сказать хозяевам гусей, чтоб они немедленно явились за своею собственностью. Отдать гусей даром было невозможно. К чему же была бы вся эта ловля? Надо было взять штраф. Но какой? В настоящее время, как мы уже заметили выше, мера штрафных взысканий – очередной земледельческий вопрос. В теории разрешить его весьма легко. Следует возвести штраф до чувствительных размеров для нарушителей порядка, а с другой – надобно, чтобы штраф был сподручен для взыскания. Мы говорим здесь только о появлении животных на чужой даче, независимо от побоев и отрав, оценка которых, равно как и следующее за них взыскание, идет своим особым порядком. Итак, в теории, стоит только найти среднюю пропорциональную цифру возможно большей и возможно меньшей пени, и дело сделано. Нормою той и другой величины может служить самая ценность животного. Но на практике такой вопрос, как это в настоящее время и делается, может быть разрешен только на основании местных данных, ибо нередко то, что дорого в одном уезде, нипочем в другом: двадцать копеек, произвольно назначенные нашим посредником, были в большей части случаев мерой спасительною. Но мера эта, очевидно, не могла бы

197

стать положительным законом. Возможно ли и справедливо ли, чтобы почти безвредная утка, стоящая вся в нашей стороне 15 к. серебром, оплачивалась двадцатью копейками, заодно с свиньей, стоящей 5 р. серебром, или прожорливую и неуловимую крестьянскую лошадью, стоящую 60 р. серебром? Все эти вопросы, о которых в настоящее время идут прения между специалистами, приходилось мне разрешать в первый раз на практике в приложении к гусям. Прежде всего, я твердо решился во что бы то ни стало не отдавать гусей даром, хотя бы пришлось отправлять их на подводе за пятнадцать верст к посреднику, которому тоже от них радости мало, потому что надо было их до времени кормить и беречь. Словом сказать, я решился уязвить дворников так же больно, как они неоднократно уязвляли меня своими животами. По букве посредничьего положения, мне следовало получить за 20 гусенят и 6 гусынь по 20 к. серебром за голову: всего 5 р. 20 к. серебром. Возможно ли это, когда все стадо не стоило и половины этой суммы, к тому же и не успело причинить почти никакого вреда зелени? Я сделался адвокатом дворников и вспомнил классическое: *partus sequitur ventrem* (плод следует за утробой). Тотчас же гусенята превратились на суде моем в простые атрибуты гусыни. Итак, следовало только получить за 6 голов 1 р. 20 к.; но и тут адвокат воскликнул, что весной гусыня едва стоит 20 к. серебром и что дело этим путем, пожалуй, дойдет до комического посылания подвод к посреднику. Как же быть? Назначу по гривеннику. Всего за 6 голов – 60 к. серебром. И дешево и сердито! И действительно, все еще сердито. Столичные жители, привыкшие считать деньги значительными кушами, не поверят, что в настоящем случае и 60 к. сердито. Тут вдруг, уже у моего адвоката, мелькнула мысль: весной во всяком дворе несутся куры, и хотя в продаже свежие яйца ходят по гривеннику десяток, однако всякий хозяин гораздо легче расстанется с этим десятком, чем с гривенником.

– Скажи им, чтобы за шесть гусей несли шестьдесят яиц и что без этого нечего им и ходить.

Через полчаса двое малых в красных рубахах, как-то переминаясь, стали приближаться к садовой канаве.

– Что вам надо?

– Да вот гуси-то.

– А шестьдесят яиц принесли? (У ребят ничего не было в руках.) Нечего с вами и толковать.

– Да это, батюшка, и гуси-то не наши.

– Не ваши? Так нечего разговаривать. Ты пройди-ка к пруду, – обратился я к старшему, – да взгляни, может, и твой гусь найдется. Через час их тут не будет: так и скажи своим.

198

Мы подошли к пруду.

– А гуси-то все наши-и-и! – запел старший. – Сделайте милость, – и пр.

– Я тебе сказал, через час их тут не будет. Да, может быть, они вам не нужны, а то бы ты сейчас принес шестьдесят яиц.

– Побегу.

Немного времени спустя повар принял счетом шестьдесят яиц; мальчик погнал гусей домой, а я вышел из сада на постройку. Алексей тесал бревно. Отец его, опершись на дубинку, стоял над ним с обычным внушительным выражением лица; другие плотники Алексеевой артели неподалеку тоже готовили лес.

– Вишь мошенники, елеси! – заметил Алексей, когда я наступил ногой на

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana обделываемую им балку. – Какими сиротами прикидываются, как с них приходится! Уж дай вам БОГ доброго здоровья, что хоть вы их проучили, а то ведь за лето-то они бы нас разорили.

– Разорили бы, разорили! – добавил внушительно старик отец, еще ниже опуская седые брови.

Итак, вот новая народная точка зрения, к которой мы будем иметь случай подойти поближе.

V. Железные вилы

Если Алексей-плотник – тип говоруна-философа, то Семен Скочкин – тип говоруна добродетельно-сиротливого. Это весьма распространенный тип русского мужика, и надо отдать ему должную справедливость – самый несносный. Первого можно еще чем-нибудь унять, ну хоть отвернуться и уйти, а добродетельно-сиротливый говорун сумеет проникнуть к вам в кабинет, в гостиную, в спальню и даже залезть своим кисло-сладеньким голоском под череп. Какой резон ему ни представляйте, хоть на смех скажите: «Надо тебя повесить», он клянется, что устами вашими сама мудрость вещает, и вслед за тем снова затягивает свою однообразную ноту. Добродетельного Семена я знаю уже два года. Два года он отдает сына своего Филиппа к нам в работники, и признаюсь, каждый раз, когда вижу во дворе черную свитку, подвязанную новым красным кушаком, не могу не почувствовать тайного трепета. В первый еще год мне пришлось познакомиться с его неотразимым красноречием, буквально a propos de bottes*. Сын его, Филипп, отвозя мою рожь на мельницу, поменялся сапогами с сыном мельника. Тот и

* без всякого повода; ни с того, ни с сего; некстати; букв.: по поводу сапог (франц.).

199

другой недели выменянные сапоги, и, казалось бы, дело с концом... Нет, Семен нашел, что мельник обманул его сына, и стал сверлить мне уши тоненьким голоском, настаивая, чтоб я через владельца мельницы подействовал на мельника с целью нового размена сапогами. Может быть, промен был действительно невыгоден для его сына, но легко понять всю неловкость и даже незаконность моего вмешательства в подобное дело. Не стану приводить всех моих доводов и всех «явите Божескую милость», пропетых на все возможные солодково-сиротливые тона. Кончилось тем, что я вынужден был выручать эти сапоги, как жар-птицу. Филипп действительно смирный и добродушный, хотя и не отличный работник. Время подходило под исход первого срочного найма. Является черная свитка, подвязанная красным кушаком, отец Филиппа, Семен Скочкин.

– Что тебе надо?

– К вашей милости.

– Что же?

– Да вот, батюшка, парнишка срок доживает, так я того...

– Что?

– Так как мы худа не делали, жили по честности, как долг велит...

– Я Филиппом доволен. Да к чему ты все это говоришь? Если б он что сделал, я бы жаловался.

– Как же, батюшка! Кто себе худо сготовит, тот должен за то и в ответе быть. А мы, кажется, вашей милости, как отцу родному, старались и худа никакого не сделали.

– Ну да говори, в чем дело? Мне некогда.

– А вот прошу у вашей милости отпустить парнишку-то. Теперь мясоед, так я ему невесту обыскал. Как мы вашей милости честно отслужили, так, может, и на будущий год Бог приведет.

– Очень рад. Но ведь Филипп еще не зажил забранных за этот год денег?

– То-то я у вашей милости хотел деньжонок попросить. Ведь надо парнишка-то женить.

Не буду в подробности рассказывать дальнейшего хода этого дела. Кончилось, разумеется, тем, что он деньги взял, а сына не женил, хотя я и распорядился так, чтобы деньги мои не пропали добродетельным образом. Эта тема развивается почти без вариаций каждый год, месяца за два до отживи Филиппа. Кроме томительной жалости, она замечательна как образчик известного крестьянского красноречия, столь знакомого деревенским старожилам, главный прием которого заключается в просьбе дегтю при желании получить овса. Волей-неволей я

200

имел возможность с известных сторон познакомиться с личностью Семена, но одно обстоятельство дорисовало его прошлым летом окончательно.

В продолжение нескольких дней меня не было дома. По возвращении моем приказчик объявил следующее.

Дней пять тому назад рабочие возили с конного двора удобрение. У молодого малого, Ивана, за отлучкой одного из рабочих, были две подводы, из которых одна

сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana с молодой лошастью. Эту подводу, для уравнения труда, рабочим приходилось накладывать сообща. После завтрака, когда они снова принялись за дело и очередь дошла до общей подводы, общими усилиями накидали ее верхом. Иван нашел нужным сказать: «Довольно». Игривая молодежь, отвечая со смехом, что желает испробовать силу и досужество лошади, продолжала подкидывать вилку за вилкой. Иван настоятельно требовал, чтобы они отстали, говоря, что за лошадь отвечает он. Смех пуще – и вилка за вилкой! Иван принялся гоняться за проказниками, перевернув вилы железными зубцами к себе и стараясь хватить обидчиков деревянной рукояткой. Одни убегают, другие в это время подбавляют клады на воз. Иван вышел из себя. На этот раз убегающим оказался Филипп. Иван не вытерпел и верхом пустил в него рукояткой. Тяжесть железных зубцов заставила вилы описать на воздухе параболу, и, втыкаясь в землю, один из зубцов случайно вонзился убегавшему Филиппу в правую ступню, немного ниже подъема. Совершенно потерявшийся Иван побежал и выхватил вилку, а не менее испуганный Филипп, при виде крови, брызнувшей ключом, крикнул: «Что ты со мной сделал, разбойник? Ты меня зарезал», – и ударом кулака в лицо сшиб с ног своего противника.

– Где же теперь Филипп?

– Лежит в рабочей избе.

Я тотчас же отправился в рабочую и нашел Филиппа сидевшим на лавке.

– Покажи ногу.

Рана, по-видимому, была неопасна; острие не повредило кости. Кровотечение уняли тотчас же примочкой арники с холодной водой; тем не менее рана не заживала, и ступня кругом имела раздраженный, стеклянный вид. С первого же дня отец Филиппа соглашался на мировую с отцом Ивана, требуя 20 р. серебром. Далеко не зажиточный ответчик не в силах был заплатить таких денег. С весны он получил 15 р. задатку на покупку овса, а вслед за тем, как милости, вымолил еще 15 на покупку лошади, взамен последней, только что украденной у

201

него в губернском городе. Ивану оставалось получить 8 р. Все это было объяснено приказником Семену еще до моего приезда, но он и слушать ничего не хотел и, желая настоять на сочиненном им самим штрафе, ежедневно давал сыну прикладывать к ране какую-то растравляющую дрянь. Так, по крайней мере, говорили, и это обстоятельство объясняло мне раздраженный вид ступни. Я был убежден, что Семен непременно явится ко мне с жалобой. Быть судьей в этом деле я не мог. Убеждать Семена значило тратить время понапрасну. Что же делать? Надо было дать делу какой-нибудь толчок, тем более что Иван, как мне сказали, третий день почти хлеба не ест, продолжая исправно ходить на работу. Предвидя нападение со стороны Семена, я велел собрать в обеденное время всех рабочих и вышел к ним. Никогда не забуду несчастного выражения лица и всей фигуры Ивана. Он имел вид осужденного и примирившегося с своею участью человека. Только зная богатырский аппетит русского крестьянина во время работ, можно составить себе понятие о явном упадке сил работника, трудившегося трое суток почти без пищи. Не будь он в таком нервном состоянии, он, верно, на первый же день был бы не в силах шевельнуться. Признаюсь, мне стало искренне жаль бедняка и захотелось как-нибудь выручить его из беды. Рабочие, присутствовавшие при происшествии, буквально передали мне все, как я рассказал выше, и прибавили, что Иван не имел никакого намерения ранить Филиппа железом.

Через полчаса по отпуске рабочих предчувствие сбылось. Явился Семен с слезливым рассказом происшествия, которому он старался придать важный уголовный характер.

– Все это хорошо, но чего же ты наконец хочешь?

– Я, батюшка, ничего не хочу. Как мы вашей милости служили и худа никакого не делали, а кто худо сделает, тому и в ответе состоять, я им сам, по простоте, говорил: вы, мол, лучше до большого не доводите; не доводите, мол, лучше до большого, а помиритесь. Так нет. Он мне ничего. Я хоть бы их речи послушал. Так ничего.

– Да ведь это потому, что ты с них требуешь двадцать рублей. Сам подумай, где же им (ты знаешь, у них недавно лошадь украли) взять столько денег?

– А зачем было до этого доводить? Мы тут не причиной. Мы как худа никакого не делали, так поделом вору и мука.

– Да ведь ты же знаешь сам, что это вышло не с сердцов, а нечаянно?

– Нечаянно, точно нечаянно. Я и говорю им: эх, не доводите, мол, до

большого, а то ведь оно вон куда пойдет! Может,

202

парень-то век не работник. Я уж вашу милость трудить хотел, отпустите фильку-то ко двору. Что же ему тут лежать без дела?

– Нет, ты об этом не проси. У тебя его лечить не будут, а тут лечить будут. Пусть полежит здесь, а ты лучше помирись с Ивановым отцом, да только не

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana проси, чего он дать не может.

– Мы, значит, как никакого худа не делали, по-Божьи жили, то, значит, всяк должен по худым делам в ответе быть.

– Ну, брат, я думал, ты ко мне за делом, а ты пришел лясы точить. Мне некогда. Ступай, ищи себе расправы помимо меня. Я хотел тебе доброе слово сказать, а ты все свое. Ступай.

– Мы к вашей милости. Вот что: как вы нас рассудите, так тому делу и быть.

– Вот это хорошо. Ну, слушай. К кому ты пойдешь? К посреднику? Мне кажется, он в это дело не войдет. Это не его часть. К становому? Ну как ему вас рассудить? Штраф – это мы с тобой выдумали; а какой в законе за это денежный штраф? Надо наказать Ивана, ну и накажут, да ты гнешь с него деньги получить, а тебе какая корысть, что ему дадут двадцать пять розог. Так или нет?

– Так, батюшка, истинная правда. Так как мы худа никакого...

– Но этим не кончится. Если становой по правде рассудит, то надо и твоего фильку наказать. Он первый начал на работе дурачиться, да потом и сам хватил Ивана в ухо. Вот и суд весь. А впрочем, попробуй.

– Как ваша милость рассудит, так не замай и будет.

– Прекрасно. Я рассуждаю так. Пусть Иванов отец тебе заплатит три рубля. Хоть и это ему тяжело, но что ж делать, когда грех случился?

– Как же можно, батюшка? Значит, мое дело так за три рубли и пропасть должно?

С тем он от меня и ушел. Признаюсь, меня мучила неопределенность положения Ивана. Думал я помочь ему собственными деньгами, но мысль скомпрометировать себя в глазах всех удержала меня. Часа в три мне пришли сказать, что они кончили. Отец Ивана пришел просить 6 р. С него взяли 3 р. деньгами, да полштофа водки – 2 р. 50 к. Итак, главным наказанным остался я; мне предстояло иметь до поздней осени дело с рабочим, которому следует всего на все 2 р. серебром. Вечером, при закате солнца, выйдя на пруд, я увидел две фигуры отцов-соперников, стоявших рядом в интереснейших позах. У обоих руки были сложены крестом по-наполеоновски, а лица с выражением римских сенаторов обращались к закату. Видно было, что оба уже вкусили от даров Вакха и находились в самых дружеских отношениях.

203

VI. Значение средних землевладельцев в деле общего прогресса
В майской книжке «Отечественных записок» на стр. 71-й, в статье г. Павла Небольсина читаем следующее:

«Выше сказано, что крестьянам нечему было научиться от помещиков. Действительно, сам управитель, со слов которого написана у меня эта страница, подтверждает, что помещичьи усадьбы не имели никакого дельного, хозяйственного преимущества перед крестьянскими. Вот его слова, как итог долголетних наблюдений. Помещики, вместо того, чтобы хозяйственно хозяйничать, заводят конопляники, огороды, воздушные сады, приносящие общую пользу, или, по крайней мере, чтобы умненько хлеб сеять и возделывать землю, утучнив ее приличным образом, ограничивались тем, что ширили во все стороны пашни. Они не заботились о навозе, не верили в земледобрительность других средств, не старались об улучшении скота и увеличении его численности, а главнейшею задачей поставляли ни к чему не ведущие и вовсе не сообразные со средствами и потребностями прихоти и роскошь. Бывало, у помещика скот с голоду крыши у мужиков обдирает, а землевладелец сгоняет крестьян строить в саду храм славы да триумфальные ворота! У иного хорошенькой лошаденки нет, чтобы на работу выехать или обоз в город отправить, а целый мир день-деньской пытит у него на усадьбе за очисткою дорожек в его на английский манер разведенном саду. Вся дворня чуть не с голоду умирает и бьет баклуши в совершенном бездействии, а тут рядом с нею и теплицы, и оранжереи, и грунтовые сараи. И часто-пречасто сырой, водянистый, но выращенный у себя дрянной арбузик куда как дороже обходился того, который можно бы выписать по почте, прямо из Милютиных лавок. Но теперь прошла пора азиатского барства; мы это осенью же увидим, прибавил управитель. А примета простая! Барыни наши, помяните мое слово, меньше варенья в нынешнем году наварят».

Сколько капитальных обвинений в этих немногих строках! И все они несправедливы и неосновательны. Тем не менее спасибо и за них. Такими обвинениями дело подвигается вперед. Оно выходит на жизненную арену из-за неприступных окопов литературных отвлеченностей. Это уже не те неопределенные фразы, против которых возражать нельзя, а если можно, то такими же пустыми общими местами. Господин Небольсин, как писатель серьезный, чувствует бесплодность общих мест и прямо указывает на то, чего не делают и что должны бы делать помещики. Рассмотрим же, хотя поверхностно, эти обвинения. Сам управитель, со слов которого Небольсин

исписывает страницу, подтвер-

ждает, что крестьянам нечему хорошему было научиться от помещиков. Капитальная

фраза эта, хотя тоже совершенно общая, совершенно несправедлива. Была бы только охота да возможность, крестьянину всегда было, есть и, вероятно, еще больше будет впоследствии чему поучиться у помещика. Что касается до меня лично, то при въезде в усадьбу небогатого, но мало-мальски образованного помещика, материальным средствам которого не позавидует и самый скромный горожанин, – при въезде в подобную усадьбу я каждый раз не могу подавить в себе невольное чувства недоверия к действительности. Мне все кажется, что я все это во сне вижу. Наш брат, ружейный охотник, которому приходится за лето изъездить до 1000 верст по всем возможным проселкам и закоулкам, останавливаясь где попало, поймет это лучше всякого. Куда бы вас, кроме помещичьего дома, ни закинула судьба на ночлег, вы везде мученик. Всюду одно и то же. Духота, зловоние самое разнообразное и убийственное, мухи, блохи, клопы, комары, ни признака человеческой постели, нечистота, доходящая до величия, ни за какие деньги чистого куска чего бы то ни было. Всюду дует и течет, и ни малейшей попытки принять против этого меры. Страшный зной, и никакой потребности посадить под окном деревцо. Совершенное отсутствие чувства красоты, ни одного цветка, и если на огороде красуются подсолнухи, то единственно затем, чтобы осенью можно было щелкать его семечки. Вы скажете, бедность. Но почему же в уездных городах, у зажиточных людей, осушающих по несколько самоваров в день, – то же самое? Тот же разительный запах прогорклого деревянного масла и невычищенной квашни, та же невозможность достать чистой посуды или пищи, за исключением вечных яиц. Проездив неделю таким образом, вы и сами убеждаетесь в невозможности достать здесь или завести что-либо порядочное. Нет, думаете вы, нужна еще тысяча лет, – и с этими мыслями вдруг въезжаете в помещичью, хотя и соломой крытую, усадьбу. Все зелено и приветливо. Видно, что здесь на степи дорожат каждой веткой. Там старые ивы нагнулись над прудом, здесь молодые тополи вперегонку тянутся вверх, а в сторонке где-нибудь виден древесный питомник. Перед балкончиком пестрый партер, и всюду чистые дорожки, по которым ежедневная утренняя роса не мочит ног и не портит обуви. Вы входите в дом, насекомых нет, зловония нет; все чисто, все прибрано к месту. Вас встречает небогато, но мило одетая хозяйка; фортепиано и ноты показывают, что она худо ли, хорошо ли играет. Между тем хозяин, загорелый и усталый, возвращается с работы. Стол накрывают чистой скатертью – гордость домовитой хозяйки. Суп без всяких убийственных запахов и – о роскошь! – кусок сочного

205

ростбифа со стаканом хорошего вина. Может быть, этого вина и небольшой запас, но оно есть и радушно предлагается гостю. Вечером вы засыпаете на мягкой свежей постели. Разве это не волшебство? Утром вам предлагают до подставки хотя старомодный, но все-таки покойный экипаж; хомуты целы и смазаны. Мы берем в пример небогатых помещиков. Правда, все виденное вами стоило хозяевам невероятных хлопот и усилий. Хозяйка, быть может, не только не в состоянии выписывать арбузов из Милютиных лавок, а даже купить цветочных семян для своего партера. Но у нее есть хорошие соседки, и она им скажет: «Берите у меня сколько угодно семян редеды и корней георгин, я в нынешнем году отвела множество отводков, а мне одолжите астр». Одним словом, вы слышите тут присутствие чувства красоты, без которого жизнь сводится на кормление гончих в душно-зловонной псарне. И все-таки господин управитель думает, что крестьянам нечему поучиться у помещиков. Но кто же подвинул наше сельское хозяйство и на ту невысокую ступень, на которой оно, по разным обстоятельствам, находится в настоящее время? Кто развел высокие породы коров, овец, лошадей и всевозможных растений? Спросите у хлебных торговцев, чьим хлебом они торгуют, чья шерсть идет на фабрику и в продажу? Из чьих садов фрукты поступают в лавки? Крестьяне даже и не умеют ходить за садом и не чувствуют в этом потребности. Помещики, по мнению г. управителя, не разводят воздушных садов. Кто же их разводит, когда, кроме помещичьих, за ничтожными исключениями, нет садов?

Покончив с этим общим положением, рассмотрим более определенные и прямые обвинения. Что значат слова: «умненько сеять хлеб»? Значит ли это в известных случаях возделывать землю, утучняя ее приличным образом, или ширить во все стороны пашни? Ширить пашни – значит, распахивать девственную землю, новь. До сих пор никакая искусственно удобренная почва не может состязаться с новью. Уже по одному этому всякий хозяин, желающий «умненько» хозяйничать, при выборе из двух десятин оставит навозную и возьмет новь. «Умненько» значит в хозяйстве «выгодно». Наше сельское хозяйство продолжает двигаться на прежних основаниях, с той же разницей, что прежде было трудно с точностью определить ценность труда, а теперь он сам ежедневно выражается мерилom ценности, деньгами. Только по этой причине возьмем пример из вольнонаемного хозяйства. В нашей стороне, если можно купить навозу (часто этого сделать нельзя ни за какие деньги), то не дешевле 15 р. серебром за 360 возов – количество, не доставляющее еще сильного удобрения.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Да вывести его на десятину стоит те же 15 р. серебром; да раскидать и запахать
его – около 2 р. серебром; итого удобрение стоит 32 р. серебром.

206

А распахать луг, на котором нет пней, стоит не дороже 10 р. серебром.
Спрашивается: кто бы поступил умненько, тот ли, кто, как обвиняемый помещик,
расширил бы пашни, или тот, кто, по совету г. управителя, стал бы тратить
непроизводительно 22 р. серебром на удобрение каждой десятины. Вот таковы-то
большею частью все ораторские возгласы перед судом самих фактов.
Не менее практична следующая за тем фраза в устах г. управителя. «Бывало, у
помещика скот с голоду крыши у мужиков обдирает, а землевладелец сгоняет
крестьян строить в саду храм славы да триумфальные ворота!» фраза, как видите,
оканчивается знаком восклицания. Подумаешь, в самом деле, какие злодеи эти
неразумные помещики! А вот я на своем веку много видывал помещичьих садов, с
беседками, воротами и калитками, но не встретил ни одного храма славы и никаких
триумфальных ворот. Допустим, однако же, что г. управитель был в этом отношении
счастливее меня: пусть он, как знаток сельского хозяйства, объяснит, какая связь
между положениями: «скот крыши обдирает» и «владелец строит храм славы»? По
нашему простому, нелитературному пониманию вещей, фраза эта вяжется не более
следующей: у человека все женщины в доме чулки вяжут, а он все книги читает да
яичницу с перцем ест. Если бы фраза была составлена так: «скот прошлую зиму
крышу обдирает, а он нынешнею осенью не дает времени убрать хлеб с полей и
погноил его под дождем», – мы поняли бы ее; а то, воля ваша, она звучит
литературно. Какой вред может причинить мифологическая постройка храма славы
скоту, который, ободрав зимою крыши, давно уже поправился на подножном корму?
Так же логична и практична частица а, противопоставляющая, с одной стороны,
неимение хорошенькой лошаденки целому миру, пыхтящему за очисткой дорожек, а с
другой – голодающую и бьющую баклуши дворню оранжереям. Дорожки чистятся в мае,
когда у доброго хозяина весенние работы кончены, и там, где мир пыхтит более
одного дня над дорожками, не дворня бьет баклуши, а г. управляющий, заведующий
работами, хотя чем долее пеший мир будет в это время на работе, тем более будут
отгуливаться на досуге, на пару и по выгонам, всякие лошадки, и хорошенькие, и
плохенькие. Об арбузе из Милютиных лавок по почте почти и говорить не стоит.
Парник, в котором должно родиться от 25 до 50 хороших арбузов, может стоить,
считая все издержки, рублей 15. Следовательно, 37 арбузов обойдутся по 40 к. за
штуку, а в Милютиных лавках надо дать за них около 40 р. серебром. Но
практический г. управитель упустил из вида два обстоятельства. Нередко помещик
живет в 200 верстах от ближайшей почтовой конторы, которая по закону не
принимает никаких жидкостей, и, верно, ни у одного из них

207

не хватило бы охоты лакомиться арбузами, ехавшими месяц или два на перекладных.
Вот и суждения г. управителя, оглашенные печатью. Неудивительно, что хозяйства
иных отсутствующих владельцев не подвигаются вперед, если надзор за ними поручен
управителям, имеющим такие превратные понятия о самых элементарных основаниях
хозяйства. Нет, не таким бессмысленно-бездушным существом вижу я, особенно в
настоящее время, среднего землевладельца. Я вижу его напрягающим последние
умственные и физические силы, чтобы на заколебавшейся почве устоять во имя
просвещения, которое он желает сделать достоянием своих детей и, наконец, во имя
любви к своему делу. Вижу его устанавливающим и улаживающим новые машины и
орудия почти без всяких к тому средств; вижу его по целым дням перебегающим от
барометра к спешным полевым работам, с лопатой в руках в саду и даже на скирде
непосредственно наблюдающим за прочною и добросовестною кладкой его, а в минуты
отдыха за книгой или журналом. Все это не выдумка праздной фантазии, а дело, на
которое я могу вокруг себя указывать пальцами. Как бы ни был скуден у него
годовой прибыль, у хозяйки дома всегда найдется и добрый совет, и даровое
лекарство для пришедшего больного. Конечно, есть и между помещиками немало
людей, которым дики и машины, и новые отношения; но мы говорим про общий поток,
а не про лежащие на дне русла камни. Косность бывает и в литературе, и в науке;
такова воля судеб.

Честной деятельности землевладельцев с каждым шагом открывается обширное и
благодатное поле. Надобно только, чтоб они все более и более прониклись
сознанием важности своей задачи. Невозможно поверить, чтобы добросовестный и
сознательный труд не принес наконец своих плодов и чтобы добрый пример остался
без влияния на массу народонаселения. Можно порицать дурные дела злых и
неразвитых людей, сожалеть об ошибках заблуждающихся; но слепо враждовать в
настоящее время против землевладельцев – значит желать косности, безысходного
мрака, отсутствия всякого идеала в жизни. А это тяжкое проклятие. Не дай того
Бог свободному народу!

VII. ферма, пробы и клевер

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
В записках моих, изображающих первоначальное устройство моей фермы*, в самую, можно сказать, минуту хаотического брожения двух разнородных элементов земледельческого труда:

* См. «Русский вестник» 1862 года, №МГ 3 и 5 «Заметки о вольнонаемном труде» (Примеч. Фета).

208

крепостного и вольнонаемного, я решился ограничиться фотографическою передачей фактов, предоставляя им говорить за себя. С тех пор как все это происходило у меня, прошло два года. В это время многое изменилось в понятиях и на деле. Теперь уже не слышать фраз вроде следующей: вольный труд для производства гораздо выгоднее крепостного и т. п. Теперь всякий понимает, что фермерское хозяйство такое же чисто коммерческое предприятие, как фабрика, завод и т. д.; но не для всякого, быть может, ясно, до какой степени подобное заведение (я готов сказать моральное лицо) чувствительно ко всем экономико-социальным переменам. Чем меньше ферма, чем менее у нее средств прибегать к разделению труда, тем чувствительнее она к таким переменам. Если и в больших городах, этих центрах разделения занятий, подобные перемены ощутительны для жителей, на которых они влияют из третьих, четвертых рук, то легко представить себе, как они действуют на изолированную ферму, где надобно иметь все, что есть в городе, только – при содействии самого ограниченного числа рук, во многих случаях не более как двух рук для десяти и более самых разнообразных занятий. Мне кажется, что самая чувствительность элементов нового дела интересна как признак известной кристаллизации его. Великий законодатель и хозяин фермы стоят на двух противоположных концах гальванической цепи. Гениальное соображение всех разнородных последствий нового закона, необходимое первому, совершенно не нужно последнему. Только вообразите отмену дельного или введение нелепого закона, и вы легко поймете, что ежедневный, можно сказать, ежечасный опыт немедленно укажет фермеру на неизбежные для него последствия предстоящей перемены.

За два года вся задача состояла в прекращении крепостного труда. Эта задача разрешена и в некотором отношении отступила на второй план; теперь вопрос в том, как и чем заменить этот труд на деле, а не на словах. По этому поводу возникает целый ряд новых вопросов, и вот почему я не мог и не хотел на этот раз пройти молчанием те из них, которые казались мне главными по влиянию на фермерскую (в настоящее время, вернее сказать, земледельческую) деятельность. Что касается до приводимых мною фактов, я стараюсь и на этот раз относиться к ним фотографически, предоставляя им, по возможности, говорить самим за себя. Будь я настолько же способен ослепляться собственной деятельностью, как известная молочница с горшком на голове, читатель, быть может, не без удовольствия нашел бы на этих страницах много отрадных диковинок, а иной начинающий хозяин,

209

не зная, как и что ему делать, воскликнул бы: «Нашел! нашел!/* Но увы! я не могу видеть того, чего еще нет, да, быть может, и не будет, а два года слишком незначительный срок для нового, во всех отношениях, хозяйства. В прошлом году я обещал поопределеннее поговорить о принятой мною хозяйственной системе и постараюсь теперь в возможно сжатом виде исполнить обещание без всяких самообольстительных прикрас.

Как известно прошлогоднему читателю, я получал в управление двести десятин, которые обрабатывались на все манеры: крепостным и вольным трудом, исполу и отдачей в наем. Мы видели плачевный результат такого образа действий.

Разумеется, пахотная земля разделена была по-барщинскому на три поля. Самая поверхностная выкладка покажет, до какой степени барщина была права в отношении к своей вековой рутине. Из двухсот десятин примерно шестьдесят находились в пользовании крестьян, и, полагая кругом по 4 рубля за десятину, владелец имел ежегодного, но единственного расхода 240 руб. Затем ему оставалось в трех полях по тридцати по три десятины пашни и двадцать с чем-нибудь десятин сенокосу, не считая выгона да четырех десятин лесу. Как ни был бы дурен урожай на пресной земле, владелец мог делать такой расчет:

За домышн<нм>

расходом	Денег				
С 33 десятин	ржи	по	4	четверти	– 132 четверти 100
четвертей	300 руб.				
С 33 десятин	овса	по	6	четвертей	– 198 четвертей 150
четвертей	300 руб.				
С 20 десятин	лугу сена	по	100 пудов	–2000 пудов	1000 пудов 150 руб.
Итого чистого	доходу		750 руб.		

При этом он мог держать четырех лошадей, четырех коров и штук двадцать овец для собственной надобности, что вполне достаточно при таком миниатюрном хозяйстве.

Итак, хозяйничая спустя рукава, невозможно было при старой рутине получить на этом клочке, кроме собственного продовольствия, менее 750 руб. Посмотрим, сколько даст тот же клочок при новом затруднительном и хлопотливом хозяйстве? Принимая урожай прошлого 1862 года за норму (лишь бы никогда от нее не отступать!), мы должны выставить следующие цифры:

С 40 десятин озимого:

Продано 35 четвертей пшеницы по 7 руб 245 руб.

Ржи 280 четвертей по 3 руб 540 руб.

Полагая, что со временем можно будет продавать по 100 четвертей овса и по 2 руб 200 руб.

Итого валового доходу . . . 985 руб.

210

Надо иметь в виду, что вместо 8 или 10 штук крупного скота мне необходимо держать до 120. Взглянем на неизбежный годовой расход.

Десяти рабочим, считая кругом годовым и летним

жалованья по 30 руб 300 руб.

Двум скотникам 55 руб.

Расход на приварок 100 руб.

Наем посторонних рабочих 100 руб.

Ремонт орудий и сбруи 100 руб.

Приказчику 100 руб.

Получим расходу 755 руб.

Затем остается чистого доходу 230 руб.

Не забудьте, исчисленный мною расход относится к четырем полям, из которых в каждом только по 40 десятин. А если б оставить трехпольную запашку, то есть обрабатывать по-прежнему в каждом поле 53 десятины вместо сорока, то, за исключением неизменного расхода на приказчика и скотников, пришлось бы остальной расход в 600 руб. увеличить на $\frac{1}{3}$, то есть на 200 руб., что составило бы вместе уже не 755, а 955 руб. Ясно, что удержать при подобных условиях трехпольную систему – верх неразумия. Нужно было выбрать такую, которая была бы немногосложна, удобопонятна самому бесхитростному уму и давала бы возможность сосредоточить большие силы на меньшем пространстве. Кажется, проще моей системы быть не может. Разделив 160 десятин пашни на четыре поля, я забросил одно из четырех, а с остальными поступлю по старой трехпольной системе. На бумаге забросить поле весьма легко, а на практике я забрасывал свое два года и только прошлой осенью окончательно забросил. По некоторым данным, я предполагаю, что в нашей полосе шестилетняя залежь успеет превратиться в новь или, по крайней мере, дойти до возможности поднять пшеницу. Если это правда, то одно это отчасти вознаградит за прогуленные шесть лет. Кроме того, поле не перестает и во время отдыха служить экономии, вначале в виде пара, а под конец, можно надеяться, и в виде сенокоса.

Если меня спросят, на чем основаны такие блестящие надежды, то вместо ответа представлю краткую историю моего четвертого клена. 20 десятин этого поля я в 1860 году застал уже под паром, а остальные 20 вспаханными под рожь. Рожь снял в 1861 году, а 20 десятин двухгодовалого пару уже довольно густо покрылись всякого рода сорными и кислыми травами, между которыми местами стали показываться луговая травка и белый клевер. За что же, подумал я, одна половина поля будет

уже

211
зеленеть, а другая лежать черною Сахарой, да еще не дав мне ярового? Не лучше ли засеять эти 20 десятин овсом с тимофеем и клевером, хоть для пробы? В таком случае, при удаче, через год все четвертое поле представит сплошную массу трав. Так я и сделал, а пока прекрасный овес мой вызревал, скотина все лето ходила по 16 десятинам отличного подножного корму, да с заказанных для пробы четырех десятин того же трехлетнего пару сложено до 100 пудов сена невысокого достоинства.

Зная по опыту, какие тонкие и нежные ростки пускают клевер и Тимофеева трава, я принял за правило сеять их не с яровым, а после так называемой ломки овса, отдельно, и не под соху, а только под борону. Это мне напоминает прошлогодний анекдот, рассказанный не без иронии моим приказчиком об одном значительном (обязательном) соседнем хозяйстве. Прибывший из Москвы управляющий тоже принялся за травосеяние и, разумеется, в значительных размерах. «Вот и рассеяли они, – говорит приказчик, – десятинах на 100 выписных семян рублей на 700, а управляющий кричит пахарям: “Паши глубже! По положению на 2 и вершка”. – “Да глубоко, батюшка, будет”. – “Нетвоедело. Паши по Положению”. И запахали эти семена. Что же? Хоть бы одно перышко брызнуло! Так черная пахота и осталась». На нашей ферме проба травосеяния была мною сделана еще с весны 1861 года. Я высеял пять пудов выписанных от К. Я. Мейера семян: четыре пуда по четырем

десятинам бывшего коноплянику, а один на десятину двухгодичного пара, попавшего под сад. Последнюю можно считать обыкновенною пресною землей. Тем не менее, несмотря на отвратительную распашку и такой же сев, тимофей и клевер вышли и дозрели до семян прекрасно. Клевер даже повалился. Но сколько сена дала бы эта десятина – судить не могу, запустив траву на семена. Что касается до первых четырех десятин, то хотя они и не могут служить примером обыкновенному полевому травосеянию, однако не могу не сказать несколько слов о родившемся на них клевере. Я назвал эти четыре десятины громким именем конопляника, но конопля, которую я на них застал в 1860 году, была до того плоха, что во избежание возни я продал все четыре десятины на корню за 35 рублей.

Весной 1861 года я по той же земле рассеял яровую пшеницу с тимофеем и клевером, на свой риск. Я знал, что эти травы сеют и за границей с овсом, но до сих пор не знаю, делают ли то же с яровой пшеницей. Теперь положительно могу сказать, что это можно. Пшеница родилась хорошо, и под нею оказался прекрасный всход трав. По неопытности я дозволил целую осень гонять по молодому всходу лошадей. Этого, очевидно, делать не следу-

212

ет, и меня уверяли, что травы погибнут. В какой мере сбылись предсказания, видно по прошлогоднему урожаю. Клевер, которого сеялось только 'А на 3А тимофею, почти исключительно завладел почвой и дал в первый укос около 1200, а во второй около 600 пудов превосходного сена; итого около 1800 пудов с четырех казенных десятин. По 450 пудов с десятины!

Желательно бы знать, родится ли он где-либо в более громадном количестве. Вот минута, когда можно бы пуститься в постройку воздушных замков. Помилуйте! на пресной, чуть-чуть расцарапанной земле клевер повалился, на истощенном коноплянике дал по 450 пудов с десятины. Ну, если он в нынешнем году даст на 20 десятин только по 200 пудов, да 20 десятин залежи даст хотя по 50 пудов простого сена? Ведь это представит количество 5000 пудов лишнего в экономии сена, то есть около 1000 рублей нового дохода. Куда же после того годится прежнее трехлетнее хозяйство, если взять еще в соображение, что при новом плодородии полей должно возрастать, а при старом оно падало с каждым годом? Но мы будем пробовать, а не мечтать, тем более что прошлою осенью под прекрасным овсом оказался – увы! – самый чахлый всход сеяных трав. Остается одно: ждать, припоминая народную поговорку: «Осень говорит: раскущу, а весна говорит: как я захочу».

VIII. В какой мере возможно у нас требовать нововведений

В одном из петербургских журналов случилось нам когда-то прочесть следующие строки: «Гибельное влияние на наше земледелие имели следующие причины: 1) отсутствие умственного развития в народе, 2) упадок его энергии, 3) крепостное состояние, 4) недостаток оборотного капитала, 5) неразвитость торговли и промышленности, 6) плохое состояние путей сообщения, 7) слабое развитие городов, 8) незначительная степень населенности и т.д.».

По нашему простому пониманию, вся эта тирада – образец преднамеренного или невольного смешения понятий, где в виде причин выставлены последствия, а главная и, быть может, единственная причина зла попала только в восьмой номер, именно: «незначительная степень населенности», против которой только два средства – или вековое терпение, или немедленная иммиграция. Народонаселения искусственно не выгоишь, как спаржу на пару. Неужели нужно повторять *tritum per tritum**, терто-перетерто (лат.), в значении: избитая истина.

213

что в природе нет богатства, в экономическом смысле, без содействия человеческого труда; что огромный золотой остров у полюса, куда не может забраться человек, совершенно бесполезен, и все равно, существует он или нет; что где нет рук, там нет и богатства, нет не только оборотного, но никакого капитала, нет торговли и промышленности, не может быть ни путей сообщения, ни сильных городов, ни хорошей администрации, ни высших потребностей, ни энергии, ни умственного развития, а есть одна непроходимая бедность, беспомощность и перебивание изо дня в день, как у первобытных кочевников. Стоит наступить неурожайному году, и люди валяются, как мухи, на свою хлебороднейшую землю. Нам все толковали о пролетариате, точно будто мы страдаем под бременем этого зла. Да господа! где же этот пролетариат, ищущий на Руси работы и не находящий ее? Покажите хоть один экземпляр этого класса. Вот третьего дня к соседу моему заезжал становой и жаловался, что, живя в огромном селе и имея под руками всеведающих сотских, ни за какие деньги не может достать бабу в кухарки. «Слава Богу, что у меня жена (прибавил он) умеет сама стряпать, а то хоть с голоду умирай. Да и точно (продолжал становой), что за неволя бабе идти теперь в чужие люди, когда она целую зиму прядет, тчет да денежки у печки зарабатывает? Холстина-то с 1'А да 2 копеек за аршин стала 6 да 7 копеек. А тут к весне свой

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
же мужик наймет ее пеньку мять, а там сажать, полоть, греть да вязать, так она около дому сыта и за лишним рублем в месяц не погонится». Вот это факт. Вы нам суете развитие, а вы нам кухарку-то дайте! Нет рук! Нет рук! Вот наш постоянный припев.

А вот вам другой факт. Прошлым летом вдруг, ни с того ни с сего, почти вся наша округа поднялась переселяться в Тобольскую губернию, и первые загадали идти на вольную степь крестьяне огромного села С., получившие в надел всю барскую землю, без остатка в пользу владельца. Тем не менее они от нее отказывались, лишь бы пустили их на вольную степь. Слух об их переселении облетел округу, и все крестьяне решили идти на вольную степь, не зная, разумеется, что это такое. Естественные условия жизни – лучшая школа. Вот пусть- ка крестьянин, и в 250 лет не забывший шатаний Юрьева дня, повладеет девять лет собственным полем лично, а не на безобразном общинном основании, да вложит в родимую землю свой пот и труд, тогда посмотрим, возьмет ли он втрое больший клоч на вольной степи? Пусть он заведет свой сад, своих пчел да свяжется возрастающими потребностями с ближайшими рынками и торговыми путями: тогда отдайте ему Юрьев день и будьте уверены, он так же мало им воспользуется, как богатый столичный

214

домовладелец. Община понятна и разумна как общество, но как владение – она не более как книжничество, если не фарисейство. Россию не раз упрекали в до-геродотовской методе строиться из бревен на живую нитку. Хороша бы она теперь была, обстроившись из камня до окончательного размежевания!

О других будто бы причинах, а в сущности, последствиях низкого уровня земледелия и говорить не стоит, например о дорогах и полицейском надзоре. Мало ли есть хорошего в странах с густым населением? Да это хорошее нам пока недоступно. В Германии вы протянули руку за пыльной придорожной сливой, а сторож уже кричит «halt!»* и хватает ослушника за ворот. Вы ломаете в лесу ветку или подымаете еловую шишку, а лесничий уже кричит «halt!», целясь в ослушника из нарезного штуцера. У нас утром целая волость мучилась, достраивая на степи несчастный осиновый мостишко, а к вечеру около него, в тине, завязнул мужик с возом и ось в грязи сломалась. На двадцать верст кругом пособить некому, а топор про случай припасен в возу. Удивительно ли, что погибающий начнет ломать первое перило или мостовину, не размышляя о том, что следующий за ним путник уж окончательно погибнет? Да какой консерватор поступит в подобном случае иначе? Признаюсь, если бы меня в подобном положении окружали обе английские палаты, увещевая не нарушать общественного порядка, я бы под их красноречие еще с большим ожесточением рубил нужную мне балку. Будь мост вечный, каменный, с хорошими взъездами и будкой со сторожем, тогда другое дело! И незачем рубить, и не позволят. А у нас, даже без надобности, руби сплеча, благо до Бога высоко, а до Царя далеко. Немцы все делают и берегут руками да капиталом, а мы достигай того же нравственным уровнем.

В прошлогодних «Московских ведомостях» выставляли на вид факт конкуренции волов с железной дорогой. За границей это действительно немыслимо. Но у нас, где иной торговый капитал не оборачивается и разу в год, разница нескольких дней и недель в доставке не может идти в соображение. Если это правда и воли требуют с меня за извоз дешевле чугунок, за что же я заплачу лишнее в пользу того или другого способа перевозки? Разве в виде премии за искусство? Но торговля и благотворительность два дела разные. Вечный опыт показывает, что никакая регламентация не может соперничать результатами с конкуренцией. Доказательство наши почты. Давно ли почтовое ведомство само просило о заметках насчет неисправностей? Что же? Его

* «стой!» (нем.).

215

закидали заметками, а толку нет по очевидной причине: кто бы ни взялся гонять почту, несмотря ни на какие льготы со стороны правительства, не сведет концов. Нельзя человеку, дошедшему до нуля, сказать: лезь в минус.

Должно согласиться, что во всяком жизненном явлении выражается не одна какая-либо причина; но в хаотическом беспорядке кричат все факторы вместе, как настоящие еврей-факторы у офицерского порога в Польше или Малороссии. Тут и причины, и следствия равно дают себя чувствовать.

Два брата Ш<маро>вы, один в Москве, другой во Мценске, содержат постоянные дворы и подряжаются доставлять вещи через извозчиков туда и обратно. Нынешний год за неделю до отъезда из Москвы я отправил через московского Ш<маро>ва ко мценскому на свое имя два экипажа и вещи. Приезжаю во Мценск – экипажей нет, хотя они должны прийти на шестой день, иначе извозчик в убытке. Зато мне говорят: не оставляйте экипажей у Ш<маро>ва. Он запил, и у него такой беспорядок, что заезжие извозчики возами обломают экипажи и вы ни с кого не получите.

Справедливость последнего замечания я испытал над экипажем, доставленным мне из

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Москвы в прошлом году, и потому по приезде в деревню, со вторника масленицы до
чистого понедельника, меня беспокоила мысль, что я опоздаю послать к Ш<маро>ву и
не успею принять мер против крушения. Наконец блины кончились, рабочие сползлись
в понедельник утром, и приказчик с двумя из них отправился на двух парах в
город. В среду вечером, в сильную метель, посланные вернулись. «Что? цело?» –
«Ничего нет. Не приходили». – «Может ли это быть? С лишком две недели!» – «Там
был извозчик из Москвы, так говорит: знать, не скоро ваши экипажи будут. Он
видел у Ш<маро>ва на дворе: так зашитые в рогожах и стоят. Московский-то
Ш<маро>в запил». Порядок! один запил на одном конце, другой – на другом, а люди
проездили даром 120 верст и потратили деньги и корм понапрасну.
Мы говорили о нашей общей бедности. Иной метафизик в яме спросит: что такое
бедность? Отец на это отвечает: неимение того, что есть у всех добрых людей.
Метафизик недоволен и говорит: «Бедность есть неимение необходимого. С этой
точки зрения, Диоген богаче Александра и Россия богаче расчисанной,
разукрашенной и упорядоченной Европы, с ее полями, мостами, садами и училищами».
На такое определение богатства и бедности мы только спросим метафизика: не фразы
ли это? И возможно ли, чтобы человек голодал, тонул в грязи, мучился и между тем
не чувствовал тягости своего положения? «Не сознает, так не чувствует».

216

Должно сознаться, результат почти оправдывает *sercie vicieux** метафизика. В
неразвитом народе можно рассчитывать только на его слабости, а не на человечески
законные потребности. Раз из неудавшегося квасу мои рабочие подняли шум, а дайте
им дурного качества мясо или сало, они докажут, что отличают хорошее от дурного.
Что лее едят они в своей семье – это дело другое. Кабаки растут не по дням, а по
часам; суммы за дешевку собираются громадные. Мяса в нашей стороне нельзя
поставить дешевле трех копеек за фунт. Неудобно ли кому открыть вместо кабаков
мясные лавки с говядиной по одной копейке за фунт? Много ли будет покупателей?
Да! Это низкая степень развития, но она все-таки результат, а не причина
бедности. Не оттого я беден, что у меня нет кареты, а наоборот. Но не по
метафизическому понятию, а по простому будничному сравнению многие называют
Россию богатой. Неудивительно, что иностранцы, выдавшие одних бар, въезжавших в
их столицы шестерню в собственных экипажах, кричали о баснословном богатстве
русских. Неудивительно, что французские журналы по поводу распродажи картин
Анатолия Демидова и теперь кричат, завидуя огромным суммам. Но ведь подобные
отдельные явления – не Россия, тем более не двигатели земледельческого
прогресса. Пусть не считают нас непоследовательными. Говоря о главном
земледельческом факторе (извините!), мы не отстаем от нашего тезиса. Для
правильного, предусмотрительного хозяйства у нас ни на что не хватает рук. Это
не дает права высшей правительственной или частной интеллигенции сидеть сложа
руки. Она обязана предусмотрительно и ревниво наблюдать, чтобы хотя наличные
силы не пропадали даром. В этом смысле, если только дело пойдет разумно,
эманципация труда, между неисчислимыми последствиями, должна заставить города
поменяться ролью с деревнями. При старом порядке город был единственной целью
всякой интеллигенции, а деревня не более как гнусным средством. В деревне
скупались, терзались, дрались и подвергали себя строгой лозе иностранных
наставников, лишь бы приобрести возможно более шансов для городской
деятельности. Деревня была училищем, чистилищем для вшествия в городской рай.
Наступила иная пора, и меньшинство городов должно занять настоящее место в
отношении к большинству деревень. Гостиная и зала пусть будут в деревне, а город
может и должен быть классною, кладовою колониальных и панских товаров, базарною
площадью, архивом, сторожкой и т. д. Прежде и в отношении социальном делали то
же, что в земледельческом.

* порочный круг (франц.).

217

Распахивали нови. Теперь, господа, новей нет, а надо по старым бороздам
пускаться с новыми усилиями. Надо приложить к делу умственную гимнастику.
Надо недостаток рук заменять машинами.
Разве это не делается? Посмотрите по большим дорогам! Сколько везут машин из
Москвы и из-за границы! В губернских городах появились магазины земледельческих
машин и орудий. Но зато сколько с ними и бед! Кому за ними смотреть? Кому их
ладить? Сколько капитала, в виде этих машин, пропадает и еще будет пропадать на
Руси даром! Опять стена безрукости и бедности. Не будем говорить о недостатке
специального образования. Предположим, что есть у нас механики, ветеринары,
счетоводы, пчеловоды и т.п. Возьмем чистый доход с моей фермы и спросим, что она
может уделить всем этим господам, даже при решении не получать ни копейки с
основного капитала? И какой образованный специалист может довольствоваться
приходящимся ему дивидендом? Опять роковая стена. На основании одних этих данных
видна несостоятельность надежд наших кабинетных агрономов на так называемые

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana образцовые фермы. Хорошо этим фермам быть образцовыми, имея за собой капитал Общества. Отчего не произвести отличного овса, которого десятина выручит 60 рублей, если на нее потрачено 120. Такой образец не маяк, а фалшфейер, заманивающий на кораблекрушение. Даже при подобных условиях ферма Московского земледельческого общества не удержалась и сдана из профессорских рук в частные. На что нам эти фермы? А наши-то хозяйства разве не образцовые пробные фермы, на которых каждый пробует ворочать дело на все стороны? Один метит в немца, другой в американца, а третий присматривается к приемам русского мужика, коли заметил, что у мужика известная отрасль хозяйства идет исправнее, чем у него. На днях по поводу одного коннозаводского вопроса я был у соседа К. Я попал к нему в полдень, то есть в час окончания утренних работ.

«Дома барин?» – «Никак нет». – «Где же он?» – «На гумне». В это время мимо меня с гумна возвращались три работника, верхом на трех лошадях, каких я еще не выдывал между барскими разгонными: огромные, сильные, здоровые и как бочки сытые. Я ничего не понимал в подобном явлении и только про себя пробормотал: «Волшебство!» Барина побежали искать, а я отправился в его кабинет. «Ну, батюшка! – воскликнул я невольно, когда К. показался в дверях. – Рабочие лошади у вас прелесть! Как вы это делаете?» – «Овсом». – «Да разве можно кормить рабочих лошадей своим овсом, не разорившись вконец?» – «Нельзя». – «Стало

218

быть, вы сознательно хотите разориться?» – «Нет. Я всю зиму делал то же, что мужики. Я извозничал и даже брал с посторонних полкопейкой на пуд хлеба дешевле мужиков. Работал, правда, немного себе в убыток; зато видите, в каком состоянии лошади и в каком виде я сам». К. показал на полушубок и валенки: «Без этого нельзя, – прибавил он. – В ночь, в полночь не ленюсь, бегу ощупывать вернувшихся лошадей: что холка? что плеча? что спина?»

Если это не химерическое пересыпание денег из правого кармана в левый, так хорошо. Главное, хорошо то, что всякий пробует все возможное. Один поступает по расчету, другой по рутине: посмотришь – результат тот же. Рядом с моими полями – поля Оловеникова. У меня четыре поля, у него еще три. У меня бурьян по залежи, и у него тоже. Только я забросил четвертую часть пашни вследствие арифметического расчета, а он забросил свое за невозможности управиться. Я предвидел стену и не пошел, а он не захотел на нее взглянуть и уперся в нее. Тем не менее бурьян и у него растет точно так же, как будто входил в арифметические вычисления.

Однако к какому окончательному выводу придем мы с вопросом о мере, в какой у нас можно требовать нововведений? Вспомним не раз «Водолазов» дедушки Крылова. В глубь моря полезем, утонем; по берегу будем таскаться, обнищаем; а держась середины, авось поправимся и хоть немного наловим жемчугу. Впрочем, человечество так устроено, что всегда и без нас найдутся охотники, не спросясь броду, нырнуть в воду. Вспомним судьбы всевозможных акций и акционеров. Нельзя отрицать великой заслуги подобных водолазов. Над их нравственными или материальными могилами история пишет: «Сюда не надо ходить». Но целый народ без остатка не может и не должен нырять подобным образом, очертя голову, на авось. Странно спрашивать: нужны или не нужны нововведения, когда все, кто волей, кто неволей, несутся по самой их быстрине и когда сама нужда заставляет их сочувствовать. Только не будем искать таких нововведений, которые неминуемо припрут нас к стене. Вот хоть бы моей экономии необходима зерносушилка, а я настроил дешевых крестьянских овинов, да и пачкаюсь с ними. Что же делать? Не строить же барщинскую, дорогую и несостоятельную ригу? А мало-мальски удовлетворительной зерносушилки нет. Вся Россия кричит: дайте зерносушилку! – а ее все нет. Другие орудия нужны не одним нам, вот они и изобретаются и усовершенствуются иностранцами. Зерносушилка нужна только нам. Гнилой Запад в это дело не вмешивается, а гноим-то свой хлеб – мы. Вот тут всякое поощрение со стороны ревнителей

219

земледелия будет уместно. Назначьте хоть миллион премии за практическую, всем доступную по цене зерносушилку, и премия в первый же год окупится одним зерном, пропадающим на дорогах к ригам и овинам. Такая премия будет полезнее мнимобразцовых ферм и иных затей в подобном роде. Попробуйте выставить значительную премию на всемирную конкуренцию, и у нас чрез год будут зерносушилки. Прежде всего будемте здоровыми людьми. *Mens sana in corpore sano**. Хуже всего эта болезненная, узкогрудая раздражительность. Судьба сводила меня с некоторыми представителями немецкой науки. Какие они все здоровые, свежие, хлеб с солью! А уж какие милые, снисходительные к непосвященным, и говорить нечего. Никогда не забуду вечерних бесед с одним из светил астрономии. Какое высокое наслаждение ходить по незнакомым пространствам и неведомым путям, опираясь на опытную руку матерински снисходительного вождя, любясь в то же время

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana благородно-человечной лично- стию, не утратившей ни одного интереса, отдавший главному! В противоположность таким явлениям один из наших талантливейших писателей рассказывал мне на днях свою встречу с замечательным типом нашего ученого. Заранее прошу извинения рассказчика, если не сумею передать слышанного его же словами. «Я всегда, – начал рассказчик, – представлял себе этот тип таким, каким наконец встретил его. Жидкие, плоские, бледножелтые волосы, узкие плечи и ввалившаяся грудь, сухие ножки иксом, голос и выражение лица птичьего. Весь вечер этот человек иронически подсмеивался над людьми, которые в состоянии тратить время на шатание по лесам и болотам с ружьем за птицами. Этому господину непонятно удовольствие проскакать на лихой лошади, врубиться в неприятельский фронт, перенестись вплавь через Геллеспонт. Он не поймет ответа русского мужика, пришедшего добровольно служить в течение двух месяцев на одном из Севастопольских бастионов. На вопрос: “А что твои домашние теперь думают?” – мужик отвечал: “Когда бы домашние знали, как тут хорошо, все бы сюда пришли”. Этот ученый воображает, что может устраивать судьбы народов, а не подозревает, что ему самому одно место на свете, богоугодное заведение, один костюм – больничный халат и колпак».

Если в известных явлениях нашей жизни низкая степень развития и является наглядной причиной отсталости или, лучше сказать, преградой на пути усовершенствований и нововведений, то, как мы сказали, это не изменяет нашего главного положения. Источник зла – все та же малонаселенность с ближай- * В здоровом теле здоровый дух (лат.). 220

шим своим последствием – бедностию. Видя быстрые успехи колоний в новых частях света, при сходных с нами условиях, мы не должны упускать из виду, что европейские колонисты вносят в новую страну силу, энергию и средства совокупности труда и густотой населения. Вот если бы кочующие народы похвастали где-либо высокими специальными школами, земледелием, садоводством, архитектурой, торговыми городами и путями, мы бы уверовали в отрешенную силу какого-то с неба сваливающегося образования.

В наши дни эфемерных общеполитических галлюцинаций эфемериды забрались и в положительную область земледелия, и у нас нет недостатка в обольстительных рекламах, в которых цифрами доказывается возможность в настоящее время наживать миллионы при вольнонаемном труде. Господа! вы бесцеремонно величаете неученого сельского хозяина невеждой; что же, вместо того чтобы торговать мнимо-спасительными книжечками, не возьметесь вы сами за дело и блистательно не наживете миллионов?

Пожелаем же себе любви к труду, ясных понятий о главной цели каждого из нас, строго охранительных законов, возбраняющих раз навсегда вторжение постороннего произвола в наши законные действия, взаимного доверия, основанного на той же строгой законности отношений, а главное – здоровья.

IX. Еще молотилка. Есть ли какой контроль над бесцеремонностью в отношении к чужой собственности?

Заглавие показывает, что из мира общих спорных положений мы переходим в мир неоспоримых фактов. Приведут ли они читателя к убеждениям, сходным с нашими или к противоположным, мы тем не менее считаем нелишним их обнаружение. В прошлогодних записках я довольно подробно описал все мытарства, через которые заставила меня пройти выписанная от г. Вильсона молотилка. Рассказ остановился на том, что привод машины требовал вместо двух четырех лошадей и ломался едва ли не ежедневно. Так ли, сяк ли, урожай 1861 года был, хотя с страшными мучениями, перемолочен частью цепями, частью убогой машиной. Мы слышали отговорку г. Вильсона, показывавшего паспорта машинистов, разбежавшихся по своим деревням с забранными задатками, и слышали его обещание выслать ко мне непременно машиниста в конце мая 1862 года, на условии, чтобы последний получал по рублю в день во все

221

продолжение работы. Надо отдать справедливость молотилке г. Вильсона (хотя он и наделал мне около 1000 рублей невознагражденного убытку): она, можно сказать, вполне удовлетворительна; но зато самая дорогая и сложная часть машины, привод, никуда не годится. Оборони Боже от него всякого человека! В наших степных хозяйствах чугунные машины, да еще состоящие из цельных литых частей, убийственны. Приводы к молотилкам должны быть деревянные, составные. Сломался зуб – вон его! Каждый рабочий может вбить такой же деревянный запасный, и делу конец. А тут выломился зуб – тащи все десятипудовое колесо на завод и переливай его, а тою порой седи у моря да жди погоды. Таков общий недостаток чугунных приводов. Но привод г. Вильсона, кроме того, по своей конструкции, которую здесь объяснить не буду, не выдерживает давления при нашей, даже самой правильной работе, хотя, предназначенный для русских, должен бы быть рассчитанным на вечное

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
авось русского человека. Трудно описать, что делалось с приводом г. Вильсона.
Ломалась то одна, то другая часть, и спасать машину являлись всевозможные
знахари, подвергавшие ее самым разнообразным искусам, бывшим в открытой вражде с
элементарными законами механики. Где нет сознательного разумения, является
клятва и божба – и эти люди клялись на чем свет стоит в истинах, подобных
следующей: «Чтобы облегчить экипаж, надо уменьшить колеса». Они клялись, а я
находился в положении философа, который видит несостоятельность чужой системы,
но не в силах составить своей. Ну, делайте как знаете. Они делали – и, о Боже!
что выходило!

Зная по горькому опыту, что г. Вильсон
смеясь все клятвы пишет

Стрелю острой на воде,

я с весны заказал соседнему машинисту такой же деревянный привод, с
горизонтальным чугунным колесом, какой он делал для своей экономии.

Как у нас нет ни телеграфов, ни комиссионеров, ни специалистов, то мы ничего
наверное не знаем, а земля только слухом полнится. И до нас с соседом дошел
слух, что в Ельце чугун лучше и гораздо дешевле орловского. Отправили за чугуном
в Елец за 180 верст. Оказалось, цена чугуна та же; но, рассчитав дальний провоз
и двухнедельную задержку посланных на завод, вещи обошлись нам почти вдвое
дороже против орловского. «Не всякому слуху верь».

На этот раз г. Вильсон сдержал слово. В начале июня, в мое отсутствие, забежал к
нам часа на два его машинист и объявил,
222

что, во-первых, менее как по два рубля в день не останется (зри уговор), а
во-вторых, не станет ладить молотилку, если ему не дадут ее в том виде, в каком
она была на заводе.

С тем и уехал. Наступил август – время ржаного сева. Нужны семена. У соседа
привод, близнец моему, уже работает, а мне оставалось только к вильсоновской
молотилке приладить деревянный привод. Нынче да завтра будет готов, и уж не
знаю, как я наколотил ржи на семена старым приводом. Наконец один из чугунных
зубьев главного колеса не вытерпел давления, и машина стала. Обстоятельства
заставляли меня на несколько дней уехать в Воронежскую губернию. Погода стояла
райская. «Теперь ни старой, ни новой машины, – говорю я приказчику, собираясь в
дорогу. – Надо, не упуская погоды, молотить наймом». – «Почем прикажете давать с
копны? С меня просят по восьми копеек, да я не решаюсь дать более семи». –
«Давай по пятнадцати». – «Помилуйте! с нас просят по восьми, а мы станем давать
по пятнадцати?» – «Да, да! Словом, на мою ответственность». С тем и уехал. Во
всю дорогу, туда и обратно, погода не изменялась. Проездом по деревням только и
слышна была лихорадочная стукотня цепов. Как не молотить до упаду в такую
погоду! Чем ближе я подвигался к цели поездки, тем пышнее становился урожай и
поневоле напоминал стихи:

Уже румяна осень носит

Снопы златые на гумно.

Разумеется, первым вопросом по возвращении было: «Много ли обмолотили?» –
«Ничего». – «Отчего?» – «Да обещались по восьми копеек прийти народу сколько
угодно, а тут, по вашему приказанию, давал по пятнадцати, никто не пошел. Все
себе спешат». Тем временем привод поспел. Пошли рыть землю, старый станок
вынимать, новый вкапывать, и вот стоит наложить ремень на вильсоновскую
молотилку, и дело пойдет как по маслу. Но тут – увы! – одно непредвиденное
обстоятельство мелькнуло у меня в голове. Привод делан для барабана с зубьями, а
вильсоновский барабан, с билами, требует вчетверо более оборотов. Доморощенные
механики, мы с соседом взяли по листу бумаги да по карандашу и стали взапуски
рассчитывать обороты того и другого привода. Результат вышел тот же: с новым
приводом вильсоновская машина должна идти вчетверо тише, чем следует, – и не
молотить, а только мять да путать хлеб. Пойдем пробовать! Опыт подтвердил наши
мудрые, но, увы, слишком поздние вычисления. Судьба и услужливый сосед и тут
выручили. У него оказались два станка с зубчатыми цилиндрами, из которых он
одним снабдил меня. Опять вырывать
223

старый и вкапывать новый станок. Теперь вся машина новая, и дело пойдет на лад.
Мастер получил на чай и остался доволен, а я в десять раз довольнее. Через три
дня, к ужасу моему, приказчик объявляет, что главное колесо на одном месте
оборота прыгает. Бегу, смотрю: прыгает. «Стой! стой! за мастером! А то все
полетит вдребезги». Остановили, и пятнадцать рабочих ничего не делают, то есть
пьют, едят и жалованье получают. Явился мастер, весь выпачкался в масле и дегте
и объявил, что можно пускать. Пятницу прочинились, а в субботу опять запрыгало.
Слава Богу! В понедельник справим и будем работать. Но мастер закапризничал и
запил. Как быть? Под влиянием велеречивого Вакха он объявил наотрез, что не

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana может теперь устанавливать машину. «Я, – говорит, – забыл им сказать, чтобы мазали верхнюю шейку в ходовом колесе; они не мазали да истерли ее. Теперь ни веретено, ни подшипники не годятся. Я не поеду». – «Что же делать?» – «Тут есть, – говорят, – по соседству такой мастер». – «Это тот, что в прошлом году забрал вещи и деньги да уехал в Елец?» – «Нет, помилуйте-с! То человек совсем не обстоятельный, а это настоящий мастер. Он мужик, но еще отец его был машинистом, делал тележку-самокат». – «Посылай за ним сейчас». Привезли мужика, которому и живописец, и скульптор дорого бы дали за позволение взять его в модель сатира. Надо было разобрать машину, и сатир с таким адским озлоблением принялся за дело, что я ежеминутно ожидал окончательного истребления привода. Вот все разобрано, повывергано. Действительно, ни веретено, ни подшипники негодны. Они съели друг друга. Подшипники можно купить готовые, а веретено (двухпудовой железный брус) должно быть не только обварено на стертом месте, но и обточено на станке. Воскресенье я напрасно прождал мастера-строителя, понедельник мы провозились с сатиром, и только во вторник вечером я очутился в Орле у ворот литейного завода П<ерелыги>на. Главного механика не застал дома и, напрасно прождав его часа два, отправился на усталых лошадях в почтовую гостиницу, передав помощнику испорченное веретено и просьбу к знакомому мастеру.

«Будьте покойны».

Однако я не успокоился и рано утром послал узнать о судьбе веретена. «Никак не могут раньше будущего понедельника взяться за эту работу, так как они на срок делают блоки для домашнего театра». – «Извозчик здесь?» – «Здесь». Скачу на завод. «Пожалуйста!» – «Не могу, не могу». – «Для знакомства». – «Не могу, не могу. Ради Бога, не просите». – «Войдите в мое положение. Рабочие гуляют. Вам это трехчасовая работа, а я должен ехать домой с пустыми руками и в понедельник гнать

224

нарочного семьдесят верст. Только в среду дай Бог уладить машину. Ведь это две недели лучшего времени пропало!» – «Не могу, не могу!» Делать нечего. Вернувшись в гостиницу, я стал ходить взад и вперед по комнате, раздумывая, как тут поступить? Служитель принес кофей. Я спросил, не знает ли он, как пособить моему горю. «Прикажете позвать фактора? Он здесь в коридоре во всякое время обретается». – «Позови». Вошел рябой мещанин, с тем выражением, которое бывает у трактирных половых, когда они объявляют, что есть все, что прикажете. Фактор сказал, что приведет такого кузнеца-слесаря, каких в России на редкость и который мне все дело мигом обделает. «Хорошо, веди слесаря да заезжай на моем извозчике на завод за веретеном». Завод в трех верстах от гостиницы, и это за утро третий конец, следовательно, восемнадцать верст. Явился слесарь. Кто изобразит все внушительное величие синей сибирки, красного носа и чувства собственного достоинства? «Будьте покойны. Представим вещь в настоящем виде. Я мастер. Без хвастовства могу сказать, мастер. Покойному Государю Александру Павловичу чинил экипажи. Извольте справиться, имею медаль на анненской ленте». – «Что же это будет стоить?» – «Всего пять рублей». – «Когда может быть готова?» – «В четыре часа пополудни». – «Раньше нельзя?» – «Ни коим родом. Ведь надо на станке обточить. Помилуйте! Неужели мы выпустим из рук недоделанную вещь? У нас при заведении свой станок. Всего дела-то на полчаса». Я отдал мастеру веретено, а фактору на водку. В то же утро заехав в заведение садовых и некоторых земледельческих орудий, я, слово за слово, передал хозяину мой недавний разговор с мастером. «Да вы плюньте ему в рожу, – воскликнул неожиданно хозяин. – Какой у него токарный станок? У нас в целом городе один только и есть на литейном заводе». Был третий час дня. По условию работа должна была быть скоро готова. «Поеду, – подумал я, – к слесарю: увижу, по крайней мере, что там делается». Приезжаю по адресу. Длинный грязный двор. Налево жилой дом, направо сарай с хламом, в глубине невзрачная кузница и ни живой души. Вхожу в кузницу, сопровождаемый ожесточенным лаем цепной собаки, и первый предмет, попадающийся на глаза, мое веретено, в первобытном виде, сунутое в тлеющие угольки горна. Хорошее начало! Иду на крылечко дома. Стучусь. Ответа нет. Повторяю удар. Выходит толстая баба. «Где хозяин?» – «Отдыхают». – «Позови». – «Сейчас». Минут через десять в кузницу явился преобразенный хозяин, пьяный, пошатывающийся, в каком-то фантастическом поварском костюме с кожаным фартуком. За ним явились два замазанных оборванных парня.

225

Один стал разбуравливать ступки у нового стана колес, а другому хозяин сиплым голосом крикнул: «Дуй!» Началась перековка инструментов. Опыт показал, что от подобного мастера нельзя отлучиться, и я дал себе слово остаться до окончания работы. Три битых часа простоял я над мало-помалу отрезвлявшимся вулканом. Довольно за это время перебивало посетителей. Заметнейшими и почетнейшими оказались солдаты пожарной команды.

– Что ж ты? скоро там? – кричал один из них со двора, в то время как другой, присев в самой кузнице на новом колесе, просил: – Ребята, нет ли трубочки покурить?

– Ты у ребят-то попроси.

– Ну! а ты чего клещами-то сбоку берешься! Разве так можно? Эх вы! Так вот как, во! Видал? А то где ее сбоку удержат? Ведь это не что-либо такое.

– Да ну! Скоро ль ты взаправду там? – кричал снова голос со двора. – Я уж давно мерину ногу-то поднял.

– Эх право! Ну его там, сбегай да оторви ему подкову.

– Что это, где у вас утром пожар-то был? За Полесской площадью, что ли?

– Да, за Полесской. Таки продрало.

В это время малый, отдиравший подкову, снова уселся вертеть колесо.

– Что это, – вмешался он, оскалив зубы, – у вас на Дво-рянской-то ось, что ли, под бочкой, знать, лопнула? Эх вы, команда!

– Какая там ось? Грядка соскочила. Да чтой-то у тебя у самого на затылке-то? Точно губы красные? Обжег, что ли?

– Какое обжег? Золотуха была. Два года ломала. Уж и допекла же, проклятая. Мало ли я от нее постранствовал.

– Полно дуть-то, да и ты брось вертеть да бери кувалду.

– Так! бей! еще! бей!

Я заметил плеву между обваренною шейкой и новым железом.

– Ведь ты плохо проварил, любезный!

– Помилуйте! Одно слово! На целом сдаст, а тут веку не будет. Сами изволили видеть, не железом обвариваю, а сталью. На заводе вам такого материялу не поставят. Одно слово.

– Где же точить-то?

– Да вот, у нас через улицу станок.

– Через полчаса остынет?

– Остынет.

Я уехал и через полчаса вернулся.

– Готово?

226

– Готово.

– Где ж точить-то?

– Да мы у того же П-на в полчаса обточим. Он не смеет нам отказать, мы ему сами не отказываем.

Тут я увидал, что обманут самым мошенническим образом. Но делать было нечего. «Садись! поедем!» п-ерелыгинский механик принял мастера-самозванца, как и следовало ожидать, весьма нелюбезно. Никакие увещания не помогали, и только по моей просьбе кузнецу дозволили воспользоваться токарным станком, без содействия заводских рабочих. Оказалось, что самозванец не только не умеет точить, но не может даже вставить бруска в станок, а когда лошадь тронула привод и он положил точильный крюк на железо, я ожидал, что он и меня и себя убьет. Солнце село. Работы нашей для опытной руки оставалось не более как на один час, но при такой обстановке можно было ожидать только несчастья. Видя, что дело пошло на каприз и личность против кузнеца со стороны механика, я бросил самозванца на заводе и поехал к главному хозяину заведения с просьбой уладить дело. Сейчас же поскакал нарочный с приказанием сдать дело своему рабочему, а я поехал в гостиницу обедать. Лучше поздно, чем никогда. Часов в 8 вечера явился мой первейший в России мастер, неся тяжелое веретено.

– Извольте, сударь, взглянуть. Без хвастовства могу сказать. Работа – одно слово! Что ж? Ребята на заводе в одно слово сами говорили: нам так ни за что не сделать!

Я сам видел, как рабочие не могли удерживать смеха, глядя на его приемы.

– Уж подлинно, рублик серебрецом на чаек заработал у вашей милости. Не говоря ни слова, я отдал ему деньги по условию и указал на дверь. К свету я был дома, где меня ожидал сатир, и – увы! – пятнадцать болтавшихся без дела рабочих. Если разборка машины была решительная, то как назвать сборку? Сатир долбней колотил по колесам, ломил их рычагами и, по-видимому, хотел все раздробить.

– Помилуй, что ж ты загоняешь клинья, а ни разу не прикинул по ватерпасу?

– Тут ватерпас не пользует.

– Хоть бы мелом понаметил, где неверно.

– Тут мел не пользует.

Я отвернулся и ушел, и долго еще меня провожали удары долбни: бух! бух!

В пятницу утром пришел приказчик:

– Пожалуйста машину пробовать.

227

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Попробовали: пошла молотить как ни в чем не бывало. Сатир без всякого восторга смотрел на успешный результат своей системы, получил деньги и уехал. Вот и подумал я: кузнец действительно нахальный обманщик, а и за того слава Богу. В субботу с раннего утра молотилка опять пошла работать. В одиннадцать часов явился приказчик. У меня сердце так и обмерло.

– Что?

– Да слава Богу! Бог помиловал. Чуть-чуть она меня не убила. Я лез подмазать на ходу большое колесо (это запрещено, но их не урезонишь), как она вдруг хватит надо мной, а малюго таки водилом сшибло. Спасибо не больно убился.

– Да что такое?

– Как раз на самой сварке веретено лопнуло.

– Посылай опять за мастером, а я в воскресенье опять в Орел. Знать, суждено пропадать двум неделям лучшего рабочего времени.

Сельским хозяевам, вероятно, памятна в № 264 «Московских ведомостей» 1862 года статья г. Михаловского, в которой он жалуется на непростительную небрежность гг. Сосульнико- ва, изобретателя зерносушилки, и Корчагина, механика, принимавшего заказы на изобретенную им машину?

Кто бы и что бы ни говорил в оправдание гг. Сосульникова и Корчагина, дело для г. Михаловского разыгралось самым плачевным образом.

Вместо заказанной им машины он через два месяца и десять дней после срока получил железный хлам, за провоз которого с него взяли втрое против действительной цены. Деньги за машину 175 рублей и все хлопоты пропали даром; да весь хлеб, около 4000 четвертей, оставшись в сыром виде, не мог поступить в продажу. Ведь это в большей части случаев равняется конечному разорению. Таких примеров безнаказанного произвола над чужим имуществом у нас не перечесть. Прошлым летом крестьяне деревни З-щи, везшие с завода партию сахара в Москву, свернули с шоссе в свою деревню и распродали сахар в собственную пользу. Вот кстати! Когда я дописывал последние слова, мне объявили о прибытии из Мценска несчастных московских экипажей. Привез их обратно ехавший из города знакомый крестьянин. Я велел расшить рогожи. По счету все оказалось цело, но верх тарантаса от удара перекосялся. Этого мало. Тарантас пришел к нам зашитым, а между тем по вскрытии рогожи оказалось, что московский извозчик расшивал его и ехал в нем всю дорогу. Новый трип на спинке и локотниках замаслен грязным полушубком, а клеенка под ногами стерта и исцарапана сапож-

228

ными гвоздями. Стало быть, кроме провоза я заплатил тридцать рублей за то, что мне сделали убытку на пятьдесят рублей. Желательно бы знать, есть ли какой-либо контроль над подобными проделками, контроль не на словах, а на деле? Отчего в Париже вы поручаете, что вам угодно, первому уличному комиссионеру без всякого опасения, а у нас никому ничего доверить нельзя? Не говорите о низкой степени образования. Это фраза несостоятельная перед ежедневным опытом. Разве у нас в образованных и, пожалуй, по преимуществу образованных слоях не то же самое? Тут не невежество виной, а безнаказанность. Разве литература наша не делает с первым попавшимся именем того же, что извозчик сделал с моим тарантасом? Уважение к незыблемой силе закона, уважение по преданию и привычке, всосанное с молоком матери, вот основа и сущность воспитания. Мы все большею частью дурно или, пожалуй, вовсе не воспитаны. Но об этом после.

Х. Новое Положение о потравах и загнанные лошади

Что ни говорите, а некоторые явления обыденной жизни воочию показывают перемену к лучшему и заставляют с недоверием оглядываться на недавнее прошедшее. Не дальше как два года тому назад не было иных средств сколько-нибудь оградить поля и сады от вторжений чужого скота, как увечить и чужую скотину, и чужих пастухов. Эта единственно целесообразная система была, по безмолвному соглашению, принята повсеместно и нередко проявлялась в правильных набегах, отпорах и побоищах. Дело требовало стратегических способностей с той и с другой стороны, но, увы! – все пинки, зуботычины и арапники не исправляли векового зла. И вот не прошло двух лет, как стало невозможным и ненужным бить и ловить кого бы то ни было. Никому, вероятно, и в голову не придет гнать скотину на ваше поле, а если какая случайно забежит, то хозяин, вероятно, прежде вас бросится отыскивать и загонять ее. «Не бей дубиной, а бей полтиной». Крестьянин без особого сожаления пропьет рубль-другой в кабаке, но заплатит два рубля за забеглую свинью для него очень чувствительно. Прошлою осенью табун мой, под надзором двух мальчишек, пасся по отаве, рядом с овсянем соседа Р-а, по которому тоже паслись барские лошади. Наши пастухи, помня строгое приказание не пускать скота по чужим полям, не решались перейти к мальчишкам-пастухам Р-а, которым, как видно, очень захотелось проводить время в общей приятельской беседе. Правда, они могли бы устроить раут на меже, но тут надо наблюдать за лошадьми. Всего лучше перегнать весь

229

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
табун в луг, что они и сделали. Видя такой радушный прием со стороны наших пастухов, р-ские крестьянские пастухи в свою очередь пригнали в луг сорок крестьянских лошадей, и все было бы как нельзя лучше, если бы приказчик наш не наехал на эту семейную картину. Со случившимся в поле р-ским старостой он пересчитал крестьянских лошадей, а с помощью рабочих загнал к нам на двор восемь барских. Разумеется, первыми парламентарями явились виновники, мальчишки-табунщики. Я им объявил наотрез, чтоб они несли по 20 коп. серебром за лошадь, всего рубль 60 коп., и что без этого лошади будут кормиться у нас на их счет.

С тем они и ушли. Несмотря на сырую погоду и местами стоявшие лужи, я вышел в поле посмотреть на всходы кормовых трав. Возвращаясь, вижу на гумне колоссальную фигуру крестьянина. Верно, за лошадьми, подумал я и не ошибся.

– Отпустите лошадок, явите Божескую милость, – завопил он еще издали. – Мальчишка-то мой их пасет. Так теперь барин скажет: выручайте как хотите. Лошади-то господские. А и барину-то обидно будет, затем что мы вашу скотину ловили да отдавали. (Действительно, скотник упустил однажды быка к Р-м и выпросил его обратно, не сказав мне ни слова.)

– Напрасно отдавали! Я только об одном прошу всех соседей: ловите мою скотину и берите законный штраф. Зато и я никому без штрафа не отпускаю.

– Да оно точно, батюшка. Ведь вот и крестьянских наших насчитали у вас сорок лошадей; вот вы с них-то и возьмите. Полно им озорничать по чужим дачам. А уж барских-то отпустите. Повек этого не увидите. Тогда хоть по два рубля с лошади возьмите.

– Я беру по Положению, а не по своей воле, и ты хоть до завтра толкуй, а рубль шестьдесят копеек штрафу неси. Без этого нет лошадей.

– Сделай же милость, батюшка! – И колосс шлепнулся в грязь на колени. Я махнул рукой и пошел по направлению к дому, а мужик, стоя на коленях, продолжал жалобно выводить:

– Батюшка, да где же нам взять рубль шестьдесят копеек? Оглянитесь на мужицкие слезы. – Видя, что я ухожу, мужик встал и догнал меня у крыльца: – Ваше благородие, хоть что-нибудь.

Как и всегда, эта проделка мне надоела:

– Ну, слушай, шестьдесят копеек тебе спущу, а рубль неси.

– Батюшка! оглянитесь на мужицкие слезы.

230

– Эх, брат, ты пришел Лазаря петь, а мне некогда. – При этом я пошел на крыльцо.

– Ваше благородие, надо же нам расходиться.

– Я тебе сказал.

– Стало, получайте рубль.

С этими словами мужик вынул из-за пазухи и подал мне ассигнацию. Смотрю, новенькая красная.

– Значит, мне девять рублей сдать приходится.

– Девять рублей.

Сдача и лошади отданы по принадлежности. О сорока крестьянских подано объявление сельскому старосте, с угрозой беспокоить посредника в случае неуплаты. А как я не беспокоил посредника, то не получил и денег.

XI. Езда по клину и сосед А. Свинцов

Один из четырех моих клинов имеет вид сапога с голенищем, идущим кверху раструбом. Сапог этот повернулся голенищем к усадьбе, подошвой на восток, а носком на север. Линия, соответствующая подошве, – граница с землей А. Свинцова. Две северные линии от носка до подъема и от подъема до раструба – граница с землей К., а южная от каблука до раструба – рубеж с землей тоже Свинцова, но только Свинцова Порфирия Николаевича. С давних пор, когда земля моя состояла в общем владении Свинцовых, крестьяне и владельцы проложили дорогу по моему геометрическому сапогу, перерезая его от половины подошвы к подъему и затем продолжая езду по к-му рубежу. Казенная мера рубежа не позволяла принимать ни вправо, ни влево, и потому рубеж со временем проездился в виде корыта, по дну которого удобно ехать только одноконной подводе. Да мужику больше и не нужно. Зато от подошвы к подъему стесняться было нечем, и по целому клину набили дорогу саженой в пять шириною. Для моей экономии эта дорога не нужна. На генеральном плане ее нет. Со времени отчуждения моей дачи езда через нее сделалась и для свинцовских бесполезной. Тем не менее в первый год моего хозяйства они все еще продолжали ездить через мою усадьбу. Тот с громом и грохотом гонит на паре с базару; этот слез с кумом или с кумой потолковать, третий – водицы напиться. Те пьяны, эти и пьяны, и с трубками. Что ни говорите, в настоящее время всякий старается, насколько возможно, держаться от крестьян в стороне. Пользы от их близости никакой, а забот, хлопот и убытков не перечесть. Наглядным для меня

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
подтверждением этой истины служит деревня Плоты, расположенная чуть не в упор
против носка моего поля-сапога. Крестьянская скотина не схо-

231

дила с моего поля и заставила меня, во избежание дальнейших неудовольствий,
обречь землю канавой до свинцовской дороги.

Потраву чужих полей можно еще объяснить прибылью, которую доставляет крестьянам
подобная промышленность. Но чем объяснить следующий факт?

Вчера, проезжая по дороге мимо рожицы, я заметил, что из-под снега в аллее
торчат одни столбики скамейки, а верхней доски нет. При ближайшем осмотре
оказалось, что крашеная доска действительно сорвана и унесена вместе с четырьмя
большими гвоздями, забитыми в дубовые стулья. Отрезать, обделать и выкрасить
садовую скамью стоит денег, но за сорванную доску никто и двадцати копеек не
даст. Стоило ли трудиться красть ее и для чего?

Когда землемер обходил все наши дачи, я спросил, могу ли я запахать свинцовскую
дорогу? «Имеете полное право». Пока клин отдыхал под паром, езда по нем не
представляла особых неудобств, но когда прошлым летом пришлось готовить его под
рожь и частью под пшеницу – дело принимало серьезный вид. Я велел дорогу
запахать, а у въезда со свинцовского поля прорыть канавку. Надо прибавить, что
свинцовские, слава Богу, перестали ездить через мою усадьбу, а доехав до конца
К-го рубежа, поворачивали под прямым углом налево на большую дорогу, перерезая
таким образом и другой рубеж Порфирия Свин- цова. Поле под рожь вспахали и
переделали отлично, так что оно приняло вид черного бархатного ковра, и как ни
бились над утоптанною и укатанною дорогой, а добились до того, что и след ее
исчез. «Ну, – думаю, – слава Богу! авось отвыкнут».

В одно истинно прекрасное и жаркое июльское утро, толкуя с поваром на балконе, я
заметил двух человек, в какой-то фантастической тележке подъезжавших к нам со
стороны свинцовской дороги. Большая, статная, бурая лошадь была запряжена
натяжно дугой. Или помещик, подумал я, или франт-купец. «Михайло! не знаешь ли,
кто это такой?» – «Не знаю. Никогда не видал». – «Ну, да Бог с ними! К нам –
узнаем, а мимо – не нужно». В это время я услышал шорох в передней и не успел
выйти к залу, как дверь из передней отворилась, и на пороге появился седой,
довольно полный господин в коричневом сюртуке.

– Честь имею рекомендоваться, сосед ваш, А. Свинцов.

– Очень рад. Не прикажете ли чаю, кофею или закусить? Мы только отпили
кофей.

– Благодарю. Завтракать рано, а чаю я уже давно напился.

– Не угодно ли садиться?

– Благодарю. Все сидел дорогой. А знаете ли? Я приехал к вам с жалобой.

232

– На кого или на что? Позвольте узнать.

– На вас! – воскликнул сосед, серьезно раскатывая глазами. – Вы сделали
такое распоряжение (тут он откинул верхнюю часть корпуса назад и значительно
расставил руки) qui bouleverse tout mon bien-etre!* Вы запахали дорогу, по
которой мы испокон веку ездим. Согласитесь, что этого нельзя делать.

– Этой дороги и на генеральном плане нет.

– Это все равно, есть она на плане или нет ее. Куда же нам- то деваться?

Как нам теперь попасть на большую дорогу?

– Во-первых, позвольте заметить, что с юридической точки зрения далеко не
все равно, нанесена ли дорога на план или нет. А во-вторых, сошлюсь на вас
самых, удобна ли эта дорога для моей экономии или нет?

– О! с этим я и спорить не буду. Она забивает вам целое поле, и по вашей
даче так много дорог, что одною больше, одною меньше, вам ничего не значит. А
нам остаться без дороги нельзя.

– Помилуйте! Неужели на том только основании, что если мне в известном
отношении очень плохо, то я не должен и помышлять о каком-либо улучшении? Что же
касается до вас, вы ни в каком случае не останетесь без дороги.

– Каким образом?

– Вы не добиваетесь права ездить через мою усадьбу и остальную дачу?

– Нисколько. Проехав к-ий рубеж, мы круто сворачиваем налево, на большак.

– Прекрасно.

– Нет; оно было прекрасно, а вы сделали теперь очень дурно, и, воля ваша,
я буду жаловаться. Непременно буду жаловаться.

– Как вам угодно! Но если вы так неизменно решились жаловаться, зачем же
брали труд толковать со мною об этом деле?

– Мне хотелось уладить дело полюбовно.

– Вполне разделяю ваше желание, и если вы потрудитесь выслушать,
постараюсь объяснить мою мысль. Вы согласны, что проселок, которым вы по моей
земле поворачиваете на большую дорогу, идет параллельно вашей, то есть нашей

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
общей, меже?

– Согласен. Да к чему это?

– Позвольте! Вы согласны, что запаханная дорога и рубеж между мной и Порфирием Николаичем Свинцовым идут от вашей межи к моей усадьбе, несколько расходясь, так что четыре эти линии составляют почти правильный четверугольник?
* которое подрывает все мое благополучие (фрагм.).

233

– Да, да, согласен, согласен. Да к чему все это ведет?

– Минуту терпения! Если вам или крестьянам вашим необходимо выезжать с вашего поля на большую дорогу, то не лучше ли сворачивать сейчас же по вашей меже влево, до межи Порфи- рия Николаича, а потом ехать этою межей до проселка?

– Как это возможно! Это гораздо дальше.

– Согласны вы, что старая дорога не короче межи Порфи- рия Николаича?

– Согласен.

– Мы уже говорили, что эти две линии в мою сторону несколько расходятся, и потому ваша межа короче моего проселка. Это докажет вам и план. По вашей меже два длинника, то есть 160 сажен, а по моему проселку три длинника, то есть 240 сажен. Итак, предлагаемая мною дорога на 80 сажен короче прежней.

– Помилуйте! Как это может быть? Вы меня никогда не уверите.

– Я бы предложил пари 1000 против ваших 10. Но это значило бы взять с вас деньги даром.

– Стало быть, вы отсылаете меня на Порфириеву межу? Он никогда не позволит ездить по своей меже.

– Не позволить ездить по казенной и потому никому лично не принадлежащей меже он не имеет права, да, кроме того, межа столько же его, как и моя.

Представьте, как было бы забавно, если бы Порфирий Николаич придумал запретить мне ездить по моей меже?

– Вы другое дело, а посторонних он не пустит.

– Да вы же сами ездите по моей меже, только не по свин- цовской, на которую я вам указываю, а по к-ой. Почему же по одной должно ездить, а по другой нельзя? Мой сосед не пустит по общей меже, а я обязан пускать не только по меже, о чем бы я и не спорил, а целиком, через клин?

– Помилуйте, как вы не хотите понять? Там я еду по дороге, а вы меня посылаете по меже. Я на это не согласен. Там дальше ни за что не пустят ездить, и главное, дорога хуже. Там и проехать нельзя.

– Не прикажете ли мне проводить вас верхом и указать предлагаемую мною дорогу?

– Сделайте милость. Любопытно посмотреть на вашу дорогу.

– Петр! Вели оседлать лошадь.

Через десять минут я был уже верхом перед тележкой соседа и вывел его без малейшего труда на гладкий, высокий рубеж, по которому даже были накатаны колеи.

234

– Вот и накатанная дорога, – заметил я вслух, обращаясь к соседу. Но он сидел, видимо, недовольный, и при малейшей неровности, восклицал:

– Хороша дорога. Нет, как можно по рубежам ездить!

Наконец я вывел его на исходную точку, то есть на место, где на его рубежах дорога была мною запахана.

– Вот вы и на вашей дороге! И покойнее и ближе.

– Какое, помилуйте, покойнее и ближе? Вглядитесь-ка на вашу пашню. Пашня славная, охотницкая, а видите ли по ней этот след колес?

Я оглянулся и действительно увидел свежий след.

– Это я к вам ехал... Не могу! Делайте со мной, что хотите, а я все-таки буду ездить по вашему клину, хоть вы его пшеницей засеете. Ловите меня, отпрягайте моих лошадей, словом, делайте, что хотите, а я буду тут ездить. Какие ни старался я приводить доказательства правоты моего дела, старик оставался при своем и твердил:

– А я буду ездить.

Солнце пекло немилосердно, оводы до того кусали лошадей, что удерживать их долее на месте не было возможности.

– Теперь поступайте как вам угодно и позвольте пожелать вам доброго пути, – сказал я и, повернув лошадь, пустился рысью домой.

– Что копачи, – спросил я вечером приказчика, – кончили канаву на новом огороде?

– Немного не кончили.

– Скажи им: если хотят, пусть по той же цене становятся в поле. Ты знаешь, свинцовский рубеж окопан канавой до бывшей дороги. Пусть они прогонят эту канаву до самого Порфирие- ва рубежа. Мне эта комедия с их ездой надоела.

Осенью, после хлебной уборки, я вздумал нанять несколько десятин на весну под

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana овес. Удобнее всего было нанять у Свинцова, а потому мой приказчик отправился к нему по этому делу.

– Отдает он землю? – спрашиваю я вернувшегося приказчика.

– И отдает и нет. Я, говорит, еще и сам не решился. А ты скажи своему барину, что я буду ездить по вашему клину, как ему угодно.

– Нет, говорю, сударь! теперь уж не поедете.

– Как! Кто мне запретит? Ну, ловите меня!

– Мы ловить не будем, да вы сами не поедете. Там ров прорыт по самый рубеж Порфирия Николаевича.

– Не может быть! Успели канаву прорыть? Нет, не может быть!

235

– Извольте послать справиться.

– Ну, не ждал так скоро. Да, впрочем, брат, мне и самому в одном месте нужно канаву прорыть. Вот седьмой год собираюсь, да все не соберусь.

XII. О вероятности влияния винокурения и южной железной дороги на наше земледелие

Живя в земледельческой полосе России, мы поневоле в каждом новом вопросе обращаемся к той его стороне, которая прямо относится к земледелию. Таких, в высшей степени важных, вопросов задано на разрешение русской жизни – два: винокурение и, если проект осуществится, южная железная дорога. Здесь не место вдаваться в подробное их рассмотрение. Разрешит их окончательно сама жизнь, которая нередко любит подводить совершенно неожиданные итоги. Позволим себе высказать только некоторые соображения о вероятном влиянии этих учреждений на наше земледелие. Начнем с винокурения. Выше говорено, что, куда бы мы ни обратились с нашею жадной улушений и преобразований, всюду натываемся на несокрушимую стену малонаселенности. Работать некому, распорядиться некому, беречь некому, продавать некому и разбирать некому; а если случайно и явится деятель на одну из функций, то в качестве монополиста, так что почти было бы лучше без него. Известно, что нравственное развитие идет об руку с возрастающими потребностями. Мы уже не можем, как в старину, довольствоваться хозяйствами, в которых господская усадьба заключалась в каменной риге посреди огромного гумна. Да и к чему было затевать лишнее? Барин живал в Питере или за границей, староста жил на деревне в своей избе, крестьяне привозили готовый хлеб на гумно, а сторожа всю зиму сидели под ригой. Теперь давай усадьбу со всевозможными заведениями, дом со всем комфортом, давай книги, журналы, веялки, сеялки, молотилки, зерносушилки, конные грабли – словом, бесконечную вереницу улучшенных орудий. На все это потребность возрастает с каждым днем, а средства едва ли не идут в обратной пропорции. Только принимая в соображение такое ненормальное соотношение влиятельных условий, можно отчасти уразуметь странные явления нашей экономической жизни.

В запрошлом году, например, урожай ржи в наших местах был далеко не дурной, и рожь зимою в Орле была 3 р. 30 к. за четверть. Пршрое лето рожь родилась лучше, хотя разница урожаев и не была слишком значительна. Зато на севере России неурожай, и почти рядом с нами, в малороссийских губерниях, тоже неурожай, так что некоторые пророки, по-видимому не без

236

основания, говорили, что с установившимся санным путем, то есть к новому году, рожь пойдет из Орла не на север, а напротив – на юг. Пришел и прошел новый год, и ничего подобного не бывало. Рожь в Орле только за короткое время поднялась до трех рублей с копейками, а то продавалась и ниже трех; да и то говорят: скажите спасибо винокурам, а без них вы отдавали бы вашу рожь чуть не даром. Чем же объяснить подобное явление? Тем, что наши хлебобродные местности, за исключением разве лежащих у самых бойких сплавов, могут и должны смотреть на себя как на отделенные от внешнего мира непроницаемой стеной и предоставленные исключительно влиянию домашних обстоятельств. Эти домашние обстоятельства, наконец, меняются. По освобождении крепостного труда, освободилось и крепостное винокурение. Всякий помещик имеет право в больших и малых размерах перегонять рожь в спирт. Винокуры гребут деньги лопатами и не успевают готовить живительную влагу; кабаки вырастают как грибы, а народ благословляет судьбу и, забыв вынужденные откупом общества трезвости, пьет дешево как воду. Было бы близорукости безусловно радоваться этим явлениям, но постойте! дайте срок! Конкуренция поделит более равномерно барыши винокуров, а постоянная возможность дешево напиться успокоит рьяность любителей. У свободного винокурения есть другая сторона, другая перспектива, которая должна быть близка сердцу земледельца.

Сколько писано и говорено о том, что соседние государства, благодаря новейшим устройствам путей сообщения, отбивают у нас хлебные рынки! До какой степени трудно нам с ними соперничать, видно из следующего расчета: в Орле пуд ржи с

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
небольшим 30 к., в Москве 40 к. Доставка до Москвы с небольшим 60 к. за пуд.
Следовательно, мне почти вдвое выгоднее сжечь свою рожь на месте, чем тащить ее
гужом в Москву. Тут еще до заграничной торговли далеко, а нам необходимо
продавать за границу, если мы сами покупаем там товары. Поэтому каждое
производство, добывающее из громоздкого, тяжеловесного и дешевого материала
необъемистый, легкий и дорогой продукт, составляет величайшее благо для всей
страны. Не имея под руками положительных данных касательно вероятности успеха
русского спирта в качестве конкурента на западных рынках, не говорим ничего
утвердительно; но если бы Россия сделалась исключительной и естественной
поставщицей этого продукта за границу, то земледелие наше выиграло бы
неимоверно. Не забудем, что, вывозя зерна, мы истощаем поля, а вывозя спирт,
оставляем даже удобрильные части в виде барды. Какое другое производство
представляет разом такие две выгоды? Все эти соображения ясно по-

237

называют, что мы как рыба об лед бьемся о плачевное состояние наших торговых и
всяческих путей и что каждый новый шаг к их улучшению, каждый замысел, вроде
проекта южной дороги, не может не вызывать общей радости. Не будем спрашивать,
устойит ли тот или другой путь на собственных коммерческих ногах? Предполагается,
что всякому антрепренеру известно мудрое изречение азбуки: «Взирайте на конец».
Нас и в этом вопросе интересует одно вероятное влияние его на земледелие.
Насколько мы понимаем дух крестьянской реформы, она должна разрешить два
вопроса: эманципацию личности и эман-ципацию труда, что почти одно и то же.
Если я непременно обязан трудиться так, а не иначе, то не могу еще назвать свою
личность вполне свободною.

Труд только тогда свободен, когда подобно всем остальным ценностям
обуславливается предложением и требованием, когда он вольнонаемный. Итак,
вольнонаемный труд является логическим последствием и конечною целью реформы, о
которой, во избежание недоразумений, скажем раз навсегда, что мы ей и в
принципе, и во всех проявлениях по сей день – глубоко сочувствуем. Если, с одной
стороны, понятны тысячи препятствий к достижению конечной цели преобразования,
то не менее понятны, с другой, и материальные жертвы в пользу идеи. То и другое
в порядке вещей. Называют же себя французы единственною нацией, сражающеюся за
идею; почему же не взять нам, в том же смысле, монополию материальных жертв?
Служа главной идее, невозможно избежать необходимых и очевидно враждебных самому
делу уступок. Так в самой форме освобождения кроются два, враждебные его
конечной цели, деятеля. Первый не более как временный (так он и называется)
обязательный труд. Будучи обязательным, он в то же время не может быть
вольнонаемным. Второй враждебный деятель – поземельный надел. Если вы скажете,
что он несколько не мешает вольному труду, – я вполне согласен. Зато и вы в свою
очередь должны согласиться, что он сильно мешает вольнонаемному, без которого
столь вожделенный расцвет нашего земледелия не мыслим. Я нарочно указал на
условия, неизбежные, но тем не менее враждебные вольнонаемному труду – этому по
сей день чахламу продукту русской флоры, чуть было не сказал фауны. До сих пор
все понятно. Нельзя, признавая самую вещь, враждовать против ее существенных
качеств.

В прошлом году, по причине дружной весны, все поля разом покрылись водою, и мыши
с отчаянием бросились к жильям. Садовник, желая пораньше выгнать зелень в
парнике, должен был три раза все сеять снова. Мыши систематически съедали
всходы, пока обсохнувшая земля не распустила мышей восвосяи. Тут

238

нечего делать. Кто в степи заводит парники, должен заранее мириться с
возможностью мышиных набегов. Но если бы садовник, под предлогом просушки рам,
стал раскрывать на ночь парники и морозить вожделенный салат и огурцы, это
показалось бы непонятым или заставило бы спросить: нельзя ли предохранить рамы
от сырости, не губя и без того хилых посевов? По нашему крайнему разумению,
постройка огромной дороги, быть может на много лет, станет разыгрывать в нашем
краю роль моего садовника. Этому могучему, самобытному деятелю предстоит на
выбор: укрепить, умножить и взлелеять вольнонаемный труд и водворить общую
уверенность в его силах или на первых порах задержать его рост. Читатели,
вероятно, помнят прекрасную статью в прошлогодней «Современной летописи»
«Русского вестника»* о выгодной замене войсками посторонних рабочих при
постройке железных дорог? Совершаясь на таком основании, постройка южного пути
явится для всего края истинным благодеянием в земледельческом отношении.
Обильное продовольствие рабочих солдат заставит каждого земледельца с новым
рвением трудиться в хлеве, поле и огороде, и земледелие мало-помалу возмужает до
степени зрелости, какой от него вправду будет ожидать новый торговый путь. Если
же, напротив, работа будет производиться частными вольнонаемными рабочими, то
должно ожидать явлений противоположных. Земледелие, предоставленное собственным

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
ограниченным силам, не может и помышлять о борьбе с капитальным предприятием,
рассчитанным на большие расходы. Все и без того малочисленные вольнорабочие
уйдут на чугунку.

XIII. Рассказ знакомого с юга

Нынешнею зимой в Москве я неожиданно получил записку с приглашением повидаться с
одним проезжим семейством, с которым я был знаком, состоя на службе в
Новороссийском краю. Нечего говорить, как я обрадовался случаю увидеть давнишних
добрых знакомых и потолковать обо всем, что такими живыми и глубокими чертами
врезалось в моем воспоминании. Дети, которых долго не видишь, лучшее мерило
прожитых нами лет. Такое мерило встретил я и в знакомом семействе. Мальчик,
которого я знал в курточке, теперь вышел ко мне молодым помещиком и бывшим
студентом. Перебрав всех общих знакомых, я обратился к моему собеседнику с
такими словами:

– Видите, как я помню все подробности и радуюсь движению вашего земледелия,
вашим паровым молотилкам, разь-

* № 39 (Примеч. Фета).

239

езжающим на волах по помещикам и молотящим за 25 рублей в день до 250 копен и т.
п. Признаюсь, я всегда считал общий уровень образования в вашей местности
гораздо выше того ж(р) уровня во многих и пренюгих углах России. В этом
отношении с каждым днем можно ожидать только лучшего; но в качестве чуть-чуть не
земляка, позволю себе обратиться к вам с вопросом, на который прошу отвечать
вполне и откровенно. Какой отголосок находит в вашей стороне малороссийская
пропаганда? В мое время ничего этого не было, а потому этот элемент для меня
совершенно новый, и мне хотелось бы иметь понятие об отношении его к вашему
краю.

– Вполне понимаю ваш вопрос, – сказал знакомый, – и постараюсь правдиво
отвечать на него. То, что вы называете новым элементом, в отношении к стране
вовсе не элемент, потому что не пользуется ни малейшим сочувствием с чьей бы то
ни было стороны. Простой народ ничего не читает и потому мнимо-народные книжки –
всего менее народные, а образованный класс, если говорит по-малороссийски, так
только с чернью, а между собою, как вы сами знаете, порядочные люди говорят
чистым русским языком и читают русские книги. Степень чистоты произношения и
оборотов, почти без исключения, верное мерило степени образования. Мы так
искренно любим наш край на деле, а не на словах, что не нуждаемся в косноязычных
заявлениях этой любви на местном наречии, на котором и заявлять-то ничего
нельзя. Неужели, чтобы любить Новгород, Вологду или Мценск, нужно непременно
говорить на их местных наречиях и писать по-амченски: я гуторил (вместо говорил)
и побаляхней (вместо побольше)? Для того чтобы правильно выражать всевозможные
оттенки мыслей на языке Карамзина, Пушкина и др., необходимо кроме тщательного
образования запастись многим; а чтобы гуторить побаляхней, нужно только не
родиться немым. С недавних пор наши русские – не знаю, как их назвать, –
философы, что ли?..

– Я их называю ученые и пишу через обратное э.

– Именно ученые\ С недавних пор наши ученые стараются представить Россию
каким-то лунным миром, в котором все не так, как у людей на земле. Нам одним не
нужно ни Бога, ни чести, ни положительных законов, ни святости договоров, ни
личной собственности, ни общего литературно-образованного языка. Положим, они
все это хотят пробовать для блага человечества, да что бы им для своих
экспериментов выбрать *corpus vile** поменьше России? А то, право, смешно.

* дешевый (малоценный) организм, применяемый для опытов в биологической и
медицинской практике (лат.).

240

– Да, – заметил я, – на что, кажется, более разнообразия в наречиях и
произношении, как в Германии или Франции? Друг друга не понимают. А пусть-ка эти
господа уверят образованных швабов, австрийцев или валонов, что не надо говорить
языком Гёте или Мольера? Что касается до простого народа, то наши ученые всего
менее имеют понятия о его настоящих нуждах. Истинно ученые другое дело. Г.
Буслаев любит и изучает русскую старину, что не мешает ему в этом серьезном
занятии видеть пищу для специалистов, а никак не для народа. Народ стыдится
собрателей песен и сказок, потому что песня, сказка и грамота могут, в его
глазах, быть сопоставлены только на смех. Но я увлек и прервал вас, а мне
одинаково, если не более, интересна и другая сторона вопроса, сторона
политико-социальная.

– Понимаю, о чем вы говорите, и смело могу вас уверить, что и эта сторона
находит в нашем краю не более сочувствия, чем первая. В подтверждение моих слов
могу рассказать анекдот, в котором мне поневоле пришлось быть действующим лицом.

– Сделайте милость! Я вас слушаю.

– Мы, как вы знаете, живем и хозяйничаем вдвоем с братом. Отношения наши к крестьянам самые мирные и с первого дня реформы все более превращаются в простые соседские. За все время я вынужден был один только раз выехать на косовицу (сенокос) по поводу возникшего шума и беспорядка. Тут я довольно крупно поговорил с громадою (миром), и дело кончилось тем, что громада сама выдвинула вперед зачинщиков и тут же наказала их. Кроме этого не было ни столкновений, ни недоразумений. Крестьяне вполне довольны своим положением и нами, а мы не можем сказать про них ничего худого. С весны прошлого года стали ходить слухи о переодетых бродягах, старающихся вступать в разговоры с крестьянами и всячески волновать их. Так как обычный наш форум и агора – шинок, то, позвав шинкаря, нашего же крестьянина, я объяснил ему дело и поручил дать мне знать, если кто-нибудь чужой в простонародном платье станет слишком красно рассказывать. Незадолго до рабочей поры, в воскресенье, часов в 5 вечера, прибежал шинкарь с известием, что какой-то не наш что-то очень красно рассказывает. «Хорошо, ступай!» Отправляясь в шинок следом за шинкарем, я зашел на конный завод и из двенадцати конюхов выбрал четырех посильней и порасторопней. «Ступайте за мною к шинку да держитесь у дверей. Может, вы мне понадобятся». – «Слушаем»^ вошел в шинок и, не обращая ни на кого внимания, сел на лавку. Крестьян было много, и они в свою очередь, по-видимому, не обратили внимания на мой приход, а продолжали стоять или

241

сидеть по-прежнему. Убедясь в присутствии незнакомца, я легким движением пальца указал некоторым из тех, что постарше, на дверь. Мало-помалу громада очистила шинок, и мы остались втроем: шинкарь, незнакомец и я. «Ступай-ка, брат, и ты», – сказал я шинкарю, и он исчез за дверью. «Позвольте узнать, милостивый государь, – обратился я к незнакомцу по-русски, – что значит этот маскарад? Напрасно вы старались наряжаться. Ваш костюм никого не обманет. Цвет вашего лица и рук доказывает, что вы не чернорабочий». Поддерживая роль костюма, незнакомец понес какую-то галиматью, притворяясь, что не понимает меня, и стараясь в то же время говорить чистым хохлом. Это ему не удавалось, что я ему тотчас заметил. Мое замечание неожиданным образом сделалось поворотным пунктом комедии. Оно рассердило народного витию, и он уже по-русски пустился доказывать, что я не имею права останавливать путешественника. «Послушайте! Не горячитесь! – прервал я его. – Во-пер- , вых, вы в той западне, в которую влезли по доброй воле. Во-вторых, я уверен, стоит вас обыскать, чтобы находящиеся при вас документы увели вас слишком далеко. А в-третьих, достаточно не защищать вас, и нельзя ручаться за вашу судьбу. Громада, столкнувшись в настоящую минуту об истинном значении вашем, может заставить вас полететь в пруд. Это я говорю в виде предостережения, а теперь позвольте узнать, зачем вы здесь? Не может быть, чтобы вам не были известны наши мирные отношения к крестьянам. Вы знали, что они нами довольны. Зачем же вы пришли сюда? Смущать, восстанавливать, вызывать на беспорядки и несправедливости? Согласитесь, это положительно бесчестно. Теперь можете идти своею дорогой, и я позабочусь о вашей безопасности».

«Милостивый государь! – воскликнул он вдруг. – Мы встретимся с вами в другом месте».

«Что это? – перебил я его. – Дуэль? Посмотрите на свой костюм, и вам самим станет смешно. Впрочем, встречайтесь где угодно; не советую только здесь возобновлять нашей встречи».

Затем я велел выпроводить его подобру-поздорову из деревни и только на другой день узнал, что в знакомой вам Петровке он обращался с своим красноречием к громаде. За это красноречие мужики избили его до того, что староста, во избежание дальнейших последствий, выпроводил его куда-то на своей подводе. Дальнейшая судьба этого человека мне неизвестна.

Что касается до меня, то я отвечаю за вполне верную передачу рассказа.

242

XIV. Кому всего естественнее принять обязанность народных воспитателей С первых дней эманципации много у нас было говорено, писано, жертвовано и сделано в пользу народного образования. Чего логичнее простого положения: «Рабу не нужно образования, свободному оно необходимо»? Но логика жизни показывает, что это не так просто, как кажется, и что никакими внешними стимулами нельзя развить того, в чем не чувствуется насущной потребности. Эта неумолимая логика указывает на охлаждение к народному образованию в слоях, откуда вышло самое движение, и на болезненное состояние народных школ. Чем объяснить подобное явление? В прошлогодних заметках моих я указал мимоходом на существенную разницу между образованием и воспитанием. И на этот раз, приближаясь к подобным вопросам, мы, по своей статье, должны ограничиться общим указанием на предмет, не вдаваясь в подробное рассмотрение его. Более всего мы желаем, чтобы наша мысль не была

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
поняты превратно.

Говоря об образовании, в противоположность воспитанию, мы находили, что воспитание должно иметь своим результатом привычку свободно действовать в кругу ясно обозначенных неизменных законов, привычку, переходящую наконец в природу. Итак, первое средство к народному воспитанию – положительные и бдительно охраняемые законы, относятся ли они к нравственному или только физическому проявлению воли и выражаются ли в письменах или изустных преданиях, обычаях, обрядах. В этом смысле мы не можем назваться народом воспитанным. Но и в общей невоспитанности есть свои степени. Крестьянин, старообрядец, строго держащийся древних преданий, – люди, более или менее воспитанные в народно-русских понятиях; высший круг – люди, более или менее воспитанные во французских понятиях. Рождается вопрос: в каких преданиях воспитаны люди, отвергающие всякое предание во имя мнимо-научного движения? Мы не раз говорили и приводили примеры тому, что истинная наука чужда враждебных отношений к жизни. Но недоноски науки, преимущественно у нас на Руси, по исключительности положения, находятся в особых нравственных условиях. Они среди общей невоспитанности могут по преимуществу назваться невоспитанными. Какое явление представляет нам в этом смысле Базаров? Он отстал от народа и не пристал к обществу. От первого он сам и руками и ногами, и во второе его не пускают. Нашлась одна Одинцова, да и та потом раскаялась.

Базаров одинаково непонятен и угловат в избе и в гостиной. Ему хорошо только в своем тесном кружке, где нет преданий, нет

243
законов, где все хорошо, все дозволено, где с равным бессмыслием можно рыться немытыми руками и в чужих верованиях, и во внутренностях лягушек и разложившихся трупов.

Но оставим Базаровых в стороне и взглянем на воспитание вообще и на русское в особенности. Воспитание, как мы видели, может преимущественно обращаться к нравственной стороне или ко внешней, или к той и другой вместе. Но куда бы оно ни обращалось, воспитание представляет уже возможность жить в обществе, не истребляя друг друга, подобно дикарям. Исключительно наружное воспитание, удерживая известную стройность общества, лишает его всякой силы движения. Раз узаконенная, отлитая форма неизменна и, подобно китайскому башмаку, препятствует росту живого организма. Между тем нравственные узы, оказывая обществу ту же услугу, как и внешние, способны постепенно расширяться, согласуясь с нравственным развитием духовного организма.

Христианство является, бесспорно, высшим выражением человеческой нравственности и основано на трех главных деятелях: вере, надежде и любви. Первыми двумя оно обладает наравне с прочими религиями. Нет религии без веры и надежды; зато любовь – исключительный дар христианства, и только ею Галилеянин победил весь мир. Излишне говорить, что вера, надежда и любовь свойственны душе человека. Христианство и не могло бы быть таким могучим двигателем, опираясь на несуществующее. И важна не та любовь, которая, как связующее начало, разлита во всей природе, а то духовное начало, которое составляет исключительный дар христианского воспитания.

Что верующий верит в своего Бога и надеется на него – очевидно, но любит ли он его в христианском смысле – это другой вопрос.

И друг степей калмык

ставит перед бурханом свечку и откладывает частицу съестного на особое блюдо. Господи помилуй, сказанное в минуту опасности в том же смысле, в каком по миновании ее говорится: Господь помиловал, только подтверждает пословицу «Гром не грянет, мужик не перекрестится» и далеко отстоит от христианского: «Господи помилуй меня грешного, недостойного твоей чистоты, и сделай меня сопричастником правды Твоей, во имя моей к Тебе любви». Между этими двумя Господи помилуй целая бездна.

В последнее время литература не скупилась на заявления односторонности семинарского образования. Та же нота звучит в воспоминаниях г. Заилийского («Кадетская юность», «Оте-

244
чественные записки», ноябрь 1862 года). Вот его слова: «Все касающееся до сердца изгнано... осталась сухая процедура исполнений, приказаний и процесс бессмысленного заучивания заданных уроков самого разнородного содержания». Недавно один почтенный педагог рассказал мне о следующем курьезном экзамене вновь прибывшего в Москву семинариста: «Желая узнать, в какой мере владеет он русским языком, я попросил его описать свой приезд в Москву. С этой задачей он вышел в соседнюю комнату и долго сидел за затворенными дверями. Выходит наконец измученный, весь красный и в испарине. “Нет, – говорит, – воля ваша, на эту тему не могу”. – “Помилуйте, что же вы после этого можете?” – “Этого решительно не

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana могу, а если угодно о бессмертии души, сейчас изготавлю»». Мы слышали голоса бывших семинаристов и кадет. Если бы можно было разом спросить питомцев и других воспитательных учреждений, не исключая и домашних, мы, вероятно, в общем итоге услышали бы то же самое. Если русский ребенок не вправе жаловаться на обузу образования, то тем более ему некого упрекнуть за излишние труды, потраченные на его моральное воспитание. Думай и чувствуй как знаешь, только не попадайся в наружных проявлениях твоей нравственности.

Не так идет дело воспитания там, где воспитание есть сери- озное дело. Пишущий эти строки имел счастье воспитываться (увы! не долее трех лет) в немецкой школе. Отчего, скажите, не только посторонние мне воспитанники, но я сам озираюсь с таким тяжелым чувством (хорошо бы, если бы только с комическим) на наше русское школьное воспитание, и отчего, вслед за тем, я же не могу без чувства искренней признательности переноситься мысленно в немецкую школу? Отчего это? Очень просто! «Как аукнется, так и откликнется». Я чувствую всю меру добра, которого мне желали мои воспитатели, ту любовь к делу и к нам, детям, которая не позволяла им довольствоваться большею или меньшею степенью успехов, более или менее приличным поведением, а заставляла по поводу всякого поступка ученика обращаться к нравственной почве, на которой созрел поступок. Тут все сводилось на нравственную сторону человека. Бывали и у нас взыскания и наказания. Но самым жестоким мучением было получить выговор от директора. В случае проступков, избличавших порочные наклонности, выговор продолжался иногда более часу. При словах «поди-ка сюда» виновный входил в кабинет директора и останавливался перед ним с глазу на глаз. Увы! Не раз приходилось и мне стоять подобным образом, и если бы мне в то время предложили жестокое телесное наказание как средство избавиться от выговора, я бы с радостью принял пред-

245

ложение. Сам директор в подобных случаях не садился, а стоял в красном халате, с огромною пенковою трубкой, несколько перегнувшись через спинку кресла. Никто из нас не забудет этого халата и этой трубки. Нам под конец казалось, что сама трубка имеет свойство знать все изгибы и сокровеннейшие тайны нашего сердца. Разумеется, таким всеведением директор был обязан собственной пронизательности и неусыпному надзору учителей- надзирателей, собиравшихся под его председательством в 1-е число каждого месяца на ночные конференции. Делая выговор, что он называл *coram pehmen**, директор никогда не возвышал голоса, не прибегал к угрозам, но тем не менее был неумолим. Обнажив всю душу виновного, он целым рядом заключений доводил его до той страшной бездны отвержения, в которую с каждым шагом готовился столкнуть его господствующий в его душе порок. Подобные увещания страшно действовали на мальчиков. Многие не выносили нравственного потрясения; им делалось дурно, и ни один, даже из самых упорных, не покидал кабинета без громких рыданий.

В этом же направлении, в продолжение многих столетий, без устали работает в хорошо воспитываемых народах церковная проповедь, и из уст пастырей переходит в уста каждого главы семейства. Бабушка, рядом с сказками и преданиями старины, передает детям правила нравственности и толкования на изречения ее настольной книги Библии. Удивительно ли после этого, что народы, живущие при таких воспитательных условиях, отличаются твердостью нравственных начал и глубоким к ним сочувствием? Все это еще так от нас далеко, что многие способны воскликнуть: «Это все немчина! Нам этого совсем не нужно!»

Что же нам нужно? Нравственное шатание? Поблажка всевозможным страстям и порокам? Словом, теория ощущений? С разделяющими подобные убеждения спорить не будем. С ними мы слишком далеко расходимся. К счастью, не все русские разделяют такие мысли, чему доказательством служат попытки к народному образованию. Русское самосознание желает школ и только озирается во все стороны, ища воспитателей. Где же они? кто такие?

Прежде ответа на этот вопрос позволим себе еще раз небольшое отступление. Порицая неподвижность внешнего воспитания, мы не могли не признать за ним заслуги охранения данного порядка. Лучше какой-нибудь порядок, чем совершеннейший хаос и столпотворение. Человек, воспитанный в преданиях рус- * держать ответ (лат., нем. Ср.: лат.: *coram publico* – при народе; *coram arbitris* – в присутствии свидетелей).

246

ской старины, неизмеримо выше человека, вовсе не воспитанного. Первобытный русский человек вовсе не склонен к смятениям и волнениям, и если есть в нем к тому возможность, так только при мысли, что нарушается то, во что он привык верить как в непреложное.

Никто не может сказать, чтобы русский священник был способен преднамеренно волновать свою паству в смысле политическом или социальном. В этом отношении русское священство, как истинно христианское, стоит неизмеримо выше

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana католического, постоянно стремящегося к приобретению мирской власти. Одно это качество дает нашим священникам полное право, предпочтительно перед всеми соискателями, на звание народных воспитателей. Доверив им школы, можно быть совершенно покойным насчет политических и общественных убеждений учеников. Почему же, спросите вы, Базаровы, которые по преимуществу вышли...? Пойдите! Пойдите! Возражение ваше, по-видимому, уничтожает все сказанное выше. В самом деле, каким образом люди, с самым мирным направлением в своей среде, могут являться такими радикалами, перешагнув заветную черту? Или то, или другое неверно. Напротив, не только и то и другое верно, но одно вытекает из другого. Базаров, оставаясь в своей среде, строго ограниченной на всех пунктах, отлично покатылся бы по обычному полю. Тут исключительно внешняя гимнастика ума не привела бы его ко вражде с самим собою, а была бы, напротив, даже полезна ему лично. Что за беда, что небольшое поле огорожено со всех сторон? Рикошетируй всю жизнь, благо толчок дан и благо угол падения равен углу отражения, рикошетируй, лишь бы не сорваться за борт, рикошетируй, пока прямым и ослабевающим ходом не побежишь умирать – в лузу. Но при подобных условиях выскочить за борт – беда, и чем умнее сорвавшаяся личность, тем для нее хуже. Помилуйте! Что делать тому, для кого существование духов (*ergo spiritus existunt**) было попеременно то положением, то отрицанием единственно ради гимнастики? Человека с основами нравственного воспитания влекут известные симпатии в ту или другую сторону жизни. А тут нет никаких симпатий, а есть одна непримиримая антипатия к своему прошедшему. Но антипатия – бесплодное отрицание. Что же, повторяем мы, делать выскочившему за борт? Все предметы для него безразличны. Он на все смотрит при помощи источников изобретения. Для него все, что только есть во вселенной, су- * следовательно, духи существуют (нем.).

247

ществует под условиями: «*Quis, quid, ubi, quibus, auxiliis, cur, quomodo, quando*»*. В нем жив импульс, заставивший его выскочить за борт; он чувствует потребность рикошетировать, а тут на беду бортов-то и нет. Что ж делать? Остается один исход. Решить раз навсегда, что все предметы борт, и пошел задавать рикоше- ты. Пень – рикошет; человек – рикошет; закон – рикошет; наука – рикошет; искусство – рикошет, *et sic in infinitum***.

Часто Базаров, по-видимому обласканный судьбою, особенно если сравнить его настоящее с прошедшим, тем не менее, судя по боязливому шепоту его клиентов, озлоблен. Нам смешно. Мы думаем: «Господи! на кого и за что?» А войдите в его положение. Он настолько умен, что чувствует невозможность основать жизнь на рикошетах. Но в известных летах не дашь себе нравственной основы, если ее нет. Недаром немцы говорят: «Чему Ванечка не выучился, Иван не выучится вовеки» («*Was Hanschen nicht lernt; lernt Hans nimmermehr*»***).

Мы страдаем болезненным продуктом нашего несоразмерного стремления к высшему образованию. Объяснимся. Мы толкуем об исключительности правительственной инициативы. Эта инициатива нигде не выразилась с такою силой, как в Петровской реформе. Перед лицом прогресса правительство было все, а народ ничто, и отношение между ними было чисто крепостное. Приехал барин из-за границы в имение и видит, что старое не годится. Ломай старое! Сломали. Надо же и новое: надо повара, слесаря, бухгалтера, столяра ит.д., а где их взять? Не дожидаться же, в продолжение тысячи лет, добровольного предложения на спрос со стороны народа? Барин собрал первых попавшихся мальчиков и отдал в науку. Разумеется, первая отдача сопровождалась похоронными проводами и голосьбой; но когда родители и сверстники убедились, что преждевременная смерть не есть неминуемое следствие науки, а увидели, напротив, преуспевание ученых, то начали являться добровольные жертвы, при непременно условии получить за выучку те же льготы и выгоды, какими пользуются их предшественники. Так, у многих помещиков обучившийся какому-либо мастерству крестьянин получал исключительное право жениться и выбирать невесту. То же самое делало правительство, вербуя для своих целей специалистов.

С падением крепостных отношений рушился и подобный порядок вещей. Дело стало на коммерческую ногу и пошло на

* «Кто, что, при чьей помощи, для чего, каким образом, когда» (лот.).

** и так до бесконечности (лот.).

*** «Чему Гансик не выучился, Ганс не выучится вовеки» (нем.).

предложение и требование. Теперь посмотрим, много ли найдется охотников из дворовых или мещан платить «Яру» и повару Английского клуба за усовершенствование своих сыновей в поваренном искусстве по 300 рублей в год? Зато ни один безумец не потребует от помещика подобной жертвы в пользу первого желающего, как бы ни были велики способности последнего к стряпне. Естественный ход дела предоставляет каждому учиться на свой страх и на свой счет.

Правительство, вербуя на известных условиях специалистов, должно же наконец прийти до момента, в который все вакантные места будут заняты. Оно может

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
продолжать давать чины, но вынуждено будет отказывать в местах. Что ж из этого
произойдет? Излишек приготовленных или полуприготовленных специалистов, навсегда
оторванных от родной почвы, останетсь без занятия и составит единственно
возможную на Руси форму чистейшего пролетариата.

Таковы всегда следствия искусственного нарушения экономического равновесия.
Искусственное приготовление неограниченного числа специалистов – в своем роде то
же, что неограниченное заготовление шляп в национальных мастерских. Дело другое,
если бы в народе чувствовалась потребность в специалистах и была возможность ее
удовлетворить. Но ничего подобного нет. Возьмем для примера медиков.

Предположим, что все казенные места заняты, а в столицах конкуренция низвела
плату неизвестному медику средней руки до последнего minimum: спрашивается, куда
деваться кончившему курс? В провинцию лечить мужиков? Действительно, у многих
помещиков были сельские больницы, в которых вольнопрактикующие медики получали
приличное содержание. Но когда крестьянским общинам пришлось принимать эти
учреждения на свои руки, они решительно отозвались, что им больниц не нужно.
Даже официальные наши медики, уездные врачи – не более как судебно-медицинские
чиновники. Крестьяне и не думают у них лечиться. Если таково положение медика,
что сказать про филолога, математика, юриста? Поневоле пустишься в литературу
из-за хлеба, хотя ни для кого не секрет, какая это ненадежная богадельня. Говоря
о жертвах искусственного нарушения экономических законов, мы до сих пор имели в
виду кончивших полный курс наук. Их сравнительно немного. В пользу их энергии,
любви к ТРУДУ, а вместе с тем известной пригодности в практической жизни говорит
доведенное ими до конца серьезное дело. Но сколько незрелых плодов, недоносков
науки, высыпается ежегодно на столичные мостовые, умножая массу единственно
возможной у нас формы пролетариата? Весь этот пустоцвет сидел бы на своем родном
стебле и был бы там по-своему полезен или хотя безвре-

249

ден. Перемещался бы на новую почву только тот, кто, десять раз взвесив, с одной
стороны, свои силы, а с другой – материальные пожертвования, неразлучные с таким
перемещением, действительно нашел бы, что игра для него стоит свеч. Но пока
освещение и музыка казенные, отчего же не пуститься в пляс?

Вы скажете: везде, где есть школы, есть недоучившиеся люди. Действительно. Но
образование, а тем более полуобразование, предпринимаемое на собственный риск,
не позволяет ученику окончательно отрываться от родной среды, между тем как у
нас человек, смотрящий на науку как на карьеру, сжигает мост за собою. В Париже
в знакомом мне отеле кухарка на трудовые деньги дала своей дочери классическое
воспитание. Девушка знала по-гречески и по-латыни и готовилась в наставницы.
Хорошо, что усилила матери увенчалась успехом; но в противном случае кухарка не
задумалась бы отдать свою недоученную дочь в прачечное, корсетное или иное
заведение. Там это ежедневное явление. Но кто видал у нас институтку прачкой,
кадета или студента поваром или, по крайней мере, дьячком? Итак, представляется
следующая дилемма: или не нарушайте искусственно экономических законов, или
устройте воспитание, не ставящее человека во вражду с окружающим бытом.

Возвращаясь к народному воспитанию, мы наконец в состоянии формулировать нашу
мысль. Нравственно-христианское воспитание, какой бы высоты оно ни достигало,
только умягчает и воздвигает духовную почву для плодотворного восприятия всего
высокочеловечного, не ставя человека во враждебное отношение к его жребию, как
бы этот жребий ни был скромн.

Напротив того, искусственное умственное развитие, раскрывающее целый мир новых
потребностей и тем самым далеко опережающее материальные средства известной
среды, неминуемо ведет к новым, небывалым страданиям, а затем и ко вражде с
самою средою.
«Какой же практический вывод из всего этого?» – спросит иной. «Стало быть, вы
отвергаете умственное развитие народа, отвергаете школы?» Нимало. Во-первых, я
от души сочувствую народным школам, лишь бы они смотрели на грамотность не как
на конечную цель, а как на одно из средств к смягчению, очищению, а также и
утверждению народных нравов. А во-вторых, считаю величайшим неразумием и
жестокостью преднамеренно развивать в человеке новые потребности, не имея
возможности дать ему и средства к их удовлетворению. Не то же ли это, что в
безводной степи накормить неопытного человека селедкой, снять шапку и сказать:
«Теперь, мой друг, я свое дело сделал, накормил тебя, а уж водицы поищи сам?»

250

В настоящее время я лично обучаю двух крестьянских мальчиков грамоте. Не могу
сказать, чтоб они были слишком тупы, но они неразвиты до невероятности. Желая
насколько возможно сократить обучение грамоте, я всеми силами стараюсь развить
их мышление. Дело, кажется, идет успешно, но я считал бы себя или злодеем или
несчастным, если бы хотя одно неуместное слово мое возмутило их против среды, в
которой они до сего дня совершенно счастливы, несмотря на отрепанные рукава их

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana кафтанов. Даже Фамусов в минуту жесточайшего гнева чувствовал, что ничего не может сделать хуже над вертлявою Лизой, воспитанницей Кузнецкого моста, как: «В избу марш, за птицами ходить». Но из птичника есть надежда опять попасть на Кузнецкий мост, а что сказала бы Лиза, если б ее навек упекли за кривого скотника?

Теперь посмотрим, откуда могут явиться конкуренты на звание народного учителя? О помещиках и дамах говорить нечего. Как ни похвально в этом случае их рвение, в общей сложности оно представляет не более как дилетантизм, на который не может положительно рассчитывать народная экономия.

Грамотные солдаты, то там, то сям появляющиеся в бессрочном отпуску или чистой отставке, в качестве народных наставников представляют два неудобства: 1) порученное им воспитание, при благоприятнейших обстоятельствах, ограничится механизмом чтения и письма, составляющим не более как средство, а главная, нравственная цель потерянна из виду; 2) такое воспитание, предоставленное случайности, лишено будет нравственного единства, которое должно быть первым условием такого многозначительного дела. Нежелательно также, чтобы каждый мог ковырять в народной совести, этом священном тайнике всех грядущих судеб самого народа, а потому еще менее следует помышлять о представлении учительских мест людям из среды нравственного и материального пролетариата. Это значило бы поступать не только неосмотрительно, но преднамеренно губить народную нравственность. Впрочем, нечего и опасаться претендентов с этой стороны. Крайняя стесненность наших земледельческих средств еще надолго не позволит мало-мальски развитому человеку взять у нас на себя какую бы то ни было отрасль личной услуги. Возьмем ближайший пример нашей фермы. Вот матери- яльные средства приказчика. Он с женою (оба грамотные) и двумя детьми помещаются в комнате в 8 аршин длиною и 4 шириною. Все семейство, кроме готовой пищи, получает 100 р. годового жалованья, имеет право держать на корму лошадь, корову и несколько овец. Я знаю, что приказчик доволен своим положением

251

и крайне дорожит местом, на котором должен быть вечным, неусыпным тружеником. Спрашивается, какой вкусивший от древа познания человек удовлетворится подобною скромною долей? А ни одно из окрестных крестьянских обществ не может дать своему школьному учителю и такого содержания. Солдат, от которого мальчики поступили ко мне и который в два месяца не выучил их распознавать буквы, а только вдолбил даже не како-у, ку-ку, а како-ик, ку-ку, люди-ик, лу лу, берет за выучку 5 р. Предполагая, что он таким способом обучит в год двадцать мальчиков, он получит заработка до 100 р., а за вычетом содержания и найма квартиры только 60 рублей. Но и такой заработок для простолюдина верх благополучия. Он добывает деньги, по народному выражению, на печке сидя, под сухою крышей. Кухарка, получающая в настоящее время на ферме 16 руб. в год, получала до меня, по найму (правда, кроме одежды) три рубля за круглый год и должна была еще работать в поле. Вот они, не фантастические, а действительные наши оклады.

Не могу не сказать несколько слов об удовольствии, с каким прочел я октябрьскую книжку «Ясной Поляны». Гг. сотрудники журнала, школьные учителя, остались верны направлению графа Л. Н. Толстого. Направление это главным образом состоит в том, чтобы не вносить заранее составленных планов в неизвестную область крестьянской интеллигенции, а изучать ее и стараться пользоваться своими открытиями. В настоящее время химер нам всего дороже правда. Желание добра и чистосердечная правда дышат в каждой строке сотрудников «Ясной Поляны». Зато ничто не может сравниться с наивною их рассказов, изображающих систематическое крушение юных мечтаний в мире грубой, неумолимой действительности. Что может быть наивнее следующих строк (стр. 36)? «После масленицы я слышал, что мужики смеялись надо мной, когда я был у них пьян, и стали считать за пустого человека. И это за то, что с ними вздумал компанию свести».

Я уверен, не одни мужики, но и вы сами, г. П. П. П., осудите себя за то, что были пьяны, и притом у мужичков! К сожалению, не одним вам непонятно, почему русский мужик смотрит недоверчиво на все попытки с ним сблизиться. Почему он считает барина в поддевке за немца? Удерживаюсь от дальнейших выписок, чтобы не лишить читателя истинного наслаждения – самому прочесть всю книжку журнала. Кого же было бы всего желательнее видеть теперь народным воспитателем?

Бесспорно, священника, пока не явятся специальные педагоги, воспитанные в духе христианского смирения и любви. Остается прибавить, что священники имели до сих пор

252

средства к жизни и помимо школ. Поэтому жалованье школьного учителя только увеличит настоящие средства священника в виде премии за его новый труд. В последнее время заговорили о преобразованиях по духовному ведомству. Если б эти реформы, увеличив материальные средства духовенства, что тоже составляет

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana предмет первой важности, обратились и к нравственно-педагогическому образованию будущих пастырей-наставников, то вскоре, вместо отвлеченных проповедей, мало доступных массам, в храмах и школах раздалось бы то простое и высокое слово любви, без которого нет истинного, христианского воспитания.

ИЗ ДЕРЕВНИ <1864>

Г

Обращаясь снова с моими заметками к читателю, я прежде всего желал бы забыть, что существуют на свете какие-либо книги и вообще печать. Моею книгой должна быть непосредственно окружающая меня среда, моею риторикой очевидная, неукрашенная правда, какова бы она ни показалась с той или другой точки зрения. Только из такого простого и свободного отношения к предметам возникает для меня наслаждение трудом. Несмотря на бесконечное разнообразие своих проявлений, жизнь всюду верна самой себе и, не зная ничего второстепенного, всюду переполнена вопросами первой важности, отрицание и уничтожение которых в известной среде равнялось бы уничтожению самой жизни среды, то есть ее смерти. Правда, во всяком организме есть явления более наглядные и крупные, пульсы более очевидные, но это нисколько не умаляет значения самых отдаленных и малозаметных точек организма. В каждую из них главный пульс непременно донесет ту же влагу, здоровую или нездоровую, какая находится в главном сосуде. И наоборот, у сердца может биться здоровая кровь только при здоровом состоянии всех конечностей организма. Отравите конечность – и сердце отравлено. Внутренний смысл разнообразных явлений один и тот же, на какой бы точке ни представились они наблюдателю. В организмах целых государств труд наблюдений значительно уменьшается тем, что один и тот же орган является и корнем и плодом, и причиной и следствием. Если законодательство, с одной стороны, причина и корень данных жизненных явлений в государстве и в то же время плод и следствие тех же явлений, то и промышленная деятельность, с другой стороны, представляет такое же слияние корня с плодом.

253

Пишущего эти строки судьба поместила в центре земледельческой деятельности во время самых капитальных гражданских преобразований. Великая реформа так ярко отражается на всем окружающем, что только слепой или не желающий видеть может не замечать вновь складывающегося строя жизни. По малому знакомству с предметами, мы вообще склонны отделяться фразами вроде: «Петр Великий велик, Шекспир глубок, крестьянская реформа благодетельна». Высказавший подобную краткую, но сильную речь чувствует себя правым и как мыслитель, и как человек сердца. Некоторые идут далее, они видят в новом положении только случайную форму, а не реформу и вообще относятся к нему с высоты величия, как к маловажному событию. Такие господа очевидно остались в ожиданиях. Сущности дела они не понимают и ждали, что, по крайней мере, будет: «Валяй в колокола! черт возьми, уж коли торжество, так торжество!» И вот, ни одного лишнего удара в колокол – как же тут на слово поверить, что торжество совершилось? Попробуйте уверить немецкого подмастерья, что бал был блестящий и по обстановке, и по результатам. Для него только тот бал истинное торжество, с которого его вывели мит-шкандален унд тромпетен*. Бессознательно подмастерье прав. Бал не мог быть порядочным балом, если на нем был терпим подобный господин.

Но перейдем к самым фактам. Прошлою весной я подрядил двух соседних плотников выстроить мне кормовой сарай, с условием приступить к работе тотчас после сева. Сев давно кончился, а плотников нет. Нарочные получали обычный ответ: «Нынче, да завтра придем», и это продолжалось почти до покосу. Наконец является давно знакомый Иван. «Что ж это ты, Иван, делаешь? Время ушло, а сарай и не начинали». – «Что, батюшка! виноваты. Справимся, Бог даст. Все времечко и лошадок поза-мучили, навоз возили». – «Да откуда же у вас столько навозу?» – «Как же, батюшка! третий годок ни одна душа навозу не вывозила». – «Отчего?» – «Да все это сумление имели насчет земельки-то. Бог ее ведает, наша ли она, барская ли, а то, может, и еще там что толковали промеж себя. И сумлевались навоз-зить-то. А теперь видят, что дело-то плохо, ну и понатужились с навозом-то. Уж ты, батюшка, прости Христа ради!» – «Да ведь половина-то навозу у вас за два года даром погорела». – «Вес- тимо погорела даром – два лета пролежала. Грех такой вышел. Народ темный». Этот разговор может показаться ничтожным и указывает, по-видимому, только на неясное понимание крестьянами их новых отношений к земле; но если допустим, что

* mit Skandalen und Trompeten – с шумом и треском {нем.}).

254

колебание было между ними общее, и оценим пропавший в каждом дворе навоз только в 7 р., то дойдем до громадной цифры, которая еще не вполне выразит, во что это колебание обошлось народному хозяйству.

Таким образом и по написании уставных грамот народ продолжал не доверять своим новым отношениям к поземельной собственности, а между тем очевидно, что он сразу

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana поверил в свои усадьбы. Вот уже третий год усадьбы эти отстраиваются и украшаются с небывалым до сих пор усердием. Если дело будет продолжаться таким образом, то все деревни в скором времени будут перестроены заново. Прибавьте к этому, что в нашей стороне почти нет деревни, в которой бы крестьяне, эти исконные и прирожденные враги всякого дерева и всякой канавы, не прорыли вдоль улиц под дворами водосточных канав и не усадили бы их ракичками. Этого мало. Вера в поземельную собственность, проникнувшая наконец в крестьян, превратила личное поземельное владение в любимую мечту и высший идеал зажиточного и более развитого крестьянина. Где бы вы ни спросили, на большой или проселочной дороге, кто это строит такой славный двор, вы непременно получите в ответ: это купил землю и выселился из деревни бывший староста, бурмистр, печник и т. п. Излишне указывать на отрадную сторону этого явления. Крестьяне убедились, что усадьба их неотъемлемая собственность, для которой никто ничего не обязан им давать, и они сами умножили, обновили и украсили эту собственность. Они ревниво берегут ее от подозрительных лиц и в случае пожара с утроенною против прежнего деятельностью хлопчут о возрождении родного пепелища. Этого мало: никогда наши дороги, мосты и переправы не были в таком удовлетворительном состоянии, в какое они пришли в последние два года. Несчастья на мостах, по причине их неисправности, почти немыслимы; съезды и весенние водомоины на дорогах всегда исправлены, и – о чем прежде не было и слуху – на топких местах сельских улиц и дорог намощена хотя и грубая щебенка. Когда крестьянин не верил в свое право на землю, он, как умел, охранял только результат своего труда, то есть растущие на земле произрастения, – увечил и убивал гуся на своей капусте, лошадь на своем поле; теперь кроме продукта он бережет и свое право на землю. Как бы ни были съедены и стоптаны его луга или жнива – попробуйте запустить на них вашу скотину: она мгновенно будет загнана и вы неминуемо заплатите законный штраф. Между этими двумя, по-видимому сходными, явлениями – различие, в сущности, неизмеримое. Но все это инстинктивное сближение с собствен- ностью и соединенными с нею отвлеченными правами представ-

255

ляет совершенно новый элемент, которому еще предстоит равномерно пролиться и на весь быт крестьянина, в котором до сих пор можно было заметить самое темное отношение и в большей части случаев даже непостижимое равнодушие к собственности. О правильном и сознательном ведении хозяйства не могло быть и речи там, где под стенами столиц до сих пор встречается такая первобытность, какой позавидовал бы и степной патриарх, не имеющий никакого понятия о рыночном сбыте. Привожу со всевозможною точностью поразивший меня на днях разговор между мною и подмосковным крестьянином-хозяином Звенигородского уезда.

– А каков у вас в нынешнем году был урожай?

– Что, батюшка, облагодарил Господь, слава те Господи! овсы такие, что никто и не запомнит.

– А рожь?

– Да и рожь, должно быть, хороша.

– Как – должно быть? Сколько же у тебя родилось копен на десятине?

– Да у нас разве десятины: у нас полосками.

– Велика ли полоска-то?

– Да кто ж ее знает? Разве она мереная? Ведь это, батюшка, есть такие, что хвастают: у меня столько-то родилось да столько-то. А у нас этого нет. Что родилось – все наше. Мы ничего не считаем и не меряем. Ссыпали овес, стали лошадь кормить; нынче, может, и полмеры засыпал, а завтра побольше или поменьше – кто его знает. Значит, весь он в ней – в лошади-то – будет. И рожь также мелем да едим. Должно быть, овина два нажали с полосы-то.

Я замолчал, убежденный, что у Иова счетоводство было в гораздо лучшем состоянии, чем у звенигородских крестьян. Надо заметить, что если в нашей стороне в сущности и много сходства с описанным бытом, но подобные явления уже невозможны. Зато рядом с ревнивым ограждением своих полей от чужих потрав уживается совершенное равнодушие к убыткам от своей скотины. По тщательно связанным и сложенным копнам ходят коровы и втрое растреплют и затопчут овса против того, что поедят. Это ничего, свой живот. Сплошь и рядом лошадь перепачкает и пересорит отвезенный ворох ржи и насмерть объестся тут же. «Что станешь делать? Господь наказал!»

Говоря о влиянии внешних условий на дух народонаселения, нельзя умолчать о сильном противодействии, вызванном польским восстанием. Много приходилось мне беседовать об этом предмете с простолюдинами, и я был изумлен здравым их отношением к событиям и верною их оценкой. Ни от кого я не

256

слыхал нелепостей вроде: «Войны с белой Арапией»; зато все отзывались с беззаботным пренебрежением к безмозглому поляку и сильно негодовали на француза.

«Вот какой человеконенавистник» и «все поголовно встанем»: эти две фразы составляли обыкновенно сущность разговора. Последняя фраза готова была в северной части нашего уезда перейти в дело. Впрочем, презрение к полякам, как к воюющей стороне, несколько не уменьшало подозрительности народа, видевшего во всяком странно по-немецки одетом прохожем польского эмиссара-поджигателя. В ряду часто комических недоразумений бывали иногда и случаи действительных поимок поляков-проходимцев. Тут-то в тысячный раз оправдывался афоризм Гёте: «Если хочешь обмануть, то не делай этого тонко». Народ, так здраво относящийся в массе и поодиночке к сущности предмета, является лицом к лицу с подробностями самым слабым, беспомощным младенцем. В версте от моей усадьбы земская полиция арестовала беглого унтер-офицера или юнкера поляка, успевшего в других уездах собрать значительные деньги с крестьян, имеющих пчел. Жаль, что приличие не позволяет передать или даже намекнуть на сущность невообразимо нелепой саги, при помощи которой ему беспрепятственно удавалось обкладывать пчеловодов произвольным побором. В числе прочего он говорил, что один ребенок был закусан пчелами, и поэтому правительство, зная, что у мужиков пчельники примыкают к дворам, послало чиновника немедленно относить пасеки от жилых изб. Поляк выдавал себя за этого мнимого чиновника. Такое радикальное распоряжение среди лета и во время роевщины вынуждало мужиков откупаться по 10 и даже 25 р. от грозного, но стговорчивого чиновника. Если это не геркулесовы столбы нелепости, то таких столбов не существует.

В одной деревушке при спуске в овраг, когда экипаж должен был остановиться для торможенья, я увидел двух спорящих. Один был в черной новой свите и шляпе, наподобие гречневика, стройный, чернобородый и черноглазый парень, а другой в старом пуховом картузе и сером замасленном пальто – весьма пожилой и полный человек. По его круглому, оплывшему и чисто русскому лицу и всей фигуре я еще издали счел его за бывшего дворецкого, приказчика, словом, отставного дворового. Оказалось, что я не ошибся. Когда лошади мои остановились, толстяк, после некоторого колебания, снял картуз, причем обнаружил совершенно лысую голову, и прямо пошел к экипажу, сопровождаемый черным парнем.

– Вы, батюшка, посредник?

257

– Нет.

– Сделайте милость, защитите. Я из К-ской губернии, от помещика Д., ходил сюда к их братцу Н. П. Вот Н. П. дали мне и ответ братцу.

С этими словами запыхавшийся старик подал мне запечатанное письмо с адресом, написанным знакомою мне рукой соседнего помещика.

– Отшел я, батюшка, всего пятнадцать верст, – и здесь сотский меня задержал и совершенно ограбил.

Ясно было, что старик не поджигатель и не поляк, что слово ограбил употреблено было им для красоты слога, но тем не менее он задержан – и я не мог ему дать другого совета, как вернуться назад за пятнадцать верст и выпросить у помещика, знающего его лично, какой-либо вид для следования к месту жительства, потому что без этого он рисковал, даже вырученный мною из-под ареста, подвергнуться на всяком шагу подобной истории.

Известно, что единственное общественное зрелище по деревням – пляшущий медведь и холстинная коза с ремянною бородой. Но и тут дух времени взял свое. Ряженая и пляшущая коза уступает место более прозаическому и подвижному скомороху-татарину со скрипкой или балалайкой, а главный артист – медведь – украсился яркими лентами. Замечательно, что сельские зрители никогда не охладевают к любимому зрелищу, как бы часто оно ни повторялось. Стоит грянуть барабану и медведю подняться на дыбы для реверансу, как все и вся бросает работы и составляет кружок.

В одно прекрасное утро я заметил с балкона по малопроезжему проселку приближающуюся карету. По мере приближения экипажа он ясно оказывался польскою бричкой или так называемым фургоном, в которых обыкновенно киевские евреи развозят красный товар. Но фургон оказывался слишком красивым и четверка слишком исправною для евреев-разносчиков. Подстрекаемый любопытством, я вышел на крыльцо в ту минуту, когда четверка остановилась в нескольких от него шагах, боковая дверка отворилась и вместо разносчика показался молодой и красивый человек с кавалерийскою трубою. Следом за ним другой, третий, четвертый и, наконец, седьмой. По физиономиям и выговору видно было, что странствующие – трубачи-немцы. На мой вопрос, какие они уроженцы, они объявили себя пруссаками. Вспомнив, что у меня гостят в настоящую минуту дети, я тотчас же решился угостить их неожиданною серенадой и послал хор в сад к балкону. Хор, равно как и выбор пьес, оказались прекрасными. Дети торжествовали. Нечего говорить, что при первом взрыве громких аккордов медных инструментов ра-

258

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
бочие толпой бросились к дому с выражением полного удовольствия на лицах. Во
время довольно продолжительной серенады артистов успели перехватить
сенца. Вслед за тем сами они не без аппетита закусили на балконе и, сыграв на
прощание две-три пьесы, не в счет вознаграждения, уехали. Казалось, и артисты и
слушатели расстались совершенно довольные друг другом. Каково же было мое
удивление, когда к вечеру того же дня я узнал, что весь народ в смущении от
нашей общей недогадливости и оплошности, дозволивших нам упустить случай
перехватить поляков, переодетых музыкантами. Вот несколько черт общего
настроения умов.

II. Евсей

Брань и побои – признаки грубости, но в большей части случаев это только
признаки бессилия. Если в известной среде личности не ограждены положительными и
строгими законами от чужого произвола, то все голословные регламентации против
ругательств и побоев останутся пустыми фразами. Закон, под опасением штрафа,
запретит брань и побои, а люди за его стеною ругаются и дерутся любовно. Да
что же им остается делать? Каждый считает себя правым, а рассудить их некому – и
пошла потасовка. Ясно, что блаженной памяти крепостные отношения, где каждый был
единовременно истцом и судьей, были родимым гнездом потасовки. Самые телесные
наказания в этой среде не имели никакого права на почетный титул наказаний, а по
сущности дела оставались теми же потасовками. Какое же наказание без суда? С
отменю крепостной зависимости закон воспретил и самоуправные потасовки, но в
первое время переменено было только главное колесо машины, и лишь теперь,
благодаря заботам правительства, пересматриваются и прилаживаются к нему и
остальные части. Кроме того, деятелями и помощниками в новом устройстве
неминуемо являлись люди старого порядка. Что вы станете делать при подобных
условиях? Во-первых, и рассудить некому, кто прав, кто виноват; а во-вторых, у
человека уже мозг так устроен, что при первом препятствии нервы, движущие ручные
мускулы, мгновенно складывают ладонь в кулак и в этом виде посылают ее в нос
спортсмена. Пожалуй, меняйте ежедневно приказчиков, если это вас забавляет. Не
приказчики виноваты, а уж, видно, устройство организма. Сколько ни доказывал я
моему приказчику, что при всей очевидной правоте его требований он
самоуправством только лишает себя законного удовлетворения, да еще может
подвергнуться законной ответственности, – смотришь, бывало, только что
отлучишься

259

на некоторое время из дому, а пораженные нервы нет-нет да и сыграют свою штучку
где-нибудь на конном дворе и под молотильным сараем.

Какое возможно разбирательство, как бы ни был виноват рабочий и оскорблен
приказчик, если со стороны последнего мимика играла хотя бы ту незначительную
роль, которую обыкновенно объясняют словами: «Я только взял и отпихнул его от
себя»? В подобном случае ответ на жалобу один: «Если бы ты его не пихал, я бы
его прогнал, а теперь ты сам виноват и на меня не пеняй, что тебе трудно. Я тебе
это сто раз говорил». Раза через три такое лекарство оказалось радикальным. Но я
должен прибавить, что оно возможно и мыслимо только там, где посредник сам
разберет дело и немедленно взыщет с прогнанного работника, во-первых, забранные,
как водится, вперед деньги, а во-вторых, штраф за проступок. Без этого каждому
рабочему было бы выгодно быть прогнанным перед самую дорожную рабочую порой, да
еще с забранными вперед деньгами, и весь мирный порядок неизбежно превратился бы
в первобытный хаос и крепостные манипуляции.

В числе прошлогодних летних рабочих поступил к нам Евсей, которого артель в
скором времени прозвала увальнем, пузаном. Действительно, трудно было не
обратить внимания на мешковатую фигуру этого степного Геркулеса. Круглое,
довольно правильное лицо его с серо-голубыми глазами, рыжеватыми волосами и
несколько раскрытым ртом постоянно выражало какую-то лоснящуюся, заспанную
апатию. Во время сеной уборки мне случалось его видеть на возу утаптывающим
сено, и он силой давления напоминал мне гидравлический пресс. Но более всего
бросалось в глаза значительное развитие его живота, столь не совместное с его
занятием. Кто видал толстобрюхого хлебопашца или рядового солдата? Это достояние
вахмистров, старост, мельников, дворников – словом, людей, имеющих возможность
отклонить от себя ежеминутное физическое напряжение. Большое брюхо – плохой
аттестат для рабочего. Но куда, при нашем безлюдье, вдаваться на практике в
подобные тонкости! Евсей прожил у нас от Святой до окончания сенокоса, и,
бывало, проходя мимо рабочих, только и слышишь то там, то сям: «Эй! что рот-то
разинул! куда поехал пузан\ Аль одурел?» На такие приглашения к сознанию я ни
разу не слышал со стороны Евсея даже мычания, а когда необходимость заставляла
его отвечать, то говорил он как-то неясно, не вполне сжимая губы и слегка
оттеняя согласные. Однажды, когда он, вероятно, уж слишком апатично залез в
столпившийся от мух табун, чтоб обротать (надеть недоуздок) занадобившуюся ему

лошадь, одна из них ударила задом и рассекла ему левую щеку под самым глазом. Пришли сказать, что у Евсея рана разину- лась и кровь льет как из быка. Должно быть, и самый удар по голове был не из легких. Послали арники, чтобы примочить и завязать рану, но Евсей, решительно отмахнувшись, только проговорил: «Не стоит, не надо!» – и пошел на работу. Действительно, через неделю рана зажила окончательно. В сенокос пошли дожди, помешавшие многим благополучно убраться и погноившие половину и без того скудного укоса. Эти же дожди оттягивали и своевременное назревание хлебов. Чтобы не сидеть сложа руки, пришлось заняться поправкою крыш, поврежденных весенними бурями, да свозить накопившийся вокруг надворных строений навоз на конный двор. Взглянув однажды в окно, я увидел, что Евсей, подойдя к тяжелой телеге, накладенной выше грядок навозом, которого было около пятнадцати пудов, вошел в пустые оглобли, поднял их и стал раскачиваться с ноги на ногу, как бы желая тронуть воз с места. Каково же было мое изумление, когда в моих глазах он в самом деле тронул тяжелый воз и преспокойно повез его один-одинешенек на конный двор, отстоящий от места подвига шагов на 200. Но вот наступило то щекотливое для хозяйского такту время, когда днем раньше скосить хлеб – зерно сморозится, днем опоздать – высыпется. Мне необходимо было уехать. По возвращении моем приказчик, сообщая о благополучии, рассказал следующее:

– Я прогнал Евсея. На другой день вашего отъезда мы с утра собрались косить рожь. Я на зорьке разбудил рабочих, и все сели отбивать косы. Я пошел в контору. Когда вернулся, все уже были готовы выходить, одного Евсея нет. «Где Евсей?» – «В избе». Гляжу, а он валяется на полатах. «Что ж ты, Евсей, делаешь, чего ж ты косу не отбиваешь?» А он говорит: «А тебе какое дело, я, может быть, неотбитую буду косить». Тут он вышел в сени и при Дронке, при Ефимке и при Трифоне стал меня ругать. Я вырвал у него из рук косу, да и говорю: «Когда ты меня не слушаешь да еще ругаешься, то я тебе не могу приказывать, ступай куда хочешь». С тем он и ушел.

Я посмотрел в рабочую книгу. За Евсеем ни копейки, напротив, мы ему по расчету должны 1 р. 30 к. На другой день ко мне является Евсей.

– Что тебе нужно?

– Да вот, батюшка, и сам не знаю, за что меня избили, да еще и прогнали.

– Кто же тебя бил?

– Дмитрий Федорович – в грудь меня кулаком, а тут...

261

– Кто же это видел?

– Да все видели: Дронка в сенях был, Ефим и Трифон.

– Хорошо, я это дело разберу.

Вечером, по окончании работ, я велел позвать трех указанных свидетелей.

– Вот, ребята, вы третий год у меня живете, и я вас знаю за людей честных и толковых.

– Что ж, батюшка, и нам грех сказать, много и вами довольны.

– То-то, вы знаете, что у меня кому что нужно, после работы иди прямо ко мне, а артели что нужно, присылай двух выборных и говори. Можно сделать – сделаю, а пустое толкуют – прогоню. Вот хоть бы намедни, садовник стал бранить кухарку, что молоко жидко. Сами знаете, что у него дома-то и квасу нет, да и домишко-то теперь слепил на мои деньги, и лошадь кормит другой год у нас на дворе из милости, а горланить попусту его дело. Вот как бы сала не было или каши, либо солонины или хлеба мало, – я бы точно послушался его, а то молоко, вишь, жидко. Молоко идет сверх положения. И кушайте на здоровье, какое Бог дает. Корма плохи – и молоко похуже и поменьше. Вот я сказал кухарке: кому молоко нехорошо – не давать никакого. Вот и галдеть полно! А я вот вас позвал насчет Евсеева дела. Так вы по чести расскажите все, как было, потому что если заведется неправда, то и вам будет скверно, да и мне тоже.

– Мы что видели, то и должны говорить, а что ж нам грех на душу брать в чужом деле.

Голос Ефима перебивает говорящего Андрона:

– Ему не то что у вашей милости жить в рабочих, а его хороший мужик на двор не пустит.

Трифон:

– Мало ли мы из-за него работаем? Лядащий парень, даром что как бык здоровый.

– Не в том дело, братцы, я хотел только спросить вас, бил ли его приказчик али нет?

– Да мы-то где ж были? Дмитрий Федорович только у него косу из рук вырвал и т. д.

Итак, дело Евсея было проиграно невозвратно.

Приказчик сильно настаивал, чтоб я удержал следующие Евсею по расчету 1 р. 30 к.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana в виде штрафа, вопреки моим доводам, что я не могу быть судьей в собственном деле и удерживать штраф, который не упомянут в контракте. Однако Евсей, видимо смущенный, получил полный расчет. Думаю, что подобный пример не останется без благотворного влияния на рабочих.

262

III. Ночное и потравы в новом фазисе

Кто не читал и не помнит прелестного рассказа Тургенева «Бежин луг»? «Бежин луг» составляет тем драгоценнейшее достояние литературы, что, независимо от художественной формы, он остается памятником обычая, которому предстоит, увы! в ущерб поэзии и в силу новых требований сельского хозяйства, совершенно исчезнуть. Тихая, звездная ночь, мальчики у огонька, отфыркивающийся табун и не вымышленные, а действительные волки, – сколько поэзии! и она должна исчезнуть. Читатели, может быть, не забыли тихую физиономию описанного нами работника Ивана, которому, несмотря на ревность к делу, не посчастливилось и случилось так неловко попасть другому в ногу вилами. Ему-то запрошлую весной пришлось в так называемом ночном спасти жеребенка буквально из пасти волка. Ранним утром мне объявляют, что волк в ночном зарезал жеребенка. «Насмерть?» – «Нет, жив». – «Гдеон?» – «В конюшне». Прихожу и вижу несчастное животное с глубокими ранами с обеих сторон горла, пониже челюстей. Спрашиваю Ивана, бывшего с двумя другими рабочими в ночном, как было дело, и узнаю следующее: «Месяц взошел, стало чуть видно под зарю. Те двое улеглись, а я обошел табун; хотел и сам прилечь, да подумал, дай еще раз обойду. Иду этак, к тому краю-то, а он на жеребенке-то и сидит. Я закричал на него, он и бросил». Удивительно, что волк сразу не перервал горло и что жеребенок остался жив по настоящий день. Эпизоды ночного, как легко себе представить, – бесконечно разнообразны. И караульщики уснут, и звери загонят Бог знает куда табун, и сами сторожа соблазнятся покормить табун на чужой даче, словом, может быть многое, чего нельзя и предвидеть. Вот почему, потратив в продолжение двух лет немало напрасного красноречия, чтобы доказать приказчику нелепость ночного, я нынешним летом просто отменил его. Если ночное нелепо у крестьян, где табуны гоняют праздные мальчишки, то еще нелепее и даже бесчеловечно требовать в вольнонаемном хозяйстве, чтобы работник, трудившийся целый день, шел (хотя бы раз в неделю) бодрствовать в ночном и, не смыкая глаз, возвращался с зарею на дневной труд. Порядочное хозяйство должно заменять ночное дачей корма на месте; без этого мы, несмотря на защиту со стороны закона, никогда не избавимся от вольных и невольных потрав. Правда, что обстановка последних с некоторого времени значительно, как сейчас увидим, изменила свой первобытный характер, но было бы желательно, чтобы потравы по возможности прекратились вовсе.

Прошлою весной, когда овсяные всходы начали только забирать силу, мне пришлось дня два прогостить в одном доме, верст

263

за 60 от нас, куда в день моего отъезда приехал и ближайший сосед мой Ш<еншин>. Когда лошади мои были уже у крыльца, Ш<еншин> отвел меня в сторону и вполголоса сказал: «Я не хотел тебя тревожить до времени, но перед отъездом я видел посредника, который мне сообщил следующее: хотя еще никто не жаловался, но ему известно, что третьего дня свинцовские мужики запустили лошадей в твой овес, а твой приказчик, заметив потраву, вскочил на лошадь, схватил ружье и, догнав пастуха, ударил его ружейным прикладом в грудь так сильно, что у того хлынула кровь горлом. Позвали священника, приобщили пастуха, и теперь неизвестно, будет ли он жив или нет. Верные люди видели, как две выпуклые оконечности железной бляхи приклада вышли двумя синими пятнами на груди пастуха, пониже правого сосца». Нечего говорить о настроении, с которым я проехал все 60 верст и приступил к расспросу приказчика, стараясь даже не возвышать голоса, чтобы новою безрассудною запальчивостью не увеличить и без того явного безобразия. Из ответов приказчика я узнал следующее. Заметив 10 крестьянских лошадей на нашем ближайшем овсяном поле, приказчик тотчас же выслал для их поимки двух рабочих верхами. Высылка верховых, как и все последующее, происходило на глазах не только всех остальных наших сельских работников, но и в глазах посторонних плотников и копачей из той же деревни, из которой были ходившие по овсу лошади. Заметя приближающихся верховых, пастух вскочил на одну из своих лошадей и погнал всех целиком через наш овес и затем через овсяный барский клин своей экономии. Предвидя неблагоприятную скачку наших посланных по чужому овсу, приказчик потребовал себе лошадь, чтобы догнать и воротить своих верховых. Подавая приказчику лошадь, работник Иван, на глазах, по крайней мере, двадцати разнородных свидетелей, предлагал ему захватить кнут, но приказчик, крикнув: «Не надо», с места пустил лошадь во весь дух. Между тем передние скакуны стали скрываться из глаз зрителей за бугром, где кончается наше поле, и приказчик, несмотря на свою ретивость, проскакал по рубежу в ту минуту, когда убежавший

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
крестьянин уже пригнал лошадей к своей барщине, сеявшей гречиху в числе сотни человек. Подъехав к ближайшим свинцовским крестьянам, приказчик заявил им о потраве и с обоими рабочими вернулся домой. Вот и весь ход дела. И подававший лошадь Иван, и плотники, и копачи, насыпавшие плотину, в один голос показали, что ружья никакого не было, что приказчик не догнал беглеца, насколько можно было видеть скачку из усадьбы. А что приказчик не мог бить крестьянина, окруженного сотней его односельцев, да еще прикладом небывалого ружья, это было ясно и без показания свидетелей. Что

264

же значат, однако, следы побоев, кровохарканье и напутственная исповедь? Рассказывали, что призванный священник даже увещевал мнимо умирающего оставить притворство и кощунство; следов же побоев и крови никто не видал. Мировой посредник, не-расследовавший, вследствие моей просьбы, все дело на месте, убедился в неслыханном его баснословии и в невозможности оставить его без последствий. Предоставляя виновному в потраве право жаловаться на побои, он сделал распоряжение о взыскании законного штрафа, то есть за 10 лошадей по 40 к. – всего 4 р. серебром. Без такого решения при каждой потраве непременно являлся бы смертельно избитый человек, хотя бы животные и пущены были совершенно без надзору. С своей стороны, во избежание всяких вымаливаний и выпрашиваний, я в присутствии г. посредника пожертвовал собственных 4 руб. серебром на церковь. Справедливость требует прибавить, что по распоряжению посредника деньги с владельцев лошадей давно взысканы, но и по настоящее время волость, по-видимому, считает более целесообразным не выдавать их по принадлежности. По неизменному правилу моей экономии, из имеющегося получиться 4-рублевого штрафа загонщикам, кто бы они ни были, следует половина.

За все лето не было потрав. Но осенью в продолжение трех дней мне приходилось видеть стада свиней, прогуливающихся около нашей зелени: нет-нет, а какая-либо из них да вскочит позаняться рожью. На четвертый день, проезжая рубежом, я увидел десяток свиней, преспокойно наслаждающихся озимью. Я мгновенно повернул лошадь к дому, и через десять минут вся компания была уже заперта на конном дворе. До вечера следующего дня никто не являлся на выручку. Зная способность русского человека уморить чужую скотину с голоду, я распорядился исправным кормлением заключенных. На этот счет затруднения быть не могло, ибо в нескольких шагах от конного двора рубилось более 2600 кочней капусты и кочерыжек было сколько угодно. Свиньи, как и следовало ожидать, оказались принадлежащими крестовским дворникам, сильно утвердившимся в известном правиле: что твое, то мое, а что мое, до того тебе дела нет. Теперь уже миновало то нелепое время, когда не знали, что делать с загнанной скотиной, и когда для получения удовлетворения приходилось подымать с ней такую возню, что рад был и от собственной отказаться. Теперь дело начистоту: загнал, корми и получай с виновного и штраф, и за прокорм. Не является никто в продолжение недели, и скот продается тут же с аукциона. Признаюсь, я рад был случаю дать дворникам чувствительный урок. Вечером является долговязый белокурый парень, сын самого зажиточного дворника. «Что тебе нужно?» – «Датутна-

265

ших свиней загнали». – «А деньги принес?» – «Нет». – «Так это ты говорить пришел? Мне некогда!» – «Да много ль денег- то?» – «Сам знаешь; по 60 коп., всего 6 р., а если бы в саду или за окопом были загнаны, было бы вдвое, 12 р.» – «Ассигнациями?» – «Серебром». При слове «серебром» слезы явно проступили на глазах малого. Я кликнул при нем трех загонщиков и роздал им по рублю серебром. К стыду моему, я должен сознаться, что меня таки упросили недобирать с виновных остальных 3 рублей. Все уверяли, что урок и без того будет радикален.

В противоположность такому мирному, можно сказать семейному, разрешению столкновений по случаю потрав приведем случай подобного же рода столкновений в минувшем, крепостном периоде. Всем известно, что берега рек, болот и озер, разделявших смежных владельцев, в осеннее время представляли следы гусяного побоища. Множество гусей избивалось на капустниках, овсах и т. п., а у большей части уцелевших крестьяне выламывали крыло. Спросите у рогозинского мужика: «Что это у вас гуси-то?» Он прехладнокровно скажет: «Да кутуевские повыломали крылья». А кутуевский то же скажет про рогозин-ских. Так как с хозяевами приходилось заводить бесконечную тяжбу, то ответчиками в потравах большею частью являлись *de facto** сами животные. Я видел прекрасную дорогую лошадь, у которой захватившие ее в хлебах вырезали на крупе большой треугольник и содрали с него кожу. Разумеется, что и людям нередко доставалось при таком положении дела. Нет пожилого мужика, который не мог бы рассказать, как его в таком-то лугу чуть не захватили, а в таком-то ночном хвятили дубинкой так, что перешибли ребро, а тогда-то гнались за ним трое версты две. Я помню, как на моих глазах здоровый кузнец ухитрился под грядку опрокинуть несшийся вскачь воз краденого хвороста,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana за которым гнался приказчик и на котором сидели два мужика, отмахиваясь топорами. Мужики, не рассчитывавшие на такую необыкновенную шутку нового врага, со всего маха полетели вверх ногами и разорняли топоры. Лошадь с передком ушла, воз остался на месте, а безоружный мужик, которого борода успела попасть в руки приказчика, откусил последнему палец.

IV. Конные грабли

В прошлогодних записках я предавался мечтам о блестящих результатах нового клеверного посева на девятнадцати десятинах. Весной надежда моя не предстала в зеленых покровах;

* фактически, в действительности (лат.).

266

напротив того, новое клеверное поле отвратительно чернело, насмешливо выпуская то там, то сям разбросанные ростки клевера и тимофея. До конца мое дело оставалось в том же печальном виде, так что я уже перестал за ним наблюдать и терпеливо выслушивал насмешливые возгласы рабочих, приказчика и приезжих агрономов: «А клевер-то сел!» Я люблю философию за ее способность самодовольно подбочиваться над очевидным фактом и доказывать, что он никак не мог совершиться иначе. «А клевер-то сел, да и как ему не сесть на пресной земле? Клевер и тимофей требуют жирной земли, и можно было знать наперед, что на 100 руб. семян будет брошено даром!» Я окончательно притих перед такою философией, а еще более перед очевидным фактом. Тем не менее, зная постоянную неисправность наших транспортных контор, я еще с ранней весны выписал из Петербурга конные грабли, о которых слышал много хорошего и мечтал давно. А барометр все продолжает стоять на beau fixe*, и ни капли дождя, так что и в лугу трава совершенно села. Стали перепадать дожди, луговая трава мало поправилась, зато осмеянный клевер закрыл землю, не представляя, однако, возможности косить его. Луговые травы в конце июня стали отцветать; ждать более было нечего, мы начали косить. Не косили и половины луга, как полили дожди, да так, что один день ясной погоды при утреннем дожде, а два, три дня кряду ливень. С горем пополам ухитрились мы убрать сильно почерневшее луговое сено, а между тем все чаще и чаще стал я слышать от приказчика: «А ведь, пожалуй, клевер-то нас выручит. Наберем, пожалуй, столько же, как со всего лугу». Прошел апрель, май, июнь, а конных граблей, которым нужно две недели времени, чтобы доехать из Петербурга, все нет. Луг, дающий обыкновенно до 3000 пудов, едва дал 1500. В одно прекрасное утро объявляют, что привезли конные грабли: куда с ними прикажете? У крыльца, не без усилий, свалили большой тяжелый ящик и тотчас вскрыли его. Он оказался наполненным чугунными колесами, рычагами и рычажками, валиками, прутьями, стойками – словом, неведомыми частями машины, которую я только мельком видел на выставках, а все окружающие меня даже не видывали. Началась возня складывания и сборки по соображению, с приговорами: «Постой, постой, ты ее тем концом сюда! палец! палец прихватил» – и т. д. Через час, впрочем, машина стояла у крыльца собранная, и при давлении на рычаг отчетливо подымала зубцы, назначенные для сгребания. Не находилось чеки, которую сейчас же сделали домашними средствами.

* ясно (франц.).

267

мую смирную лошадь, но и тут не нашлось ни одной седёлки, под дужки которой пролезала бы цепь, явно предназначенная служить чересседельником. В это время подошел приказчик и, недоверчиво осмотрев нашего чугунного паука, заметил как бы про себя: «Хороша игрушка! сто двадцать целковых дали, а что с ней делать в поле-то? Она только свяжет по рукам да по ногам». – «А вот сейчас увидим», – отвечал я, тайно волнуемый самыми разнообразными чувствами. Мне слишком часто приходилось видеть и слышать, как наилучшие машины и даже простые орудия, употребляемые всем светом, отказывались действовать, будучи пущены в дело специалистами. «Ну что, переладил седелку?» – «Готова». – «Ведите рыже-чалого, он и смирен и силен». – «Нет, помилуйте! Он часом пуглив. Ну как он с непривычки подхватит? Где мы ее по полю собирать будем?» – «Экой ты! не подхватит!» – «Какую же?» – «Да на что лучше старухи серой». – «Веди серую!» Через пять минут рабочий, назначенный к машине, перекрестясь на восток, взял вожжи, и машина легко двинулась по полевой дороге, протертой к лугу. Мы с приказчиком шли следом. Местами стало попадаться слегка раструженное сено, едва заметным флером покрывавшее серую дорогу. Нетерпение подбивало меня, за неимением лучшего, мимоходом испробовать машину. «А ну-ка, Дрон! Отпусти-ка ручку!» Когда зубья упали на землю, машина, не пропуская былинки, самым отчетливым образом стала сгребать тончайший слой сена, которое, вращаясь по выгнутым граблям, с каждой секундой превращалось в более компактный свиток. «А ведь будет, пожалуй, отлично работать!» – заметил приказчик. Сомнительный для него вопрос превратился для меня почти в несомненный. Но вот мы на лугу, на котором десятины три скошенного,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana
но неограбленного сена. «Вот веди вдоль этого ряда», – крикнул видимо кивевший
нетерпением приказчик. «Постой, постой! Зачем говорить, чего не знаешь?
Поверни-ка сюда да веди поперек всех рядов». – «Помилуйте! Да как же?!..» Машина
тронулась поперек рядов, подгребая сено во всю свою ширину и быстро набирая его
большим валом под зубцами. «Надави, выкинь сено и сейчас же брось ручку». Грабли
дошли до конца десятины, положив на равных друг от друга расстояниях прекрасно
свернутые валы. Через час с четвертью вся десятина была сграблена, и лошадь не
очень устала. «Ну что, Дрон, – спросил я рабочего, – могут ли бабы так чисто
подгрести?» – «Помилуйте, куда ж бабам так подгрести! Вишь, как подлизала, да и
по кочкам подчистила. Уж точно что машина, и денег не жаль. Эта заработает
свое!» Действительно, оказалось, что машина сгребаёт восемь десятин в день, для
чего нужно было до 24 баб. А считая поденную работу

268

бабы по 15 к. серебром, имеем в день 3 р. 60 к. Сбросим 60 коп. в день на
рабочего и мальчика, чтобы водить лошадь, получим 3 р. чистой прибыли от машины,
которая, проработав по нашему хозяйству 10 дней, даст, следовательно, 30 р.
серебром на одном сенокосе. Если к этому прибавить 20 возов пшеничного колосу с
10 десятин, который без машины пропал бы даром, то 5 четвертей пшеницы, за
вычетом обработки, считая по 5 р. серебром, представят 25 р., таким же образом
15 четвертей ржи с 30 десятин по 2 р. дадут 30 р.; что вместе взятое составит 85
р., то есть почти всю стоимость машины в Петербурге!

Но увы! недостаток рук парализует в нашей местности даже самые выгодные
операции. Собрав сено и пшеничный колос, мы не могли продолжать того же с рожью.
Даже сграбленный на 10 десятинах ржаной колос остался несвезенным с поля: возить
было некому. А кто же станет возиться с подскребками, когда гречиха и овес стоят
и осыпаются в поле? Впрочем, великое спасибо и за то, что сделали конные грабли.
Не дурно приобрести железного работника, окупающего себя в два лета. Полагаю,
что конные грабли будут бесценным орудием для весенней очистки скардников и
оледенелых дорог к водопою. Восторгам и одобрениям новому орудию со стороны
рабочих не было конца.

В саду плотник Иван, человек бывалый, исходивший Малороссию, Черноморье и
Кавказ, работал мостик через канаву. Когда я подошел к нему, он первый заговорил
о машине: «Вот, батюшка, купили работничка! Мудрен, право, стал народ! каких,
каких не пошло это машин! вон и носильные машины есть. Да те, сказывают,
запрещены. Ишь народушко подавал царю челобитную, что от них от самых должен без
работы остаться».

Напрасно старался я доказывать Ивану всю нелепость подобных просьб; он стоял на
своем. Но когда я попробовал применить подобное же запрещение к его собственному
хозяйству и промыслу – он тотчас же понял, в чем дело. Признаюсь, я не без
улыбки отошел от него. Девятнадцать десятин клеверу и тимофея дали, сверх
всякого чаяния, более 2000 пудов отличного сена, в два укуса, и отличный
подножный корм на всю осень. Несмотря на такой успех, дело это остается все-таки
весьма рискованным. V.

V. Поездка для разверстания угодий и Иван Николаевич

В конце августа обстоятельства заставили меня ехать верст за сто для
окончательного разверстания угодий и переговоров с крестьянами относительно
выкупной операции, на которую они давно уже изъявляли желание, о чем заявляли и
мировому

269

посреднику. Имение, лежащее на живописных берегах значительной реки, несмотря на
высокое качество полей, по малозе- мельности не представляло особых
агрономических интересов. Главная его доходная статья – прекрасная
мельница-крупчатка, уже девять лет находящаяся по контракту в содержании
л<ивенс>кого купеческого семейства Евпраксиных, которого главным членом и
распорядителем состоит Иван Николаевич Евпраксин. Эта личность вполне
заслуживает ближайшего с нею знакомства. Иван Николаевич постоянно ходил в
скобку, с бритой бородой, в длиннополном сюртуке, картузе и отлично вычищенных
сапогах, с голенищами, представляющими приятные раструбы до колен. Круглое лицо
его оживлено серыми быстрыми глазами, от которых ничто не ускользает. Из пяти
братьев, составляющих семейство, трое, в том числе и Иван Николаевич, почти
неотлучны при мельнице и поочередно день и ночь наблюдают за производством,
представляющим около 150 тысяч годового оборота. Все три холостяка помещаются в
нескольких шагах от мельницы, в небольшом, ими же отстроенном флигельке.
Огромный, пятиэтажный корпус мельницы-крупчатки на песчаном острове, образуемом
с одной стороны рекой, а с другой – обводным (рабочим) каналом, заменяет для
Ивана Николаевича весь мир. Хотя Иван Николаевич и непрочь при случае прочесть
газету, но вообще относится к литературе и многообразным ее вопросам очень
самобытно. Как тонкий наблюдатель нравов, он строго держится правила не говорить

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana о главном предмете иначе как вскользь, окружая его всевозможными фиоритурами. Вот для этих-то фиоритур, предшествующих благодатной покупке пшенички, знакомство с современными вопросами необходимо; не все же заговаривать человека погодой да неурожаем. Крупчатку снял Иван Николаевич с весьма небольшим капиталом, который в 9 лет значительно умел увеличить. Но попробуйте ему заикнуться насчет выгодных условий арендуемой мельницы. «действительно, – отвечал он, – многие полагают, что мы задешево сняли мельницу, так как мы действительно не прожились на ней, но это не оттого. Наживает не мельница, а свой глаз; ведь мы никаких театров, собраний, ничего этого не знаем, а сидим, надобно сказать, на деле как на точиле. Право, так-с. Нынче времена пришли не те. Надо, одно слово, самому до всего доходить. Народ теперь мало что слаб стал, а как-то нет способных людей. Нападешь на способного человека и видишь, что мошенник, а ничего не поделаешь. Вот хоть бы у нас приказчик, что в Малороссии пшеницу покупает. Ведь знаем, что мимо своего карману не пронесит; а как посмотришь на чужую покупочку, по другим прочим хозяевам, ан наша-то пшеничка 270

и получше, и подешевле. Пусть его наживает». Зайдите к Ивану Николаевичу на мельницу, чтобы убедиться, с какою полнотою разрешил он социалистическую задачу привлекательного труда. «Ей, вы! что ж не пустите воду на подшипник? Иль не слышите, колесо пищит! Право, народ!» Не успело еще колесо окончательно умолкнуть, а Иван Николаевич уж бежит на 3-й и 4-й этаж мельницы и мастерски встряхивает на руке отвешную барабаном крупку. «И это у вас день и ночь?» – «Постоянно-с. У нас смены как на корабле; только там песочные часы, а наши часы – сальные свечи. Так уж и знают. Этот до полусвечи, а тот до новой, так он своим порядком и идет. Ей, что ж это вы не приберете старую нить-то? Это он новую терку-то поставил, а эту так и бросил. Не пропадет и это у нас: на подковы идет, круглый год куем этим. Чудесные выходят подковы. Ведь у нас на кузнице огонь неугасаемый». – «А много ли, Иван Николаевич, платите главному мастеру?» – «Крупчатнику-то? Да мы своему-то сходно платим, 800 р. серебром в год, а у других живут и гораздо подороже. Великая в таком человеке по нашему делу, доложу вам, состоит сила-с. Вся машинная часть на его руках. Наше дело – материал. Как кто пришел за чем, мы одно слово: ступай к круп- чатнику. Уж он и камни-то знает, как другой родных братьев не знает. Какой камень с какого боку покрупней, с какого помельче ковать: за великую тайну держит, никому не открывает».

Можно себе представить негодование Ивана Николаевича, когда на шестом году его безмятежной аренды соседний купец Бочкин купил вниз по реке за восемь верст лежащую простую мельницу и, перестроив ее в крупчатную, произвольно возвышенным уровнем воды подтопил мельницу Ивана Николаевича, так что в одну зиму нанес ему простоем более 8000 руб. серебром убытку. Вопиющее дело это дошло до Сената, и, быть может, мы когда-либо побеседуем о нем с читателем. Другое обстоятельство тоже немало тревожило Ивана Николаевича и приводило в раздумье насчет возобновления десятилетней аренды. Крестьянские усадьбы расположены у самого обрыва левого берега реки, прямо напротив песчаного острова, на котором стоит мельница, и так как вся вода идет в рабочую канаву, по правую сторону острова, то мельница отделена от крестьянских усадеб только мелким бродом, чрез который крестьянский скот беспрепятственно ходит на остров даже в усадьбу мельницы. С другой стороны, крестьяне по уставной грамоте владеют и частью земли, прилежащей к мельнице на правом берегу реки. В последнее время, пользуясь недосмотром, они, без согласия владельца, чуть не выстроили кабаков по ту и по другую сторону мельницы, а брат сельского старосты, бывший дворовый, открыл водочную про- 271

дажу. «Помилуйте! – вопил Иван Николаевич. – Да эдак все рабочие разольются – и придется ставить с дубьем около мельницы осматривать. Тут и пожар, и все может быть. Эдак лучше нам и от аренды отказаться. Если они уже теперь торгуют водкой, то кто ж их удержит, когда они выкупят землю и станут вольны?»

Поэтому мне предстояли две задачи: устранить от мельницы могущее быть вредным соседство крестьян на правом и на левом берегу реки. Первая разрешалась легко сама собою. При разверстании угодий крестьяне никаким образом не могли пожелать остаться при чересполосном владении, да еще по ту сторону реки, если им будет предложена прирезка к их земле одинакового количества десятин того же качества. Но как удалить их с левого берега? Одно средство: уговорить их на переселение, представляющее всевозможные выгоды. Я очень хорошо предвидел, с кем буду иметь дело, знал, что прямым путем тут ни к чему не придешь, но в то же время слишком был убежден, что в искусстве ходить окольными дорогами мой противник (мир) гораздо сильнее меня и что, пускаясь в такие обходы, я рискую вдруг очутиться перед гораздо большим затруднением, чем то, от которого отправился.

К этому присоединилось еще одно обстоятельство. Крестьяне неоднократно выражали желание взять в аренду всю остающуюся за наделом господскую землю по 6 руб.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana серебром кругом – на 10 лет. Последнее обстоятельство было важно в двух отношениях. Во-первых, незначительное количество остающейся земли не могло выдерживать расходов нового вольнонаемного хозяйства и потому само просилось в аренду, а во-вторых, окруженные малоземельными однодворцами, крестьяне, несмотря на значительную высоту предлагаемой ими аренды, вынуждены были сильно дорожить наймом господской земли, за которую сторонние съемщики охотно дали бы по 7 руб. Нанимать господскую землю, которую зажиточные крестьяне (большею частью мастеровые) до сих пор обрабатывали обязательным трудом, они не могли иначе, как перейдя на оброк или окончательно на выкуп.

Под влиянием таких мыслей садился я в тарантас. Досадно было бы в самую рабочую пору прокатиться даром 200 верст и не только проиграть в настоящем очень важное дело, но, быть может, испортить его и в будущем. Напрасно вытаскивал я от скуки из экипажных сумок один журнал за другим: литература ни на минуту не могла увлечь моего внимания. Так доехал я на почтовых до поворота на проселок, где ожидала меня высланная на подставу тройка.

272

Повернув на проселок, я спросил кучера: «А что, Иван, коренной-то как будто нашибают на левую переднюю?» – «Да есть маленько. Он еще из дому, как я пошел на подставу, стал жаловаться. Должно быть, он его вчера заковал. Я уж на подставе вчера два гвоздя выдернул; авось пройдет: разогреется». – «Что у вас за страсть к тайнам и колдовству? Просто вернулся бы и сказал мне, что лошадь захромала, я велел бы ее расковать и взять другую. А теперь мы ее, пожалуй, и не догоним до места. Ведь ей, несчастной, еще бежать 60 верст!» – «Точно, я и сам думал доложить, да не догадался». Предсказание мое едва не сбылось вполне. На другой половине пути пришлось бедную лошадь перепрячь на пристяжку, и только постоянные удары кнутом могли заставить ее доскакать на трех ногах до места. Оставить ее было негде, и это обстоятельство замедлило наш переезд. Вечер был очаровательный. Перед закатом солнца весь степной воздух до того позолотился, что действительно можно было подумать, что Геба пролила в него кубок шампанского. По всем направлениям скрипели тяжелые возы со снопами, на прекрасных рослых лошадях. Женщины в шерстяных пунцовых юбках (типичный костюм однодворок) по большей части белокуры и более чем дурны собой. Зато мужчины, потомки древних татарских родов, как на подбор – красавцы. Высокие, стройные, с черными волосами и глазами и правильным очерком лиц. Эти люди представляют такой истинно прекрасный тип, какого мне не встречалось ни во Франции, ни в Италии. Солнце давно село, но светлые сумерки долго еще распространились над степью, и тяжелые возы продолжали поскрипывать в чуткой тишине. В ясную летнюю ночь я не знаю более сладостной мелодии. Это не раздражительный писк немазаного колеса, а легкое покрехтывание телеги под драгоценным бременем жатвы. Так может покрехтывать только дедушка, взнося на ступени крыльца уснувшую на руках его внучку. Мы тащились мучительно. Версты за две до цели поездки дорога подвела нас к опушке леса. Надо сказать, что всякого рода дичина окончательно исчезла в нашей стороне, и заяц, которых прежде, помню, бывало очень много, теперь редкое явление. При повороте к лесу и кучер и слуга в один голос закричали: «Заяц, заяц!» Действительно, шагах в 50 перед нами я увидел при ярком лунном свете зайца, сидящего на дороге и прислушивающегося к ленивому дребезжанию колокольчика. Он сидел передом к лесу, и не было сомнения, что он перебежит нам дорогу. Перебежит или не перебежит? Стыдно и нелепо верить в подобные вздоры, но так суеверные приметы

Согласны с чувствами души.

273

Заяц дрогнул и, повернув в степь, пропал в серебристой дали. «Вон, вон он – другой, другой!» Другой точно так же, вопреки вероятности, не перебежал дороги. Но вот деревня и крутой берег реки с густым дубовым лесом на скате. Мельницы сверкают огнями, вода дружно шумит в рабочей канаве, а широкий пруд как-то лениво колышет ясный блеск луны. «Куда прикажете ехать: на барский двор или на мельницу?» – «Поворачивай к флигелю!» Этим громким именем называлась ветхая избушка, с худым полом, скривившимися стенами и перегородкой, связанная большими сенями с другой избой, носившей название кухни. Дверь в сени оказалась запертою на замок. Прибежал седой ключник с ключами. Переступая заветный порог, я почуствовал, что разорвал лицом мирные сети паука. Через несколько минут на покوروبленном столе у окошка появилась чистая скатерть, две стеариновые свечи и огромный самовар с тарелкой под сильно подтекающим краном. Затем вошел приказчик Антип со стаканом превосходных сливок и мягкой, горячею крупитчатой булкой с мельницы. За перегородкой на кровати шумело сено, предназначавшееся заменить перину. «А что, Антип, далеко ли тут до посредника?» – «Нет-с, недалеко. Верст 7 до церкви, да там версты две. Ведь они же у нас и церковным старостой». – «На чем же я завтра к нему доеду? Лошадей мы в пень поставили». – «Помилуйте-с. Я

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
сейчас схожу к Ивану Николаевичу, у них отменная тележка и лошадей сколько угодно». – «Так разбуди меня только пораньше и приготовь лошадь». – «Слушаю-с». – «А достань-ка мне из баула зеленую книжку да персидского порошка. Убери самовар, дай мне раздеться и ступай спать». В прохладной, необитаемой комнате за перегородкой не оказалось ни одной мухи, этого личного врага человека. Свежее сено приятно благоухало, а коростель, пробравшись под самое окно спальни, однообразно драл горло в картофельном огороде и под исполинскими лопухами.

VI. Посредник

Часов в шесть утра я услышал за перегородкой легкий звон стакана и чайной ложечки, а затем и кипение самовара. Не успел я усесться за утренний кофе, как знакомый читателю Иван Николаевич вошел в комнату в черном люстриновом сюртуке, застегнутом на все пуговицы, и поздравил меня с приездом.

– Садитесь, Иван Николаевич! Дай еще стакан. Вам чаю?

– Покорнейше благодарю. Выпью. Да вам некогда; пожалуй, не застанете Семена Семеновича. Они у нас очень рано встают.

274

– Ну как дела ваши с Бочкиным?

– Да теперь дела его некрасивы. Как он там ни лазил, ни плакал, а Сенат не дает ему топить нас до разбирательства дела. Теперь вся сила в окончательном решении Сената. Ах, какой человек! Это, помилуйте, такой актер-с – куда Садовскому. Ему впору трагедии играть-с. Седая борода, благообразный из себя и сейчас слезы в два ручья. Несчастливого, обиженного разыграет мастерски. А несчастье все в том, что не дают забрать чужого.

– Удивляюсь я одному, Иван Николаевич, как такой проходимец решился на такое рискованное дело. Ведь ему перестройка мельницы стала, пожалуй, тысяч двадцать пять?

– Пожалуй. Понадеялся, дескать, деньгами все поверну. Да ведь и прав был. Ведь мы, как всей округе известно, три месяца прошлой зимой просидели затопленные по валы. Кабы не Сенат, разорил бы вконец. И так 8000 убытку понесли; а с кого их теперь искать, одному Богу известно.

– Ну да и ему будет не мед, если дело кончится в вашу пользу?

– Какой тут мед-с, человек бил на отчаянность. Дескать, авось моя вывезет! А тут как совсем напротив, так одно полагаю, его электричество ударит.

В это время за окном послышался топот копыт.

– Я и забыл, Иван Николаевич, поблагодарить вас за лошадь и кабриолетку.

– Помилуйте, с нашим удовольствием, во всякое время. Староста нарядил с вами своего парнишку и лошадь свою запряг. Уж учуяли, зачем вы пожаловали; теперь по всей деревне толки промеж себя идут. Главное сильно боятся нас, чтобы мы не вошли в это дело, – не сняли вашей земли дороже ихнего. Помилуйте, можем ли мы из-за такой малости, из-за каких-либо 100 р. в год хлопотать. Нам Бог с ними, коли им такое счастье выходит. А мы вот вас о своем-то деле так точно что будем покорнейше просить. Вот чтоб от водочной-то продажи защитить мельницу. Истинно докладываю, что уж нам лучше от дела отказаться. Тут, доложу вам, такая пойдет эманципация, на чистоту-с.

– Да я зачем же приехал? Что же вы меня спрашиваете о деле, которое меня еще более интересует, чем вас?

– Да я, признаться, затем и поторопился захватить вас. Сделайте милость, похлопочите. Желая вам доброго пути и счастливого окончания.

Мягкое и вместе освежительное дыхание яркого утра обдало меня, когда я переступил порог, чтоб усесться в кабриолетке рядом с ожидавшим меня в новой черной свитке парнишкой ста-

275

росты. Какое утро! какой дубовый лес, какой пруд и убегающие речные повороты и эта мельница, потонувшая в зелени приводных ив! Но некогда, некогда! Пора, пора! И я круто заворотил сытую вороную лошадь на дорогу, ведущую к броду. «Вы ее, батюшка, кнутом-то хорошенько проберите, а то она ленива!» – кричал мне вслед стоявший у крыльца старик староста. Выбравшись за мельницей на большую дорогу, я передал мальчику вожжи и, закулив сигару, предался более или менее практическим мыслям. Кроме главных интересов дела меня невольной и сильно занимала предстоящая встреча с посредником. До сих пор я видал только знакомых мне людей, взявших на себя должность посредника и не разрешавших притом на моих глазах никаких важных вопросов. Теперь мне предстояло увидеть совершенно незнакомого мне посредника и увидеть его в этом качестве на деле. Много доводилось мне читать и слышать похвал и порицаний этому званию, но слышать чужие суждения и судить по собственному опыту – две вещи разные.

Человек не рожден для бездействия. Поэтому всякая пассивная трата времени, например во время переездов, мгновенно вызывает реакцию, выражающуюся

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana томительной скукой. Тут никакой локомотив express не поможет. Все кажется тихо и долго. Но попробуйте взять вожжи в руки и на деле исправить кажущиеся вам недостатки управления кучера, и скуки как не бывало. Вороной явно не слушался своего молодого хозяина. Я взял вожжи в руки, и дело пошло гораздо лучше. Вот и церковь, заново оштукатуренная и выкрашенная, с новою, еще не доконченною каменною оградой. «Ого! – подумал я. – Староста церковный, видно, человек практический и недаром рано встает». После двух-трех поворотов, спусков и подъемов дороги мальчик указал мне в полуверсте на небольшой, но густой квадратный лесок или сад, прибавив, что тут и усадьба Семена Семеновича. Сделалось нестерпимо жарко и пыльно, и я торопил вороного, насколько было можно. Обогнув сад, мы въехали на просторный двор и остановились перед крыльцом нового, отлично отстроенного деревянного дома. Когда слуга пошел в кабинет, чтобы доложить о моем приезде, я увидел в растворенную дверь молодого белокурого человека, в черном сюртуке, с пером в руках, у письменного стола, а вслед за тем на пороге появился довольно пожилой брюнет, с черною окладистою бородой и большими умными глазами. «Извините, – сказал он, застегивая белое парусинное пальто, – я кончаю срочную работу, но чрез полчаса я кончу, оденусь и буду к вашим услугам. Не угодно ли вам войти в залу». Очевидно, это был сам посредник, а блондин – его письмоводитель. Войдя в залу, я от нечего де-

276

лать стал внимательно рассматривать все окружающее. Каждая вещь, начиная с прекрасного паркета, носила отпечаток любви к делу и знания, с какими была исполнена или выбрана. Против стеклянной двери балкона густая липовая аллея, отделенная от дому небольшим пестрым партером, вела в глубину сада. Наиболее всего поразило меня множество ульев немецкого устройства, расположенных в нескольких шагах от балкона за партером, у самого входа в аллею. Я у себя уничтожил пчел в лесу, из страха, чтоб они во время роевщины не кусали гуляющих, а тут у самого балкона огромная пасека!

Когда я кончил осмотр, в залу вошел хозяин и, указав на диван, сел подле на кресло с словами: «Теперь я к вашим услугам». Объяснив в немногих словах мои намерения и надежды, я в качестве человека, мало знакомого с делом, просил указать мне на законные с моей стороны уступки, которые могли бы ускорить развязку.

– Нет, – возразил Семен Семенович, – в этом случае я вас прошу совершенно устранить меня от всякого вмешательства. Я только посредник и обязан строго держаться в границах моего назначения. При совершенно свободных предложениях и условиях с двух сторон я должен лишь наблюдать, чтоб эти условия не заключали в себе ничего противозаконного, и только если я увижу, что при одинаково законных предложениях с обеих сторон дело не улаживается единственно по причине неясного его разумения с той или другой стороны, то я обязан при помощи руководящих законоположений постараться разъяснить недоразумение. Дальше мне делать нечего.

– С чего же вы посоветуете мне начать?

– Позвольте. Вы хотите размежеваться с крестьянами. Есть ли у вас план имения?

– Плана нет, и я хотел просить у вас землемера.

– Работающий при мне землемер уехал в другой участок, но я сегодня посылаю в город и завтра дам вам знать, может ли он взяться за вашу работу. Что же касается до переселения крестьян, то я должен вам сказать, что законного основания к их переселению настоящий случай не представляет, а попробуйте им сделать предложение. Поезжайте домой, соберите сходку, переговорите с ними, а после обеда и я подъеду, и мы, взяв сельского старосту, осмотрим отходящую к крестьянам землю. Я должен заметить, что вы очень счастливо приехали: приезжайте вы завтра, вы бы уже не застали меня, по крайней мере, на целую неделю дома. Поблагодарив посредника за совет, я погнал вороного домой, куда он торопился с очевидно большею готовностью.

277

VII. Мир

– Антип! Теперь обед. Скажи сельскому старосте, чтобы сейчас собрал сюда стариков.

Через полчаса сухопарый, высокий и ядовито золотушли- вый мужик Ермил, опустя быстрые глазки, окруженные красными веками, и низко кланяясь, вошел в комнату, со знаком сельского старосты на серой свите, и птичьей фистулой объявил о приходе стариков.

– Пусть войдут.

Дверь в сени отворилась настезь, и черные и серые кафтаны, внося запах дыму и соломы, стали, переваливаясь и переминаясь, наполнять горницу.

– С приездом, батюшка, милость вашу!

– Проходите, проходите сюда, вот сюда, – говорил я, указывая вдоль

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
перегородки. Порядок и тишина водворились.

– Как теперь рабочая пора, – начал я, – то ни вам, ни мне долго толковать некогда. Я слышал, вы раза два объявляли посреднику желание идти на выкуп. (Лица принимают сдержанное выражение.) Так или нет?

– Точно, батюшка, мы было прежде и того.

– А теперь, значит, раздумали и остаетесь на издельной повинности? Стало быть, нам и толковать не об чем. А я думал сдать вам и остальную землю. (Лица невольно выказывают удовольствие.)

– Нет, батюшка, с чего ж. Что тут зубы-то чесать. На выкуп, так на выкуп.

– Да ведь как хотите. Не я просил, а вы.

– Точно, точно.

– То-то, ребята, вы хорошенько подумайте. Ведь посреднику некогда с нами в жмурки играть. Он скоро сюда будет. Было бы что ему объявить. Вот мы с вами переговорим, вы выйдете да промеж себя потолкуете, а тут и посредник подъедет.

– Что ж, батюшка, мы от выкупа то есть тово...

Стоящий против меня черномазый, с орлиным носом и острыми глазами плотник Панкрат, очевидно влиятельный оратор, нетерпеливо мечет голову направо и налево, причем плоские волосы скобки косицами слезают ему в лицо, и как бы отмахивается от несвязных и нерешительных слов мира.

– Что понапрасну зубы-то чесать. Согласны охотой – вот что.

– Согласны, согласны, – даже в сенях какое-то опоздавшее эхо повторило: «Согласны».

– Остальную господскую землю я согласен отдать вам на года, на сколько сами пожелаете, хоть на десять лет, по той цене, какую вы сами назначали, – по 6 рублей кругом.

278

– Покорно, батюшка, благодарим. Дай Бог вам доброго здоровья.

– Но ведь надо вам, ребята, прежде постараться разверстать угодыя. И вам, и мне не приходится владеть чересполосицей.

– Что ж? точно.

– Теперь, ребята, я хотел с вами потолковать толком. Вы сами хозяева, и неплохие. Скажите, какова за лесом к речке земля, на которой теперь пшеница?

– Земля навозная, первый сорт.

– Лес и усадебную барскую землю я оставляю за собой; стало, за вашим наделом земли тут останется немного, и в этом имении вся сила в мельнице. Так или нет?

– Точно, батюшка, так. Уж и говорить нечего.

– Вы видите, что я с вами ссориться не желаю.

– Какое, батюшка? Много довольны.

– Но нельзя же мне и с арендатором ссориться. А если он будет на вас обижаться, так, пожалуй, и мельницу бросит. Поэтому я хотел вам сказать, не сойдете ли вы с усадьбы на землю за лесом.

– Помилуйте, батюшка, да это нам на веки вечные разориться надо.

– Постойте, постойте. На свете всякое добро покупное и наживное. Я не насильно вас гоню, а я спрашиваю, не будет ли вашего согласия? Ну, что может стоить перенести за версту крестьянский двор? От силы 100 рублей серебром. Я согласен вам дать на всякий двор по 150 рублей.

– Нет, батюшка, нам сесть туда – разориться вконец. Там улицу заливать будет, там погребя будут весной полны воды. Там конопляника в 20 лет не заведешь. Там съезду на реку нет.

– Съезд сделаю.

– Там снегом забивать будет. Там скотина как со двора – на чужое поле. По миру пойдем.

С каждой новой попыткой уяснить дело и достигнуть согласия неудовольствие и видимый ропот возрастали. Наконец оратор Панкрат встряхнул скобкой и со сверкающими глазами сказал:

– Что вы теперича нам ни давайте, а надо, не во гнев вашей милости, правду сказать. Если да вы оставите нас на прежнем месте, то мы должны за вас век Богу молить, а если переведете на новое место, то должны целый век вас проклинать. При последнем слове он сделал знак, как будто втыкает указательный палец в землю.

– Ну постойте, постойте! – прервал я оратора, убедаясь, что на этом пути толку не будет, да и к чему мне бросать 2–3 тысячи рублей даром, чтобы навлечь на себя неудовольствие и ропот. – Ведь

279

мне-то все равно, где бы вы ни сидели. Я не о себе хлопочу, а об арендаторах. Они только водочною продажей сильно обижаются.

– Знаем, батюшка, что это и вся беда-то от них. Им лишь бы себе-то получше

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana поустроиться, а мужик-то хоть пропади. А мы какая им помеха? В полую воду мы же их выручаем да пособляем.

– Не в том дело, ребята, а в водочной продаже.

– Да пропадай она пропастью. Мы подписку дадим, чтоб ее и повек у нас не было. Заведи кабаки, так от них, пожалуй, неровен час, и деревня слетит, а теперь их кругом, куда ни сунься. Нужно мне ведерку водки, схватил лошадь да слетал. Подписку, подписку дадим.

– Мало этого, ребята, оставлю вас на месте, а станем контракт писать насчет аренды земли, скажем, что владеть вам землю до первой водочной продажи по деревне. Станете водкой торговать, и контракт вдребезги.

– Да пропадай она пропастью, эта водка! Сказано, не будет ее, так и не будет.

– А не будет, так оставайтесь на прежних усадебных землях.

– Вот, батюшка, много довольны, – и т. д.

– Теперь, стало быть, ваша милость, – замечает седобородый старик, – отдаете нам всю землю по 6 рублей серебром кругом?

– Я уже сказал, что отдаю, как вы сами желали.

– Ну а как же с островом-то, что под мельницей? Ведь на нем чистый песок, только и есть, что будто лоза растет, так нам обидно будет снимать его по 6 рублей.

– Да я и не сдаю его вам, я сдаю то, что вы сами возьмете.

– Да уж вы позвольте нам там хворостику порубить на плетни.

– Пожалуй, рубите и хворост, но вы знаете, что большие деревья нужны бывают арендаторам. Так уговор лучше денег. Если хоть одно дерево кто срубит, сейчас и вас, и скотину вашу с острова прогоню, и за каждую курицу штраф.

– И-и сохрани Господи! – ни одной крупной лозиночки не вырубим. За это отвечаем.

– Да уж вы, батюшка, заставьте вечно Бога молить, – восклицает оратор Панкрат, – пожалуйста нам уж и остров по контракту. Ведь нам без него никаким родом нельзя быть. Дело не дело, а все скотинка послоняется.

– Там от рабочей канавы заливное местечко есть, так у нас там капустники были. Уж позвольте и капустниками попользоваться.

280

– Да ведь сказал, что позволяю вам пользоваться островом, стало, и капустниками будете пользоваться, коли станете честно, безобидно жить. Только там есть и арендаторские гряды, так те уж за ним и останутся.

– Что ж, не замай его пользуется.

– Да только, – опять перебивает Панкрат, – пожалуйста нам остров-то по контракту.

– Зачем же я даром даю вещь, да еще и контракт буду писать на нее?

– Да ведь это мы, батюшка, ведь из чести просим. Сделайте милость.

– Вы из чести просите, а я из чести даю, пока у нас дело будет идти на честности, а станете нечестно жить, пеняйте на себя, вперед вам говорю.

– Да ведь мы из чести просим. Оно точно, покуда мы у вашей милости, обиды нам не будет, а ну как Бог, часом, по душу пошлет, да нас тогда обидят, значит, что ж, мы тогда со скотинкой пропасть должны?

– Если вы честно станете жить, то никто вас не тронет. Я ли, другой ли кто будет, песчаный остров никому не нужен. А пустить вас на шею арендатору по контракту не могу.

– Да ведь мы из чести.

– Ну, ребята, теперь нам не об чем больше толковать, ступайте да потолкуйте промеж себя. Посредник скоро будет, так чтобы нам в словах-то не разбиваться. Ступайте.

– Да вот что, батюшка, – затянул седой старик, озираясь одними глазами на мир, без поворота головы, – наша-то земелька за усадьбами больно сумнительна.

– Весной ее часом заливает, да и песком переносит. Как пойдет это лед по хлебушку, так ажно (даже) волосы на голове шевелятся, – прибавил оратор Панкрат. Последняя фигура видимо понравилась, и отовсюду послышалось:

– И волосы шевелятся! индо волосы шевелятся!

– Да ведь сойти на другое место не хотите, а этой землей владеете исстари. Отчего же она век была хороша, а теперь стала дурна?

– На то была воля господская, а только весной, ажно волосы...

Видя, что конца этому не будет, я прекратил совещание до приезда посредника. Не успела толпа вывалить за дверь, как на порог появился бывший кучер Азор, дворовый, брат сельского старосты, такой же золотушный, только поменьше брата ростом, отъявленный негодяй и ленивец. Он-то и завел было в деревне самовольно водочную продажу.

281

– Что тебе надо?

– Да к вашей милости. Как я теперь должен ни при чем остаться, то не пожалуйте ли мне усадебной земельки под избу.

– А тебе кто позволил торговать водкой?

– Я у мира спрашивался.

– Да разве мир мог тебе позволить без согласия владельца? Да и стоило ли тебе из-за пустяков заводить всю эту гадость?

– Помилуйте, как же не стоило. Я на Святой продал сорок ведерок, да от каждого попользовался по рублю серебром.

Признаюсь, последний аргумент меня сильно озадачил. Перед таким фактом всякое красноречие немеет. Этот дрянной человек никакими усилиями не может (продолжая быть дрянным) приобрести в продолжение целого года и 20 рублей, а тут он в одну неделю без труда заработал вдвое.

– Да ведь тебе в третьем годе, при уставной грамоте, дана была усадебная земля.

– Точно так. Да теперь как братья-то поделились, так они ее за себя взяли. А мне теперь некуда.

– Кто ж теперь виноват, что ты свою землю отдал. Другой ничего не получит, а тебе, за водочную торговлю, давай вдвое. Ступай.

– Сделайте милость.

– Ступай, ступай!

Не успел Азор исчезнуть за дверью, как через порог переступили пожилой дворовый с женою и тотчас повалились в ноги.

– Говорите, что надо. А будете тут валяться, выгоню вон!

Оба мгновенно вскочили. Я знал, что у этих просителей водятся деньжонки.

– У нас, батюшка, на барском дворе собственная избенка и клеть.

– Мне вашей избы не надо, берите ее с Богом.

– Мы вот, не пожалуйте ли нам усадебной землицы: хатку поставить?

– Земли вам никакой не следует. Затем и размежевываются, чтобы чересполосицы не было. А так как вас всего двое, то я за землей не постою. Когда посредник приедет, то я объявлю ему, что даю на вашу долю земли к крестьянскому наделу. А примет ли вас мир в селение или нет – это уж не мое и не посредниково, а мирское дело. Чем у меня-то в ногах валяться, вы бы миру-то поклонялись да попросили, чтоб он вас принял. Ведь я на вашу долю прирежу земли в поле, – так нельзя ж вам сидеть среди хлебов, а надо прибиваться к деревне, а кроме миру, никто не волен распоряжаться.

– Не принимает он нас, отец родной!

282

– Что ж я-то тут могу сделать? Попросите хорошенько; авось, как узнает, что я даю вам землю, он и согласится.

– Уж и не знаем, как его просить-то. Ведь с ним – не с вашей милостью. Вы таки пожалуете, а ведь мир...

В это время рослая четверка вороных фыркнула у сеней, и посредник с письмоводителем, вышед из коляски, показались в дверях горницы.

– Ну что, – спросил Семен Семенович, – толковали?

– Толковали, и, кажется, они согласны и на размежевание, и на выкуп, и на аренду. Только теперь подняли вопрос о собственной земле, которую будто полая вода смывает и портит посеvy.

– Значит, я хорошо сделал, что приехал. Я ведь их знаю. Мы сейчас сядем с вами в коляску, возьмем сельского старосту на козлы и поедем осмотреть их землю.

– Помилуйте, мне совестно. Ваши лошади устали.

– Не беспокойтесь. Во-первых, они сильны, а во-вторых, привыкли и не к таким переездам.

Через четверть часа мы уже проезжали шагом по крестьянскому клину, вдоль которого действительно оказалась изложина с легким следом песку по чернозему.

– Где же размывает клин? – спросил посредник старосту, сидящего на козлах.

– Да вот это самое место. Весной ажно волосы на голове шевелятся...

– Действительно, тут десятина на шесть длиннику, да на осьминник поперечнику, видно, что вода заносит песок. Стало быть, десятины две можно считать не совсем удобными, хотя у вас тут же отличный хлеб родится. Ведь я знаю, – заметил посредник.

– Годами точно что родится.

– Ты хочешь сказать: один только год за все время смыло хлеб на этом месте, так тогда же вы тут и ту плотину выстроили.

– Точно так. Ее еще покойник выстроил. А теперь ее всю льдами разломало – страсть!

– Чтобы соблюсти полную справедливость, вы могли бы уступить крестьянам две десятины вполне удобной земли, кроме этой, – заметил мне посредник.

– Вполне согласен и скажу об этом землемеру.

Вернувшись к флигелю, посредник позвал не расхотевшийся еще мир, и результат был почти тот же, что и после моего с крестьянами совещания. Посредник не вмешивался ни в какие подробности наших взаимных соглашений. Желая разом покон-

283

чить дело и по возможности удовлетворить крестьян, я обещал дать им значительное количество лесу на мнимое обновление плотины, охраняющей их дачу от песчаных наносов. Ясно было, что плотина была пуфом для получения даром лесу (в настоящее время лес срублен, а о плотине нет и помину), но я хотел дать лесу – и дал. Из приходящихся добавочных с крестьян 1100 р. я сбавил им 200 р., а уплату 900 р. рассрочил на 3 года. Благодарности не было конца. Выпив стакан чаю и пригласив меня на следующий день к себе, посредник уехал.

Облака, начинавшие принимать розовые и фиолетовые оттенки, свидетельствовали о приближении вечера. Мне захотелось пройти на мельницу пешком, и я поневоле должен был избрать кратчайший, но эквилибристический путь по лавам высокой плотины, даже не огороженным перилами.

Под ногами моими, на сливе, сидели мальчики с удочками; я остановился посмотреть на их охоту; то у того, то у другого, за взмахом лесы, мелькала белобрюхая плотичка или полосатый пескарь. Ивана Николаевича нашел я среди его обычной деятельности и далеко не в таком внушительном костюме.

– Ну, что-с? Как ваше дело с мужиками? Семен Семенович только что проехали.

– Ничего. Кажется, дело идет на лад. Да ведь вы знаете, тут ни за что отвечать нельзя. Сейчас скажут одно, а через час запоят другое. Тогда только скажу, чем кончилось, когда бумаги будут подписаны.

– Я все боюсь, чтобы сельский староста не стал их разбивать. Он самый богатый во всей деревне, даром что в серой свитке, и ему, должно быть, хочется одному, помимо всех, снять барскую землю.

– Я ведь им отдаю остров под скотину – даром, разумеется, так все просят, чтобы отдать по контракту.

– Этого вы, ради Бога, не делайте. Пусть пользуются, Бог с ними! Но отдать вещь даром по контракту – это и себя и нас связать по рукам и по ногам. Они тут и с мельницы-то выживут. Нет-с, как вам угодно, только вы этого не делайте. Непривязанный медведь не пляшет.

Не желая и самого очаровательного вечера тратить в бездейственном созерцании, деловой Иван Николаевич уговорил меня пройти к старому руслу рабочей канавы, чтобы показать мне казенный столб с печатью, доказывающий несомненные права мельницы на известный подъем воды. Проходя мимо одного из мучных амбаров, мы увидели выбегающую из него молодую и тщедушную коровенку, у которой, вероятно за излишнюю прыткость, правый рог был связан веревкой с пра-

284

вою переднюю ногой. Это заставляло корову с каждым шагом наклонять и отклонять голову. Несмотря на то, коровенка уплеталась довольно поспешно из растворенного амбара, а вслед за нею в воротах показался дюжий рабочий с тяжелым железным ломом в руках. Парень замахнулся своим наступательным орудием, и не знаю, что случилось бы с коровой, если б он опустил на нее лом.

– Не бей, не бей ее, – крикнул Иван Николаевич, – а только прогони до ракитника. Извольте видеть, как повадились? От человека и до скота, – прибавил он, как-то махнув рукой в сторону коровы и придавая голосу неотразимую убедительность.

Стояла засуха. Заря догорала. Сильно пылящее стадо возвращалось с поля.

Казалось, будто спустилась на землю и ползла по переулку к реке темная гряда туч, из которых местами торчали одни равнодушные головы рогатого скота и тревожные силуэты овец. Но вот все это с ревом и блянием разбрелось по дворам. Там и сям отсталые коровы стояли у брода по колени в воде, соткнувшись мордами с своими опрокинутыми в реке двойниками. По мере того как дневной шум смолкал и воздух становился чище, шум мельницы более и более воцарялся в ночной тиши. На юго-востоке будто крупный алмаз засветилась Венера.

– До свидания, Иван Николаевич.

– Нет, помилуйте-с. Выкушайте стаканчик чайку.

Войдя в чистую, опрятными обоями оклеенную комнату флигеля Ивана Николаевича, мы застали у открытого окна на столе кипящий самовар со всеми принадлежностями вечернего чая. Свежие сливки были до того густы, что едва лились из молочника. Стенные часы с портретом музыканта Черни пробили десять.

– Пора домой, Иван Николаевич!

– Позвольте я вас провожу. Мне надо все равно забежать на мельницу.

– Экие чудесные ночи стоят – обоняние! – воскликнул он, сойдя с крыльца и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
охваченный лунным светом.

Перебравшись на свой берег тем же полувоздушным путем, я пошел спать.

VIII. Землемер

Рано встающий посредник обедает в два часа. Он встретил меня неутешительным известием. Только что вернувшийся из города посланный застал землемера с опухшею ногой, не позволяющею надеть кожаный сапог, а следовательно, и обходить дачу.

285

– Однако что же мне делать, Семен Семенович? Без развер- стывания угодий и определения количества остающейся земли нельзя приступить к условиям. Попробовал бы сам обмерить землю, да где взять инструменты?

– Инструменты моего землемера здесь: цепь и астролябия.

– В том-то и беда, что астролябия, а не мензула. Я не довольно знаком с приемами измерений помощью астролябии, для того чтобы решиться отрывать народ в самую жаркую рабочую пору. Ну как у меня фигура не свяжется, придется делать поверку и опять тормозить народ.

– Делайте, как хотите. Инструменты к вашим услугам.

Наступало время ржаных посевов, и надо было безотлагательно засеять поля или своими семенами, или сдавать их в аренду крестьянам. Это обстоятельство вынуждало меня приступить самому к съемке дачи. Но я боялся задержать все сельские работы своею непривычкой к этому делу.

Вернувшись домой, под влиянием внутренней борьбы, я велел позвать Антипа и передал ему свое горе, как будто Антип был в состоянии чем-нибудь ему пособить.

– Ну что теперь делать, Антип? Неужели уехать ни с чем?

– Помилуйте-с! Это ни под каким видом невозможно. Извольте послать за инструментом и уж своими науками дело произойти. Как бросать такое дело?

Вполне убежденный Антипом, я распорядился рано утром посылкой за проклятою астролябией. Придется записывать румбы с дробями! То ли дело мензула! Улегшись за перегородкой на сенную постель, я долго не мог уснуть и ровно ничего не мог понять из страниц, вдоль которых пробежали глаза мои. Коростель драл горло под окошком, но мне казалось, эту ночь он кричал вовсе не с эротической целью, а только из желания подразнить меня. Даже остроносые мухи откуда-то набрались, чтобы кусать меня. Далеко за полночь я потушил свечку, но все еще не мог уснуть. Вдруг слышу скрип наружной двери и чьи-то шаги.

– Кто там? – окликнул я вошедшего.

– Это я-с.

– Что тебе нужно, Антип?

– Да мужики проведали, что тут недалеко, за 18 верст, живет частный землемер, так просят у вас позволения нарядить подводу тройкой и съездить за ним. Авось он к обеду вернется. Так как они наверно постное кушают, то я заказал рыбы наловить.

– Прекрасно, прекрасно! Скажи, чтобы не мешкая послали.

286

– Да тройка уж готова, а малого посадили забубенного. Духом скатает. Только вот спросится пришли. А за инструмен- том-то не прикажете посылать?

– Нет, не нужно. Ступай.

Рано утром я получил письмо от Ивана Николаевича с просьбой продать ему небольшую партию пшеницы. Усевшись за кофе, я два раза посылал попросить ко мне Ивана Николаевича и каждый раз получал в ответ: «Сейчас будут, сейчас идут». Так дело протянулось до полудня. Я хорошо знал, что по случаю урожая пшеница с 8 руб. сошла на 6 руб.; просить дороже не приходилось.

Между тем Антип успел уже мне похвастать двумя огромными карпами и еще какую-то рыбой, плескавшейся в лохани, а к полудню до меня через сени дошел несомненный запах постного масла. Волнуемый страхом и надеждой, я не сказал ни слова касательно этой стряпни, но признаюсь, никак не мог понять уверенности Антипа насчет приезда землемера. Весьма возможно было получить известие, что и он почему-либо раньше двух месяцев приехать не может.

Но вот дверь отворилась, и черный люстриновый сюртук Ивана Николаевича заиграл самыми светлыми переливами, достойно соперничая в этом отношении с ясными раструбами непреклонных голенищ.

– Извините, пожалуйста, – заговорил скороговоркой Иван Николаевич, – никак не мог вырваться. С самой зари наехали с пшеницей мужички, да и пшеница-то не очень нужна. Уж таки сыпал и по 3 рубля 50 копеек и по 3 рубля.

При последних словах лицо его озарилось игриво насмешливою улыбкой. Он видимо был в ударе и в полном удовольствии.

– Неужели сыпали по 3 рубля?

– Так случилось, а то где бы ее купить по этой цене? Да ведь мы и сами иной раз влопываемся с покупками, да и большими партиями. Мы-то все радужными отсыпаям, а сами потом по гривенничкам да пятиалтынничкам выбираем за отруби да

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana подсевки. Право, так!

– Ну, вы-то, я думаю, не переплатите?

– Нет! как перед истинным Богом вам докладываю, такого дашь маху, что только затылок трещит. А точно, нам только и пожить, пока не завели этих путей сообщения да железных дорог. Мы теперь имеем вроде монополии. Грязь, слякоть, деньжонки нужны, ну куда он денется? вот и бежит к нам. Да еще и благодетелями нас считают. И подлинно. Извольте посудить. Не будь, примерно, здесь нас, ну куда бы человеку да в эдакую пору

287

обратиться? Смерть. А то и ему хорошо не дожидаться денег, да и нам хорошо, нам их не привыкать дожидаться-то.

Свое дело я уладил с Иваном Николаевичем с двух слов. Этот человек, только что ссыпавший пшеницу по 3 руб., дал за партию по 6 руб., прибавя, разумеется: «Право, обидно-с».

Если вы умеете объяснить пророческое упрямство лошади перед вступлением на хилый мост или на лед, о степени прочности которого судить она, по-видимому, не имеет никаких данных; если для вас понятно беспокойство собаки перед случайною бедой, не состоящею ни в какой связи с ее пятью чувствами, например, перед пожаром, – то вас нисколько не изумит хладнокровная деятельность Антипа при изготовлении постного обеда. Проходя мимо кухни, я не раз чувствовал потребность уколоть его эту преждевременную стряпней, но каждый раз мысленно махал на все рукой. Вот и первый час пополудни, рыба трещит себе на сковороде, а о землемере ни слуху ни духу.

– Уйду я отсюда, хоть на мельницу. Не могу видеть этой чепухи. Аким! давай одеваться!

Не успел я окончить немногосложного туалета, как у сеней послышался стук копыт, и в комнату вошел толстенький лысый старичок в полувоенном сером пальто, сопровождаемый молодым брюнетом с пышными, мелко вьющимися волосами, в черном сюртуке, надетом на красную фланелевую фуфайку сомнительной чистоты. Не успел еще старичок отрекомендоваться, как уже внесенные вслед за вошедшими инструменты рассеяли всякое сомнение насчет профессии приезжих.

– Извините, что так долго задержали вашего нарочного! Мы с помощником с самого рассвета просидели над планом, который надобно было кончить. Поверите, кроме чаю, во весь день крохи во рту не было. Хорошо, что ваш посланный захватил нас дома. Мы сегодня должны были после обеда ехать на работу за 60 верст. нас там теперь ругают. Да что ж делать, не разорваться!

– Сделайте милость, господа, не задержите и себя, и меня. Я здесь третий день ничего не делаю. А теперь знаете какая пора.

– Прикажете собрать народ и заготовить вехи да колья. А нам позвольте по рюмочке водки да перекусить чего-нибудь.

– Антип! пошли за сельским старостой да давай обедать. У тебя постное?

– Постное.

Мне показалось, что я прочел торжество в глазах Антипа, и глубоко перед ним смирился.

– Вот только перекусим, да и за работу. Я хорошо знаю вашу дачу, – прибавил старичок. – Бог даст завтра к вечеру

288

обойдем. Атам, видно, делать нечего, придется ночку просидеть над черновым планом, а послезавтра утром и произведем нарезку крестьянского надела.

– Да, сделайте милость, не задержите, а я сейчас поеду к посреднику объявить о вашем приезде и попросить подготовить все бумаги. Количество десятин можно вписать и по окончательном с крестьянами соглашении.

– Так как вы уезжаете, то позвольте вас спросить: там на крестьянской даче есть болотца, поросшие камышом; пойдут они в надел или нет?

– Нет, пожалуйста, всю неудобную землю вон. Посредник осматривал их дачу, и мы решили, кроме всего, прирезать им две десятины навознику вдобавок к двум, на которых видны следы песку.

– Как вам угодно. Ну а как же береговой откос в их даче? Лугом его назвать нельзя, а все-таки он прорастает травой, и скот по нем пасется. Прикажете считать его в надел?

– Нет, не считайте.

– Да ведь этак много лишней земли к ним отойдет.

– Нет уж, пожалуйста! Посредник говорит, что им следует полный надел, по уставной грамоте, одной удобной земли. А так как я не могу выбрать оттуда сомнительную землю и оставить ее за собою, то придется, по оказавшемуся ее количеству, прирезать к их даче удобной.

– Как вам угодно. Это не наше дело. Нам только спросить: как делать. В дверях показался смиренный сельский староста.

– Староста! вели сейчас приготовить четыре вехи и десять кольев.

– Вехи и колья готовы.

– Так наряди сейчас с барщины восемь человек на межу. Ступай!

Староста видимо переминался.

– Ну, что тебе нужно?

– Воля ваша, – начал староста тонкою фистулой, приподымая голову, причем серые его глазки с красными веками засверкали зловещим огнем, – воля ваша, как вам будет угодно: а вы пожалуйста нам землю по Его Императорскому указу. – При последнем слове он даже ткнул пальцем вниз.

Оба землемера и я с изумлением переглянулись. Через мгновение на лице старика землемера появилась улыбка, а я обратился к старосте:

– Теперь послушай, что я тебе скажу. Во-первых, крестьяне просят о добровольном выкупе – стало, дело полюбовное,
289

а во-вторых, такого важного дела ни посредник, ни кто другой не может делать иначе как по Императорскому указу. А если ты глуп и зол, то ты свою глупость и злость береги про себя, а ко мне с ними не ходи. А теперь ступай и сейчас исполни, что тебе приказывают. Пошел!

В половине второго землемеры ушли в поле, а я уехал к посреднику.

IX. Семен Семенович

В моих заметках я уже имел случай указывать на факты, опровергающие мнение, будто система штрафов не в духе русского народа. Что же мне делать, если обстоятельства наводят меня на подобные факты? Неужели, вопреки истине, обходить их молчанием только из-за того, что они могут противоречить той или другой теории?

Не успел я переехать за реку и поздороваться с Иваном Николаевичем, как последний уже воскликнул:

– Знать, крестьянам-то больно хочется похозяйничать на острове насчет мелкой лозы. Сегодня утром, промеж себя на сходке, положили 5 р. штрафа за всякую крупную ракишину. Вот уж не тронет-то никто! Ведь они уж не простят, только бы в руки попался: сопьют пять-то рублей. Между своими и с хлыстиком не схоронишься. Вот наживете даровую полицию, что лучше и не надо.

Я только порадовался здравому смыслу крестьян, указавшему им на самую справедливую и практическую меру для ограждения общего интереса.

Посредника я застал за письменным столом и сообщил ему о работе землемеров. Он тотчас же распорядился насчет предварительного изготовления бумаг.

– Итак, – прибавил Семен Семенович, обращаясь ко мне, – я на послезавтра вытребую повесткою сюда мир, а вы потрудитесь пораньше привезти черновой план с точным обозначением удобной и неудобной земли, – и быть может, мы тут же все и покончим.

– Только быть может?

– Не более. В подобных делах ни за что ручаться нельзя.

Я узнал, что все богатство Семена Семеновича состояло из 400 десятин превосходной земли. Но как бы земля ни была превосходна, имение в первобытном виде не могло представлять капитала свыше 20 или 25 тысяч рублей. Зная по опыту, до какой степени трудно начать и довести с небольшими средствами какое-либо дело до порядочных результатов, я не мог устоять от искушения свести разговор на хозяйственную почву.
290

– Меня здесь считают богачом, – заметил Семен Семенович с добродушною улыбкой. – А все мое богатство состоит в том, что до вступления в настоящую должность, поглощающую у меня почти все время, я делал все сам. Вот хотя бы и для этого дома, постройка которого вас так изумляет, я готовил материал в продолжение шести лет. Купить разом и доставить сюда такой материал было бы слишком дорого. А в продолжение шести лет я пользовался случаями приобретать его сходно. Год на год не приходит. Вы, как говорите, покупали кровельное железо по 4 рубля 30 копеек за пуд, а я свое купил по 2 рубля. Что касается до собственного хозяйства, то я старался поставить его в независимость от всякого рода колебаний цен. Всякая вещь имеет собственную цену; я поставил себе за неизменное правило не продавать ни одного, даже ничтожнейшего сельского продукта, начиная с вошины и кончая телячьей шкуркой, ниже их действительной цены. Одни пчелы, которые вас так испугали своею близостью к балкону, доставляют мне значительный доход. А у других они гибнут с каждым годом. Нельзя вести дела, о котором не имеешь понятия. Мы напрасно обвиняем то или другое сословие. Общественные недостатки у нас те же во всех. И у крестьян, и у помещиков до сих пор всегда были деньги, с одной стороны, на водку, а с другой – на несоразмерные со средствами затеи, и вечно чувствовался недостаток в необходимом. У меня, как видите, затей никаких нет, но на дело полезное всегда найдутся средства.

Поздно вечером вернулся я домой и во всю дорогу находился под влиянием всего мною виденного и слышанного. Вот в каких людях, говорил я мысленно, нуждается наше время. Один такой мало разглагольствующий, но много и разумно трудящийся человек гораздо благотворнее действует на свой околоток, чем целые собрания доморощенных философов, проповедующих с пеною у рта непереваленную нескладицу.

Х. В волости

Землемеры честно исполнили обещание. На другой день завтрак им носили в поле, а обедать они пришли уже вечером, когда совершенно смерклось. Напившись чаю непосредственно после обеда, они устроились для ночной работы и только попросили папирос, так как их запас истощился. До рассвета труженики просидели за работой и, надо сказать правду, до того накурили в небольшой комнате, что стало трудно дышать. В шестом часу утра старичок-землемер, за утренним кофе, весело потирая свои мускулистые руки, объявил, что все, за исключением белого плана, готово.

291

– Теперь нам нужно только две сохи, и мы, пока вы доедете до посредника, духом отхватим межу крестьянского надела. Только уж сделайте одолжение, не задержите и нас. А по дороге домой потрудитесь завернуть за беловым. Завтра он будет готов, а крюку вам всего две версты. Жена угостит вас превосходною наливкой, а я, коли застанете меня, угощу вас музыкой. Я играю на всех инструментах, на гобое, на валторне, на трубе, на фортепиано, на скрипке, словом сказать, на всех. У меня отец был большой музыкант. Милости просим! С веселым старичком мы расстались друзьями.

Когда я вышел садиться в кабриолетку, то увидел у самой двери на дворе стоящего сельского старосту. Низко кланяясь, с опущенными глазами, он представлял олицетворенное смирение.

– Что тебе нужно?

– Да я за приказанием, насчет народу к землемеру.

– Тебе ведь с вечера приказано выслать двух пахарей с сохами. А что мир не пошел еще в волость?

Голос старосты перешел в какое-то стеклянное дребезжание.

– Осмелюсь, не во гнев вашей милости, я не знаю, как старики будут согласны идти в волость.

– А мне какая надобность? Это их дело. Повестка от посредника, а не от меня.

С этими словами я тронул лошадь. На половине пути я еще издали узнал черномазого дворового, в новой черной свитке, с палкою в руке, торопливо пробирающегося в волость.

– Что, Петр! как твое дело? Просил ты мир?

– Просил, батюшка!

– Что ж?

– Да Бог его ведает.

– А угощал их водкой?

– Угощал, батюшка! Две ведерки выпили. Уж не оставьте вы нас, кормилец.

– Ваша земля прирежется сегодня к крестьянскому наделу, а там уж не мое дело. Да авось примут вас, после водки- то.

– Кто же их знает? Разве их узнаешь?

У посредника я встретил общество, состоявшее из трех-четырёх соседей. Сам хозяин видимо развеселился. Кажется, он не менее моего обрадовался случаю отвлечь мысли от неизбежных, чтобы не сказать роковых, занятий. Отрезанный от почтовых сообщений, я рад был услышать о последних политических новостях и о ходе польского вопроса.

292

Все эти разговоры не помешали мне два раза посылать в волость узнать: прибыла ли сходка, и каждый раз получать в ответ: «Нет никого».

Вся эта продолжительная комедия с выкупом до того мне надоела, что я решился, в случае разладицы, бросить все дело на произвол судьбы и уехать домой. К завтраку наше небольшое общество увеличилось прибытием из соседнего прихода священника, на которого хозяин указал мне как на дельного и умного человека. Действительно, таким и показался мне этот далеко не старый человек, с открытым и добродушно веселым лицом. Разговор зашел о проповедях, их нравственном значении для народа. Но какво же было мое удивление, когда этот почтенный пастырь стал утверждать и готов был держать со мною пари, что в Евангелии Луки нет родословной Иисуса Христа. Этот факт показался мне глубоко характеристическим по отношению ко всему нашему русскому быту. Возможно ли умному человеку всю жизнь провести над специальною книгой и не полюбопытствовать ознакомиться с ее содержанием? А мы еще укоряем литераторов за суждения о предметах, вполне им незнакомых или недоступных! Верно, у нас куда ни сунься – в этом отношении везде одно и то же.

– Вот и старики прибыли, – сказал входящий в залу посредник, крутя толстую

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana папирску. – Так ли, сяк ли, надо кончать. Я приказал им прийти в переднюю, где уже дожидаются волостной старшина и писарь.

Через несколько минут письмоводитель доложил посреднику, что все собрались и все готово, а в отворенную дверь я увидел знакомый ряд серых и черных свиток.

– Ну, пожалуйста, – сказал посредник, обращаясь ко мне и указывая на дверь прихожей.

– Семен Семенович! Нельзя ли мне передать все это дело вам и остаться здесь? Нового я ничего не могу сказать крестьянам, а мое присутствие только может быть поводом к новым претензиям и путанице.

– Нет, этого нельзя. Обе договаривающиеся стороны должны быть налицо. Я пошел следом за посредником в прихожую, твердо решившись не произносить ни одного слова, иначе как отвечая на вопрос посредника, что бы ни говорили крестьяне.

Дверь в сени была отворена, и там, из-за плеч стариков, собравшихся в передней, тоже виднелись крестьянские головы помоложе. Влево, около сельских властей, стоял знакомый нам дворовый, ожидавший от мира решения своей участи.

– Прежде всего, – начал посредник, – надо нам покончить с ним. Вы знаете, ребята, что этот дворовый получил теперь

293

усадебную землю? Согласны ли вы принять его и позволить ему поставить на деревне избу?

Мертвое молчание, сопровождаемое перемином с ноги на ногу и тяжелым забиранием в себя духу.

– Ну ты что скажешь? – обратился посредник к первому, ближе всех к нему стоящему.

– Как люди, так и мы.

– Ну, а ты?

– Как люди, так и мы.

– Постойте! – обратился он снова к первому. – Люди-то не какие другие сторонние, а все вы же. Ты, другой да третий – вот и люди. Ты-то что ж? Не человек, что ли? Я хочу знать, что ты думаешь? Ну, что ты скажешь?

Спрашиваемый совершенно растерялся.

– Да я-то, батюшка, ваше высокоблагородие! Я-то, – лицо старика приняло мягкое выражение, – я-то бы и Бог с ним. Что ж.

– Стало быть, ты согласен?

– Да я-то, Бог с ним, пусть его.

– Ну, а ты?

– Да и я что ж? Бог бы с ним, то есть право...

– И ты, значит, согласен. А ты? – обратился посредник к третьему.

Третьим, случайно или не случайно, стоял сельский староста. Он поднял на посредника свои серенькие глазки, мгновенно засверкавшие злобой, и, не поднимая рук, оттопырил в сторону кисти с разогнутыми пальцами.

– Что ж, коли некуда, негде, – пропищал он.

– Если к барскому двору негде, так к концу деревни дайте место – к выгону.

– Помилуйте, да там гамазея, часом от него да и гамазея слетит.

– Да зачем же так близко к магазину?

– Помилуйте, коли негде, некуда.

– Ну, да тебя не переговоришь. А ты что скажешь, следующий?

– Я бы, я бы, коли, коли негде.

– Аты?

– Коли негде.

«Коли негде», без всяких вариаций, пошло слева направо и дошло до дверей.

– Ну, а вы там? – крикнул посредник в растворенную дверь сеней. – Входите сюда.

Стоявшие в сенях стали по одному переваливаться через порог, кланяясь и произнося: «Коли негде».

294

При последнем «коли негде» посредник махнул рукой, сказав:

– Это ваше дело! А теперь поговорим о том, зачем пришли.

– Точно, батюшка! Точно так! Так точно, ваше...! – поднялось разом со всех сторон, и посреди всего этого послышался пискливый голосок сельского старосты:

– Только, воля ваша, ваше высокоблагородие, нам эта земелька не подходящая. – И затем новое эхо:

– Она, то есть земелька-то, очень того.

Дело радикально портилось, выходя снова на дорогу бесконечных претензий.

– Пойдите, стойте! – крикнул посредник. – Все это не мое дело. Мое дело сказать вам вот что. Царь дал вам волю, а теперь делает вам милость, помогает вам выкупить ваш надел. Вы будете ваш неполный оброк платить 49 лет в казну. А

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
после этого земля будет ваша.

– Знаем, батюшка! Слышали.

– Вот вы теперь и говорите дело: согласны вы идти на выкуп той земли, которая вам теперь отрезана, «не считая неудобной»?

– Нечего пустое говорить, – крикнул седобородый приземистый старик, выдвигаясь грудью вперед и отмахиваясь назад растопыренною пятерней правой руки.

– Согласны, батюшка.

– Согласны, согласны! – пронеслось в толпе.

– И на наемку остальной земли согласны?

– Согласны! Много довольны!

– И не допускать водочной продажи согласны?

– Ну ее! На что она нам? Да пропади она!

– И на добавочную уплату в три года?

– Согласны, батюшка!

– Стало, и толковать нечего, вот вам письмоводитель прочтет все бумаги в волости, а вот и старшина и еще грамотники, кому хотите давайте руки и ступайте подписывать бумаги.

– Слушаем, батюшка! Покорно благодарим! – И повернувшись к селянам, толпа, один за другим, стала, стуча коваными сапогами и толкаясь в дверях, выходить на двор. Дело было кончено.

Я нарочно с такою подробностью описал этот эпизод из современной сельской жизни, чтобы хотя отчасти воспроизвести в читателе вызванное им у меня чувство. Приводя на память все переходы этого обыденного дела, я постоянно задавал себе вопрос: что бы тут вышло без посредника? «Ничего», – ответят многие вместе со мною; «то же, что и с посредником», – заме-

295

тят другие; «много ли таких посредников?» – прибавят третьи ит. д.

Я привел факт и предоставляю каждому делать из него какие угодно заключения.

ИЗ ДЕРЕВНИ <1868>

В настоящее время наша местность только что ошастливлена введением в действие новых судебных учреждений. Подавая голос из деревни, мы не отступаем от принятого нами правила говорить только о том, чему мы лично были свидетелями или что слышали из достоверных уст. Мы могли бы представить множество доказательств того горячего сочувствия, каким у нас встречены новые порядки во всех классах населения и преимущественно в крестьянском. Но говорить об этом деле считаем пока несвоевременным. И в солнце есть пятна, и в применении новых законоположений могут встречаться затруднения, но каждый из нас готов бы помириться еще с большими затруднениями такого рода, лишь бы не встречаться с отжившими уже для нас учреждениями, о которых, по пословице: *nil nisi bene**, лучше ничего не говорить.

Слава Богу! Темные времена недосыгаемого, в большинстве случаев, на деле правосудия миновали. Тысячи ежедневных примеров до очевидности доказывают, что народные массы нисколько не смотрят на охранительные законы как на условия, стеснительные для национальных инстинктов, обычаев и привычек, и что высказываемые нами когда-то ожидания положительных законов, ограждающих личность и имущество каждого гражданина, нимало не относились к тем фантастическим мечтаниям, в которых жнецы, только наблюдавшие под подвижными навесами за жатвенными машинами, возвращались к роскошному обеду, кончающемуся блестящим балом во дворце из алюминия.

Напротив, наши ожидания сбылись самым положительным и наглядным образом, и нам, несмотря на ежедневное соприкосновение с рабочим людом, еще ни разу не пришлось услышать ропота на новые порядки именно от людей этого класса.

Это одна – светлая сторона современной русской жизни. Будь она единственной – нам бы оставалось молчать и блаженствовать. Но есть другая, темная, завещанная отжившими условиями, которая еще долго будет противодействовать благодетельным * ничего, кроме хорошего (лат.) – усеченное латинское выражение «*De mortuis nil nisi bene*» («о мертвых ничего, кроме хорошего»).

296

преобразованиям. Над ней – то новым узаконениям и придется показать свои освежительные силы. И вот причина, по которой мы и в настоящее время считаем нелишним представить на суд читателей несколько набросанных с натуры сельских очерков.

I. Наша пресловутая хитрость

Ein Jude betragt 2 Deutsche, Ein Armenier 2 Juden,

Ein Russe 2 Armenier*.

Остзейская школьн<ая> поговорка

Года за три тому назад мельницу соседа нашего Ш<енши- на> снимал крестьянин, который между прочим молот и нашу рожь, по возвышенной в сравнении с другими

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana мельниками цене. По близости его мельницы, приходилось на это обстоятельство смотреть сквозь пальцы, лишь бы избежать обычных на крестьянских мельницах проделок. Мельник Алексей Иванов, с крупными, правильными чертами лица и волнистыми седыми кудрями с изжелта-зеленоватым отливом, мог бы для живописца, за неимением лучшего, служить типом патриарха. Правда, для этого типа Алексей Иванов слишком приземист и короткошей, а седая борода его не довольно густа. Но главной помехой для этого были бы его глаза. Таких серых глаз допустить у патриарха невозможно. «Каких?» В этом-то и вся трудность сказать: каких? В подобном положении всех счастливее живописец. Лишь бы он видел, какие глаза, а передать, что видит, он не затруднится; а писатель и видит, да ни с места. Есть довольно верная манера передавать выражение человеческого взгляда сравнением его с глазом того или другого животного. Можно ли лучше определить выражение глаз человека, вечно уверяющего вас в дружбе, преданности и т. д., а между тем не решающегося взглянуть на вас прямо, – что у него в глазах что-то сорочье? Но все подобные сравнения, несмотря на их кажущуюся верность, односторонни. Правда, каждое животное кроме выражения, свойственного его роду и виду, имеет, подобно человеческому индивидууму, свою личную физиономию. Но этим все исчерпывается, и если, по пословице: глаза – зеркало души, то у животного это зеркало всегда чисто, какого бы рода характер ни выражало. Душа животного, подобно Минерве, выходит в мир во всеоружии необходимого. Молодой перепеленок или жеребенок нисколько не глупее

* Один еврей стоит двух немцев, один армянин – двух евреев, один русский – двух армян (нем.).

297

своей матери. Животные не переживают и не наживают той, подчас безобразной чепухи, которую люди называют историей. Вот эта-то личная история и отражается в глазах каждого человека. Если глаза вороны ясно и честно выражают всю подозрительность, алчность и нахальство этой птицы, то мы можем сказать, что мельник Алексей Иванов – с вороньими глазами, но если присмотреться, какую, должно быть, нелепую историю пережила и перемыслила эта ворона, так только руками разведешь.

Все эти наблюдения произведены нами над Алексеем Ивановым, разумеется, невольно, когда нам, по его же милости, пришлось с ним беседовать, и не раз.

В зиму, в которую началось наше знакомство, ему пришлось перемолоть нам до ста четвертей ржи. Как при мельнице нет больших помещений для хлеба, а подводы посылать туда или обратно порожняками нерасчетливо, то в продолжение зимы посылалось на мельницу с рожью известное число подвод, которые привозили обратно соответственное количество муки. Отпуск ржи и приемка муки каждый раз записывались в книге. Когда на мельнице осталось только пять четвертей ржи, мельник в качестве соседа и человека, добросовестно исполнившего дело, явился просить окончательного расчета, говоря, что и остальные 45 пудов муки готовы, и назначил день, когда мы должны за нею прислать. В назначенный день две подводы поехали на мельницу, но увы! вернулись порожнем, и старший при них рабочий передал слова мельника, что нашей муки там нет, что он, мельник, теперь счелся и что мука наша уже вся получена сполна. Надобно сказать, что рабочие, производившие перевозку, были постоянно одни и те же, а старший между ними Егор был известен своею честностью. Узнав о таком казусе, я послал за мельником. Вот тут-то и пришлось поневоле изучать эту личность в ее подпудренном мукою полушубке.

Вес ржи, по нашим правильным весам, был хорошо известен и нам и мельнику, следовательно, и вес муки должен был в свою очередь быть по нашим весам верен. Но Егор, каждый раз принимавший муку весом на мельнице, находил, при проверке нашими весами, на каждом возе от 2 до 3 фунтов недостачи, которая каждый раз записывалась и к концу операции составила дефицит в 5 пудов.

– Как же ты, Алексей Иванов, велел приезжать за мукой, а потом гонишь подводы, говоря, что мука вся получена?

– Это я обчелся, значит. А как сосчитался...

– Прекрасно, что ты сосчитался. Но и мне надо сосчитаться. Тебе говорили, что каждый раз на возах был недочет?

– Говорили, точно говорили.

298

– Ведь это составляет 5 пудов, а как их приложить к 45, то выходит 50.

Если бы недоставало только пяти, я бы, пожалуй, и смолчал. Но ты сам хозяин и должен понять: какое же может быть хозяйство там, где только послать на мельницу – то уже 50 пудов нет? Могу ли я такое дело оставить, не разобравши?

– Этого никаким манером оставить нельзя. Может, она у вас, а может, и у меня.

– Ездили ли к тебе подводы порожняками?

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana

- В первой две привезли рожь да порожняком поехали ко двору. А то что-то как будто ни туда, ни оттуда порожняком не ездили.
- И муки более 2 уг четвертей на воз не насыпали?
- Нет, не сыпали.
- Так как же, любезный друг, мука-то сама, что ли, прилетела в наш амбар?
- Да вот она у меня – весь отпуск – тут, для памяти, записан.
- Ты разве грамотный?
- Нет, да я цыхвирь помалости для себя...
- Покажи.

На перпендикулярно разграфленной бумажке стояли цифры, и когда я сличал их с домовою книгой, оказалось, что все цифры поставлены верно, несмотря на оригинальную манеру изображения. Где, например, у меня стояло: 16 декабря получено с мельницы 72 пуда, у Алексея Иванова было изображено: в первой графе – 16, во второй – 70, в третьей – 2. Таким образом 22 декабря 112 пудов изображалось в первой графе 22, во второй – 100, в третьей – 12. Вся разница между двумя записями заключалась в том, что у Алексея Иванова внизу последней поездки стояло 45 без обозначения числа.

- Это они у меня на двери мелом были записаны, так я их теперь и записал. А они, значит, тогда же и взяты.
- Когда тогда же?
- Да вот тут как-то. Либо между эфтами, либо между эфти-ми числами.
- Кто же брал?
- Да ребята ваши.

Позваны ребята, и доказана невозможность самовольно, среди белого дня, схватить две подводы и вернуться порожнем. Против такой нелепости общий протест.

- Что же теперь нам делать, Алексей Иванов?
- Да надо всеми мерами узнать, где эта самая мука. У вас видно, куда она идет. Значит, тогда ее перемерить в вашем закроме.

299

- Прекрасно. Я так уверен, что муки у меня нет, что обязуюсь заплатить тебе 25 рублей серебром, в случае если у меня окажется лишняя мука. Но кто же будет производить эту работу? Ведь это 10 человек, пожалуй, два дня прокопаются!
- Что ж делать-то, батюшко! Надо же правды-то допытать. Уж прикажите вашим ребятам при мне промерить. Видно, уж грех мой такой вышел.
- Грех-то твой – да работа-то выйдет моя. Нельзя ли хоть отложить работу эту до тех пор, пока мука произрасходуется? А считать ее и тогда все равно.
- Действительно, батюшко, пообждать.
- А между тем вот расписка, что ты обязуешься перемерить муку и, в случае недостачи, пополнить 45 пудов. Уж о пяти я не толкую.

Мельник дал расписку, которая была потом засвидетельствована посредником. В назначенный день, с утра, Алексей Иванов начал с моими рабочими пересыпание из пустого в порожнее и к вечеру объявил, что муки действительно недостает не 45, а 50 пудов. Давши вторичную расписку добавить по условию недостающие 45 пудов, он выпросил дозволение рассчитаться осенью, во время усиленного помолу. Это не помешало ему броситься с протестом к посреднику и там заявить, что так как муки недостает 50 пудов, то туда же, куда ушли 5 пудов моих, ушли и 45 его, мельника, подразумевая под этим, что мука украдена у меня из амбара. Зная подробности дела, посредник должен был согласиться со справедливым умозаключением Алексея Иванова, но в то же время ни по каким законам не мог освободить должника от уплаты долга только на том основании, что с него не требуют меньшую часть того же долга. Подписки мельника препровождены посредником в стан для взыскания. На этом, как по большей части бывало, дело и остановилось. Время шло, а взыскания нет. Только люди, стоящие в стороне от действительности и лишенные всякого практического смысла, не понимают, до какой степени такой ход дел губелен для нравственной стороны хозяйства. Ничтожнейший пример торжества нахальной неправды – заставляет тотчас же эту гидру подымать несколько новых голов.

Желая придать возможно благовидный исход делу, мы постоянно искали к тому удобного случая. Однажды летом нам понадобилось 20 молодых индеек, которым у нас цена от 25 до 30 копеек. В ближайшей округе индейки, как нарочно, задались только у мельничихи, и мы поручили посланному предложить мельнику хоть по 60 коп. за штуку, готовые с радостью про-

300

нять репутацию бессовестно и безнаказанно ограбленного на репутацию обманутого. На такое предложение посланного Алексей Иванов отвечал: «Вы умеете только считать свое, а индеек я не отдам ниже 2 рублей за штуку». Тут мы вспомнили выражение, подмеченное нами в глазах мельника, и не стали добиваться смысла в его словах. Индейки в тот же день были куплены по 25 коп., а мы не отложили надежды получить следующую нам муку или следующие за нее деньги.

Вспомнив прошлой осенью, что Алексей Иванов должен по условию аренды молотить муку для домашнего потребления Ш<еншина>, мы спросили соседа, нельзя ли нам променять в его экономии такое количество ржи на муку, помол которой равнялся бы стоимости следуемых нам по расчету с мельника денег? Таким образом, мельник, перемолов снова четвертей 30 ржи, невольно бы с нами рассчитался. Получив согласие Ш<еншина>, мы избрали базисом операции уже не мельницу, а амбар самого Ш<еншина>. Когда обмен дошел до последних 45 пудов муки, дело остановилось снова. Мы спросили Ш<еншина> о причине замедления. Передаем, что не без смеху пересказал нам Ш<еншин>. История повторилась в увеличенном виде. За несколько дней до помолу последней муки нашей мельник явился к Ш<еншину> с вопросом, долго ли ему даром молотить чужую рожь.

– Ты сам знаешь, что еще надо по расчету смолотить пять четвертей, – был ответ.

Когда ключник Ш<еншина> послал за последней мукой нашей, мельник объявил, что он муку уже сдал. Ш<еншин> позвал мельника.

– Сдал ты муку?

– Сдал.

– Кому?

– Ключнику, вместе с вашей.

– Сколько?

– 150 пудов.

– Да мне следовало всего получить с тебя 3 пуда. Откуда же ты взял с лишком 100 пудов?

– Да своя ржица сборная была. Так я... значит...

– Тебе было сказано, чтобы ты не смел мешать чужую рожь с моей. Кто ж тебе позволил так распорядиться?

Явился ключник, и, разумеется, оказалось, что никакой муки лишней никто не видал.

– Это не мое дело. Считайтесь между собою, – сказал обоим Ш<еншин>, из таких счетов, кроме брани, ничего не могло выйти.

301

– Ключник! – сказал Ш<еншин>. – Ступай и пошли за градским десятским. – И, обратясь к мельнику, прибавил: – Так как вы сами разобраться не можете, то пусть вас полиция разберет. – Ключник вышел.

– А уж мне позвольте на мельницу, – сказал Алексей Иванов.

– Нет, ты подожди градского десятника и поезжай с ним в стан.

– Помилуйте, зачем же до этого доводить? Уж лучше – пропадай моя рожь.

– Нет, любезный. Ты уже дал мне 150 пудов, да с тебя следует, по моему расчету, 48, – это почти 200 пудов муки, – я этого не хочу.

– Да уж сделайте милость, позвольте, я завтра доставлю 48 пудов.

На другой день мы получили нашу муку. А подписка Алексея Иванова, препровожденная в стан, сидит там и по сей день.

Так ли грубо и неуклюже таскают настоящие вороны?

Все это цветики нашей пресловутой национальной хитрости. Случай навел нас на такие ягодки, о которых мы не можем себе отказать в удовольствии поговорить с читателем. Дело, как нарочно, опять происходило на мельнице, но на этот раз уже на водяной крупчатке.

Ниже нашей мельницы, на той же реке, возникала новая крупчатка. Хозяин ее, купец Обручев, слыл за тонкого знатока этого дела. Желая придать своей возникающей мельнице возможно большую силу, Обручев бумажным путем добивался такого высокого уровня воды, который в действительности каждый раз, как только из письменного слова переходил в очевидное дело, не только затоплял наши колеса, но и прибрежные уголья других владельцев. Какое же, после таких очевидных опытов, могло основаться сомнение в сущности дела, происходящего в глазах специалиста. Что специалист видит наносимое его притязаниями зло, но из своекорыстных целей не обращает на него внимания – понятно; но чтобы подобный человек, можно сказать, ежедневно видел подобное зло и все-таки продолжал искренно в него не верить – это, воля ваша, какая-то магия несообразности. Желая во что бы то ни стало прекратить это несносное дело, мы простирали наши уступки до того, что с принятием предложений собственная мельница наша из здоровой должна превратиться в чахоточную. Все напрасно. Обручеву, очевидно, недостаточно было видеть нашу мельницу в чахотке, ему хотелось ее смерти. С одной стороны, он не поступался ни

302

вершком из несообразно-возвышенного уровня воды, а с другой – не скупился на клятвенные и даже слезные уверения, что и при таком подъеме он не только не затопит наших колес, но ни в каком случае даже не дойдет до них своею водою. Зная, что одному Моисею при переходе через Красное море, и то на короткое время, дана была власть нарушить вечные законы водяного уровня, мы не могли на все эти

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
клятвы смотреть иначе как на самую простодушную уловку вызвать наше согласие. Но
постоянно возобновляющиеся уверения противника заставляли нас подумать: нельзя
ли повернуть дело другим концом?

– Вы, – обратились мы к Обручеву, – не желаете нас затоплять?

– Ни в каком случае – Боже мой! Боже мой!

– А я, с своей стороны, готов вам все уступить, лишь бы вы не подтопляли
моей мельницы. Если ваши желания настолько же искренни, как мои, то нельзя ли
нам с общего согласия определить у подножия моей лестницы высшую точку уровня
воды, которую вы дадите формальное обязательство ни в каком случае не заливать,
а я дам, с своей стороны, обязательство не претендовать, как бы высок затем ни
оказался уровень вашего пруда?

– Да, батюшка! я ничего больше не желаю, я только ищущу, чтобы было
справедливо.

– Как и я не добиваюсь ничего другого, то нам остается определить исходную
точку и при свидетелях на этом основании составить мировую.

Сказано – сделано. В мировом акте с общего согласия исходным пунктом операции
назначена печать на столбе под колесами нашей мельницы, отстоящая по
перпендикуляру на 5 аршин 5 вершков от печати столба, стоящего выше наших колес.
Этот верхний столб с печатью незыблемо утвержден на берегу при закладке мельницы
и признан законным актом, объявившим 5 аршин и 5 вершков свободного пространства
от него вниз неотъемлемой собственностью нашей мельницы. Хотя нижний столб самым
правильным образом поставлен был инженером по возникновении процесса, но, в
сущности, он не изменял дела, будучи только видимым знаком нижнего конца
перпендикуляра в 5 аршин 5 вершков, исходной точкой которому должна быть печать
верхнего столба.

Невелика мудрость от неподвижного потолка комнаты отмерить книзу по стене 5
аршин 5 вершков и поставить на отмеренном месте знак. Таким-то видимым знаком и
была печать на нижнем столбе, принятая обеими мирящимися сторонами за исходный
пункт операции. Обоюдное соглашение наше уже закреплено законным актом, которого
изменить уже ни та, ни другая

303

сторона не имела права. Дело было покончено de jure* **, оставалось кончить его
de facto* **, то есть поднять воду до условного знака и затем отметить подъем ее
на нижнем конце пруда, то есть на мельнице Обручева, отстоящей от нашей почти на
9 верст.

Разумеется, чем ниже был избран исходный пункт операции, тем безопасней был бы
для нас, и наоборот, чем этот пункт был бы выше, тем выгоднее было бы для нашего
противника. В настоящее время такие соображения оказывались неуместными.

Возможно ли признать известный пункт исходным и затем сомневаться в его
законности? Никто не мог помешать мирящимся избрать любой другой пункт, например
корень растущего дерева, случайный знак на строении, исходным. Отвергать однажды
избранный знак можно, только приведя доказательства, что он передвинут со
времени заключения условия. Против всего здесь сказанного здравый смысл
возражать не может, но не так бывает у нас в жизни. Заметим для незнакомых с
делом, что столбы с казенными печатями выбираются прочные и забиваются насколько
возможно глубоко в грунт, причем на верхний конец, чтобы он от ударов не
разбивался и не плющился, надевается железный обруч. Когда столб таким образом
добит насколько нужно, железный обруч снимают и верхний конец заостряют. Ясно,
что после этого малейшая, и, разумеется, безуспешная, попытка забить столб
глубже – окончательно уничтожит верхнее острие. Накануне практического
осуществления акта, при осмотре нашей мельницы в присутствии официальных лиц и
человек 25 посторонних свидетелей, арендатор нашей мельницы обратил внимание
присутствующих на столб, назначенный быть исходным пунктом, и указал на
небольшую язвину на самом его острие, прося убедиться, что она – следствие
загнившей сердцевины дерева. По общему приглашению, Обручев приказал
находившемуся тут же старшему своему крупчатнику осмотреть язвину. Крупчатник,
воткнув при всех в загнившую сердцевину железный аршин вершка на три, объявил,
что макушка не тронута, а явно загнила и весьма мало лишилась остроконечного
вида. С этим публично согласился и наш противник. Дело оставлено до следующего
дня.

Но – утро вечера мудренее, и, вероятно, оно-то внушило Обручеву сомнение насчет
чуда, вследствие которого вода, стоящая на одном конце бассейна на низком
уровне, вдруг на вечные времена, без всяких побудительных причин, образует
высокую гору на другом конце того же бассейна. Вслед за таким сомнени-

* юридически (лат.).

** фактически (лат.).

304

ем явились всевозможные белыми нитками шитые уловки, чтобы как-нибудь сделать

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
исполнение условий акта невозможным, а если этого нельзя, то, по крайней мере, исказить его.

Избавляем читателя от подробного описания всех курьезов, остановясь на главном – невероятном. На следующее утро Обручев объявил сомнение насчет положения условного знака, стал, вопреки общему голосу, требовать проверки расстояния по отвесу нижнего столба от верхнего. Как ни старались ему доказать, что такая проверка, с одной стороны, противоречит главному основанию мировой, а с другой, требуя нивелировки, приведет к перепроверке простым ватерпасом того, что добросовестно сделано техническим инструментом, – ничто не помогало. Делать нечего: в угоду такой причуды ватерпас пошел шагать по кольям, и к вечеру оказалось – увы! – что 5 аршин 5 вершков умещаются не от верхней печати до нижней, а от верхней печати до поверхности воды, стоящей на этот раз на 2 вершка ниже печати нижнего столба.

– Вот извольте видеть теперь, господа! – восклицает Обручев. – Что я недаром утруждал вас. Вот и нашлись моих 2 вершка. Теперь, значит, надо потянуть столб из земли на два вершка, тогда и будет настоящая справедливость.

– Как же это вы, г. Обручев, измерив сами, что от печати до печати не выходит 5 аршин 5 вершков, а всего 5 аршин 3 вершка, хотите исправить дело, сблизив печати между собою еще на два вершка? Тогда, по-нашему, между ними будут уже не законные 5 аршин 5 вершков, а только 5 аршин 1 вершок. По здравому смыслу следовало бы, приняв в уважение вашу собственную проверку, которой мы с своей стороны не сделаем, отодвинуть нижнюю печать от верхней на 2 вершка, то есть углубить нижний столб на такую меру.

– Господи Боже мой! Да как же это! Нада потянуть на 2 вершка, а вы изволите говорить – забить! где же тут справедливость? – и т. д.

Напрасно старались мы образумить нашего противника следующим примером. Я купил в лавке 5 аршин 5 вершков сукна. В отрезанном для меня куске оказалось только 5 аршин 3 вершка. Должно ли, исправляя неверность, прибавить мне из лавки 2 вершка или отрезать их от моего же и без того неполного куска? Ничто не помогало. Заведомо ловкий специалист продолжал несколько часов кряду восклицать на все возможные тоны и, удивительнее всего, от чистого сердца. Только на другой день, размыслив на свободе или вразумленный близкими людьми, он даже неохотно отвечал на вопросы: убедился ли он во вчерашней своей ошибке?

305

Помилуйте! Господи! готовы мы воскликнуть в свою очередь, – вероятно ли, чтобы взрослые люди, не под влиянием кошмара, а наяву, в продолжение нескольких часов серьезно занимались решением такого головоломного вопроса? Но злой судьбе угодно было протянуть эту нелепую кукольную комедию за пределы всякого смешного. Когда нам вдвоем с исполнителем мирового акта, после двухчасовой мучительной болтовни под палящим солнцем, удалось наконец убедить 50 человек мельников, сторонних и сведущих людей в очевидной несообразности требования Обручева, – в официальном лагере, к нашему отчаянию, поднялся голос человека, кончившего курс в высшем учебном заведении, голос, выразивший мучительное сомнение насчет того: следует ли опустить или вытянуть столб?.. И опять все доказательства снова. Дело дошло до того, что уже 50 человек хохочут, когда им только намекнут о сомнении в подобном вопросе. А питомец высшего учебного заведения, даже по уходе с места битвы, даже за вечерним чаем, все еще томился роковым вопросом. Впрочем, надо отдать ему справедливость, когда на другое утро его озарила истина, он один не мог простить Обручеву его вчерашней несообразительности и беспощадно трунил над ним по этому случаю, когда другие молчали. Долго после того нашу память терзал безотвязный стих:

Науки юношей питают.

II. Бедные люди

Однажды в конце ноября мы сидели за утренним чаем у знакомого нам помещика, давно пользующегося заслуженной известностью отличного агронома. Еще в крепостной период крестьяне пользовались у него заметным благосостоянием, и он один из первых сумел окончательно разойтись с ними по обоюдному соглашению, а сам завести вольнонаемный труд в весьма значительных размерах. Это новое хозяйство, по разумности приемов и удовлетворительности результатов, может вполне быть названо образцовым. За чаем прислуживал давно знакомый нам Иван. Зашла как-то речь о нравственной силе примитивных людей.

– Вы не помните, – спросил нас хозяин, – деда нашего Ивана? Такой высокий, здоровый и добрый старик. Он еще в прошлом году приходил поздравить нас с праздником. Умный и дельный был мужик. Лет ему уже было под 90, но он все время был здоров и бодр.

306

Мы отвечали, что решительно не знаем или, лучше сказать, не помним ни деда, ни матери Ивана – дочери этого старика.

– Вы можете расспросить самого Ивана и его домашних о смерти старика, последовавшей нынешней зимою. За два дня до смерти, будучи в полном сознании и без всяких признаков болезни, он отребовал священника, попросил особороваться. По совершении обряда старик два дня был на ногах. Вы знаете, что дворовые обедают рано – в 12 часов, то есть именно когда у нас подают завтрак; поэтому Иван, убравшись в буфете, уходит домой и обедает после всех своих домашних один. В роковой день Иван, по обычаю садясь за накрытый для него матерью стол, нашел старика деда стоящим у печки. Проголодался ли особенно на этот раз Иван или это так казалось деду, но последний стал приставать к внуку за долгий процесс обеда... «Что это все есть да есть? Можно ли так долго есть? Да когда же ты кончишь обед? Степанида, да скажи сыну-то, что стыдно так долго есть!» Когда Иван кончил обед, а Степанида убрала со стола, старик потребовал, чтобы его одели в чистое белье и положили на стол. Едва успели в точности исполнить волю старика, как он стал отходить. Тогда объяснилось неудовольствие покойника на продолжительность обеда. Он хотел, чтобы ему в последний раз очистили место на единственном столе, находящемся в распоряжении семьи. Кто бы не пожелал так же просто и спокойно отнестись к неизбежной смерти? Пока мы рассуждали на эту тему, Иван доложил о приходе мужика.

– Что ему надо? – спросил хозяин.

– Пришел хлеба просить, – был ответ.

– Как! – обратились мы к хозяину. – Возможно ли, чтобы ваш крестьянин уже нуждался в хлебе в ноябре такого урожайного года, когда рожь почти нипочем?

– Их теперь, – отвечал хозяин, – много таких развелось. Даешь им, потому что по старой памяти как-то совестно отказать своему мужику. Ну и даешь, будто бы за то, что он зимою будет ходить на работы. А какая от него польза, какой он работник? Он приходит в 10 часов утра, а в сумерках уже уходит домой. Надел у нас небольшой, по полторы десятины на душу. Пока они владели землею по дворам – жили хорошо. Один брат около земли хлопчет, а другой на стороне промышляет; хоть бы у меня стоя в работниках, он и хлеба-то дома не ест, да еще и домой деньги несет. Вот им было и легко. А теперь они все помешались на дележах. Бабы поссорятся за горшки – и семья требует раздела. Эта мания доходит до того, что в иных местах семейства, не будучи в силах построить нового помещения, разгораживают старые избы плетнем на две половины и прорубают

307

новую дверь в глухой стене. Вот и сядет такой отделившийся с женою да дочерью на 'л десятинки в клину. Оторваться ему от дому нельзя. Хоть у него одна лошадь, да жеребенок, да телка и несколько овец, а ведь все это требует утром и вечером ухода: какой же он работник на стороне? Если что и родилось – надо отдать повинности, купить соли и т. д. – поневоле продашь, а там и делай что хочешь. Мы вспомнили этот разговор по поводу единственного истинно бедного крестьянского семейства, которое случаю угодно было показать нам во всей его беспомощности. Запрошлой осенью, при заключении мировой по делу мельницы, частыми переездами по несколько раз в день с одной мельницы на другую нам до того пришлось загонять единственную, бывшую в нашем распоряжении четверку лошадей, что надо было пользоваться каждым удобным случаем сократить для них эти двадцативерстные перебежки. Приглашенный с общего нашего с Обручевым согласия и проработавший целый день на ближайшей от себя мельнице посредник должен был на следующее утро с такою же целью ехать на мельницу нашего противника, где необходимо было и наше присутствие. Не желая никого задерживать медленностию, посредник обещал прибыть на место в 9 часов утра. Ему приходилось ехать по большой почтовой дороге, а как деревня государственных крестьян на этой дороге отстоит от нашей мельницы версты на полторы, то мы и упросили посредника свозить нас на своих могучих лошадях туда и обратно, обещая в известное время подождать его на большой дороге. Не желая, в свою очередь, заставить посредника дожидаться, мы к 8 часам утра выехали на улицу деревни и отпустили лошадей.

Утро было морозное. Растолченная вдоль деревни домашним скотом большая дорога застыла колчами. Резкий ветер так и низал насквозь. На улице не было ни души, и даже собаки куда-то попрятались, несмотря на грохот только что отъехавшего по мерзлой земле экипажа. Но нельзя было полагаться на их миролюбие чужому человеку, оставшемуся одному посреди улицы даже без палки. Я стал искать глазами кого-нибудь и наконец за разломанным плетнем увидел небольшого роста крестьянина в черной, на самые глаза надвинутой шапке. На мое приветствие крестьянин, кряхтя, приподнял обеими руками шапку и, болезненно простонав: «Мочи нет, голову разломало!», снова обеими руками натянул ее на самые брови. Длинный, острый нос, черные глаза и черные как смоль волосы, при жидкой бороде крестьянина, явно указывали на его восточное происхождение. Отодвинувшись, мы к 8 часам утра

308

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana фамилий, происходивших от татар. Замечательно, что выходцы-родоначальники передали свой красивый тип до позднейшего потомства одним мужчинам, тогда как белокурые женщины сохранили свой местный и – надо сказать правду – весьма некрасивый тип.

– Чего ж ты тут на ветру стоишь больной? – спросил я крестьянина.

– Да вот, вывел сюда хоботыца дать животам, – отвечал крестьянин, указывая на пару тощих лошадей, у которых особенно неразвита была упоминаемая хозяином часть тела. Лошади были явно подорваны и, дрожа всем телом на холодном ветре, жадно ели корм.

– Корм хорошо едят, а лошади-то твои худы.

– И, и! Лошадь была! – воскликнул мужик, любовно ударяя гнедого мерина по тощему крупу. – Добро милое была, да вот что-то с ней поделалось и тела не стала брать. Вот и теперь вывел нарочно со двора да посыпал мякину-то, чтобы там овчон-ки да коровенка их не обидели. Ведь солю им, ей-Богу, – наблюдаю, а нету тела! Да и голова меня эта доняла, ото всего отбила. Вон! – крестьянин указал на несколько борозд картофеля с воткнутой в землю сохой. – Надо бы картошку допахать, да не стану; пропади она пропастью!.. – При этих словах он болезненно закряхтел и начал обеими руками еще ниже натаскивать на голову шапку.

– Ну, брат, если ты сегодня не выпашешь остального картофеля, то он, пожалуй, так в земле и останется. Ты видишь, земля начинает застывать.

– Что ж, когда мочи моей нет. Я, должно быть, ее застудил, голову-то, – это вот тут в самую мятель суседа хоронили. Я семь верст без шапки до церкви-то прошел, да знать ее, голову-то, и настудил.

– Знаю я, брат, ваши порядки. Вы глаза-то нальете, а там вам и море по колено.

– Како, глаза-то? Оно точно, батюшка, ваша правда. Поднес это он мне три стаканчика, и шел я будто тепло, а ее-то, видно, и настудил.

– Что ж мы теперь-то с тобою стоим на ветру?

– Точно, что студено здесь стоять-то, пожалуйста в хату.

Прошедши грязные сени, я отворил низкую дверь избы и должен был согнуться, чтобы переступить через порог. И на охоте, и во время кочевой военной службы мне привелось перебивать от хаты крестьянина-молдавана и спиртуозного помещения польского еврея-голяка до замечательно неопрятных хижин прибалтийских чухонцев; поэтому крестьянская изба для меня

309

явление нисколько не новое. Зная по опыту, что чистота у нас один из самых дорогих предметов роскоши, я мало ожидаю ее от людей, у которых все время поглощено заботами о необходимом. Но на этот раз только нежелание оскорбить хозяев заставило меня войти в избу и поклониться сидевшей под окном за шерстяным чулком хозяйке. Трудно передать колючую остроту поразивших меня миазмов! Садясь у самой двери крошечной избы на лавку, я поспешно достал и закурил сигару, но и это средство не помогало. Я решил пробыть в избе несколько минут и придумать безобидное для хозяев отступление. «Студено», – дико прошептала совершенно охрипшая хозяйка, не отрывая глаз от чулка, который вязала. Боже мой! какое несчастное существо была эта женщина, по-видимому, лет 40 от роду. Это была при последних днях беременности, простуженная Юлия Пастрана кавказской породы без бороды. У единственного небольшого стола две ножки рядом отгнили по нижнюю перекладину, поэтому семейство должно было обедать на наклонной плоскости, которую представлял стол. Под этим же столом валялись миски с недолизанными, замешенными для теленка отрубями. Все это давно прокисло и отчасти объясняло удушливую атмосферу жилища. На приземистой печке в длинных и грязных рубахах копошились девочки, одна другой меньше и безобразнее. Сам хозяин не садился, а как-то конфузливо топтался посреди избы, стараясь по временам еще глубже натянуть на голову шапку и приговаривая: «Застудил ее это на похоронах, видно».

– Все так-то, – с озлоблением прошипела жена. – Люди кто полотенцем, кто тряпкой подвязали уши, а ты так.

– Точно, что поднес он мне три стаканчика...

– Много ли у вас земли-то на душу?

– По одной десятинке всего.

– Что ж, навозите вы ее?

– Конопляники-то нешто. А в поле кто ее навозит? Жеребий у нас. Так она это пресная и живет.

– А много ли у вас работников в семье?

– Да вот все тут, – прошипела жена, отчаянно махнув вокруг себя вязаньем.

– Что ж ты нейдешь картошку-то пахать? – сердито обратилась она к мужу. – Глянь-ка на печку-то – сколько их. А ведь они есть просят.

– Не пойду, – решительно отвечал мужик, обеими руками натягивая шапку на голову.

Присоединив свой голос к убеждениям жены, я успел склонить крестьянина допахать картофель. Ему поэтому надо было идти запрягать лошадь, а я воспользовался случаем вырваться на свежий воздух. Улица уже успела оживиться. Мальчишки

310

старались гнать лошадей в поле, но лошади, пробежав несколько шагов, поворачивали назад и со всех ног неслись ко дворам. К брани и крикам мальчишек присоединялся лай собак. Экипажа посредника все еще не было видно, и я решился от скуки идти к нему навстречу, взяв в провожатые от собак какого-нибудь мальчика. Скоро у меня явилось два таких провожатых, и когда мы с ними стали выходить за деревню, у нас уже завязался разговор. Не приводя его содержания, скажем только, что в первый раз мы услышали слово пазубник вместо лесная земляника, и слово это нам понравилось. Наконец, вдаль на пригорке показался экипаж посредника. Юные спутники, в которых уже не было надобности, получив по грошу, ушли, довольные судьбой. Желая как можно скорее сесть в экипаж, я пошел к нему навстречу. Только тут весь образ только что виденной мною бедности представился мне во всей своей беспомощности, со всеми очевидными причинами такого явления. Вот, подумал я, та стена, в которую упрется общинное владение землей, но в ту же минуту меня поразила другая мысль: Боже мой, неужели я до такой степени литератор, что за наблюдениями да соображениями потерял всякую способность действовать! Эта несчастная белая Юлия Пастрана должна на днях разрешиться от бремени при таких условиях, где малейшая денежная помощь значительно облегчит ее участь.

– Извините, – сказал подъехавший посредник, – опоздал, задержали, нам надо торопиться... – Тем не менее я упробил посредника остановиться на минуту около знакомой мне избы. Я инстинктивно побегал не в избу, а на огород, и не ошибся: натянута на брови шапка подпахивала картофель, а простуженная вязальщица, несмотря на свое положение, согнувшись, подбирала плоды в коробку.

III. Цыгане

Лет пять тому назад лесами Калужской губернии возвращались мы с приятелем в половине июля с тетеревиной охоты. Кто не способен самобытно подмечать и вкушать красоты природы, а между тем желал бы понять всю прелесть русских сосновых лесов, с их пустынно строгим видом, раздражительным смолянистым ароматом, тишиной, вызывающей на раздумье, и какою-то замогильной тайной, тому советуем перечитать мастерской рассказ Тургенева «Лес и степь». Кому и это не поможет, тому остается видеть в сосновых лесах залог будущих дров. Во всю станцию нам приходилось ехать почти сплошным лесом, изредка перерываемым большими полянами, заросшими моло-

311

дым березняком, ивняком да живописно изуродованными дикими яблонями и грушами. По этим более открытым и черноземным местам можно было ехать резвее, но, как только дорога снова уходила под густой навес сосен и елей, духота становилась невыносима, и добрая тройка шагом тащила легкий охотничий тарантас. В одном месте лес перерезает широкая долина, оставленная весенним разливом безымянной речки. Несмотря на слабое во время летних жаров течение своих из-под вековых корней пробирающихся студеньх вод, речка эта то извивалась по дну оврага, то раскидывалась небольшими озерцами, совершенно изменяя своею живительною влагою однообразно-строгий вид полесья. Место это давно памятно нам по своей самобытной красоте. На пути в полесье приходится спускаться к нему по широкой, извилистой и сумрачной сосновой аллее, и некрутой спуск этот посреди какой-то торжественности сводит вас по белому рассыпчатому песку к сочно зеленеющей долине. Зато на обратном пути из полесья, к плохому мостику, перекинутому через речку, приходится довольно круто спускаться по безыскусственной дороге, проложенной по оврагу, образованному вешними водами. Справа и слева обнаженные корни, как пальцы гигантов, впадают в глинистый грунт, из которого то там, то сям пробивают ключи. Все это живописно, но ехать по неровной дороге, местами разгрязненной и перепутанной обнаженными корнями, очень неприятно. Зато вид, открывающийся при спуске с этого природного амфитеатра, прелестен и оригинален. – Ведь вот, – заметил мой товарищ, как бы отвечая на занимавшую меня мысль, – нарисуй художник все, что мы видим с вами в настоящую минуту с этого пригорка, скажут: изысканно придумано для эффекта, – а перед нами самый обыкновенный лесной ландшафт. Тем не менее в нем есть что-то театральное и декоративное. Из-за строгой темной рамки соснового бора еще жарче кажется безоблачное небо, освещающее картину. Посмотрите, как живописен на первом плане этот гнилой мостик, на котором одна из наших пристяжных, пожалуй, провалится. Как хороши направо от него эти извивы речки, а налево озеро с яркозеленым и широколиственным камышом. Все ярко и зелено, но через несколько сажен эта отрадная яркость переходит в ослепительную белизну сыпучих песков, как бы нарочно для того, чтобы мало-помалу меркнуть под темными сводами гигантской

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
аллеи и при крутом ее повороте окончательно померкнуть. Право, недостает, чтобы
из этого поворота показался хор друидов или иной фантастический кортеж, – мы
могли бы забыть, что мы в лесу, а не на театре.

312

Когда тарантас застучал по мосту, стая диких уток с криком поднялась из камышей и закружилась над долиной. Предсказание моего товарища не сбылось: ни одна лошадь, слава Богу, не провалилась; зато фантазия его осуществилась вполне. Не успели мы очнуться от сильного толчка последней мостовины, как из сумрака лежащей перед нами просеки, точно из-за кулис, показался громоздкий воз парю и стал понемногу подвигаться к нам навстречу, подаваясь с каждым шагом все более и более вперед на освещенный солнцем песок. Следом за ним показалась еще подвода, третья, четвертая – словом, целый кортеж. На ворохах всякого рода пожитков сидели женщины в живописно перекинутых через плечо шалях, между которыми преобладал красный цвет. Черные локоны, вырываясь с дикою силой из-под пестрых платков, повязанных какими-то причудливыми тюрбанами, придавали женским лицам на известном расстоянии какую-то матовую бледность и мягкость. Из всего этого выцветали черные большие глаза, под бровями изящнейшего рисунка.

– Цыгане! цыгане! – воскликнули мы оба в одно время. – Какое оригинальное, красивое племя, – заметил мой спутник. – Ведь вот теперь вблизи черты лиц этих женщин, как у большей части дочерей юга, оказываются грубоваты, но напрасно наши европейские женщины стараются искусственным образом воспроизвести эту матовую пушистость кожи, которая никогда не достигается в новейших мраморах и так очаровательна в антиках.

– Странное дело, – заметил я в свою очередь, – что у нас, где цыгане еще вполне сохранили свой оригинальный тип и где поэтическая их сторона возбуждает так много сочувствия, ни один писатель, ни один живописец не воспользовался неисчерпаемым богатством этого загадочного, исполненного самых вопиющих противоречий типа.

– А Пушкин?

– Вы правы. В его мастерской поэме даже все несообразности типа намечены довольно верно, но целое слишком идеально. Мне бы хотелось встретить в искусстве не цыган, повествующих об Овидии, а просто вот этих самых, которые для художника клад, но, надо сказать правду, клад, трудно дающийся в руки. Вы знаете мое благоговение перед Пушкиным, но *amicus Plato, sed magis** и т. д., и, мне кажется, художнику надо подъехать к цыганам с другого конца. По-моему, тон небольшого стихотворения

* «Платон мне друг, но истина...» (лат.) – усеч. лат. изречение, полностью: «*Amicus Plato, sed magis amica veritas*» («Платон мне друг, но истина еще больший друг»).

313

рения Полежаева «Цыганка» – ближе к правде. Как красив и в сущности верен, например, куплет:

Под узлами бедной шали Ты не скроешь от меня Ненавистницу печали,
Друга радостного дня.

Въехав в сыпучий песок просеки, мы должны были подвигаться шагом. За последнюю миновавшею нас цыганскою телегой бежало двое или трое кудрявых и полунагих цыганят. Разумеется, что, поравнявшись с тарантасом, они повернули к нам и стали бойко заглядывать в лицо, прося милостыни своими звонкими, свежими голосами, подернутыми тем же легким матом, которым отливали их загорелые детские щеки. Один из детей, мальчик лет девяти, в последних лохмотьях рубашки, до того поражал своею цветущею красотой, что при нем на других нельзя было обратить внимания. Весь бронзовый и стройный, как неаполитанский Меркурий, он скорее летел, чем шел, так легки и огненны были его малейшие движения. Что за головка! что за глаза! Товарищ мой достал мелкую монету и передал ее мне, так как мальчик бежал с моей стороны. Не успела еще брошенная мною монета упасть на песок, как мальчик одним движением успел уже, с энергически раскинутыми руками, на мгновение застыть перед нами, как это делают балетчики, кончив трудный пируэт. Надо было видеть оживленную позу мальчика, веселье, каким разгорелись его глаза и лицо, чтобы никогда уже не забыть этого момента. *Барин! поплясать?!* Было что-то убедительное в этом вопросе. Я взглянул на подателя милостыни. «Не надо», – как-то робко сорвалось у него с языка. Цыганенок опустил раскинутые руки, и кожаный верх движущегося экипажа закрыл от нас его прелестный образ.

– Что? Каков? – спросил я товарища.

– Да, батюшка, прелесть! Вот бы где, между прочим, нашим художникам поискать бессмертия. Но такой воплощенный огонь поддавался одной кисти Мурильо. Помните в Лувре его мальчика, сидящего с обращенными к зрителю подошвами.

– А вы зачем лишили меня удовольствия видеть его пляску? Я понял, что вы хотели дать, а не променять ваш пятиалтынный. Но, во-первых, цыганенку в голову

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana не придет подобная тонкость, а во-вторых, неужели, по вашему мнению, право плясать за деньги должно оставаться за одними богатыми корифеями? А жаль! Отхватал бы такое болеро, что не только мы с вами в тарантасе, а и сам бородатый Влас на козлах пустился бы в пляс.

314

– Действительно, теперь и мне жаль, зачем я отказался. А ведь пробовали брать таких с виду гениальных цыганят и воспитывать по-европейски – ничего не выходит. Только убежденный горьким опытом в дороговизне земляных работ и непрочности канав на черноземе поймет, почему иногда, видя человека, вопреки всем правам собственности лезущего через канаву и обсыпавшего ее вал, припоминаешь Ро- мула, не пощадившего за подобную проделку и брата. Тем не менее не раз нам доводилось видеть целые толпы цыган, появившихся в саду, куда они не могли попасть иначе как через внове выкопанные канавы. Бесцеремонные гости на вопрос об избранном ими пути развязно отвечали, что они курские купцы и имеют дозволение везде разъезжать. На такие аргументы приходилось объявлять им, чтобы они ходили там, где общество имеет право им это разрешать, а что по моим канavam ходить я никакому обществу не позволяю. Дозволить цыганам таскаться по усадьбе – значит наверное быть обокраденным. Кочевая жизнь вымуштровала их до совершенства. У цыгана всегда с собою аркан, чтобы при случае захватить вязанку дров или соломы, а под длинными шлями женщин приспособлены такие карманы и мешки, что в них в мгновение ока погружаются индейки, гуси, даже ягнята. Ходят цыгане безуданно и споро, а украсть у русского даже не считают молодечеством, а самым обыкновенным промыслом. Попробуйте после проливных дождей развести сырыми дровами огонь среди поля. Цыганам это нипочем. Возвращаясь через час к месту, где ничего не было, вы находите целый ряд шатров под проливным дождем, с семействами, расположенными вокруг дымящихся котлов. Единственная цель цыган – добыча. Они великие физиономисты и ловко попадают в тон лица, к которому обращаются. Как люди практические, они не самолюбивы и не настойчивы: не удалось напугать, озадачить, цыган начинает просить, умолять; почуяв погоню, он тотчас же бросает похищенную вещь, зная по опыту, что мужик хлопочет из-за украденных гусей, а не из-за отвлеченной идеи общественной безопасности. Если же и этот расчет случайно окажется неверным, то есть заметившие покражу мужики пустятся верхами в погоню за табором, прихватив с собою кто кол, кто оглобли, то цыган, недосчитавшись одного или двух ребер, никого не будет беспокоить жалобой из- за такой безделицы.

Какой русский не знает, что такое метель, как важно в подобном случае какое-нибудь дерево на беспредметной степи и как трудно у нас посадить и уберечь его. По полутораверстному проселку с большой дороги до усадьбы одного из наших бляжай-

315

ших соседей насажено на днях более 200 ракич – и мы случайно узнали, что эта плантация заводится уже в третий раз. Какая ожидает ее судьба теперь? Увидим. Но из 500 прежних уцелела, и то до половины ободранная, одна, которая спасла пишущего эти строки от катастрофы в одну из метелей. Понятно, до какой степени мы, степняки, дорожим скудными остатками великолепных придорожных ракич, взращенных только при помощи минувшего энергического за ними надзора. Больно видеть, как беспощадны руки распущенного произвола. Для удовлетворения ничтожной потребности или даже прихоти сдирают кожу с могучего дерева, губя одновременно результат ухода нескольких поколений и избавителей грядущих. Прощайте, честные старожилы! Если мировые судьи не взглянут милосердным оком на ваши честные раны – ничто не спасет вас от окончательной гибели.

Прошлым летом я в шарабане пробирался по нашему проселку на большую дорогу. Занятый движениями лошади, я ничего не замечал, пока молодое животное, насторожив уши, не остановилось, видимо не желая идти далее. Только тогда я увидел на большой дороге целый ряд цыганских шатров, из которых крайний белел как раз под ракичю, обозначающую наш поворот.

– Вы зачем все тут дерете ракички? – спросил я цыган, разместившихся вокруг огня, против свежее облупленной стороны дерева. У корней несчастной ракич лежал топор и перья только что ошипанного некупленного гуся.

– Мы не понимаем, что вы говорите, – отвечали цыганки, размахивая руками, как на театре. – Кому вы говорите? Нам? Да помилуй нас Бог! да чтобы мы... Молодая лошадь, соскучась, вероятно, и громким текстом, и оживленными жестами комедии, подхватила, и мне удалось остановить ее, только когда цыгане далеко остались за нами.

На другой день мы с приятелем должны были ехать верст за сорок по большой дороге, и я выслал кучера на подставу. Запрягая нам в коляску своих отдохнувших лошадей, кучер со смехом рассказал, как с вечера, когда он ехал на подставу, крестьяне гнались за цыганями и как последние, заметив погоню, выпустили на

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
дорогу украденную овцу с ягненком. «А сегодня, – продолжал кучер, – часа за два до вашего приезда, и в этой деревне была свалка. Украли они у мужика колесо. Тот хватился, позвал соседей, и бросились догонять. Колесо-то отняли, да, должно быть, и в бока-то им наложили. Били здорово!»

Верстах в семи от подставы мы нагнали цыган, уже расположившихся станом на пригорке небольшой зеленой изложины.

316

На этот раз вокруг шатров валялись куриные перья, а толпа играющих цыганят буквально оправдывала стихи:

Младенцы смуглые, нагие в беспечной резвости шумят.

На многих решительно не было одежды.

Какие прелестные дети! При нашем приближении вся их ватага обступила коляску, с заученной интонацией выпрашивая милостыню. Зная, что цыгану свойственнее плясать, чем хныкать, я достал мелкую монету и крикнул: плясать! Все глаза мгновенно загорелись весельем, и под такт собственной, характерной песни все закружилось и разошлось энергическими телодвижениями. Монета упала на дорогу, и на нее навалилась груда ребяческих тел.

Если в настоящее время закон справедливо запрещает ту доморощенную расправу, к которой крестьяне в былые времена прибегали по отношению к непрошеным соседям-кочевникам, то можно думать, что он, с другой стороны, оградит мирных граждан от подобного внезапного соседства. Всем известно, что из 10 совершенных краж – слава Богу, если вовремя замечено и открыто три.

IV. Уголок западной тесноты

Нередко в только что миновавшее для нас, так называемое переходное время доводилось нам встречаться с громкими фразами о широте русской природы, неспособной будто бы уживаться с строгою, определенной законностью. О таких мнимых качествах нашего народа говорилось не с сожалением, а, напротив, с похвалой. Любители славянской шири забывали, что широта почти всегда проявляется на счет глубины. По узенькому Одеру безопасно ходят большие пароходы, а по широкому раздолью Волги они то и дело натываются на мели. Мы привыкли разом пахать по 500 и более десятин в клину, но пашем их на вершок глубины, и когда обстоятельства заставляют пахать всего 50 десятин, то верхковая пахота нас сажает на мель.

Но оставим все это и заглянем в крошечный уголок той западной тесноты, где человек не может шагу ступить, не наткнувшись на какой-либо закон. Давно ли, подумаем, мы так заносчиво толковали о бессилии и бедности Запада. Теперь «шапками закидаем» умолкло, а люди со средствами опрометью бегут от мнимого богатства в страны бедняков, чтобы как-нибудь удовлетворить своим потребностям. Пока мы хвастали, мнимые бед-

317

няки успели при помощи незыблемых законов заpastись всеми удобствами жизни. Опираясь на строгие учреждения, они сумели, например, удержать старые и развести новые леса в густо населенных местах, сохранив в то же время всякого рода дичину в страшном изобилии. Между тем как мы, отдавшись плоской ширине нашей жизни, до того успели оголеть почти безлюдные пустыни, что под конец сами ужаснулись возможных результатов такого образа действий. Мы вечно забываем свою же пословицу: «Любишь кататься, люби саночки возить». А уж куда как любит кататься широкая русская натура.

Несколько лет тому назад, поздней осенью, знакомый нам на Рейне обер-форстмейстер приглашает нас на охоту за зайцами, объявляя, впрочем, что нам придется охотиться по местам, уже опустошенным предшествовавшими радикальными охотами. Зная, что на языке немецкого охотника слово опустошенный представляет картину гораздо заманчивее, чем наше «видимоневидимо», мы с удовольствием приняли предложение. С утра довольно холодного дня мы с обер-форстмейстером запаслись всем необходимым, уселись в крытые дрожки и отправились из города в деревню, где назначен был сборный пункт всем остальным охотникам. Дорогой, переходя от одного предмета к другому, разговор коснулся отношений моего собеседника к лесовладельцам и приходящим с ними в соприкосновение крестьянам. Неужели, спросили мы, в вашей счастливой стороне никогда не бывает неприятных столкновений между лесовладельцами и окрестными жителями, а вследствие того ропоту на вас как на официальное лицо?

– Как не быть столкновений! Но у нас на все строго определенный закон. Что же касается до ропота, то он, не имея никакого смысла и основания, – невозможен. Наш крестьянин скорее поверит всему, чему угодно, чем заподозрит мое решение в пристрастии, как бы оно в сущности ему ни было неприятно.

Приехав на место за четверть часа до назначенного времени, мы не успели еще расположиться в чистой комнате крестьянского дома, как один за другим стали прибывать наши будущие товарищи охоты. За некоторыми следовали легавые собаки.

«Что это? – подумали мы. – Легавые собаки на зайцев?» Когда охотники собрались, обер-форстмейстер в качестве хозяина охоты пригласил всех следовать за ним, а сам отдал егерю какое-то приказание. Пройдя чистым полем версты или две по старому жнивью, мы вышли на дорогу, усаженную яблонями на довольно значительных одна от другой расстояниях. Тут хозяин охоты повел нас по дороге, приглашая каждого в свою очередь остановиться под указанным ему деревом. Когда очередь дошла

318

до меня, старик обер-форстмейстер, видя перед собою новичка, просил не двигаться с места, чтобы не привлекать внимания зверей. «Sein sie stumm», – отвечал я, буквально переводя наше русское: будьте покойны, за которым неминуемо следуют всевозможные беспокойства и напасти. Старик пошел дальше с остальными охотниками.

Пассивно выжидать будущих благ – едва ли не самое трудное для русского человека, хотя, в сущности, он во всю жизнь ничего другого не делает. От скуки я начал всматриваться в ближайших от меня охотников. Какое спокойствие в позах и выражении лиц! Видно, что они дело делают и что им не скучно. Ни малейших признаков нетерпения или суеты. Голубые дымки из продолговатых фарфоровых трубок никак не могли привлечь внимания зайцев. Шага на три далее ближайшего моего соседа, с правой стороны и рядом с ним, на окраине дороги сидела, глядя в поле, толстая легавая собака. Она была еще неподвижнее и безмятежнее своего господина. Что ж это будет? – подумал я, с любопытством посматривая на собаку. У нас в России легавая собака, случайно привыкшая отыскивать зайцев, начинает, как гончая, гнать в голос и окончательно отбивается от рук; поэтому каждый русский охотник, заметив, что его собака напала на заячий след, тотчас же зовет ее назад и даже наказывает, чтобы вперед отбить охоту выслеживать зайцев. А этот сам привел свою собаку на зайцев. Неужели у них и собаки руководствуются не инстинктом и рутинной, а строгими правилами закона, вменяющего при известных обстоятельствах в обязанность то, что при других вменяется в преступление? Увидим, чем кончится эта штука!

Ждать пришлось недолго. На противоположном конце поля, от деревни, параллельно с нашей дорогой, показалась цепь крестьянских мальчиков (так называемый кричан), и по ветру до нас стали долетать их пискливые возгласы. Вслед за тем вдаль по желто-бурому жнивью начали то там, то сям появляться до тех пор не замеченные темные колышки. Станешь всматриваться и замечаешь, что такой колышек, простояв некоторое время неподвижно, начинает качаться и двигаться. Вон, вон! – другой, третий, четвертый. Ясно, что это все зайцы, и все они бегут на нас. По мере приближения кричана число зайцев и возникающая между ними суетливая беготня все увеличиваются. Некоторые из раньше вскочивших самым добродушным образом уже приближаются к дороге, не замечая стоящих под яблонями охотников. Вот один из передовых несется прямо на моего соседа справа, как бы желая сбить с ног его собаку. А вон еще и еще зайцы. Как тут с непривычки не растеряться русскому охотнику? Между тем передовой заяц так и лезет на моего соседа и на

319

его собаку. Еще несколько мгновений – и неподвижная собака со всех ног кинется на зайца – и пошла потеха! Ничуть не бывало. Не допустив зверя шагов на 30 до дороги, охотник выстрелил, и перевернувшийся через голову заяц остался на месте. Собака продолжала равнодушно сидеть, как сидела, а охотник стал проворно заряжать ружье. В эту минуту мне самому стало не до наблюдений. Заяц, прибившийся следом за убитым и, видимо, озадаченный выстрелом, переменил направление и стал забираться вправо, то есть приближаться ко мне. Оглядел ли он меня под яблонью, или вообще переправа через дорогу показалась ему небезопасной, но, не добежав до меня шагов семьдесят, он сел и потом лег, запав между бороздами. Выстрел на таком расстоянии не мог быть верен, а мне не хотелось потерять его напрасно перед немецкими охотниками. Не хотелось тоже упустить и зайца, который как нарочно лежал передо мною, я знал, что тонный заяц, хотя бы и залег, не станет лежать в чистом поле, если к нему будут подходить. Но много ли нужно мне пройти для того, чтобы выстрел был смертелен? Каких-нибудь пятнадцать, двадцать шагов. И кому я этим могу помешать? Если заяц уйдет, то уйдет от меня. Было бы несправедливо не сознаться, что если все эти доводы шептали мне на ухо, как гоголевскому почтмейстеру: «Распечатай», то какое-то чувство приличия нашептывало: «Не распечатавай»... Да ведь всего-то каких-нибудь пятнадцать или двадцать шагов! Победенный таким доводом, я тронулся с места. Но не успел сделать и десяти шагов, как заяц вскочил и побежал параллельно с дорогой, стал перебегать ее около моего соседа с левой стороны. Тот спокойно пропустил его шагов на пятнадцать и выстрелом положил на месте. Не без неловкого чувства вернулся я ни с чем под свою яблоню. Не успел я несколько успокоиться, как еще заяц, бежавший было на только что выстрелившего моего соседа с левой стороны и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana севший против него вследствие выстрела, – надумался и, повернув влево, стал ко мне приближаться. Но и этот, заметив, вероятно, издали мои манеры не держаться близко к своей яблоне, пробежал мимо ее шагах в 50, и на таком-то расстоянии он находился от меня только в ту минуту, когда видимо стал направляться к моему соседу с правой стороны. «Лучше, – подумал я, – рискнуть неверным выстрелом, чем вовсе не стрелять», – и выстрелил. Заяц покотился через голову, но тотчас же вскочив снова, пустился бежать к моему соседу справа. Тяжелораненый зверь бежал очень тихо, но ловить его руками нечего было и думать. «Неужели этот флегматик, – подумал я, – добьет моего зайца и воспользуется моею добычей? »

320

– Fass! (хватай!) – раздалось вдруг отрывисто и громко, и вместе с тем неподвижно до сих пор сидевшая собака со всех ног бросилась за ковыляющим зайцем. Собрав последние усилия, тот попробовал было понаддать, но сильная собака тотчас догнала его и, схватив поперек, принесла к ногам хозяина. Кричан дошел до нас, и нам надо было переменить место для повторения операции. Поэтому хозяин охоты, возвращаясь по цепи стрелков, просил каждого из них следовать за ним. Когда очередь дошла до меня, старик подошел ко мне с сердечным смехом.

– Видел я ваши маневры! – говорил он. – Знаете ли, что вы сделали эту яблоню легендарной. Сколько бы раз мы или наши дети ни охотились в этой местности, каждый раз будут говорить: «Вот яблоня, из-под которой der Russe* побежал за зайцем». Ни один немец не позволит себе подобного отступления от правил охоты.

Урок был вполне заслужен, а разнообразные выводы из нашего рассказа предоставляем сделать читателю. Мы сдержали обещание заглянуть, хоть одним глазком, в ту западную тесноту, с помощью которой мои соседи справа и слева били преспокойно зайцев, а я, увлекаясь широкостью русской природы, без их же помощи рисковал остаться с пустыми руками. Мало того, эти люди, не удовлетвовавшись собственной теснотой жизни, сумели воспитать в ней и животных. Позднее мы узнали, что все легавые собаки исполняют то же, что сделала нами описанная. В России мы до сих пор не встречали ни одной подобной, а уходящих и пропадающих за зайцами, к совершенному отчаянию их хозяев, знали сотнями.

У. Так ли противна нам западная теснота, как говорят?

Не будем разыскивать причин, по которым ближайший сосед наш Ч., вступив в распоряжение небольшим имением, решительно не занимался своим хозяйством. Прекрасная земля его раздавалась большею частью в наймы соседним крестьянам, которые немилосердно ее выпаживали, а небольшое количество собственного скота таскалось где попало и заставляло хозяина со времени установления таксы о потравах нередко платить за подобную распушенность. Но, должно быть, результаты подобной экономической системы оказались настолько неудовлетворительны, что заставили Ч. иначе отнестись к делу. В настоящее время и у него надворные строения опрятно прикрыты, поля

* русский (нем.).

321

воздвигаются тщательно, скотина не бродит без пастыря – и представьте себе чудо! – Ч., никогда не помышлявший загонять на своей земле чужой скотины, теперь зорко следит за потравами и неуклонно требует законные штрафы.

Практика – дело великое. Только одна она до последней очевидности указывает, в какие стеснительные условия поставлено наше сельское хозяйство. Это не то что в Англии, где и рук много, и времени много. У нас мало и того и другого. Из 12 месяцев в продолжение 7-ми наша земля, скованная морозами, не дозволяет к себе приступить, и в продолжение остальных 5-ти надо во что бы то ни стало совершить все тяжелые операции нашего гигантского земледелия. Нечему удивляться, что целое лето работы обгоняют друг друга и хозяева напрягают все силы ума и воли, чтобы не отстать от торопливого соседа.

У очень торопливых или счастливых бывает с недельку отдыха за недельку до Петрова дня. Удобрение вывезено, пар вспахан и передвоен, а трава еще не готова. Это короткое время употребляется на поправки и починки около двора. Тут исправляются крыши, раскрытые весенними бурями, плотины, размытые полон водой, и т. д., а этого дела во всяком хозяйстве набирается довольно.

В прошлом году у нас на конюшенном сеновале подались от тяжелой крыши стропилы на откосе. Осмотрев изъян, мы решили, не разбирая откоса, подпереть стропилы и тем предупредить окончательное разрушение. Призванный для этой операции плотник оказался далеко не механиком, и волей-неволей пришлось самому указывать, как подставить подпорки, как подвести рычаги, чтобы приподнять тяжелый откос, предупредив доморощенного Архимеда, чтобы он поосторожнее действовал во избежание катастрофы.

– Будьте покойны. Помилуйте! разве нам впервой?

Мы ушли в сад на плотину, где два-три рабочих тачками на-важивали землю, и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana через несколько минут окончательно забыли и Архимеда, и оставленных ему для подмоги рабочих.

Не прошло получаса, как вижу – плотник торопливо едет по дорожке. Остановясь в смущении передо мной, он развел руками и лаконически произнес: несчастье случилось! Что я мог подумать? Известно, какое несчастье бывает после заверений доморощенного зодчего вроде: «Будьте покойны». Стропилы, вероятно, выскочили, весь откос рухнул и, чего доброго, еще кого-нибудь прихлопнуло. Все эти грозные картины разом вспыхнули в моем воображении, тем не менее надо было спросить: какое несчастье?

– Лошадей загнали.

322

– Фу-ты, братец! какой чудак. Каких это лошадей и где загнали?

– Да наших у Ч. загнали.

– Стало быть, моих, так тебе какое до этого дело, что ты и работу бросил и как угорелый прибежал толковать о несчастий?

– Помилуйте, да наших собственных лошадей, да добро бы поблизости, а то за 8 верст сорвались, да три лошади к ним забежали. Ведь вот какое дело.

– Что же ты мне об этом пришел объявлять? Лошади загнаны не у меня, я не посредник. Что ж я тут стану делать?

– Да уж сделайте милость, напишите к Ч.

– О чем?

– Да чтоб он отпустил наших лошадей.

– Помилуй, я три года просил Ч., чтоб он загонял моих лошадей на своих полях, и рад-радехонек, что человек за ум взялся, – а я ему теперь стану писать, чтоб он отпустил твоих?

– Да уж вы о моих-то напишите. Уж не досадно б было, как бы по соседству, а то ведь за 8 верст прибежали.

– Что ж, ты думаешь, ему приятней, что ли, что к нему за 8 верст скотина прибегает на поля?

– Да ведь за 8 верст!..

– Может быть, у тебя денег нет, так я тебе сейчас 1 рубль 20 копеек вынесу.

– Нет, на что денег? А вы напишите.

– Полно, брат Егор, – отозвался один из работников, – зубы-то чесать...

Загнали лошадей – уж какое тут писанье, отдай деньги, и вся недолга.

– Ишь с какими выдумал подъезжать лясами! – отозвался другой, выворачивая тачку. – Чудак, право.

Последние афоризмы я услышал, уже уходя с плотины, на которой оставил недоумевающего плотника. Возвращаясь на нее снова, я заметил бойко приближающегося крестьянина, а когда он стал раскланиваться, узнал в нем рывшего у меня когда-то канавы Алексея, которого мне приходилось и лечить, и вводить в надлежащие границы его строптивость и своеволие.

– А! старый знакомый! Что тебе надо?

– Да вот я к вашему плотничку. Я ихний сельской.

– Стало быть, по делу?

– Точно так. Ну, что ж ты стоишь – растопырил пальцы- то? Двое хозяев-то прислали по 40 копеек, так из-за твоей одной не спускают со двора. Что ж мне – ночевать, что ль, тут из-за тебя?

Невольно вспомнил я замечание, нередко слышанное мною от людей, близко стоящих к новому сельскому управлению, что

323

самые строптивые горланы, подбивавшие весь мир на непокорство, вступая в административную должность, бывают самыми ревностными и требовательными блюстителями порядка. Таково различие теории от практики.

– Уж пожалуйста деньжонок, – обратился ко мне плотник.

– Сколько тебе?

– Да 40 копеек. Моя-то тут, выходит, одна.

Когда я уходил за деньгами, то снова мог расслышать посыпавшиеся со всех сторон на плотника насмешки и упреки, вроде:

– Ну, парень, – жила! Что ж тебе? Ч. подрядился, что ли, лошадей кормить?

– и т. д.

Спрашивается, привилась ли такса о потравах к народным обычаям, или является она народному сознанию каким-то невозможным, заморским Змеем Горынычем, как о том когда-то так усердно пророчила нигилистическая литература?

Мы представили самый мелкий пример, но если бы мы представили их десятки – внутренний смысл их нисколько бы не изменился. Если можно чему-либо удивляться в характере нашего народа, то это не воображаемой косности, а действительной, несомненной способности сживаться с новыми, небывалыми формами и условиями

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana жизни. Не будем говорить об освобождении крестьян и о железных дорогах, которые в свое время казались простому народу порождениями нечистой силы, а не далее как в нынешнем году, при бесплатной перевозке рабочих на порожних платформах, не могли отбиться от даровых пассажиров. Возьмем мировые учреждения, считающие свое существование в нашей стороне даже не месяцами, а только днями. Что же мы видим? В стороне от всякого правильного почтового сообщения конверты и повестки летают по всем направлениям, без нового обременения для обывателей. Вызываемые, большею частью безграмотные, являются, говоря вообще, весьма исправно. Прошения и жалобы поступают в новые учреждения со всех сторон, и явно не поступили бы никуда, не появись эти учреждения. Этого мало: многие уже успели ознакомиться с правами, предоставленными им новыми законоположениями.

Спрашивается: это ли косность?

Спрашивается: новые законоположения загнали ли народную жизнь в несвойственную ей тесноту или же, напротив, несказанно облегчили ее и дали благодетельный простор всякому честному начинанию?

324

ИЗ ДЕРЕВНИ <1871>

Скажите: Экой вздор' иль bravo иль не скажите ничего.

Пушкин

<1>

Наши первые записки из деревни совпадали с обнаружением крестьянской реформы. То были первые весенние дни свободы со всеми неразлучными спутниками. 19 февраля было днем не возрождения, а истинного рождения. Россия, долгое время болезненно носившая зреющий организм свободы, наконец, произвела на свет не недоноска, а вполне развитого младенца, вздохнувшего в первый раз. Тем не менее это был младенец, и кто мог знать, не искалечат ли его на первых порах многочисленные бабушки и нянюшки и не оправдается ли пословица о 7 няньках? Да, то были первые весенние дни. Русская грудь вздохнула мягким, свежим воздухом, но двигаться, ехать было некуда. Торные зимние пути быстро таяли под ногами, весеннее половодье сносило одни старые мосты и гати за другими, и тоскливый взор путника видел одну невылазную бездорожицу. В картине, списанной в то время с нашего скромного хозяйства, многие узнали собственную обстановку, зато другие всеми силами старались выдать фотограф за памфлет и донос. Наши записки в течение долгих лет служили неистощимой темой свистков и дешевой карикатуры. Дети, взглянув на барометр и догадываясь, что скоро их не пустят на улицу, готовы были разбить безмятежный инструмент, точно он виновник приближающейся грозы. С тех пор прошло около 10 лет. Все обошлось благополучно. Правительство, пропуская мимо ушей вакхические возгласы и намеки непрошенных нянюшек, не решилось испытывать над новорожденной свободой утопических, нигде в мире не существующих приемов воспитания, а придержалось общеизвестных приемов, оправданных наукою и опытом. Оно прежде всех поняло, что замена частного произвола личной свободой безотлагательно требует сугубого ограждения личности и собственности положительным законом, незыблемости договоров, полноправности частного хозяйства, права гласного обсуждения своих нужд и т. д. Все это своевременно было понято правительством, и результат вышел громадный.

За последние 10 лет Россия прошла по пути развития более, чем за любое полувековье прежней жизни. Современник Екатерины удивился бы менее, воскреснув в 1860 году, чем умерший в

325

этом году и воскреснувший в 1871-м. Быстрота развития изумительная, но она делает нас слишком требовательными по отношению к поступательному движению и в то же время приучает удовлетворяться одним номинальным существованием предметов нового порядка, не давая времени осмотреться, в какое соотношение эти новые, прекрасные вещи пришли с окружающим их миром и могут ли они, в настоящем соотношении, приносить ожидаемую пользу. За примерами ходить недалеко: их можно представить до пресыщения. Железные дороги пролетели из конца в конец Европейской России, закрывая местные почтовые станции. В то же время судебные камеры, заменившие прежние уездные суды и полицейские управления, разбросались по всему уезду. В результате оказалось, что двойное благодеяние сподручного местного суда и быстрого почтового сообщения, по неполной организации последнего, приводит край к двойному затруднению. Уездные суды, удаляясь от уездных почтовых контор, разбежались по селениям, а сельские почтовые конторы ушли из селений и исчезли в уездной. Из почтовых вагонов на подоконники станций выбрасывают простую и просительскую корреспонденцию, за которую никто не отвечает. Приема казенной и денежной корреспонденции на станциях вовсе нет. Прежде вы ее возили за 7 верст, теперь ступайте в уездный город за 70. Чуть не за полвека Гоголь смеялся над почтмейстером, читавшим частную корреспонденцию. Теперь ему пришлось бы смеяться над начальниками станций и телеграфистами,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana которые не читают и не берут чужих журналов в вечную собственность. Куда тут кричать: не распечатывай! Распечатывай сколько угодно, да хоть через месяц брось на подоконник, с которого малограмотные и безграмотные хватают и увозят в неведомые страны чужие письма и журналы. Основываясь на положительном законе, публика требует от судьи скорого удовлетворения ее справедливых просьб. Судья один отвечает за свои решения, а исполнители, то есть судебные пристава, ни за что. Но вот решение состоялось, а волостной старшина ничего не делает по исполнительному листу. Истец ропщет на новые суды, а что станет делать судья в чужом ведомстве? Крестьянский самосуд во многих отношениях превосходное учреждение, но почему же он один должен пользоваться безапелляционностью, подлежа обжалованию только в кассационном порядке, сводящемся к единственному вопросу: присутствовал ли старшина при постановлении приговора? Ежедневные вопли крестьян у дверей мировых судов доказывают неудовлетворительность такого порядка. Мы с вами проматываем свою собственность – мы правы. Мы идем в волость и берем у третьего лица работу на всю рабочую силу, хорошо из-

326

вестную волости, – и проматываем полученный задаток – мы опять правы. Но мы идем в ту же волость и заведомо берем такую же одновременную работу у четвертого лица, которое не может знать о нашем первом обязательстве. Ясно, что в день исполнения договоров выходит хаос. Воздерживаясь от дальнейших примеров, заметим только, что устранение неудобств в приведенных случаях не требует никакой ломки или новых расходов со стороны общества, а легко осуществимо небольшими исправлениями недосмотров, явившихся вследствие быстроты поступательного движения. Последнее условие, то есть безденежность полезных мер, мы считаем до того существенным, что вне его готовы обозвать вредной химерой всякое, в сущности, благое начинание. Привыкшие в столицах к громадному, непрестанному движению капиталов не хотят понять, каким образом целая необъятная местность, без различия сословий, в продолжение месяцев сидит без копейки. В подобное время предусмотрительный хозяин с улыбкой самодовольствия скажет вам: соль есть, сахар есть, свечи и керосин есть – и я покоен. Представьте же себе, что жители этой местности узнают о намерении вашем благодетельствовать их новым налогом – и вы поймете, в какой мере они сочтут вас благодетелем.

Нам и на этот раз хотелось бы сохранить за нашими записками характер фотографии. Если первые отражали порядок хаоса (если в хаосе мыслим порядок), то настоящим придется отражать хаос порядка. Это уже большой шаг вперед. Наша жизненная среда совершенно видоизменилась к лучшему, но ее новый характер еще не успел окончательно определиться. Мы все Робинзоны, все ищем новых путей и средств к производству тех самых вещей, которые когда-то так легко производились по рутине. Таких путей в настоящее время множество. Сами по себе они не новы, но не торны только потому, что сама почва повернулась под ногами. Что при крепостном труде было выгодно – при вольном убыточно. Практика, как бы назло теории, указывает на два рядом уживающихся рода промышленности: коммерческий и крестьянский. В первом труд ценится непомерно высоко, во втором – ни во что. Такую аномалию необходимо понять. Что такое положение дела вытекает из существенных условий нашей промышленной жизни, этого не хотят или не умеют понять наши регламентаторы, и подобный недосмотр часто приводит к самой жалкой и напрасной затрате капитала в ущерб делу. Так, например, громадное конопляное производство стало исключительной монополией крестьян, главной опорой их благосостояния, тогда как при вольнонаемном труде оно не мыслимо. Нынешней весной один из наших деятельных агроно-

327

мов попробовал посеять 8 десятин конопли. Конопля на жирной земле родилась дивная, но тут же и сгнила на корне. Осенью ни за деньги, ни исполу, ни на других еще более выгодных условиях до нее никто не дотронулся. Агроном махнул рукой и говорит: «Довольно! поучился. Другу и недругу закажу». В нашей местности крестьяне охотно берут десятину под овес, платя за нее от 6 до 8 рублей. Попробуйте нанять такую землю и обработать ее наймом не в убыток. Мы пробовали. Дуализм нашего народного хозяйства требует крайнего к себе внимания и не дозволяет успокаиваться кабинетными выкладками насчет известных мер, на том основании, что-де одному выгодно, стало быть, и всем выгодно. Нам еще долго будет выгодно делать многое кое-как, мы даже не прибавим: к сожалению. Такое сожаление предполагает, что мы не то, что мы на самом деле. Не так смотрят на дело наши регламентаторы из двух противоположных лагерей.

Вы им указываете на известное зло только потому, что явилась возможность на него указать. Они сами знают, что зло вековое, хотя встречаться с ним неприятно. А вы, как нарочно, на него указываете. Уничтожить его нечем. Средств на это под руками нет, а то давно бы их употребили. Между тем неприятное впечатление произведено вами. Вы автор этого дурного впечатления. Если нельзя уничтожить

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana
зла, надо уничтожить впечатление, – сказать, что зла нет, что его выдумал NN и
все войдет в прежнюю колею, с отчетами о полном благоденствии. Правда, этот
испытанный прием напоминает голову индейки под лопухом, но зато прост и удобен.
Такова старая школа. Не менее оригинальны приемы новых людей. Если им не
нравится известное явление, то перед ними не смейте заикаться, что оно
неизбежно, а потому и своевременно. Обозвав явление злом, они не ограничиваются
требованием за него к суду одной современности. Они разыщут его корень у
Иоаннов, Бориса и т. д. и докажут, как бы было отлично, если бы Екатерина
поступила не так, как поступила. Они знать не хотят, что прошедшее не более как
невозвратный призрак, к которому подходить с современными понятиями добра и зла
по малой мере – смешно.

«Как? – воскликнут регламентаторы. – Две меры и двое весов для одного и того же
дела в руках различных производителей? Где же равенство?» Извините, господа! мы
только позволяем себе заметить, что, поставляя две вещи, основанные на
разнородных факторах, одну вместо другой, вы впадаете в арифметическую ошибку,
могущую отозваться большим недочетом в народном хозяйстве. Вы полагаете, что
достаточно видеть зло, чтобы тотчас устранить его. А жизнь говорит: беда беде
рознь и помощь помощи рознь. Тришка был прав, говоря: «Так я же не

328

дурак», когда догадался, отрезав фалды и полы, починить кафтан. Лучше ходить в
теплой куртке, чем в дырявом кафтане. Но будь у него дырявая куртка, он, как
практик, не стал бы чинить ее, вырезывая куски из спинки, а донашивал бы ее,
пока не наживет новой. Так поступает всякое разумное хозяйство. В запрошлом году
в нашей местности урожай был отличный и цены на хлеб высоки, и затем в прошлом
1870 году все точно сговорились строиться. Тришка стал шить себе новый кафтан.
Помещики и крестьяне рвали друг у друга из рук камень, бревна и плотников.
Вместо прежних 6 руб. в месяц плотнику, еле владеющему топором, с радостью
давали 10 руб. Что это? Случайность или сила вещей? В первый теплый денек, в
половине апреля, пересеките в выгоне черноземную полосу средней России от Тулы
до Курска. Вы увидите, что все население высыпало в поле сеять. Что это? Тайный
уговор по телеграфу (*tacitus consensus**) или естественная сила вещей? Та
всемогущая воля, которая единовременно гонит молодую озимь из земли и
плодоносный сок от корней к вершине дерева?

Всякое улучшение тогда только прочно и плодотворно, когда помогает естественному
развитию дела, а не рвет его из корня вон. В этом случае бессмертным образом
навсегда останется наша великая крестьянская реформа. По видимому не трогая
ничего, она изменила все. Она только на деле осуществила трехдневную барщину,
давно узаконенную. Она оставила помещиков при фактическом праве на крестьянский
надел, предоставив крестьянам юридическое право на землю, которую, в существе,
они владели в продолжение столетий. Реформа, по-видимому, произошла только на
словах и потому на всем громадном пространстве вызвала несколько ничтожных
недоразумений, но нигде не произвела потрясений. Не из-за чего было враждовать.
Изменились только отвлеченные понятия – слова. Но эти слова были слова свободы;

это были те слова, о которых поэт сказал:

Есть речи – значенье Темно иль ничтожно,

По им без волненья Внимать невозможно.

Эти слова хлынули на вековечную землю новым потоком жизни. Нечему удивляться,
что живоносная влага, разгулявшись по лицу земли, местами не тронула высот, а
местами, не вправляясь в старые русла, понесла мельницы и целые селения, да и
сама перемутилась с песком и землею. Действительно, мно-

* молчаливое соглашение (лат.).

329

гие из снесенных зданий были хороши и полезны, и жаль, что сама вода видимо
помутилась. Но перевести ваши сожаления на русский язык, выйдет одно из двух.
Либо жаль, что оплодотворили жаждущую землю разом в таком количестве. С этим
едва ли кто согласится уже потому, что полмира одним ведром не оросишь. Либо
жаль, что вода тяжела и текуча, то есть сильна и мокра. В ином случае может быть
и жаль, но секрет сухой воды еще не открыт. Погодите: «Живя, умей все пережить»,
– сказал поэт-философ. Закон тяготения лучше всяких регламентаций распределит
текущую силу по новым и старым руслам, вода отстоится, и все придет в надлежащий
вид. Нередко вся мудрость воспитателя состоит в умении воздержаться от
уничтожения временного безобразия воспитанника. Обрубите у молодой хвойки ее
корявые низменные сучья. Лишив дерево необходимого питания воздухом, вы убьете
его. Подождите лет 40 и увидите стройный, могучий ствол с небольшой зеленой
короной наверху. Куда же девались безобразные сучья? Они засохли и сами
обломились. Что может быть безобразней лица, покрытого подсыхающей оспой? Только
не трогайте и не дерите – все сменится благообразием. А станете драть, и
безобразие останется навек. Молодая лошадь не знает, что ей делать. Она нейдет.

Не бейте ее, она одумается и сама пойдет. Ударили – все пропало. Она норовиста навек. Переходим к другому порядку мыслей и к другому апологу. Заяц, пустившись взапуски бежать с черепахой, пренебрегает ее медленностью и колесит по сторонам, пока та ползет прямо. Черепаха остается победительницей. Что же делать, если такова природа человека, в положении крыловского зайца? Мы не дорожим тем, что достается легко, – что имеем не храним, хотя потерявши плачем. Но, невзирая на горькие слезы, если завтра легко получим оплакиваемое, не сохраним его снова. Такими зайцами, в свою очередь, были до крестьянской реформы наши помещики, не потому, чтоб были исключениями, а, напротив, потому, что оставались верны человеческой природе. Неудивительно, что другие сословия, бывшие по отношению к ним в положении черепахи, обогнали их в деле благосостояния.

Реформа всех уравнивала и пожаловала в черепахи, и присмотритесь, с каким напряжением и ловкостью новые черепахи поползли к благосостоянию. Продолжают гибнуть те, которые, по старой памяти, воображают себя зайцами, забывая, что они давно черепахи. Если сравнительно образованные люди способны поддаваться такому увлечению, что ж мудреного, что наши крестьяне, очутившись на воле, поддались ему? Когда подумаешь, что у наших крестьян еще свежо объяснение троекратного

330

погружения новорожденного в купель – посвящением его на три зимних обоза с барским хлебом в Москву, то есть на ежегодный извоз (в два пути) в 2400 верст на собственный счет, что кроме бесконечной молотьбы всего урожая цепями с каждого двора приходился весьма почтенный сбор живностью и хозяйственными произведениями – и вдруг, в один день, все это свалилось с плеч крестьян, то перестаешь удивляться, что в новом положении крестьяне, в свою очередь, почувствовали себя зайцами.

В сороковых годах в Елисаветграде, бывшем в то время центром громадных царских смотров, между военной молодежью славилась гостиница еврейки Симки. Бывшая красавица вдова М-ше Симка мастерски вела свое предприятие и умела угодить всем, от юнкера до генерал-адъютанта. Мы уверены, что большинство старых служивых помнят ее чистые, богато убранные номера, роскошный стол, приготовленный тонким лопухинским поваром, живых стерлядей, высокие вина, английские сервизы и заграничный хрусталь. Нечего говорить, какая жизнь кипела в гостинице во время царских смотров и передвижения войск, когда вспомнишь, что половина кавалерийских офицеров армии состояла из людей богатых. В числе лиц, пользовавшихся особенным вниманием ловкой хозяйки, был и наш полковой командир барон Карл Федорович, постоянно останавливавшийся в ее гостинице во время приездов в корпусный штаб по делам службы. Однажды осенью, вернувшись из Елисаветграда, барон, между прочим, сказал мне: «Симка вам кланяется».

– Покорно благодарю – как идет ее торговля?

При этом вопросе барон покатился со смеху.

– Вообразите, – отвечал он, – я спросил ее о том же, как говорю, торгуете? «Ничего, – говорит, – слава Богу!» – «Кто же у вас тут проходил?» – «Проходила, – говорит, – конная артиллерия. Ах! какие это прекрасные молодые люди! какие воспитанные молодые люди!» – «М-ше Симка! да за что же вы их так хвалите? разве уж очень много пили?» – «Ах! все попили, все поб-били и все-э – заплатили».

Можно представить, какую цифру она выставила в счете за побитую посуду.

В настоящее время в нашей местности квартирует артиллерия. Нам нередко приходилось обедать в трактире с офицерами, и мы можем засвидетельствовать, что эти, в свою очередь, прекрасные молодые люди почти ничего не пьют и очень осторожны с посудой. Мало того, во внешней жизни они окружены сравнительно большим комфортом, и, верно, у них нет тех долгов, какие бывали у их предшественников-богачей. Если вы не согласитесь с М-ше Симкой, что ее посетители были прекрасные, воспитанные молодые люди, то будете неправы.

Вспомните

331

греческих философов-стариков, родоначальников спекулятивного мышления, предававшихся ночным оргиям. Тут дело не в образовании, а в легкости добывания денег. Вспомните игроков. Наша комедия, усердно изучавшая тип старожил-купцов, наживших миллионы, никогда не упрекала их в мотовстве. Такое обвинение было бы нелепо. Куда моту наживать. Между тем упрек в мотовстве чаще всего относится к их сравнительно более образованным сыновьям, которых легко достающиеся деньги нередко соблазняют олицетворить народное выражение: «Не препятствуй моему ндраву». Словом сказать: «что имеем не храним*».

Неудивительно, что крестьянину, как всякому другому, не впрок легко дающийся избыток. Попробуйте сдать миллионеру в долгосрочную аренду какое-либо имущество за третью часть действительной наемной цены – и спросите его: чему равняется ваш поступок? Он ответит: покорно благодарю; вы подарили мне 2/3 найма, которыми я воспользуюсь для приумножения капитала. «Большая-де куча не надокучит».

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Посмотрим, таким ли оказался результат подобных подарков по отношению к нашим крестьянам?

В первое время освобождения многие помещики, вероятно испугавшись предстоящей беспомощности, представили своих зажиточных крестьян на обязательный выкуп и сдали им же барскую землю в долгосрочную аренду почем попало. Таким образом в ближайшем нашем соседстве сданы земли в деревне Степановой по 2 р. 75 коп., а в селе Спасском по 2 р. 30 коп., тогда как в селе Богородицком в истекшем году крестьяне сняли господскую землю в аренду по 8 руб. за десятину – кругом. Смотря на дело с коммерческой стороны, должно было ожидать быстрого обогащения спасского и стефановского обществ. Вышло наоборот. Это единственных два общества в нашем округе, со времени освобождения, видимо захудавших и задолжавших кругом и работами и деньгами. Дело объясняется просто. Земли плодородной много под руками, кому же и верить, как не ее хозяевам? А тут неурожай. Надо платить аренду, хоть и ничтожную. Заняли под постороннюю работу. Пришла весна – надо работать на стороне, а свое кое-как. Чужую убирают, а своя сыпется. Зимой еще нужней деньги и работа на стороне и т. д., как следует настоящему зайцу, а соседняя черепаха все ползет да ползет. В запрошлом 1869 году крестьяне золотаревского общества, по случаю больших заработков, при постройке ОрловскоЕлецкой чугунок, получали десятки тысяч. Спросите: куда девались эти деньги? Часть пошла на уплату недоимок, а большая часть в кабак.

332

Это очень грустно, но быть иначе не может, потому что рядом живет человек с теми же потребностями, которым удовлетворяет третьей частью такого случайного дохода. Дело является в ином виде там, где крестьяне медленным трудом, хотя бы при крепостном праве, приобрели собственную землю. В таких селениях, как, например, в соседнем с нами Глеbove, не только сами крестьяне, но даже случайные наследники поземельной собственности – бабы и девки до того проникнуты своим правом собственности, что никакой адвокат их не собьет. Они просто выкладывают на стол сотни рублей, лишь бы не подвергать своих земель отчуждению, согласно обязательствам покойного владельца. «Покойник да может и обещал выдать купчую, а мы не желаем. А вы берите с нас долг – и, как следует, убытки». Зато из такого селения никто не пойдет к вам дня поработать. Разве в виде величайшего одолжения – за водку. Что касается до развития общего уровня крестьянского благосостояния, то уже из немногo сказанного можно заключить, что возгласы об упадке его неосновательны. Слава Богу! нет причин для его понижения и есть тысячи для его возвышения. Крестьянин, у которого все время было занято семидневной барщиной в течение веков, нес лежащие на нем расходы и поборы при помощи надела, обрабатываемого безтягольными лицами семьи. Теперь он на том же наделе полный хозяин своего времени. Заработная плата, несмотря на помощь и конкуренцию машин, поднялась до того, что выгоднее получать из-за границы изделия из собственного сырья, чем выделывать его дома. Посмотрим, в какой мере действительность оправдывает наше умозрительное (a priori) заключение.

Оставим в стороне такие частности, как покупка крестьянами целых имений. Мы знаем примеры таких покупок во 100 тыс. Два года тому назад мы купили клочок земли за 7 тысяч, и временнообязанный крестьянин откровенно объявил, что не перебивает покупки только потому, что земельки маловато. Хотя таких, весьма нередких явлений не следует упускать из виду, но в данном случае нас интересует общий уровень благосостояния масс. Прибегнем к сравнению этого уровня до и после освобождения. Куда девались раскрытые, развалившиеся задворки и избы? Избы пошли на задворки, а на месте развалившихся коп-телок стоят новые, отлично крытые избы, нередко с трубами. Пригласите сотню-другую крестьянских подвод насыпать хлеб и потрудитесь взглянуть на лошадей и упряжь. Есть ли у вас на дворе хоть одна рабочая лошадь в таком виде и теле? И быть не может. Ваша лошадь зимует дома на соломе, а вы даете крестьянину возможность кормить свою овсом. Кажется очень не-

333

расчетливо. Почему бы не дать своей корму и не возить своими рабочими хлеба? Попробуйте, коли есть охота остаться без лошадей и упряжи. Тогда узнаете, где труд спорей: в руках хозяина или придуманной корпорации. До освобождения побираться было зимою для многих селений нормальным обычаем. Бывало, слышишь: вон подбелевские, или хализевские, или ядренские уж наладили побираться. Теперь, как редкое исключение, ходят погорелые да потехи – набирают невероятные возы зернового и печеного хлеба.

В неурожай 67-го года мучительно перебивались, но не побирались. Вышло из обычая. До освобождения верхнюю одежду мужиков и баб составляли кафтан или зипун. Первый гладкий, второй со складками и нашивками назади из шерстяного шнура. Кроме того, во всяком дворе был общий полушубок, попадавший на плеча выходявшего надолго на мороз. Тулуп был вещь неизвестной. Теперь не только у

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana мужика, у всякой бабы свой полушубок – большею частью дубленый. У одной трети крестьян тулупы. Всюду появились сапоги. Вместо прежней пакли во время извозов на шее возчиков ситцевый или шерстяной платок, а не то шарф. На ярмарках – ни одной кички и замашной рубахи, – все ситцевые платки и рубашки. Куда девался замеченный французским путешественником особый род безруких детей? Улицы в деревнях кишат салазками и леднями, на которых сидят не безрукие, а одетые и обутые дети. Мы бы долго могли проводить нашу параллель и прибавить, что розданный нами в 67-м году вспомогательный капитал нуждающимся в нынешнем, несмотря на упадок цены на хлеб, почти весь с процентами и благодарностью возвращен крестьянами и при сборе его не продано из их имущества ни одной курицы. На чем же основаны возгласы, будто благосостояние крестьян упало с освобождения? Этого быть не могло и на деле, слава Богу, нет.

II

Нам приходится рассмотреть капитальнейшее явление современной жизни, которым и други и недруги тычут в глаза России, – пьянство. Для уяснения дела позволим себе некоторые предварительные соображения.

Один замечательный человек, говоря о бедности, сказал: «Я не слушаю жалоб горожанина на бедность. Горожанин говорит, что каллиграфия плохо его обеспечивает. Горожанка говорит, что стенография в окружном суде не дает ей средств на билет в театр, на извозчика, на чтение книг. Все это кажется им необходимым, а в сущности, не нужно. Каллиграфу необходимо

334

являться на уроки в тонком платье, женщине-стенографу в окружной суд надо являться в шелковом. Ступай в деревню, в избу и будешь за 25 рублей в год отоплен, освещен, одет и накормлен». Возражать против такого приговора нечего, можно только смягчить его необходимыми объяснениями. Действительно, крайне необходимое, из которого поступиться нельзя, для существования человека, к счастью, весьма недорого. Такое необходимое будет наименьшей собственностью, в противоположность наибольшей, то есть обладанию всем шаром земным, за пределами которого собственность немыслима. Только эти две крайние точки восходящей линии богатства определены неподвижны и объективны, тогда как все миллионы промежуточных, подлежа внутренней оценке стоящего на каждой субъекта, вполне относительны и субъективны. В строгом смысле, даже исходная нижняя точка не вполне определена, так как количество крайне необходимого далеко не одно и то же у русского и у китайского или индейского рабочего.

Очевидно, что на всех промежуточных точках чувство довольства и недовольства, достаточности или бедности зависит от требовательности отдельного лица – от горизонта его истинных и мнимых потребностей, оценка которых, практический их регулятор, в самом лице. Практическая оценка этих потребностей лицом посторонним равняется посягательству на чужую свободу и возможна только при отношении властелина к бесправному: отца к несовершеннолетним детям, господина к рабу. Недовольство собственным экономическим положением, присущее людям, ведет к желанию его улучшения, то есть к накоплению капитала. Для достижения этой цели необходимо двоякое напряжение: нужно, во-первых, поравняться производительностью с лицом, коего положение вас искушает, а во-вторых, необходимо, при увеличенной производительности, оставаться на первобытной точке потребления, а еще лучше спуститься в этом отношении до крайне возможного предела. Человек, удовлетворяющий возникающим потребностям по мере возрастающих средств, ничего не наживет и при первой неудаче почувствует лишения. Дать человеку возможность развитием скрытых в нем сил к высшего рода деятельности достигнуть соответственного ей благосостояния – экономически и нравственно хорошо. Но схватить человека сомнительных способностей с низменной ступени благосостояния и потребностей и развить в нем потребности высшей среды, ничем не обеспечив их удовлетворения, – экономическая и нравственная ошибка. Только та личная потребность вполне законна, на которую у потребителя есть средства. Удерживать желания на уровне матерьяльных средств и даже

335

спускать их ниже этого уровня можно только при внутренней борьбе с ежеминутными соблазнами с помощью известных соображений. Это весьма трудно. Тогда как страдательно отдаваться внешним побуждениям (стимулам) легко и приятно. Поэтому, по крайней мере у нас, люди, живущие по средствам, составляют меньшинство, а живущие сверх состояния – большинство. В экономическом отношении человек, легкомысленно разбрасывающий избыток дохода, в виде ли предметов тщеславия или страсти, воочию доказывает, что этот избыток ему не нужен (а кому об этом судить, как не ему самому?). Расточительное побуждение его можно сравнить с вентилятором зерносушилки, выбрасывающим изо ржи излишнюю влагу. Присутствие такого вентилятора над карманом можно рассматривать с разных, даже противоположных точек зрения, например с нравственной и экономической.

Спервой, такой вентилятор плохая рекомендация, ибо свидетельствует о недостатке сообразительности или самообладания, если вентиляция происходит по легкомыслию и тщеславию. Если же вентилятором является предосудительная страсть – порок, то дело, с нравственной стороны, еще ухудшается. С экономической точки зрения вентиляция не только необходимое зло, но положительное благо. Вы не согласитесь, унижав пальцы солитерами, ездить по Подновинскому в неслыханном экипаже с дамой, разряженной в пух, перья и бриллианты, и благодарите моду, удерживающую людей в границах однообразия и благообразия. Вам такая дама кажется невозможной, а тысячи ремесленников, трудившихся над ее выездом, не без основания считают ее благодетельницей. Без таких, часто неблагоприятных благодетелей никакое развитие промыслов и искусств невозможно. Если все откажутся от дорогих рыб, что станут делать рыбаки? Если бы мода не гнала людей в концерты и картинные галереи, что случилось бы с музыкой и живописью. С моральной точки зрения непохвально, что люди из тщеславия облыгают себя знатоками. Но с экономической – давай Бог побольше тщеславия и денег. Где ежедневно набирать тысячи знатоков? Всякая страсть, не умеряемая рассудком, вредно действует на одержимое ею лицо. Но и в нравственном смысле она только тогда заслуживает запрещения и наказания, когда нарушает чужие права, то есть совершает неправо. Гарпагон – очевидный вор, «но он ворует собственный овес у собственных лошадей, и никому до этого нет дела», кроме какого-нибудь общества покровительства животным, да и то едва ли успешно повело бы против него обвинение. Он мог не воровать овса, а, поучась у русских хозяев, кормить лошадей одной соломой. У каждой экономической единицы есть

336

и должен быть вентилятор. Без этого нет народного хозяйства. Аскеты – исключение, над которым останавливаться нельзя, а с экономической точки зрения все равно, из какого матерьяла вентилятор, красив он или уродлив, дело в том, в какой мере он исполняет свое назначение.

Крестьянин почерпнул свой быт не из академий, трактатов и теорий, а из тысячелетней практики, и потому быт его является таким органическим целым, стройности и целесообразности которого может позавидовать любое учреждение. В исправном крестьянском хозяйстве всех предметов как раз столько, сколько необходимо для поддержки хозяйства; ни более, ни менее. При меньшем их количестве пришлось бы нуждаться, а при большем одному хозяину-труженику за ними не усмотреть. Кроме строевого леса, приобретенного одновременно, и немногих кусков железа, все свое – домашнее. Не глумиться надо над крестьянином, а учиться у него. Начиная с одежды и кончая рабочими орудиями, попробуйте изменить что-либо в среде той непогоды и бездорожицы, в которой крестьянин вечно вращается, и пуститесь лично с ним конкурировать, тогда скоро поймете значение сермяги, дуги, чересседельня и т. д. Сломите среди степи ваш железный плуг и поезжайте за новым к Бутенопу. Время сева прошло, а крестьянин сам переменял дома сломанную часть сохи и опять пашет. Он твердо помнит пословицу: «Чего маленько, того кроши меленько», а вы хоть и помните ее, да руки-то крошат не ваши, и выходит разница как небо от земли. У крестьянина ни места, ни лишнего корму для птицы нет, а у вас все это есть, и потому-то у вас нет птицы и вы ее покупаете у баб. Если же вы настойчиво решитесь конкурировать с бабами, то хоть потрудитесь счесть, во что вам обошлась конкуренция. Выкормленная дома свинина не может обойтись менее 4 руб. за пуд, а в Орле нынешней зимой на базаре она была дешевле 2 р. 50 к. Без пророчества можно предсказать, что вы никогда не поравняетесь производительностью с крестьянским хозяйством уже на одном основании стихов Кольцова, в которых пахарь говорит сивке:

Мы сам-друг с тобою,

Слуга и хозяин.

Еще менее можно равняться с крестьянином в искусстве уменьшать круг потребностей. Естественное, так сказать почвенное, его положение таково, что, с одной стороны, не требует особых усилий удерживаться на данном уровне, а с другой – нисколько не благоприятствует тем затеям, какими одержим человек, шагнувший через заветный круг крестьянства. Пред-

337

меты, соблазняющие вас на каждом шагу, ему для личного употребления даром не нужны. Крестьянин, заведший часы и цепочку, уже перестал быть крестьянином. Он должен надеть жилет, без которого часов положить некуда. Сказанное подтверждается тем, что до сих пор крестьянин-пахарь, умеющий удержать лишнюю копейку, если не купит земли, клеивает деньги в дугу или зарывает под печку. Что в более искусственной среде побуждения мнимых потребностей громадны, не требует доказательств. Сколько жертв непосильной работы, сколько мошенничества и казнокрадства из-за каких-нибудь женских нарядов и т. п. предметов тщеславия. Неужели эти образованные, умственные труженики не могут растолковать своим развитым женам, что надрываться над работой или красть из-за модной шляпки или

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana кареты – не стоит? Видно, не могут, коли весь трагизм жизни нашего развитого общества почти не знает другой завязки.

Подобных побуждений к обогащению для крестьянина не существует, да и вряд ли можно пожелать ему развития в этом смысле. Между тем у крестьянина свой вентилятор – водка. Говорите, что хотите о привлекательном труде (travail attractif), трудиться, подобно русскому крестьянину, – не легко, и неудивительно, что он предпочитает ограничить свои потребности до крайности – тяжелой работе, хотя случаи к заработкам сами ищут его на каждом шагу. Приводим мелкий, но характеристический пример. Прошное лето травы было вдоволь. Ко времени уборки пошли дожди, а когда распогодилось, все бросились на покос, в том числе и мы. – Беги в Глебово за народом. – Говорят: «Свое убираем, ни за деньги, ни за водку не пойдем». Ступай к обществу, работающему у нас от десятины, и скажи: в нынешнем году им трудно будет своевременно свозить весь хлеб. Пусть придут покосить, а мы на это место дадим им своих подвод. Пусть наш конный рабочий пойдет за их пешего. Говорят: «Некогда». Что ж они делают? Все общество у ценовальника за водку убирает покос. Не столько работают, сколько пьют. Так и провалялись 2 недели. Что делать? Давай своим рабочим ежедневную порцию, чтобы постарались. Действительно, 10 рабочих при помощи 4 поденщиц скосили, сгребли конными граблями и свезли с 50 десятин до 5000 пудов сена. Ясно, что тут одной былинки лишней убрать нечем. Между тем в молодом саду тимофеевка по пояс, а высокая и буйная трава в молодом березнике начинает путаться и садиться. Что, брат Александр! пропадает пудов 300 сена даром – говорим мы садовнику. «То-то уж и я смотрю, – отвечает Александр, – пропадает экое добро! А что осмелюсь вашей милости доложить, пожертвуйте мне покос в березнике, а я расстараюсь – уберу вам тимошку. Всего делов-то дня на 4 будет».

338

Сделай милость, убирай, только сначала убери тимошку, а там коси березник, «Знамо дело, надо наперво ваше добро убрать». Александр – бывший дворовый из крестьян, и потому на его наделе хозяйничает сын его. На другой день явились: сын его, жена, дочь и невестка, и через 4 дня тимофей был уже на сеновале, а еще через 3 дня на садовой луговине вознеслась почтенных размеров копна отличного сена. «Уж это позволите до зимы тут оставить. Куда с ним теперь ломаться? По снежку подыму».

В начале декабря по первому санному пути является зимующий дома Александр с сыном и четырьмя подводами и увозит до 100 пудов сена, то есть на худой конец на 20 рублей. А что оно ему стоит? Малый и бабы так бы проболтались неделю, своего покоса нет; а жалованье, как садовник, он за это время, в свою очередь, получил. Через неделю по увозе сена является Александр цветы поливать. «Ну что, хорошо сено?» – «Слава Богу, покорнейше благодарим». – «Это хорошо, что ты свою скотину не забываешь, а вот что ты сам садовник, да, уехавши с сыном, бросил настезь садовые ворота – это стыдно. Я посылал за тобою затворять». – «Виноват, так это я маленько промахнулся».

– Отец Василий! – спрашивали мы первое время после освобождения священника. – Как это вы убираетесь? У вас таки порядочный просевец.

– Ну ведь и семейство большое. Чего одна семинария стоит. Нынче требуют образования. Убираем более праздниками – за водку.

Сначала нас коробило сопоставление священника, праздников и водки. Но задавшись вопросом: что ему делать? За деньги и в будни не пойдут. Все руки за год и даже за два вперед разобраны по письменным условиям. Не найдя на такой вопрос ответа, мы перестали смущаться. Не работать в праздники, в горячее время уборки, когда от одного дня зависит существование на целый год – в безрукой стране, по малой мере, безумие. «Господь сказал ему в ответ: лицемер! не отвязывает ли каждый из вас в субботу вола своего или осла от яслей и не ведет ли поить? Луки XIII ст. 15».

В подтверждение слов наших о достаточности, по крайней мере в нашей местности, крестьянского надела на необходимо нужное и о нежелании крестьян искать посторонних заработков укажем на марьинское общество. Надел этого общества ничем не отличается от других наделов, а между тем марьинские крестьяне, в продолжение 2 последних лет, с прекращения обязательной работы, никуда нейдут на заработки и свои поля возделывают кое-как. А недоимок или воровства за ними не слышать.

Между тем присущий человеку вентилятор действует неустанно, как действуют легкие, сердце и т. д., и если излишняя вла-

339

га продолжает брызгать в одинаковой и даже возрастающей пропорции, можно безошибочно сказать, что рожь насыщена в избытке. О количестве излишней влаги можно судить по предположению акцизного сбора на 1871 год, доходящему до 150 миллионов. Для получения такой суммы необходимо, чтобы вино выпивалось на двойную сумму, если принять во внимание всю процедуру, какой подвергается рожь,

до поступления в виде водки в желудок потребителя, «Salus publica prima lex esto»*. Нечего глубокомысленно останавливаться над вопросами: нужно ли войско и флот, нужно ли, чтобы государство, исключительно земледельческое, пахало и сбывало хлеб? так же малозатруднителен вопрос: может ли государство, желающее развития земледелия и вынужденное прибегать к возрастающим налогам, превратить громадный, безнедоимочный и косвенный налог в прямой, которого оно никакими усилиями не соберет?

В заключение представим себе следующую невозможную картину. По раздолью плодородных степей раскиданы одинокие селения, которых жители, довольные производением собственных нив, не желают прикладывать рук к промежуточным полям, остающимся невозделанными. Ни путей сообщения, ни торговли нет, потому что производительность равна с потреблением. Между тем за границами этих степей живут люди, сплошь покрывающие свои как огород возделанные земли; люди, занятые переделкой сырых матерьялов на дороге товары и тут же, на месте, вырывающие, за большие деньги, хлеб из рук у своих земледельцев. Люди эти сильны капиталами и выше всего в мире ценят хлебородную землю. Представим себе степную страну баснословным королевством II части «фауста». Бывший доктор призывает Мефистофеля и говорит: нам нужны деньги, в размере 150 миллионов в год. Другими словами, нам нужно убедить поселян, чтобы они, хотя это им и не нужно, ревностно принялись за страшный труд возделывания всех полей сплошь. Что касается до будущего громадного урожая, то я заранее распределил его. Часть пойдет на продовольствие городов и войск, а часть за границу. Но вот беда, по расчету придется до 100 миллионов четвертей покупать без надобности и истреблять. Без этого предложение превысит требование и цены на хлеб упадут.

Но кому покупать такую массу ненужного хлеба и, кроме того, откуда нам-то взять 150 миллионов? Вопрос сводится к следующему: нельзя ли убедить крестьян, чтобы они, за хорошую плату, шли обрабатывать земли частных владельцев, а по * «Благо народа пусть будет высшим законом» (лат.).

340

окончании уборки покупали бы у нас, на свои заработки, на 300 миллионов ржи и сжигали бы эту рожь дотла, так как есть ее некому. 150 миллионов мы бы возвращали частным лицам, для новых наймов, а 150 оставалось бы нам. Нет сомнения, что при помощи наглядного опыта и Мефистофель и Эдип произнесли бы всемогущее слово: дешевка. Этот вентилятор хоть какое количество излишней влаги вытащит из кармана.

Вспомните рабочего сибирских золотых приисков. Каких еще надо заработков? Но все это до первого кабака. Выпил и пошел все бить да рвать, да еще кричит: «Подстилай мне под ноги кумачу, а то идти не хочу». А наши охотники-рекруты, за которыми хозяин ездит да расплачивается за битую посуду?..

Мы уже слышим восклицания: «Вы хотите покровительства пьянству». На это можно ответить: понимать, что осеннее ненастье, портящее одежду, дороги и здоровье, необходимо для озимей, еще не значит любить мокнуть или, что еще нелепей, покровительствовать ненастью. Пора догадаться, что квартет дерет не потому, что музыканты рассажены не в должном порядке, что усталому, одинокому человеку, завязнувшему в болоте, одно средство из него выбраться – отдохнуть и собраться с силами, и что в целом мире только герой «Не любо не слушай» сумел помочь беде, вытащив себя за волосы из трясины.

Признавая в водке одного из капитальнейших факторов современного народного хозяйства, невольно спрашиваешь: неужели не сыщется ему более достойного конкурента, хотя бы в отдаленном будущем? как не быть? Если вам не нравится прежний полицейский надзор крепостного права, разделите 100 миллионов четвертей ржи стоимостью на 300 миллионов на годовые пайки на человека – и вы получите потребное число ртов; для поглощения этого количества в виде пищи – равняющееся 50 миллионам. Прибавьте к настоящему населению страны 50 миллионов рабочих, и все придет в нормальные отношения и строгая нужда прогонит легкомысленный разгул*. Жизнь потому только жизнь, что постоянно борется со смертью. Борьба эта далеко не шуточная и ведется со всем напряжением и даже ожесточением. В народном хозяйстве так же мало места идиллии, как и в народной войне. Необходимо, чтобы эти 50 миллионов явились в самой стране конкурентами труда. Один вывоз за границу потребляемого ими количества хлеба поможет делу только отчасти. Не указывайте прямо на землю как на источник богатства.

* Мы нисколько не выдаем приведенного расчета за математически точный. Для нас важно указать, что ахиллесова пята не на правой ноге, как думает большинство, а на левой (Примеч. Фета).

341

Земля без рук – мертвец. И в этом отношении опыт последнего десятилетия не пропал даром. В первые дни освобождения, не зная, как сложится дело, увлекаясь теориями и избегая неприятных столкновений с крестьянскими обществами,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
покупатели платили за земли дороже по мере их отдаления от селений. Тратились
громадные деньги, чтобы сбыть крестьянские селения как можно далее от усадьбы.
Теперь стало наоборот. Чем ближе земля к селениям – тем она дороже.
Пойдем далее в нашей искренности. Вопреки кажущимся явлениям, мы решаемся
утверждать, что пьянство несколько не составляет отличительной черты нашего
крестьянина. Пьяница, как и постоянный употребитель опиума, больной человек,
которого воля безапелляционно подчинена потребности наркотического. Тип таких
людей преобладает в чиновничьем мире у Иверской, между московскими нищими и
затем рассеян по лицу русской земли, без различия сословий. Сущность этого типа
верно намечена в пословице: «Как ни бьется, а к вечеру все напьется». Такой
субъект не может иметь собственности, по отношению к которой он отрицатель. Своя
и чужая для него только средство – напиться. Поэтому он зимой раздет, у жены
тащит последнюю копейку, у соседа – плохо лежащий шворень. Очевидно, что
крестьянин-собственник, по своему положению, не подходит под этот тип, хотя,
быть может, и подходит под тип человека (Руси веселие пиши), готового на всех
степенях развития с каким-то благоговением относиться к богатырскому выпиванию
чары в полтретья ведра и придирающегося ко всякому случаю поесть и выпить.
Иностранцы открывают общества, школы, железные дороги, справляют крестины,
свадьбы и похороны – плачут и танцуют впроголодь. Северный русак ничего этого не
делает, чтобы не выпить и не закутить. Даже воспоминание об историческом событии
или просто о родителях у него тождественно если не с обедами и выпивкой, то хоть
с блинами и выпивкой. Очень развитый русский рассказывал нам, как они вдвоем с
покойным Герценом всю ночь просидели у Тортони во время декабрьского погрома
(coup d'etat*). С вечера Герцен спросил двойную бутылку коньяку, к которой
собеседник его не прикасался. Герцен говорил с увлечением разочарования. К утру,
заклучил рассказчик, Герцен встал, выпив весь коньяк маленькими рюмочками, и
ушел ни в одном глазе. Покойного Герцена можно упрекать в чем угодно, только не
в неразвитости или пьянстве. Какой молодой человек, в свою очередь, не увлекался
славой выпивания полтретья ведра? Конечно, хвастаться тут не-
* государственный переворот (франц.).

342

чем, но можно ли эту категорию людей назвать пьяницами, не смешивая двух, только
по видимому однородных явлений?

В нашем личном хозяйстве с пастухом и конюхами до 14 человек рабочих. Только во
время усиленной косьбы утомленная их природа требует водки, и им дают по
хорошему стакану. Иногда косцы и сами просят. Но в остальное время года
работники об ней не думают и не заикнутся. На свои, в будни, пить не на что,
потому что жалованье большею частью забирают их домашние. Но подходит праздник
престольный, и Гаврику очередь идти домой. «Пожалуйте денег». Сколько тебе? «
Рублей 5». Зачем ты это делаешь? Ведь через неделю или через месяц занадобятся
деньги в семье – и близко будет локоть, да не укусишь. Гаврик смотрит оловянным
взглядом недоумения. Пять ли, десять ли возьмешь на праздник, все равно
прогуляешь. Не дам больше рубля – спасибо скажешь. «Ну что ж, – говорит Гаврик,
чувствуя, что не совладеет с вентилятором, – пожалуйста хоть рублик». Какие же
это пьяницы? это дети, за стаканом вина забывающие цену вещам. Тратя
непроизводительно 60–80 рублей на свадьбу, крестьянин забывает, что в прошлом
месяце его бабы бегали по дворам занять сольцы, которой на 3 рубля ему хватит на
круглый год на весь дом. Мы не хотим сказать, чтобы между крестьянами не было
пьяниц в полном смысле слова; но не думаем, чтобы сравнительное большинство
таких экземпляров выпадало на долю крестьянства, поставленного положением
собственника в неблагоприятные для беззаветного пьянства условия. Нам
приходилось не раз спрашивать у городских извозчиков: почему в праздники весь
народ выпивши, а между извозчиками пьяных незаметно? И каждый раз получали в
ответ, что извозчику напиваться нельзя – лошадь угонят. Беззаветное пьянство –
удел пролетариата, которому у нас не о чем думать. Сыт и пьян он всегда будет, а
остальное ему не нужно. Сюда относится громадное большинство бывших дворовых:
домашней прислуги и мастеровых, созданных покойным крепостным правом, без
которого не было бы всех этих необходимых личностей. Что нужда повсюду являлась
истинным источником труда, известно не со вчерашнего дня. Посмотрите, с какой
неотразимой логикой бедность в комедии Аристофана «Богатство» выставляет себя
возбудительницей производительных сил, матерью всех искусств и ремесел. На
основании этих вечных законов можно бы ожидать, по крайней мере от нашего
пролетариата, большого рвения к труду и большого самообладания. Но, применяя
общие законы к нашему быту, не должно забывать, что наше историческое развитие
поставило нас до поры до времени в противоположное с другими образованными
сторонами экономическое положение. Там ра-

343

бот нет, здесь рук нет. «Как! – восклицает сосед ваш. – Сидор, которого я

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana прогнал за пьянство, у вас? Помилуйте, да ведь его невозможно держать!» – «Право? – отвечаете вы. – Жаль, что я этого не знал. А у меня он ведет себя сносно». – «Как! – продолжает сосед. – Да он сейчас с вами говорил пьяный». – «А я, признаться, не заметил», – отвечаете вы. Через месяц не замечать уже невозможно, вы отказываете Сидору и можете, в свою очередь, ехать удивляться к соседу, который, тоже в надежде на исправление Сидора, уже успел нанять его. Не стоило бы говорить о пьянстве и его экономическом значении, когда бы со всех сторон не раздавались если не лицемерные, то, по крайней мере, бесплодные возгласы против этого явления. Принимая в расчет все количество крепких напитков, начиная с виноградного вина и пива, мы не найдем, чтобы русский человек в общей сложности выпивал более немца или англичанина. Можно только упрекнуть его в способе выпивать свою долю. Если всякий настойчиво пьющий постепенно превращается в коня, льва и, наконец, в свинью, то наши питухи нередко с такой быстротой проходят все метаморфозы, что наблюдатель не замечает двух первых превращений. Посмотрите на кучера, ссадившего хозяина на чугунку и заехавшего на обратном пути к первому кабаку. Долго ли он там пробыл? Две, три минуты. А в каком он виде? О коне и льве и помину нет. Что же тут делать? Нельзя же за всяким приставить няньку, которой известна и его душа мера и экономические средства. Кроме того, надо же хоть каплю последовательности. Ведь была нянька, и довольно строгая. Она более 200 лет своею палкою не давала пить и заставляла работать. Но она устарела, отставлена и даже умерла. А теперь – любишь кататься, люби и саночки возить. Кто же, искренно говоря, не желает кататься? Государство ли не желает громадных миллионов? Народ ли не желает пить водку? Или частная промышленность желает лишиться последних рабочих рук? Ввиду двойственности воли, мы и тут готовы на уступку. Мы согласны допустить, что государство желало бы получать большие миллионы помимо акциза, крестьяне желают осуществления хохлацкого элизия «Энеиды» Котляревского:

Сиделы ручки поскладамши,
Для них усе праздники були,
Люлки курилы полягамши,
Або горилочку пили И не простую и не пинну,
А усе трехпробну, перегинну,
Настоянную на бадяне.

344

А частная промышленность желала бы постоянно иметь се- риозных, трезвых и благонадежных рабочих за вознаграждение, соответственное рыночным ценам продуктов. Все отдельные желания чисты и прекрасны, а осуществите их единовременно, как это бывает в жизни, глядь – все помутилось и вышла сегодняшняя действительность. Выжженный камень холоден, и вода холодна, а пришли в соприкосновение – и закипели.

Считаем нашу мысль до того уясненной, что без преднамерения она уже не может быть превратно истолкована. Указав на органическое или лучше стихийное значение известных современных явлений, мы ни на минуту не признавали их нравственной красоты и ограничились вопросом другого порядка, гамлетовским быть или не быть. Развитие страсти к обогащению без труда не похвально, и лотереи как азартная игра признаны противозаконными. Но когда дело касается вопроса: быть или не быть детскому приюту? – найдутся моралисты, которые ответят: быть, даже с разрешением лотереи в его пользу. Между тем в вопросе о лотерее есть выбор. Можно не допустить лотереи и не заводить приюта; но, хотя бы и можно было желать промышленного зстоя и народного банкротства, можно ли свободному человеку воспретить пить? Запретите винокурение, хоть под смертной казнью, вы только распространите злоупотребления и преступления. Вспомните дорогую водку в городах при дешевой в окрестностях. Что было? Говорите о возвышении среды – мы со вниманием станем вас слушать. Среда – это жилище, дороги, религия, суд, исполнительная власть, рынок, словом, все – и, между прочим, грамотность. Грамотность, как простая техника чтения, вещь полезная и пригодная в жизни, но видеть в ней какой-то амулет от порчи и безнравственности мы просто *pop rossimus**. Сравнительное большинство беспросыпных пьяниц – заштатные чиновники, писаря и бывшие дворовые, более грамотные, чем крестьяне. Воскликать и только воскликать против стихийного явления данной среды – значит воскликать против всей ее органической совокупности. Кто находит это разумным, пусть восклицает. Если кто находит, что непьющий степняк виновен в склонности архангельского жителя выпить и закусить, потому что иногда покупает рябчиков и навагу, пусть находит. Говоря о пьянстве как о стихийном зле, временно явившемся для искупления большого, мы далеки от мысли отстаивать его безнаказанность в тех случаях, когда оно из пределов дозволенной свободы врывается в область чужой личности и собственности. Наш закон не признает опьянения

* не можем (лат.).

смягчающим обстоятельством. Пей, коли есть охота, но разума не пропивай. Сказанное относится к органическому росту, коренных условий которого изменять человеку не дано. Зато человек в самом густом лесу может пролегал тропинки, не трогая деревьев, а только порой отклоняя и подвязывая мешающие сучья. Человек может достигать значительного улучшения своего быта применением к делу вещей, не имеющих цены, – то есть даром. Так поступают фабриканты бумаги и вигони, превращая грязные тряпки в блестящий товар, так поступает ключница, объявляя при оказии в город, что свечей нет. Каждое из этих двух слов, сказанных своевременно, равняется экономии одного рубля. Что такой образ действия применим и в общественном хозяйстве, поясним примером. В нашей местности мировые учреждения действуют четвертый год и на съезд не поступило ни одной жалобы на медленность судопроизводства. Никто не жаловался на неполучение повесток и заочных решений. Кто же развозил все эти тысячи конвертов? Местное крестьянство? Или почта на земские деньги? Никто или, лучше сказать, ни то, ни другая. Первый способ был бы новым видом натуральной повинности, а второй более чем удвоил бы расходы земства на мировые учреждения. Границы нашего участка в трех главных направлениях отстоят от судебной камеры верст на 30 и только в четвертом – верст на 20. Приняв во внимание уклонения от главных направлений, какие до цели назначения должны совершить отдельный конверт, надо по каждому тракту держать не менее 3 верховых, давая их лошадям по 4 гарнца овса. Таким образом, каждый наемный верховой обойдется земству не менее 200 рублей, а 12 человек почтовых не менее 2400 рублей. В уезде 4 участка, и потребовалось бы 9600 рублей расходу сверх ассигнуемых на содержание судей и их канцелярий. Как же мы делаем, чтобы и овцы были целы, и волки сыты? Говорим лично за себя. Мы подражаем ключнице, вовремя заботящейся о свечах. Никто более истца не озабочен верной и скорой доставкой повестки ответчику. В большинстве случаев сосед жалуется на соседа, и, кроме того, всякий истец если не сосед ответчика, то чей-нибудь сосед. На этом основании каждый раз возникает следующий разговор. «Вам угодно это поскорее?» – «Да, сделайте милость». – «Если посылать через волость или через полицию, то надо назначить более продолжительный срок, а если вы потрудитесь сами вручить конверт местному сельскому старосте или сотскому, можно назначить разбирательство на послезавтра, а вы или поверенный ваш представите второй экземпляр повестки с распиской в получении первого». – «Очень рад. Мне

346
все равно ехать мимо». – «Уж кстати потрудитесь передать старосте и этот пакет по другому делу». – «С великим удовольствием». Что великое удовольствие истца не фраза, можно увидеть из следующего сопоставления. Граница Малоархангельского уезда от нас примерно в 20 верстах. Иски и обвинения против соседей не редкость; в случае доставления повесток истцами дело может быть решено на другой, много на третий день по заявлении жалобы. Проследим теперь официальный путь повестки. Положим, что от судьи она пройдет за 25 верст до становой квартиры один день. У станового, отправляющего конверты раз в неделю с сотским во Мценское полицейское управление, повестка может пролежать неделю. Сотский провезет ее за 35 верст до городу день. При всей исправности чиновников она пролежит день в управлении и день в почтовой конторе и затем проедет назад по чугунке в Малоархангельск день. Итого 12 дней. Прибавьте такую же процессию по Малоархангельскому уезду – получите 24 дня да столько же для обратного следования второго экземпляра повестки, до получения которого нельзя приступить к разбирательству. Выйдет 48 дней. Ввиду всего этого нельзя назначить разбирательства ранее 2 месяцев. Как это удобно, например, при жалобе на уход рабочих во время хлебной уборки! Мы убеждены, что большую часть недосмотров, оказавшихся при быстроте водворения самых хороших вещей, также легко устранить какою-либо практической мерой, нередко несколькими словами. Мы, например, по поводу незначительных краж сомневаемся в практической пользе тонко-юридического различия понятий: со взломом и без взлома. Сомневаемся также, чтобы крестьянин с достаточною ясностью понял, что жалоба его о выпущенной бочке масла, на 100 рублей, так долго не разбиралась вследствие недоразумения судьи, полагавшего, что прорубить топором бочку с целью добраться до масла – взлом, тогда как это совсем не взлом, потому что бочка по отношению к содержимой жидкости – только вместилище, а не хранилище.

III. Вне службы

На днях один из местных деятелей по окончании мирового съезда любезно пригласил нас в числе других к себе на квартиру отобедать, справедливо заметив, что все лучше, чем в гостинице, посылающей за обедами в рыночный трактир. Собралось человек 10, председатель управы познакомил нас с одним из земских врачей словами: вот, доктор, тот судья, который передал мне полученный вами рецепт от сифилису для испытания на практике. Дело в том, что пишущий эти строки получил

ное письмо от незнакомого ему лично мирового судьи чужой губернии по поводу статьи «Московских ведомостей» о сифилисе. При письме приложен был рецепт, коего успешное действие при самых неблагоприятных для лечения условиях свидетельствовалось судьей. Кроме того, указывалось на двух евреев Могилевской губернии, излечивающих эту болезнь с особым мастерством за 6 руб. платы с человека. В рецепте главную роль играет сулема. Считая нравственной обязанностью оказывать помощь больным посильными средствами, мы, согласно прямому смыслу закона, не только не преследуем в участке деятельность частных благотворителей, но и сами никогда не отказываем в клещевинном масле, липовом цвете, нашатыре, глазной примочке и т. п. и могли бы, в свою очередь, представить список людей, над которыми эти медикаменты производили чудеса. Но давать сулему на собственный страх мы не могли решиться, а потому передали в управу письмо и рецепт почтенного судьи. «Ну что, доктор? – спросили мы нового знакомца. – Делали вы опыты над рецептом?» – «Нет, помилуйте! – тут сулема». – «Так что же?» – «А ну как откроются ртутиальные раны?» – «Да ведь по этому рецепту вылечивались сотни людей – и как знать: откроются раны или нет. Возьмите самого сильно страдающего и испробуйте». – «Нет, помилуйте, наука этого не допускает». Итак, лечить дорого наука не имеет средств, а прибегать к дешевым лекарствам она не допускает, а управа с радостью заплатила бы еврею по 6 руб. за исцеление больного*.

«Кстати, – заметил вслушавшийся в разговор хозяин, – некоторые сомневаются в точности ваших указаний насчет распространения болезни. Село Бортное в моем соседстве, и у меня в экономии тамошних крестьян не принимают на работу из боязни заразы».

«А вот и инспектор народных училищ. Позвольте познакомить вас». – «Очень рад». Инспектор стал указывать на странные явления нашего народного обучения. Действительно странно. Вот хоть бы в нашем участке. Помещик пожертвовал на собственном дворе великолепное каменное строение под школу и обеспечил существование школы.

Школа наверное пойдет хорошо, а тут же рядом волостная школа существует только по имени в лице одного учителя. В другой волости крестьяне безропотно платят жалованье официальному учителю, а детей учат у себя по домам через вольно-
* Нам приятно заявить, что в настоящее время на это страшное зло обращено должное внимание и нынешним летом можно ожидать самых утешительных ре* зультатов (Примеч. Фета).

348

наемных учителей, отставных солдат и т. п., а в волостную школу детей не посылают.

В иных учитель получает жалованье, но, за неимением учеников, исполняет должность волостного писаря за 50 верст в чужой волости. Если где и загонят на зиму учеников в школу, то, не научась азбуке, они считают себя отбывшими службу и их на следующую зиму ничем не заманишь. «Нет, господа! – воскликнул инспектор. – Все зависит от учителей. Они не умеют заохотить мальчика». Следовали доказательства и примеры.

«Надо устроить учительские школы, приготовить учителей, тогда все пойдет иначе». – «Позвольте, – заметил один из собеседников, – вкратце доложить о судьбе нашей земской попытки приняться за школы». Один из гласных объяснил собранию, что всякое начинание и даже значительная затрата окажутся бесплодными, пока образованный человек не возьмет под свое личное попечительство местной школы и не приложит к этому новому делу знания и усердия. Мысль признана основательной, и в минуту все школы были разобраны усердствующими лицами за себя и за жен своих. Ожидали чуть не дворцов и резной мебели для школ, вследствие частного соревнования, но такой проект оказался не соответствующим законоположению о народных школах – и вышло: шла кума пеша.

«Да, – заметил официальный оппонент, – правительство не может отдать в руки частных лиц бесконтрольное управление такой важной статьи, как народное воспитание». Что же оно делает другое, предоставляя каждому родителю воспитание детей? «Но ведь вы не родитель школы?» Извините, родитель; если я призову к жизни несуществующую школу – я ее родитель и она будет мне дорога как детище. Неудачный antecedent столичных воскресных школ много повредил делу. Но, хвалясь современной реальностью взглядов, мы постоянно забываем главного фактора – среду. Земство потому и земство, что оно земля, то есть собрание собственников. Кто же видал собственников нигилистов?

Что же касается до земских попечителей школ, то каждый из них будет радоваться правительственному контролю, избавляющему его от неприятной необходимости указывать соседу на вредное направление его школы. Эту обязанность, бесспорно,

сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
лучше исполнит лицо от правительства. Такой контроль может на деле оказаться
излишним, но в принципе он необходим как предохранительный клапан. Пусть лицо,
уличенное в духовной контрабанде, отвечает перед судом и законом. Но таким
законным контролем и должно ограничиваться вмешательство правительства в местное
хозяйство. Закон всегда ставится в отрицательном

349

смысле. Он указывает на зло, которого не должно делать, – а не в положительном.
Производи что хочешь, но не распространяй мизантропии, держи диких зверей, но без
вреда другим людям. При вмешательстве правительства или даже земства в выбор
часов и метода преподавания или самих преподавателей никто из частных
благодетелей не пойдет в кабалу попечительства и не раскроет своего кошелька.
Дают отчет в полученном. Попечитель, получивший субсидию, обязан дать в ней
отчет, но не более. Ждать от человека добровольного приношения и хотеть
распоряжаться его трудом и средствами, по малой мере, нелогично. На такое
требование один ответ – пассивное молчание.

Не успел председатель дать необходимые объяснения и обещания инспектору, как к
нему уже подступил один из мировых судей, обязанный объезжать участок из-за
реки, на которой от сотворения мира не было порядочной переправы, но зато не
бывало и мировых судей и земских врачей.

В те времена эта переправа была истинным прибежищем нижнеземского суда, на
случай улики в явной проволочке дела. В ответной бумаге неизменно появлялась
фраза: По случаю паводка сообщение прекратилось, а потому и т. д. Теперь паводки
на бумаге стали не нужны, а переправы на деле необходимы. Дорога-то проселочная,
но не настолько проезжая, чтобы перевоз мог привлечь частного содержателя, а
обязать содержать перевоз некого. «Однако, господин председатель! что ж тут
делать? Как же я в паводки буду вызывать тяжущихся или переезжать к ним? Как
поедет врач?»

– Погодите. Это надо сделать, но потихоньку, без огласки, а то таких
случаев наберется много и, удовлетворив одного, нельзя будет отказать другим, а
средства земства...

В это время хозяйский слуга, не ожидавший стольких гостей, стал раздвигать стол
и раскинул на нем вдвое сложенную скатерть.

«Вот, господа, с кого нам следует брать пример, – заметил один из собеседников,
указывая на слугу. – Он как раз по одежке протянул ножки, а вы раздвигаете стол
на большую скатерть, когда у вас в руках только салфетка. Каждый тербит ее в
свою сторону, а стол все-таки не покрыт. Еще и доходу нет в виду, а у вас уже
пять безотлагательных расходов наготове. Разве есть здесь хоть один, который бы
у себя дома так хозяйничал?» – «Что прикажете делать? Ежеминутное развитие
потребностей».

– Ну уж извините! Это смахивает на ежеминутное развитие фраз. Разве можно
развивать жизнь? Действительно, слабому цыпленку мать помогает разбивать
скорлупу, но преждевременно обколупывать недоразвившегося цыпленка значит
убивать его.

350

Подали на стол, и все приступили к закуске.

На другое утро надо было на раннем поезде ехать домой. В общей зале вагона все
места были заняты еще спавшими проезжими, которых будить было не для чего, благо
нашлось совершенно свободное отделение. На спрос новых газет кондуктор отвечал,
что все распроданы, но что в общей зале у всех довольно газет. Отправляясь на
поиски, мы увидели господина с газетами в руках, он любезно предложил нам новый
номер. Между спавшими на диванах нам кинулась в глаза старушка в черном
поношенном шерстяном капоте и старинном чепце. Морщинистожелтоватое, но круглое
лицо ее напоминало залежалый лимон. Когда, прочитав газету, мы понесли ее
хозяину, в общей зале все уже поднялись, но свободные места были заняты
пожитками проезжих. Поднялась и лимонная старушка, успевшая накрыть свой бюст
старой турецкой шалью, узкая каемка через правую руку, широкая через левую, –
словом, живой старинный портрет, нечто вроде бабушки в гончаровском «Обрыве».
От времени до времени старушка пережевывала бесцветными губами, быстро
выпрямляла голову и, заглядывая в окно вагона, спрашивала: «Далеко ли до
станции, где можно завтракать? Кофею хочу». Мы объяснили ей, что подходим к
большо-мубуфету. «А долго ли стоять?» – «30 минут». – «Слава Богу». За кофеем
сидевшая с нами рядом старушка усердно принялась за завтрак, причем беззубые
челюсти ее, сходясь вместе, почти подводили подбородок к носу и придавали всему
лицу вид закрывающегося полного кошелька. С большой станции в наше отделение
вошли трое проезжих, которых по внешности нельзя было предполагать в
первоклассном вагоне. Между тем кондуктор попросил нас в общую залу, так как эти
господа взяли-де четыре места, а всех мест шесть. Избегая излишних объяснений,
мы перешли по указанию и просили господина, снабдившего нас газетой, снять шубу

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana с противоположного дивана. Старушка уже пересела на ближайшее от нас кресло, против молодой брюнетки, державшей в руках две книжки английского журнала. Очухившийся напротив нас господин ехал, как оказалось, к далекому угольным копам. Между нами завязался разговор о народном земском хозяйстве, заинтересовавший, по-видимому, и других проезжих. Не выдержала и старушка, сказавшая перед тем несколько фраз брюнетке на прекрасном французском языке, и в свою очередь с большим оживлением вступила в разговор. «Это вы все земство хвалите, господа?! Я ведь этих дел не знаю. Теперь все гласные, согласные, безгласные и разногласные. Они все речи говорят. Лично я ничего против них не имею. В Париже я много слыхала речей в палате депутатов. Но ведь наши

351

невинные ораторы это не какие-либо Мирабо, у них нет ничего вредного, а любят речи говорить. Встанет и-и-начнет говорить. Никто его даже не слушает, а он-то старается. За ним подымается другой, и того тоже никто не слушает. А потом даже в умиление приходят и целуются. Ты, говорят, отлично сказал. Нет, ты еще лучше сказал. Ни тот, ни другой ничего не слыхал. Все это прекрасно и невинно, – но зачем они меня к этому приплетают? Я их не трогаю, а говорят мне, что я должна платить за их речи». – «Позвольте, сударыня! Ведь у вас есть посредник?» – «Как же! 1500 рублей получает!» – «Ну так как же не платить? Ведь он развел вас с крестьянами?» – «Он мне только все спутал и испортил. А мне пришлось все распутывать. Я и распутала и кончила. Он только мужикам речи говорил, зато до сих пор жалованье получает, хоть и речей-то говорить стало некому». – «А мировые учреждения у вас введены?» – «Как же! Мировой судья тоже 1500 рублей получает, все речи говорит и ничего не делает». – «Помилуйте! – вступилась брюнетка. – Вот уж это несправедливо! Они завалены делами». – «Какое завалены! Они их сами сочиняют, лишь бы речь сказать. У меня крестьянин сводил лес и ломал поросль. Я к мировому. Пошлите, говорю, чиновника освидетельствовать убыток». – «Надо, – говорит, – сначала вызвать ответчика и ему речь сказать, когда очередь придет. А когда очередь придет? Может, через 4 месяца. А тут снег выпадет. Что они в лесу увидят? А главное у них на уме: что-де мужичка тревожить? А мужичок тысячами ворочает и вдвое богаче меня». – «Согласитесь, сударыня, что есть разница между новыми судами, в которые доступ открыт всякому, и старыми, в которых всюду было написано: вход воспрещается. Вы можете жаловаться на медленность судьи». – «Помилуйте! Куда я пойду? Чтобы мне речь сказали? Они мне и в Париже надоели». Старушка говорила таким убедительным тоном, что возбудила общую веселость. Приехали к нашей станции. На платформе мы встретились с управляющим опекуном именем Чижовым, тоже возвращавшимся с мирового съезда, на котором по трем искам ему была присуждена довольно значительная сумма. «Позвольте спросить, – обратился к нам Чижов, – чем кончилось наше дело?» – «Как, чем кончилось? Мне сказывали, съезд утвердил все три решения и вас можно поздравить». – «Покорнейше благодарю». – «Да меня-то за что? При ваших делах меня и на съезде не было, а они разбирались с участием прокурора». – «Все-таки ваше решение утвердили». – «Полагаю, что съезд не утвердил бы противоположного решения».

Вернувшись днем раньше против обыкновенного, мы на станции не застали своих лошадей. «Не угодно ли доехать на

352

моей? – спросил Чижов. – Тут недалеко». – «Покорно благодарю, но вы-то как же? » – «Мне надо по делу пробыть здесь часа два, а к тому времени лошадь моя вернется». Работник подал довольно удобные пошевни, и добрая лошадка пустилась рысью по узкой дорожке. «Ты, брат, не очень гони лошадь-то. Ведь ей еще назад, да к вам домой надо». – «Я вас доведу, а на станцию вернусь шагом». – «Ты годовой, что ли?» – «Нет, я недавно нанялся, до Святой». – «В работники?» – «Нет, на конюшню, да вот выехать. За 10 рублей». – «А летом дома будешь жить?» – «Дома. Я ведь заплотский». – «Стало быть, ты у меня в Марьиной работаешь?» – «Как же, работаю. Осенью у вас под ригой на машине молотил». – «Ну, брат, молодец! Чем зиму-то дома сидеть, на одежонку зарабатываешь да хлеба не ешь». – «Как же – вестимо». – «Ты какого двора?» – «Потаповых». – «Это вы у меня под рощей опекунскую землю снимаете?» – «Как же». – «Ну, ребятки, снимать снимайте, дело хорошее, а вот что вы казенный рубеж подпахиваете – это дело дрянное. Я уж говорил вашим молодцам, да все им неимется». – «То-то наш брат глуп-то». – «Однако, по глупости, вы не бросаете недопаханной нанятой земли». – «Как же можно?» – «Так ты скажи своим ребятам, как бы им, по глупости, на все лето в кутузку не попасть. И стыдно, и убыточно будет». – «Вестимо!» Проехав в конец деревни Глебовой, мы увидели высокого крестьянина в новой черной свитке, в рукава сверх полушубка и высокой ямской шапке, слящегося пройти с большой дороги в свою крайнюю избу. Снегу нанесло много, а ноги, видимо, не слушались хозяина. Длинные рукава свитки упрямо сползали через кисть руки и, мотаясь в воздухе, наподобие подстреленных крыльев, помогали равновесию. Пациент явно

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
возвращался от ближайших постоянных дворов, отстоящих саженой на 150 от Глебовой. Взглянул перед собой по дороге, мы увидели целый гордый узел человеческих тел, хитросплетенно собравшихся друг за друга и подвигавшихся нам навстречу. «Что нынче за праздник?» – невольно спросили мы малого. «Денег много – вот и праздник, денег девать некуда», – внушительно заметил малой. Признаемся, мы караулили какой-либо выходки против смиренной лошадки или возницы, но гордые узел, со страшным усилием, свернул с узкой тропы и, когда мы поравнялись с ним, приветствовал наше шествие каким-то ревом лирического предназначения. Неужели вызвать их завтра и всех оштрафовать? С какой целью? Отучить пропивать лишние деньги? Не отучишь. Вредного для других они ничего не сделали. Но могли сделать. На этом основании можно оштрафовать весь род человеческий огульно.

353

IV. Деревня летом – рай

Грибоедов

Хотя земной рай вещь субъективная и относительная, тем не менее смысл грибоедовского полустышия ясен. Автор указывает на созерцательное спокойствие духа, вызываемое материальным довольствием, невозмущаемым безмерными требованиями столичной жизни. Всего необходимого в изобилии. Приходит оно в руки само собою. Наслаждайся природой, чтением, охотой. Если ты работал в городе, отдохни летом в беспечном бездействии, а если в городе ничего не делал, продолжай это занятие более дешевым способом в деревне. Таков был для большинства землевладельцев идеальный деревенский рай. Нечего говорить, что подобное положение неминуемо вело за собой беспомощную скуку и апатию, ставившую себе противоположный идеал городской суеты и гоньбы за всевозможными призраками. Таков был идеал деревенской жизни до освобождения крестьян. Но прилагать его в настоящее время к сельскому быту – значит не иметь о последнем ни малейшего понятия. Если переживаемый нами период может быть вернее всего охарактеризован задачей: делать все из ничего, то в земледельческой деревне, у корня всего государственного дерева, эта задача должна чувствоваться сильнее, чем где-либо. Рук нет, людей нет.

Вот постоянный наш припев. Чтобы правильно судить о положении современного сельского хозяйства, надо навсегда выбросить из головы всякие образы и соображения другого порядка вещей и сказать себе: это коммерческое предприятие, подобно всякому другому, ни более, ни менее. Только с этой, единственно справедливой точки зрения могут быть объяснены и поняты многие явления нашего сельского хозяйства. Усиленная конкуренция всюду приводит ко всевозможным выдумкам и уловкам, входящим до рекламы и шарлатанства. Являются папиросы, конфеты, журналы и ноты с сюрпризами. Что это значит? Надо во что бы то ни стало поймать покупателя. То же самое во всевозможных видах происходит в деревне по отношению к рабочему, этой редкостной птице (*rara avis**) нашего времени. Каких сюрпризов и соблазнов для рабочего нет у нанимателя! Картофель, капуста, яровой корм, пастбища, ягоды, женские наряды, земля, водка и деньги вперед – словом, трудно придумать заманчивую вещь для рабочего вещь, которая не была бы уже пущена в ход. Положительных цен на известный сельский труд, даже приблизительно, во многих случаях не существует. Так, на вопрос: что

* редкая птица (лат.).

354

стоит в нашей местности связать десятину ржи? – придется отвечать так: цена эта зависит от вашей расторопности и юркости, от времени, в которое вы нанимаете рабочих, от степени их нужды в деньгах во время заключения условия. Совокупность этих условий до того изменяет цену труда, что ловкий хозяин вяжет свое поле по 60 коп. за десятину, а ищущий в то же время вязальщиков к переспелой ржи рад, что нашел их по 6 руб. с десятины.

Он был рожден для жизни мирной,

Для деревенской тишины, –

говорит Пушкин. Заглянем на минуту в эту тишину. Конец июля. Хлеб давно поспел, но постоянные дожди мешают уборке, ухудшая ее с каждым днем. Хлеб все более ложится и путается. Там или сям ретивый хозяин, вдоволь намучившись наблюдениями за причудами барометра, при первом проблеске солнца послал за 20 верст вызывать крестьян на условленную вязку. Смотришь, вереница телег с бабами, молоком, хлебом и квасом расположилась по загону. К позднему обеду иная семья успела связать две копны полусырой ржи. Сели обедать – дождь полил как из ведра.

Рабочие забились под телеги и просидели там до следующего утра. Небо окончательно заволочло. Люди окончательно перемокли и, решив, что, видно, не разгуляется, запрягают лошадей и отправляются домой. Впрочем, это исключение. Жалоб на рабочих нет. Но мало-мальски опытный судья знает, что <это> затишье перед бурей, которая тем страшнее разразится над его головой, чем продолжительнее будет ненастье. Наконец барометр поднялся, и солнце второй день

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana печет с безоблачного неба. Еще в 3 часу утра табун мимо наших окон пробежал в поле. Семь часов. Надо бы узнать, в каком положении собственные работы. Но об этом и думать нечего. Вот-вот нагрянут. Действительно, по двору раздаются конский топот и в окне мелькает белая лошадь, вслед за ней несется гнедая, за гнедой рыжая. Через минуту на каменном крыльце раздаются отрывистые удары, напоминающие пистолетные выстрелы. Так и есть. Выстрелоподобные звуки производит мешковский безногий хохол на деревяшке. На гнедой приехал хрящевский приказчик, воспитанник Горыгорецкого института, а на рыжей молодцеватый и рыжий бурмистр мещнев-ской экономии. Дверь приотворяется, но безногий хохол останавливается за порогом. «С жалобой?» – «Точно так». – «Войдите в камеру». – «Не приказано входить. Деревяшка у меня гвоздем подбита, так я полы ковыряю». – «Ничего. Войдите. Нельзя через порог разбирать жалобу. Ну что? Степановские не выходят на работу?» – «Точно так. Рожь сыпется, другой день ездю, только пять дворов выехало. Деньги забрали еще до Рож-

355

дства, а теперь никак не вызовешь. Сделайте милость, помогите». – «Вот вам повестка к сельскому старосте, чтобы сейчас выгонял на работу или явился ко мне с тремя выборными на разбирательство. Отдайте повестку, и если тотчас не пойдут на работу, явитесь сюда. Явятся или не явятся ответчики на суд, тотчас разрешу производить уборку на их счет». – «Помилуйте! кого ж мы найдем? Теперь и за 6 рублей никто не пойдет». – «Наймите за 7 рублей». – «А с кого ж нам просить эти деньги?» – «С ответчиков». – «Да что с них взять-то?» – «Ну, батюшко, об этом будет время думать, а теперь надо вылезать из беды. Может, дело и мирно обойдется. Время горячее. Поскорей везите повестку». – «Счастливо оставаться. Мигом сомчу». По двору раздается топот ускакавшего хохла. Хохол прав. С неисправного плательщика-некрестьянина суд возьмет все: землю, строения, рабочий скот и инструменты, словом, что под руку истца попадет. А с крестьянина? Ничего. Продать у него всего сказанного нельзя. Юридически это было бы справедливо, но в действительности оказалось бы полным извращением настоящего порядка вещей, одинаково губительным для всех членов народного хозяйства, начиная с истцов. По закону истец может указать на излишний скот истцу и т. д. Но могут сказать, что все это описано за казенную недоимку. Кто это станет и может проверять в чужом ведомстве? Вот почему судьи, к помощи которых прибегают в критическую минуту, так боятся этого рода дел, ясных с юридической и безвыходных с практической стороны. «Вы тоже с жалобой на степановских?» – «Точно так-с, – отвечает горыгорецкий воспитанник, – сделайте милость, помогите! Я человек семейный. Матвей Матвейч, сами изволите знать, они этого в резон не принимают. Ты, говорят, деньги раздавал. Это твое дело. Ты, говорят, неспособен. Ну, а так сказать, будь я действительно способен, что я тут поделаю? Еду к вам сегодня мимо мешковского поля, глядь, а этот самый степановский Козорезов преспокойно у них на десятине вяжет. А он первой осенью у меня под отработку деньги забрал. Я еще его спрашивал: не нанялся ли ты куда? Заклялся, забожился. Выручи, говорит, родимый! Сам-пять, говорит, выйду. За два дня уболаговорим. Уболаговорим! Ан он и у Мешковых тоже забрал. Отбивать на соседнем загоне рабочего как-то не приходится. А уж вы сделайте милость». – «Послушайте, вы человек грамотный и так часто были здесь на суде, что заявлять невозможные требования вам не приходится. Вы слышали сейчас мой ответ хохлу. Я могу вам дать разрешение нанять сторонних рабочих. Наконец, выдать вам, согласно условию, на ответчика исполнительный лист, что же я могу сделать больше?» – «Помилуйте! Да у меня на этого Козорезова за недопашку ваш исполни-

356

тельный лист другой год лежит; был я с ним и в волости. Все говорили: непогода, хлеб у крестьян не молочен, а теперь уж и хлеб съели, а ваш лист все валяется». – «Да ведь вы, верно, обдумали, чего вы просите?» – «Уж пожалуйста и мне повестку. Намедни в сенокос пожаловали повестку, слава Богу, полегло. Духом собрались». – «Вот вам повестка, и желаю, чтобы с вас было снято подозрение в неспособности». – «Покорно благодарю». Горыгоредкий уходит, бормоча: «Вот беда-то! вот горячка-то!» В таком же роде объяснение с рыжим бурмистром и затем то же самое и то же самое ежедневно, до конца уборки. Крайнее, лихорадочное напряжение рабочих сил представляет в это время не исключительное, а повсеместное явление. Что же сказать о людях, своеювольно не заручившихся рабочими? Их ожидает ни с чем не сообразная плата за уборку окончательно спутавшегося и осыпавшегося хлеба, то есть хозяйство в чистый убыток. Можно ли предполагать, чтобы человек добровольно ставил себя в подобное положение? Пока мы разбираем чужие экономические затруднения, в собственном нашем хозяйстве возникают однородные явления. «Приказчик пришел». – «Что тебе надо?» – «Да вот, не знаю, что с кухаркой делать! Сами изволите знать – по контракту годовая, а вот уж в третий раз уродничает. Не хочу, говорит, жить. Намедни к большой

сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
свекрови отпросилась на два дня, – пробыла неделю: тогда хоть можно было
поденных баб нанимать, а теперь горячая пора и за рубль никто не пойдет.
Завтрак, обед, полдник и ужин да четыре пуда хлеба каждый день. Народ с поля
вернется – только подавай. Как же ее в самую рабочую пору отпустить? Народу не
евши быть невозможно. Прежде все-таки резон принимала, а вот недели с две
толкует: не буду жить, да и все тут. Свекровья, говорит, умерла, в доме никого
не осталось». – «Как же ты мне до сих пор ничего не сказал об этом?» – «Да она
целое лето проуродничала. Что ж мне вас всякий день беспокоить? А теперь не с
коротким пристала – к вам просится». – «Позови ее сюда». – «Она около крыльца». У
крыльца действительно стояла кухарка и за ней крестьянин. «Отпустите меня,
батюшко, домой». – «А тебе что надо?» – спрашиваем мы крестьянина. «За невесткой
пришел. Двор весь обмер. Мать умерла». – «Из волости есть удостоверение?» Мужик
подал формальную бумагу. «Ты что же, матушка, за две недели не объявила?» – «Вот
другую неделю брешу Лаврентьичу, а теперь уж до твоей милости пришла». – «Ты
четыре рубля перебрала?» – «Четыре». – «Доставь деньги и ступай». – «Завтра
утречком предоставим», – говорит мужик. «Тогда и невестку забирай». – «Вы
изволили ее отпустить? – спрашивает приказчик по уходе кухарки. – Как же это
возможно?» – «Ты

357

грамотный, прочти вот эту статью и скажи: можно ли ее не отпустить?» – «Да что
статья? Статья нам завтра народа не накормит». – «Это наша забота, а как
представит четыре рубля, так и отпусти». – «Слушаю-с», – отвечает уходящий
приказчик, подымая руки, наподобие мокрой курицы, тщетно собирающейся лететь.
«Все это прекрасно, – подумали мы, проходя через двор к конюшне. – Закон
удовлетворен, но в действительности назавтра создается трагикомедия, из которой
выхода можно только ожидать от слепого случая». Не знаем, сколько времени мы
простояли в мучительном раздумье перед конюшней. Из-за угла последней показалась
женская фигура в поношенной ситцевой кофте, в таком же платке на голове и с
грязным узлом в руке.

Первою нашею мыслью было: уж не посылает ли нам сама судьба кухарку? Женщина
прямо шла на нас. «Чтотебенадо?» – «Да вот, сказывали, не здесь ли мировая
судьба живет?» – «Я судья. Что вам угодно?» – «Произношу вашей милости жалобу
об своей обиде». – «Говорите скорее, мне некогда». – «Жила это я у гречихинского
священника в кухарках». – «И теперь, как видно по узелку, отошли?» – «Отошла,
батюшка, и прямо к вашей милости с жалобой». Господи! – подумали мы. – Какую
прекрасную женщину нам Бог посылает. «В чем же дело?» – «Обижена, батюшка,
кругом обижена. Полпуда замашек моих там осталось. Сулили коты и онучи, 1 р. 40
к. деньгами да головной платок. А все по наговору. Дьячковская работница. У них
там скот падает. Все она, дьячковская работница, коровы передохли, а я-то свою
все на рубеже держала. Травки где схвачу, – тпружинюшка-матушка! Вот через это
через самое. Как прищучил меня на огороде, так я свету белого не взвидела. Морда
гадка, с рогами и с хвостом. Уж ён меня! – все рогами-то». – «Кто такой он?» –
«Вестимо-ён самый-нечистая сила. Измаял». – «Я вас прошу сказать: кто такой
он?» – «Да все она». – «Кто такая она?» – «Да он самый, рогатый, с хвостом». – «Я
перестану слушать, если вы не будете говорить толком, кто этот рогатый – он?» –
«Да она же, батюшка, она, дьячкова работница. Уж ён меня мучил. Цыборку,
говорят, украла. А я им цыборку на огороде нашла, до половины землей засыпана.
Совестно, видно, стало, вот и разочли». – «О чем же вы просите?» – «Прикажи мне,
сироте, отдать зажитое». – «Вы за сколько в год жили?» – «За шесть рублей». –
«Пройдите в канцелярию, там запишут вашу просьбу и вызовут священника. А ты,
матушка, чем теперь места-то искать, становись ко мне в кухарки, благо моя
отходит». – «С великим удовольствием», – и новая кухарка отправилась к
должности. По сведению взаимных счетов священник был принужден к уплате кухарке
10 ко-

358

пеек, но так медленно и трудно лез за кошельком, что мы сочли более удобным, с
разрешения ответчика, самим удовлетворить истицу. «Покорнейше вас благодарю», –
с низким поклоном отвечал уходящий ответчик.

Кстати заметим, что кухарка у нашего предместника по хозяйству получала, по ее
словам, обужу, одежду и 3 руб. в год; следовательно, не дороже 9 рублей. У нас
она стала получать 12 рублей, а в настоящее время женщина, исполняющая эту
должность, получает 2 рубля в месяц. В такой же мере возросла и наемная цена
работника.

Говоря о сельских хозяевах, поневоле приходится иметь в виду людей недостаточных
или же среднего состояния. Богатые землевладельцы, к сожалению, большею частью
не живут в имениях, а если временно в них и проживают, то не в качестве сельских
хозяев. Что касается до землевладельцев средней руки, то крестьянская реформа
совершенно изменила не только их хозяйственный быт, но и самые приемы общежития.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Прежний владетель 1000 десятин счел бы неприличным встать при гостях из-за обеденного стола для исправления какого-либо недосмотра прислуги, на которые он в крайнем случае только указывает глазами, или, что еще хуже, оставя гостя одного, бежать по поводу каких-либо распоряжений. Дело понятное. Стол окружала даровая, привычная и многочисленная прислуга, а неот- ложимых распоряжений не существовало. Если бы дождик помешал чистить сад, то староста погнал бы людей дрова колоть, падины подбивать и т. д. В настоящее время они, кроме сада, никуда не пойдут, да еще надо с ними уговориться, когда и на каких условиях они снова придут в сад. Тогда никто не приходит за деньгами, а теперь пришел и скорей удовлетворите его, а то не только он не придет, да за ним другой усомнится. Таких вопросов у сельского хозяина ежечасно по несколько. Желаящий во что бы ни стало сохранить decorum* хозяин, чувствуя, что вы любезным визитом его грабите, в душе проклинает и вас, и мнимое приличие. Впрочем, сила вещей и тут взяла свое. Большинство деревенских хозяев уже перестало стыдиться своего ремесла, и «извините, Бога ради, я сейчас вернусь» стало ходячею монетой, которая и выдается и принимается ежечасно, без малейшего смущения. Положение сельского хозяина наряду с другими производителями исключительное. Только он один, в отношении к рабочим силам, идет по непрестанно проваливающейся дороге, только он один поставлен лицом к лицу к несостоятельному ответчику, * внешнее приличие, благопристойность (франц.).

359

который в случае своей недобросовестности может причинить нанимателю неисчислимый убыток. Зажиточный крестьянин в работники нейдет – идет неисправный. В настоящую минуту перед нами просьба о взыскании с не явившегося на работу крестьянина 12 рублей задатку и по 50 копеек в день неустойки, итого 27 рублей. Можно ли требовать, чтобы наниматель не жаловался на нарушение условия? Все рабочие разбегутся. А есть ли надежда на получение 27 рублей? Полагаем, что нет, или из 10 вероятностей только 2 в пользу получения денег, а 8 не в пользу. Заметьте, что строгое требование через суд исполнения условий открывает перспективу остаться без желающих поступить в работники. Таково ли отношение хозяина к хлебному рынку? В начале минувшего декабря нами изготовлено было в продажу 500 четвертей овса и продано с доставкой к 15 января. Следовало продать 600 четвертей, то есть обмолотить еще 100 копен овса в течение 1 и месяцев. В нашем хозяйстве рабочие были наняты, деньги давно уплачены, и без особого напряжения должно обмолачиваться от 40 до 50 копен овса в зимний день. Таким образом, рассчитывать на двухдневную работу из 45 дней не значило брать на себя неисполнимое. Тем не менее мы ограничились продажей 500 четвертей, и, как оказалось, пессимизм выручил нас из беды. С начала декабря стояли оттепели, затем поднялись метели и праздники, затем сборы в волости по случаю рекрутства, снова метели и наконец ясная погода. Во вторник на всеедной раскрыли скирду в 150 копен. Помолотили день – погода ясная, но мороз дошел до 30 градусов, и бабы нейдут молотить. Как же быть? «Помилуйте. Тут всей работы на два дня осталось». – «Да ведь я это с ноября слышу». И раскрытая скирда прстоит за Масленую, перебьется со снегом, то есть изгадится. Увлекись мы теорией вероятностей, так, пожалуй, и заплатили бы за недоставку 100 четвертей могущий произойти для покупателя убыток. Не приводя новых образчиков ежечасных треволнений, в которых осужден жить сельский хозяин, признаем несомненный факт, что рай праздной лени, поэтической обломовщины менее всего осуществим в деревенской тишине, если живешь в ней не гостем, а деятелем.

Говоря о земледелии, мы не имеем в виду отдельных лиц или сословий, а рассматриваем только этот основной, чтобы не сказать единственный, источник нашего народного благосостояния. При этом сам собою возникает вопрос: какие пути проложила или хотя наметила эта промышленность в продолжение последних 10 лет? Таких путей или способов производства мы знаем четыре.

1. Обработка всего или, по крайней мере, ближайшего поля наемными работниками.

360

2. Наемка крестьянских обществ от десятины.

3. Отдача крестьянам полей исполу – и наконец

4. Сдача крестьянам земли в аренду.

Первый способ самый дорогой, хлопотливый и требующий значительного оборотного капитала, зато, как ближе подходящий к ферменному хозяйству, заключающий в себе задатки всяческого развития. Только при нем вы полный хозяин севооборотов, качества пашни, приемов уборки, количества скота и удобрения. Только при нем возможно применение усовершенствованных орудий. Только при нем земледелие имеет будущность.

Второй способ, удерживая главные преимущества первого, как, например, возможность скотоводства и удобрения полей, и требуя меньшей затраты капитала, влечет за собою дурное и несвоевременное исполнение работ, а иногда и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
совершенное неисполнение договоров.

Третий способ, уносящий половину зерна, корму и топлива из хозяйства, влечет за собою уменьшение в хозяйстве наполовину прежней его производительности. Что касается до четвертого способа, то хотя он и носит громкое название арендаторства, но в сущности представляет высшую степень расхитительного хозяйства, при котором ни скотоводство, ни удобрение полей уже немислимы. При значительности запашек черноземной полосы хозяева по обстоятельствам должны придерживаться одного из четырех способов или держаться нескольких одновременно. Справедливость заставляет признаться, что большинство хозяйств проходит упомянутую лестницу способов, не восходя, а нисходя по ней. В нынешнем году, например, земледельческих работников окончательно нет. Спрашивается, куда они девались? или лучше сказать: где причина такой наклонности земледельческой промышленности к упадку? Главной причиной явления все-таки возрастающий недостаток рук. Вспомните, сколько новых отраслей промышленности возникло в последние 10 лет. Укажем только на железные дороги, черпающие весь громадный контингент из той же земледельческой среды. Кроме того, вера в собственные силы увлекает к более самостоятельному труду, чем труд простого работника. Правда, подобный расчет часто оказывается ошибочным. Но ошибаться свойственно человеку. Говоря о причинах наклонности нашего земледелия к расхитительному хозяйству, вытекающих из неотвратимых явлений современной жизни, не можем пройти молчалием таких, которые сопровождаются полным сознанием. Мы говорим о явлении, получившем название абсентизма. Нам могут сказать нашими же словами, что абсентизм

361

такой же вентилятор свободного человека, как и всякий другой и, наверно, менее предосудительный, чем пьянство. С этим мы вполне согласны. С точки зрения сельского хозяйства мы вполне помирились бы с громадными расходами абсентизма, если бы этот вентилятор был обращен вовнутрь страны, то есть хотя в окончательном проявлении перестал быть абсентизмом. Представьте себе, что все миллионы, широким потоком безвозвратно текущие за границу, изливались бы вовнутрь страны, и вы поймете, насколько оживились бы все отрасли промышленности. Хотя абсентизм, как всякая мода, спускаясь в низшие круги, принимает уродливый вид, тем не менее он составляет как бы привилегию самых крупных собственников. Указывая на этот громадный вентилятор, ежеминутно выветривающий огромные капиталы за границу, в ущерб нашему народному хозяйству, не можем согласиться с людьми, утверждающими, что для страны все равно, проживаются ли богатыми потребителями доходы дома или за границей. Самый неверующий может воочию убедиться из бесчисленных примеров, каким образом чужие капиталы могут поддерживать благосостояние в самой непродуваемой среде. Развалины древнего и дворцы средневекового Рима питают современный. При временном отливе иностранцев Рим переживает экономический кризис. Кроме прямого влияния абсентизма на наши хозяйства есть и косвенное, вредящее земледелию не менее ощутительно и наглядно. Ввиду различных земледельческих обществ и даже земледельческой академии, стоящей правительству значительных издержек, мы вправе заключить о его заботливости по отношению к земледелию. Выступая на такой дорогой путь, правительство очевидно превзошло законные упования, какие земледельческая среда могла возлагать на него. Там, где нет возможности не только удобрить поле, но и вспахать его удовлетворительно, земледельческая академия – по малой мере, блестящее украшение, коринфская колоннада, за которой скрывается холодная станционная изба с разбитыми лошадьми и повозками. Ни в каком коммерческом предприятии, а тем более в земледелии, способы производства не в состоянии заменить хозяина. Вся задача в хозяине, и его личный интерес лучше всякой академии заставит его обратиться к наилучшему по обстоятельствам способу производства. Доставьте хозяину возможность быть хозяином, и вы окажете делу неизмеримо более пользы, чем могут оказать академии, кафедры, выставки, призы и медали. В этом смысле новые законы о найме рабочих, о порубках и поощрениях принесли земледелию гораздо больше пользы вышеупомянутых средств поощрения. Итак, в земледелии главным и незаменимым двигателем явля-

362

ется хозяин, а в абсентизме он-то и отсутствует, его-то и нет. Здесь нельзя не заметить странного и как бы противоречивого явления, присущего сельскому абсентизму. Крупный, наследственный землевладелец у нас более всякого другого производителя необходим при своем хозяйстве. Между тем он же единственный хозяин, отсутствие которого не приводит его к неизбежному разорению. Вы купили на 20 тысяч земли с целью получения на этот капитал 10 процентов. К концу года ваш хутор не выручил 2 тысяч оборотного капитала, а такое явление далеко не невозможно. Чтобы вести хозяйство в будущем году, вы заняли недостающую тысячу. Продолжая хозяйство с подобным же результатом, вы по истечении 10 лет с причислением процентов займа неизбежно дойдете до нуля. Тогда как хозяин большой

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
поземельной собственности, остановившись на самом непроизводительном способе хозяйства, не требующем оборотного капитала, может сказать: «Да, я получаю 5 рублей с десятины, а теперь получаю 1 рубль, но у меня 10 000 десятин, а в Дрездене жизнь дешева и я обхожусь». Посмотрим, в какой мере поощрительно действует соседство подобных крупных имений на окружающие их мелкие хозяйства, представляющие большинство. Приводим нам лично известные примеры. Имение отсутствующего владельца заведует управляющий. Сказано высылать за границу 10 тысяч. В продолжение двух лет управляющий высылает по пяти – и за то спасибо. Зато в имении последний лес порублен, изгажен и безобразно растаскан мужиками. Хлеб молотится пополам со снегом, следовательно, гуменный корм к весенним оттепелям сгнил и скотина попадала. Наконец, выведенный из терпенья владелец является требовать отчета. Оказывается, что имение за 2 года дало 20 тысяч дохода, на извлечение которого за это же время израсходовано 22 тысячи, а весь недочет покрыт из капитала имения. Результат не блестящий, но, чтобы исправить дело, надо самому за него приняться. А как за границу ехать необходимо, то владелец уезжает, и дело продолжается на прежнем основании. Другой пример. В многолюдном селе, в кругу средних землевладельцев, огромным имением отсутствующего управляет приказчик. «Матвей Матвейч! – спрашиваем мы одного из тамошних владельцев. – Вы так нуждаетесь в работниках, а между тем у вас под руками село в несколько тысяч душ?» – «У нас, – отвечает Матвей Матвейч, – и думать нечего нанять работника. Башняковский приказчик всю землю раздает исполу. Земля отличная. Старые навозники. Это бы еще не беда. Мало ли кто раздает исполу. Но тут маленькое обстоятельство, вследствие которого все добиваются взять землю именно там, а не у другого. Нынешней осенью прибегает ко мне кре-

363

стьянин. “Одолжите, – говорит, – месяца на два рубликов двести”. – “На что тебе?” – “Да, признаться, – говорит, – мы у башняковского исполники. Так на сторону-то он опасается продавать копны с поля. Сторонним в примету будет. А мы и так с ихнего поля домой хлеб возим. Где ж стороннему за мной усчитать, сколько я поднял? Так он нашему брату по рублю копну ржи продает. Сами изволите знать, лестно за эту цену получить копну, когда она для нас три рубли стоит”. Разумеется, – заключил Матвей Матвейч, – я мужика прогнал, тем не менее у многих крестьян по сю пору стоят скирды копен по 200 из башняковской купленной ржи. Кто ж после этого к вам пойдет в работники из вашего села?» Кстати. Слыхивали ли вы об обработке экономической земли из четвертой копны с тем, что три копны поступают в пользу крестьян и только четвертая в пользу экономии? Между тем в большой экономии под ведомством управляющего нам довелось видеть подобную диковинку. То ли еще бывает! В той же экономии ежегодно накашивается громадное количество сена, из которого оставшаяся к новой уборке без употребления половина сжигается. Спрашивается, зачем накашивать то, чего девать некуда? Ввиду того, что к 15 ноября (к заговеиам), то есть ко времени расчета прежних и найма новых рабочих, цены на рожь бывают низки, а на пшеницу высоки, вы, с большими усилиями пригостив пшеничное поле, собрали 100 четвертей отличной пшеницы. Вы заранее торжествуете. На ближайшем небольшом хлебном рынке вам с удовольствием дадут по 8 р. за четверть. Но не успели вы еще показать образчика, как из-за границы пришла телеграмма в абсентическое большое имение: «Денег, во что бы ни стало*. В имении с прошлогодней непроданной пшеницей набралось 2000 четвертей. Вы просите с единственного денежного торговца по 9 рублей, а он отвечает: «Мы эва какую партию купили по шести, а на вашу надо по четвертачку скинуть». Но довольно примеров. Какой же на практике очевиднейший результат абсентизма? И здесь он может быть определен a priori. Человеку, получавшему 2% с имения, несомненно, выгодно продать его, капитализируя из 5%, а покупающему из 5%, выгодно извлекать из него 6% или 7%. Ежедневный опыт показывает, что на этих основаниях земли крупных владельцев переходят в руки всякого рода мелких промышленников, в том числе и крестьян. Прекрасно, скажете вы, капитал из неумелых рук переходит в умелые. Новый хозяин, заплативший сравнительно высокую цену, не может, не разоряясь, довольствоваться прежнею доходностью имения. С экономической точки зрения возражать на это нечего.

364

Франция не умела хозяйничать, а Пруссия умела, и результат у всех на глазах. Деньги к деньгам. Не все ли равно, стоит ли X или Y во главе предприятия? Но в сущности выходит не все равно. Во-первых, говоря вообще, земли, при подобной перемене хозяина, нисходят на низшую степень способов хозяйства. Высший способ, требующий большой и разносторонней сообразительности, предполагает известную степень умственного и нравственного развития, которой нельзя ожидать в упомянутых промышленниках. Если крестьяне иногда с пользой перенимают рациональные приемы больших хозяйств, то это не более как перенимание, а инициатива все-таки на стороне людей более развитых. Правда, в печати иногда

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana появляются баснословные рассказы о чудесах крестьянского хозяйства, но в сельском хозяйстве такие вести возбуждают только веселость. Так, в № 3 «Современной летописи» от 18 января 1871 года г. Дубенский, говоря о крестьянском и господском хозяйстве в Опольщине Владимирской губернии, рассказывает о крестьянских молотилках следующее: «Молотилкам этим недостает махового колеса, а часто веялки. Маховым и в то же время приводным служит одно колесо, которое притом часто делают небольшого поперечника, отчего ход и работа машины тяжела и требует больше силы, хотя работа и чиста. Молотилка при 3-х лошадях и при 2-х или 3-х погонщиках из мальчиков, девочек или стариков и при 6-ти взрослых рабочих, легко вымолачивает в 10 рабочих часов в сутки 6000 снопов крупной вязи, если только снопы заранее подвезены в молотильный сарай. В противном случае требуется еще 3 лошади и 3 рабочих, для подвоза. При 6 лошадях и при 10 взрослых рабочих, подростках или стариках, легко успевают вымолотить и даже сыромолотом выветять, убрать солому и зерно в 12 часов в сутки – 6000 снопов». Если бы это было так, то, несмотря на упрек г. Дубенского крестьянским молотилкам в неуклюжести и тяжести, они на деле превосходили бы все существующие молотильные снаряды. Для сравнения возьмем нашу собственную молотилку, которую и по конструкции и по результатам смело можно назвать очень хорошей. В продолжение 12-часовой работы в сухой сентябрьский день в нее запрягают 3 перемены по 4 лошади заводских маток, каких наверно нет у владимирских крестьян; кроме того, две перемены по 3 лошади подвозят снопы и одна или две лошади ходят на веялке, что составляет 20 лошадей. При этом, считая и погонщиков, заняты молотьбой 30 человек, и, если нет задержки, обмолачивается 60 копен, то есть 3120 снопов. Итак, по словам г. Дубенского, владимирская колотовка, при 1/ рабочей силы, молотит вдвое более хлеба против хорошей, то есть превосходит последнюю в

365

механическом отношении в 6 раз. Воля ваша, тут что-нибудь да не так, и едва ли можно строить теории на подобных данных.

Мы указали на матерьяльные неудобства, возникающие при переходе поземельной собственности из рук высшей интеллигенции в руки низшей. Справедливость требует указать и на нравственные, связанные с этим явлением, так как нравственный элемент в жизни связан с матерьяльными ее условиями. В равноправном гражданском обществе всякого рода монополии и привилегии немыслимы, но подобная равноправность не в силах лишить известного рода имущество присущих ему качеств. Как ни тасуйте землевладения, а ему всегда и везде присуще цивилизующее начало. Фразы: «В нашей местности, округе, участке, губернии этого не слыхать или так не водится», – слышатся повсюду. Но никто не слыхал тех же фраз в приложении к нашему переулку, улице или кварталу. Чувство солидарности настолько же слышится в первом случае, насколько его нельзя ожидать в последнем. Самый заклятый крепостник из развитого общества, на словах, а быть может, и на деле, заявляющий себя исключительно эксплуататором поземельной собственности, носит в душе глубокое убеждение, что помимо коммерческих отношений к окружающей среде на нем лежат нравственные обязанности иного свойства. Сила этого сознания возвела и продолжает возводить Россию на ту степень цивилизации, которой она достигла в течение каких-либо 150 лет. Самая печать, непрерывно обращающаяся к земству с требованиями, конечно, имеет в виду эту интеллигенцию, а не безразличную массу уже потому, что до последней, за ее безграмотностью, не дойдут никакие возгласы. Можно говорить что угодно, но одно незнание или недобросовестность могут отрицать громадные заслуги нашего земства. Земство размеживает, судит, лечит, учит грамоте и т. д. на свой счет, изыскивая, при своей скудости, новые на это средства. Отрицать роль и значение интеллигенции в деле землевладения невозможно. Препятствовать свободному переходу собственности из рук в руки одинаково немыслимо в интересах всех и каждого. Но когда дело идет о желании, можно ли желать, чтобы поземельная собственность переходила к лицам, неспособным удовлетворять нравственным обязанностям, связанным с этого рода имуществом? Негры на плантациях редко жаловались на владельцев, постоянно жалуясь на их приказчи-ков-негров. То же самое повторялось у нас при крепостном праве. Это не случайность, а неизбежная сила вещей. Мы не видали хозяйства крестьянина, купившего в прошлом году 1800 десятин и собравшегося сломать прекрасную господскую усадьбу. Мы готовы верить, что этот крестьянин отличнейший человек,

366

но вполне уверены, что с его полей никто не увезет лишнего снопа и что он не поцеремонится взыскать следующее ему по закону с своего брата-крестьянина. Зато мы ежедневно видим примеры самой беспощадной эксплуатации крестьян лицами низшей интеллигенции. В этом случае отсутствие преданий образованной среды кидается в глаза и самая грамотность таких лиц оказывается орудием эксплуатации.

«Вот крестьянин Сидоров, – говорит судья, обращаясь к пятерым крестьянам-ответчикам, – ищет с вас 32 рубля, взятых в долг в разное время.

Желаете вы формального разбирательства или думаете кончить миром?»
Один из крестьян. Мы и сами не знаем, зачем он нас на суд тягал. Кажется, всегда улагодворен нами. Разве мы от долгу отказываемся? Мы ему и дома – говорили. Сидоров. Говорить – то говорили, да не отдаете. Ты ничего не калякай, а деньги – то отдай. Судья одному и ответчиков: Петров! вы должны 30 рублей? Петров. Должен. Судья. Когда ж вы отдадите? Петров. К Масленой 30, да к Петрову дню 30. Сидоров. Нет, я ждать не могу. Мне самому нужны деньги. Судья. Петров! я вам рассрочиваю уплату на ваши сроки. Сидоров. Нет, я недоволен. Судья. Это ваше дело. Но уплата рассрочена. Петров Сидорову. Ведь 14 рублей получил проценту? Сидоров. Это что? Это годовые за те 30, а за другие 30?

Оказывается, что другие 30 заняты в феврале и им еще и году нет. Ответчики, как видно, далеко не безнадёжные плательщики, но при настоящем положении дела человек иного, чем Сидоров, разбора не пустит капитала в такое рискованное дело. Другой пример.

На суде грязно одетый человек, с руками, не знающими мыла, владеющий до 2000 десятин, частью на свое, частью на чужое имя. Крестьянин другой год ищет с него недоплаченных 100 руб. за раскопку пней и раскировку поля, по письменному условию, в котором неопытный крестьянин обязался раскирковать землю и выбрать корни. В условии сказано не выбирать, а выбрать, чего очевидно невозможно исполнить сразу. В прошлом году разбирательство отложено было за невозможностью освидетельствовать поле, засеянное пшеницей. В настоящее время ответчик-владелец доказал, что были выпажаны два корня, и потому не только отказывался от расчета по заработку, но требовал условленной неустойки в 200 рублей. На предложение мировой ответчик, засунув грязный палец в карманную книжку законов, восклицает: «Помилуйте, это потачка мужикам! Какой же это прогресс? Это наш прогресс убежал у лес». Раскрывая книгу читает: Договоры должны быть изъясняемы по словесно-

367
му их смыслу. Судья. Прошу вас воздерживаться от неприличных выражений.

Ответчик. Извините, господин судья. Мы люди необразованные; учены на липовый грош. Тонко говорить не умеем.

Дело кончается миром. Затем тот же ответчик, являясь в качестве истца, предъявляет штук 20 не исполненных крестьянами договоров. Крестьяне признают неисполнение. Возьмем для примера один. Судья. Мироничев! Вы не выставили двух подвод? Мироничев. Точно. Не выставили. Судья. Здесь сказано, неустойки по 1 рублю с подводы. Мироничев. Точно, батюшка. Судья. Не желаете ли расчесться? Мироничев. Где ж, батюшка! расчесться? Отработаем.

Луч радости загорается в глазах истца. Судья. Не сойдется ли миром? Все крестьяне. Что ж, мы с великим удовольствием. Истец. Господин судья, позвольте нам удалиться для совещания.

Через 14 часа стороны заявляют об окончании дела миром. Мироничев обязуется по зимнему пути выставить 4 подводы под хлеб с неустойкой по рублю за каждую. Все остальные мировые в том же роде. Истец знает наперед, что условие будет исполнено наполовину и представит, таким образом, *perpetuum mobile**

Согласитесь, что редкий владелец из более развитого круга согласится на такого рода обороты, а если бы и согласился, не имел бы такого успеха. Мы с вами не пойдем в кабаки заключать сделки. Мы не знаем в подробности всех домашних обстоятельств данного крестьянского семейства, а эти люди все это знают и всюду пойдут. Виртуозность их на этом поприще поистине изумительна.

Перед судьей 12 человек крестьян.

Судья. Ну что? опять с жалобой на Рыбина? Все разом. Что, батюшко! измучил.

Судья. Не говорите разом. Верно, Артемову опять доверяете говорить? Все.

Доверяем. Чего же не доверить? Судья. Зачем вы, Артемов, ходите ко мне артелью,

коли не слушаете моих советов? Артемов. Что ж нам, батюшко, делать? Разорил.

Судья. Сколько вы раз были у меня из-за прошлогодних 362 рублей. Артемов. Раз,

должно быть, 6 были? Судья. Почему? Артемов. Да все он бегал от повесток в

другой уезд, на другую конторскую карьеру. Судья. Получили вы от меня 362 рубля,

которые я вытребовал от главной конторы? Артемов. Получили. Много довольны.

Судья. Что говорил на суде поверенный от главной конторы, выдавая деньги?

Артемов. Да, знать, говорил, что Рыбин разочтен конторой и она за него больше не

в ответе. Судья. Что я говорил вам тогда? Артемов. Известно что. Судья. Что же

* вечный двигатель (лат.).

368

известно? Артемов. Добру учили. Судья. Говорил я вам, что у Рыбина в городе

никакого дома и имущества нет и что если вы будете запускать за ним расчеты, то

придете опять сюда и получите пустой исполнительный лист? Артемов. Говорили.

Судья. Говорил я, что вы к хорошему хозяину не пойдете, а отыщете такого, с

которым придется плакать? Артемов. Истинная правда. Говорили. Судья. После этого

искали вы у меня зимой с Рыбина 175 рублей? Артемов. Искали и исполнительный

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana лист получили. Он вот он. Судья. А еще что я сделал по этому листу? Артемов. Застанови- ли в карьере рыбинский камень. Судья. Но много ли, по вашему, было камня? Артемов. Рублей на 150, знать, было. Судья. Куда же он девался? Артемов. Объегорил, то есть во как объегорил. Судья. То есть вы же сами на своих подводах свезли Рыбину камень в Орел. Он получил деньги, а от вас ушел, и вы вернулись с пустыми руками? Артемов. Знатно объегорил. С тем, что говорит, собственно для вас делаю. Хочу по-божьему рассчитаться. Здесь, говорит, с укциону за него и половины, что я вам должен, не дадут, а там, говорит, прямо в конторе получайте у подрядчика. Свалили мы на чей-то двор, а пришли в контору, нас в шею. Вот и исполнительный лист. Судья. Теперь кроме этих 175 вы еще наработали у того же Рыбина в карьере на 140 рублей, так или нет? Артемов. Так точно. Судья. Есть в карьере неподнятый камень? Артемов. Какой там камень, с полсаженки плитняку, может, наберется. Судья. А где сам Рыбин? Артемов. А кто ж его знает? Вот уже недели с две завертелся куда-то. Так мы к вашей милости. Судья. Узнайте, где Рыбин, тогда приходите, а теперь не приму вашей просьбы. Артемов. Где ж нам его искать? Судья. Это не мое дело, вам в просьбе отказано. Ступайте. Все. Где ж нам теперь, Господи, суда искать? (Уходят.)

За время нашей судейской деятельности дел до 500 с подобным характером перешли через наши руки. По всей линии Орловско-Елецкой дороги между ст. Золоторевой и Архангельской взысканы в пользу крестьян по суду десятки тысяч с разных второстепенных и мелких подрядчиков по производившимся работам, и по сей день много исполнительных листов лежат без действия, частью по несостоятельности подрядчиков, а частью потому, что они сумели на полученные из главной конторы деньги закупить недвижимости на чужое имя. Так, один из них, должный золоторевскому обществу более 2000 р., купил, как мы слышали, 400 десятин земли. Между тем жалоб на неуплату землевладельцами задельной платы рабочим почти нет, и не было случая, чтобы правильная жалоба рабочего в этом смысле осталась без удовлетворения.

369

Причины такого явления объясняются всеми условиями подобных исков. Землевладелец, не рассчитывающий рабочего, рискует остаться без рабочих, которых нанимает постоянно в известном околотке. Иск обращается к недвижимости, которая никуда скрыться не может. Такие дела разбираются в короткий срок, и за неисправность определено законом огромное взыскание с неправого ответчика. Сказанного достаточно, чтобы судить о степени важности земледелия в кругу других деятельностей. Степень эта так высока, что составляет единственную существенную, тогда как все другие по отношению к ней являются второстепенными и вспомогательными. После потребности дышать, удовлетворяемой помимо воли организма, первая потребность – >сть, то есть жить, как показывает самое тождество этих понятий и выражающего их глагола в древних и новых языках: 4сть и есть.

Земледелие, в сущности, не какая-либо потребность жизни, оно сама жизнь. Из этого неоспоримого положения вытекают два следствия. 1-е. В земледельческом государстве поощрять земледелия нельзя, как нельзя поощрять жизнь. 2-е. В таком государстве ни один специальный деятель, если он искренно желает успеха даже своей специальности, не должен ступить шагу, не оглянувшись на земледелие и не сообразив, не может ли это вредно подействовать на последнее. Крестьянская реформа, железные дороги и новое судопроизводство до того изменили коренные условия нашего земледелия, что его без преувеличения можно назвать делом новым. За последние 10 лет оно кидается по всем направлениям, отыскивая новых путей, и не только не отыскало их окончательно, как по отношению производства, так и по отношению к сбыту, но едва ли еще настало время определить эти пути в будущем. Еще далеко ему до того квиетизма рутины, в котором оно покоится на Западе и которым так любовались наши поэты до крестьянской реформы. У нас, где большинство нив находится в руках, сравнительно с крестьянами, крупных владельцев, последним, теперь или никогда, время взглянуть на это дело со всей серьезностью, какого оно ожидает.

Пора понять ту простую истину, что у нас арендаторов, приказчиков и старост не только нет, но надолго и быть не может. Все эти люди у нас могут только быть посредствующими орудиями хозяина и могли быть самостоятельными деятелями только в области рутины. Но туда, где первым деятелем является нравственная личность, где любовная, справедливая и цивилизующая деятельность неминуемо должна ложиться краеугольным камнем всего дела, посылать вместо себя другого – немыслимо. Отсутствующий владелец еще может, с грехом пополам, держать

370

себя так, чтобы пензенские его арендаторы или приказчики его любили, но послать туда такого приказчика, который вызвал бы любовь окрестного населения к отсутствующему неаполитанцу, мудрено. В этом случае личный интерес первого

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana крупного зем- левладельца-крестьянина или мещанина выставит его непобедимым конкурентом, хотя и в ущерб общему делу. Там, где дело идет об цивилизирующем призывании землевладельческой среды, из которой исходит суд и главные земские деятели, нельзя вместо себя посылать другого. Тут надо или добросовестно отказаться от дела, или, запасшись основательным общечеловеческим образованием, какое дают одни университеты, поступить на добросовестное служение. В этом случае высшее университетское образование далеко не прихоть, не роскошь, какими оно было до реформы, а насущная потребность, которой обойти нельзя, если у страны есть будущность. Не служебная карьера с ее чинами, а самое дело этого требует, и нельзя достаточно благодарить настоящее Министерство народного просвещения за его серьезный взгляд на высшее образование. Можно положительно сказать, что терпимое прежде: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», к которому, и то с грехом пополам, могут быть приравнены какие-то мнимо-реальные гимназии, отныне не может быть терпимо в качестве условий для публичной деятельности. Ремесленники могут учиться чему-нибудь и как-нибудь, но люди, призванные вести народ по всевозможным путям преуспевания, обязаны пройти школы высшего образования. Если современные землевладельцы этого не поймут и, увлекаясь мыслью, что вовеки веков можно отсидеться в местном кругу личных вкусов и удовольствий, то таким неверным расчетом они не изменят сущности дела, а только на неопределенное время задержат неизбежный ход его. Крестьянин, купивший 2000 десятин на берегу Оки, сначала хотел сломать прекрасный господский дом и уничтожить усадьбу, а теперь просит за нее 30 тысяч и говорит, что продать ее – значит изгадить все имение. Если он сам, ходящий летом в бараньей шапке, в один год понял, в чем дело, и держит для сына рысаков, при наезднике в 25 руб. в месяц, то поверьте, что внук его силою вещей будет приведен на лекции Пиндара и философии. Не напоминает ли вам, читатель, этот крестьянин с сыном другого, выведенного Аристофаном в «Облаках»?

И там рысаки и новая обстановка жизни вынуждают отца отдать сына в школу Сократа. Ничего нет нового под солнцем, и сила одинаковых обстоятельств приводит к одинаковым результатам.

Единственно в интересах земледелия решаемся сказать несколько слов об одном из важнейших вопросов, стоящих теперь

371

на очереди. Мы говорим об общей военной повинности. Эта мера может как прямой источник народного образования оказать стране неисчислимыя благодеяния. Она ослабит то безнравственное чувство отвращения к делу государственной обороны, которое заявляло себя в народе такими действиями, как, например, членовредительство. Но всех этих благ можно только ожидать при одном условии. Сроки службы должны быть уменьшены до последней крайности, но зато в течение этого срока человек должен быть непрерывно на службе. Если трудно однажды в жизни оторваться от насиженной среды, то подвергаться таким хозяйственным кризисам по несколько раз – слишком тяжело.

V. Матвей Матвейч

Можно ли во всех отношениях лучше удовлетворить предсказаниям, чем исполнил это 1870 год, ныне канувший в вечность. Всю осень дождь лил как из ведра. Хлебная уборка производилась урывками и с необыкновенным напряжением, а молотба с половины сентября должна была остановиться до морозов. Около половины ноября, в ненастную погоду, по невылазной грязи, нам с письмоводителем пришлось ехать верст за 30 на разбирательство щекотливого дела, требовавшего осмотра на месте. Хотя мы стороною знали, что все дело было *salto mortale** промахнувшегося подрядчика и гражданский иск основывался на неопределенном выражении контракта, а уголовное обвинение оказывалось чистой клеветой, но как клевета относилась к женщине, пользующейся всеобщим заслуженным уважением, то задача состояла не в одном оправдании обвиняемой, а в неременном, безусловном окончании дела мировую. Порядочная женщина не может равнодушно относиться к тасканию ее имени по публичным заседаниям хотя бы вследствие явной клеветы, и суд не должен упускать из виду этой стороны дела. Разбирательство было назначено в доме обвиняемой. Ночевать там было негде, а произвести осмотр и обмер в поле, спросить до 30 свидетелей и разобрать сложное дело, проехав по невылазной грязи 60 верст, все это в один день тоже невозможно. К этим соображениям присоединилась боязнь за женское суждение, отличающееся, как бы это покороче сказать, – излишней субъективностью. Размышляя о способах избежать двойного неудобства, мы остановились на мысли ночевать на полупути у Матвея Матвейча и просить его принять на себя защиту знакомой ему особы. Матвея Матвейча Хрящева я знал еще лихим гвардейским

* смертельный прыжок (ит.).

372

корнетом, владельцем славного в свое время орловского жеребца Ашонка. В

настоящее время Матвею Матвейчу лет под 40. Он давно в отставке, отец семейства и ревностно принялся за устройство наследственного имения. Хорошо владея новыми языками, особенно немецким, он много и с толком читает, но охотно говорит только о практических сторонах жизни. Подвижной, как ртуть, он дома не посидит на месте и постоянно ищет производительного занятия. Он вечно в поле, на гумне, в коровнике, в саду или в кабинете за письменным столом над контрактами, планами, со счетами, ключами или деньгами в руках, а не то на крыльце пред собравшимися рабочими. Даром он не истратит лишней копейки, но там, где предприятие обещает успех, он не задумается пустить в оборот тысячи. Лет уже десять принялся он перестраивать свою старинную усадьбу, каждый год у него стройка, и, надо сказать правду, все строится отлично. Ближайшие соседи Матвея Матвейча говорят: дай Бог ему поскорей отстроиться – он так пристрастился к постройкам, что, когда у него нечего будет строить, он, верно, перестроит наши усадьбы. Еще до открытия в нашей местности железных дорог мы все покупали сажень березовых дров по 8 рублей. Матвей Матвейч по поводу значительного масляного производства запасся большим количеством березовых дров. «Матвей Матвейч, почему берете сажень?» – «По 12 рублей». – «Да ведь это в 1 и 1/2 раза дороже нашего!» – «А по-моему, вдвое дешевле. Я принимаю сажень у себя на дворе, а вы в лесу. Там он вам наберет лицевую сторону сажени, а сзади и не смотри; да кроме того, что ему за дело, что при перевозке у вас раскрадут дрова. А тут он три раза в неделю приедет посмотреть, куда идет его лес. Посмотрите-ка мою кладку. Если вы хоть одно лишнее поленце поместите в мою сажень, я заплачу вам 100 рублей».

Все переняли методу покупки дров у Хрящева. Разумеется, несмотря на свою практическую деятельность, Хрящев при непрестанном отыскании новых путей дела нередко попадал в непроходимые места. Но в таких случаях он упорно молчит об убытках. На словах он постоянный оптимист.

После обеда выехали мы из дому и часов в 7 вечера, впотьмах, добрались до усадьбы Хрящева. У главного подъезда большого дома нас кто-то окликнул. «Тут, верно, нельзя пройти?» – спросили мы сторожа. «Точно так, – стройка». – «Покажи, любезный, где же можно пройти». – «Пожалуйста за мною на тот конец». Тарантас шагом зашлепал к противоположному углу дома. Из погребка мелькнул фонарь и, ползя к нам навстречу под проливным дождем, освещал скользкую полосу по грязи положенных досок. «Ниже свети!» – крикнул фонарю двор-

373

ник, помогавший нам выйти из тарантаса. «Извольте ступать по доскам», – прибавил тот же голос, обращаясь к нам. Держась рукою за месившего грязь дворника и стараясь не соскользнуть с узкой тропы, мы припомнили Блондена на канате. Доски привели нас к дверям подвала. «Сюда, пожалуйста сюда», – сказал фонарь, освещая скользкие каменные ступени. Хватаясь за что попало, мы стали спускаться. Дверь отворилась, и мы очутились в каменном подвале, слабо освещенном ручною лампой. Оглядевшись немного, мы увидели вверху подвала светлое отверстие, к которому вела новая, девственно-чистая лестница. На верхней площадке, в ярком освещении, стоял Матвей Матвейч. «Извините, ради Бога, – торопливо проговорил он нам навстречу. – Хорошо, что вы нас предупредили. У нас такой хаос с этой постройкой. Как вы не сбились с дороги в такую ужасную погоду? В бельэтаже до сих пор нет свободного угла, и потому позвольте вас просить на мезонин, который доведен до степени обитаемости». Пока мы раздевались, Матвей Матвейч уже засуетился по другому поводу. «У вас назначено разбирательство, – сказал он, обращаясь к нам, – но где же вы будете разбирать?» – «Здесь, в этой передней: чем это не камера? Прикажите только поставить стол и стулья, а в портфеле у нас все нужное для разбирательства». – «Этим я сейчас распоряжусь, – сказал Матвей Матвейч. – Если вы обедали, так пойдемте наверх к жене и сейчас подадут самовар». – «Нет, лучше покажите ваши работы в бельэтаже. Отсюда слышно, как там строгают, пилят, рубят, – а потом прямо приступим к разбирательству. Тяжущиеся, верно, собралась. Дел немного и в перспективе самовар и отдых. Так будет гораздо удобнее и приятнее, чем наоборот». – «Пусть будет по-вашему», – отвечал Матвей Матвейч, отворяя дверь во внутренние покои, наполненные рабочими. Мы вступили в царство досок, взгроможденных паркетин, стружек, кирпичу и пыли. Все работы производились в наилучшем виде. Видно было, что хозяин ничего не жалеет и зорко за всем следит. «Кажется, – смеясь заметил Матвей Матвейч, – первым на разбирательстве явится ваш давнишний знакомый, бывший воспитанник Горыгорского института, мой приказчик на отдельном хуторе. Набрался он разных умных слов, но в сущности довольно бестолковый человек. Намедни устраивали на хуторе новый колодезь с насосом. Приезжаю и вижу, что дело не ладится. Спрашиваю, не послать ли за мастером? «Помилуйте, – отвечает горыгорецкий, – зачем же? Это так просто – при давлении на рычаг образуется в трубке цилиндра торичеллиева пустота. Я это сам могу устроить». С тем я и уехал. «Ну что, – спрашиваю я через два дня, – уладил насос?» – «Нет-с. Нижний клапан как-то не ла-

дится». – «Эх, брат, – говорю я, – торичеллиева пустота-то, я вижу, у тебя в голове». Он меня ужасно боится».

Импровизированная камера была готова. Горыгорецкий обвинял крестьянина в угрозе нанести ему удары бывшим в руках рычагом и в произнесении слов: лошади твоей хвост отрезали, так смотри, как бы тебе голову не отрезали. Крестьянин ничего не отрицал, говоря, что был пьян и ничего не помнит. Свидетели подтвердили обвинение. Обвинитель даже обиделся предложением мировой. Услыхав, что крестьянин приговорен к месячному аресту, горыгорецкий пришел в негодование. «Помилуйте, я недоволен!» – восклицал он. «Чем?» – «Как же можно: ну если б он мне голову отрезал? Матвей Матвейч сказал, что он семью бы мою кормить не стал. Говорят: и тебя-то даром кормлю». – «Это сюда не относится. Вы недовольны, подавайте отзыв на съезд. Но едва ли это к чему-либо приведет: присуждена высшая мера взыскания». – «Помилуйте!» Через час разбирательства кончились и тяжущиеся ушли. Явилась баба лет 50. «Что вам угодно?» – «Уйми ты его, батюшка, отец родной!» – «Кого?» – «Мужа моего лиходея. Пропил он меня грешную совсем. Тащит все из дому. В прошлую субботу пошла я в чуланчик, глядь – из моего сундука пробой вырван и холсты повынута. Говорю ему: это ты, разбойник, холсты повытаскал? Я, говорит, а тебе что за дело? – говорит. А у меня, мой батюшко, в одном холсте зашто было 15 рублей. Жизнь свою положила на эти деньги. Недоела, недопила, их припасала на черный день, а он, враг-то, пропил холст и невдомек, что там деньги». – «Куда же он его снес?» – «Да кто ж его знает?» – «Были вы в волости?» – «Была, батюшко! Говорят: отбузуем тебя розгами, коли опять придешь. Все мужнино, и ты сама мужнина». – «Не могу принять вашей жалобы. Это волостное дело». – «Куда ж я теперь пойду?»

В коридоре нас встретил Матвей Матвейч. «Мой рядчик, плотник, хочет обратиться к вам с жалобой. Рабочий из соседнего уезда взял у него 15 рублей задатку, на работу нейдет и все говорит: отдам деньги, а не отдает. Нельзя ли ему помочь?» – «Можно. Он сейчас получит повестки, а завтра вечером разберем».

В мезонине Матвей Матвейч с обычными извинениями указал на предназначенные нам спальни, не нуждавшиеся, по полнейшему комфорту, ни в каких извинениях. Через коридор в большой, еще не штукатуренной комнате любезная хозяйка ожидала нас за самоваром.

Только тот, кто в осеннюю ночь ездил по нашим черноземным проселкам, поймет, как отрадно войти в светлую, теплую комнату к приветливым хозяевам – и наслаждаться контра-

375

стом непосредственно окружающего с тем, что происходит за надежными стенами. Не будучи записным архитектором, можно было полюбоваться изяществом плотничьей и столярной работы в комнате. «Ну, батюшка, Матвей Матвейч, честь вам и слава. Такой добросовестной работы нам давно не приходилось видеть, да еще среди степи».

«Ведь хлопотливо! – воскликнул Матвей Матвейч. – Я довольно терпелив, а и мне надоело с нашим народом – это ад».

«Очень рад вашему восклицанию. Оно дает мне повод предложить вопрос, на который жду откровенного ответа. Я знаю, что у вас нынешней весной сожгло грозою конюшни и скотный двор и что все это в отличном виде выстроено вновь. Скажите, возможно ли было все это исполнить в период, следовавший за крестьянской реформой и предшествовавший новому судопроизводству?»

«Вы хотите, чтобы я в вашем лице сказал комплимент новому суду?» – «Вы шутите, а я говорю серьезно». – «А серьезно тут не может быть сравнения. Теперь трудно, а тогда было невозможно. Мировые судьи нам необходимы, как пугалы на огороде, хотя в степи подчас далеко и трудно до них добраться. Признаюсь, самого меня подчас подмывает дать какому-нибудь сельскому деятелю тумака, но как подумаешь, что дело может дойти до суда, – и положишь гнев на милость. В первое время реформы некоторые хозяева так и нанимали с боем, но теперь юридические понятия распространились и такими незаконными вставками не пестрят условий».

«Да, господа! человек вечно недоволен настоящим, но хорошее и худое узнается по сравнению».

«Не хотите ли для сравнения отведать этих кренделей?» – заметила хозяйка.

«На то и суды, чтобы охранять нас», – заметил Матвей Матвейч.

«Бесспорно. Но только общество нередко требует от судей помощи там, где у них руки связаны. Там, где они развязаны, – дела идут гладко. Вспомните потравы. Это были формальные войны с ночными набегами, засадами и кровавыми отступлениями.

Теперь о подобных вещах не слышать. Прошлым летом мещанин подал жалобу на крупного землевладельца, которого стадо зашло на пар истца и, следовательно, не могло причинить большого убытка. По расчету в повестке значилось, что за мнимую потраву следует с землевладельца 40 рублей. Знаете ли, какой был результат?»

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
«Очень хорошо знаю, – отвечал Матвей Матвейч. – Тесть мой, потому что дело идет о нем, прислал со старостой письмо,

376

со вложением 40 рублей в пользу истца. Это так. Эта статья в порядке, но вы сказали, что судьи лишены возможности помогать нам, насколько бы желали. Я не догадываюсь, на что вы намекаете? »

«Тут нечего намекать. Стоит только указать на недостаточность солидарности между судом и исполнителями другого ведомства, например: полицией и волостными старшинами. Мы можем их предавать суду за известную каплю неисправности, и суд, после долгой переписки, присудит известную каплю взыскания, невзирая на то, что эти капли падают проливным дождем и в совокупности портят дело. Этого мало. У вас в руках исполнительный лист. Вы являетесь к исполнителю, и тот прямо вам говорит: “Дай 25 рублей – сейчас взыщу, а без этого не поеду”. Вы идете к судье. “При ком он это говорил?” – Разумеется, глаз на глаз. – “Не угодно ли возбудить формальное дело?” – Клевета на письмо. – “Как вы мне посоветуете поступить? – спрашивают судью. – У меня украли хомуты, выдернув пробой из притолки”. – “К следователю”. – “Взлом”. – “Неподсудно”. – “Но ведь следователь приедет, пожалуй, через полгода, когда все следы воровства исчезнут. Вы бы тут же на месте и скоро разобрали дело. А то пойдут таскать прислугу в свидетели в уезд – и все так и кончится ничем. Не можете ли вы разобрать?” – “Не могу”. – “Ну так я и заявлять не стану полиции”. – “Как вам угодно”. Можно еще указать на неудобство другого рода. Вы едете по степи. Над вами произведено насилие. Вы жалуетесь сторонним лицам, свидетелям происшествия, но по обстоятельствам не можете остановиться и ехать к судье. Обстоятельства со всеми уликами доходят до судьи – и он не может ничего сделать, потому что нет обвинителя. Знаете Чижовскую гору, на старой Курской дороге? »

«Как не знать. Около самой дороги земство отдало песочную карьеру рядчику на Елецкую чугунку – и они там, рядом с дорогой, разрыли страшный овраг».

«Про этот-то овраг я и хочу рассказать. Приказчик подрядчика вместо того, чтобы считать свою работу пришельцем на большой дороге, стал считать проезжих пришельцами и между прочим остановил малороссиянина с воловыми подводами под предлогом, что фуры, проезжая по дороге, преградили путь песчаным подводам. Хохол был явно в своем праве. Он ехал по большой дороге, но приказчик требовал с него штраф за минутную приостановку возки, а когда хохол на это не согласился, отнял у него свитку и ушел в карьеру. Если б хохол был на лошадях, то, оставя обоз на постоялом дворе, поехал бы к судье за 24 версты, но на воле ехать некуда. Поплакал, поплакал, да и пошел

377

с обозом далее. Все это происшествие было мне известно, но что я мог сделать без обвинителя? В сущности, тут до грабежа один шаг – но не грабеж, а самоуправство. Что касается, – заметил Матвей Матвейч, – до разрозненности судебной власти с исполнительной, то для нашего брата, степняка, это обстоятельство является источником бесчисленных затруднений. Но не надо упускать из виду, что эти затруднения лежат не в законодательстве, а в нашей земской бедности. В городах этих затруднений нет. Закон прямо указывает на вполне зависящего от судебной власти исполнителя, судебного пристава, а мы, по бедности, содержим одного такого пристава при мировом съезде, возлагая его обязанности по уезду на становых за небольшую приплату к их казенному содержанию и на волостных старшин без всякого вознаграждения. Что ж удивительного, что всякое решение, вошедшее в законную силу, попадая в совершенно чуждую сферу полиции, а тем более волостного правления, подвергается, смотря по обстоятельствам, новому процессу осуществления? Сделайте так, как говорит закон. Поставьте всюду ваших судебных приставов, и весь этот ералаш прекратится».

«Вы правы, Матвей Матвейч. Указанное вами средство вполне законно и радикально. Жаль только, что оно связано с двойным неудобством – новыми, значительными расходами для земства и в большинстве случаев несообразным с ценою иска обременением крестьян. Судебный пристав едет взыскивать с крестьянина рубль и по тому самому вынужден взыскать с него до четырех рублей вознаграждения в свою пользу. Итого вместо рубля пять. А волостной старшина взыскивает на месте без всякого вознаграждения. Поэтому предоставить мировому суду право наложения на исполнителей штрафа, хотя бы в размерах пяти рублей, едва ли не практичнее. Тем более, что подчинение волостных судов мировым судьям в апелляционном порядке – одна из насущнейших потребностей. Вы знаете, что мировым судьям отбою нет от просителей, недовольных решениями волостных судов. Называя этот суд лапотным судом, они прямо говорят: “Вчера сам же он меня ограбил, а сегодня пьяный меня судит”. Кроме того, волостные старшины не умеют или не хотят предать делу суда той серьезности, без которой оно идти не может. Сплошь да рядом ответчики и обвиняемые по несколько раз кряду не являются по вызову суда, а несчастный истец

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana или обвинитель и в полгода не добьется разбирательства. Даже у добросовестных, но безграмотных старшин всем ворочают волостные писаря, нравственный уровень которых, за немногими исключениями, едва ли не самый низкий во всей волости». 378

♦ Со всем этим, – сказал Матвей Матвеич, – нельзя не согласиться. Я согласен, что подсудность незначительных краж со взломом мировым учреждениям избавила бы нас, пустынножителей, от многих затруднений и значительно уменьшила бы самое воровство, но на возбуждение преследования за самоуправство помимо обвинителя я не согласен. Видно, вашему хохлу не довольно тошно пришлось, коли он не поехал жаловаться. Положим, подобные случаи не редкость, но преследование обид, помимо обвинителя, мне кажется, повело бы к большим недоразумениям, как, например: к невозможности окончить дело примирением».

♦ Вы правы, Матвей Матвеич. Такого рода преследование могло бы быть допущено как исключение при несомненных данных. Но зато, с вашей точки зрения на дело, обидчик поступит наиболее благоразумно, лишив обиженного, без членовредительства, способности явиться на суд».

Старинные английские часы пробили 11, и хозяйка ушла на покой. Вскоре письмоводитель последовал ее примеру – и мы с Матвеем Матвеичем остались одни.

♦Вы не хотите спать?» – спросил он меня. ♦Нет. Должно быть, крепкий чай совершенно прогнал мою усталость и я с удовольствием посижу. Хотя вы давеча, Матвей Матвеич, и повернули мои слова о новом суде в шутку, но я, как сельский обыватель, возвращаюсь к этому, для нас интересному вопросу и прибавлю, что, несмотря на прежнее кулачное право, дела с рядчиками при новых порядках даже лучше, чем были при крепостном праве. Вы, может быть, этого не помните, а я очень хорошо помню. Бывало, к помещику хоть не ходи жаловаться на его крестьянина. Это считалось личной обидой. При патриархальных отношениях это, впрочем, понятно. Так же относился эскадронный и ротный командир к жалобе на его солдата, так и до сих пор отец слушает жалобу на сына».

♦Вы говорите – я не застал, – воскликнул Матвей Матвеич. – Давно ли это было? Мало ли я повозился с этим явлением? Вы не застали моего дядю Обручева? »

♦ Нет, не застал, но застал доживающую последние дни его жену Анну Игнатьевну, которая в бездетной старости пристрастилась к дорогим куклам. Помню ее старинный дом, соединенный с церковью липовой аллеей, проходившей через такой же сад».

♦Стало быть, вы, хотя отчасти, знаете обстановку, в которой мой покойный дядя прожил безвыездно лет 20. Предоставив хозяйство крепостному приказчику Михайле Ефремову, дядя сам ни во что не вмешивался. Крестьяне его были народ ловкий, час- тию зажиточный, но по большей части отъявленные мошенни-

379
ки. Принявшись за хозяйство, я как ближайший сосед поневоле вступал с ним в разные отношения и иногда принужден был обращаться к дяде с жалобами. Что это была задача нелегкая, вы поймете, узнав образ жизни моего покойного дяди. Дядя мой, отставной флота капитан 2-го ранга, проведя всю жизнь на корабле, перенес свои привычки в наследственный дом и как бы переменял один корабль на другой. Напившись рано утром чаю с ромом, он отворял дверь из зала в гостиную и начинал прогулку из комнаты в комнату, залажа руки за спину. В 12 часов он неизменно произносил: “Анна Игнатьевна! кажется, адмиральский час пробил!” На это тетка, не отвечая ни слова, подавала ему ключики от буфета. Выпив порцию, дядя безмолвно возвращал ключи и снова пускался гулять из комнаты в комнату до обеда в 2 часа. После обеда тоже прогулка до чаю и затем до ужина. Летом каждое воскресенье дядя надевал синий фрак с желтыми жилеткой и брюками и отправлялся по аллее в церковь. Молился он усердно и только возмущался торопливостью старого подслеповатого дьякона с разбитым голосом. Каждый раз, когда на ектеньях дьякон начинал торопливо бормотать, дядя останавливал его замечаньем: “Ну кто гонит? куда торопится?” А когда, поминая королеву, дьякон, по старой памяти, поминал и ее покойного супруга, дядя снова восклицал: “Не надо супруга, давно умер. Эка память!” Во время пребывания дяди в деревне только однажды кучер попытался вовлечь его в домашние хлопоты, и то неудачно. Кучер пришел доложить, что на каретном сарае, над самой каретой, крыша протекла и что надо ее починить. “А я тебя об этом спрашивал?” – сказал дядя. “Никак нет”. – “Ми- хайло! дай ему 20 линьков, чтобы он не совался не в свое дело”. Карета сгнила, но никто уже не пробовал обращаться к дяде. В первое время моего хозяйства я сунулся было к дяде с жалобой на мужика, но увидел, что неприятность выходит большая, а пользы никакой. С тех пор закаялся».

«Из этих слов, Матвей Матвеич, я должен заключить, что вы не отвергаете мнения насчет облегчения экономической деятельности новыми порядками. Либо произвол, либо закон. Закон, ограждающий мошенника от самоуправства честного человека, но не ограждающий последнего от грабительства мошенника, создал бы новое царство

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana произвола в пользу мошенников».

«Все это прекрасно, – сказал Матвей Матвейч, откидываясь на спинку стула. – Никто, более нас с вами, не способен оценить блага нового жизненного строя; блага цивилизации. Но, воля ваша, нельзя подчас не пожалеть о многом хорошем, первобытном, могучем, ежедневно смываемом набегающей волной этой цивилизации».

380

«Вы, Матвей Матвейч, хотите поднять тему, которую я уже слышал, а именно: что из ржи делают спирт, но из спирта невозможно сделать прежнюю рожь».

«Это именно я и хотел сказать. Цивилизация такая тычинка, с которой привыкшее к ней растение уже никогда расстаться не может. Дикие лошади сами разгребают снег, добывая себе корм, а, попробуйте выпустить на зиму ваш табун. Уцелеет ли хоть одна?»

«Прекрасно, Матвей Матвейч. Не будем спорить против очевидности, но желательно бы видеть образчик той первобытной ржи, которую цивилизация переделывает в спирт».

«Что касается до меня, – сказал Матвей Матвейч, – то при наших ежедневных столкновениях с сельским людом я их вижу на каждом шагу. Вот один из них. Нынешним летом в сенную уборку мне доложили о приходе отставного солдата, снявшего у меня десятину земли под овес. “Что тебе надо, Те- рентыч?” – спросил я солдата. “Пришел попросить, чтобы вы мне простили шесть рублей за овес”. – “Что ты, брат! С ума, что ли, сошел? Ты знаешь, я этого ни для тебя, ни для кого другого не сделаю”. – “А я с тем пришел, что знаю, что вы для меня это сделаете. Потому что это особ статья”. – “Что такое за статья?” – “А вот извольте видеть. Был у меня во рту рак, и мучился я с ним года три. Прошлой осенью невольно пришло, и свезла меня старуха в больницу в город. Там меня дохтора выпользовали и сказали, если опять откроется, более полугода не проживешь. Весной тот самый рак опять за свое взялся, и стало к зиме мне помирать. Так я думаю своей старухе припасти эти шесть рублей и пришел просить ваше высокоблагородие с меня их сложить”. – “Уж не врешь ли ты, брат? Раскрой рот”. Во рту оказалась страшная язва. “Ну хорошо, прощаю тебе шесть рублей”. – “Ваше высокоблагородие, не будет ли у вас работы косьбы? Уж так расстараясь, через великую силу. Надо старухе деньжонок припасти”. Терентыч во все время уборки работал неутомимо, заработал своей старухе еще шесть рублей, а после осенних заговин умер».

На другое утро мы стали собираться в недалний, но по времени года мучительный путь.

«Право, не знаю, – сказал Матвей Матвейч, – зачем вы меня-то тащите?»

«Нет, Матвей Матвейч, не отказывайтесь от доброго дела. Нечего вам толковать, что без вас там, кроме путаницы и новых неудовольствий, ничего не выйдет».

Матвей Матвейч как-то сдержанно улыбнулся и велел себе запрягать тарантас.

Дорогой, несмотря на дневной свет, кучер

381

Матвея Матвейча так заехал в такие глубокие колеи, что правое крыло тарантаса оторвалось. В поле, версты за три за барской усадьбой, у спорной песчаной карьеры мы нашли истца-обвинителя и целую толпу сторонних людей и свидетелей. Под мелким осенним дождем приходилось писать обмер и показания. Обвиняемая заявила, что просит Матвея Матвейча быть ее поверенным. «Позвольте, – обратились мы к обвинителю, – взглянуть на документ, на основании которого вы работаете». – «Что касается документа, то я признаю, что подписала его сама», – сказала ответчица. «Вы доверили мне защиту – позвольте мне ответить». – «Ах! виновата, сделайте милость». В конце документа было сказано: до приступления к работе настоящее условие должно быть засвидетельствовано в волостном правлении, но этого засвидетельствования на условии не оказалось. Окончив громко чтение, мы подумали: неужели Матвей Матвейч упустит из виду это обстоятельство? Тогда придется разбирать дело по существу, то есть провозиться целый день над бессмысленнейшей кляузой. «Позвольте спросить, господин судья, засвидетельствован ли документ?» – спросил Матвей Матвейч.

Обвинитель: «Мы только сейчас слышали полное признание документа ответчицей, и я прошу господина судью записать это признание в протокол». Ответчица: «Я только сказала...»

Матвей Матвейч: «Позвольте вас спросить – доверяете ли вы мне защиту, или угодно вам самой вести ее?» Ответчица: «Ах! извините – я замолчу».

Матвей Матвейч: «Ответчица признала свою подпись на документе, но как главное условие истцом не исполнено, то есть документ не засвидетельствован, то я не могу признать его законным и считаю всю произведенную работу нарушением права чужой собственности».

Обмер признан тяжущимися верным, и все мы, под дождем и по грязи, потянулись к барской усадьбе. После долгих разъяснений дела нам с Матвеем Матвейчем удалось склонить горячащиеся стороны к мысли о мировой сделке. Начались бесконечные комбинации новых условий, и уже стемнело, когда мир был заключен. Надо было все

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
записать, и поднялись новые споры об отдельных выражениях. Словом сказать, вместо того, чтобы попасть к Матвею Матвейчу к третьему часу, как мы надеялись, мы тронулись в обратный путь в 10 часов вечера в непроглядную темноту и под проливным холодным дождем. Кучера Матвея Матвейча, как более знакомого с местностью, мы пустили передом. Но какое знакомство с местностью возможно в абсолютной темноте? Лошади, продрогнув, чуть не несли, и мы постоянно кричали нашему кучеру, чтобы он не пробил оглоблями переднего экипажа. Ни за какие колеса или патентованные оси нель-

382

зя поручиться при такой скачке впотьмах по ямам и выбоинам, и мы каждую минуту могли очутиться на боку, в грязи. «Господи! – воскликнул наш письмоводитель, которого, кажется, порядком толкнул верх тарантаса. – Что бы подумал столичный судья о подобном путешествии? » Наконец, нам показалось, что мы едем под изволок и, следовательно, подъезжаем к усадьбе Матвея Матвейча. Через полчаса вчерашний фонарь проводил нас в подземелье, и оттуда мы вышли на свет Божий, то есть к ожидавшему нас до 12 часов ночи обеду.

Те же причины произвели то же действие. Напившись кофею, мы снова засиделись с Матвеем Матвейчем, и разговор, скользя по известиям с театра войны, перешел на самую интересную для нас тему современного сельского быта.

– Что же, Матвей Матвейч, как же быть с разбирательством плотника? Теперь, верно, уже все спят?

– Виноват! – воскликнул Матвей Матвейч. – Плотник еще давеча просил передать вам, что прекращает иск. Ответчик, получа повестку, уплатил деньги.

– Ну и прекрасно, что повестки так миротворно действуют.

– Да, да, – воскликнул Матвей Матвейч, – дорогой мне пришел на память замечательный образчик старой ржи, и я на досуге хотел вам передать его. Вас не клонит ко сну?

– Нисколько.

– Но ведь это целая повесть?

– Тем лучше.

– Постараюсь рассказать дело, как оно совершилось на моих глазах.

– Я слушаю.

– Филипп Ильин был один из перешедших ко мне, по наследству от тетки Анны Игнатъевны, крестьян. До выхода на выкуп крестьяне, по старому обычаю, приходили к нам на Святой христосоваться и разговляться, и при этом случае Ильин всегда являлся с женой, или, как он говорил, со своей старухой Натальей. Несмотря на принадлежность к распущенному обр- чевскому обществу, Ильин был, как говорится, хороший мужик. Хотя в праздник при поднятии икон он и напивался не хуже другого, но вел дом в порядке, и домовитая Наталья всегда умела его вовремя увести от народа и уложить в укромном месте. Не будучи богатым, Ильин был вполне мужик зажиточный. Лошади у него были хорошие, а к его чалому мерину не раз приценялись барышники, и даже один помещик ладил купить его в корень. Но Филипп ни за что не продавал своего любимца. Ни у кого не было таких коров, телят и домашней птицы, как у Ната-

383

льи. Когда зимой нужно было достать свежих яиц, мы прямо обращались к ней, хотя она неохотно брала за них деньги, под предлогом, что это дело домашнее. Филипп был человек сдержанный и, хотя пользовался уважением общества, никогда не был говоруну на сходке, да и дома работал более молча. Когда я принял их общество, Филиппу было лет 50, а Наталья лет 40. Смолоду Филипп, должно быть, был очень красив, чего нельзя было предполагать о широкоплечей, приземистой и несколько рябоватой Наталье. Детей у них было двое. Красавец сын и дочь Лукерья, напоминавшая мать. Сына они женили на красивой девке Аннушке – из хорошего крестьянского семейства. Страстно любя сына, Наталья с первых дней полюбила красавицу Аннушку, и своя Лушка отошла у ней на второй план. Филипп никогда не высказывал своих чувств и даже покрикивал на домашних, но видно было, что он доволен своей семьей. Но недолго пришлось ему наслаждаться невозмутимым счастьем. Через полгода красавец сын его умер от горячки, оставив Аннушку бездетной вдовою. Удар был ужасный. Потужили, потужили старики и увидали, что жить им приходится ни при ком. Все их добро должно после них пропасть, а как Лушке еще и лет не вышло, то и положили они взять в дом приемыша и отдать за него Аннушку. Выбор стариков пал на бобыля Егорку, жившего то там, то сям в работниках. Широкоплечий, рослый, рыжий и проворный, Егорка показался Филиппу надежным работником и сумел понравиться Наталье, а может быть, и Аннушке. Филипп не ошибся. Егорка оказался ловким работником в поле и около дома. По старому обычаю, молодые после свадьбы явились к нам с курами и полотенцами, и мне с первого разу не понравились прыгающие серые глаза Егорки. Но дело было сделано, и мы поздравили и отблагодарили молодых. На Святой Филипп с Натальей пришли

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana христосоваться. Выпивши стаканчик водки, Филипп стал разговорчивее. «Ну что, Филипп, твой чалый?» – «Слава Богу». – «За зиму-то, говорят, у тебя две лошади пали?» – «Что там пали. Какие наши лошади? Лажу я одну лошадку, вашей милости можно сказать. У шведовского повара заводская кобыла. Шведов-то испугался, больна, говорит. Да за- дармо ее из завода и спустил. Вот она к повару-то и попала. А по- вару-то за нее 150 рублей давали. Просил 200. А теперь, слышно, загулял. Вот от этой матки нашему брату – жеребят-то завести. У меня Егорка всеми этими делами орудует. Золотой малый». Егорка действительно достал превосходную вороную кобылу, о которой мечтал Филипп, и в продолжение лета я не раз любовался ею. В то же время до меня дошли слухи, что Егорка один из ревностных посетителей вновь открывшегося кабака,

384

хотя Филипп и не знает всех его походов. Так прошло лето. В темную осеннюю ночь, когда в рабочей избе у меня еще не ложились, караульщик услышал звяканье железа у двери ржаного амбара. Убедясь, что кто-то старается отворить амбар, караульщик тихо вернулся в избу и пригласил с собою рабочих. Бросившиеся к амбару работники никого не нашли у двери, но побежавшие за амбар схватили бежавшего человека, оказавшегося филипповым Егоркой. В замочной скважине на двери амбара нашли тонкий железный прут, перегнутый в виде ключа. Егорка в тот же вечер был сдан на руки сельскому старосте. Вы знаете, что подобных вещей, особливо в сельском хозяйстве, оставлять нельзя. Тем не менее я попытался окончить дело домашним наказанием и с этой целью велел позвать Филиппа. «Ну вот, Филипп, мы с тобою глаз на глаз. Скажи мне по душе, виноват твой Егорка или нет?» Филипп, стоявший с опущенными глазами, поднял их на меня и с расстановкой проговорил: «Нет, не виноват». – «Теперь я тебя, Филипп, спрошу другое: можно ли это дело оставить так? Во-первых, у меня собирались обокрасть амбар, а во-вторых, все станут говорить, что твой Егорка пойман на воровстве. Стало быть, надо идти до суда». – «Стало быть, до суда», – отвечал Филипп, разводя руками. Я подал объявление. На другой день Крещения сотский явился к Филиппу вызывать его домашних к судебному следователю, к которому уже перед Рождеством был отправлен Егорка. «Кого ж это требуют?» – спросила Наталья. «Да тебя», – отвечал сотский. «Батюшки», – вскрикнула Наталья, всплеснув руками, и повалилась у стола, около которого стояла. Она не вынесла предстоящего ей позора уголовного суда. Хотя совершенно здоровая до тех пор, Наталья скоропостижно умерла на глазах полицейского сотского, тем не менее дело не обошлось без обычных, особливо в крестьянском быту, тяжелых формальностей. Вы помните, – сказал Матвей Матвеич, – что лет пять тому назад в нашем приходе произошла радикальная церковная реформа, наделавшая много шума в околотке. Нет надобности говорить здесь об истории, вследствие которой оба штатных священника были переведены на другие места. Тем не менее собственные дома их оставались в селе за ними и за их семьями, и потому возникло большое затруднение, касательно помещения священника, присланного на время для исполнения должности. Новоприбывший маленький и худенький священник кое-как поместился в каменной церковной сторожке. Понятно, что в качестве исправителя чужих прегрешений он крепко держался формальностей и потому затруднялся хоронить скоропостижно умершую, даже при обстоятельствах, при которых умерла Наталья. Между тем к се-

385

мейным воплям по Наталье присоединился вой Аннушки по Егорке, посаженном судом на полгода в острог. Филипп ходил мрачный, как туча, но никому не жаловался на свое горе. Так прошло 6 недель, и в доме все приготовилось к поминкам Натальи. Аннушка и Лукерья напекли блинов, нажарили картофелю, а Филипп пригласил священника. Отправив службу, маленький священник снял церковные одежды и вместе с двумя причетниками сел за стол, на который Аннушка поставила блины. Будучи по сану старшим лицом, он первый положил перед собою на особо приготовленную тарелку блин и стал его есть. Но, не съевши и половины блина, кашлянул, захрипел и повалился на лавку. Несмотря на общее желание присутствующих спасти очевидно подавившегося священника, все принятые меры остались безуспешны, и через пять минут на лавке, под святыми, лежал труп священника. На этот раз поднялась суета страшная. Причетники, оставшиеся единственными блюстителями церковного обряда, боясь оконечения трупа, одели его в полное облачение, но поднять из избы Филиппа не решились, и самого Филиппа отправили на подводе за становой. Приехавший за 30 верст становой дозволил отнести священника в занимаемую им церковную сторожку, и хотя не нашел достаточных причин для вскрытия, но не разрешил погребения до уведомления о случившемся духовного начальства; а священника, как преждевременно облаченного, приказал разоблачить. Филиппу снова пришлось отвозить станового за 30 верст по великопостным загорам и просовам. Измучив пару лошадей, он запряг свежую, и на этот раз в корень попала его любимица, вороная кобыла. Был ли Филипп отуманен всеми невзгодами и плохо сдерживал рьяную кобылу, или дорога

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
была слишком тяжка, но дело в том, что воронья кобыла у самого крыльца станового
пристава пала, и Филипп дотащился до дому на пристяжной. Когда на Святой
крестьяне пришли к нам христосоваться, Филиппа между ними не было. Спрашиваю
старосту: «Отчего нет Филиппа?» – «Никуда не показывается, – отвечает староста.
– Вот и сегодня, в большой праздник, вышел на гумно, сидит под соломенным
ометом, лицом в поле и плачет. Мы было зазывали его выпить водочки. “Ну вас, –
говорит, – не надо”». Мне, однако, удалось позвать его к себе, угостить и
несколько ободрить, указывая на то, что главе семейства без окончательного
разорения нельзя так от всего отказываться. В самом деле, в крестьянском быту и
нравственно убитый человек не может оставаться праздным. Филипп снова принялся
за хозяйство, а к хлебной уборке вернулся Егорка из острога. В начале овсяной
уборки Аннушка пришла к жене моей просить какого-нибудь лекарства Филиппу,
который тре-

386

тый день не сходит с печки от засорения желудка. Это было во время утреннего
кофея. Набравши всякого рода домашних лекарств, я в полдень отправился сам
навестить Филиппа. Еще за порогом избы я услышал его оханье. «Что это ты,
Филипп, заваялся? – спросил я больного. – Вставай-ка, брат. Я тебе приготовил
отличную десятину овса косить». – «С великою бы радостью, – отвечал больной, –
да, видно, дело не к тому идет». – «Что ты! Вот дадим тебе лекарство, и завтра
ты опять будешь молодцом». Действительно, я не поскупился на касторку и ушел в
полной надежде на хороший исход. Другие занятия отвлекли мои мысли от больного
Филиппа, а на следующее утро мне доложили о приходе старухи, соседки Филиппа.
«Что скажешь, Матрена?» – спросил я старуху. «Да Филипп твоей милости приказал
долго жить». – «Как, умер, когда?» – «Да вчера вечером. Ты знаешь, какое теперь
время, рабочего народушку по избам- то никого. Только старый да малый дома, а то
все в поле. Вот и я, старуха, осталась с ребятишками. Притворила двери в избу и
на задворок и села в сенцах прясть. Вдруг почудилось мне, словно кто-то кличет.
Глянула через порог на улицу и обмерла. Через порог торчит в сенцы челоуечья
голова. “Матрена, а Матрена!” Тут-то уж я по голосу узнала, что это Филипп из
своей избы на руках приполз. “Что ты, Филипп, зачем?” – “Помирать, – говорит, –
хочу. Так пришел тебя попросить: сходи ты к барину, попроси от меня, чтоб он не
оставлял моей Лушки”. Проговорил только всего и опять пополз домой. Хотела я ему
подсобить подняться. “Не надо, – говорит. – Ноги отнялись. Сам доползу”». Вечером
домашние нашли еще Филиппа в живых, но уже без языка, а часам к 12 ночи
он скончался. По окончании хлебной уборки я вспомнил просьбу Филиппа и, позвав
сельского старосту, узнал, что опасения покойного касательно судьбы его дочери
вполне оправдались. Рыжий Егорка, ставший по крестьянскому обычаю полновластным
главою двора, выгонял единственную наследницу из дому, не давая ей ничего в
приданое. Принудить его к выдаче наследства законным путем не было возможности.
Я решился заманить Егорку в западню. Вызвав его к себе в переднюю через
сельского старосту, я приказал последнему, забрав с собою двух сторонних
свидетелей, обождать с ними у меня у двери, в сенях.

«Что ж ты, Егорка, не даешь Лушке никакого приданого?»
«А что ж ей давать? Все мое».
«А холсты-то ее?»
«Холсты Аннушкины».
«Так-таки ничего и не дашь?»
« Ничего не дам ».

387

«Врешь, этому не бывать. Отдай ей половину холстов».
«Помилуйте, за что?»
«А вот за что: ты видишь, дверь на крючке, и я тебя бить буду до тех пор, покуда
ты не согласишься выдать холсты».
«Да как же так? »
«Очень просто. Сейчас за виски – и пошла писать».
«Ну, уж, видно, делать нечего, отдам половину холстов».
«У вас корова и телка. Корову оставь себе, а телку ей».
«Помилуйте, за что?»
«За виски».
« Что делать, так и быть, отдам телку».
«Из шестнадцати овец – ей восемь».
«Помилуйте, это разор!»
«Бить буду».
«Да уж извольте, видно, так и быть».
Таким образом, перечислив все приданое Лукерьи, я громко повторил все, следующее
ей по разделу, и, заставив Егорку выразить свое согласие, приотворил двери и
спросил старосту и свидетелей: слышали ли они, чем Егор награждает Лукерью?

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana «Слышали, батюшка!» Таким образом, при небольшой денежной помощи с моей стороны Лукерья оказалась обеспеченною на счет приданого, а вскорости я узнал, что она идет замуж за односельца, вся семья которого была мне известна с самой дурной стороны. Первым делом моим было позвать Лукерью и всеми мерами постараться расстроить это сватовство. Убеденный в нелепости ее намерения, я указывал ей на безнравственность, на худую славу и на бедность семьи, в которую она шла, предсказывая, что не пройдет году, как и ее имущество будет так же беспутно промотано, а ее ожидает безотрадная жизнь. В продолжение моей речи Лукерья стояла с опущенными глазами и, перебирая руками полу кафтана, не произнесла ни одного слова. Под конец, убежденный в полном успехе, я спросил: что ж, Лукерья, надо отказаться? Уж я тебе сыщу не такого жениха. «Как же можно, – сказала Лукерья, подымая на меня глаза, – я пропита». – «Кто ж тебя пропил?» – «Сам старик». – «Филипп?» – «А то кто ж». Напрасно старался я убедить Лукерью, что слово покойного отца, данное во хмелю, не обязывает ее погубить свою молодую жизнь. Ничто не помогло. Она стояла на своем, что такого сраму, чтобы пропитая девка отказалась от жениха, и не слыхива- но. Я махнул рукой, и Лукерья добровольно вошла в семью, в которую была пропита отцом.

388

КОММЕНТАРИИ

В настоящем издании впервые собраны литературно-публицистические очерки А. А. Фета, написанные им непосредственно во время его путешествия за границу (июнь 1856 – январь 1857) и на протяжении десятилетия его «фермерской» деятельности (1861– 1871). Эти очерки публиковались лишь в периодических изданиях и фактически не были завершены: публикация очерков «Из-за границы» была прекращена по инициативе редакции журнала «Современник»; «деревенские» очерки, имевшие первоначальное авторское заглавие «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство» (произвольно замененное редакцией журнала «Русский вестник» на «Заметки о вольнонаемном труде»), тоже были «урезаны» М. Н. Катковым: две последние серии этих очерков (вероятно, не завершающие всего цикла) Фет был вынужден публиковать во второстепенных журналах. В последнее время краткая подборка (20 из 51 очерка, приведенные в сокращении) была опубликована в «Новом мире» (1992. № 5. С. 113–160; подготовка текста, послесловие и примечания Г. Аслановой).

Полностью цикл был перепечатан в изд.: Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. М.: Новое литературное обозрение, 2001. Текст писем «Из-за границы» воспроизводился только в небольших фрагментах в сб.: А. А. Фет: поэт и мыслитель: К 175-летию со дня рождения А. А. Фета. М.: Наследие, 1999. С. 235–269 (подготовка текста и примечания Г. Д. Аслановой). Полная публикация писем «Из-за границы» предпринимается в настоящем томе впервые.

Все тексты воспроизводятся в настоящем издании в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации и с сохранением некоторых особенностей, характерных для индивидуального стиля автора.

Комментарии к очеркам «Из-за границы» подготовлены И. С. Абрамовской и Н. П. Генераловой при участии Б. П. Дерябиной и В. А. Лукиной. Комментарии к очеркам «Из деревни» составлены В. А. Кошелевым при участии С. В. Смирнова (комментарии к очеркам «Из деревни <1863>») и И. А. Кузьминой. Подбор иллюстраций В. А. Лукиной.

391

Условные сокращения

Белинский – Белинский В. Г. Поли. собр. соч.: в 13 т. М.; Л., 1953– 1959.

Блок. Летопись – Блок Г. II. Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Сб. науч. тр. / Под ред. Г. Е. Голло. Курск, 1994. С. 273–333.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 2-о изд. СПб.; М., 1880–1882 (репринт 1978 г.).

МВ – Фет А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. М., 1890.

Некрасов. Переписка – Переписка Н. А. Некрасова: в 2 т. / Сост. и коммент. В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1987.

ОЗ – журнал «Отечественные записки».

Орл. губ. вед. – газета «Орловские губернские ведомости».

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РВ – журнал «Русский вестник».

РГ – Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Соер. – журнал «Современник».

Толстой. Переписка – Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Изд.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana 2-е, доп. М., 1978.

Тургенев. Письма; Тургенев. Соч. – Тургенев И. С. Поли. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т.; Письма: В 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968; Тургенев (2) – Тургенев И. С. Поли. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т.; Письма: В 18 т. (изд. продолжается). М.; Л., 1982–2003.

Тургеневский сб. – Тургеневский сборник: Материалы к Поли, собр. соч. и писем И. С. Тургенева. Вып. 1–5. Л., 1964, 1966, 1967, 1968, 1969.

И. С. Абрамовская

Очерки Фета и традиция «литературного путешествия»

23 июня 1856 года Фет уволился в 11-месячный отпуск с военной службы и в тот же день на пароходе «Прусский орел», совершавшем рейсы от Кронштадта до Штеттина, отправился в заграничное путешествие. Это была его вторая заграничная поездка: летом 1844 года он посетил родную матери в Дармштадте и вел с ними переговоры о наследстве, доставшемся ей после смерти отца, обер-кригс-комиссара Карла Беккера. Однако на этот раз Фет ехал за границу уже известным литератором. В феврале в Петербурге вышел в свет сборник его стихотворений. В подготовке его большое участие приняли И. С. Тургенев и круг журнала «Современник»,

руководимого Н. А. Некрасов

392

вым. Именно Некрасов, который тоже собирался ехать за границу вслед за Фетом и Тургеневым, обратился к поэту с просьбой написать для журнала ряд очерков. Общественный интерес к такого рода путевым заметкам, или «письмам из-за границы» был в середине 1850-х годов достаточно велик: «заграничные» путевые очерки охотно публиковали в журналах.

«В пятидесятых годах заграничные поездки далеко не были таким легким и будничным делом, в какое они превратились в наши дни, – вспоминал Фет много лет спустя. – Поэтому очевидно дотоле невиданного хотелось о нем рассказать, а не бывалому – послушать про всякие диковинки. Неудивительно, что в 1856 и 1857 годах

“Современника” появились в свое время довольно подробные записки моей поездки в Карлсбад, Париж и Италию» (МВ. Ч. 1. С. 142). Действительно, письма «Из-за границы», рассказывающие о поездке Фета по Германии и Франции, были напечатаны в «Современнике» за 1856 (№ 11) и 1857 (№ 2 и 8) годы. В письме к Некрасову из Карлсбада от 16 (28) июля 1856 года Фет сообщал: «...я строчу от скуки заметки, и о Берлине почти кончил». Судя по всему, существовали также итальянские «письма». В своих мемуарах Фет еще раз упоминает о них: «В книге Гербеля “Русские поэты” упомянуто, что в “Современнике” были напечатаны три статьи мои под заглавием: “Из заграницы. Путевые впечатления” <...> Последняя статья кончается выездом из Марселя, а между тем я очень хорошо помню, с каким увлечением описывал я великолепную ночь на Средиземном море, а затем все впечатления Генуи, Ливорно, Пизы, Чиветта-Векии, Рима и Неаполя. Но, вероятно, все эти путевые впечатления не были напечатаны в “Современнике”, куда были отправлены и где, вероятно, в редакции пропали» (МВ. Ч. 1. С. 169).

Последняя часть очерков была, по-видимому, действительно утеряна. Имеются сведения, что И. И. Панаев решил не печатать их, о чем он сообщал в письме к В. П. Боткину 28 июня 1857 г.: «Да, милый Василий Петрович, пришли такие времена, что самое благоуханное и поэтическое произведение, не соприкасающееся с современной действительностью, с живыми, насущными интересами минуты – пройдет теперь незамеченным...<...> Теперь уже нельзя угощать публику безнаказанно между прочим письмами Фета и я не печатаю их»¹.

Традицию литературных путешествий принято начинать с Н. М. Карамзина. К моменту появления в России «Писем русского путешественника» Карамзина, «с которых по-настоящему следует вести русскую родословную литературных путешествий, на Западе в этом жанре дифференцировались два основных типа: один собственно – стерновский (имеется в виду произведение английского писателя Л. Стерна (1713–1768) «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». – Ред.), где настоящего описания путешествия, в сущности, нет; и другой – типа Дюпати (речь идет о «Письмах об Италии» Ш. Дюпати (1746–1788). – Ред.), представляющий гибридную *

‘Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы 1847–1861 / Вступ. ст. Н. В. Измайлова. М.; Л., 1930. С. 423.

393

форму, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.»².

Карамзин впервые четко определил границу между «научным» и «литературным» путешествиями в предисловии к книге «Письма русского путешественника» (1793): «Пестрота, неровность в слогое есть следствие различных предметов, которые действовали на душу молодого, неопытного русского путешественника: он сказывал друзьям своим, что ему приключалось, что он видел, слышал, чувствовал, думал, –

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana и описывал свои впечатления не на досуге, не в тишине кабинета, а где и как случалось, дорогою, на лоскутках, карандашом. Много неважного, мелочи – соглашась; но если в ричардсоновых, фильдинговых романах без скуки читаем мы, например, что Грандисон всякий день пил два раза чай с любезною мисс Бирон; что Том Джонес спал ровно семь часов в таком-то сельском трактире, то для чего же и путешественнику не простить некоторых бездельных подробностей? Человек в дорожном платье, с посохом в руке, с котомкою за плечами, не обязан говорить с осторожною разборчивостью какого-нибудь придворного, окруженного такими же придворными, или профессора в шанском парике, сидящего на больших, ученых креслах. – А кто в описании путешествий ищет одних статистических и географических сведений, тому, вместо сих “Писем”, советую читать бишингову “Географию”»³.

Как видим, Карамзин учитывает характерные особенности жанра, получившие развитие в предшествующие периоды, но он вносит и новаторские черты. Принципиально новым было отношение Карамзина к Западу в извечном споре «Россия и Запад». «Европа не была ни спасением, ни гибелью России, она не отождествлялась ни с Разумом, ни с Модой, ни с идеалами, ни с развратом, она стала обыкновенной, понятной, своей, а не чужой»⁴.

Путешествие Карамзина опередило свое время, продемонстрировав, казалось, все возможности жанра. Продолжателями Карамзина стали многие русские авторы-сентименталисты, в том числе П. Шаликов, В. Измайлов и др. Следующий этап в развитии жанра – первая треть XIX века, ознаменованная повышенным интересом к географическим открытиям и в связи с этим к путешествиям: «...в России только в 1815–1826 годах было предпринято 15 кругосветных плаваний, 10 экспедиций в Арктику и более 20 путешествий в различные районы земного шара. В крупнейших журналах (“Сын отечества”, “Соревнователь просвещения и благотворения”, “Северный архив” и др.) вводятся специальные разделы “путешествий”»⁵. В этот период разрабатывается

² Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза. Л., 1926. С. 48.

³ Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. Т. 1. Л., 1984. С. 56.

⁴ Лотман Ю. М. «Письма русского путешественника» Карамзина // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 522.

⁵ Гуминский В. Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987.

394

схема маршрутов, путеводитель по достопримечательностям, перечень мест, которые необходимо было посетить русскому культурному человеку, чтобы получить наиболее полное представление о стране пребывания. П. И. Сумароков, к примеру, в «Прогулке за границу» (1821) подробно указывает, в каких гостиницах удобнее всего останавливаться, во сколько обходятся «общие столы», сколько нужно везти с собой денег, чтобы не оказаться в неловком положении и пр. Н. И. Греч пишет о том, что путешественники запасаются его «Путевыми письмами» именно потому, что в них «находятся практические замечания и указания, что эти письма служат для них путеводителем»⁶.

В развитии жанра «литературного путешествия» со временем замечается сближение с эпическими и публицистическими жанрами, что отразилось на позиции автора – героя путешествия и на стиле, постепенно утратившем черты карамзинской эстетической программы, т. е. сентиментальной повествовательной манеры («Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, публицистика В. К. Кюхельбекера, «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина и др.).

К 1840-м годам влияние на путешествие публицистических жанров, в частности, очерка и его разновидности – физиологического очерка, становится преобладающим. Жанр «письма» именно в эти годы пользуется особой популярностью, чем можно объяснить появление целого ряда интересных его образцов: «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (СПб., 1839), «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (СПб., 1843) Н. И. Греча; «Хроника русского» (1827–1845) А. И. Тургенева; «Парижские письма» (1847) П. В. Анненкова; «Письма об Испании» (1847–1849) В. И. Боткина; наконец, письма «Из-за границы» (1856–1857) А. Фета. Живой интерес вызвали опубликованные в «Современнике» за 1847 год «Парижские письма» П. В. Анненкова и «Письма об Испании» В. П. Боткина, вышедшие позднее отдельными изданиями. Их высоко оценили Белинский, Гоголь, Тургенев, Чернышевский. В рецензии последнего на отдельное издание «Писем» Боткина (СПб., 1857) содержится замечание о том, что в течение 1836–1846 годов вышло по крайней мере девять «путешествий» по странам Западной Европы. В 1850-е годы они появлялись гораздо реже, так что сравнивать «Письма» Боткина было «решительно не с чем»⁶. Между тем первое письмо Фета к тому времени уже было опубликовано в «Современнике».

Откликаясь на «Парижские письма» П. В. Анненкова, Гоголь писал их автору: «Много наблюдательности и точности, но точности дагерротипной. Не чувствуется кисть, их

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana писавшая; <...> в письмах не видно, зачем написаны письма. В то же время прочел я письма

С. 184.

6 Греч Н.И. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. СПб., 1843.

С. 12.

7 Чернышевский Н.Г. Поли. собр. соч.: в 15 т. Т. 4. М., 1948. С. 223.

395

Боткина. Я их читал с любопытством. В них все интересно, может быть именно оттого, что автор мысленно занялся вопросом разрешить себе самому, что такое нынешний испанский человек, и приступил к этому смиренно, не составивши себе заблаговременно никаких убеждений из журналов, не влюбившись в первый выведенный им вывод...».

Оспаривая это мнение, Боткин писал Анненкову 24–25 августа 1847 года: «...он (Гоголь. – И. А.) хвалит мои “Письма” за то же, за что бранит ваши. Они “бесцельны”, то есть вы должны заранее составить себе взгляд, убеждение и на них натягивать каждое ваше ощущение или суждение! Помилуй вас бог! Такой догматизм убьет весь живой интерес, эту живую, оригинальную индивидуальность, которая для меня так дорога в ваших “Письмах”. <...> А сколько в них ума простодушного, меткого, разгульного, живого! Гоголь так погряз в доктринерстве, что уже не может понять всей прелести “бесцельности”. <...> Чтобы понять артистическое и “бесцельное”, надобно иметь большую свободу в чувствах и мыслях, надобно широко и без предрассудков смотреть на жизнь, наконец, надобно иметь большую терпимость»8.

Характеристику Боткина отчасти можно отнести и к «Письмам из-за границы» Фета: они так же «бесцельны» и «артистичны», много говорят о вкусе автора, его умении «живописать» увиденное. Однако очерки Фета Боткин охарактеризовал очень сдержанно: «...его дорожные впечатления, напечатанные в ноябрьском “Современнике”, местами очень посредственны, а местами прелестны; – поэтическая натура так и вырывается из хлама»9. Отзыв И. С. Тургенева тоже немногословен: «...он написал несколько грациозных стихотворений и подробные путевые записки, где много детского, – но также много умных и дельных слов – и какая-то трогательно-простодушная искренность впечатлений. Он – точно душа, как Вы его называете» (письмо Л. Н. Толстому от 28 ноября 1856 г.) (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 43).

Фет посетил Европу в период, наступивший после революционных событий конца 1840-х годов и поражения России в Крымской войне, отозвавшегося болью во всем русском обществе. Будучи на службе, хотя и не участвуя непосредственно в военных действиях, Фет глубоко переживал эти события. Это не могло не сказаться в особо пристрастном отношении его к победителям.

Франция жила при Наполеоне III, который способствовал развязыванию Крымской войны 1853–1856 годов, в этой войне у французов были особые цели. Вторая Империя переживала экономический и политический подъем. В 1855 году в Париже открылась Всемирная выставка, которая должна была продемонстрировать промышленный прогресс Франции. Это дорогостоящее предприятие имело целью укрепить внутри страны и за ее пределами убеждение в

8 Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 277.

9 Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. Т.1. М., 1986. С. 371–372.

396

прочности бонапартистского режима. Продолжалась реконструкция Парижа, начатая в 1822 году. Столица приобретала новый облик: узкие кривые и дурно пахнувшие улицы, заселенные «санкюлотами», сменились широкими проспектами, застроенными богатыми особняками, дворцовыми ансамблями. Перестройкой руководил новый префект департамента Сены Э. Османн, назначенный на этот пост в июне 1853 года. Размах строительных работ должен был уверить Европу в мысли о процветании Империи. Но, несмотря на заключение Парижского мира 30 марта 1856 года и оживление внешней торговли, в ряде отраслей промышленности начали проявляться признаки спада. Напротив, в странах Германского союза, распавшегося во время революции 1848–1849 годов и восстановленного в 1850-м, на фоне усилившейся политической реакции наблюдался мощный рост промышленности, приведший в 1860-х годах к объединению вокруг Пруссии. Несмотря на территориальную разобщенность, германские государства производили впечатление хорошо отлаженной хозяйственной машины. В разобщенной Италии господствовали австрийцы. Разделенная границами страна переживала политический кризис, который завершился лишь после революции 1859–1860 годов.

Фет не ставил перед собой задачи дать объективную картину общественно-политической жизни государств. Очерки «Из-за границы» рождались в процессе путешествия, без предварительного плана, «по горячим следам». Первую

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana часть «Из-за границы» он называет «путевыми впечатлениями», во второй и в третьей является дополнительный подзаголовок – «письма». В первой части очерков нет деления на главы, в двух последующих оно есть и каждую главу предваряет краткое содержание.

При этом Фет четко формулирует свою авторскую позицию: «Я назвал свои летучие заметки впечатлениями и ни за что не откажусь от такого названия. Быть может, в них найдутся противоречия, но меня они не пугают. Стараясь по возможности точно передать минутные впечатления, я думаю, что общее должно быть верно»¹⁰.

Очерки-письма Фета восходят к «гибридному», по определению Т. Роболи, жанру. Часть писем, посвященная наблюдениям над нравами немцев и французов, решена в манере нравоописательного очерка. Здесь живые зарисовки уличных сценок, диалоги, непринужденно вводимые в повествовательную ткань. В соответствии с традицией физиологического очерка дается портрет парижского тряпичника. Вполне в духе сентиментальных путешествий в текст писем вводится новелла о разлученных любовниках (это история Элоизы и Абеяра, запечатленная в мраморе на кладбище Пер-Лашез). Очерк культурной жизни содержат письма, где Фет рассуждает об искусстве, о театральной жизни, здесь его стиль приобретает черты критической, полемической по своему пафосу, статьи. Встречаются и подробные описания достопримечательностей: улиц, парков, мостов. Фет, как

10 Современник. 1857. № 2. С. 242.

397

правило, посещал места, упомянутые в путешествиях и в путеводителях, то есть его маршруты носили традиционный характер.

Та часть писем, в которой Фет делится своими впечатлениями о жизни немцев, более всего напоминает по жанровым характеристикам идиллию, она эпически спокойна.

«Французская» же часть отличается большей динамичностью, как будто, пересев на более проворный, по сравнению с немецким, фиакр, Фет ускорил свое повествование, придал ему ритм «бегущей и скачущей» по парижским улицам толпы. В Париже Фет вошел в роль туриста, которому непременно нужно посмотреть все «знаковые» сооружения, потолкаться в толпе, фланирующей по бульвару, посетить знаменитые театры, кафе. «Прогулка» как еще одна разновидность путешествия стала одним из принципов сюжетного построения очерков.

Общий принцип повествования о музейных экспозициях сохраняется, независимо от того, о Берлинском музее, Дрезденской галерее или Лувре идет речь, – Фет выступает в роли экскурсовода, повторяя фразы-клише: «посмотрите на эти группы», «пойдемте дальше», «остановимся перед...» и т. п. В первом описанном музее, Берлинском, естественно, «остановки» были продолжительнее, и вся экспозиция описана более подробно, Фет именно здесь позволяет себе пространные рассуждения на темы об искусстве.

Характерной чертой любого путешествия, особенно если его автор – литератор, является цитирование чужих текстов, стихов по преимуществу. У Фета стихотворные строчки возникают по ассоциации с увиденным, как непосредственная реакция на характерные обстоятельства: увидел, к примеру, в Пруссии поле, засеянное рожью, и захотелось «затянуть» кольцовские строки «Не шуми ты, рожь»; в Лувре вспомнил стихи Гюго; надписи на скалах в Карлсбаде напомнили знаменитые строки Горация, которые Фет приводит в собственном переводе. Вообще в очерках довольно часты упоминания известных имен (Грибоедов, Пушкин, Крылов, Гоголь, Кольцов, Гёте, Гейне, Гюго, Поль де Кок, Дюма-сын), но не создается впечатления перегруженности культурным контекстом.

Не затрагивая специально политических вопросов, Фет по-своему откликнулся на проблему «Россия и Запад», «Россия и Европа», привлекавшую пристальное внимание всех путешественников, вольно или невольно сравнивавших «свое» и «чужое» пространство, остававшееся все же «чужим», несмотря на то, что русские уже со времен Карамзина не ощущали себя «чуждыми» европейской культуре. Однако, как подметил Фет, европейцы все еще не стремятся принять Россию в свое сообщество: на корабле «Прусский орел» в библиотеке были книги французские и немецкие. «Я искал русских. Нет. Жаль! пора бы!» – восклицает Фет.

Карамзин рассматривал европейский образ жизни как возможное будущее России. В очерках «За рубежом» М. Е. Салтыков-Щедрин замечательно объяснял истоки российского «западничества» 1840-х годов: «С представлением о Франции и Париже для меня неразрыв

398

но связывается воспоминание о моем юношестве, то есть о сороковых годах. Да и не только для меня лично, но и для всех нас, сверстников, в этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь и в известном смысле даже определяло ее содержание.<...> В России – впрочем, не столько в России, сколько специально в Петербурге – мы существовали лишь фактически или, как в то время говорилось, имели “образ жизни”. Ходили на службу

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana в соответствующие канцелярии, писали письма к родителям, питались в ресторанах, а чаще всего в кухмистерских, собирались друг у друга для собеседований и т. д. Но духовно мы жили во Франции. <...> В России все казалось поконченным, запаканным и за пятью печатями сданным на почту для выдачи адресату, которого зараные предположено не разыскивать; во Франции – все как будто только что начиналось». Из Франции, пишет Щедрин, «лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что “золотой век” находится не позади, а впереди нас»¹¹. Подобное мнение, однако, существовало одновременно с противоположным отношением к Западу.

В 1840-е годы сопоставление России и Европы приобрело особую идеологическую направленность – вглядываясь в «чужое» пространство, путешественники пытались познать «свое», свою историю, свое настоящее и будущее. Поездив по Европе, посетив Англию, Францию, Германию, А. С. Хомяков укрепился в мысли об особой миссии России в развитии православного мира. Литература путешествий включилась в решение важнейших общественно-политических проблем, по-своему отозвавшись на споры славянофилов и западников. Наиболее значительные образцы ее отличались концептуальностью, представляли обобщенный портрет страны, составленный из общественно-политических, культурных, экономических, психологических характеристик. Очерки Фета не стали исключением, так как в «минутном» и «случайном» он умел угадывать закономерное – «общее должно быть верно». Примерно с 20-х годов XIX века на попытки философски осмыслить «дух» каждой нации существенное влияние оказал Гегель. Его последователь в России, В. Г. Белинский, развил его взгляды и дал свое определение, из каких слагаемых составляется этот самый «дух» нации и в чем он заключается: «Каждый народ, сообразно с своим характером, происходящим от местности, от единства или разнообразия элементов, из коих образовалась его жизнь, и исторических обстоятельств, при коих развилась, играет в великом семействе человеческого рода свою особенную, назначенную ему провидением роль и вносит в общую сокровищницу его успехов на поприще самосовершенствования свою долю, свой вклад; другими словами, каждый народ выражает собою одну какую-нибудь сторону жизни человечества. Таким образом, немцы завладели беспредельною об- ластью умозрения и анализа, англичане отличаются практической деятельностью, итальянцы – художественным направлением. Не- 11

¹¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 14. М., 1972. С. 111–112.

399

мец все подводит под общий взгляд, все выводит из одного начала; англичанин переплывает моря, прокладывает дороги: проводит каналы, торгует со всем светом, заводит колонии и во всем опирается на опыте, на расчете <...>. Направление французов есть жизнь, жизнь практическая, кипучая, беспокойная, вечно движущаяся. Немец творит мысль, открывает новую истину; француз ею пользуется, проживает, издерживает ее, так сказать. Немцы обогащают человечество идеями, англичане изобретениями, служащими к удобствам жизни; французы дают нам законы моды, предписывают правила обхождения, вежливости, хорошего тона»¹². Поиски особенностей национального характера свойственны всем путешественникам, которые сравнивают «свое» и «чужое» и сквозь сиюминутные впечатления, «случайные черты», пытаются разглядеть исторически сложившиеся, неизменные черты нации. Именно с этой целью Фет предлагает разграничить вечно присущий народам «идеал», не подверженный влиянию времени, и черты, которые можно объяснить исторически изменчивой политической, гражданской жизнью. В Германии он увидел непреходящий идеал, наиболее полно воплощенный Гёте в идиллии «Герман и Доротея», в «Фаусте», в произведениях Шиллера, в философии Канта, Шеллинга, Гегеля. В той части очерков, где Фет размышляет о «немецкой идиллии» (это первое письмо и начало второго), содержится эмоциональный рассказ о прогулке за пределы Карлсбада, на пражское шоссе, возникает выразительный пейзаж, передающий красоту простиравшейся перед взором путешественника долины, цепочки гор, «золотого сияния вечернего солнца». Здесь Фет актуализирует традицию сентиментального путешествия, неотъемлемой частью которого является идеальный ландшафт, изображение идиллического пространства, более всего отвечающего идеалу патриархальной жизни на лоне природы. Можно говорить о «памяти жанра», не утратившего свои структурные элементы и в середине XIX века. Для Карамзина таким идеалом стала Швейцария, для П. И. Сумарокова – греческая семья в Крыму. Фет очень точно назвал главную цель, к достижению которой были устремлены «наука, труд, капитал, опыт, искусство» Германии, и цель эта – «порядок и благосостояние» (Ср. со строчками о Германии из «Писем из-за границы» Анненкова: «...фермы и деревни по всем сторонам, и всюду на улицах, земле, строениях, камнях, людях выражение благосостояния и довольства, которые в единый момент пояснили мне “Германа и Доротею” Гёте и действительность этого поэтического произведения»¹³).

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Фет был поражен тем, как четко работает немецкая «государственная машина», и
сравнивает ее с жизнью «хорошо устроенного корабля». Уже во время плавания по
Одере от Фришгафа до Штеттина,
12 Белинский. Т. 1. С. 28–29.

13 Анненков II. В. Парижские письма / Изд. подг. И. Н. Конобеевская. М.,
1983. С. 6.

400

т. е. в самом начале путешествия, Фет вполне оценил рациональность и
практичность немцев: машины расчищали русло Одера от ила, который не пропадал
даром, поскольку поселяне использовали его для сооружения плотины, а затем как
удобрение.

Продвигаясь далее вглубь Пруссии, Фет обратил внимание на благоустройство
страны, в которой, несмотря на «неблагодарные» почвы, выращивают столько хлеба,
что накормлены сами и вывозят хлеб в Англию. В Саксонии свои особенности:
«рогатый скот тирольской породы крупен и красив»; Рудные горы богаты полезными
ископаемыми и все еще остаются покрытыми лесами, так как каменный уголь,
найденный в Богемии, используется вместо топлива на множестве фабрик –
замечание, возникшее у Фета при сравнении Рудных гор с российскими, облысевшими
из-за неумеренной вырубке лесов. О достаточно высоком уровне благосостояния
свидетельствует и внешний вид немцев, как описывает их Фет: все одеты прилично,
босых почти нет, нет ни одного нищего.

Фет с особым интересом относился ко всему, связанному с Германией, ко всякого
рода «зеркалам», в которых отражалась жизнь народа, то, «что он делает не в
угоду необходимому, а отрадному». Вполне определенные представления о немецком
образе жизни Фет получил и от матери-немки, и во время учебы в немецком пансионе
Крюммера, и из немецкой литературы.

Французские страницы, в основном, посвящены описаниям Парижа с его суматошной
жизнью улиц, кафешантанов, парков, ресторанов, театров. Везде суета, доносящаяся
с площадок для танцев музыка, крики продавцов и мелких ремесленников,
предлагающих товар или услуги. В. П. Боткин полюбил Париж именно за его
жизнерадостность: «Париж – это жизнь народа, трепещущая всеми своими нервами,
прорывающаяся из каждого отверстия своего; но этих отверстий ей недостаточно, и
она работает, рвется, борется, отыскивая себе новые; это юность, кипучая,
страстная, бешеная, увлекающаяся, вся преданная первому впечатлению... Нет, я не
променяю этих кривых, запачканных улиц, этих разноцветных, закопченных порохов
домов, усеянных балконами, на опрятный, просторный Лондон, с его угрюмой,
деловой физиономией и рассудительным народом!»¹⁴. Фет воспринял французскую
жизнь иначе. По достоинству оценив все удобства цивилизованного города, он
пришел к выводу, что у французов не развита «внутренняя» жизнь, что «нет
француза невежды, все равно, красильщик ли он или медик, и нет француза
образованного. Специалист смотрит на все, не принадлежащее к кругу его
деятельности, глазом, ограниченным бесконечно узким горизонтом, и чем уже
горизонт, тем самонадеяннее и строже приговор обо всем постороннем. Эта умная
ограниченность, эта стойкая рутинность, это самодовольное презрение ко всему
чуждому, не французскому, светится в каждом мускуле француза. Он дышит ог
14 Боткин В. П. Письма об Испании / Изд. подг. Б. Ф. Егоров, А. Звигиль-ский.
Л., 1976. С. 197.

401

раниченной самоуверенностью». Поэт остался недоволен Парижем, который наводил на
него скуку именно тем, что слишком торопился жить.

Вспоминая много лет спустя свое пребывание в «столице мира», Фет сослался на
беседу с французским литератором и переводчиком (в том числе с русского языка)
Ипполитом Делаво, признавшим, что французы «вообще думают плохо и трудно, а
писать гладко великие мастера». Это утверждение Фет распространяет на всю
парижскую жизнь: «от улицы Риволи до Гипподрома, от последнего винтика в экипаже
до первых бриллиантовых серег за стеклом магазина, от художественной выставки до
Большой Оперы, – все гладко, ловко, блистательно (*bien fait*), а целое прозаично,
мишурно и бессочно, как нарядный венский пирог, простоявший месяц за окном
кондитерской» (МВ.Ч. 1.С. 163).

Тогда же в Париже родились строки:

Под небом Франции, среди столицы света,

Где так изменчива народная волна,

Не знаю, отчего грустна душа поэта,

И тайной скорбью мечта его полна.

Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо,

Под шум ей грезится иной, далекий край;

Так древле дикий скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай...

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana («Под небом Франции, среди столицы света...»; 1856)

Если верить И. С. Тургеневу, большой отрезок жизни проведенному в Париже, русские путешественники за границей, как правило, скучали. Причину скуки Тургенев видит в том, что «русские, путешествующие по чужим краям <...>, в сущности мало знакомятся с чужими краями; то есть они видят города, здания, лица, одежды людей, горы, поля, реки; но в действительное, живое соприкосновение с народом, среди которого странствуют, они не вступают. Они переезжают с места на место, окруженные все тою же сферою, или, как говорится ныне, “средою” гостиниц, кельнеров, длинных счетов, звонков, общих обедов, наемных слуг, наемных карет, наемных ослов и провожатых <...>»¹⁵. Но, по наблюдениям того же Тургенева, есть «одно место на свете, где русские не скучают: Париж». Однако Фет скучал и в Париже. В письме к Л. Н. Толстому от 16 (28) ноября 1856 года Тургенев описывал душевное состояние Фета, приехавшего навестить его в имение Виардо: «...более несчастного, потерянного существа Вы вообразить себе не можете. Он скучал так, что, хоть кричать, никого не видал, кроме своего слуги француза» (Тургенев. Письма Т. 3. С. 42). Впрочем, и сам Тургенев не обольщался прелес 16 Тургенев И.С. Из-за границы. Письмо первое // Тургенев. Соч. Т. 15. С. 8. 402

тями парижской жизни. «Французская фраза, – писал он в том же письме, – мне так же противна, как Вам – и никогда Париж не казался мне столь прозаически-плоским». Правда, это впечатление возникает у Тургенева при сравнении с другими временами, свидетелем которых он стал, а именно эпохой революции 1848 года, когда Париж ему «больше нравился». Что до Фета, то его не привлекал и Париж, затопленный «изменчивой народной волной» революции. Размышляя об исторически сложившихся качествах национального сознания, о «духе» немцев и французов, Фет сравнивает прошедшее, настоящее и будущее европейских стран. Выводы его малоутешительны: немцам, несмотря на общий упадок культуры, все-таки удалось хотя бы в общественной жизни сохранить исконно присущее им стремление к идеалу. Французы интересны своей деятельной натурой, но ни в прошлом, ни в настоящем они не дали развиться духу, все свои усилия направив на удовлетворение сиюминутных потребностей.

К сожалению, о содержании итальянских «писем» можно только догадываться, но материал, который дают нам воспоминания Фета, его стихотворения об Италии, антологические стихи, переводы, а также рассуждения об итальянских мастерах, чьи произведения хранятся во всех европейских музеях, позволяет сделать вывод о том, что для Фета, как и для большинства путешественников XIX века, Италия оживала в своем прошлом и ничем не могла порадовать в настоящем:

Италия, ты сердцу солгала;
Как долго я в душе тебя лелеял,
Но не такой мечта тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял...
(«Италия»; 1856)

Тематически Фет захватывает очень большой круг вопросов – от искусства древних египтян, греков и римлян, живописи и зодчества средних веков, эпохи Ренессанса и Нового времени до современных культурных реалий, включающих, помимо произведений искусства, архитектуры, литературы, и театральную жизнь Германии и Франции. В рассуждениях Фета прослеживается и эстетическое обоснование так называемой теории «чистого искусства», представителем которого в поэзии он себя ощущал. Часть писем, посвященная собственно эстетическим вопросам, глубоко полемична, направлена против программы «натуральной школы» и ее адептов. Отзвуки эстетических споров 1850-х годов легко угадываются на страницах заграничных очерков Фета. Так, передавая свои впечатления от знаменитой рафаэлевской Мадонны, Фет пишет: «Когда я смотрел на эти небесные, воздушные черты, мне ни на мгновение не приходила мысль о живописи или искусстве; с сердечным трепетом, с невозмутимым блаженством я веровал, что Бог сподобил меня быть соучастником 403

видения Рафаэля. Я лицом к лицу видел тайну, которой не постигал, не постигаю и, к величайшему счастью, никогда не постигну. Пусть эта святая тайна вечно сияет, если не перед моими глазами, по крайней мере, в моем воспоминании...».

Конечно, на восприятие рафаэлевского творчества, в том числе и Фетом, большое влияние оказали работы немецкого романтика Вильгельма Генриха Вакенродера (1773–1798), известного в России. В 1826 году были переведены его произведения на русский язык под названием «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного». В «Видении Рафаэля» Вакен-родер утверждал, что художник создавал свои гениальные полотна под воздействием божественного вдохновения, в состоянии экстаза, откровения. Содержание видения Вакенродер приписал Донато Браманте, художнику и архитектору, одному из строителей собора св. Петра в Риме. «После, когда дух его обратился к живописи, его высшим

желанием всегда было изобразить Деву Марию во всем ее небесном совершенстве, но он не мог завершить работу так, чтобы почувствовать удовлетворение; он все время ощущал, будто его фантазия как бы движется ощупью. <...> Однажды ночью, когда он, как бывало уже не раз, во сне молился Пресвятой Деве, он вдруг пробудился со стесненным сердцем. В ночной тьме его взгляд был привлечен сиянием на стене, как раз насупротив его ложа, и когда он взгляделся, то увидел, что это светится изображение Мадонны, висящее на стене, и что оно стало совершенно законченной и исполненной жизни картиной. Божественность ее лица так поразила его, что он разразился светлыми слезами. Она смотрела на него взглядом, неопишимо трогаящим душу, и, казалось, вот-вот шевельнется; и ему почудилось, что она точно шевельнулась. Более всего изумило его, что это был как раз тот самый образ, которого он все время искал, хотя до сих пор имел о нем всего лишь смутное и неясное предчувствие. Рафаэль не помнит, как снова овладел им сон. На следующее утро он проснулся как бы вновь рожденным на свет; видение навеки четко запечатлелось в его душе, и теперь ему удавалось всегда изображать Матерь Божию такой, какою она виделась его внутреннему взору, и сам он с тех пор смотрел на собственные картины с благоговением»¹⁶.

В формировании особенно трепетного отношения к Мадонне Рафаэля в России велика роль В. А. Жуковского. В письме великой кн. Александре Федоровне (от 29 июня 1821 года) он поделился своим впечатлением от картины Рафаэля. Еще до опубликования это письмо в рукописном варианте «ходило по рукам» и существенно повлияло на распространение культа Рафаэля среди русских романтиков. Жуковский был знаком с процитированной работой Вакенродера, о чем свидетельствует ряд прямых переключек. «И в самом деле, это не картина, а видение: чем долее глядишь, тем живее уверяешься, что перед тобою что-то неестественное происходит <...>, – писал Жуков

¹⁶ Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. М., 1977. С. 30–31.

404

ский. – Здесь душа живописца, без всяких хитростей искусства, но с удивительной простотой и легкостью передала холстине то чудо, которое во внутренности ее совершилось»¹⁷.

С другой стороны, В. Г. Белинский со своих, реалистических, позиций попытался сокрушить романтический идеал, как ему казалось, созданный искусственно, в известной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», где дается теоретическое обоснование принципов «натуральной школы» и доказывается преимущество этой школы по сравнению с творчеством представителей «чистого искусства» и с творчеством славянофилов. В полемическом запале критик утверждает, что Жуковский придумал идеал, которому поклонялись романтики, и Мадонна Рафаэля, описанная им, не имеет ничего общего с картиной художника, находившейся в Дрезденской галерее. Белинский посетил Дрезденскую галерею дважды и в письме В. П. Боткину от 7(19) июля 1847 года делился своим впечатлением: «Был я в Дрезденской галерее и видел Мадонну Рафаэля. Что за чепуху писали о ней романтики, особенно Жуковский! <...> Это не мать христианского бога; это аристократическая женщина, дочь царя <...> она глядит на нас с холодной благосклонностью, в одно и то же время опасаясь и замараться от наших взоров и огорчить нас, плебеев, отворотившись от нас»¹⁸. В выражении лица младенца Иисуса Белинский усмотрел едва ли не угрозу всему человечеству.

Разумеется, восприятие образа Богородицы было выражено Фетом еще в ранних стихотворениях, таких, например, как: «Владычица Сиона, пред тобою...», «Мадонна», «Ave Maria». Утверждать, что впечатление от бессмертного шедевра Рафаэля сложилось у Фета под влиянием Вакенродера или Жуковского, было бы слишком прямолинейно, об этом свидетельствует и написанное под впечатлением от картины Рафаэля стихотворение «к Сикстинской Мадонне» (1864?). Но то, что в трактовке творения Рафаэля и вообще в восприятии искусства поэт оказывается на стороне тех, кто видит в творчестве веяние Божественного начала, свободного по отношению к окружающей действительности, не подлежит сомнению. В строках, посвященных картине Рафаэля, Фет явно полемизирует с крайне резкими высказываниями Белинского.

Наиболее ранние предпосылки возникновения теории «чистого искусства» Фет видит в Древней Греции, искусство которой он противопоставляет египетскому, «символическому» (Гегель), дидактическому: «Тут все символ: религия, закон, обычай и искусство <...>. Там сухой жезл символа прозяб и распустился живыми, неувядающими цветами мифа. Там нет сентенций. Там один закон, одно убеждение, одно слово – красота». Древнегреческие скульптуры, статуя Венеры

¹⁷ Жуковский В. А. Рафаэлева Мадонна (Из письма о Дрезденской галерее) // Жуковский В. А. Эстетика и критика / Вступит. Ст. Ф. В. Канунов и А. С. Янушкевича. Подготовка текста, сост. и примеч. Ф. В. Кануновой, О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевича. М., 1985. С. 307–311.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
18 Белинский. Т. 12. С. 384.

405

Милосской, украшающую коллекцию Лувра, Фет назвал образцами подлинного искусства, так как в них нет и «тени преднамеренности; все, что вам невольно поет мрамор, говорит богиня, а не художник. Только такое искусство чисто и свято, все остальное его профанация».

Следующий этап в развитии своего идеала Фет видит в Возрождении, в самой «духовной» сфере искусства – живописи Рафаэля. В Мадонне Рафаэля (как в Венере Милосской, Дездемоне, Гретхен, Офелии) Фет видит вечный, вневременной, непреходящий идеал, запечатлеть который может только гений в порыве творческого вдохновения и откровения. Вечный идеал Фет противопоставляет «идеалам явлений будничных», то есть типичных, «на которых отразились все стороны предмета, хорошие и худые».

При всем неприятии основных позиций «натуральной школы» Фет вполне совпадает с мнением Белинского о так называемых низких темах, против которых активно выступали постоянные оппоненты Белинского. В статье о «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», напечатанной в «Библиотеке для чтения» в 1834 году, О. И. Сенковский назвал Гоголя «малороссийским Поль де Коком», который выбирает для изображения «грязные предметы». Защищая Гоголя от критики подобного толка, Белинский привел в качестве примера отношения современной западноевропейской культуры к «низким» темам картину Мурильо, хранившуюся в Лувре. На картине изображен мальчик, с увлечением давивший вошь у себя на рубашке. В названной статье Белинский сравнивает картину Мурильо с эпизодом из «Мертвых душ» Гоголя: «...одна из известнейших галерей в Европе хранит, как бесценное сокровище, картину великого Мурильо, представляющую мальчика, который с усердием и обстоятельно занимается тем, что будочник сделал спросонья и мимоходом»¹⁹. Эта же картина привлекла внимание Фета, назвавшего ее «истинной жемчужиной галереи». Он тоже привел сравнение с Гоголем (навеянное, по-видимому, статьей Белинского): «“Мальчик”, казнящий перед распахнутой грудью, на внутренней складке рубашки, насекомое, получившее у Гоголя прозвание зверя». Высокие достижения искусства прошедших веков Фет противопоставил современному искусству, совершенно утратившему понимание сущности прекрасного.

«Преднамеренность», «холод, дидактика и безвкусие» характеризуют его.

По натуре своей или под влиянием обстоятельств, Фет был «домоседом», для которого состояние деятельного покоя всегда было более естественным, чем безделье в странствиях. Много позже, вспоминая поездку по Европе, Фет признался: «Самое ненавистное для меня в жизни – это передвижение моего тела с места на место, и поэтому наиболее уныния наводящими словами для меня всегда были: гулять, кататься, ехать. Самый резвый рысак в городе и самый быстрый поезд железной дороги для меня, превращенного при передвижении в поклажу, все-таки убийственно медленны» (МВ. Ч. 1. С. 170). **

** Белинский. Т. 10. С. 293.

406

Тем не менее, заграничное путешествие 1856 года стало в определенном смысле вехой жизненного пути Фета. Об этом свидетельствуют не только стихи, которые он посылал в письмах к друзьям (среди них такие шедевры, как «Италия», «На развалинах Цезарских палат», «Туманное утро», «Снился мне берег скалистый...», «У камина» и др.). Не случайно и свадьба с Марией Петровной Боткиной в августе следующего, 1857 года была сыграна в Париже. Тургенев был шафером на этой свадьбе.

Вместе с тем очерки Фета стали первым серьезным опытом поэта в публицистическом роде, к которому он будет не раз обращаться в своей дальнейшей литературной деятельности. Отмеченные своеобразием фетовского взгляда на мир («трогательно-простодушного», по выражению Тургенева), они заметно отличались от всего, созданного в русской литературе ранее в этом жанре. В путевых зарисовках Фета пестрота картин, частая перемена в настроении, в стиле создают атмосферу непредвзятого, сиюминутного и зачастую случайного наблюдения, ценного своей неповторимостью, каким-то особым «личным» отношением и отсутствием того «дидактического» начала, которое Фет активно отвергал. В них он остался верен своей позиции свободно творящего художника.

407

ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Автографы всех заграничных очерков Фета неизвестны. В настоящем издании тексты воспроизводятся по первым публикациям в Соер.

В заграничную поездку Фет отправился в июне 1856 по совету доктора Эрдмана, о чем сообщается в МВ: «С самого детства желудок мой упорно отказывался от своих обязанностей, навлекая на меня целый рой недугов, начиная с горловых и глазных болезней; а в последнее время недуги эти до того усилились, что я вынужден был

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
прибегнуть к совету ученых дерптских врачей» (МВ. Ч. 1. С. 135). Врачи рекомендовали Фету обратиться к одному известному доктору, только что вернувшемуся из Севастополя, однако, несмотря на его совет немедленно приступить к радикальному лечению, Фет, будучи в Петербурге, обратился к другому доктору, имя которого случайно попало ему на глаза на улице. В отличие от своих ученых коллег Эрдман нашел у Фета общее расстройство дыхательных путей и посоветовал весной отправиться в Карлсбад.

В своих заграничных «письмах» Фет почти не указывает дат, поэтому установить время его пребывания в том или ином городе довольно сложно. В то же время заграничные очерки помогают уточнить маршрут и некоторые даты местопребывания Фета. Г. П. Блок в «Летописи жизни А. А. Фета» указывает, что Фет уволился в 11-месячный отпуск 23 июня и в тот же день уехал за границу (Блок. Летопись. С. 304). О том же свидетельствует письмо Некрасова к Тургеневу от 27 июня 1856 с указанием дня недели – «среда»: «В субботу я проводил Фета за границу» (Некрасов. Переписка. Т. 1. С. 446).

Эта дата позволяет высчитать, что 26 июня ст. ст. поэт был уже в Берлине. 28 июня (10 июля) он прибыл в Дрезден, на что есть указание в тексте первого «письма из-за границы»: «По мере приближения к Саксонии пшеница становится желтее и желтее, а сегодня только 28 июня (10 июля)». На следующий день, то есть 29-го, в воскресенье, он с десяти часов утра осматривал Дрезденскую галерею, 30-го уехал в Хемниц, а с начала июля около двух недель пробыл в Карлсбаде, лечился водами, о чем сообщал в письме Некрасову от 16 (28) июля 1856 из Карлсбада: «Вот уже несколько дней, как пью тоску из колодца, изображение которого Вы видите» (Некрасов. Переписка. Т. 1. С. 524). Затем через Гоф, Франкфурт-на-Майне, Дармштадт, Гейдельберг, Страсбург он доехал до Парижа, где и пробыл до конца октября, судя по письму Тургенева к В. П. Боткину от 6 ноября (н. ст.) 1856: «Получил я письмо от Некрасова из Рима. Он начинает поску-
408

чивать – и с нетерпением поджидает Фета, который поехал к нему и теперь уже давно должен быть там» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 24).

В конце октября (н. ст.) или самом начале ноября Фет с сестрой Надеждой приезжают в Рим, осматривают достопримечательности города и его окрестностей, часто видятся с Некрасовым и А. Я. Панаевой, а в начале января 1857 переезжают ненадолго в Неаполь. 26 января (7 февраля) 1857 Тургенев сообщил Е. Я. Колбасину, что «Фет завтра едет назад в Россию» (Там же. С. 87). В феврале Фет с сестрой оказываются уже в Новоселках.

<Письмо первое>

Впервые: Соер. 1856. № 11. С. 71-117. Подпись: «А. Фет».

Стр. 7. Уже у Английской набережной – пароходу «Прусский орел». – Английская набережная в Петербурге на Большой Неве находится против Академии художеств (на Васильевском острове) и является продолжением Адмиралтейской набережной, с которой граничит у Александровского сада. Город Кронштадт расположен на о. Котлин, в восточной части Финского залива, основан как крепость в 1703 для защиты подступов к Петербургу, с 20-х гг. XVIII в. место якорной стоянки больших океанских кораблей, поскольку судоходный канал в Маркизовой Луже еще не был проложен. Пароход «Прусский орел» совершал регулярные рейсы от Кронштадта до Штеттина (совр. Щецин, Польша). Через месяц после Фета на нем отправился за границу И. С. Тургенев, который писал Некрасову: «Я взял билет на пароходе “Прусский орел” – на 21-е июля – я думаю, еще должны быть места» (Тургенев. Письма. Т. 2. С. 363). Позже тем же путем уехал за границу и Некрасов. Здесь француз из Бордо... – реминисценция из комедии Грибоедова «Горе от ума»: «Французик из Бордо, надсаживая грудь, / Собрал вокруг себя род веча, / И сказывал, как снаряжался в путь <...>» (д. III, явл. 22).

Стр. 8. ...мимо двух линейных кораблей... – линейный корабль, линкор – трехмачтовый боевой корабль; имел от 60 до 135 орудий и до 800 человек экипажа. Кронштадт являлся базой Балтийского флота.

Оказывается, что короля от валета не отличишь. – Прусские и франц. игральные карты отличались от русских другим обозначением фигур – королей, валетов, дам. Стр. 9. Ломберный стол – четырехугольный стол, обтянутый сукном, как правило, складной, для игры в карты (от названия карточной игры испанского происхождения ломбер).

«Прусский почтовый дорожник* – расписание движения почтовых поездов, в данном случае по Пруссии. Дорожники были известны еще в Древнем Риме. Тогда дорожником называлось расписание дорог, которое содержало названия мест, лежащих по известному пути, и расстояния между ними.

409

...прекрасно писанный образ Николая Чудотворца – Ведь вы лютеранин? – Речь идет об иконе св. Николая Мирликийского, архиепископа города Миры в Ликии (М. Азия)

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana (260–343), прославившегося многими чудесами. Считается покровителем плавающих и путешествующих, сельского хозяйства, всех «сирых и убогих». Один из наиболее почитаемых православных святых. Удивление Фета объясняется тем, что лютеранство, возникшее как одно из течений протестантизма в Европе в XVI в., упразднило монашество, поклонение святым, их мощам и отказалось от почитания икон.

Стр. 10. Свиномюнде – совр. Свиноуйсьце (Польша), в Щецинском воеводстве. Расположен на о-вах Узедом и Волин, по берегам пролива, связывающего Щецинский залив с Балтийским морем. Морской курорт.

Бульвер, в своей книге: «Англия и англичане»... – Бульвер-Лит-тон (Bulwer-Lytton) Эдуард Джордж (1803–1873), англ. писатель, полит. деятель, член палаты лордов, автор популярных романов «Пелэм» (1828), «Последние дни Помпей» (1834) и др. «Англия и англичане» («England and the English», 1833) – книга этнографических очерков.

Фришгаф – лагуна в Данцигской бухте в Восточной Пруссии, отделяется от Балтийского моря узкой песчаной косой 70 км длины и 2 км ширины.

Стр. 11. ...великолепные белладонны... – Белладонна (красавка, ампона belladonna) – ядовитое растение из семейства пасленовых с характерным запахом, темно-красные цветы имеют форму колокольчика.

Грош. – Чеканка гроша началась в Италии в XII в., во многих европейских странах – в XIII–XIV вв. Первоначально грош был крупной серебряной монетой. В XIV–XV вв. вес и качество металла в гроше снизились, и он превратился в мелкую разменную монету. В России чеканка гроша начата в 1654. С XIX в. грошем называлась мелкая монета в полкопейки. Прусский грош не был эквивалентным российскому, поэтому возникали трудности при расчетах.

...взял билет на первое место... – т. е. в вагон первого класса.

Стр. 12. ...у одного известного русского поэта... – вероятно, речь идет о Н. А. Некрасове, с которым Фет в этот период часто общался и даже жил у него на даче в Ораниенбауме перед отъездом за границу.

В Летний сад: кстати, посмотрим памятник Крылову. – Летний сад – старейший сад Петербурга в так называемом регулярном стиле; разбит в 1704; архитекторы Ж.-Б. Леблон, М. Г. Земцов, И. Матвеев. Памятники А. Крылову поставлен в Летнем саду в 1855, скульптор барон П. К. Клодт. На пьедестале памятника – рельефы на темы басен Крылова, выполненные по рисункам А. А. Агина.

Стр. 13. ...монумент Фридриха Великого... –Памятник прусскому королю (с 1740) из династии Гогенцоллернов Фридриху II (1712– 1786) находился в Берлине в конце улицы Унтер ден Линден (Unter den Linden; «Под Липами»). Конная статуя высотой 13,5 м (фигура

410

короля – 5,6 м, пьедестал богато украшен рельефами, расположенными в три ряда: в верхней части аллегорические фигуры (четыре добродетели короля: сила, справедливость, мудрость, умеренность) и сцены из жизни Ф. II (после Колинской битвы); посередине главные группы генералов и государственных людей того времени; внизу изречения и имена знаменитых современников; горельефы изображают 74 сподвижника императора в натуральную величину) установлена в 1851 (скульптор К.-Д. Раух; 1777–1857). После Второй мировой войны перенесен в Потсдам, затем возвращен на Унтер ден Линден в нескольких метрах от прежнего местоположения, в нач. 1990-х установлен на первоначальном месте.

...заведение Кроля... – См. о нем ниже.

Прежде, чем стану говорить о Новом музее – по пути, проложенном для нее Шинкелем – выстроен по плану Штюлера. – Ко времени приезда Фета Берлинский королевский музей состоял из двух зданий – Старого, построенного в 1824–1828 (арх. К.-Ф. Шинкель; 1781–1841) и Нового, построенного в 1843–1855 (арх. Ф.-А. Штю-лер; 1800–1865). К.-Ф. Шинкель считается новатором нем. архитектуры, выведшим ее из застоя, в котором она находилась в нач. XIX в. Он стремился возродить зодчество классической древности, преимущественно эллинское, и применять его к условиям северного климата и к потребностям новейшей жизни. Среди основных сооружений Ш. в Берлине: Новая гауптвахта (1816–1818), Драматический театр (1819–1821), Дворцовый мост (со скульптурами по эскизам самого Ш.; 1819–1823) и др. В 1839 Ш. стал главным директором правительственных зданий, однако вскоре умер. Старый музей (называвшийся до 1845 Королевским) основан Фридрихом-Вильгельмом III с целью изучения всякого рода древностей и свободных искусств. Грандиозное здание музея построено в выдержанном др.-греч. стиле и считается лучшим из всех созданных Шинкелем. Прообразом музея служила греч. стоя (открытая колоннада). Здание Нового музея было построено в смешанно-античном стиле как продолжение Старого для коллекций, которые уже не помещались в стенах последнего (длина около 105 м, высота в самой высокой части ок. 31 м). Оно располагалось перпендикулярно к зданию Старого музея, с которым его соединяла закрытая галерея (6,9 м в ширину и 24,5 м в длину) с скульптурными произведениями. Во время

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana посещения этого музея Фетом еще продолжались строительные и отделочные работы. Фут – в системе русских мер равен 0,3 м, 1/7 сажени или 12 дюймам. Сажень – русская мера длины, равная 2,1 м, 3 аршинам или 7 футам. Различают косую сажень (2,48 м) и маховую (1,76 м). Стр. 14. ...гипсовые снимки скульптурных произведений... – Имеются в виду гипсовые копии или слепки с античных скульптур. ...гигантскую статую Фидиева Зевеса... – Речь идет об одном из «семи чудес света» – 14-метровой статуе Зевса, изваянной знаме-

411

питым др-греч. скульптором Фидием (ок. 500–430 до н. э.). Статуя Зевса, созданная для храма в Олимпии в 451–448 до н. э., была воздвигнута на деревянной основе и покрыта слоновой костью и золотом, погибла в Олимпии вместе со многими другими памятниками в V в. «Недаром же древние греки говорили, что умереть, не видев Фидиасова Юпитера Олимпийского, – писал Боткин в статье «Стихотворения А. А. Фета» (1856), – есть величайшее несчастье. <...> В этом мраморном изваянии предстоял им обоготворенный человеческий образ, в котором сосредоточилось все высочайшее достоинство, все внушающее поклонение и любовь; одухотворенный человеческий образ, возвысивший человека до божества» (Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 222).

...сама Паллада-Афина – между колоннами из каррарского мрамора... – Афина Паллада – дочь Зевса, одна из главных богинь олимпийского пантеона. Каррарский мрамор, добываемый в городе Каррары, находящемся в Центральной Италии, в Тоскане, в провинции Масса-Каррара, в 6 км от берега Лигурийского моря. Отличается высоким качеством, за что его ценили великие ваятели эпохи Возрождения и более позднего времени.

...гигантские фрески – работы Каульбаха... – Изначально Штю-лер предполагал оформить стены на уровне второго и третьего этажей парадной лестницы Нового музея коринфскими пилястрами, однако, по желанию Фридриха-Вильгельма IV, украшением стен должна была стать монументальная фресковая живопись. С этой целью из Мюнхена в Берлин был приглашен Каульбах Вильгельм фон (1805–1874), нем. ист. живописец. В 1834–1837 создал принесшую ему славу картину «Битва гуннов с римлянами», затем «Разрушение Иерусалима» (1839–1845), автор многочисл. настенных фресок в мюнхенских дворцах. При помощи учеников Каульбах написал с 1847 по 1866 (контракт заключен в 1843) стереохромическим способом цикл из 6 больших («Падение Вавилона», «Золотое время Греции», «Разрушение Иерусалима», «Битва гуннов с римлянами», «Завоевание Иерусалима крестоносцами», «Реформация») и нескольких меньших картин символично-ист. содержания. Среди них: олицетворение Истории и Предания, первобытного Искусства (Поэзии) и Науки; между большими картинами – законодатели: Моисей, Солон, Карл Великий, Фридрих Великий; над ними: Египет, Греция, Италия и Германия. Вокруг проходил фриз, который юмористически в образах детей и животных изображал историю развития человечества К замыслу картины «Битва гуннов с римлянами» имел отношение Ф. И. Тютчев, о чем свидетельствует письмо К. Пфеффеля к Э. Ф. Тютчевой от 11 (23) февр. 1860. Пфеффель даже заказал для Тютчева гравюру с этой картины, которая до сих пор хранится в музее-усадьбе им. Ф. И. Тютчева Мураново (см. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М., 1989. С. 313). Все фрески Каульбаха погибли во время бомбардировок Берлина в 1943. В ноябре того же 1856 берлинский музей посетил П. Н. Кудрявцев (1816–1858); в «Письмах из Берлина» он поде

412

лился своими впечатлениями, в частности, о Каульбахе: «Каульбах владеет не только кистью, но и широким даром изобретения, что так редко встречается в нашем поколении. Задача для художника очень трудная. Он должен бороться не с одними образами, но с многообъемлющими идеями» (РВ. 1856. № 11. Кн. 2. С. 88).

Эхтер Микаэль (1812–1879), нем. художник-монументалист, был известен росписями нескольких зданий в Мюнхене, участвовал в оформлении Нового музея, позднее принимал участие в создании росписей Вагнеровского театра в Мюнхене по заказу Людвига I Баварского.

Мур Юлиус (1819–1865) – нем. художник. Среди др. художников, помогавших Каульбаху в росписи парадной лестницы Нового музея, – Юлиус Детмерс (картина «Реформация»).

Стр. 15. Сим, Хам, Иафет – сыновья Ноя, спасшегося во время всемирного потопа, «от них населилась вся земля» (Быт.: 9, 19). Миф о детях Ноя рассказывает, что уставший Ной, напившись вина, лег спать обнаженным. Хам увидел наготу своего отца и рассказал об этом братьям. Сим и Иафет вошли в шатер, отвернувшись от отца, и прикрыли его наготу. Ной узнал о поступке Хама и проклял его вместе со всем его потомством. Под «верующими в истинного Бога» подразумеваются потомки Симы и Иафета.

...уносит этот эфиоп своего безобразного идола... – По преданию, Хам был

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana смуглым, его потомки основали Ассирию и Египет, он считается изобретателем идолов. Хама отождествляли иногда с египетским божеством Амоном. Иегова – значит Суши, одно из имен Бога (наравне с Иешуа, Саваофом и др.), употребляемых в Ветхом Завете. Древние евреи не произносили имени Иеговы, т. к. это считалось грехом и наказывалось смертью. Лишь один раз в году имя Бога произносил первосвященник, входивший в «святая святых» в храме. Напрасно клеветы столпостроителя Нимврода подгоняют рабочих... – Речь идет о строительстве Вавилонской башни (столпа) «высотой до небес» (Быт.: 11, 1–9) возгордившимися потомками Ноя. Однако, по преданию, Господь смеялся над ними, так что строители перестали понимать друг друга и рассеялись по всей земле. Клевет – приспешник, помощник в каком-либо дурном деле (от лат. collibertus – отпущенный вместе с кем-то на волю). Нимврод (Немрод) или Нимрод – потомок Хама, «сильный зверолов перед Господом» (Быт.: 10, 9). Считается строителем Вавилона и Ниневи. Вавилон называют еще «землей Нимврода». «Цветущий век Греции» – слова Геродота «Гомер и Гесиод дают грекам богов». – Имеется в виду следующий фрагмент из «Истории» др.-греч. историка Геродота (между 490 и 480 – ок. 425 до н. э.): «О родословной отдельных богов, от века ли они существовали, и о том, какой образ имеет тот или иной бог, эллины кое-что узнали, так сказать, только со вчерашнего и с позавчерашнего дня. Ведь Гесиод и Гомер, по моему мнению, жили не раньше, как лет за 400 до меня.

413

Они-то впервые и установили для эллинов родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы» (Геродот. История в девяти томах. Л., 1972. кн. 2. Ст. 53. С. 97). Фреска Каульбаха посвящена распространенному др.-греч. мифу о Золотом веке – лучшем времени, когда-либо существовавшем на земле, яркие образы которого воплощены в эпических поэмах Гесиода («Труды и дни») и Овидия («Метаморфозы»). В культурной памяти европейцев нового времени Золотым веком стала эпоха античности.

Сивилла – легендарная прорицательница в Древней Греции и Риме.

...слепой певец Илиона... – Гомер, великий др.-греч. поэт, создатель эпической поэмы «Илиада» о Троянской войне. Илион – второе название Трои, древнего города в Малой Азии.

Фетида – морская богиня, дочь Нерея и Дорида, внучка Океана, мели Ахилла.

Ахилл (Ахиллес) – один из величайших героев Троянской войны, сын Пелея и Фетиды, герой «Илиады».

Сретенье – зд.: встреча (церк.-слав.).

Пеласги – первые жители Греции, названы по имени Пеласга, царя Арголиты, по одной из легенд он был первым человеком, рожденным в Аркадии. Сын Пеласга Ликаон стал царем Аркадии.

Вправо Зевес и Юнона с павлином. Над ними парит орел. – Зевс (рим. Юпитер), верховный бог греков и отец всех богов, сын Кроноса и Реи; Юнона (греч. Гера) – супруга Юпитера. Фет, как Гегель и многие его современники, часто упоминает греч. и рим. имена богов в одном ряду.

Аполлон – один из главных греч. богов, покровитель всех искусств.

Музы – в греч. мифологии богини искусств, дочери Зевса и богини памяти Мнемозины. Муз было 9, и каждая покровительствовала определенному виду искусства.

«Разрушение Иерусалима» – на фреске запечатлен эпизод из древнейшей истории о разрушении Иерусалима римским полководцем Титом, сыном императора Веспасиана в 70 г. н. э. С тех пор началось великое расселение евреев и потеря ими своей государственности. Эти драматические события предсказали четыре великих пророка ветхозаветного времени – Исайя, Иеремия, Иезекииль и Даниил. Иерусалимский храм, построенный Соломоном, главная святыня евреев, где хранился ковчег завета. Когда в 586 до н. э. город был превращен в руины вавилонским царем Навуходоносором, пророк Иеремия тайно вынес из разрушенного Иерусалимского храма ковчег завета, на развалинах города он создал свой знаменитый «плач».

Стр. 16. Ликтор – в Др. Риме лицо, сопровождавшее представителя высшей администрации, неся в руках пучок прутьев с воткнутым в него топором.

414

Герольд – глашатай.

Вечный жид – средневековый легендарный образ еврея Агасфера, обреченного на вечные скитания. Согласно легенде, Агасфер во время пути Христа на Голгофу под бременем креста отказал ему в отдыхе и безжалостно велел идти дальше; за это ему отказано в покое, и он обречен вечно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа. В 1870-е Фет написал шутивную поэму «Вечный жид», рукопись которой хранится в РГБ.

«Битва гуннов с римлянами» – эпизод из битвы на Каталаунских полях между гуннами и римлянами в 451, в которой гунны были разбиты. Об окончании работы над

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana этой фреской сообщалось в февральской книжке РВ за 1856 (с. 160):

«Художественные новости из Германии: профессор Каульбах иллюстрировал “Рейнеке Лис” <...> Пишут, что он уже закончил в одном из залов этого здания колоссальный фреск: “Гуннское побоище” (Die Hunnenschlacht)». Фет также пишет об этой фреске как о завершённой работе Каульбаха, однако по другим сведениям в ноябре фреска «Битва с гуннами» не была завершена.

Аттила – вождь гуннского союза племен в 434–453, достигшего в период его правления наивысшего могущества. После ряда опустошительных походов на территории Восточной Римской империи (443, 447–448), в результате которых гунны добились от империи уплаты огромной ежегодной дани, Аттила устремился на Запад, в Галлию, но в битве на Каталаунских полях был разбит.

Аэций Флавий (ок. 390–454), полководец Западной Римской империи, под его командованием римляне и их союзники варвары разгромили гуннов, предводительствуемых Атилией.

Смотря на геркулесовские подвиги... – Имеются в виду 12 подвигов Геракла, или Геркулеса, героя греч. мифологии. В переносном смысле – дела, которые простым смертным не под силу.

...в деле чистого искусства, в деле вкуса современный голос неправ, и в Германии, быть может, более чем где-либо. – Указывая на Германию, Фет, очевидно, имеет в виду эстетические споры вокруг наследия Гёте, подвергнутого нападкам со стороны Л. Берне, В. Менделя и других «дидактиков, ненавидевших Гёте за его невозмутимое поэтическое спокойствие» (Дружинин). Теория чистого искусства, или «искусства для искусства», как ее часто называют, в России сформировалась в 1840–1850-е как реакция на идеи так называемой натуральной школы, сформулированные В. Г. Белинским. В середине 1850-х идеи Белинского развивал Н. Г. Чернышевский, в частности, в ряде статей «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855–1856). Основные позиции русской критики (В. П. Боткина, А. В. Дружинина, П. В. Анненкова и др.), близкие эстетическим взглядам Фета, были сформулированы Дружининым в статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856): «Все критические системы, тезисы и воззрения, когда-либо волновавшие собою мир старой и новой поэзии, могут

415
быть подведены под две, вечно одна другой противодействующие теории, из которых одну мы назовем артистической, то есть имеющей лозунгом чистое искусство для искусства, и дидактическую, то есть стремящуюся действовать на нравы, быт и понятия человека через прямое его поучение. <...> Теория артистическая, проповедующая нам, что искусство служит и должно служить само себе целью, опирается на умозрения, по нашему убеждению, непроверяемые. <...> Твердо веруя, что интересы минуты скоропреходящи, что человечество, изменяясь непрестанно, не изменяется только в одних идеях вечной красоты, добра и правды, он, в бескорыстном служении этим идеям, видит свой вечный якорь. Песнь его не имеет в себе преднамеренной житейской морали и каких-либо других выводов, применяемых к выгодам его современников, она служит сама себе наградой, целью и значением» (Дружинин А. В. Литературная критика / Сост., подг. текста и вступ. ст. Н. Н. Скатова, примеч. В. А. Котельникова. М., 1983. С. 147–148). Позже, в программной статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859; см. наст. изд., т. 3) Фет будет ссылаться на статью Дружинина «“Очерк истории русской поэзии” А. Милюкова» (1858).

Виктор Гюго, в предисловии к «Notre Dame de Paris» говорит: книгопечатание убило архитектуру. – Очевидно, ошибка памяти Фета: в предисловии к «Собору Парижской богородицы» (1831) Гюго нет таких слов, хотя речь идет о брэнности архитектурных строений, но вместе с тем исчезают и надписи, как, напр., греч. слово «рок», начертанное на стене собора. Несомненно, Фет имел в виду рассуждение архидьякона отца Клода в первой главе пятой книги романа: «Малое берет верх над великим; один единственный зуб осиливает целую толщу. Нильская крыса убивает крокодила, меч-рыба убивает кита, книга убьет здание». В следующей главе автор комментирует мнение архидьякона: «Это был страх духовного лица перед новой силой – книгопечатанием. Это был ужас и изумление служителя алтаря перед излучающим свет печатным станком Гуттенберга. <...> вопль пророка <...> который уже провидит то время, когда разум пошатнет веру, свободная мысль свергнет с пьедестала религию, когда мир стряхнет с себя иго Рима. <...> Это означало, что одно искусство будет вытеснено другим; иными словами – книгопечатание убьет зодчество» (Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. М., 1953. С. 178, 179–180. Пер. Н. Коган).

...трезвая Реформация коснулась таинственного покрова Изиды... – Реформация – антифеодальное и антикатолическое общественное движение в Европе XVI в. (лидерами его были М. Лютер, Ж. Кальвин, Т. Мюнцер), осуществившее с позиций рационализма мировоззренческий пересмотр средневековой культуры в соответствии с потребностями новых социальных отношений и вероисповедания (протестантизм).

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Здесь имеется в виду рациональный подход к толкованию искусства. Изида (Исида) в др.-егип. мифологии одна из самых почитаемых богинь, культ ее существовал и в Древнем Риме.

416

Многочисленный образ «таинственного покрывала Изиды» или «облачения Изиды» (в смысле таинства, без которого нет ни веры, ни подлинного искусства) возник, очевидно, в «Золотом осле» Апулея (книга XI). Этот образ использовали многие, в частности, Белинский в «Литературных мечтаниях»: «...не ждите, чтобы дерзкою рукою стал я срывать девственный покров с таинств древних магов или жрецов Озириса и Изиды на берегах многоводного Нила <...>» (Белинский. Т. 1. С. 27).

Пифия – жрица, прорицательница храма Аполлона в Дельфах. Слова, произносимые пифией, истолковывались как воля Аполлона.

Стр. 17. ...картины Каульбаха не видения художника – а диссертация на степень доктора философии, написанная кистью. – Впечатления фета от живописи Каульбаха со временем не изменились. Высоко ценя собственно философию, в статье «По поводу статуи г. Иванова на выставке Общества любителей художеств» (1866) он отмечал вред, наносимый «философствованием» искусству. «Что может быть выше и человечнее философии, этого божественного самосозерцания духа в области разума, и что может быть ближе ее к искусству – такому же созерцанию духа в области красоты? Кто из художников может поравняться силою всевозможных данных с Гёте или Каульбахом? А между тем первый погубил философией свою вторую часть “Фауста”, а второй все свои прекрасные произведения» (см. т. 3 наст. издания). Позднее, переводя вторую часть «Фауста», Фет скорректировал свое мнение относительно ее художественных достоинств.

Собрание древностей Египетского музея – уступает в этом отношении только лондонскому, ватиканскому и лейденскому. – Коллекция египетских древностей Британского музея в Лондоне, основу которой составил вклад короля Георга III в 1801, занимает отдельную галерею и несколько залов. Формированием этого отдела в 1840-е занимался англ. египтолог Берч (Birch). Египетский музей в Ватикане был создан при Григории XVI (1765–1846). Город Лейден, расположенный на Рейне в нидерландской провинции южн. Голландии, прославился основанным в 1818

Национальным музеем древностей, обладавшим обширной египетской коллекцией. Фет не называет египетскую коллекцию Лувра, о которой речь пойдет далее.

В 1827 году покойный король Фридрих-Вильгельм III – экспедиция 1843 года значительно его обогатила. – Фридрих-Вильгельм

III (1770–1840), король прусский, любитель искусства, имел разносторонние научные и художественные интересы. В основание музея были положены несколько известных коллекций (Менутоли, Пассалаквы, Дроветти). Особенно ценной была коллекция собирателя и первого руководителя египетского отдела, когда он еще располагался во дворце Мон-Бижу, Джузеппе Пассалаквы (1776–1852). Значительным вкладом в изучение Древнего Египта и в возрождение египтологии Германия обязана также Фридриху-Вильгельму

IV (1795–1861), снарядившему экспедицию в Египет и Эфиопию

417

в 1842–1845. Именно поэтому ему посвящена торжественная надпись, которую Фет приводит ниже. Экспедиция проводилась под руководством К.-Р. Лепсиуса (1810–1884), последователя «отца» египтологии Ж.-Ф. Шампольона (1790–1832). Проект экспедиции был предложен также Лепсиусом. Последнему принадлежит заслуга введения строго-научного метода в изучение египетской хронологии и грамматики. Лепсиус привел в образцовый порядок коллекцию Берлинского музея. П. Н. Кудрявцев писал в «Письмах из Берлина»: «Здесьнее собрание египетских древностей не самое богатое; но умное расположение с разными аксессуарами много возвышает его цену. В этом состоит главная цена вообще всего нового берлинского музея. Наука взяла на свое попечение случайно скопившийся материал и везде умела придать ему характер цельности. Все предметы расположены здесь систематически, с строго научною мыслию. Опытная рука видна особенно на египетском отделении» (РВ. 1856. №11. Кн. 2. С. 86).

Русские читатели могли узнать об этой экспедиции, в частности, из довольно подробного описания, содержащегося в «Обзрении главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848 год» (Вести, имп. рус. геогр. о-ва на 1851 год. Кн. 3. С. 28–33). Как сообщается в «Обзрении», в 1842 была издана географическая карта Египта, составленная Руссегером. Во время путешествия по горному Египту в 1836 Руссегер обратил внимание на развалины Дендеры (Тентирь), где еще был виден знаменитый большой зодиак и гордо красовался храм Афродиты, «наилучшее сохранившееся из всех капищ Египта». Еще величественнее оказались развалины древних Фив, которые расстилалась по обеим сторонам Нила. Существование карты облегчило задачу Лепсиуса, представившего проект экспедиции в Египет. В ней приняли участие египтологи, архитекторы,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana рисовальщики, которые скопировали иероглифы. Летом 1842 экспедиция началась в Александрии, были исследованы пирамиды в Джизехе, Саккаре, Мемфисе и т. д. Результаты экспедиции отражены в богато иллюстрированных 12 томах «Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien» («Памятники Египта и Эфиопии». Берлин, 1849–1860). Стр. 18. Первая зала – atrium. – Залы Египетского отделения (высотой 6,49 м) располагались на первом этаже Нового музея по правую сторону от главного входа и были сгруппированы вокруг так называемого колонного двора, или атриума, как у фета, покрытого двойной стеклянной крышей и представлявшего собой в три раза уменьшенную копию колонного двора в Карнаке с перистилем из 16 колонн, увенчанных капителями в форме лотоса. На карнизе помещена надпись, приведенная ниже. Непосредственно к эт. залу примыкал колонный зал (Nurostyl), который Фет называет египетской колоннадой, вместе они должны были представлять основные части египетского храма. В атриум можно было попасть прямо из главного вестибюля (с парадной лестницей), а уже оттуда в остальные залы:

418

Исторический, Зал гробниц, Мифологический и др. Atrium – в Риме часть дома, крытый двор, расположенный в передней части здания. Главным украшением атриума были бюсты предков. Римляне устраивали атриумы при храмах и разных общественных сооружениях, они богато украшались статуями и колоннами из мрамора. На карнизе иероглифическая надпись – добра, привезенного из Египта и Эфиопии. – По-нем. текст надписи звучит следующим образом: Der königliche Sonnenaar, der Racher Preußens, der König, der Sohn der Sonne, Friedrich Wilhelm IV., Philopator, Euergetes, Eucharistos, von Thot und der Safech geliebt, der siegreiche Herr des Rheins und der wfcichsel, der erkoren ist von der Germania, hat aufrichten lassen in diesem Gebäude Ko- losse, Statuen, Bilder und Bildwerke, Steine, Saule und Sarge, und vieles ande- rcs Gute, was herbeigeluhrt ist aus Agypten und dem Mohrenlande. Филопа- тер – по-греч. «Любящийотечество», Эвергет – «Благотворитель» (Благодетель, Благотворящий), Эвхарист – «Благодающий».

Елизавета (1801–1873), принцесса баварская, супруга Фридриха-Вильгельма IV. Иероглифы, окруженные кольцами... – Благодаря тому, что египтяне писали царские имена в кольцах (овалах или картушах), Ж.-Ф. Шампольону (младшему) удалось расшифровать египетские иероглифы.

Стены залы покрыты ландшафтами – работы известных художников. – На стенах атриума располагались 17 картин, представлявших виды и ландшафты с реконструированных египетских монументов: мемфисские пирамиды и храм Хаторы в Дендере работы Карла Грэба (1816–1884); двойная статуя Вильгельма Ширмера (1802–1866), изображение колонного зала Кар- накского храма работы Эдурда Папе (1817–1905), а также работы Эд. Бирмана (1803–1892) и М. Шмидта (1818–1891).

Пирамида Хеопса – крупнейшая из др.-егип. пирамид в Гизе (XXVIII в. до н. э.), высота ее 146 м.

Хатор в др.-егип. миф. – богиня неба и плодородия, любви и веселья. Изображалась в виде женщины с головой коровы. Считалась покровительницей женщин и детей. Центром культа Хатор был город Иунет (Дендера).

Мемнон – в др.-греч. миф. царь эфиопов, сын богини утренней зари Эос, участник Троянской войны, пришедший на помощь троянцам; погиб от руки Ахилла и был похоронен в Эфиопии (которую древние греки локализовали в воет. Африке). Одну из двух статуй фараона Аменхотепа III, составлявших ансамбль с заупокойным храмом царя, расположенным на западном берегу Нила, против Фив, греки считали изображением Мемнона. Это были высочайшие статуи (ок. 21 м), так называемые «Колоссы Мемнона», один из которых, в результате повреждения после землетрясения, при восходе солнца издавал звуки, похожие на человеческий голос. Греки верили, что это Мемнон приветствует свою мать. К храму, который стерегли колоссы Мемнона, вела аллея сфинксов с ликом Аменхотепа III. Два из них

419

сохранились и находятся в Петербурге на берегу Невы, напротив здания Академии художеств. В статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859) Фет использовал образ М.: «Но едва только свежий, зоркий художник взглянет на ту же “луну, мечту или деву” – эти холодные, обезображенные и песком забвения занесенные камни, подобно Мем- нону, наполнят пустынный воздух сладостными звуками» (см. наст. изд., т. 2, с. 178). Позднее, в ст-нии «Напрасно ты восходишь надо мной...» (1865) Фет себя уподобил статуе М.: «Как ярко ты и нежно ни гори / Над каменным угаснувшим Мемноном, – / На яркие приветствия зари / Он отвечать способен только стоном». Мемфисские пирамиды – система пирамид, возведенных на границе Верхнего и Нижнего Египта, на левом берегу Нила, рядом с городом Мемфисом, столицей Древнего царства. Карнакский храм – центральный храм бога Амона-Ра (XVI–XII вв. до н. э.) в комплексе храмов, сооруженных в селении Карнак (др.-егип. Ипет- Исут) на

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana территории древних Фив, на восточном берегу Нила. Главная его достопримечательность – грандиозный многоколонный (144 колонны) зал – гипостиль, стены которого были покрыты цветными рельефами, колонны храма сплошь покрыты иероглифами. Эти росписи частично воспроизведены на колоннах Египетского отделения Нового музея.

Сфинкс в Древнем Египте – статуя, изображающая духа-охранителя, с телом льва и головой человека или священного животного, чаще всего барана или ястреба, они являются символическими изображениями царей и богов, в особенности бога Ра. Фигуры сфинксов ставили у входа в храмы, либо они составляли аллеи, ведущие к храму, выполняя роль стражей. Аллея сфинксов, обращенных друг к другу, вела от Луксорского к Карнакскому храму.

Фивы – столица Древнего Египта во время правления XI–XX династий египетских царей (Среднее и Новое царства), город прославился грандиозными усыпальницами фараонов.

Овен с диском солнца на голове – эмблема Амон-Ра. –Амон – в др.-егип. миф. бог солнца, центр культа в Фивах; священным животным Амона являлся баран (овен). Обычно изображался в виде человека (иногда с головой барана) в короне с двумя высокими перьями и диском солнца на голове. Ра – бог солнца, представлен в виде человека с головой сокола, увенчанной солнечным диском. В период Нового царства отождествлен с Амоном, в результате чего Амон-Ра стал верховным богом, «царем всех богов», культ его приобрел государственный характер.

...Озириса (на языке иероглифов – Аменопис, у греков – Мемнон). – Озирис (Осирис) – в егип. мифологии бог производительных сил природы, царь загробного мира. Согласно упоминаниям в др.-егип. текстах и рассказу Плутарха, Озирис был старшим сыном бога земли Геба, братом и мужем Исиды, братом Нефтиды и Сета, отцом Гора (далее Фет называет его Горусом), унаследовал власть от прадеда Ра. О. научил людей земледелию и ремеслам, строитель

420 ству и врачеванию. Брат Сет позавидовал О. и обманом уговорил его лечь в ящик, который затем залил свинцом и сбросил в воду. Тело О. нашла его жена Исиды, зачала от мертвого мужа сына Гора, который победил Сета и оживил отца. В культе О. присутствует идея вечного умирания и оживления природы. В «Текстах пирамид» фараон после смерти уподобляется О., считалось, что после смерти он оживет. Аменопис (Аменофис) – греч. форма династического имени Аменхотеп. Во время правления Аменхотепа III могущество Египта достигло своей вершины. Поскольку бессмертие обеспечивало фараонам отождествление с возрождающимся после смерти Осирисом, Фет называет имя Аменописа как синоним О. Мемнон – на (см. выше) иногда ошибочно отождествляли с егип. фараоном Аменхотепом III, как в случае со статуей в Фивах, о которой речь шла выше.

Порфир – название вулканических горных пород (от греч. porphirus – пурпурный), имеющих особую красную с белыми вкраплениями окраску. Порода широко применялась для украшений и скульптур в Древнем Риме.

Рамзее (Рамсес) II (1317–1251 до н. э.) – виднейший представитель XIX династии егип. фараонов (кон. XIV – сер. XIII вв. до н. э.), при котором была восстановлена власть Египта в Палестине и государство достигло процветания, велось большое храмовое строительство, при его дворе, по легенде, воспитывался Моисей. На статуе, о которой говорит Фет, старые надписи были затерты и заменены на указывающие на Рамзеса II. Греки называли Сезострисами двух царей Второго египетского царства, из которых Сети (1445–1394 до н. э.) был первым, а сын его Рамзее (1394–1328 до н. э.) вторым фараоном.

Сезуртазен I – имеется в виду статуя Сенусерта I (правил ок. 1970–1934 до н. э.) или Сезостриса I, верхняя часть статуи дополнена, по бокам изображены божеества Нила.

Стр. 19. Горус (Гор) – сын Исиды и Осириса, бог солнца, считавшийся покровителем власти фараонов. Пре-Атма – одно из воплощений бога солнца. Копчик (точнее, кобчик) – небольшая хищная птица из семейства соколиных. Бог солнца Гор изображался у египтян в виде сокола (или ястреба), человека с головой сокола, а также крылатого солнца. Его символ – солнечный диск с распростертыми крыльями. Мемфисский некрополь – то же, что мемфисские пирамиды.

Фивские катакомбы – захоронения в глубоких помещениях, высеченных в скале. ...в Верхнем Египте преобладал обычай класть в гробницы папирусы, а в нижнем клали исписанные камни. – Причина обычая, ло-видимому, заключалась в климатических условиях: во влажном климате Нижнего Египта камни были более надежным материалом для писем в вечность, чем папирус.

Плева – зд.: кожа растения.

421

...в виде Бени-гассанских катакомб – историческими изображениями. – Бени (Бену)-Гассан – местечко, где сохранились погребальные пещеры с постройками, в

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana которых большое значение имеют разного типа колонны. Их считают предшественниками греческих колонн дорического стиля.

...но мимо стеклянных ящиков самый равнодушный посетитель не пройдет... – Среди экспонатов египетского отделения много забальзамированных останков животных, хорошо сохранившихся и выставленных в стеклянных ящиках.

Ибис – птица с длинным клювом из отряда аистообразных, пожиратель змей; один из видов называется «ибис священный». В Древнем Египте был священной птицей, символом бога Тота. Среди египетских захоронений найдено множество забальзамированных ибисов.

Ихневмон, или фараонова мышь – мангуст. В Древнем Египте священное животное, считалось, что он способен не только поедать яйца крокодила, но и убивать самих крокодилов, забираясь им в пасть.

Сикомора (точнее, сикомор, или египетская смоковница) – растение из рода фикусовых, семейства тутовых. Легкая и не поддающаяся гниению древесина употреблялась египтянами для изготовления саркофагов.

Стр. 20. Теперь в Лейпциге появилось издание речей греческого оратора... – О каком издании говорит Фет, установить не удалось.

Демосфен (384–322 до н. э.), др.-греч. оратор и полит, деятель. Сохранились приписываемые Демосфену 61 речь, 56 «Вступлений» к речам и 6 писем.

Тут все символ... – Фет называет искусство египтян символическим вслед за Гегелем; «Первая форма искусства представляет собой в большей мере лишь искание воплощений в образной форме, чем способность дать истинное изображение, так как идея еще не нашла формы внутри самой себя и остается лишь усилием и стремлением к таковой. Мы можем назвать эту форму символической формой искусства» (Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика. Т. 1. М., 1968. С. 82).

Там один закон, одно убеждение, одно слово – красота. – Именно искусство Древней Греции полностью отвечало идеалам красоты в эстетике Фета. Во многом эстетика Фета опиралась на Г.-Э. Лессинга (1729–1781). «Греческий художник не изображал ничего, кроме красоты, – писал Лессинг в “Лаокооне”, даже обычная красота, красота низшего порядка, была для него лишь случайной темой, предметом украшения и отдыха» (Лессинг Г.-Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии // Лессинг Г. Э. Избранное / Вступ. ст. и ком-мент. А. Гулыги. М., 1980. С. 385. Пер. Е. Эдельсона). О значении открытия красоты древними греками писал и В. П. Боткин в статье о Фете: «Великое откровение явилось человеку в чувстве красоты: откровение гармонического единства между понятием и формой, между внутренним чувством и внешним образом» (Боткин В. П. Литературная критика. С. 199).

422

...стены расписаны профессорами Ширмером, Бирманом, Шмидтом и другими. – Ширмер Вильгельм (1802–1866), нем. пейзажист, ученик основателя дюссельдорфской школы Ф. В. Шадова; Бирман Карл Эдуард (1803–1892), нем. пейзажист, член Академии художеств в Берлине, один из основателей берлинской пейзажной школы; Шмидт Макс (1818–1901), нем. пейзажист, мастерская Шир-мера, писал ландшафты в романтическом стиле.

«Роща Зевеса Ликейского» – «Внутренний вид храма Юпитера Олимпийского, со знаменитой статуей бога»... – Фет перечисляет картины художников, упомянутых выше: «Роща Зевса Ликейского» и «Ликейские могилы» М. Шмидта, «Крепость Сиракузы и храм Минервы» Э. Бирмана; «Вид Эгины с храмом Зевса Пангелления» В. Ширмера; «Внутренний вид храма Юпитера Олимпийского, со знаменитой статуей бога» Э. Папе (о них см. выше). Эгина – в греч. миф. дочь речного бога Асопа, похищенная Зевсом и родившая ему Эака. Соединение Зевса с Эгиной, по античным источникам, произошло на острове Ойнон, Зевс превратил Эгину в остров, который стал называться Эгиной, а сам превратился в камень, поэтому там возведен храм Зевса. Культ Зевса Пангелления (Zeus Panellenio), или «Всегреческого», связан с Эгинским храмом.

...слепок с «Борьбы вокруг тела Патрокла». – Оригинал теперь в Мюнхене. – Описанию подвигов и гибели Патрокла посвящена 16-я кн. «Илиады». В Берлинском музее, как верно заметил Фет, хранилась лишь копия знаменитой композиции, найденной в 1811 на о. Эгина (в Эгейском море) на развалинах храма Паллады (Эгинский храм, о котором Фет говорит далее). Скульптурная группа принадлежит к школе др.-греч. искусства, сформировавшейся еще до времен Фидия и отличавшейся простотой форм, близостью к натуре, но в то же время некоторой статичностью.

...куплен наследником баварского престола... – Имеется в виду Людвиг I (1786–1868), король Баварии с 1825 по 1848, известный своим пристрастием к искусству и стремлением сделать из Мюнхена вторые Афины. Л. I преобразовал Академию художеств, приобрел множество произведений искусства, вел строительство великолепных зданий. Отрекся от престола во время революции 1848.

Торвальдсен Бертель (1768, или 1770–1844) – датский скульптор, представитель позднего классицизма.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana Эгида – в др.-греч. мифологии щит Зевса – символ покровительства богов.

Стр. 21. ...ни одно лицо – не искажено усилением – каждый страстный образ помнит, что он прежде всего идеал. – Данное рассуждение фета восходит, очевидно, к трудам Лессинга и Гегеля. «Есть страсти и такие выражения страстей, которые чрезвычайно искажают лицо и придают телу такое ужасное положение, при котором совершенно исчезают изящные линии, очерчивающие его в спокойном состоянии. Древние художники избегали изображения этих страстей или старались смягчить их до такой степени, в какой им свойственна еще

423

известная красота» (Лессинг Г.-Э. Лаокоон... С. 387. Пер. Е. Эдельсо- на). «Поэзия <...> имеет право при изображении внутренних состояний доходить до крайних мук отчаяния, а при изображении внешних явлений – до безобразного как такового. В пластических же искусствах, в живописи, а в еще большей степени в скульптуре внешний образ пребывает в прочной неизменности и не может быть вновь устранен или, подобно звукам музыки, мимолетно промчатся и исчезнуть. Здесь было бы неправильно фиксировать безобразное само по себе, если оно не находит разрешения» (Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика. Т. 1. С. 214).

...заметил мой товарищ. – С кем путешествовал Фет по Германии, установить не удалось.

«Мы вышли – я мчался на борзом коне»... – Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Черная шаль»: «Мы вышли; я мчался на быстром коне; / И кроткая жалость молчала во мне».

У меня и без того осталось незавидное воспоминание о немецкой сцене. – Видимо, во время посещения Германии в 1844.

Быть в Берлине – и не видать Кроля! – имеется в виду увеселительное заведение, предназначенное для состоятельной публики, построенное в самом большом парке Берлина Тиргартене. Йозеф Антон Якоб Норберт Кроль (Kroll) (1797–1848) получил право на сооружение т. н. «зимнего сада» от Фридриха-Вильгельма IV, захотевшего построить заведение, аналогичное ресторану Кроля в Бреслау, где он однажды завтракал. Огромное здание на 5000 посетителей, состоявшее из нескольких залов и 14 комнат, было открыто в 1844 (арх. К.-Ф. Ланганс; 1782–1869). С 1850 в заведении устраивались музыкальные и театральные представления. В 1851 главное здание сгорело, но было быстро отстроено заново (арх. Э. Тиц; 1819–1890) и открыто в 1852. В «Письмах из Берлина» (1847) И. С. Тургенев иронически характеризовал берлинскую новинку: «В “Тиргартене” другой индивидуум, по прозвищу Кроль, выстроил огромное здание, где каждую неделю добрые немцы собираются сотнями и “торжественно едят” (halten ein Festessen) в честь какого-нибудь достопамятного происшествия или лица <...>» (Тургенев. Соч. Т. 1. С. 317).

...и поехали за заставу, в парк. – Речь идет о Тиргартене, площадь его составляет 250 гектаров. Он тянется от Бранденбургских ворот почти до Шарлоттенбурга. Каменный остров – один из островов Петербургской стороны в дельте Невы между Большой и Малой Невкой.

Стр. 21–22. ...выстроен антрепренером Кролем, которого заведение перешло по наследству к дочери. – в углублении одной из продольных стен – сцена. – После смерти Й. Кроля в 1848 заведение перешло к его старшей дочери Августе (1821–1907), которая расширила театральную программу: были возведены подмостки в главном, «королевском зале», где шли пьесы преимущественно комедийного характера. Союз Августы с венг. музыкантом Якобом Энгелем на несколько лет сделал заведение своеобразным музыкальным центром,

424

здесь стали ставиться «серьезные» оперы, в т. ч. Россини, Доницетти, Обера, исполнялась музыка Р. Вагнера. Однако здание не было достаточно приспособлено для театра, начинания Энгеля потерпели неудачу, в 1855 он отошел от дел и продал «заведение Кроля». Следующие владельцы вынуждены были также продать его в 1862. Драпри – драпировка, занавеска (от франц. draperie).

Стр. 22. Можно помириться с тем – Самая пьеса усыпительна до раздражительности – Театральное искусство Германии 1840–1850-х, в основном, было сосредоточено в небольших городах, что препятствовало его развитию, созданию национального театра. Режиссерское искусство развивалось преимущественно в области постановочной культуры и не распространялось на игру актеров, исполнительское мастерство которых отличалось манерностью, отсутствием вкуса. Не только у фета было критическое отношение к немецкому театру. И. С. Тургенев тоже был невысокого мнения о нем, о чем свидетельствуют строки из гл. XXXIX повести «Вешние воды» (1871): «В 1840 году театр в Висбадене был и по наружности плох, а труппа его, по фразистой и мизерной посредственности, по старательной и пошлой рутине, ни на волос не возвышалась над тем уровнем, который до сих пор можно считать нормальным для всех германских театров и совершенство которого в

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana последнее время представляла труппа в Карлсруэ, под “знаменитым” управлением Г-на Девриен- та. <...> То было одно из многочисленных доморощенных произведений, в которых начитанные, но бездарные авторы отборным, но мертвенным языком, прилежно, но неуклюже проводили какую-нибудь “глубокую” или “животрепещущую” идею, представляли так называемый трагический конфликт и наводили скуку... азиатскую, как бывает азиатская холера» (Тургенев. Соч. т. 11. С. 129–130). П. Н. Кудрявцев писал о своих впечатлениях о берлинском театре более благосклонно: «...берлинская опера никогда не доставляла мне особенного удовольствия. Высокие драматические пьесы, Шекспир, Шиллер, Гёте, напротив того, обыкновенно выполнялись удивительно отчетливо и всегда производили сильное впечатление» (Письма из Берлина // РВ. 1856. № 11. Кн. 2. С. 92). Как бы я желал видеть ученье прусской кавалерии... – Желание вполне понятное, поскольку Фет состоял на военной службе в кавалерии. «Тем временем мне сильно хотелось преобразиться в формального кирасира, и я мечтал о белой перевязи, лакированной лядунке, палаше, медных кирасах и каске с гребнем из конского хвоста, высящегося над георгиевской звездой» (РГ. С. 188). Стр. 23. Берейторский манеж – место, где обучают верховой езде. Бал Гофф-Егер – бал, устроенный для профессиональных охотников. Стр. 24. Рейткнехт (воен., от нем. reiten – ездить верхом и knecht – батрак) – нижний чин, назначенный для ухода за офицерскими лошадьми.

425

Кадриль – группа из четырех всадников; чтобы участвовать в кадрили, лошадь должна быть хорошо выезжена.

Фунт – русская мера веса; 409,5 гр.; в европейской системе мер фунт несколько больше.

Гарнец – употребляемая до введения метрической системы мер русская мера сыпучих веществ, равная 3,28 л.

Подъемные – лошади, которых держали в армии для перевозки обоза.

Стр. 25. Принц Мекленбургский – очевидно, герцог Георгий (1824–1876), женатый на вел. княгине Екатерине Михайловне (1827–1894). Династия герцогов Мекленбургских – единственная в Зап. Европе славянского происхождения. Мекленбург – два германских великих герцогства: М.-Шверин и М.-Стерлиц, находились на берегу Балтийского моря.

Дрезден – столица королевства Саксонии. Его облик во многом определяется парками и мостами через Эльбу, соединяющими левобережную часть – Старый город (Альтштадт) с Новым городом (Нейштадт). Старый город имел правильную планировку со средних веков; его центр – площадь Постплац, расположенная между новой застройкой и основными архитектурными памятниками, группирующимися вдоль Эльбы. Среди них: замок курфюрстов; в стиле барокко дворцовый ансамбль Цвингер (из объединенных галереями павильонов по 3 сторонам двора) и церковь Хофкирхе (1738–1756).

Лет через пять. Бог даст, и у нас из Петербурга будет в Одессу ближе, чем из Пскова в Новгород или из Воронежа в Тамбов. – Первая железная дорога в России (Царскосельская, между Петербургом и Павловском) была открыта еще в 1836. В янв. 1857 Главному обществу российских железных дорог была выдана концессия на сооружение 4 линий: от Петербурга до Варшавы, с ветвью к прусской границе; от Москвы до Нижнего Новгорода; от Москвы через Курск до Феодосии; от Курска или Орла, через Динабург, до Ливавы. Риго-Динабургская дорога открыта была в 1861, Риго-Митавская в 1867. В 1857 выдана концессия на строительство дороги от Одессы до Киева, однако в связи с большими финансовыми трудностями ввод этой дороги затянулся. Правительство было вынуждено взять на себя постройку участков дорог от Одессы до Балты и от Москвы до Курска. В дальнейшем, во второй половине 1860-х, с привлечением германских капиталов, а также частных лиц через посредство земств и, конечно, с помощью государственных средств, строительство железных дорог оживляется.

Не шуми ты, рожь, спелым колосом... – Неточная цитата из стихотворения А. В. Кольцова «Не шуми ты, рожь...» (1834). Описывая в мемуарах время своего заграничного путешествия, Фет вспомнил, что тогда они с Тургеневым «инстинктивно находились под могучим влиянием Кольцова». «Меня всегда подкупало поэтическое буйство, в котором у Кольцова недостатка нет, и я тогда еще не успел рассмотреть, что Кольцов, говоря от имени крестьянина, говорит

426

псевдо-крестьянским языком, непонятным для простонародья, чем и объясняется его непопулярность. <...> Тем не менее, невзирая на несоответствие формы содержанию, в нем так много специально русского воодушевления и задора, что последний одолевал и такого западника, каким стал Тургенев под влиянием мадам Виардо» (МВ. ч. 1. С. 159).

Стр. 26. Курьерский – скорый поезд.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana Падалица – зд.: зерно, выпавшее на ниве и взошедшее на другой год (Даль. Т. 3. С. 7).

Стр. 27. Поговорите-ка с саксонцем: он вам докажет, что мост на Эльбе чудо искусства... – Не только саксонцы считали мост на Эльбе «чудом искусства». В 1821 п. И. Сумароков, посетивший Германию, писал: «Вид восхитительный! Преддверие чудесно! Знаменитая Эльба течет струисто, горделиво; великолепный мост, пролегая по ней, указывает за собою громаду зданий, башен <...>» (Прогулка за границу. Павлом Сумароковым, почетным членом Виленского университета. СПб., 1821. ч. 1. С. 116). П. В. Анненков тоже любовался мостом: «Эльба разделяет столицу Саксонии на новый и старый Дрезден, и величественный каменный мост, соединяющий оба берега, конечно, принадлежит к чудесам новейшего искусства. Огромные быки, на которых он стоит, придают ему вид циклопической постройки, а взятый в целости, он поражает гармонией и стройностью частей <...>. Известна участь этого моста в 1813 году: Наполеон взорвал его, а Александр Павлович восстановил» (Анненков П. В. Парижские письма. С. 267).

Бюрде-Ней Женни (1824–1886) – нем. певица. См. о ней далее.

«Похищение из Сералея» (1782) – опера В.-А. Моцарта (1756– 1791). См. ниже.

Циклорама – панорама, в которой показываемые изображения помещены на вращающемся цилиндре.

Стр. 28. Ретроградное движение – движение в обратном направлении.

Полпивная – заведение, торгующее полпивом (легким пивом).

Стр. 29. ...«немцы обезьяну выдумали*... – В. И. Даль приводит в своем словаре как повсеместно распространенное изречение: «Хитер немец: обезьяну выдумал! Говорит народ о заезжих гаерах с обезьянами» (Даль. Т. 2. С. 578). Ф. М. Достоевский в статье «Ряд статей о русской литературе» (1861) также использует это изречение: «Приезжают к нам немцы всякие: и без царя в голове, и такие, у которых есть свой король в Швабии, и ученые, с серьезною целью узнать, описать и таким образом быть полезным науке России, и неученые простолюдины с более скромною, но добросовестною целью – печь булки и коптить колбасы, – разные Веберы и Людекенсы. Иные даже принимают себе раз навсегда за правило и даже за священную обязанность знакомить русскую публику с разными европейскими редкостями и потому являются с разными великанами и великаншами, с ученым сурком или обезьяною, нарочно выдуманною немцами для русского

удовольствия» (Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч.: В 30 т. Т. 18. Л., 1978. С. 42–43).

...они собаку если не съели... – каламбур, перефразированный русский фразеологический оборот «собаку съел», т. е. приобрел в чем-то навык, большой опыт.

Портшез – легкое переносное кресло, в котором можно сидеть полулежа (от франц. porter – носить и chaise – кресло).

Картинная галерея недавно перенесена из прежнего помещения в новое ~ заложенное по плану Семпера в 1847 году и находившееся с 1849 года под ведением Генеля и Крюгера. – Имеется в виду одно из крупнейших в мире собраний живописи Дрезденская картинная галерея, начало которой было положено в 1560 дворцовым собранием курфюрстов Саксонских (Кунсткамерой). В 1847–1849 специально для картинной галереи Готфридом Семпером (Земпером; 1803–1879) построено (до 1849 Семпер успел построить только цокольный этаж, поэтому Фет и говорит здание было «заложено») в стиле Возрождения новое здание музея, вошедшее в музейный комплекс Цвингер (до этого большая часть коллекций располагалась в верхних этажах здания придворных конюшен). Участие в дрезденском майском восстании 1849 вынудило Семпера покинуть Саксонию. Строительство картинной галереи было завершено в 1855 архитекторами Карлом Морицем Хенелем (Генелем; 1809–1890) и Бернгардом Крюгером (1821–1881). На момент открытия в галерее насчитывалось 2200 картин, которые с трудом разместились в новом здании. Как и в здании «конюшен», их пришлось повесить вплотную друг к другу до самого потолка.

«Зеленый свод» – коллекция саксонских ювелирных изделий, входит в состав Государственных художественных собраний Дрездена наряду с Дрезденской картинной галереей, Историческим музеем, Собранием фарфора, Музеем народного искусства. Палата с зеленым сводом сначала была тайным хранилищем драгоценностей и документов курфюрста саксонского и его семьи. С 1610 именуется «сводчатой», а с 1638 «Зеленым сводом» за зеленую окраску, которой были покрыты своды подвального помещения, где хранились накопленные саксонскими герцогами и курфюрстами сокровища. Музей в XIX в. стал доступен для посетителей, но допускались в него только небольшие группы с обязательным сопровождением экскурсовода, который выполнял роль, как пишет Фет, надсмотрщика.

Стр. 30. Челлини Бенвенуто (1500–1571) – итал. скульптор, ювелир, писатель Позднего Возрождения. Один из известнейших мастеров маньеризма, его скульптурные

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana и ювелирные произведения отличаются изысканностью форм, часто вытянутых, изяществом деталей. Всемирную славу ему принесло мемуары «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини флорентинца, написанная им самим во Флоренции». Написал также теоретический трактат о ювелирном искусстве «Два трактата о ювелирном искусстве и скульптуре» (1568).

428

Стр. 31. ...с рафаэлевскими и нидерландскими коврами по стенам... – Речь идет о шпалерах, настенных безворсовых коврах с сюжетными и орнаментальными композициями. В Дрезд. галерее находятся 4 нидерландских гобелена перв. пол. XVI в. (сотканы в Брюсселе): «Путь Христа к распятию», «Распятие Христа», «Поклонение пастухов», «Вознесение Христа» (последние три заимствованы у Дюрера и созданы, вероятно, в мастерских семьи Орлей) и 5 ковров, являющихся повторением 10 рафаэлевских гобеленов, вытканых в Брюсселе по заказу Льва X по картинам, написанным Рафаэлем в Риме в 1515–1516 для стен Сикстинской капеллы: «Исцеление парализованного», «Жертвоприношение в Люстре», «Чудесный улов», «Паси моих Агнцов», «Св. Павел читает проповедь в Афинах».

Пуссен Николя (1594–1665) – франц. живописец, представитель классицизма. Картина «Царство Флоры», изображающая праздник в честь рим. богини Флоры, создана ок. 1631–1632.

Рубенс Питер Пауэл (1577–1640) – фламандский живописец. Речь идет о картинах «Quos ego!» («Я вас!»), сцена из Вергилия, 1634–1635) – эскизе к праздничному оформлению Антверпена в честь торжественного въезда кардинала – инфанта Фердинанда, брата Филиппа IV, и «Победа Карла V над войском Хайрадина Барбароссы» (о битве в Тунисе в 1535 г.), написанной между 1635 и 1640 гг. Силены – в греч. мифологии божества плодородия, составляющие вместе с сатирами свиту Диониса.

Вандик (Ван Дейк) Антонис (1599–1641) – фламандский живописец, писал картины на мифологические и религиозные сюжеты, портретист. Сюжет о Данае – один из самых популярных в европейской живописи. Данае в греч. мифологии – дочь аргосского царя Акрисия. Узнав от оракула, что ему грозит смерть от руки внука, Акрисий заключил дочь в подземный медный терем и стерек ее. Однако Зевс проник к ней в виде золотого дождя. Именно этот сюжет запечатлели известные художники Тициан, Рембрандт. В наст. время установлено, что картина, о которой говорит Фет, принадлежит не Ван Дейку.

..,Рембрандтов «Пир Эсфири у Агасвера», или его самого с бокалом в руке и женою, сидящей у него на коленях... – Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) – голландский живописец, рисовальщик и офортист. Фет имеет в виду картину «Артаксеркс, Аман и Эсфирь» (1660), в основе которой библейский сюжет об Эсфири, спасшей свой народ в эпоху владычества персидского царя Артаксеркса: во время пира она попросила царя помиловать иудейский народ (Есф.: 7). Аман – визирь царя, враг иудеев. «Автопортрет с Саскией на коленях» (1635) был задуман как иллюстрация притчи о блудном сыне, который проводил время в пирах и мотовстве. Однако изображение счастливой пары вовсе лишено дидактического смысла. Рембрандт любил свою жену, она присутствует в его картинах в самых разных обликах – и в писанных с нее портретах, и в образах героинь мифов.

429

«Святая Магдалина» – картина итал. живописца периода Высокого Возрождения Антонио Корреджо (наст. фамилия Аллегри; ок. 1489–1534). Картина «Поклонение пастухов», или «Ночь» написана ок. 1530.

«Hélas! Je t'aime tant qu'a ton pot seul je pleure» – цитата из оды В. Гюго «Encore a toi» («Вновь о тебе», 1823), вошедшей в его сборник «Odes et ballades» («Оды и баллады»).

...рембрандтовского «Ганимеда», уносимого орлом. – Речь идет о картине Рембрандта «Похищение Ганимеда», на известный античный сюжет. Сын троянского царя Троса и нимфы Каллирои Ганимед из-за своей красоты был похищен Зевсом, превратившимся в орла, и унесен на Олимп; там он исполнял обязанности виночерпия, разливая богам нектар на пирах. В европейском изобразительном искусстве миф воплощен во многих произведениях, в числе которых рисунок Микеланджело, картина Корреджо, скульптуры Б. Челлини, фрески Тинторетто и Карраччи, картины Рубенса и Рембрандта. Анненков, посетивший Дрезден и пытавшийся передать свои впечатления от картинной галереи, писал: «...Рембрандт представил “Мальчика, уносимого орлом в облака”, который от страха и боли когтей хищной птицы сделал ужасную гримасу и очень прозаически извергает мочевую струю. Это может со всяким случиться, кто неосторожно подымет в облака, как я теперь, желая определить характер многочисленных произведений живописи, представляемых на удивление знаменитой Дрезденской галереей» (Анненков П. В. Парижские письма. С. 273).

Стр. 32. ...чем прославилась известная корова Поля Поттера (в нашем Эрмитаже). –

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Имеется в виду пейзаж голландского живописца Пауля Поттера (1625–1654), на котором изображена мочающаяся корова.

А вот одно из самых капитальных сокровищ – просвещенным любимцем Августа Саксонского и Фридриха Великого. – Имеется в виду картина нем. живописца Ганса Гольбейна Младшего (Ханс Хольбейн Младший; Фет ошибся в указании дат рождения и смерти, правильно: 1497 или 1498–1543) «Мадонна семьи Якоба Мейера» (ок. 1525–1526), оригинал которой находится в Дармштадте. Копия с нее была выполнена Бартоломеусом Сарбургом (1590 – после 1637) около 1637 в Амстердаме. Эту копию, приняв за оригинал, и приобрел для Дрезденской галереи в 1743 итал. писатель и ученый граф Франческо Альгаротти (1712–1764), приглашенный прусс, королем Фридрихом II (1712–1786), который возвел его в графское достоинство и назначил камергером. К нему благоволил и Август Саксонский (1670–1733). Существует такое понятие, как Dresdner Holbeinstreit (Дрезденский спор о Гольбейне), под ним понимают дискуссию, разгоревшуюся в XIX в. по поводу так называемой «Мадонны бургомистра Мейера», существующей в двух вариантах. У обеих картин довольно непростая история, обе поменяли большое количество владельцев. Когда в 1633 картина попала в руки торговца произведениями искусства Le Blond'a, он заказал ее копию и продал

430

под именем Гольбейна Марии Медичи. С тех пор из одного европейского собрания в другое переходили две картины под одним именем. В XVIII в. в Венеции копия гольбейновой Мадонны была приобретена как оригинал для коллекции Августа II Саксонского и с тех пор висела в Дрездене рядом с Сикстинской Мадонной. В 1822 в Германию попадает также настоящий Гольбейн (а именно в берлинскую коллекцию будущего Вильгельма I). С тех пор начинается спор о том, как соотносятся эти две картины. В 1851 оригинал попадает в Дармштадт, и искусствоведы начинают путешествовать туда и обратно, чтобы оценить картину и сравнить впечатления. Только в 1871 была организована выставка в Дрездене, на которой обе картины висели рядом. Тогда же состоялся конгресс, на котором ведущие искусствоведы окончательно решили считать дармштадтскую Мадонну оригиналом, а дрезденскую – копией.

Стр. 33. ...под влиянием Мурильо... – В Дрездене находилось 3 картины исп. живописца, одного из основателей Академии художеств в Севилье Бартоломе Эстебана Мурильо (1618–1682): «Смерть св. Клары», «Св. Родриго» и «Мария с младенцем». О живописи Мурильо писал В. П. Боткин: «В Мурильо воплотилась страстная, любящая, поэтическая сторона католицизма. Ни один художник не представляет такого глубочайшего слияния самой живой реальности с самым мистическим идеализмом. Все сокровенные ощущения религиозной души Мурильо осуществил в своих картинах. Никогда поэзия более мистическая, восторженная, идеальная не являлась на полотне в такой яркой действительности, облеченная в такую живую форму, доступную самому простому смыслу.<...> В его мадоннах нет той неземной, холодной святости, того неопределенно-изящного выражения, какими отличаются мадонны итальянских мастеров: мадонны Мурильо – увлекательно прелестные севилянки, со всею живостью и выразительностью своих физиономий <...>» (Боткин В. П. Письма об Испании. С. 70, 72).

«Сикстинская Мадонна» (1515–1519), картина Рафаэля (1483–1520), приобретена в 1754, до этого времени находилась в церкви монастыря Сан-Сито в Пьяченце (Италия). Первым описал ее русским читателям Н. М. Карамзин (в «Письмах русского путешественника», 1791). Описание этого полотна оставили В. А. Жуковский, В. Кюхельбекер в «Отрывке из путешествия по Германии» (1824) и др. Анненков в своих «Путевых заметках» передал впечатление от картины Рафаэля, сравнив ее с картиной Мурильо на тот же сюжет: «Вот идет по небесам женщина, для которой уже нет тайны во вселенной, которая знает начало и конец всего <...> Какая глубокая, нечеловеческая мудрость в лице ее, какая дума, поглощающая века, время и пространство во взгляде, благоволи она открыть уста и произнеси слово, небеса бы содрогнулись и задымились горы» (Анненков П. В. Парижские письма. С. 272).

...угольная комната – угловая комната (это была северная угловая комната первого этажа).

431

Как благословлял я в душе короля саксонского за то, что он запретил снимать дагерротипы с этой картины... – Король Саксонский – очевидно, Иоанн (1801–1873), сын принца Максимилиана и Каролины Пармской, поклонник и переводчик Данте, вступил на престол в 1854. Дагерротип – первый технически разработанный способ фотографии, названный по имени Л.-Ж. Дагера (1787–1851). Сообщение об этом изобретении было опубликовано в 1839, считающемся годом изобретения фотографии. ...картина постоянно была обставлена мольбертами пачунов, которые, искажая на своих холстах видение Рафаэля, только мешали тихому созерцанию посетителей. – Возможно, аллюзия на известные слова Сальери из трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana Сальери»: «Мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля...» (Сцена I).

Стр. 34. Св. Сикст – папа Сикст IV (1414–1484), который установил праздник Непорочно зачатия Богоматери, отмечаемый 8 декабря. При нем построена Сикстинская капелла.

Великомученица Варвара – христианская святая, согласно преданию, единственная дочь богатого язычника Диоскора, девственница, давшая обет целомудрия, тайно приняла христианство. Узнав об этом, отец подверг ее пыткам и по приговору властей совершил над нею казнь.

Стр. 35. ...на террасу, возвышающуюся по левому берегу Эльбы. – Имеется в виду знаменитая Брюльская терраса (длина 400 м), открытая в 1814 губернатором города русским князем Репниным. На террасу вела лестница в 41 ступень, которую украшали четыре скульптурные группы работы И. Шиллинга, представлявшие четыре времени суток.

Тенор, похититель прекрасной султанши... – Согласно либретто, герой оперы Моцарта «Похищение из Сераля» Бельмонт (тенор), похищает из дворца Селима-паши купленную султаном у пиратов пленницу Констанцу (сопрано).

Стр. 36. Обыденкой – в течение одного дня (просторен.).

Карлсбад – курорт (чешек. Карлови-Вари) в Богемии. Знаменит источниками, используемыми, по преимуществу, для лечения болезней желудочно-кишечного тракта и печени.

Хемниц – город в Германии на реке Хемниц. Возник в XII в. у торгового пути через Рудные горы. Экономический рост города связан с развитием в нем текстильной промышленности еще в XIV в. Манчестер – крупный центр текстильной промышленности Англии.

Германский таможенный союз – бывший союз государств (Пруссия, Бавария, Вюртемберг и еще 15), позднее вошедших в состав Германской империи, согласившихся отменить все таможенные преграды между собою, а из пошлин, взимаемых на границах территории союза, образовать общую кассу, с распределением ее доходов между участниками, соответственно числу жителей. Создание союза

432

было важным шагом на пути формирования единого рынка. Договор заключался на определенный срок.

Montebello – сорт итальянского белого вина.

Стр. 37. Рудные горы (нем. Erzgebirge) – горный хребет, простирающийся от Эльбских песчаных гор на востоке, вдоль южной границы между Саксонией и Чехией. ...как голландцы растолковали особенную прелесть своего. – Главными особенностями голландской (нидерландской) живописи является стремление воспроизводить природу и человека без прикрас, тщательно прописывая детали. Сюжеты картин голландских мастеров взяты из простонародного быта, они отличаются богатством колорита и светотени. Особенно характерна пейзажная живопись голландцев, картины с изображениями животных, натюрморты. Здесь прославились уже упомянутый Пауль Поттер, Ф. Ван дер Вельде, Саломон и Якоб ван Рейсдали, Ф. Воуверман, Питер де Хоох, Я. Ван дер Мейер, И. ван Остаде и многие др. Богатая коллекция голландских мастеров находится в Эрмитаже.

...рогатый скот тирольской породы... – Тироль – нем. провинция бывш. Австрийской империи, расположенная в Альпах, на границе Австрии и Италии (ныне Австрия). Исторически в хозяйстве Тироля большую роль играло скотоводство, особенно славились горные и пятнистые породы.

Стр. 38. Богемия – название территории, на которой образовалось государство Чехия; в 1526–1918 официальное название Чехии (нем. Böhmen), входившей в состав Габсбургской империи (Австрии).

...город, расположенный по обеим сторонам речки... – Карлсбад расположен в долине реки Тепль.

Стр. 39. Шпрудель – горячий источник, с которым связана легенда об олене, пересказанная далее Фетом.

Лабитцкий (Labitzki) Иосиф (1802–1881), польский композитор, сочинял, в основном, танцевальную музыку. Основал в 1834 г. оркестр, с которым объехал всю Европу. В 1839 г. был в Петербурге и дирижировал в Павловске. Был популярен наравне с создателями венского вальса И. Штраусом и Й. Лайнером.

...довольствуется ситным хлебом... – Ситный хлеб делался из муки, битой сквозь сито, в отличие от той, что билась сквозь решето, т. е. сито с более крупными отверстиями; «более ржаной» (Даль. Т. 4. С. 189). Ср. поел.: «Хоть решетом да ежедень, а ситный не сытный».

Стр. 40. ...серизовые ленты... – ленты вишневого цвета (от франц. cerise).

Амазонская шляпка – шляпка особого фасона, с высокой тульей, дамы надевали ее с костюмом для верховой езды.

...я велел поставить шары и начал русскую партию. – Фет был любителем бильярда.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Эта игра появилась в России при Петре I. В 1830-х была придумана «Малая русская пирамида», которая приобрела большую популярность. В 1850 хороший игрок и управляю

433

щий бильярдной фабрикой А. Фрейберг создал образец русского 6-лузного бильярда. Маркер – лицо, прислуживающее во время игры на бильярде и ведущее счет.

Стр. 41. Мантилья – короткая женская накидка без рукавов.

Ливрейный лакей – лакей частного лица, носящий ливрею (одежда, отличавшаяся пестрыми обшлагами, выпушками, галунами) с гербом своего господина или с цветом его.

Стр. 42. Воздвиг я памятник вечнее меди прочной! – Начальная строка оды Горация «К Мельпомене» (III, 30) в переводе Фета. Переводы од Горация, печатавшиеся в журнале «Отечественные записки» (1856. № 1–6), вышли отдельным изданием в том же 1856. См. наст. изд., т. 2, с. 110.

Стр. 43. ...на большой каменной плите, немецкая надпись... – Петр I начал посещать европейские курорты после неудачного прусского похода 1710. В 1711 он был в Карлсбаде в сентябре, а в 1712 – в октябре.

Стр. 44. Великий Петр! твой каждый след... – Стихотворение «Памятник Петру I в Карлсбаде» написано в мае 1853, когда П. А. Вяземский жил здесь; тогда же текст был увековечен на скале ♦ Петровская высота» в окрестностях Карлсбада на мраморной глыбе (см. об этом: Московские ведомости. 1854. 24 июня). Опубликовано в журнале «Москвитянин» (1854. № 21. С. 67). Фет допустил неточность: в третьей строке вместо «гордых» – «горных», в шестой строке переставить – «Жизнь русская тобой еще озарена».

...стрельба в цель из машинных штуцеров... – Штуцер – нарезное охотничье ружье, одноствольное или двуствольное, курковое и бескурковое с опускающимися при открывании стволами. Со второй половины XIX в. так называли и винтовки, перезаряжающиеся рукой или самозарядные.

Франценсбад – Эггерские минеральные воды (близ г. Эггер в Богемии (Франтишкови-Лазне в Чехии, в Рудных горах), назван по имени австр. императора Франциска II. Существует с 1827 на базе минеральных источников, воды которых используют как для ванн, так и для питьевого лечения. От него до Карловых Вар всего 65 км.

...воротясь в шесть часов вечера с прогулки, застаю у себя на столе пакет – пятьдесят верст, которые в дилижансе протащился семь. – Позднее Фет включил этот отрывок в свои мемуары, раскрыв подпись под депешей: «Твоя Надя». Имелась в виду младшая сестра Фета Надежда Афанасьевна Шеншина (в замужестве Борисова), которая в это время находилась на лечении во Франценсбаде со своей приятельницей, которую Фет называет в МВ Софьей Сергеевной Ня- зевой (МВ. ч. 1. С. 143–144).

Стр. 45. Франценсбад такой же Бад, как и Карлсбад... – Фет имеет в виду, что оба города являются водными курортами (по-нем. Bad – ванна, ein Bad nehmen – принимать ванну).

434

...прискачу на курьерских... – т. е. на перекладных почтовых лошадях без задержек, пользуясь правами курьера.

...что Гоголь прозвал «птицей-тройкой»... – Имеется в виду знаменитое лирическое отступление из 11 главы поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал?..».

...воздушные видения в «Волшебном стрелке»... – Во второй картине второго действия оперы немецкого композитора К.-М. Вебера (1786–1826) «Волшебный стрелок» (1820; так звучало название оперы в рус. переводе: на самом деле – «Вольный стрелок» – «Freischütz») егерь Каспар с помощью злого духа отликает волшебные пули: седьмая пуля отлита, и валятся деревья, рушатся скалы, молния, гром сотрясают воздух. Либретто написано по народным сказаниям И.-Ф. Киндом, первое представление состоялось в 1821. С появлением «Волшебного стрелка» началось интенсивное развитие романтической оперы с типичным для нее слиянием быта и фантастики. Фет вспомнил оперу не случайно: действие ее происходит в Богемии, среди действующих лиц богемский князь Оттокар, начальник княжеских егерей Куно, его дочь Агата, егерь Каспар, продавший душу дьяволу, дух Волчьей долины Самияэль и др. Фет любил эту оперу Вебера. См.: «Ревель (После представления Фрейшица)» («Театр во мгле затиш. Агата...»; 1855).

Стр. 46. ...как звуки мюнхгаузенского рожка, застывшие на морозе... – Фет имеет в виду следующее место из главы «Дорожное приключение Мюнхгаузена в России»: «На постоялом дворе мы отдохнули после наших приключений. Кучер повесил свой рожок на гвоздь подле кухонного очага, а я уселся напротив него. И вот послушайте только, господа, что тут произошло! Внезапно раздалось: “Тра! Тра! Та! Та!”. Мы вытаращили глаза. И тогда только мы поняли, почему кучер не мог сыграть на своем рожке. Звуки в рожке замерзли и теперь, постепенно оттаивая, ясные и звонкие,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana вырывались из него, делая честь нашему кучеру» (Раене Р. Э. Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения Барона фон Мюхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей. М., 1985. С. 49).

...его величество король прусский, проездом из Мариенбада, посетил Карлсбад и обедал у его величества короля Оттона... – Король прусский – Фридрих Вильгельм IV. Оттон I Баварский (1815– 1867), король Греции в 1832–1862. Происходил из баварского рода Виттельсбахов. Возведен на греческий престол по предложению Франции, с согласия Великобритании и России. В результате восстания войск афинского гарнизона (сент. 1843) Оттон I был вынужден созвать Национальное собрание, которое приняло Конституцию, предусматривавшую образование греческого национального правительства.

Стр. 47. Здесь, напротив, так пустынно – Будто в снег погребены. – Фет цитирует в собственном переводе ст-ние Г. Гейне «Горная идиллия» («Bergidylle») из «Книги песен» (цикл «Из “Путеше

435

ствия по Гарцу”»). Перевод впервые опубликован в сборнике Фета 1850 года (см. наст, изд., т. 2, с. 2

Письмо второе

Первые: Соер. 1857. № 2. С. 237–271. Подпись: «А. Фет».

Полугора – место на половине горы между подошвой и вершиной, середина горы.

Немврод (Нимрод) – см. примеч. к стр. 13.

Стр. 48. ...а идеал, хотя и подвержен тем же условиям – передается вместе с жизнью из поколения в поколение. – В эстетике нем. романтиков содержится мысль об изначально присущем каждому народу «священном духе», передающемся из поколения в поколение. Так, Й. Гёррес писал о немцах: «...подлинный внутренний дух немецкого народа, каким изображали его живописцы старинных времен, лучшего прошлого, – он прост, покоен, сдержан, замкнут в себе, честен, не столь чувственно-глубок, сколь открыт высшим побуждениям» (Гёррес Й. Немецкие народные книги // Эстетика немецких романтиков / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. А. В. Михайлова. М., 1987. С. 273).

Стр. 49. Курфиршество– княжество, от «курфюрст», князь– избиратель, за курфюрстами было закреплено право избрания императора. Права и особые привилегии их были юридически оформлены. К 1850-м титул курфюрста оставался только за владетелями Гессен-Касселя.

...Гейбель вышел двадцатым изданием... – Через несколько лет Фет даст выразительную характеристику нем. поэта Э. Гейбеля (Geibel, 1815–1884) в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева». Говоря о Тютчеве, Фет задает «задорный вопрос»: «...у кого из современных лириков такая мощь? У Гейбеля, что ли, расходящегося десятками тысяч экземпляров? “Зато, – заметят мне, – его все понимают”. – Великая заслуга! да что там понимать-то?» (см. наст, изд., т. 3, с. 194). А 20 июля 1884 Фет писал В. П. Гаевскому: «Взгляните на 50-е издание Гейбеля и прочтите его стихи. Это вода, а не вино. А мое солдатенковское издание в 2400 экземпляров в 10 лет не разошлось. То же с великим Тютчевым» (Цит. по: Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М., 1989. С. 431).

Согласны ли вы, что ни одна нация не могла породить «Фауста» как идеал и дать ему ту бронзовую форму, в которую его отлил Гёте? – «Фауста» Фет считал «вершиной всего Гёте», своей «художественной религией и пропагандой», «пропагандой правды, света, разума» (Письмо к С. В. Энгельгардт от 5 февр. 1881 // Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 388–389). Неоднократно Фет начинал переводить трагедию Гёте, однако удалось ему исполнить свой замысел лишь к 1882, когда в Москве вышла первая часть, а в 1883 – вторая часть «Фауста», с предисловием и комментариями переводчика.

436

Сличите же идеалы Гёте и Шиллера, Канта, Шеллинга и Гегеля и т. д. с современными немецкими идеалами... – Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), нем. поэт, драматург, теоретик искусства. Кант Иммануил (1724–1804), Шеллинг Фридрих Вильгельм Иозеф (1775–1854), Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), – классики нем. философии, сыгравшие значительную роль в формировании и развитии эстетической мысли нового времени. В произведениях Гёте и Шиллера, а также в трудах перечисленных философов, «идеал» является центральным понятием, трактуемым как главное содержание духовной деятельности человечества во все эпохи его развития. Под «современными идеалами» Фет имеет в виду, очевидно, идеи гражданской роли искусства, представленные прежде всего участниками движения т. н. «Молодой Германии» (сюда относят Л. Берне, Л. Винбарга, К. Гуцкова и др. Близок к идеям этого движения был и Г. Гейне). В центре критики «Молодой Германии» были идеи «чистого искусства», творчество Гёте и др. В России идеи «М. Г.» с энтузиазмом поддерживал В. Г. Белинский, затем Н. Г. Чернышевский, Н. А.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana Добролюбов и др., против них выступали А. В. Дружинин и др. представители эстетической критики.

Стр. 51. Гоф – город в Баварии.

...пломбировать чемоданы... – т. е. ставить пломбы с таможенным клеймом.

Лосинцы – лосины, штаны из лосиной кожи.

Терпсихора – муза танца.

Пословица недаром говорит: «новые метлы метут хорошо». – Пословица гласит: «Новая метла чисто метет», но и вариант, предложенным Фетом, также распространен. Даль дает вариант: «Новая метла хлеско метет» (Даль. Т. 2. С. 322).

Орган – так называли автоматические духовые инструменты в трактирах.

...синие армяки и плисовые поддевки. – Армяк – верхняя крестьянская одежда, иногда надевался ямщиками поверх полушубка; поддевка – разновидность кафтана, род легкого пальто в талию, с мелкими сборками, щеголеватые ямщики надевали поддевку без рукавов поверх полушубков. Плис – дешевая хлопчатобумажная ткань из грубой пряжи, с ворсом, похожим на бархатный.

Франкфурт-на-Майне – один из древнейших городов Германии. Расположен в земле Гессен, по обоим берегам Майна, близ впадения в Рейн. В 1815–1866 вольный город Германского союза и место заседаний его союзного сейма. Посетивший Германию в 1856 вместе с П. Н. Кудрявцевым М. Н. Капустин в «Письмах из Германии» поделился своими впечатлениями о Франкфурте: «Франкфурт делится на старый и новый город; последний необыкновенно чист и красив: дворы содержаны прекрасно, а балконы домов обвиты плющом. В старом городе хороши площади, но улицы, за исключением Zeil (Цейле у Фета. – И. А.), узки и грязны. Этим последним качеством особенно отличается Judenstrasse (Юденштрассе), на которой стоит дом Ротшиль

437

да; он ничем не лучше своих соседей, так же грязен и не прибран, и я не узнал бы его, если б услужливый полицейский не назвал мне наперед номер дома» (РВ. 1856. № 6. Дек. Кн. 1. Совр. летопись. С. 142).

Стр. 52. ...полной и верной картины, которая всецело возникает при внимательном чтении «Германа и Доротеи» Гёте. – «Герман и Доротея» – поэма в девяти песнях, названных именами девяти муз; написана Гёте в 1796–1797. Гегель отозвался об этой поэме как об одном из самых значительных эпических произведений: «В качестве очевидного примера идиллического эпоса напому только о “Луизе” Фосса и, главное, о шедевре Гёте – “Германе и Доротее”. <...> Гёте для этого произведения сумел отыскать в современной действительности и изобразить такие черты, описания, ситуации и судьбы, которые в своей области вновь воскрешают все то, что составляет непреходящую прелесть изначально человеческих отношений в “Одиссее” и в патриархальной картине Ветхого Завета» (Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика. Т. 3. С. 491). Фету принадлежит перевод «Германа и Доротеи», опубликованный в 1856 (см. наст. изд., т. 2).

А ежели король идиллий не полюбит... – Измененная цитата из популярного перевода Н. Полевого трагедии Шекспира «Гамлет, Принц Датский» (М., 1837. С. 118):

Гамлет:

Ха, ха, ха! Эй, музыкантов сюда, флейтчиков!

Когда король комедий не полюбит,

Так он – да просто он комедии не любит!

Спесарт (Шпесарт) – горный хребет в Зап. Германии.

Стр. 53. Мне было двадцать два года, когда я видел его в первый раз. – Фет ездил в Германию, в Дармштадт (через Свинемюнде, Штеттин, Берлин, Лейпциг) летом 1844, чтобы познакомиться с родиной матери и уладить дела о наследстве. В июле–августе он посетил Франкфурт-на-Майне (Блок. Летопись. С. 129–182). К этому периоду относятся стихотворения «Весеннее небо глядится...» (дата: «Август 1844. Франкфурт-на-Майне»), «Как мошки зарею...» (дата: «11 августа 1844. Франкфурт-на-Майне»).

Стр. 54. Дармштадт расположен в земле Гессен к югу от Франкфурта-на-Майне. Страсбург – город на востоке Франции, на р. Иль, ист. столица Эльзаса. Один из старейших городов Европы с интересной историей. В течение веков был «яблоком раздора» между Германией и Францией: с X в. находился в составе Германии, в XVII в. вошел в состав Франции, после франко-прусской войны в 1871 стал частью имперской земли Эльзас-Лотарингия (Германия), с 1918 входит в состав Франции. Население города по вероисповеданию разделялось пополам на католиков и протестантов. С. известен своим старинным университетом, основанным в 1621. Во время пребывания в С. Фета город находился на франц. территории.

438

Эстляндия – ист. название сев. части совр. Эстонии. В результате Северной войны 1700–1721 была присоединена к России.

...англичанин П., с которым я когда-то случайно познакомился... – Лицо

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana неустановленное.

Гейдельберг – город в Германии на реке Неккар близ впадения ее в Рейн, основан в 1192. Пфальцграф Оттон Светлейший (1228–1253) перенес в Г. свою резиденцию, и с тех пор до 1720 город был столицей княжества Пфальц. В 1803 присоединен к Бадену.

Рейнский гульден – денежная единица, ходившая в германских государствах, входивших в Рейнский союз. Гульден равен был примерно 50 коп.

..я осматривал заводских жеребцов... – Интерес Фета, служившего в кавалерии, к разведению породистых лошадей впоследствии привел к тому, что он и сам стал заводчиком, приобретя в 1874 у своего брата П. А. Шеншина конный завод в Грайворонке.

Берейтор (нем. Bereiter) – объездчик верховых лошадей, а также учитель верховой езды.

Стр. 55. Он по преимуществу город студентов... – Гейдельберг прославился своим старейшим в Германии университетом, основан в 1386 курфюрстом Рупрехтом I по образцу парижского. В XIX в. был одним из ведущих и модных университетов Германии. В нем преподавали Гегель, К. Фишер, Ф. Шлоссер и др.

Мангейм – город в Германии на правом берегу Рейна, при впадении в него р. Неккар.

...одно из горных явлений... – мираж.

...развалина старинного замка... – Имеется в виду замок курфюрстов Пфальца, возвышающийся над левым берегом Неккара около Гейдельберга, на холме Йеттебуль. Это группа сооружений и развалин, самые древние из которых относятся ко времени пфальцграфа Рудольфа I (1294–1319). Замок разрушен в конце XVII в. французами, затем частично восстановлен. Остатки замка тщательно охраняются. Сохранились фрагменты взорванной башни, стены которой имеют толщину 6–7 м, до наших дней дошли «Стекланный зал», флигели Оттона, Генриха и Фридриха.

Стр. 55–56. ...колонны покрыты рельефными изображениями растений и гротесков. – Гротеск – орнамент, включающий изобразительные и декоративные мотивы в причудливых, фантастических сочетаниях. Гротесками были названы древнеримские лепные орнаменты, найденные в Риме в XV в. при раскопках гротов «Золотого дома» Нерона (I в. н. э.) и др. сооружений. Гротески использовались в декоративных росписях эпохи Возрождения (фрески в Ватикане – в апартаментах Борджиа, художник Пинтуриккьо, и в лоджиях по эскизам Рафаэля). Фет имеет в виду барельефы с изображением фантастических существ – полулюдей-полуживотных.

Стр. 56. Пеня – штраф.

И мы вошли. Все было так спокойно... – Строки из ст-ния Ф. И. Тютчева «Итальянская villa» (1837). Относится ко времени

439

пребывания Тютчева и Э. Дёрнберг в Генуе. Впервые: Соер. 1838. Т. 10. С. 184. Ст-ние вошло в издание 1854 года.

Пфальц-граф – королевское должностное лицо в Германии IX– XI вв., затем владетельный князь. Пфальцграфы Рейнские получили права курфюрстов, пользовались неограниченной властью. Земля Пфальц (на юго-западе Германии) в XVIII в. во время французской буржуазной революции была занята французами, давно претендовавшими на владение большей ее частью, и в 1801 присоединена к Франции. С 1814–1815 Пфальц – округ в составе Баварии.

...здесь и в старину не было мирно, да и в последнее время французы так похозяйничали... – Замок был разрушен французами в 1689, в 1716–1764 отчасти восстановлен, в 1764 – сгорел от молнии. Последние разрушения произошли во время наполеоновских войн и французского владения этой территорией.

Хотите посмотреть известную гейдельбергскую бочку? – Речь о т. н. большой бочке (das Grosse Fass), вмещающей 28832000 бутылок, или 222 т. литр. Об этой бочке упоминает Гейне в «Лирическом интермеццо»: «Я собираюсь что-то / Еще в него сложить; / И бочки в Гейдельберге / Он больше должен быть» (Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. I. М., 1956. С. 82. Пер. А. Зоргенфрея).

Майнц – древний город на левом берегу Рейна, близ впадения в него р. Майн. Возглавлял Рейнский союз городов в XIII в. С 1816 до 1866 входил в состав Великого герцогства Гессен-Дармштадт. Центр производства и торговли рейнскими винами.

Стр. 57. Рейнвейн – марка вина, производимого из сортов винограда, растущего вдоль р. Рейн.

II

Оранские улицы – смысл названия не ясен.

Стр. 57–58. Страсбург вполне соответствует своему пограничному положению. Это французом прикинувшийся немец... – Фет произносит название города в нем. огласовке, по-франц. город называется Страсбург.

Стр. 58. Синяя блуза – так после революции 1848 называли представителей

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
простонародья, ремесленников, рабочий люд, носивших нередко блузы синего цвета.
У французских баталистов... – в связи с бурной военной историей Франции конца
XVIII – нач. XIX вв., мн. художники обратились к батальной живописи,
воспроизводя эпизоды битв наполеоновской армии: Ж.-Л. Давид (1748–1825)–
«Наполеон при переходе через Сен-Бернар», 1800; Антуан Гро(1771–1835) – «Битва
при Назарете», 1801, «Битва при Эйлау», 1808; Э. Делакруа(1798–1863)– «Резня на
Хиосе», 1823–1824, «Битва при Пуатье», 1830, «Битва при Нанси», «Битва при
Тайбуре», 1837; Карл (Антуан Шарль Орас) Верне (1758– 1836) – «Битва при
Маренго». Его сын, Эмиль Жан Орас Верне (1789– 1863) тоже был баталистом, в 1836
и 1842–1843 работал в России.
440

Недавно какой-то строгий критик упрекал меня за то, что я два раза в стихах
говорю о прекрасных женских волосах. – О ком идет речь, установить не удалось,
возможно, это замечание принадлежало Ап. Григорьеву. «Какие глаза и ресницы и, я
знаю твою страсть к волосам, какие волосы!», – говорит А. Григорьев, которого
Фет вывел под своим именем в рассказе «Кактус» (1881), где автор вспоминает
общее с Григорьевым житье в Москве, на Басманной «25 лет назад», т. е. примерно
в 1856. Л. И. Черемисиновой установлено, что действие рассказа относится к 1857
г. (см. наст. изд., т. 3, с. 399).

Лонлакей – провожатый по городу. «Когда мы разъезжали по городу, – вспоминал о
своем пребывании в Болонье Ф. И. Буслаев, – при нас состоял провожатый, или
путеводитель, которого отряжала нам гостиница, так называемый лонлакей <...>»
(Буслаев Ф.И. Мои досуги. М., 2003. С. 175).

...смотреть статую маршала Клебера... – Клебер Жан Батист (1753–1800), один из
выдающихся наполеоновских генералов, руководил подавлением мятежа в Вандее,
отличился при защите Майнца от пруссаков, в 1793 во время Египетской экспедиции
1798–1801 командовал всеми франц. войсками. К. – уроженец Страсбурга, поэтому к
40-летию со дня его смерти в этом городе на площади его имени установлена в 1840
его статуя (работы Филиппа Грасса). Генерал изображен в костюме егип. кампании,
на постаменте два барельефа.

Ступайте сами к собору (Мюнстеру)... – Страсбургский кафедральный собор строился
в X–XVI вв., затем неоднократно достраивался, в его архитектуре присутствует
несколько стилей: в начале строительства преобладал романский, а при завершении
– готический. Относится к выдающимся образцам т. н. высокой готики.

Основной план всех средневековых соборов неизменен; крест, переходящий в
стрельчатую розу – женским рукодельем – кружевами. – Нормой готического собора
является крестообразный план, над которым возвышается стрельчатая арка, имеющая
конструктивное значение для свода, который поддерживается строго выработанной
системой подпорок. Узорчатая отделка круглых окон, помещенных над средним
порталом между двумя башнями, составляет центр декорации, т. н. оконную розу.
Стекла представляют собой цветную мозаику на темы св. истории. Родиной
готической архитектуры является Франция, в Германии, в частности, при
строительстве соборов в Кельне, Фрейбурге и Страсбурге, были заимствованы
основные принципы готического собора, вплоть до внутреннего убранства (витражи,
скульптура).

... снова возникает лик гольбейновой Мадонны... – Имеется в виду достижение
художником высшей степени совершенства при сложных, заданных извне условиях, как
было с «Мадонной» Гольбейна (см. выше).

Стр. 59. Этот камень, светло и легко вознесенный верою из праха – это
возвышенная, страстная песнь мистического хора,
441

окаменевшая под небом. – Сравнение архитектуры с музыкой впервые было введено
Шеллингом, у которого читаем: «Неорганическая форма искусства или музыка в
пластике дает архитектуру»; «Что архитектура = музыке, следует прежде всего из
общего понятия неорганического»; «Архитектура есть музыка в пространстве»
(Шеллинг Ф.-В. Философия искусства., 1966. С. 277, 279, 281). О родстве двух
видов искусства писал и Гегель в «Эстетике» (см. т. 3., с. 281). В. П. Боткин,
осматривавший собор Парижской Богоматери после чтения романа Гюго, также сравнил
его с музыкой: «Сколько раз проникнутый огневными описаниями, подходил я к
собору, смотрел на его угрюмую форму, vaste symphonie en pierre (огромную
симфонию в камне – франц. – И. А.), взбирался на широкую его платформу... *
(Боткин В. П. Письма об Испании. С. 201).

...статуи архитектора Эрвина (баденского уроженца) и его дочери, украсившей
храм, сооруженный отцом, произведениями своего вдохновенного резца. – Эрвин, или
Э. фон Штейнбах (Erwin von Steinbach, 1244–1318), построил зап. фасад
Страсбургского собора. Его сын Иоганнес Эрвин продолжал строительство до 1339, а
дочь Сабина украсила здание скульптурными произведениями, в том числе статуей
своего отца.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana

...играть на бильярде без луз, потешаясь одними карамболями? – В отличие от русского бильярда, французский не имел луз (отверстий с подвешенными к ним сетчатыми мешочками по краю стола). Карамболь (франц. carambole) – удар в бильярдной игре, когда шар, отскочив от другого, попадает рикошетом в третий; так называется и игра, основанная на таких правилах. Бильярд был очень распространенной игрой в Париже, в него могли играть посетители почти каждого кафе.

Шампань – провинция в сев.-воет. Франции, центр изготовления шампанских вин. Стр. 60. «Nancy!.. Barle Duc!Chalons-sur-Mate!!.. EremayU» – «Нанси!.. Бар ле Дюк!!.. Шалон-сюр-Марн!!.. Эпернен» – названия станций.

Дебаркадер (франц. бёагсабёге) – пассажирская платформа на железнодорожной станции или пристань.

Танталы – от миф. Тантала, сына Зевса, наказанного за свои преступления тем, что он, стоя по горло в воде, не мог напиться, так как вода отступала от его губ, а ветви с плодами над его головой поднимались вверх, когда он к ним протягивал руки. Отсюда – «танталовы муки».

Фактор (лат.) – слуга.

Стр. 61. Ревербер – фонарь (франц. гёуегьёге).

Наполеон Бонапарт (1769–1821) – император Франции с 1804 по 1814 и в марте–июне 1815.

Тор тони (Белл они) – популярное в Париже кафе, славилось добротной пищей и мороженым. В романе Стендаля «Красное и черное* упоминается кафе Тортони: «С каким высокомерием он погля

442

дел на меня вчера в кафе Тортони, делая вид, что не узнал меня» (Гла- ВахVI. «Час ночи»), В МВ Фет писал: «Мороженое всегда приходило в машинке от соседнего Тортони» (Ч. 1. С. 164).

Стр. 62. ...жбан из накладного серебра... – Так называли медные изделия, покрытые сплошным слоем драгоценного металла, более толстым, чем при серебрении. Фазтон – легкая коляска с откидным верхом; наемный экипаж.

Стр. 63. В Париже нет вещей, связанных лыком... – Парафраз пословицы «Не лыком шит», зд. непрочных, ненадежных. Лыко – волокнистая древесная ткань, отделяемая от ствола, использовалась для сшивания различных изделий.

Омнибус – конная карета с регулярным маршрутом.

Империал – от франц. imperiale, верхняя часть двухэтажной кареты, предназначенная для пассажиров.

Фура (от нем. Fuhre) – большая, длинная повозка, телега для перевозки клади, бывает крытой.

..множество пассажей и Пале-Рояль. – Пассаж (от франц. passage – проход) – крытая галерея с рядом магазинов по обеим сторонам, соединяющая две улицы. Париж славился такими пассажами, где прохожие могли отдохнуть, поесть, посетить парикмахерскую, магазины. Королевский дворец Пале-Рояль (Palais-Royal) был построен кардиналом Ришелье в 1629–1636 и назывался сначала Palais-Cardinal (Кардинальский дворец; архитектор Жак Лемер-сье: ок. 1585–1654). Кардинал умер здесь, завещав дворец Людовику XIII. Вскоре здесь обосновалась Анна Австрийская. Дворец был задуман как замкнутая композиция с корпусами, охватывающими удлинённый квартал, вглубь сев. берега Сены, неподалеку от Лувра. В сер. XVII в. архитектор Моро Депру создал П-образную фасадную композицию дворца с юга.

Позднее архитектор В. Луи создал внутреннюю фасады с торговыми галереями. Дворец окружен садами и галереями, которые являются излюбленными местами для прогулок, здесь размещались рестораны, кафе и игорные дома, шла бойкая торговля. В. П. Боткин, посетивший Париж в 1835, писал: «Ступайте в Пале-Рояль, под прохладную тень лип и каштанов; там во всякое время найдете вы сотни людей за журналами. Смышленная, мелкая промышленность построила тут несколько избышек, запаслась журналисткой Парижа, накупила стульев и за два су предлагает вам то и другое» (Боткин В. П. Письма об Испании. С. 197).

...эти сети существуют только в воображении романистов. – Упоминание о сетях, с помощью которых вылавливали утопленников, есть, например, в романе О. де Бальзака «Шагренова кожа»: «И сети и морг очень уж грязны» (Бальзак О. Собр. соч.: в 24 т. Т. 18. М., 1960. С. 481).

Стр. 63–64. ...все напоминает эпоху первой Империи и все подверглось влиянию новой. – В 1804 первый консул Франции Наполеон Бонапарт был провозглашен императором Наполеоном I, а

443

Франция – империей (1-я империя), которая просуществовала до 1814-го – года отречения Наполеона от власти. С 1814 по 1815 и с 1815 по 1830 был период Реставрации, после революции 1848 Франция стала республикой, а в 1852 к власти пришел Наполеон III (2-я империя). При Наполеоне I начали претворяться в жизнь

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana градостроительные планы, разработанные Комиссией художников при Комитете общественного спасения. Архитектура и искусство были призваны прославлять военные успехи Наполеона, утверждать культ единой власти, как это делалось в Риме во времена расцвета империи. Поэтому в Париже стали возводить сооружения, которые воспроизводили архитектурный стиль Древнего Рима – триумфальные арки, колонны и храмы. Были возведены арки Карусель и Триумфальная (на площади Звезды), завершено формирование ансамбля на площади Согласия, построен храм Мадлен. Проявился стиль ампир (империи) во внутренней отделке помешений дворцов, приспособившихся для Наполеона (Тюильри, Версаль, Мальмезон, Фонтенбло). В это же время была проложена улица Риволи, благоустроены набережные и рынки. О градостроительных работах при Наполеоне III см. ниже.

Стр. 64. Тут и знаменитая новая улица Rivoli с Лувром, увеличенным вдвое – с Тюильрийским дворцом, занимает широкая Наполеоновская площадь. – Прокладка улицы Риволи – одно из важнейших градостроительных мероприятий, осуществленных в эпоху Наполеона I. Лувр – первоначально королевский дворец. Строился на месте замка нач. XIII–XIV вв. В 1546 Франциск I поручил архитектору Пьеру Леско (1510–1578) перестроить замок в соответствии с требованиями изменившегося придворного быта и вкуса. Фасад Луврского дворца, созданный Леско совместно со скульптором Ж. Гу неонем, – образец архитектуры эпохи Возрождения. Леско удалось осуществить лишь часть замысла – юго-зап. угол каре. Строительство Лувра продолжалось при Людовике XIII, Людовике XIV и Людовике XVI, затем при Наполеоне I и Наполеоне III, во время пребывания Фета в Париже. Тюильрийский дворец начал возводиться в 1564 архитектором Филибером Делормом по приказу вдовы Генриха II Екатерины Медичи. Новый дворец сооружался на месте старинных черепичных мастерских (черепица по-франц. «тюиль» – tuile) и потому стал называться Тюильри. Во время путешествия Фета этот дворец еще существовал (сгорел во времена Парижской коммуны). С возникновением дворца появилась идея соединить Лувр и Тюильри крытой галереей. Были созданы Малая галерея (перпендикулярно Сене, как продолжение зап. корпуса Лувра) и Большая галерея (1564–1567) вдоль Сены, соединившая Лувр с Тюильри через угловой павильон Флоры. Эта галерея одна из самых протяженных в мире (442 м). Ее авторы К. Метезо и Ж.-П. Андруэ Дюсерсо. Во время правления Наполеона I композиция Луврского дворца развивалась с целью объединения Лувра и Тюильри. Любимые архитекторы Наполеона Ш. Пер-сье и П. Фонтен возвели вдоль улицы Риволи т. н. Корпус Наполеона, или Северную галерею. В 1806–1808 в ансамбль Лувра вошла арка

444

Карусель на площади того же названия. В 1791 декретом Конвента Лувр был превращен в национальный художественный музей и 8 ноября 1793 открыт для публики. Основу музея составили коллекции королевских семей, монастырей, знатных коллекционеров. Собрание пополнялось за счет трофеев наполеоновских походов (правда, многие из них пришлось вернуть после падения императора), закупок в разных странах, пожертвований. Наполеоновская площадь была названа в честь Наполеона III, на ней были расположены два сквера, где находились конные статуи Людовика XIV и Наполеона I.

Зуав – солдат алжирских полков во франц. армии, от арабского названия кабийского племени в Сев. Африке.

Гренадер (от франц. grenadier) – солдат особого рода пехотных войск, вооруженных гранатами (grenade), впоследствии – солдаты отборных частей наполеоновской армии, отличались особенно рослым составом.

...Вандомская площадь с колонной, украшенной / – статуей чугунной... – Неточная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. 7, строфа XIX):

И столбик с куклою чугунной Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

Вандомская площадь создана на месте владений Цезаря Вандомского, имя которого осталось в названии. По первоначальному проекту Франсуа Мансара 1677 площадь должна была быть прямоугольной, прилегающей к улице Сент-Оноре. Площадь окружали единообразные фасады домов, она украшена портиками с полуколоннами коринфского ордера и барельефами во фронтонах. В центре площади был поставлен в 1699 прижизненный памятник Людовику XIV, снесенный во время Революции. На его месте в 1810 была установлена отлитая из трофейных пушек триумфальная колонна, высотой 46 м, установленная в ознаменование кампании 1805 года (арх. Д.-В. Денон, Гондурэн и Ш. Лепер), увенчанная скульптурой императора в одеянии рим. императора (скульптор А.-Д. Шодэ). После возвращения Бурбонов фигура Наполеона была сброшена с колонны, при Луи-Филиппе вновь отлита скульптором Г. Сэром и установлена на прежнем месте в 1831. На этот раз император был представлен в обычном сюртуке и треуголке.

Елисейские поля – Champs Elysees, самая широкая магистраль Парижа, получила свое название от «элизиума», в греко-рим. миф. обозначение места, куда попадают после

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
смерти выдающиеся герои, любимцы богов. Начало создания относится к первым десятилетиям XVII в. Прогулочной аллеей Елисейские поля стали в 1670-е, когда по проекту А. Ленотра дорога была расширена и по ее сторонам были высажены вязы. Постепенно Елисейские поля превратились в увеселительный парк, где устраивались петушинные бои, фейерверки, ярмарки. «Подите на загородные балы Парижа, – пригласал
445

В. П. Боткин, – посмотрите на это милое, умное веселье, посмотрите на благопристойность, там царствующую, посмотрите, как работники веселятся с своими гризетками. Или пойдите в ясный, теплый воскресный день в заветные Елисейские поля: там под высокими вязами настроено множество лавочек, лавок, комедий. Сколько артистов показывают искусство свое на чистом воздухе: барабан, скамейка, стол, принадлежности бродячего гения. Около нас оркестры, танцы, фигляры» (Боткин В. П. Письма об Испании. С. 196).

Хрустальный дворец (Palais de l'Industrie) – Дворец промышленности, был выстроен по декрету от 27 марта 1852 из камня, железа и матового стекла (оттого Фет называет его «хрустальным», т. е. стеклянным, по аналогии с подобным зданием в Лондоне) у Елисейских полей после участия франц. промышленности в первой всемирной выставке в Лондоне (1851).

Триумфальная арка на площади Звезды (place de l'Étoile) – начала строиться в 1806 по приказу Наполеона I на самой возвышенной точке Елисейских полей – холме Шайо (арх. Ж.-Ф. Шальгрена и Ж.-А. Раймона). Работы были прерваны в 1811 в связи со смертью Шальгрена, до 1814 руководил строительством Густ. Продолжено строительство было лишь в 1825. В создании скульптур и барельефов, прославляющих победы Наполеона, приняли участие 15 скульпторов. Монумент открыли в 1840.

До какой степени наполеоновский элемент проник в старый Париж – там находятся Военная школа. Инвалидный дом. Наполеоновский лицей и т.п. – Фет имеет в виду изменение предназначения старинных зданий в наполеоновскую эпоху. Так, здание Военной школы (École militaire), построенное при Людовике XV, было сначала отведено под казармы, а затем там располагалась гвардия. Инвалидный дом (Hôtel des Invalides) был построен при Людовике XIV в 1670 (арх. либераль Брюан). Во дворе здания находилась конная статуя Людовика XIV. Позднее в одной из арок т. н. солдатской церкви Дома инвалидов была установлена статуя Наполеона I. Собор с золоченым куполом был воздвигнут в нач. XVIII в. архитектором Ж.

Ардюэн-Мансаром. Сюда был перенесен в 1840 прах Наполеона в специально построенную для этой цели гробницу (арх. Л. Висконти). Наполеоновский лицей (Le Lycée Napoléon) ранее назывался Коллеж Генриха IV, он находится за Пантеоном. ...острова, из которых второй, ближайший к Лувру, замечателен находящимся на нем собором Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). – Первый остров называется Сен-Луи. Выдающийся памятник готической архитектуры собор Парижской Богоматери находится на о. Сите, строительство его началось в XII в. по повелению епископа Мориса де Сюлли, завершено в 1343. В архитектуре собора отразился весь путь постепенного развития готического стиля. Тяжеловесный нижний ярус зап. фасада – отголосок романского стиля, а система широких аркбутанов, остроконечная, сильно расчлененная сквозная галерея у подножия башен и круглые розетки – воплоще
446

ние готического стиля. Вместимость до 10 000 человек. Над порталами находится галерея с изваяниями королей. На каждом выступе карнизов – фантастические чудовища-химеры.

Прежние жители и посетители Парижа жаловались на уличную нечистоту и нестерпимые испарения – подобных жалоб не слышать. – «Так это-то Париж! – думал я, видя тесные, грязные улицы, высокие старинные, запачканные дома и чувствуя, не знаю отчего, такой же несносный запах, как и за городом от тлеющих трупов и падали», – так, например, описывал в 1814 Ф. Н. Глинка свои первые впечатления от Парижа (Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 249). Луи Филипп (1773–1850), франц. король в 1830–1848. Работы по очистке Парижа были продолжены при Наполеоне III, особенно благодаря разработкам инженера Э. Бельграна (1810–1878). В совр. Париже существует Музей водостоков, в экспозициях которого представлена история водостоков и канализационных подземных коллекторов столицы. Стр. 65. А вот поль-де-коковский продавец сбитня (marchand de coco)... – Кок Поль Шарль де (1793–1871), франц. писатель, приобрел популярность как автор фривольных романов, повестей, рассказов из жизни мелкой и средней буржуазии. Русских писателей демократического направления он привлекал тем, что подробно описывал жизнь городских низов. «Непритворная веселость <...> дух наблюдательности и подробности парижских нравов нравятся иностранцам более всех психологически разгадываний других модных французских романистов, – писал Некрасов в статье “Поль де Кок. Биографический очерк”, – <...> он счастлив, когда <...> может провести целый день у окошка своего дома на

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana Сен-Мартенском бульваре; там <...> он целые двенадцать часов смотрит на omnibusы и кабриолеты, на няnek и турлуру, на разносчиков и актрис» (Некрасов Н.А. Поли. собр. соч.: в 15 т. Т. 11. Кн. 1. Л., 1989. С. 51–54). Сбитнем в России назывался горячий медовый напиток с пряностями. Зд. Фет употребляет слово в значении сладкий (солодковый) напиток из лакрицы с лимоном, который продавался франц. разносчиками.

Стр. 66. Что бы сказал Фамусов – Тафтицей, бархатцем и дымкой. – Цитата из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова (дейст. 2, явл. 5). В первой строке слово «они» лишнее.

Мюзар Филипп (1793–1859), франц. музыкант, известный сочинитель танцев, капельмейстер большого бального оркестра в Париже.

Стр. 67. Дама-камелии – женщины полусвета, название пошло от популярного романа «Дама с камелиями» (1848) и одноименной пьесы (1852) А. Дюма-сына.

Тут биржа, Тюльери... – Биржа (la Bourse) – построена в 1808–1827 (арх. Броньяр и Лабарр), здание окружено колоннадой, по четырем углам расположены статуи Справедливости, Изобилия, Стыдливости и Судьбы. Тюльери (или, как говорили тогда, Тюльери) назывались дворец и прилегающий к нему сад (см. выше).

447

Церковь Магдалины – Мадлен (Madeleine) – одна из построек наполеоновского Парижа. Строительство храма купольной композиции наподобие Пантеона было начато еще в 1764 при Людовике XV архитектором констаном д'Иври. После его смерти работы продолжил Кутюр, однако разразившаяся революция приостановила строительство. В 1806 Наполеон специальным декретом постановил прообразовать церковь в греч. храм с надписью на фронте: «Солдатам великой армии от императора Наполеона». Здесь ежегодно предполагалось отмечать годовщины битв при Аустерлице и Йене. Окончательный образ здания в виде языческого храма с глубоким портиком на высоком подиуме принадлежит П. Виньону. После падения Наполеона королевским указом от 14 февраля 1816 храму Славы велено было вернуть первоначальное значение, однако Виньон не стал ничего менять в своих планах. После смерти архитектора завершал работы М. Юве. На фронте изображены 34 статуи святых с фигурой Христа посередине. Церковь была открыта уже при Луи-Филиппе в 1842.

...до Площади Согласия (Place de la Concorde), с известным обелиском посередине. – Первоначальный проект площади Согласия, разработанный еще при Людовике XV, принадлежал архитектору Ж.-А. Габриэлю. Площадь носила имя Людовика XV, здесь в 1763 была установлена конная статуя короля, низвергнутая в 1792 и замененная статуей Свободы. Пл. называли именем Революции, зд. был сооружен эшафот для казни Людовика XVI. Свое окончательное название площадь получила в 1799, правда, в 1826 была сделана попытка увековечить здесь память казненного Людовика XVI и назвать площадь его именем. Известный обелиск (гранитная стела, покрытая иероглифами) был вывезен из Египта (украшал храм Луксора) и установлен в 1836.

III

Стр. 68. ...конная статуя Франциска I, поставленная среди двора.– Статуя франц. короля Франциска I (1494–1547) была заказана Наполеоном III в начале 1850-х ж.-б.-о. Клезенже (Clésinger; 1814–1883), зятю Ж. Санд. К. был автором многих портретных бюстов (в т. ч. Рашели и Ж. Санд) и грандиозных композиций, таких, как «Братство», «Богородица, плачущая над телом Спасителя, снятым с креста», «Клеопатра перед Цезарем» и др. Статуя была установлена во дворе Лувра незадолго до приезда Фета в Париж.

Какой бы шум вы подняли, друзья... – Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Волк и пастухи» (1816). Первая строка читается так: «Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья» (Крылов И.А. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1969. С. 160).

Стр. 69. Возрождение – эпоха в истории культуры стран Западной Европы. Началась в Италии (XIV–XVI вв.), затем распространилась в других странах (приблизительно XV–XVI вв. во Франции).

448

Сложной структуре готического здания были противопоставлены ясность и четкость светлых, просторных интерьеров, в основании архитектурных ансамблей – квадрат, символ соразмерности, простоты, прочности.

Напрасно стараются связать эти два здания постройками в том же вкусе... – При Наполеоне III активно велось строительство т. н. «Нового Лувра» (арх. Л. Висконти и Лефюэль), примыкающего со стороны ул. Риволи и Сены северного и южного корпусов, продолжением их являются два флигеля, обрамляющие площадь Карусели. С запада «Новый Лувр» соединялся этими флигелями с Тюльерийским дворцом.

Тут все начато – как страсбургская колокольня. – В 1850-х в Париже осуществлялись широкие градостроительные мероприятия. Их проводил бонапартист, префект Парижа и департамента Сены барон Ж.-Э. Осман (Haussmann; 1809–1891). Он

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana возглавил группу специалистов, занявшихся практической разработкой его идей по перепланировке столицы. За 16 лет строительства Париж изменился до неузнаваемости, за что барон О. был прозван «Аттилой-разруши-телем». Работы обошлись второй империи в сумму 848 млн. франков. В 1870 О. вынужден был подать в отставку. Решались технические задачи – упорядочение движения транспорта, уничтожение средневековых лабиринтов из узких улиц, в связи с чем были проложены т. н. бульвары, созданы площади с прямыми радиально расходящимися улицами, разбиты скверы и лесопарки (Булонский лес, Венсенский); проводились работы по благоустройству (асфальтирование улиц, газовое освещение и т. д.). В архитектуре стали широко применяться металл, большеформатные стекла, появилось большое количество зданий, выполнявших определенные функции – библиотеки, вокзалы, магазины. Фет находился в Париже в разгар задуманной перепланировки столицы, вот почему он сравнивает незавершенность строительных работ с недостроенной колокольней Страсбургского собора.

Египетский музей Лувра был создан в 1826 на основе находок, сделанных во время похода Наполеона Бонапарта в Египет. Коллекция включает более 50 000 экспонатов. Его первым хранителем был Ж.-Фр. Шампольон (см. о нем выше), которому удалось расшифровать егип. иероглифы, сделанные на т. н. Розеттском камне, найденном солдатами Наполеона в Египте. Ко времени посещения Фета луврская коллекция пополнилась знаменитой статуей писца, найденной в 1850.

Стр. 70. ...мундир Наполеона I, его славный серый сюртук... – В путеводителе по Парижу, которым, возможно, пользовался Фет, по поводу «серого сюртука» Наполеона говорится в главе, посвященной описанию Ваидомской площади и колонны, увенчанной бронзовой фигурой императора. «Эта статуя <...> представляет императора в сером сюртуке и в небольшой шляпе, обычном и известном костюме, в который он был одет во время стольких битв» (Paris Illustrd, son His-

449
toire, ses Monuments, ses Musees... Nouveau Guide des Vbyageurs... Pubi, par une Soci6t6 de Litterature, d'Archdologues et d'Artistes. Paris, 1855. P. 102). Ср. у Лермонтова: «Из гроба тогда император, / Очнувшись, является вдруг; / На нем треугольная шляпа / И серый походный сюртук» («Воздушный корабль (Из Зейдлица)»; 1840).

Отсюда ход в галерею французских живописцев – где искусство когда-либо так размахивало руками? – Фет, очевидно, имеет в виду картины на античные сюжеты, посвященные праздникам Вакха, раннего Н. Пуссена (1594–1665), чье творчество широко представлено в коллекции Лувра, а также живопись А. Ватто (1684–1721), Ф. Буше (1703–1770), О. Фрагонара (1732–1806) и др. представителей стиля рококо, с характерными для него игривым изяществом и перенаселенностью полотен различными персонажами, а также монументальные полотна Ж.-Л. Давида (1748–1825), Ж.-О.-Д. Энгра (1780–1867), А. Гро (1771–1835), Ш. Лебрена (1619–1690) и др. видных представителей академического классицизма, экспрессивную живопись Т. Жерико (1791–1824), как, например, известное полотно «Плот Медузы» (см. о нем далее), и др.

Грёз Жан Батист (1725–1805), франц. живописец, работавший в жанре пасторали, с характерным для этого художника вниманием к природе, простоте и наивности сельских нравов. В Лувре были его картины: «Отцовское проклятие», «Возвращение блудного сына» и «Сельская невеста».

Это не Рубенс, который говорит: выдали ли вы женщин-бо- гинь... – В Лувре Фет мог видеть одно из самых богатых собраний картин фламандского живописца Питера Пауля Рубенса, среди которых 21 полотно так называемой «Истории Марии Медичи», заказанной художнику самой Марией Медичи, второй женой Генриха IV. Поселившись в Люксембургском дворце, королева решила украсить его галерею, пригласила художника в Париж и заказала ему в 1621 написать историю своего правления. Заказ был выполнен к 1625, вся коллекция в нач. XIX в. была перенесена из Люксембургского дворца в Лувр, зд. также находится портрет жены художника Елены Фурман с детьми, картины «Бегство Лота» и др.

Стр. 71. Вот всему свету известный Дискобол или, вернее, кулачный боец. – Фет ошибочно называет «Дискоболом» статую, известную под названием «Боргезский боец» (или Гладиатор Боргезе), которая относится к I в до н. э. и названа так потому, что приобретена была в 1807 среди других экспонатов из коллекции Боргезе. Это рим. копия с др.-греч. оригинала, ее автор – Агасий из Эфеса. В путеводителе по Парижу 1855 она названа «Сражающимся гладиатором», зд. отмечено, что название неудачное, так как изображенный боец не похож на римского гладиатора, а скорее на атлета Олимпийских игр (Paris Illustrd, son Histoire, ses Monuments, ses Musdes... P. 489). Возможно, именно это замечание стало источником ошибки Фета. «Дискобол» – статуя работы др.-греч. скульптора Мирона (V в. до н. э.).

«Гладиатор Боргезе» представлял воина, сражавшегося со всадни

450

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana.com. Щитом в левой руке он прикрывает голову, а мечом в правой руке готовится нанести удар (щит и меч утрачены).

...наш покойный Брюллов разбил вокруг этой статуи шестнадцать точек и срисовал ее с каждой. – Брюллов Карл Павлович (1799–1852), рус. живописец. Работал в Италии в 1823–1835.

Что касается до Дианы (Diane a la biche) – не могу безусловно восхищаться ею – она холодна, как самый миф богини. – Речь идет о мраморной скульптуре «Артемиды с ланью» (или «Диана Версальская», поскольку статуя находилась в Версале и поступила в Лувр в 1798), рим. копии с греч. оригинала Леохара (конец IV в. до н. э.). Артемиды (Диана в рим. миф.) – в греч. миф. дочь Зевса и Лето, сестра Аполлона, богиня охоты, обычно изображалась с луком и в сопровождении собак. А. – девственница и защитница целомудрия, она строго следила за соблюдением правил на Олимпе и наказывала непослушных, считалась олицетворением луны, потому Фет называет миф об А. «холодным». Скульптура представляет А. со священной ланью, которая была ее культовым животным. В поздней мифологии популярен миф об Артемиде, влюбленной в красавца Эндимиона. К тому времени, когда Фет созерцал Диану в Лувре, им были написаны два ст-ния, посвященные изображениям богини: «Диана» («Богини девственной округлые черты...»; 1847), восторженно встреченное современниками, и второе – «Диана, Эндимион и Сатир (Картина Брюлова)» («У звонкого ключа как сладок первый сон!...»; 1855). На полях экземпляра сборника ст-ний Фета 1850 года (т. н. Остроухов-ского, хранящегося в Гос. Третьяковской галерее) И. С. Тургенев против ст-ния «Диана» написал: «Это стихотворение – chef-d'oeuvre». А. В. Дружинин в статье «Стихотворения А. А. Фета. СПб. 1856» назвал его «неслыханно прелестным», достойным пера самого Гёте, а В. П. Боткин – «высочайшим апофеозом не только ваияния, но и всего мифологического мира» (Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. С. 223). Правда, никто не пытался выяснить, какую статую Дианы имел в виду Фет в этом ст-нии.

Вепрь, изваянный из черного мрамора. – Согласно др.-греч. мифу, вепря наслала на Калидонского царя Ойнея Артемиды (Калидонская охота) за то, что тот не принес ей в дар в начале жатвы первые плоды урожая.

Стр. 72. Я говорю о статуе Демосфена. Он сидит, понутив голову-с глазами, обращенными внутрь. – Демосфен (384–322 до н. э.), идейный вождь в борьбе против Филиппа Македонского; был вынужден бежать из Афин в 324, после смерти Александра Македонского был призван обратно, но после захвата города македонцами был осужден на смерть и принял яд, чтобы не попасть в руки преследователей. Оратор изображен, по-видимому, в момент принятия последнего решения.

Венера Милосская – знаменитая статуя Афродиты, найденная на о. Милосе (в древности Мелос). Греч. мраморный оригинал эллинистической эпохи (II в. до н. э.). Под впечатлением от скульптуры

451

Фет написал во Франции ст-ние «Венера Милосская» («И целомудренно и смело...»; 1856).

Грации – рим. богини красоты, соответствующие греч. харидам.

Стр. 73. Венера Победительница – Победительницей Венеру называли в честь победы в споре между нею, Герой и Афиной за звание «Прекраснейшей».

Минерва – рим. богиня мудрости, аналог греч. Афины, известной своим чудесным рождением из головы Зевса. Мудрость и воинственность, характеризующие богиню, были теми качествами, которыми, как считал Фет, должен обладать сатирик.

Кипридой называли греки Афродиту, т. к. она появилась из моря вблизи о. Кипр. На этом острове в городе Пафос сооружен храм в ее честь (отсюда Пафосская богиня).

Первоначально ст-ние Фета «Венера Милосская» называлось «Милосская Киприда».

Думают, будто победительница держала в этой руке копье. – Мнение ученых по поводу атрибутов Венеры расходятся, скорее всего, в левой вытянутой руке ее было яблоко.

Того, кто осмелится сюда прибавить что-либо, будь он сам Какова или Торвальдсен, надо выставить к позорному столбу... – Добавления (попытки реконструкции) к античным статуям, дошедшим до нас в неполном виде, делались постоянно на протяжении XIX в., в том числе и в отношении Венеры Милосской. Какова Антонио (1757–1822), ит. скульптор-неоклассицист, подражавший др.-греч. образцам, следовал принципам, сформулированным «отцом искусствоведения» Винкельманом, однако в его творениях ощущается влияние прециозной манеры рококо. «Канова прославлен [необыкновенной] грациозностью своих женщин и нежностью их форм, но это совсем другой род, – писал П. В. Анненков, сравнивая др.-греч. статуи с подражаниями. – Никогда женщина древних не была сентиментальна и не отличалась тем, что ныне разумеется под словом грациозность <...>» (Анненков П. В. Парижские письма. С. 254). У Кановы было множество подражателей. Один из них – датчанин Бертель Торвальдсен (1768 или 1770–1844), работы которого, несмотря на

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana их популярность, страдали холодностью и академизмом.

Стр. 74. Длинная галерея с раззолоченными украшениями по потолку и стенам, – знаменитая зала Аполлона. – Галерея Аполлона находится на втором этаже Лувра, построенном во времена Генриха IV, роспись и оформление зала принадлежит Ш. Леброну.

Веласкес (Родригес де Сильва Веласкес) диего (1599–1660), исп. живописец. Помимо портрета инфанты Маргариты, второй дочери Филиппа IV, придворным живописцем которого был В., Лувр обладал еще двумя его картинами – небольшим эскизом и погрудным портретом настоятеля собора в Толедо.

«Голова страждущего Спасителя» (Guido-Reni) и (его же) «Спаситель в Гефсиманском саду». – В основе сюжета второй из названных картин итал. живописца Гвидо-Рени или Рени Гвидо

452

(1575–1642) евангельская тема моления о чаше Христа в Гефсиманском саду накануне принятия им крестных мук (Мф. 26. 39–42; Лк. 22. 39–46; Мк. 14. 32–42; Ин. 18. 1). «Голова страждущего Спасителя» (др. название «Ессе Ното»), Среди др. картин «Давид, побеждающий Голиафа», «Христос, вручающий св. Петру ключи от Церкви», «Похищение Елены» и др.

Картина Т. Жерико называется «Плот “Медузы”» (1819). Поводом к ее созданию послужила гибель фрегата «Медуза», наскочившего на риф у берегов Африки летом 1816. Жерико преодолел статичность своего учителя Давида, его человеческие фигуры даны в движении, они более экспрессивны, хотя и не лишены указанного Фетом мелодраматизма.

...как назвать «Потоп» кисти Girodet-Trioson? – Имеется в виду картина ученика Давида Анн Луи Жироде-Триозона (1767–1824) «Сцена потопы». Среди др. картин этого художника в Лувре «Эндимион и Диана» и «Погребение Атала», «Иосиф, изгнанный своими братьями», «Гиппократ, отвергающий дары Артаксеркса», «Оссиан, встречающий тени французских воинов».

Описывать картину Веронеза, находящуюся на левой стене, «Брак в Кане Галилейской», невозможно. Эта эпопея состоит по крайней мере из ста лиц. – Веронезе Паоло (1528–1588), венецианский живописец Позднего Возрождения. Большое полотно «Брак в Кане» написано в 1562–1563, его основой послужил евангельский сюжет о чуде, сотворенном Иисусом Христом по просьбе матери во время свадьбы в Кане Галилейской: Христос превратил воду в вино. На картине В. изобразил своего учителя Тициана в виде престарелого мастера, окруженного учениками, среди которых и сам автор картины, а также различных исторических деятелей, поэтов и музыкантов, всего 138 фигур.

Стр. 75. Мурильево «Вознесение Божией Матери». Спорят о том, где оригинал картины: здесь, в Лувре, или в Зимнем Дворце. – В самом Лувре находились в это время две картины Мурильо с таким названием. Как замечено в путеводителе по Парижу 1855, Мурильо столь часто обращался к этому сюжету, что его стали называть «художником вознесений» (Paris IHustrd... Nouveau Guide des Nfoyaeurs... P. 466–467). В 1779 картина Мурильо «Вознесение Мадонны*» приобретена Эрмитажем из собрания Уолпола (Англия).

...повторяю стихи пушкинского рыцаря... – Фет цитирует вторую строфу баллады А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (первонач. название «Легенда»; 1829), позднее включенной в незавершенную пьесу «Сцены из рыцарских времен» (1835). Вы везде узнаете Рафаэля – Лучшая, однако же, в Лувре картина Рафаэля, без сомнения, «Мадонна венков»... – В Лувре ко времени посещения Фета насчитывалось 12 картин Рафаэля, среди которых описанное Фетом полотно «Михаил Архангел, поражающий Дьявола», а также несколько портретов и 4 картины на сюжет «Святого семейства». Небольшой образ Мадонны, сидящей с младенцем

453

на руках – Эта картина, называемая также «Малое Святое Семейство» (La Petite Sainte Famille), хранилась долгое время у потомков духовника Франциска I кардинала Андриена де Гуффье, которому, по преданию, подарил ее сам Рафаэль. Несмотря на это, высказывались предположения, что она принадлежала кисти Джулио Романо (наст. имя Джулио Пиппи). О картине «Михаил Архангел, поражающий дьявола*», которая была написана Рафаэлем для Франциска I, сначала находилась в Фонтенбло, а затем в Версале, Джорджо Вазари писал: «Много картин написал он для Франции, и среди них одну особенно изумительную, исполненную для короля и изображающую поединок св. Михаила с дьяволом <...> эта картина так прекрасно исполнена, что он получил почетнейшую награду от короля» (Вазари Д. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Ростов-на-Дону, 1998. С. 305). Фет ошибочно называет картину Рафаэля «Святое семейство» (1518), прозванную «Мадонной венков» за то, что один из ангелов держит над головой младенца Иисуса венки, – «Садовницей». Так, вернее, «La belle jardiniere» («Прекрасной садовницей», 1507) принято называть раннюю картину Рафаэля

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana флорентийского периода, на которой изображена на фоне пейзажа сидящая Мария с младенцем Иисусом и маленьким Иоанном Крестителем у ее ног. О ней также упоминает Вазари: «...он начал ее и довел эскиз почти до самого конца, причем в то же время исполнил еще одну картину, которая была отослана в Сиену; однако ввиду отъезда Рафаэля, закончил ее Ридольфо Гирландайо, который написал голубую одежду, на ней недостававшую» (Там же. С. 283). «Святое семейство», о котором пишет Фет, было куплено Франциском I и первоначально торжественно отправлено во дворец Фонтенбло, ее еще называли «Святое семейство Франциска I».

Стр. 76. ...чистота перуджиновой Божией Матери с младенцем на руках... – В собрании Лувра находилось несколько картин ит. живописца эпохи Раннего Возрождения, учителя Рафаэля Пьетро Перуджино (наст, фамилия Ваннуччи; между 1445–1452 – 1523), из них две посвящены Богоматери. Очевидно, речь идет о «Мадонне» с ребенком, св. Иосифом и св. Екатериной по сторонам. Об «Истории Марии Медичи» Рубенса см. выше.

Ландшафтная живопись не менее богата чудными образцами. – Фет имеет в виду фламандскую пейзажную живопись, богато представленную в коллекции Лувра. Стада Поля Потера ненаглядны. – В Лувре Фет мог видеть две картины голландского живописца Пауля Поттера: «Лошади, привязанные к дверям хижины» (1641) и «Луг» (1652), на котором изображены группы пасущихся животных.

Стр. 77. Но истинная жемчужина галереи – небольшая картина Мурильо «Мальчик», казнящий – насекомое, получившее у Гоголя прозвание зверя. – Мурильо написал серию картин, изображающих жизнь простонародья, особенно удачно у него получались дети. В Лувре было несколько картин, написанных в этом жанре, в том числе «Юный нищий» и «Вшивый» (Фет называет ее просто «Мальчик»). В Эрмитаже находится «Мальчик с собакой». Рассуждения Фета по поводу «грязных сюжетов» переключается с мнением Гегеля: «С внешней стороны предмет изображения носит здесь вульгарный характер. Мать ищет вшей в голове мальчугана, а он в это время спокойно жует кусок хлеба; на другой картине двое мальчиков, ободранные и нищие, едят дыни и виноград. Но в этой бедности и полунаготе сквозит изнутри и извне чувство здоровья и жизнерадостности, сквозит такая полнейшая беззаботность, которая не уступает душевному спокойствию дервиша. Это отсутствие забот о внешнем и отражающаяся в этом внешнем внутренняя свобода и есть то, чего требует понятие идеального» (Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика. Т. 1. С. 179). ...Насекомое, получившее у Гоголя прозвание зверя... – «Мертвые души», гл. 8: «Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили на другом конце города будочника, который, подняв свою алебарду, закричал спросонья что стало мочи: “кто идет?” но увидев, что никто не шел а слышалось только издали дребезжанье, поймал у себя на воротнике какого-то зверя и, подошед к фонарю, казнил его тут же у себя на ногте». Впервые сравнение картины Мурильо с эпизодом из поэмы Гоголя возникло у Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «...одна из известнейших галерей в Европе хранит, как бесценное сокровище, картину великого Мурильо, представляющую мальчика, который с усердием и обстоятельно занимается тем, что будочник сделал спросонья и мимоходом» (Белинский. Т. 10. С. 293). Непризнанный – то же, что бесприютный, лишенный крова и пищи (от признать). ...девочку Консуэлло – Героиня романа Жорж Санд «Консуэло» (1842), прототипом которой была П. Виардо.

...картиной Мурильо, возбуждающей своим грязным сюжетом самые чистые, духовные наслаждения. – Эпитетом «грязный* награждали Гоголя критики 1830–1840-х (Сенковский, Греч, Булгарин) за его приверженность темам из «низкого» быта и сравнивали писателя с Поль де Коком, главный недостаток произведений которого, по мнению Сенковского, заключается в выборе предметов изображения, «которые всегда почти у него грязны и взяты из дурного общества» (См.: Эйхенбаум Б. Толстой и Поль де Кок // Западный сборник. Л., 1937. С. 293).

Письмо третье I

Впервые: Соер. 1857. № 8. С. 81–128. Подпись: «А. Фет».

Стр. 78. ...пойдем по широкой аллее (Esplanade des Invalides) к самому Инвалидному дому (Hôtel des Invalides). – Эспланада Инвалидов – незастроенное пространство между крепостными стенами и постройками по другую сторону этого пространства. Дом Инвалидов

455

был заложен задолго до правления Наполеона, в 1670, завершилось строительство в 1676 (арх. Л. Брюан). Многочисленные войны, которые вела Франция с конца XVI в., оставили тяжелое наследие – огромную массу искалеченных людей, для которых и было решено создать специальную больницу-общезитие. В комплекс Дома инвалидов вошли больница, казармы, монастырь и солдатская церковь. Внутри церкви развешены трофейные знамена, захваченные французами в разных войнах. Главный фасад очень протяженный (210 м), здание четырехэтажное и, с точки зрения строгого вкуса, –

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
монотонное, однообразное. Это обстоятельство, а также теснота церкви вызвали
необходимость в сооружении собора инвалидов, который стоит в ряду самых
значительных купольных сооружений мира, таких, как собор св. Петра в Риме, храм
Санта Мария дель Фиоре во Флоренции, собор св. Павла в Лондоне, Исаакиевский
собор в Петербурге. Его высота достигает 105 м. Ф. Н. Глинка, побывавший в
Париже в 1814, посвятил «Инвалидному дому» отдельную главу в «Письмах русского
офицера»: «В разных государствах прилагали разные способы для доставления наград
и покоя пострадавшим и потрудившимся в бранях. Но ни одно государство в Европе
(думаю, кроме Англии) не похвалится таким прекрасным заведением, как Франция»
(Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. С 397).

Кто желает прежде всего осмотреть церковь инвалидов – одна из тысячных
подражаний храму Св. Петра. – Главный собор Дома инвалидов называется Церковью
купола, построен в 1677 ж. Ардуэн- Мансаром. Площадь Вобан носит имя Себастьяна
Ле Претра де Вобана (1633–1707), маркиза, маршала Франции, военного инженера,
почетного члена французской академии. Он был участником 53 походов, 104 боев.
Теоретик военного искусства, оставил большое количество сочинений, посвященных
военному ремеслу, они собраны в книге под названием «Досуги господина де
Вобана». Храм се. Петра (1506– 1614) – главный собор на территории Ватикана,
города-государства, располагающегося в пределах столицы Италии Рима; сооружен по
планам нескольких архитекторов – Браманте, Дж. Делла Порта, Микеланджело и др.
Микеланджело и Рафаэль расписывали собор.

Вступая на порог ротонды – высокий траурный алтарь. – 13 мая 1840 палатой
депутатов решено было перенести прах Наполеона I с о. Св. Елены в собор Дома
инвалидов. Через несколько месяцев это было сделано. Гробница представляет собой
саркофаг из красного порфира (подарок Николая I), установленный на постаменте из
зеленоватого гранита из Вогезских гор. Торжественное оформление гробницы
выполнил архитектор Л.-Т. Висконти. Под куполом была возведена углубленная
открытая крипта, в центре которой надгробие императора. Вокруг гробницы 12
аллегорических горельефов, запечатлевших наполеоновские походы.

Кариатида – скульптурное изображение фигуры, преимущественно женской, которая
обычно служит опорой балки в здании, в данном случае, карниза.

456

Стр. 79. Если хотите видеть внутреннее устройство Дома инвалидов... – Внутренние
помещения, предназначенные для проживающих здесь ветеранов, были расписаны
лучшими художниками, украшены многочисленными скульптурами. Библиотека
насчитывала ок. 25 000 томов.

Наполеон III – Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), император Франции с 1852
по 1870 гг.

...здание Военной школы (Ecole Militaire) было построено при Людовике XV в 1752
(арх. А.-Ж. Габриэль) в целях подготовки пятисот юношей из дворянских семей для
несения офицерской службы. До революции 1789 во дворе школы стояла статуя
короля. Габриэль украсил центр фасада, обращенного к Марсовому полю, коринфским
портиком и куполом со срезанной вершиной. С 1792 Военная школа превратилась в
казармы, с 1804 по 1830 здесь располагались гвардейские части.

Марсовым полем в Древнем Риме называли низменность на левом берегу Тибра, где
проходили народные собрания. Название поле получило в честь бога войны Марса, т.
к. здесь устраивались военные смотры, состязания и находился алтарь бога войны.
По аналогии с Марсовым полем в Риме названа площадь в Париже. В 1790 на Марсовом
поле торжественно отмечали праздник Федерации, был сооружен стадион,
триумфальная арка, а в центре поля – алтарь. В XIX в. поле использовалось как
место для зрелищ, скачек и т. д.

Стр. 80. Готтентотская– варварская, дикая (по названию одной из наименее
культурных народностей Африки).

...к заставе Звезды (Barriere de Vetoile).– Площадь Звезды, по первоначальному
замыслу А.-Ж. Габриэля, перекресток, образованный расходящимися лучеобразно
восемью дорогами. Заставы в виде павильонов появились после устройства
таможенного пояса стен по периметру площади. К началу строительства Триумфальной
арки на пл. Звезды были поставлены два павильона.

Стр. 80–81. ...огромное деревянное здание Гипподрома – одно имя Гипподрома
приводит на память античные ристалища. – Здание Гипподрома находилось за
заставой Звезды и использовалось для цирковых конных представлений. Такие же
представления можно было посмотреть в Цирке императрицы на Елисейских полях и в
Цирке Наполеон. Ипподром у древних греков и римлян – место конных скачек и
состязаний в езде на колесницах.

Стр. 81. ...прекрасный портрет Ришелье, в красной кардинальской мантии... –
Возможно, имеется в виду копия известного хранящегося в Лувре портрета кардинала
де Ришелье (наст, имя Арман Жан дю Плесси; 1585–1642) кисти Ф. де Шампена.

Ристалище (устар.) – площадь для конных и иных состязаний, а также само

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
состязание.

...стих Горация – невольно приходил мне на память. – Фет цитирует в своем переводе оду I, 1 рим. поэта Квинта Горация Флакка
457

(65–8 до н. э) «К Меценату» («О, Меценат, царей древнейших порождение...» – см. наст, изд., т. 2, с. 11).

Pre-Catelan – увеселительное заведение для рабочего люда, мелких служащих и гризеток, о его открытии сообщалось в ОЗ (1856. Т. 107. № 8. С. 174): «В Булонском лесу открыто новое увеселительное заведение, названное Pré-Catelan. Это то же, что покойное Тиволи, памятное всем парижанам. Лес превращен в парк, красивый и цветущий как сад. Везде цветы, беседки, крытые аллеи, редкие растения. Ватто избрал бы это место для своих пудренных праздников. Боккаччо поместил бы в нем красавиц своего Декамерона. За неимением каскадов и фонтанов, тут проведен узенький ручеек и везде возвышаются киоски с разными увеселениями и развлечениями, в одном курят, в другом играют, в третьем стреляют в цель и проч. Если вы устали гулять – для вас готовы экипажи и вы можете прокатиться. Музыка играет тут главную роль. Говорят, что тут же устроен будет и пантомимный театр и открыта танцевальная зала, словом, это настоящая бездна удовольствий и за небольшую плату».

Театр марионеток – одна из разновидностей театра кукол, которые приводятся в движение при помощи нитей, подвязанных к голове и сочленениям. Происхождением своим марионетка обязана франц. marionnette, небольшим фигуркам Девы Марии в средневековых мистериях, разыгрывавшихся куклами. В Париже существовал театр марионеток на бульваре Тампль.

Стр. 82. Грум – слуга, сопровождающий верхом всадника, либо едущий на запятках кареты или на козлах.

Оршад – прохладительный напиток, миндальное молоко с сахаром (от франц. orgeat).
...как не побывать на bal mabîle? – Бал Мабиль – одно из самых популярных заведений Парижа, где летом устраивались танцы, пантомимы и др. развлечения, рассчитанные на непритязательные вкусы.

Тезей – герой греч. мифологии, царь Афин. После победы над чудовищем Минотавром Тезею удалось выйти из лабиринта с помощью клубка нитей, данного ему дочерью царя Миноса Ариадной.

Стр. 83. Зато кадрили, La contredanse, танцуемый здесь только в две пары... – Кадриль обычно танцуют в четыре и более пар. Первоначально английский, танец контрданс, в котором танцующие пары становятся друг против друга, распространился во Франции, получив название кадрили, и отсюда в нач. XIX в. в Европе, в т. ч. в России. Кадриль состояла сначала из 5, затем из 6 фигур. «Кадрили были столь любимы, что почти все известные романсы, мотивы из опер превращали в этот танец. Так, например, стала очень популярной кадриль К. Лядова <...> посвященная памяти рано умершей талантливой актрисы Асенковой. В кадриль эту вошли всем хорошо знакомые в ее исполнении мелодии. Даже песнь безумной Офелии была превращена в кадриль...» (Фрадкина Э. Зал Дворянского собрания. Заметки о концертной жизни Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 31).

458

Ритурнель – небольшое музыкальное вступление перед началом танца.

Стр. 84. Concert Musard – О концертах Ф. Мюзара см. примеч. к стр. 66.

...вроде угольных петербургского Дворянского Собрания. – Дворянское собрание помещалось в здании, построенном в 1839 по проекту архитектора П. Жако на Михайловской площади (ныне там расположен Большой зал петербургской филармонии на пл. Искусств). Именно здесь находился один из музыкальных центров Петербурга и нередко устраивались великосветские балы и маскарады.

Биржа – см. примеч. к стр. 67.

Стр. 85. Пандемониум – адская столица, «чертог Сатаны», где собирается совет демонов, описанный Дж. Мильтоном (1608–1674) в первой главе поэмы «Потерянный рай» (1667).

II

...Comedie Française и Palais Royal... – Театр «Комеди Франсез», или «Французский театр» – старейший нац. театр Франции. Основан в 1680 в Париже по указу Людовика XIV, объединившего театр Мольера и театр «Бургундский отель». Театр неоднократно менял помещения, в 1850-е (как и в настоящее время) находится на ул. Ришелье. В 1840–1850-е на сцене театра ставились в основном пьесы В. Гюго (1802–1885), А. де Виньи (1797–1863), А. де Мюссе (1810–1857), Эмиля Ожье (1820–1889), Александра Дюма-сына (1824–1895), Викторьена Сарду (1831–1908). «Пале Ройяль» (или Руаяль), небольшой парижский театр, построенный на территории дворца Пале-Руаяль в 1784; первоначально Театр марионеток Бужоле, название получил в 1831. На его сцене ставились комедии и водевили.

Стр. 85–86. Новый Мост – украшен посредине – конной статуей Генриха IV... –

Новый мост – один из старейших мостов Парижа, построен в 1578–1607. Незадолго до приезда Фета он был полностью освобожден от многочисленных лавочек, делавших его привлекательным для гуляющих. Работа над статуей Генриха IV (1553–1610) была начата по приказу его вдовы Марии Медичи в 1614, после того, как ее отец подарил ей бронзовую статую лошади работы Ж. Болонья, предназначенную для скульптуры вел. герцога Фердинанда. Конь долго стоял на мосту без седока, лишь в 1635 фигура Генриха IV была водружена туда, и монумент был открыт. В 1792 статуя была переплавлена на пушки, Наполеон намеревался заменить ее обелиском, однако в 1818 памятник Генриху IV был восстановлен (скульптор Ф. Лемот). Примечательно, что статуя была переплавлена из бронзового монумента Наполеона I, свергнутого с Вандомской колонны. Пьедестал украшен барельефами и надписями, одна из которых воспроизводит ту, что была уничтожена во время Французской революции. Стр. 86. Palais de Justice (Дворец Правосудия) – королевский замок с тюрьмой Консьержери и Королевской капеллой составляет

459

сложный комплекс, занимающий зап. часть о, Ситэ. Три башни дворца датируются XIII в., угловая башня – XIV в. На ней были установлены сигнальный колокол и первые в Париже башенные часы. Этот дворец долгое время был резиденцией франц. королей; после того, как Екатерина Медичи избрала своим местопребыванием Лувр, в нем распологался парламент. От старого дворца, после нескольких пожаров, сохранилось мало, он был вновь отстроен Ж. Деброссом в 1622, затем реконструирован в 1776. В 1417 канцлер Франции был назначен на должность консьержа, т. е. привратника королевского жилища. Отсюда название части дворца: «Консьержери». Это самая старая тюрьма Парижа, где находились перед казнью Мария-Антуанетта, а затем Дантон, Шометт, Робеспьер и др.

Во дворе здания прекрасная готическая капелла, а в глубине знаменитая зала des Pas Perdus. – Королевская, или Святая капелла (Сент-Шапель) находится в юго-вост. дворе, возведена в 1246–1248 (арх. П. де Монтеро). Зала des Pas Perdus (франц., буквально – «зала неслышных шагов») – главный зал заседаний во Дворце Правосудия. Здесь подписывались официальные документы, произносились клятвы, отмечались важные события. В. Гюго описал ее в «Соборе Парижской Богоматери»: «Нелегко было пробраться в этот день в большую залу, считавшуюся в то время самым обширным закрытым помещением на свете <...> Над нашими головами – двойной стрельчатый свод, отделанный деревянной резьбой, расписанный золотыми лилиями по лазурному полю; под ногами – пол, вымощенный белыми и черными мраморными плитами. <...> Кругом залы вдоль высоких стен, между дверьми, между окнами, между столбами – нескончаемая вереница изваяний королей Франции, начиная с Фарамонада <...>» (Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. Т. 2. С. 8–10).

Стр. 87. Все эти головы крылатых чертей, виднеющихся по углам карнизов... – Имеются в виду фантастические чудовища – химеры, головы которых украшают здание собора Парижской Богоматери и служат водостоками, они были водружены уже при Реставрации Виоле-ле-Дюком.

Стр. 88. ...посетя в St. Denis склепы французских королей... – Сен-Дени – самый древний пригород Парижа. Еще в VII в. на месте легендарного захоронения епископа Лютетия, казненного на Монмартре, было основано аббатство. Базилика Сен-Дени считается первым готическим зданием Франции. В течение двенадцати веков она служила местом погребения французских королей. Во время революции ее пытались разрушить, но Наполеон I распорядился восстановить храм. Здание, которое видел Фет, было восстановлено архитекторами Дебре и Э.-Э. Виолетт-ле-Дюком. Хлодвиг I (ок. 466–511) король из династии Меровингов. Людовик XVI (1754–1793) король Франции в 1774–1792 гг., казнен по приговору Конвента. После реставрации Бурбонов прах Людовика и его казненной супруги перенесен в Сен-Дени, надгробие представляет собой статую короля, молящегося на коленях перед казнью. Рядом могила Марии-Антуанетты (см. ниже).

460

...как он отличился на отроческой могиле Марии Антуане- ты... – Имеется в виду коленапоклоненная статуя Марии-Антуанетты (1755–1793), франц. королевы, супруги Людовика XVI, которая была гильотинирована в 1793. Королева изображена молодой, одетой в пышные одежды, в целом, скульптура статична и лишена подобающего трагизма. Не вполне ясно, почему могила названа отроческой, возможно, это опечатка, допущенная в первой публикации.

...и эту церковь поправляют, восстанавливая отбитые башенки и украшения в общем тоне здания. – В 1844, по декрету Луи-Филиппа, началась реставрация собора Парижской Богоматери. Работами руководил известный архитектор Э.-Э. Виолле-ле-Дюк (1814–1879).

Пономарь таки заставил меня взглянуть на чудовищный – по мнению Виктора Гюго, колокол... – Среди пятнадцати колоколов любимым у героя романа Гюго «Собор Парижской Богоматери» квазимодо был самый большой, носивший имя «Мария»:

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
«Разнузданный, яростный колокол разверзал то над одним просветом башни, то над другим свою бронзовую пасть, откуда вырывалось дыхание бури, разносившееся на четыре лье окрест. <...> И вот это уже не колокол Собора Богоматери, не Квазимодо, – это бред, вихрь, буря; безумие, оседлавшее звук; дух, вцепившийся в летающий круп; невиданный кентавр, получеловек, полуколокол; какой-то ужасный Астольф, уносимый чудовищным крылатым конем из ожившей бронзы» (Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. С. 156–157). Вес самого большого колокола 13 тонн.

...мы с товарищем французом – знаменитое кладбище Pègre La Chaise... – Очевидно, речь идет об Ипполите Делаво, с которым Фета познакомил в Париже И. С. Тургенев. Делаво жил несколько лет в России и хорошо знал рус. язык, интересовался рус. литературой, переводил Тургенева, Герцена и др., а также печатал статьи о рус. литературе во франц. прессе. «Делаво такой русофил, – писал Тургенев В. П. Боткину 25 окт. (6 ноября) 1856, – что вообразить нельзя. Россия для него верх совершенства – я его не разочаровываю» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 24). «Для меня, совершенного новичка в Париже, – писал Фет позднее в мемуарах, – милый и образованный Делаво являлся совершенным Virgiliem, водившим меня по всему Парижу, начиная с Лувра и до последнего студенческого бала и поющей кофейни» (МВ. ч. 1. С. 148). Пер Лашез, кладбище в Париже. Название произошло от имени духовника Людовика XIV, патера Ла-шеза (1624–1709), возглавлявшего общину иезуитов, получивших эту землю в дар от Людовика XIV. Кладбище образовано по декрету Наполеона в 1804, сюда были перенесены останки Мольера, Лафонтэна, Бомарше и др. выдающихся людей, и с тех пор Пер Лашез стало национальным некрополем.

Стр. 88–89. Воротясь по Аркольскому мосту – мы очутились против знаменитого – Hdtelde Ville – пустились в путь через площадь Бастилии... – Hdtelde Ville – здание городской ратуши, расположен

461

ное на площади того же названия, строилось с 1533 по 1623, при Луи-Филиппе (см. выше) было реставрировано и расширено, сгорело в 1871 и было вновь восстановлено лишь в 1878–1879. Площадь Бастилии – место, где находилась Бастилия, сначала крепость, построенная в XIV в., а затем тюрьма. Ставшая символом абсолютизма, Бастилия была захвачена 14 июля 1789, а затем разрушена. Взятие Бастилии стало отмечаться во Франции как национальный праздник.

Стр. 89. ...тюрьма, устроенная по американской методе келейного заключения для несовершеннолетних преступников. Недалеко отсюда другая тюрьма... – Имеется в виду тюрьма для несовершеннолетних (Jeunes Detenus), или Главный исправительный дом (Maison centrale d'education correctionnelle). В 1836 здесь была т. н. пенитенциарная система заключения, т. е. система одиночного, или келейного заключения. Недалеко от нее располагалась Рокетская тюрьма (1a Roquette), в которой одиночное заключение было введено с 1844. Пенитенциарная система 2-х видов была впервые разработана в Америке: аубурнская (в штате Нью-Йорк), по которой заключенные днем работали вместе, а на ночь запирались в отдельные камеры, и пенсильванская (или филадельфийская), по которой осужденные запирались в одиночных камерах, лишённые прогулок, работы и какого-либо общения.

Стр. 89–90. Абельяр, родившийся в 1079 году близ Нанта – умерла в 1164 году, тоже шестидесяти трех лет от роду. – История Абельяра и Элоизы стала известна во Франции еще в XIII в., когда была переведена с латинского языка переписка средневекового богослова, философа и поэта Пьера Абельяра с его ученицей и возлюбленной Элоизой. На этот сюжет было написано более 60 романов. История Абельяра и Элоизы послужила источником романа Руссо «Новая Элоиза» (1761). В 1855 в Париже были изданы сочинения Абельяра в серии «Patrologiae cursus completus, ser. latina» (accur. J.-P. Migne. P., 1855). Возможно, Фету было известно это издание. В 1849 вышел также первый из двух томов соч. Абельяра, подготовленных франц. историком и философом Виктором Кузенном.

Стр. 90. В 1817 году, по закрытии Музея французских памятников – перенести на кладбище Pègre la Chaise. – Музей франц. памятников, открытый во времена франц. революции усилиями А. Лемуара (1762–1839), был предназначен для хранения скульптурных памятников, снятых по каким-то причинам с постаментов. «В нестройные времена ужаса, когда обрызганные кровью нечестивцы с жадным оком и несатым сердцем рыскали по пределам мятущейся Франции, – писал Ф. Н. Глинка, – святотатствуя в храмах и даже самые прахи усопших из могил исторгая, в одном из небольшого числа благомыслящих людей родилась благая мысль спасти от разрушения священные памятники времен: г. Лемуар тщательно собрал все вырытые из земли, снятые с могил, исторгнутые из церквей и по монастырям найденные памятники надгробные» (Глинка Ф. Н.

462

Письма русского офицера. С. 385–386). В 1800 останки Абельяра и Элоизы были перенесены туда из монастыря Паракле вместе с надгробием. После закрытия музея

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana прах Абельяра и Элоизы был перенесен на кладбище, где для этого было построен специальный павильон в готическом стиле.

Стр. 91. Пантеоном стала церковь, заложенная в правление Людовика XV в 1744 в честь покровительницы города св. Женевиэвы, с которой король связывал свое чудесное исцеление. Архитектор Ж.-Ж. Суффло пытался соединить в этом сооружении легкость готических конструкций и элементы греч. архитектуры. Храм строился с 1757 по 1790. План церкви имеет форму латинского креста, она увенчана на средокрестии куполом с колоннадой. «Холм св. Женевиэвы», на котором стоит церковь, чрезвычайно высок, поэтому он господствует над всем городом. Хотя в церкви находится могила св. Женевиэвы, почти сразу по окончании работ храм был преобразован по решению революционных властей в усыпальницу великих людей Франции. На фронте была выбита приведенная Фетом надпись. Здесь похоронены Марат, Мирабо, Руссо и др.

Пантеон, построенный Людовиком XVIII для католического служения – менял эти два назначения – мраморные гробницы Вольтера и Руссо... – Очевидно, ошибка Фета или опечатка в публикации: церковь Св. Женевиэвы, которая позже стала Пантеоном, была заложена Людовиком XV, достраивалась при Людовике XVI. Людовик XVIII (1755–1824), брат казненного короля Людовика XVI, был королем Франции в 1814–1815 и 1815–1824 в 1791 он бежал за границу, жил некоторое время в России, был признан главой эмиграции, но не обладал сильным характером и не умел сплотить силы против Наполеона. Принятая им «Конституционная хартия» (4 июня 1814) была написана Талейраном и явилась компромиссом между старой дворянской знатью и верхушкой буржуазии. Прах Вольтера (наст. имя: Мари Франсуа Аруз; 1694–1778), франц. писателя, философа, историка, был перенесен в Пантеон в 1791, а автора «Новой Элоизы», «Исповеди» и «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) – в 1798.

...внутренность храма не соответствует – самому названию: Пантеон. – Храм Пантеон в древнем Риме был посвящен всем богам (от греч. pan – все и theos – бог). Внутри парижский Пантеон оформлен как католический храм. Пантеоном назывались также сборники, содержавшие лучшие образцы разных родов поэзии. Свой первый поэтический сборник Фет назвал «Лирическим Пантеоном» (1840).

Стр. 92. О Люксембургском дворце и его саде могу сказать одно... – Люксембургский (Люксембургский) дворец является самым значительным памятником архитектуры, завершающим в Париже эпоху Возрождения. Название обусловлено тем, что в XVI в. в особняке на окраине города жил герцог Люксембургский. Новый дворец выстроен в XVII в. (арх. С. де Бросс) по заказу Марии Медичи, жены

463
Генриха IV. После смерти мужа королева решила создать дворец, который напомнил бы ей родную Флоренцию. Она в 1612 приобрела сад и старый дворец герцога, и к 1625 новый дворец был готов. В 1621 Медичи заказала Рубенсу серию картин для дворца, в аллегорических образах рассказывающих о ее жизни (см. о них выше), они положили начало будущей картинной галерее. В 1818 в Люксембургском дворце был организован музей современного франц. искусства. Таким образом, картины известных художников, в т. ч. Давида, Энгра, Делакруа и др. не сразу попали в Лувр. Дворец замечателен своим садом во французском стиле, занимающим площадь ок. 25 га, с бассейном, фонтаном Марии Медичи и террасами, которые обрамлены балюстрадами и мраморными статуями.

Jardin des Plantes – Сад растений, или Ботанический сад, знаменитый сад-музей, основанный по указу Генриха IV, первоначально назывался Королевским садом (точнее, Королевским садом лекарственных растений) и был призван увековечить достижения ботаники и зоологии. Здесь была собрана уникальная коллекция редких животных, растений, минералов, открыты научные кафедры. Здесь в 1772 купил дом и поселился известный натуралист Ж.-Л. Леклерк граф де Бюффон, значительно усовершенствовавший сад-музей. В 1793, по декрету Конвента, Королевский сад был переименован в Музей естественной истории (Musée d'histoire naturelle).

Очевидно, сад сильно пострадал за те 40 лет, что прошли со времени посещения его Ф. Глинкой, который описывал его так: «Я наслаждался приятнейшею прогулкой! На самом умеренном пространстве видел я, так сказать, всю природу в уменьшенном размере. Все деревья, кустарники и растения четырех частей света собраны тут, все звери Европы, Азии, Африки и Америки в неволе и на воле живут тут. Таков в Париже сад растений, называвшийся прежде королевским садом. Великий Бюффон был некогда его попечителем. <...> Я был в долине зверей, видел благородных львов, стройных леопардов, свирепых тигров, коварнолютых гиен, целое стадо попугаев и проч. и проч. <...> Множество хижин построены по образцам жилищ разных народов и каждая осенена деревом и окружена растениями, приличными ее стране. <...> В отделе Ботанического сада более семи тысяч растений <...> Мне казалось, что я стою в средоточии вселенной и слышу общую песнь творения, тихо возносящуюся в недостижимые пределы горных стран к творцу непостижимому!» (Глинка Ф. Н. Письма

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana русского офицера. С. 385).

Мериносы – тонкорунные овцы испанской породы с тонкой и мягкой шерстью.

Лошаки – помесь жеребца и ослицы.

Дромадер – одногорбый верблюд.

Стр. 93. Боскеты – подстриженные кусты в форме забора (от франц. bosquet).

Там романы Александра Дюма-сына, здесь рассказ Поль-де-Кока, даже песня

Беранже. – Фет имеет в виду, что в балах Мабилля

464

принимали участие дамы полусвета, изображенные в романах А. Дюма-сына (1824–1895) (ранее он говорил о романе «Дама с камелиями»), здесь же он описывает героев парижских низов, давших сюжеты романам Поль-де-Кока (см. о нем выше) и песням II.-Ж. Беранже (1780–1857).

III

Стр. 94. Критский лабиринт – лабиринт, существовавший, согласно др.-греч. мифу, на о. Крит, где обитал человекобык Минотавр, впоследствии убитый Тезеем.

Стр. 95. Табль дот – общий стол в гостиницах, столовых, ресторанах (от франц. table d'hôte).

Стр. 96. У Freres Provengaux, у Very... – «Братья Провансо» и «Верн» – названия известных парижских ресторанов.

Эпическая муза – имеется в виду Каллиопа, муза эпической поэзии и знания, изображалась обычно со свитком и палочкой для письма.

...французские театры, за редкими исключениями, нестерпимо плохи. – В письме к В. П. Боткину (дек. 1847) В. Г. Белинский говорит о своем отношении к парижским театрам: в большинстве из них, несмотря на талантливость актеров, видны лишь «пустота, ничтожность, пошлость». «Искусство напоминает о себе только Рашелью и Расином, а не то напомнит его иногда своими «Ветошниками» при помощи Леметра какой-нибудь Феликс Пиа <...>» (Белинский. Т. 12. С. 447). И. С. Тургенев, бывший в Париже одновременно с Фетом, писал А. Н. Островскому: «Был я здесь в театрах. В течение последних 6 лет не появилось ни одного нового замечательного таланта – а старье все поизносилось и поизбилось. Два-три новых молодых играют просто; – и только; – похвала, как видите, не слишком большая» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 40).

Можно указать на двух-трех актеров-стариков... – Элиза Рашель (1821–1858), которая воскресила классицистическую трагедию на парижской сцене, и Фредерик Леметр (1800–1876) и были среди тех «редких исключений», о которых пишет Фет.

Стр. 97. «Большая Опера» или Театр Королевской оперы (ГрандОпера) – крупнейший театр Европы, основан композитором Р. Камбером и поэтом П. Перреном, получившим патент на организацию постоянного оперного театра. Открылся в 1671 под названием «Королевская академия музыки», в дальнейшем неоднократно менял названия и местоположение, с 1848 по 1870 назывался «Национальным театром оперы» (Theatre national de l'Opéra).

Опера Дж. Мейербера (1791–1864) «Роберт-Дьявол» (либретто Э. Скриба и Ж. Делавиня), первая «парижская» опера. Ее премьера состоялась 22 нояб. 1831 на сцене театра Королевской оперы. «Лучшею оперою Мейербера останется «Роберт», как по богатству музыкального драматизма, так и по самой новости манеры», – писал

Бот

465

кин в ст. «Итальянская опера» (Боткин В. П. Литературная критика. С. 169).

Внешность доведена в парижских театрах – «Vaudeville», «Gymnase dramatique»,

«Gaiete» и так далее. – В Париже сосуществовали две группы театров – привилегированные, пользовавшиеся правительственной поддержкой и государственной субсидией (ведущими драм. театрами были «Комеди франсез», или «Французский театр», а также «Одеон»), и большая группа театров, размещавшихся на бульваре Тампль. Среди них самые крупные – «Порт-Сен-Мар-тен», «Амбигю-Комик», «Тэте», а также названные Фетом «Водевиль» и «Жимназ».

Декорации написаны с большим вкусом – данной минуте действия. – Схожее впечатление от оперного театра описывал Ф. Н. Глинка: «Теперешний Оперный дом построен уже в 1793 году. Снаружи нельзя узнать, чтоб это был храм муз, но зато, побывав внутри, признаешься, что это точно храм муз и вместе храм очарований.

<...> Чрезвычайными певцами опера похвалиться теперь, кажется, не может. Здешнее пение не введет русского в такой восторг, чтоб он не мог забыть, забыть своего Самойлова, Злова и не вспомнить о Сан-дуновой. Но машины и декорации неподражаемы, чудесны!» (Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. С. 253–254).

Стр. 98. Амур Праксителя – известная статуя др.-греч. ваятеля Праксителя (ок. 390 – ок. 330), представителя поздней классики.

Стр. 99. Ноздрев – герой поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», враль и гуляка.

«Боже! что бы сказал Шекспир, глядя на все эти штуки», – восклицал мой товарищ... – Товарищем Фета был И. С. Тургенев. Фет воспроизвел этот эпизод в

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana своих мемуарах, назвав его имя: «Однажды мы с Тургеневым сидели в первом ряду кресел театра Vaudeville на представлении "La dame aux camélias". Последнюю ломала перед нами старая и чахоточная актриса, имени которой не упомяну. Тургенев сообщил мне шепотом, что покрывающие ее бриллианты – русские. При ее лживых завываниях Тургенев восклицал: "Боже! что бы сказал Шекспир, глядя на все эти штуки!" А когда она бесконечно завывала перед смертью, я услышал русский шепот: "да ну, издыхай скорей!"» (МВ. Ч. 1. С. 149).

Клакер – человек, нанятый для того, чтобы шумно аплодировать, создавать впечатление успеха.

С. 100. Ареопаг – название верховного суда в Афинах Areios pagos, первонач. холм бога войны Ареса, в переносном смысле – судилище. Так иронически называлась в кругу Соер, группа литераторов (куда входили Некрасов, Тургенев, Дружинин, Боткин и Анненков), решавшая судьбу присланных в редакцию сочинений, в т. ч. ст-ний Фета.

Самсон (Samson), точнее Сансон Жозеф Исидор (1793–1871) – франц. актер и драматург, особенно успешно исполнял роли комического ампула в пьесах Мольера, Бомарше, Мариво. С 1829 профессор

466

декламации парижской Консерватории, воспитал много учеников, в т. ч. знаменитую Рашель.

Брессан Жан Батист Проспер (1815–1886) – франц. драматург и актер, исполнитель ампула «первых любовников» (jeune premier). В 1835 г. дебютировал в Монмартрском театре. В 1839–1846 гг. с успехом играл в Петербурге, в 1846–1853 гг. – в парижском театре «Гимназия», затем с 1854 г. стал постоянным членом труппы «Коме-ди-Франсез», однако выступал и в романтических драмах.

Плесси, точнее Арну-Плесси (Arnould-Plessy) Жанна Сильва-ни (1819–1897) – франц. актриса, ученица Ж.-И. Самсона; с сер. 1840-х до 1855 жила в России и выступала на сцене Михайловского театра в Санкт-Петербурге, затем вернулась на франц. сцену, где исполняла, в основном, роли кокеток. А. И. Герцен, напротив, был очень высокого мнения об игре Арну-Плесси, которую видел в Петербурге: «...да, это великая актриса, и что ей надавала для этого природа: она высока, величественна, голос ее проникает в глубину сердца, она тип величавой красоты...» (Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 22. С. 259. Письмо к Н. А. Герцен от 5–8 окт. 1846).

Лучшая артистка, какую мне удалось видеть в Париже, без сомнения, Rose-Chéri, на сцене «Гимназии». – Rose-Chéri – Шери Роза (наст. имя Роза Мария Сизо, в замуж, г-жа Адольф Лемуан-Монти-ньи; 1824–1861), франц. актриса. Выйдя замуж за директора театра «Гимназии» («Gymnase») в 1847, играла на этой сцене преимущественно заглавные роли, в т. ч. в пьесах Ж. Санд, с которой неоднократно встречалась и переписывалась. П. В. Анненков упоминает о Розе Шери в «Парижских письмах»: «В Gymnase dramatique царит безраздельно несравненная Роза Шери, с своею девственною скромностью, с задумчивою улыбкой, полной сдерживаемого чувства, наконец, во всегдашней своей борьбе между искушениями падения и сознанием своего достоинства, которую передает она так тонко и нежно. Нынешнюю зиму она почти совсем вытеснила свой антипод, который, однако ж, служил ей как бы дополнением и пояснением, – грациозно беззаботную и вызывающую на падение Дезире. Боюсь я, чтобы по роду пьес, какие стал писать для [нас] Шери Скриб, все ее качества не обратились бы в манеру» (Анненков П.В. Парижские письма. С. 105).

Об итальянской опере ни слова... – театр в Париже. С 1839 его солисткой была певица Полина Виардо-Гарсиа (1821–1910). Луи Виардо, муж Полины, был одно время директором театра. В нем ставились оперы Глюка, Доницетти, Россини, Беллини и др. композиторов. Особенно успешно театр работал с 1819 по 1848, когда в труппу входили такие известные певцы, как Рубини, Лаблаш, Тамбурины, Марио, Малибран, Виардо, Зонтаг и др. После революции 1848 театр был фактически распущен, лишь в 1855 сформировалась новая труппа, во главе с П. Виардо, А. Бозио и др.

Но с этими чудными голосами Верди обходится, как своенравный мальчик с барабаном. – Верди Джузеппе (1813–1901), итал.

467

оперный композитор. Очевидно, Фет имеет в виду обилие в операх Верди хоров, ускоренных ритмов, музыкальных эффектов, создающих особое напряжение для слушателей и исполнителей. На него могло произвести впечатление и мнение И. С. Тургенева, который, как и П. Виардо, ставил оперы Верди гораздо ниже классических опер Россини, Беллини и Доницетти. «Этот якобы широкий стиль, очень удобный для не умеющих петь, эти напыщенные речитативы, – писал Тургенев П. Виардо 26 нояб. ст. ст. 1847 после представления оперы Верди «Ломбардцы», – эти хоры unisono на мотив галопа или польки! <...> посредственностям, таким резвым и плодовитым, как Верди, дана могучая и грубая сила, и, наоборот, те, кому дарован божественный огонь, пропадают в праздности, слабости или мечтаниях» (Тургенев.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana Письма(2). Т. 1. С. 369).

Стр. 100. Французская опера Большого Театра и особенно Opera Comique с ее m-mes Cabel и Ugalde просто плохи. – Театр «Комической оперы» берет начало от т. н. «Театра ярмарки», существовавшего еще в XVI в. Несмотря на долгое противостояние со стороны официальных музыкальных театров, к 1780 «Комическая опера» отстояла свое право на существование, а с 1840 обрела собственное здание. Cabel – кабел (урожд. Дрелетт) Мари (р. 1827), франц. певица, дебютировала в «Комической опере» в 1849, в феврале 1856 с успехом выступила в заглавной партии в опере «Манон Леско» Обе- ра; Ugalde – Югальд Дельфина (урожд. Босэ; 1829–1910), певица, сопрано. Дебютировала в «Комической опере» в 1848, пела также в театрах «Варьете», «Порт-Сен-Мартен», «Лирическом театре», в 1860-х была директором театра «Буфф паризьен», выступала в опереттах Ж. Оффенбаха.

IV

Стр. 101. На прошедшей неделе я получил письмо от Л. – «<...>По крайней мере, получите понятие о французской деревенской жизни...» – Имеется в виду письмо от И. С. Тургенева, находившегося во Франции одновременно с Фетом. Оригинал письма, в котором Тургенев приглашает Фета в Куртавнель в начале сентября, утерян, фрагмент его, с некоторыми разночтениями, приводится в МВ (ч. 1. С. 149). Адрес имени Виардо, куда направился Фет, был следующий: «Au chateau de Courtavenel, près de Rozoy-en-Brie (Sein-et-Mame)» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 11). О пребывании Фета в Куртавнеле Тургенев сообщал в письме к Л. Н. Толстому (от 16 (28) нояб. 1856): «Да, батюшка, был он в Париже, но более несчастного, потерянного существа Вы вообразить себе не можете. Он скучал так, что, хоть кричать, никого не видал, кроме своего слуги француза. Приехал было ко мне (т. е. к m-r Виардо) в деревню – и оставил (это между нами) впечатление неприятное. Офицер, срдіmanчb (вырядившийся. – франц.), с кольцами на пальцах и Анненской лентой в петлице, рассказывает ломаным французским языком тупейшие анекдоты – юмор исчез

468

совершенно, глаза круглые, рот круглый, бессмысленное изумление на лице – хоть брось! В моей комнате я с ним спорил до того, что стон стоял во всем доме от диких звуков славянской речи; словом – нехорошо было. Впрочем, он написал несколько грациозных стихотворений и подробные путевые записки, где много детского, – но также много умных и дельных слов – и какая-то трогательно-простодушная искренность впечатлений. Он – точно, душка, как Вы его называете» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 42–43). Впоследствии Фет включил эпизод с поездкой в Куртавнель в МВ, раскрыв все имена и добавив туда некоторые сюжеты, по понятным причинам, не вошедшие в письма «Из-за границы», например, отношения Тургенева с дочерью, споры с Тургеневым и т. д.

Пандора – в др.-греч. мифологии женщина, созданная Гефестом из земли и воды. Именно она, открыв сосуд, содержащий все людские несчастья, выпустила их наружу.

Стр. 101. ...запряженной на выносе перед парой караковых дышловых. – Вынос – способ запряжки лошадей, когда одна или несколько припряжены сбоку или спереди, в упряжи построжки с принадлежностью передних лошадей при езде с фореитором; дышловая – лошадь, запряженная под дышло, одиночную оглоблю между двумя лошадьми, которая прикрепляется к передней оси для поворота повозки при парной запряжке; караковая – темно-гнедая, почти вороная масть, с подпалинами в пахах и на морде.

Стр. 102. Господин R. – Луи Виардо (1803–1883), муж П. Ви- ардо, в чье имение Куртавнель отправился Фет по приглашению Тургенева, который неоднократно гостил там. Л. Виардо был известным общественным деятелем, автором работ по искусству, коллекционером, переводчиком. В МВ Фет более подробно остановился на отношениях Тургенева и Луи Виардо: «Во взаимных отношениях совершенно седого Виардо и сильно поседевшего Тургенева, несмотря на их дружбу, ясно выражалась приветливость полноправного хозяина, с одной стороны, и благовоспитанная угодливость гостя, с другой» (МВ. ч. 1. С. 157–158). О поездке в Куртавнель см.: МВ. ч. 1. С. 149–163.

Подпускать туры (фразеол.) – болтать вздор.

Мелочная лавка – лавка, торгующая мелочным, т. е. мелким товаром.

Стр. 103. Одноколка – двухколесный легкий экипаж на рессорах-пружинах, обеспечивающих мягкий ход.

Кабриолет – коляска (в данном случае одноколка) с откидным верхом.

Стр. 104. Пепельно-серый дом, или, вернее, замок с большими окнами... – Куртавнель.

Madame R. – супруга Луи Виардо Полина Виардо (рожд. Гарсиа; 1821–1910), знаменитая оперная певица, друг Тургенева, неоднократно гастролировала в России. Автор многочисленных романсов, в т. ч. на стихи рус. поэтов, положила на музыку несколько стихо

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana 469

творений Фета («Какая ночь! Как воздух чист...», «Тихая, звездная ночь...», «Шепот, робкое дыханье...», «Две розы», «Звезды», «Тихо вечер догорает...» и др.).

Здесь встретила меня женщина средних лет... – Речь идет о незамужней сестре Луи Виардо Берте, которая проживала вместе с его семьей и была предметом постоянных насмешек из-за своего сварливого характера.

Стр. 105. ...молодые девушки, вероятно, дети хозяев... – Вместе с детьми Л. и П. Виардо (Марианной и Луизой) была и дочь И. С. Тургенева Полинетта. О ней в МВ Фет написал более подробно.

Стр. 106. М-те Дюдеван, гостя у меня... – Речь идет о писательнице Жорж Санд, настоящее имя которой было Аврора Дюпен, в замужестве Дюдеван (1804–1876). Ж. Санди семью Виардо связывали близкие дружеские отношения: будучи поклонницей таланта молодой Полины Гарсиа и другом Луи Виардо, она способствовала ее браку с Луи Виардо. Полина Виардо стала прототипом главной героини романов Ж. Санд «Консуэло» и «Графиня Рудольфштадт». Писательница и певица часто навещали друг друга. Именно в Куртавнеле увидел впервые Ж. Санд И. С. Тургенев.

Стр. 107. Зашла речь о последних стихотворениях Гюго... – Возможно, обсуждались политические ст-ния сборника 1853 «Возмездие», вышедшего в Брюсселе. Весь сборник был направлен против диктатуры Наполеона III, совершившего 2 дек. 1852 полит. переворот во Франции. Республиканец Гюго, принявший активное участие в революционных событиях 1848, после подавления революции и декабрьского переворота объявил себя непримиримым врагом нового режима и добровольно покинул Францию. Он стал автором нашумевшего памфлета «Наполеон Малый» («Napoléon le Petit»), который вышел в Лондоне. Луи и П. Виардо также были непримиримыми республиканцами и в 1863 покинули Францию, вернувшись на родину лишь в 1870-е, после поражения бонапартистского режима.

...хозяйка села за рояль... – П. Виардо была прекрасной пианисткой, заслужившей похвалы Ф. Листа, Г. Берлиоза и др. известных музыкантов.

...серебряные голоса девиц, прочитывающих вслух роли из Мольера, приготовляемого к домашнему театру. – В семье Виардо домашнему театру уделялось много времени: нередко в доме устраивались настоящие спектакли, делались оперные постановки для учеников П. Виардо, в которых принимали участие и дети хозяев дома. Позднее, когда Тургенев, вслед за семьей Виардо, поселился в Баден-Бадене, он сочинил на франц. языке несколько либретто оперетт на музыку П. Виардо, которые ставились не только на домашнем театре, но и на нем. оперной сцене. В мемуарах Фет отметил, что дочь Тургенева «весьма мило читала стихи Мольера» (МВ. Ч. 1. С. 157).

Стр. 108. ...если бы даже в петлице не алела неизбежная розетка Почетного легиона. – Орден Почетного легиона учрежден Напо 470

леоном в 1801 г., имел 16 когорт, каждая с 200 000 франков ренты, каждая когорта имела 7 старших офицеров, 20 командоров, 30 офицеров и 350 легионеров. Украшение первоначально состояло из пятилучистой белой эмалированной звезды. Впоследствии внешний вид ордена подвергался неоднократно изменениям, восстановлен в 1852.

Гроссмейстером ордена являлся император, орденом награждались также иностранцы. Вместо ордена награжденные носили бант в виде розы.

Шампань – ист. провинция в бассейне рек Сены и Марны, в средние века графство. В конце XVII в. зд. впервые было организовано производство игристых вин (шампанское).

...стал рассказывать о великой ретираде из сгоревшей Москвы... – Старый солдат, который встретился Фету, был участником наполеоновских войн, он рассказывал об отступлении (ретираде, от франц. la retraite – отступление) армии Наполеона из России после того, как французы вошли в горящую Москву.

Стр. 108–109. ...попался мне на глаза знакомый француз... – Имеется в виду Ип. Делава (см. о нем примеч. к стр. 88).

Стр. 109. ...каждый месяц, в первое воскресенье, пускают в Версале воду... – Первое воскресенье октября в 1856 приходилось на 5 число, следовательно, 5 октября Фет был в Версале с Ип. Делава. Об этой поездке см. далее.

V

Стр. 110. Казуар – бегающая австралийская птица из семейства страусовых, с костяным наростом на голове, с трехпальными ногами, с черным оперением. Голова и голая шея окрашены ярко-голубым и красным цветом.

...показать мне тряпичников во всей красоте. – Парижские тряпичники прославились благодаря мелодраме Феликса Пиа «Парижский тряпичник», поставленной в 1847 в театре Порт-Сен-Мар-тен. Знаменитый Фредерик-Леметр сыграл честного бедняка «папашу Жана». Именно об этой пьесе писал Белинский в письме, отрывок из которого приведен выше (см. примеч. к стр. 94). Своеобразной парижской

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana знаменитостью, «философом в отрепьях», запечатленным в литографиях и анекдотах «мелкой прессы», создавшей легенду вокруг его имени, был тряпичник Лиар. Леметр свел с ним дружбу, готовясь к роли папаша Жана. Он взял у Лиара пятнадцать уроков, учась носить корзину, фонарь, захватывать крюком тряпки и кости. А. И. Герцен подробно описывает свое впечатление о спектакле: «Само собою разумеется, что не все же пошло на парижских сценах. Вот, для примера, хоть бы и “Парижский ветошник” Ф. Пиа, которого дают беспрестанно, и все-таки желающих больше, нежели мест в театре Porte-St-Martin. Конечно, многие ходят для Фредерика-Ле- метра, но в пошлой пьесе Фредерик не мог бы так играть». Иное впечатление тряпичники произвели на Н. Греча, посетившего Францию

471

в 1839: «Не раз, смотря на этих несчастных, голодных парижан, я повторял в уме: “Ройтесь, сударики, ройтесь в грязи! Прошло то счастливое время, когда вам можно было, пробравшись к нам, на Русь, заняться воспитанием юношества и, блаженствуя в степных наших губерниях, вздыхать по Париже и ругать добрую, святую Россию!» (Путевые письма из Англии, Германии и Франции Николая Греча. Ч. 2. СПб., 1839. С. 86). Далее Фет употребляет слово «тряпичник» во французской огласовке: шифоньер.

Стр. 111. ...вальдшнепы <...> начинают летать (тянуть) в известном направлении. – Тягой охотники называют весенний брачный полет в одном направлении самца вальдшнепа, отыскивающего самку.

Копотливость – от копотливый: медлительный, неповоротливый, требующий много времени для исполнения (копотливая работа).

Стр. 112. Присниц Винцент (1799–1851) – основатель совр. гидротерапии. В 1826 устроил водолечебницу в Грегфенберге.

Версаль – город в департаменте Сены и Уазы, с дворцово-парковым комплексом, в 18 км от Парижа. Дворец был построен как охотничий замок по распоряжению Людовика XIII в 1632–1638 (арх. Лемерсье), имел П-образную форму, в дальнейшем дворец был сильно расширен и при Людовике XIV значительно достроен и превращен в роскошную загородную королевскую резиденцию (архитекторы Л. Лево (1612–1670) и Ж. Ардуэн-Мансар (1646–1708)). Вокруг дворца разбит большой регулярный парк (арх. А. Ленотр) с бассейнами, фонтанами и скульптурами. Просторный Передний двор поднимался от ворот ко дворцу, и в 1834 на самом высоком месте был поставлен памятник Людовику XIV – произведение Петтио и П. Картелье. В дворцовый комплекс вошли придворная капелла и оперный театр. Самым поздним интерьером является галерея военных битв в 120 м длиной и 13 м шириной с картинами батальных сюжетов.

...направо, выстроенные покоем... – т. е. в виде буквы «п», тремя сторонами четырехугольника, от старинного названия буквы «п» – покой.

Стр. 113. К этому Людовик-Филипп прибавил два флигеля – Это музей. – С начала франц. революции 1789 дворец опустел и пришел в упадок, при Луи-Филиппе (см. о нем выше) был реставрирован и превращен в музей.

...там-то сад и все диковинки, воспетые поэтами. – Один из самых знаменитых поэтов, воспевших Версаль – Жак Делиль (Delille; 1738–1813) и его поэма «Сады» (1782), песни первая, четвертая.

Партер – часть сада, специально предназначенная для культивации цветов.

Шпалеры – ряд деревьев или кустов по сторонам дороги (дорожки); специальный щит или решетка, по которым вьется растение или к которым привязываются ветви деревьев для придания им определенной формы.

472

Стр. 114. Большие воды и Малые воды – система фонтанов в парке Версаля.

Центральным фонтаном Больших вод является водопад Нептун.

...канал прямолинейной просеки, в том же роде как петергофский от Самсона... – Фет не случайно сравнивает Версаль с Петергофом. Дворцово-парковый ансамбль Петергофа, заложенный в начале XVIII в. по указанию Петра I, был ориентирован на Версаль. Его парки, как и версальские, относятся к «регулярному» стилю. Самсон, или «Самсон, разрывающий пасть льва» (аллегория Полтавской победы) – центральный фонтан, расположенный в центре бассейна, к которому спускается Большой каскад. Диорама, диарама – вид живописи, в котором картина сочетается с предметами. Фет этим словом определяет версальский ландшафт, обязанный своим происхождением природе и искусству.

Стр. 116. Виадук – мостовое сооружение для перехода или переезда не над водным протоком.

Стр. 117. Церковная область – Ватикан, с XIV в. постоянная резиденция главы католической церкви. Расположен на холме Мон-те-Ватикано.

Еще надежда, еще пленительный образ впереди. Каким-то предстанет он наяву? – В МВ Фет вспоминал, что в Италии, «окруженной грязными и жадными нищими», он «не признал красавицы-царицы, гордой своими прекрасными детьми, царицы, о которой

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana мне натвердили поэты» (МВ. ч. 1. С. 170).

Стр. 118. Прощай, Франция. Завтра буду в Италии! – В письме Тургенева к М. Н. Лонгинову из Парижа от 7(19) нояб. сказано, что Фет находится в Риме (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 37). В тот же день, 19-го, Тургенев упомянул о Фете в письме к А. Н. Островскому: «Фет был в Париже и уехал к Некрасову в Рим; это человек – душа – милейший поэт, врет иногда так мило, что расцеловать его хочется. Скучал здесь ужасно и вздыхал беспрестанно. Авось в Италии ему легче будет» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 40).

473

ИЗ ДЕРЕВНИ

Автографы неизвестны. Печатается по тексту первых публикаций. Судя по указанию в письме И. П. Борисова к И. С. Тургеневу от 25 дек. 1861, первоначальное авторское заглавие первого цикла очерков было «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство» (Тургеневский сб. Вып. 3. С. 354). Хотя это заглавие было при публикации в РВ изменено, вероятно, в соответствии с требованиями редактора журнала, впоследствии Фет к нему не вернулся и предпочел для следующих очерков более «нейтральное» обозначение: «Из деревни». Оно и взято нами в качестве заглавия всего цикла.

В. А. Кошелев

«Лирическое хозяйство» А. А. Фета

Иван Петрович Борисов, ближайший приятель и родственник Фета, женатый на его сестре Надежде, был в 1860-х годах помещиком Орловской губернии и постоянно проживал в родовом фетовском имении Новоселки Мценского уезда. Через Фета он был знаком и дружен с И. С. Тургеневым, чья усадьба Спасское-Лутовиново находилась неподалеку. Сам Фет летом 1860 года неожиданно для друзей приобрел хутор Степановку (на юге Мценского уезда) – 200 десятин черноземной земли и маленький недостроенный дом. Борисов, тесно общавшийся с Фетом и переписывавшийся с Тургеневым, сообщал последнему все новости, касавшиеся до литературных и житейских дел своего родственника. В Рождество 1861 года он написал Тургеневу большое письмо, в котором, в частности, заметил: «Не могу, хотел было воздержаться, но нельзя Вам заранее не поведать о восхитительной статье Фета “Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство”. Ничего не выдуманно, все истинная правда. Но все это передано неподражаемо, фетовски. Боюсь, однако, что злодеи, пожалуй, скажут, что автор не бросается уже с 14 этажа, но летит еще выше, выше. Я был в восторге, слушая его. Вы же из его писем уже знаете, в каком оно духе. Скоро весь плач Иеремии прольется на страницы “Русского вестника”. Катков уже взял»¹.

Это письмо Тургенев, находившийся в Париже, получил только в конце февраля – и отвечал на сообщения о Фете: «Вы совершенно верно определили его характер – не даром в нем частица немецкой крови – он деятелен и последователен в своих предприятиях,

¹ Тургеневский сб. Вып. 3. С. 354.

474

при всей поэтической безалаберщине – и я уверен, что, конец концов, – его лирическое хозяйство принесет ему больше пользы, чем множество других, прозаических и практических»². Несмотря на сомнения в полезности «хозяйственных» наблюдений Фета, заметки его, кажется, Тургенева заинтересовали: в письме к Фету от 5 (17) марта 1862 года он заметил: «А жажду я прочесть Ваше “Лирическое хозяйство”. Я уверен, что это вышло преудивительно и превеликолепно»³.

По свидетельству того же Борисова из письма от 22 февраля 1862 года, зимой Фет ездил в Москву, договаривался с редактором «Русского вестника» М. Н. Катковым; потом дописывал какое-то «окончание», которое тут же было отправлено в журнал. Статья Фета появилась в печати уже в марте, в третьей книжке «Вестника». Примечательно, что во второй, февральской книжке журнала был напечатан роман Тургенева «Отцы и дети» – и заметки Фета были восприняты читателями как бы «на фоне» нашумевшего романа.

Катков, вероятно, вмешался в авторский текст: очерки были напечатаны с измененным заглавием: «Заметки о вольнонаемном труде» – заглавием, ориентированным не на поиски «лирического» начала, а на собственно «публицистический» смысл. С тех пор в литературоведении эти заметки Фета неизменно истолковываются как собственно публицистический «роман русского помещика» (И. Н. Сухих)⁴ с ярко отраженной в них публицистической программой «консервативного почвенничества» (А. Е. Тархов)⁵. Соответственно, от этой публицистической позиции, столь яростно и оплошно заявленной в разгар экстремальной «эпохи реформ», и явился миф о «Фете-крепостнике», отчаянном реакционере, обскуранте и консерваторе, который прикрывается маской «нежного поэта»...

Между тем в замысле деревенских очерков Фета было совсем иное. Обратим внимание,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
что в приведенном выше письме к Тургеневу Борисов, передавая ощущение от авторского чтения этих отрывков, указывает, что история его первоначального хозяйствования в этом имении передана «неподражаемо, фетовски». Сам же «фетовский» стиль конструировался прежде всего на основе фетовской лирики – и интересующие нас очерки не должны были «выделяться» из этого стиля. Тем более, что в том же письме Борисов дает два «знака» этой близости. Упоминание о «14 этаже» отсылает к эпатировавшей современников фразе фета из статьи «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859): «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик», –
2 Письмо И. С. Тургенева к И. П. Борисову от 21 февр. (3 марта) 1862 // Тургенев. Письма. Т. 4. С. 344.
2 Там же. С. 352.
4 Сухих И. Н. Шеншин и Фет: Жизнь и стихи. СПб., 1997. С. 10–11.
5 Тархов А. Проза фета-Шеншина // Фет А. А. Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 363–380.
475

эту фразу во множестве вариантов обыгрывали и друзья поэта, и его противники. В данном случае Борисов «удваивает» количество этажей – и отмечает, что в своей статье Фет поднимается «еще выше, выше». У лирического поэта – как его привыкли представлять обыватели – не может и не должно быть «хозяйства». Фет не согласен с этим: он собирается представить новый тип «лирика» – того, кому есть дело до «ежедневных терний», кто не собирается «безумствовать», а напротив, готов методично и планомерно устраивать собственное «лирическое хозяйство», сопряженное с невзгодами обыденной жизни вполне рядовой усадьбы... Фет утверждает идеал «нового» лирика, хозяйственная практика которого становится *vice versa* видимой «лирической» «отстраненности» от обыденной жизни. Поэт берет на себя такую задачу, которая не под силу «не-поэту»: организовать идеальное усадебное хозяйство в новых, изменившихся экономических условиях. Об этой задаче прямо говорится в начале «Заметок...»: «Мне пришла мысль купить клочок земли и заняться на нем сельским хозяйством; но первое условие, чтобы мне никто не мешал делать, что и как я хочу, и чтобы то, что я считаю своим, было мое действительно». И далее: «Я хотел, хотя на малом пространстве, сделать что-либо действительно дельное». Это – та же деятельность поэта, только обращенная из сферы словесного в сферу хозяйственного творчества.

Другая сторона той же проблемы отражена в другом «знаке», заявленном в цитированном выше письме: Борисов сравнивает заметки фета с «плачем Иеремии*». Это не только отсылка к известной библейской книге – с Иеремией сравнил фета-фермера сам Тургенев в предшествующих письмах. Вот его обращение к фету в письме от 8 (20) ноября 1861 года: «О любезнейший фет, о Иеремия южной части Мценского уезда – с сердечным умилением внимал я Вашему горестному плачу <...>». То же сравнение – в письме Тургенева к Борисову от 11 (23) декабря 1861 года: «Я получаю изредка письма от этого милого смертного; он в них плачет подобно Иеремии... »б.

Сопоставление интонаций фетовского рассказа о первоначальных днях своего усадебного хозяйствования с возвышенным, трогательным и жалобным стенанием библейского пророка, оплакивающего некогда цветущий, а ныне находящийся в запустении Иерусалим, – многозначно и многозначительно. Пророческое служение Иеремии пришлось на самый мрачный период Иудейской истории. С ранних лет проповедовал он Слово Божие, чем навлекал на себя «поношение и повседневное посмеяние» (Иер.: 20, 8). Его собственное семейство отказалось от него, сограждане преследовали его ненавистью, а окружающее беззаконие его сокрушало. При нем сменилось несколько царей (Иосия, Иоаз, Иоаким, Иехония и Седекия), и все эти цари пытались услышать от него те пророчества, которые им хотелось услышать. В то время Иудея воевала с вавилонским ца

8 Тургенев. Письма. Т. 4. С. 304, 315. Письма фета к Тургеневу этого периода не сохранились.

476

рем Навуходоносором и была близка к крушению, – а Иеремия не только не пророчествовал о близкой победе, но, напротив, разоблачал «лжепророков» и не позволял царям успокаиваться. В конце концов, он был побит камнями – сами иудеи побили его за обличение их пороков и за пророчества об их гибели... «Книга плач Иеремии» – одна из самых трагических в Библии. В русской поэзии с этим плачем традиционно связывали право поэта открывать («вещать») истину о горестном положении сильным мира – так, например, «плачем Иеремии» современники называли стихотворение А. С. Хомякова «России» (1854), исполненное горьких истин о русском бытии и положении России в разгар Крымской войны... А Тургенев и Борисов, не без ёрничества соотносившие фета, жаловавшегося на трудности в

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana организации вольнонаемного труда, с Иеремией, пророчествовавшим о грядущем разрушении храма, даже и представить себе не могли правоты этого сопоставления в его историческом перспективе. Фет, как и библейский пророк, вольно или невольно выставил себя серией своих очерков (которые он решил продолжить и продолжать) на «повседневное посмеяние» людей, иначе понимавших судьбы и пути России в эпоху всеобщего опьянения и чаемой «революционной ситуации». Современники воспринимали поступок Фета, который решился вложить появившиеся у него в приданое за Марией Петровной Боткиной небольшие средства в поместное хозяйство, как малопонятную «загадку». «Фет раздвоен, на этом сходятся все исследователи», – констатировал в одной из своих последних статей В. Н. Турбин. Далее констатируется «статус» этой «раздвоенности»: «поэт чистого искусства, необъявленный лидер этого отверженного течения русской словесности, певец звезд, соловьев и роз и... по-ме- щик». И не просто помещик, а – что самое неприемлемое для «демократического» сознания – «убежденный помещик»: «Чем далее жил, тем более открыто и настойчиво подчеркивал он, когда говорил или писал о себе: он – рачительный землевладелец, хозяин, очевидно, неплохой агроном, а в пределах, необходимых ему, еще и практик-экономист. Свое помещичье “я” поэт афишировал, выставлял напоказ, бравировал им, откровенно вызывая своих литературных и идейных недругов на новые фейерверки пародий и обличений...». Отсюда следует констатация факта: «Раздвоенность Фета была абсолютной: коль помещик, то, стало быть, он держал и работников (дело было, конечно, уже после отмены на Руси крепостного права; работников нанимали). Работать-то они к новоявленному помещику шли, подражались; а уж как они между собой изъяснялись где-нибудь на скотном дворе, представить себе нетрудно. В то же время жить раздвоенно Фету нравилось, и он резко подчеркивал свою вызывающую раздвоенность. А она бросалась в глаза тем более явно, чем более явно

477

выкристаллизовывались художественные принципы лирики замечательного поэта и обозначались традиции литературного направления, им – быть может, гениально – продолженные»⁷.

В практической жизни Фет никогда не отрекался от житейской прозы. Задумав после женитьбы существовать литературным трудом, он прочно стал на этот путь, – но хлеб литератора продолжал оставаться недостаточным. А. В. Дружинин, гораздо более, чем Фет, защищенный от нужды, в конце 1859 года с недоумением и иронией писал Льву Толстому: «Сам Фет прелестен, но стоит на опасной дороге, скарденность его одолела, он уверяет всех, что умирает с голоду и должен писать для денег. Раз вбивши себе это в голову, он не слушает никаких увещаний, сбывает по темным редакциям самые бракованные из своих произведений <...> мы отговаривали Фета от Гафиза, бранили его за сношения с “Русским словом”, но он сказал: “Если бы портной Кундель издавал журнал, под названием <...> и давал мне деньги за мои стихи, я, при моей бедности, стал бы работать для Кун- деля”. Вечера два он был велик, но все это может кончиться тем, что он повредится в рассудке»⁸. Фет, как кажется, окончательно разочаровался в литературном «заработке»: в воспоминаниях он пишет, что вскоре после женитьбы пришел к «убеждению в невозможности находить материальную опору в литературной деятельности». К тому же в 1859 году в июньской книжке «Современника», журнала, в кружок которого Фет входил и в котором напечатал самые свои заветные стихи, неожиданно появляется издевательская статья «Шекспир в переводе Г. Фета», подписанная псевдонимом «М. Лавренский» (за этим псевдонимом скрывался молодой переводчик Д. Л. Михаловский). Эта статья, пристрастная и несправедливая, камня на камень не оставляла от его переводческой деятельности. Фет начинает ощущать «спертый воздух» на литературной «кухне» и все чаще поговаривает о том, что неплохо бы переменить род деятельности.

В начале июля 1860 году он пишет Тургеневу грустное письмо; письмо до нас не дошло, но его содержание можно восстановить из ответа Тургенева (от 16 (28) июля из-за границы): «Вы называете себя отставным офицером, поэтом, человеком <...> – и приписываете Ваше увядание, Вашу хандру отсутствию правильной деятельности... Э! душа моя! всё не то... Молодость прошла – а старость еще не пришла – вот отчего приходится узлом к гузну». Тут же Фет высказал идею «на счет покупки земли» – Тургенев, сам владелец наследственного имения, решительно не советует: «Именье невозможно покупать с точки зрения – что делать, мол, нечего!»⁹

Получив письмо с этим советом, Фет тотчас же купил на юге Мценского уезда 200 десятин черноземной пахотной земли и недо

7 Турбин В. Н. И храм, и базар: Афанасий Фет и сентиментализм // Турбин В. Н. Незадолго до Водолея. Сб. ст. М., 1994. С. 182–183, 189.

8 Толстой. Переписка. Т. 1. С. 294.

9 Тургенев. Письма. Т. 4. С. 108–109.

478

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
строенный хутор Степановну. Увидел во время охоты – и купил. Кажется, недешево.
«...На открытой степи показалась зеленая купа деревьев, на которую приходилось
продолжать наш путь. Со жнивьев, по которым местами бродила скотина, лошади наши
вдруг перешли на мягко распаханый чернозем, как-то пушисто хлопавший под
конскими копытами. <...> Через несколько минут мы остановились у крыльца
совершенно нового деревянного дома и с трудом докликались человека, которому
сдали лошадей. Видно было, что домик, в который мы входили, едва окончен
постройкой самого необходимого и требует еще многого, чтобы сделаться жилым,
особливо в зимнее время» (МВ. ч. 1.С. 341–342). Так сам Фет в воспоминаниях
описывал первые впечатления от того места, где ему пришлось провести 17 лет. Он
прямо признается, что до этого времени «во всю жизнь не имел ни случая, ни охоты
познакомиться хотя отчасти с подробностями сельского хозяйства», – но решил
попробовать.

Купив недостроенный «домик» в семь комнат под соломенной крышей, Фет в зиму
1860–1861 годов занимается его доделкой. В строительных своих занятиях он почти
не обратил внимания на «мировое событие» – отмену крепостного права... Весной к
нему в Степановну приезжает Марья Петровна, а уже в мае с новоявленным помещиком
встречается Тургенев (его Спасское-Лутовиново – в 60 верстах от Степановки).
Из-за границы Тургенев, заранее осуждавший эту «покупку», просил Фета
(«новопрожившегося владельца») прислать ему описание нового имения «с
охотничьей точки зрения», будучи вполне уверен, что поэт («жрец чистого
искусства») приобрел его исключительно для таких поэтических занятий, как охота
– Тургенев и раньше с удовольствием охотился вместе с Фетом. Он даже дает (в
письме из Парижа от 5 (17) ноября 1860 года) ностальгическое описание этой
охоты: «Ваши письма меня не только радуют – они меня оживляют: от них веет
русской осенью, вспаханной уже холодноватой землей, только что посаженными
кустами, овином, дымком, хлебом; мне чудится стук сапогов старосты в передней,
честный запах его сермяги – мне беспрестанно представляется Вы: вижу Вас, как
Вы вскакиваете и бородой вперед бегаєте туда и сюда, выступая Вашим коротким
кавалерийским шагом... Пари держу, что у Вас на голове все тот же засаленный
уланский блин! А взлет вальдшнепа в почти уже голой осинової рощице... <...>
Тубо!.. Тубо!.. А сам без нужды бежишь и едва дух переводишь... Тубо!.. Ну,
теперь близко... ффрр... ек! ек! бац! бац! и подлец бекас, заменивший степенного
дупеля, валится, сукин сын, мгновенно, белея брюшком...»

Увидел, однако, Тургенев совсем иное. Фет приезжал сначала к нему в Спасское –
встречать. «Он теперь сделался агрономом – хозяином до отчаянности, отпустил
бороду до чресл – с какими-то волосатыми вихрами за и под ушами – о литературе
слышать не хочет
479

и журналы ругает с энтузиазмом» (письмо к Я. П. Полонскому от 21 мая (2 июня)
1861 года).

Степановна Тургеневу тоже активно не понравилась: «Я видел Фета и даже был у
него. Он приобрел себе за фабулозную сумму в 70 верстах отсюда 200 десятин
голой, безлесной, безводной земли с небольшим домом, который виднеется кругом на
5 верст и возле которого он вырыл пруд, который ушел, и посадил березки, которые
не принялись... Не знаю, как он выдержит эту жизнь (точно в пирог себя запек) и,
главное, как его жена не сойдет с ума от тоски. Малый он, по-прежнему,
превосходный, милый, забавный – и, по-своему, весьма умный» (из письма к П. В.
Анненкову от 7 (19) июня 1861 года). «Теперь он возвратился восвояси, т. е. в
тот маленький клочок земли, которую он купил посреди голой степи, где вместо
природы существует одно пространство (чудный выбор для певца природы!), но где
хлеб родится хорошо и где у него довольно уютный дом, над которым он возится как
исступленный. Он вообще стал рьяным хозяином, Музу прогнал взашею – а впрочем
такой же любезный и забавный, как всегда» (из письма к Полонскому от 14 (26)
июля 1861 года)10 11 12.

Затея с воссозданием помещного хозяйства в 1861 году – «в самую минуту
хаотического брожения двух разнородных элементов земледельческого труда:
крепостного и вольнонаемного», когда отсутствие правовой основы земельных
отношений порождало всеобщую неразбериху и растерянность, казалась Тургеневу
почти «самоубийственной». Фет к тому же не имел ни соответствующих знаний, ни
опыта и мог рассчитывать только на «практический смысл», житейскую сметку и
громадное трудолюбие. Он весь погружается в хозяйство: заводит конную молотилку;
лелеет, по выражению Тургенева, «дерзостную мысль о воздвижении каменных
конюшен»; выкапывает громадный усадебный пруд (Тургенев иронизирует: «...впрочем
с тех пор, как Фет убил утку на своем пруде – все возможно»); ставит мельницу
(Тургенев добавляет: «на 8 000 000 000 000 поставах, которая будет молотить – не
вздор, как Чернышевский – а тончайшую крупитчатую муку»). В конце концов
Тургенев, ощутив в «жреце чистого искусства» замечательную деятельную жилку,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
станет обращаться к Фету за решением всяких практических проблем...11

Первоначальный скептицизм автора «Записок охотника» явно не оправдался. Фет неутомимо соорудил новое поместье – и возникавшие трудности придавали ему новые силы. «...Степановка все хорошеет, – пишет Тургеневу тот же Борисов. – Марья Петровна делается отличною хозяйкой, все у них идет хорошо и ладно. Он неутомимо сооружает себе поместье Степановку – это его мысли, и это-то поддает все новые и новые силы. По его письмам можно слышать, что там за шум и говор рабочих, и стройка, и молотба, и копанье, а все еще ему мало»1г.

10 Тургенев. Письма. Т. 4. С. 125, 154, 240, 255, 271.

11 Там же. С. 305, 315; Т. 5. С. 164, 169, 172–174 и др.

12 Письмо И. П. Борисова к Тургеневу от 12 октября 1861 // Тургеневский сб. Вып. 3. С. 352.

480

При этом стройка, рытье пруда, уборка урожая, молотба – все это идет на новой, никем не опробованной еще основе вольнонаемного труда. Уже через пару лет в Степановке любят отдыхать друзья и родственники. «К низенькому домику, – пишет Тургеневу В. П. Боткин 9 (21) июля 1864 года, – теперь пристроен двухэтажный флигель, и здесь помещаюсь я; надо мной образовалась другая большая комната, которая получила название библиотеки; все свои книги перевез я сюда, – и действительно, вышла весьма порядочная библиотека»13.

Вместе со Степановкой как будто переменялся и ее хозяин. «Вы еще не видали его, когда он спешит в Степановку после Москвы. Тут только и слышу от него: “Ты сам знаешь, можно ли мне куда отъехать?” и... и... и... тысячами сыпятся разные хозяйские заботы. Матки должны жеребиться, навоз не вывозят, – лес, доски, камни, а корм, корм!) А тут еще статью Каткову кончить и уже, наверное, ломать и строить, и пруд копать. Я его ужасно люблю в эти минуты хаоса. Тут же и рассказы, что там и как, и почти все рассказы без начала, и конец им – широкий взмах рукой в воздухе. Голос – хриплый-сип- лый, кашель, переходящий в непрерывный эх-хе-хе-хе, эти ХБ все. На это время я, как бы ни был сам болен, чувствую себя совершенно здоровым»14. А Фет, кстати, болен: еще в армии у него открылись ревматизм и астма...

Вокруг него простирается «правильное» поместное хозяйство во главе с ним самим, «благополучнейшим фермером»: мельницы, молотилки, овины, конюшни (Фет, между прочим, устроил здесь еще и конный завод!). В 1870-е годы Фет, поддразнивая Тургенева, посылал ему за границу обширные описания своего нового хозяйства; тому оставалось только завидовать и вздыхать: «...Вы так наглядно представляете жизнь русского country gentleman в новом вкусе – с парком, машинами, олеандрами, европейской мебелью, чистой прислугой в ливрее, усовершенствованными конюшнями – и даже ослами (не аллегорическими, а настоящими) <...>»15. Сам Тургенев явно не мог похвастаться подобным: его родовое Спасское находилось в это время, когда вообще разорялись русские «дворянские гнезда», в самом жалком положении.

И представляешь самого Фета – таким, как представлял его из своей заграницы Тургенев: «Я не могу себе иначе представить Вас теперь, как стоящим по колени в воде в какой-нибудь траншее, облеченным в халат, с загорелым носом, и отдающим сиплым голосом приказы работникам»16. Одно слово – хозяин, какого сам Фет описал в своих очерках «Из деревни»: «Я вижу его напрягающим последние умственные и физические силы, чтобы на заколебавшейся почве устоять, во имя просвещения, которое он желает сделать достоянием

13 Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 389.

14 Письмо И. П. Борисова Тургеневу от 8 февраля 1865 // Тургеневский, сб. Вып. 5. С. 484.

15 Тургенев. Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 404.

13 Письмо Фету от 19 марта 1862 г. // Там же. Т. 4. С. 363.

481

своих детей, и, наконец, во имя любви к делу. Вижу его устанавливающим и улаживающим новые машины и орудия, почти без всяких на то средств; вижу его по целым дням перебегающим от барометра к спешным полевым работам, с лопатой в руках в саду, и даже на скирде сена непосредственно наблюдающим за прочною и добросовестною кладкой его, а в минуты отдыха за книгой или журналом».

19 октября 1862 года Фет писал из Степановки Льву Толстому: «Что касается до меня, то я себя охотно причисляю к мономанам. Я люблю ту землю, черную рассыпчатую землю, которую я теперь рою и в которой я буду лежать. <...> Сегодня засадил целую аллею итальянских тополей аршин по 5 ростом и рад, как ребенок»17. В. Н. Турбин в цитированной выше статье сделал очень важное наблюдение:

«Полагаю, что при всей возвышенности чувств и богооткровенных помыслов Фет – Шеншин был еще и честным дельцом: наживал палаты каменные трудами праведными. Да даже не праведными, а просто умело налаженными».

Это его, не вполне «поэтическое», усилие не ужилося с одной существенной

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
стороной русской ментальности, отраженной в классической российской словесности:
веками она искала идеал праведника – и не заметила просто честного человека.
«Богатство, даже просто достаток извечно вызывали у нас настороженное недоверие.
Русская литература полнится историями о состояниях, нажитых ценой преступлений:
зловещих убийств, отравлений, в лучшем случае – омерзительного ростовщичества».
И потому она, эта русская литература, не смогла увидеть в «сельскохозяйственных»
новациях Фета самого естественного: элементарного выражения любви к земле, на
которой он родился: «И трепетная пейзажная лирика, и агротехника – в несомненном
единстве. Их единство всегда понимал народ, создавая тончайшие лирические
произведения – свадебные песни, похоронные плачи, – и тут же занимаясь
повседневными сельскохозяйственными делишками, хлебопашествуя, огородничая и
торгуя. У талантливого поэта и у рачительного земледельца-хозяина есть общее, и
оно не может не бросаться, не бить в глаза: это – чувство любви к земле.
Обладания ею. Заботы о ней, и духовной (стихи), и прагматической (накормить,
удобрить землю навозом)»¹⁸.

***

Очерки Фета кажутся настроенными на «возвышенное» начало; они открываются
крылатой фразой: «Авторитет умер, да здравствует авторитет!» – от ходячего
французского выражения: «Le roi est mort, vive le roi!». Но следом идет едкое
замечание насчет другого значения этой фразы: ведь если «авторитет» умер,
«следовательно, всяк – авторитет»; начинают раздаваться многочисленные голоса с
разных сторон, знаменующие идеологический раскол общества. Этому обще

17 Фет А. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 218.

18 Турбин В. Н. И храм, и базар... С. 199–201.

482

ственному возбуждению Фет отнюдь не сочувствует, напротив: «фраза, это –
ассигнация, давно потерявшая номинальную цену и обращающаяся за деньги только
между людьми неопытными. Подобные фразы в нашей литературе сыплются градом со
всех сторон. Читает их публика или не читает? Кто ее знает! Но рано или поздно
придется фальшивую бумажку вынимать из обращения, и кто-нибудь за нее да
поплатится».

«Очерковая» установка позволяет избежать «фразы» и вместе с тем демонстрирует
особенные сложности, возникшие у Фета не только при написании этих заметок, но и
в самом деле организации свободного крестьянского труда, нового для исконной
крепостной России. Приобретя «кочок земли» за полгода до освобождения крестьян
и начала «эпохи реформ», Фет поневоле стал у истоков русского «фермерства» и
должен был первым, ошупью продвигаться в неведомом направлении.

Идеологический противник Фета М. Е. Салтыков-Щедрин в обширной статье цикла
«Наша общественная жизнь» (1863), будучи тоже человеком практическим, вынужден
был оговориться: «...земледельческий вольный труд считает свою историю чуть ли
не со вчерашнего дня»¹⁹. Фет оказался одним из тех, кто творил эту «историю» – и
тоже осознавал собственное «творчество»: «Вольнонаемное дело у нас еще в
младенчестве...».

Рассуждая о примерах «стройности» и слаженности работы в крепостной русской
деревне и приводя эти примеры (величественная картина крепостного обоза), Фет
уточняет собственную общественную позицию, весьма своеобразную: «Кто не понимает
наслаждения стройностью, в чем бы она ни проявлялась, в движениях хорошо
выдержанного и обученного войска, в совокупных ли усилиях бурлаков, тянущих
бичеву под рассчитанно-однообразные звуки “ивушки”, тот не поймет и значения
Амфиона, создавшего Фивы звуками лиры». Это, собственно, ощущение поэта. Но оно
предполагает ответ на очень важный общественный вопрос: «Так поэты вы видите
идеал в этом крепостном обозе и вы против эманципации?». Фет отвечает прямо и
откровенно: «Все мы ужасно прытки на подобные заключения. Но воевать с
мельницами и скучно, и некогда, а на вопрос, вижу ли я в этом обозе идеал,
ответу прямо – и да, и нет. В принципе нет, в результате – да. Это заведенный
порядок, старинный порядок, которому надо подражать, несмотря на изменившиеся
условия». И далее: «...со вступлением России в новый период деятельности
заветные слова: авось, да небось, да как-нибудь – должны совершенно выйти из
употребления...». И – вывод: «При вольном труде стройность еще впереди».
Заметки Фета имеют двойную направленность. С одной стороны, это заметки
удачливого практика, чей опыт может быть полезен фер- меру-последователю («я
порадуюсь возможности быть ему хоть сколько-нибудь полезным, крикнув впопыхах:
тут яма, держи правей, я

19 Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 6. М., 1968. С. 64.

483

уже в ней побывал...»). Это заметки экономиста, вынужденного считать (и
экономить) каждую копейку из невеликих капиталов и потом гордиться тем, что
«последняя щепка у меня точно так же куплена и привезена за деньги, как и то

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
перо, которым пишу я эти заметки».

Упоминание «пера» ориентирует на то, что перед нами – заметки поэта: под именем «А Фет» появлялись не только его публицистические заметки, но и стихи.

Первоначальные очерки предполагались как заметки поэта – то есть взгляд на русское усадьбное «хозяйство» со стороны «хозяйства» словесного, «лирического» – это было в самой основе замысла «деревенских» очерков фета. Его стихи, напечатанные в «Русском вестнике» непосредственно перед этим циклом («Зреет рожь над жаркой нивой...», «Молчали листья, звезды рдели...», «На железной дороге»), и те, которые появились непосредственно после него («Прежние звуки, с былым обаяньем...», «Мелодия», «Ты видишь, за спиной косцов...» и др.), оказались прямо связаны с той же темой нового времени, которая явилась источником рассуждений фета-публициста...

Фет к тому времени достиг явных литературных успехов, ставши лидером «поэтов мотыльковой школы» (выражение Салтыкова-Щедрина); он сохранил многочисленные связи среди «друзей-поэтов» (которым и посвятил издание 1863 г.) – и, соответственно, имел формальное право соотнести свой поэтический опыт с небогатым еще опытом «фермера», собирающегося создать поместное хозяйство на новой экономической основе.

В 1862 году Фет-поэт еще не мешал Фету-фермеру. Видимая «противоестественность» этого совмещения была замечена лишь год спустя: в апреле 1863 году Салтыков-Щедрин напечатал в «Современнике» разгромный разбор следующего цикла фетовских очерков – «Из деревни» (появившегося в том же «Русском вестнике»). Разбор начинался уничтожающим сравнением, вошедшим впоследствии во все работы о поэте: «...г. Фет скрылся в деревню. Там, на досуге, он отчасти пишет романсы, отчасти человеконенавистничает; сперва напишет романс, потом почеловеконенавистничает, потом опять напишет романс и опять почеловеконенавистничает, и все это, для тиснения, отправляет в “Русский вестник”»²⁰. Вне зависимости от того, был ли Щедрин объективно прав, этот пассаж обязывал фета (который вообще болезненно принимал пристрастную критику) выбирать: или оставаться «поэтом», или продолжать вести поместное хозяйство («человеконенавистничать»).

Фет выбрал второе – и потом многократно доказывал (и не мог – таки доказать!) собственную историческую правоту. Но тот же Щедрин, читатель весьма чуткий, уловил показательную переменную именно в стихах фета, ставшего сельским хозяином: «Нынешние романсы его уже не носят того характера светлой безмятежности, которым отличалась фетовская поэзия в крепостной период...»²¹. Приведем сти

20 Там же. С. 59–60.

21 Там же. С. 60.

484

хотворение «Прежние звуки, с былым обаяньем...», Щедрин рассмотрел его как «воплъ души по утраченном крепостном праве» – но собственно новое в этом стихотворении, кажется, имеет другие истоки.

Прежние звуки с былым обаяньем Счастья и юной любви!

Всё, что сказалося в жизни страданьем,

Пламенем жгучим пахнуло в крови!..

Фет в литературном произведении видел прежде всего эстетический аспект отражения действительности; в данном стихотворении – это «прежние звуки», и только; в серии «Заметок о вольнонаемном труде» – идея «вольного труда» и тех начал, на которых его следует вводить... Щедрин, как и другие «шестидесятники», привык видеть прежде всего этико-политический аспект проблемы – и в цитированном им стихотворении видел прежде всего «тоску» по ушедшим общественным отношениям, а в публикуемых очерках – прежде всего «помещичий» интерес, противоположный интересам «крестьян», которых новоявленный помещик Фет, конечно же, эксплуатирует («человеконенавистничает»). Фет поминает «старую песню» – конечно же, по Щедрина, это крепостное право и ничто иное: иначе он попросту не видит проблемы!

А проблема, фетом поставленная, была принципиально иной: если уж ему самую судьбою пришлось налаживать усадьбное хозяйство в принципиально необычных, небывалых условиях «вольного труда», – то надобно прежде всего увидеть его проявления и положительные стороны. Видит он, между тем, нечто совершенно иное: «Свободы ищет и добивается человек на всех поприщах: политическом, общественном, умственном, художественном; словом сказать, на всех. Слово свобода у всех на языке и, быть может, на сердце; а между тем многие ли уяснили себе его значение? Свободу понимают как возможность двигаться во всех направлениях. Но природа не пускает меня ни в небо, ни в землю, ни ко дну океана, ни сквозь стену. Для духовного движения есть свои океаны и стены. Интересно осмотреть остающееся в нашу пользу пространство, по которому мы действительно можем двигаться». Русский мужик, достаточно умный, не ощутил этого «пространства» свободы.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Знаменитый манифест 19 февраля не произвел, по наблюдениям Фета, никакого «переворота» в умах: заслушав его, «крестьяне обычным порядком разъехались по дворам», уяснив из сказанного разве то, «что надо теперь всех слушаться от мала до велика». Между тем для вчерашних крепостных еще дикою кажется «мысль о ценности личного труда». Фет рассказывает историю о том, как зимой ему потребовался для строительства песок и он, «рассчитав, как трудно добывание его в зимнее время, сам назначил за четверть 30 к. серебром». Крестьяне принялись за эту работу – но «все-таки остались при внутреннем убеждении, что торговали несуществующими ценностями, то есть, по их же выражению, брали деньги даром». 485

Лишь на единичных примерах Фет мог видеть те преимущества, которые может дать «вольнорабочий», а не крепостной труд. В одном из первых очерков он рассказывает о том, как с помощью «бессрочного солдата» «Михайлы-копача» взялся за рытье пруда в безводной степной полосе. Однажды к нему пришли наниматься два «юхновца» – и хозяин поставил условием, что не даст ни копейки задатку, а будет платить только за сделанную работу (1 рубль за кубическую сажень вырытой земли). К вечеру «юхновцы» доложили, что выкидали восемь саженей. Фет не поверил – «но каково же было мое удивление, когда полуторааршинной в глубину и саженой в ширину канавы оказалось ровно восемь сажен? Предоставляю специалистам решить, в какой мере баснословно громадна эта работа. <...> Следовательно, каждый из двух юхновцев сработал чуть ли не четверо против обыкновенного работника». Здесь у Фета вырывается поэтическое, и в то же время экономическое, восклицание: «Такой труд, где рабочий напрягает свои силы чисто и единственно для себя, есть идеал вольного труда, идеал естественного отношения человека к труду. Но как достигнуть этого идеала? – вот вопрос, который не так легко разрешить». Фет, как истинный поэт, особенно радуется таким вот проявлениям активности и самостоятельности русского человека, нет-нет да и возникающим «среди тупого непонимания и нежелания понимать».

Этого уровня фетовской объективности не понял и Щедрин, громогласно изобличавший «помещичьи» интересы Фета-публициста и противопоставлявший их «интересам» работающего на него крестьянина... Между тем Фета вовсе не волновали чьи-либо интересы: он просто «открывал» серию любопытных «картинок» пореформенной действительности русской деревни и пытался подойти ко всем «темным сторонам нашей земледельческой жизни» прежде всего как поэт, открывая в тех или иных эпизодах собственного «хозяйствования» живые стороны современных изменений. Относительно репутации «крепостника», закрепившейся за Фетом после этих очерков, его племянник В. Н. Семенович еще в начале прошлого века писал: «Я не имею теперь целью говорить о Фете как о писателе, я не поставлю даже в упрек бранящим дядю за его публицистические произведения того обстоятельства <...> что большинство этих бранящих, наверное, сами-то не читали этих статей»²². Критику удивила не только «изнанка нежного поэта», но и странная позиция помещика, который занимается в своей деревне черт знает какими мелочами: судится с работником из-за смехотворной суммы, всерьез решает проблему, чтобы брать с провинившегося владельца гусей отступного куриными яйцами и т. д. – разве это истинное дело для современного организатора сельского хозяйства (каковым Фет пробует представить того же помещика)? – не стоит ли его нацелить на более глобальные проблемы?

²² Семенович В. Н. Памяти А. А. Фета-Шеншина // Ист. вести. 1902. Кг 11. С. 402. 486

Между тем для Фета здесь-то как раз и заключался основной вопрос его очерков, которого предпочли не заметить «прогрессисты». В его рассуждениях упор делается не на обязанности помещика в отношении к подвластным ему «душам», а на его обязанности в отношении к земле: «Нельзя требовать, чтобы человек и служил где-нибудь в Мадриде, и основательно следил за своим делом в Самаре. А если нельзя утверждать, что все крупные землевладельцы непременно на службе, то от этого не легче: они все-таки не живут по деревням, и волей-неволей плохие судьи в собственном деле». Помещик просто обязан жить на земле и входить в дела своей вотчины, и неусыпно следить за собственным имуществом, не исключая и «мелочей» – иначе он непременно будет плохим хозяином.

Крупный землевладелец приезжает в деревню разве что летом: еще Грибоедов констатировал, что «деревня летом рай» – и нынешний поклонник Руссо готов «созерцательно» наблюдать этот рай. Но ничто не приходит в руки «само собою», тем более – в современном сельском быту. «...Рай праздной лени, поэтической обломовщины менее всего осуществим в деревенской тишине, если живешь в ней не гостем, а деятелем». Исходя из этого тезиса, Фет уповает не на крупного землевладельца (Бог с ним, пусть себе разоряется!), а на «среднего» помещика-деятеля, которому разоряться некстати и по миру идти не хочется:

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana поневоле должен приспособляться к «новым отношениям» на земле!

Мелкий землевладелец не будет приспособляться к новому и вводить современные методы обработки земли: его патриархальная деятельность на своем клочке «исключает все нововведения, сопряженные с материальными пожертвованиями. Крупный же вельможа и не живет в деревне, и даже сам, наверное, забыл, сколько в его владении всяких там наследственных деревень по разным губерниям... «Остается, сравнительно, самый многочисленный круг средних землевладельцев...» – каков и сам автор нашумевших очерков.

Поэтому Фет приветствует «новых хозяев» на земле – например, богатого крестьянина, сумевшего приобрести такого рода недвижимость. Он тоже поневоле осуществляет «цивилизующее начало», присущее землевладению как таковому: «Крестьянин, купивший 2000 десятин на берегу Оки, сначала хотел сломать прекрасный господский дом и уничтожить усадьбу, а теперь просит за нее 30 тысяч и говорит, что продать ее – значит изгадить все имение. Если он сам, ходящий летом в бараньей шапке, в один год понял, в чем дело, и держит для сына рысаков, при наезднике в 25 руб. в месяц, то поверьте, что внук его силою вещей будет приведен к Пиндару и философии».

Далее Фет формулирует две задачи, стоящие перед современным обществом в отношении к сельскому хозяйству: «Насколько мы понимаем дух крестьянской формы, она должна разрешить два вопроса: эмансипацию личности и эмансипацию труда*. Первая проблема должна быть разрешена в юридической сфере: «Никакое уравнение не в силах сгладить естественного различия между отдельными людьми»⁴⁸⁷

ми. Идеал равенства именно и заключается в соблюдении полной справедливости среди возможного колебания отношений. Сегодня я нанимаю, завтра меня нанимают, и справедливость требует, чтобы я удовлетворял требованиям закона в том и другом положении».

Такого рода юридическая позиция особенно привлекала внимание Фета. В 1866 году он был избран земским гласным и секретарем земского собрания, а в следующем году – мировым судьей. Мировым судьей он был в течение десяти лет бесценно – и в воспоминаниях посвятил этой деятельности гораздо больше страниц, чем своим стихам...

«Эмансипация труда» должна совершаться путем применения новейшей сельскохозяйственной техники – и тут опять-таки незаменим именно «средний» землевладелец, способный оценить преимущества, например, паровой молотилки, а, главное, вложить в нее деньги... «...Идеал всякого живого организма в будущем, а не в прошедшем. Поэтому – то нам не нужно ни общинного владения, ни крепостного права».

Литературным идеалом этого будущего становится для Фета толстовский Константин Левин из «Анны Карениной». Впрочем, надо отметить, что образ Левина создавался Толстым в те же годы, когда проводился земледельческий «эксперимент» Афанасия Фета – именно в это время Толстой особенно активно, лично и письменно, общается с Фетом-помещиком, читает (и хвалит, в отличие от множества современников!) его статьи – и видит как будто «живого» Левина, дворянина, не похожего на типичных дворян, существо «цельное, неразорванное и ненадломленное».

В статье об «Анне Карениной» Фет выделил Левина как помещика нового типа: «Владея не блестящим, но независимым состоянием, он ищет, вследствие разрушения прежних экономических отношений, новых здоровых основ тому делу, служить которому призван длинным рядом предков. Служит он ему не столько вследствие прибыльности самого дела, сколько по преемственной любви к нему. Лишившись известных выгод, он, по родовой привычке, не в силах нравственно сбросить связанных с ним обязанностей»²³.

Обратим внимание – создание «здоровых основ» нового землепользования и земледелия Фет рассматривает как нравственную задачу дворянства. «Не в том беда, – писал он в 1863 году Льву Толстому, что наше дворянство утратило сословные права, а в том, что оно ничего не хочет знать, кроме минутной прихоти, хотя бы на последний грош. <...> У всех у нас потомственная и, так сказать, обязательная кормилица-земля под ногами, но мы не только не хотим трудиться на ней, но не хотим даже хладнокровно обсудить условий, при которых земледельческий труд возможен»²⁴. Но все равно: ни к какому другому сословию Фет-Шеншин не хотел принадлежать.

²³ Фет А. Что случилось посм<ерти> Анны Кар<ениной> в «Русск<ом> в<ес-тнике>* (Наст. изд. Т. 3. С. 312).

²⁴ Толстой. Переписка. Т. I. С. 363.

488

Замечательно, что экономическая концепция Фета, лишь недавно осмысленная концептуально²⁵, заинтересовала, наконец-таки, и экономистов. Выявилась, наконец, современность этой концепции, ее актуальность для сегодняшних реформ.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana

Один из этих экономистов отмечает: «Перечитывая публицистику А. Фета, можно реально ощутить неспешность исторического развития России. Со времен реформ Петра Великого до отмены крепостного права прошло 150 лет. От формальной отмены сословных привилегий в середине XIX века до современных попыток фактически реализовать гражданские свободы личности пролегло еще полтора столетия. К сожалению, за оба этапа эмансипации личности нам пришлось заплатить дорогую цену разрушения накопленной материальной и духовной культуры»²⁶.

Читающая Россия не захотела ни понять, ни принять консервативного «реформатора» Фета. Его высмеивали за то, что «отнял»- таки 11 рублей у бедного «работника Семена»,- и заключали: «крепостник» Фет не любит новой России. В эпохи общественного «опьянения» - какой была эпоха «перестройки» 1860-х годов - трезвые голоса вызывают раздражение, чем бы они ни подкрепляли свои действия. А самому Фету оставалось только горестно вздыхать в письмах к Льву Толстому: «Тургенев вернулся в Париж, вероятно, с деньгами брата и благодетельствовал Россию, то есть пустив по миру своих крестьян <...> порубив леса, вспахав землю, разорив строения и промотав до шерстинки скотину. Этот любит Россию. Другой роет в безводной степи колодец, сажает лес, сохраняет леса и сады, разводит высокие породы животных и растений, дает народу заработки - этот не любит России и враг прогресса»²⁷.

Еще горше - в позднейшем письме к С. А. Толстой: «...едва ли найдется грамотный помещик-земледелец, а если бы и нашлся, то его бы никто не стал читать, а если бы он заговорил серьезно, то противный лагерь закидал бы его шапками и, пожалуй, цензура закрыла бы его лавочку»²⁸.

ісісіт

Литературным образцом для «поместных» очерков Фета стали «Записки охотника» Тургенева, к которым он подошел тоже с характерной «поэтической» точки зрения. Имя Тургенева (поэта и человека, многолетнего фетовского приятеля) становится для него «знаковым»: «голос» Тургенева появляется в первом очерке, где Фет рассказывает о выборе имения для своего эксперимента: «Вспомнив, что

²⁵ Тархова. Проза Фета-Шеншина // Фет А. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 363-380.
²⁶ Черемисинов Г. А. А. Фет о судьбе дворянского сословия России // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета: Сб. науч. тр. Курск, 1996. С. 163.

²⁷ Письмо от 28 марта 1879 г. // Толстой. Переписка. Т. 2. С. 59.

²⁸ Письмо от 23 января 1888 // Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 309.

489

Т<ургенев>, зная мою опытность в сельском хозяйстве, еще в Петербурге взял с меня слово ни на что не решаться, не посоветовавшись с его дядей, я обратился к последнему за советом». Николай Николаевич Тургенев, дядя писателя, в то время управлял его имениями и постоянно жил в Спасском-Лутовинове; там он много общался с Фетом и был, по признанию поэта, его первым наставником в хозяйственных делах. В фетовском повествовании его фигура становится своеобразным «мостиком» между «земледельческим» и «литературным» хозяйством. Тургенев-писатель припоминается в очерках Фета довольно часто; иногда называются и конкретные рассказы из «Записок охотника»: «Хорь и Калиныч», «Бежин луг», «Певцы». Своеобразной вариацией на тему последнего рассказа становится очерк «Песня», открывающий вторую половину «Заметок...». Здесь Фет явно полемизирует с тургеневским рассказом, определяя, вслед за Пушкиным, русскую песню как «грустный вой».

В своих наблюдениях Фет гораздо острее и «безжалостнее» к русским песням, чем Пушкин: он обращает внимание на «вой», «стереотипный» напев и отсутствие «музыки». Но ход мысли тот же: при всех видимых несуразностях и недостатках «жалобного напева» русских песен, он нравится: «Как бы то ни было<прошлою весной я жил в мире русских песен, или, лучше сказать, русской песни, потому что меняются одни слова, а песня все та же». И, кстати, о «словах»: Фет, кажется, первый заметил, что пореформенные мужики предпочитают словам собственно «народных» песен стихи модных «городских романсов». Некий «щеголеватый парень» поет под стереотипную мелодию романс на стихи Евграфа Крузе «Отгадай, моя родная...», сочиненный в 1850 году. Содержание романса («чувство девушки, волнуемой еще беспредметною любовью») певцу абсолютно недоступно; он даже меняет непонятный ему стих «Мысли бродят вдалеке» на более понятное, хоть и бессмысленное: «Никто замуж не берет»... Но тот факт, что русские люди отходят от вековых традиций во имя новых сомнительных «поделок», вовсе не вызывает у автора возмущения - напротив: «Дай Бог, чтобы русские крестьяне поскорее, подобно моему парню, почувствовали потребность затянуть новую песню. Эта потребность делает им трубы, вычистит избу, даст человеческие постели, облагородит семейные отношения, облегчит горькую судьбу бабы, которая напрасно бьется круглый год над приготовлением негодных тканей, тогда как их и лучше, и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
дешевле может поставить ей машина за пятую долю ее труда; явятся новые потребности, явятся и возможность удовлетворить их».

И далее идет большое отступление о необходимости прогресса в быту русского крестьянина – отступление, наполненное полемикой с утверждениями современных славянофилов о важности сохранения народной «исконности». Фет нисколько не сочувствует подобным рассуждениям – и приводит множество примеров того, как мешают эти «национальные» устои, основанные на «авось», нормальной ор

490

ганизации сельскохозяйственного дела – например, введению производительного и облегчающего труд крестьянина машинного труда. В своей «практической» западнической устремленности Фет оказывается (как уже давно замечено²⁹) близок тургеневскому Потугину из романа «Дым». Но дело не только в идеологической близости.

Интересна серия своеобразных «притч», которые рисует поэтическая (и политическая) фантазия Фета. Иван Аксаков в передовой статье первого номера славянофильской газеты «День» (15 октября 1861 г.) в несложной аллегории сравнил послепетровскую Россию с увязнувшей в грязи колымагой. Кучер (низшие сословия) в этой колымаге остался на месте, а «форейтор» (дворянство) оторвался от колымаги и ускорил далеко вперед. Фет охотно принимает славянофильскую аллегорию – и развивает ее дальше: «Действительно, форейтор оторвался и ускорил, но это слава Богу. Если он не оторвался, то вероятно сидели бы с колымагой и до сегодня в грязи. Но летая вкривь и вкось по всем направлениям, он немало обозрел местностей и поразведал дорог». Если же экстраполировать эту аллегорию на совершившуюся, наконец, крестьянскую реформу, то – «форейторские лошади, слава Богу, проскакали через узкий мостик, кажущийся таким опасным для колымажных лошадей...» – реформа свершилась, хотя и «сверху».

Но фантазия Фета тут же строит другую «притчу». Ведь и кучер, и форейтор – в сущности, русские люди, «которым, как говорится, в немце (то есть в порядке и сдержанности) тесно». Форейтор в чужих краях «на деле до сих пор у чужих разных господ перенял только кафтан немецкого сукна, розовый галстук да папиросы» – «а разверните-ка ему немецкие-то полы, так увидите, что под ними седло все истыкано, один войлок торчит...». И на этой вот близости возникла современная трагикомическая ситуация: «Старик-кучер смотрел, смотрел, слез с козел, да в кабак, благо около кабака завязли...». Раньше можно было все «кнотом» решить – а теперь лошади устали и «заноровились»: не помогает «кнут»! Фет, имевший некоторый опыт «коннозаводчика», предлагает простейший выход: перевести лошадок «на хороший корм»... И снова – притча: «А последнего-то ни кучер, ни форейтор терпеть не могут. Они точно не понимают, что синий кафтан – следствие исправных лошадей, и что по грязной дороге, и еще более в грязной избе, такой кафтан случайная прихоть, а не насущная потребность».

Позиция практического «фермера» Фета, через год после занятия сельским хозяйством, как видим, отличается и от западнической, и от славянофильской. Главное в современном положении он видит в том, чтобы продемонстрировать народу очевидные выгоды его нового положения – тем более, что у него возникают уже «потребности некоторых удобств», требования «более высокого уровня жизни». Эти «потребности» проявляются прежде всего у молодого поколения

29 См.: Батюто А. И. С. Тургенев в работе над романом «Дым» (Жизненные истоки образа Потугина) // Русская литература. 1960. № 3. С.156–160.

491

крестьян – на это подрастающее поколение и следует делать ставку. Вот Фет вспоминает о том, как он недавно посетил одного из героев рассказа Тургенева «Хорь и Калиныч» – того самого Хоря, который явился воплощением тургеневской мысли о жизнеспособности твердого, деловитого и практического начала в народном характере. Хорь по-прежнему крепок: ему «теперь за восемьдесят лет, но его колоссальной фигуре и геркулесовскому сложению лета ни по чем». Но будущее его семьи вызывает у Фета много вопросов. «Хорь сам quasi- грамотный, хотя не научил ни детей, ни внучат тому же»; он до нелепости прижимист: по многу раз из экономии заваривает один и тот же чай... «Кто после этого скажет, чтобы грамотность и чай были в семье Хоря действительными потребностями?»

Вместе с тем, поэта Фета каким-то непостижимым образом привлекает житейская обстановка жизни этого постаревшего героя – он создает своеобразное стихотворение в прозе о том, как тот же «устаревший» Хорь читает «какую-то старопечатную книгу»: «Старшие разошлись из избы по соседям. Оставались только ребяташки, возившиеся на грязном полу, да старуха сидела на сундуке и перебирала какие-то тряпки близ дверей в занятую мною душную, грязную, кишашую мухами и тараканами каморку. Старуха, верно, для праздника полриневолилась над пирогами, и потому громогласно икала, приговаривая: “Господи Иисусе Христе!” И посреди этого раздавались носовые звуки: “сту-жда-ю-ще-му-ся”. Часа в три после обеда

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки-из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
втащили буро-зеленый самовар, и Хорь прошел в мою каморку к шкапу с разбитыми
стеклами»... Фета интересуется как раз те эпизоды, которые выходят из пределов
«обычной жизненной колеи» – именно им поэт посвящает свои наблюдения.
Содержатель постоялого двора Федот, возвращающий проезжему помещику забытые им
два рубля, для Фета интереснее какого-нибудь работника Филиппа, постоянно
норовящего обмануть и «обжулить» нанимателя. И даже в знакомом читателю Хоре он
видит прежде всего эти «выламывающиеся» из привычного впечатления детали образа.
Первый усадебный год описан Фетом по «календарному» принципу, ориентированному
на русский сельскохозяйственный цикл (ср. названия главок: «Осенние хлопоты»,
«Приближение зимы», «Зимняя деятельность», «Весенние затруднения» ит. д.). Автор
строит свой рассказ как последовательное повествование о тех невзгодах и
трудностях, которые приходится преодолевать русскому землевладельцу в новых
хозяйственных условиях. После этого он переходит к системе «притчевых»
рассказов, призванных решить коренные проблемы русского жизнеустройства.
«Притчи» эти прямо связаны с проблемой наступившей свободы, которую Фет понимает
весьма оригинально: «Только сознание законных препятствий и связанных с ними
прав дает то довольство, тот духовный мир, который составляет преимущество
свободного перед рабом». Таковой притчей о свободе стала разобранная выше притча
о «колымаге», «ямщике» и «форейторе», направленная против сла-

492

вянофилов. Такова же предшествующая ей притча о губительности доброты.
Тургенев, озабоченный воспитанием дочери, оставшейся в Париже, в конце мая –
начале июня 1861 года написал ей несколько «педагогических» писем, в которых
внушал в качестве нравственного принципа «великое трио»: «Размышление, доброта,
прилежание». В особенности – «доброта»: «Это самое главное: надо уметь смотреть
даже на дерево с добротой. Я заметил также, что доброта часто сопровождается
некоторой возвышенностью чувств. Это легко объяснить: доброта не дает нам думать
о себе, погрязнуть в тине эгоизма»³⁰.

Фет ни в коем случае не согласен с этим тезисом: по его мнению, доброта
невозможна в жизни прежде всего потому, что «непрактична». Он использует здесь
богатый опыт «коннозаводчика»: «Недаром русская пословица говорит: “на добрых
воду возят”». Эта пословица очевидно произошла из опыта. Если у вас есть между
рабочими лошадьми замечательно добрая, будьте уверены, никакой присмотр, никакие
увещания не спасут бедного животного от ежеминутных попыток. Сена ли привезть,
хоботья ли насыпать, соломы ли навозить, кого взять? – рыжего. Послать куда
поскорее, – на рыжем. Одним словом, бедный рыжий за все отвечает. Понятно, что в
дальней дороге или на тяжелой работе всякому приятнее иметь лошадь, не требующую
ежеминутных понуканий; но возить корм около дома решительно все равно, слишком
или не слишком ретива лошадь. Но рыжий недаром сльвет добрым, и поэтому оброть
уже сама его ищет по двору между всеми другими отдохнувшими лошадьми». И далее
подробно рассказывается грустная история о том, как на «рыжего» навалили
непосильную ношу («с лишком тридцать пять пудов»), он покорно ее вез, но
обессилел, заболел и на третий день пал...

Эта рассказанная Фетом притча замечательна, между прочим, тем, что, вероятно,
явилась одним из источников толстовского «Холстомера». Толстой начал писать эту
повесть (сюжет которой был пересказан ему М. А. Стаховичем) как раз после
знакомства с «Заметками...» Фета – и в письме к Фету от 1–3 мая 1863 года сообщил
об этом, на что Фет ответил не вполне ясным замечанием³¹.

Но притча о доброй лошади, рассказанная Фетом, выдвигала весьма нетривиальную
нравственную позицию – ибо тут же была распространена и на людское сообщество.
На доброту в условиях нового хозяйствования опираться нельзя – вот одна из
любимых идей Фета в этих очерках. Она многократно «поверяется» другими притчами,
рассказанными в следующих главках: «Еще о пчелах» (о том, как «добрый» пасечник
стацил хозяйский мед), «Систематическая потрава» (о бесплодности усилий помещика
бороться с травой хлебов крестьянскими лошадьми), «Скачка по гречихе и
последствия скачки» и др. «Темная сторона земледельческой жизни» проявляется,
констатирует Фет, именно в невозможности нового хозяина–

80 Тургенев. Письма. Т. 4. С. 417, 416, 251, 250 (пер. с франц.).

81 Толстой. Переписка. Т. 1. С. 364, 366.

493

фермера быть «добрым»: «Долго еще неуклонному закону придется бдительно стоять
на страже, пока русский человек не забудет своего наивного произвола и
наследственной лжи».

Поэтому там, где бессильна доброта, на ее место должна прийти законность:
«Всякая законность потому только и законность, что необходима, что без нее не
пойдет самое дело». Законность поневоле противостоит доброте – и поэтому
землевладелец, нанимающий работников, не должен обращать внимания на «валяния в
ногах», не должен оказывать милости, если она противоречит закону. Именно эта

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana исходная посылка фетовских очерков особенно возмутила Щедрина, столь красноречиво пытавшегося опровергнуть ее³². Противопоставляя закон и милость во имя «закона», Фет, в сущности, противостоял всей гуманистической традиции русской литературы, апеллировавшей, со времен Радищева и Пушкина, именно к милости сильных мира...

Не случайно в своих воспоминаниях Фет вспомнил о «радикально изменившихся убеждениях» Льва Толстого. К толстовской идее «непротивления злу насилием» он относился, по меньшей мере, скептически, не принимая ее нравственных корней и «начал», исходя в этом неприятии из собственного практического опыта. Вот показательное признание Фета в письме к Я. П. Полонскому от 23 января 1888 года: «Я никому не уступлю в безграничном изумлении перед могуществом таланта Льва Толстого; но это несколько не мешает мне с величайшим сожалением видеть, что он зашел в терния каких-то полезных нравоучений, спасительных для человечества. История человечества представляет целый ряд примеров, что наставления приводили людей только к безобразным безумствам и плачевному изуверству, но не было примера, чтобы слово, не поддержанное суковатой палкой, благотельно подействовало на людей...»³³.

Толстовская философия «вырастала» на глазах у Фета – и черты нравственной утопии в этом учении Фет улавливал очень обостренно и точно буквально с самого начала. В одной из главок своих «Заметок...» – «Исполненная десятина» – он подробно передает свой диалог с крестьянином-«половинщиком», демонстрирующий, что мужик просто не хочет понимать всех разумных убеждений и аргументов «не в свою» пользу: он не так развит, чтобы сочувствовать каким-то общим нравственным началам. На практике нравственная утопия демонстрирует свою беспомощность. Точно так же и в «совершенно постороннем» споре о «благотворительности», который развернулся в стенах небольшого имения, сооружаемого на «новых» – и открыто прагматических – началах, сама обстановка Степановки должна была демонстрировать вопиющую бессмысленность подобных «абстрактных» утопий.

Еще менее применимой к фетовской практике русского фермера была «западническая» позиция Тургенева – что Фет тоже прямо

32 См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. С. 60–67.

33 Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 338.

494

демонстрирует. Вслед за упомянутым эпизодом о посещении Хоря, напоминающим о тургеневском рассказе «Хорь и Калинин», Фет помещает в «Заметках...» главку «Филипп и Тит», где выводит два несколько иных крестьянских типа: Тит – олицетворение доброты, честности и заботы, трудно добывающий свой хлеб, и Филипп – вороватый и жуликоватый, готовый «по злобе» много зла наделать, но именно вследствие этих черт характера лучше приспособленный к современным условиям жизни. А будущее, кажется, не за безответным Титом, а как раз за Филиппом. Абстрактное упование на «доброту» ничего, кроме вреда, в практике русского хозяйствования принести не может.

«Я ничего не сочинял, а старался добросовестно передать лично пережитое, указать на те, часто непобедимые препятствия, с которыми приходится бороться при осуществлении самого скромного земледельческого идеала. Затруднений и препятствий много, – но где средства устранить их и сравнять дорогу всему земледельческому труду, этому главному, чтобы не сказать единственному, источнику нашего народного благосостояния?» Так Фет начинает заключительную главку своих «Заметок...» – и вывод, к которому он приходит, явно неутешителен и пессимистичен.

Неутешителен он и с экономической точки зрения: Россия, начавшая эпоху «вольнорабочего труда» гораздо позднее, чем Запад, – ничему не может научиться у Запада. «Что такое страна пролетариата в двух словах? Страна, где руки ищут работы, а работы нет. Что такое Россия? Страна, в которой неодолимейшая работа ищет рук, а рук нет. Не очевидно ли, что у нас в настоящее время забота об устранении пролетариата не иное что, как заботы ленивого мальчика, который, вместо того чтобы учить латинские склонения, становится перед зеркалом и говорит: “Когда я буду большой, у меня вырастут усы и борода. Усы я буду завивать, как дяденька, а бакенбарды запущу, как у папаши”. Действительно, при благоприятнейших условиях к умножению народонаселения и у нас лет через 500, может быть, вырастет борода пролетариата. Но что тогда будет, никто не знает, а если тогда будут журналы, то они на досуге побеседуют об этом предмете». Россия – не Запад, и все рецепты «дяденьки» для нее бессмысленны. России самой приходится «ощупью» решать вдруг вставшие перед ее хозяйством экономические проблемы...

Еще важнее проблемы нравственные: «Наступило время, настоятельно требующее общего народного воспитания». А единственным путем этого воспитания, по глубокому убеждению Фета, вытекающему из содержания его очерков, может быть не

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
путь милости, а путь закона. Ведь, в сущности, только и нужно, чтобы «оградить
честный труд от незаконных вторжений чужого произвола». Так, кажется, просто –
и так трудно исполнимо на практике, ибо этот путь требует ежеминутного,
последовательного, капля за каплей, воздействия на народные – на всех сословных
уровнях – «нравы», все еще определяющие движение российской «колымаги».

495

ісіеіе

Общественная позиция Фета, естественно, не могла понравиться русским
революционным демократам, бывшим «властителями дум» «эпохи реформ».
Показательной стала уже серия выпадов против него Салтыкова-Щедрина, которые
появились в четвертом, апрельском номере «Современника» за 1863 год в составе
критико-публицистического цикла «Наша общественная жизнь». Этот цикл Щедрина
печатался параллельно со знаменитым романом Чернышевского о «новых людях» – и
был воспринят Фетом как естественное отражение идеологической позиции этих
«новых людей».

Столкнувшись с множеством трудностей «переходного» времени, но окрыленный
мечтой о налаживании рентабельного хозяйства, Фет решил быть до конца
последовательным – как в налаживании хозяйства, так и в литературном общении
предпринятого им нового для России дела. Его первый цикл очерков имел
читательский успех, и он продолжал их в следующем году – в том же «Русском
вестнике», но уже под заглавием «Из деревни». Продолжение цикла оказалось более
публицистичным, поскольку определились уже и сторонники, и противники автора.
Рассказ о хозяйственных предприятиях предварялся двумя важными для «сельского
хозяина» главками: «I. Кому следует гласно обсуждать возникающие вопросы новой
земледельческой деятельности» и «II. Литератор».

В первой главке проводилась мысль о необходимости законодательной поддержки
среднего землевладельца, непосредственно живущего на земле, заинтересованного в
улучшении ее обработки и вовсе не «отдаленного» от крестьянских нужд: «Говоря о
землевладельцах, я имею в виду общие интересы обеих, пока еще недоумевающих
сторон: дворян и крестьян. Те и другие пока единственные землевладельцы в
России, и последние, с каждой, можно сказать, минутой, яснее и яснее понимая все
благо совершившегося преобразования, все более и более зреют для нравственной
солидарности с другим классом землевладельцев». На эту «нравственную
солидарность», однако, посягают «кабинетные социалисты», «плохие деятели и самые
некомпетентные судьи собственного дела», которые привыкли «тешиться* над
помещиком, хотя «большая часть производительной почвы находится в руках этого
класса, и нельзя никакими риторскими воркованиями зашептать эту жизненную силу,
как невозможно заклинаниями заставить самую мелкую звезду опоздать хотя на миг
против календаря».

Во второй главке появляется фигура «присяжного русского литератора» – тип,
который позднее назовут «либеральной жандармерией». «Русский литератор» привык
«привешивать» ко всякой живой картине «мочальный хвост» известной общественной
идеи – а нужно ли это в современном мире? «Если положение помещиков, дававшее им
еще в недавнее время возможность притеснять подчиненное им сословие, служило
объяснением всех Оксан, вырываемых из семей, и Ванек, колотимых барами,
завладевших нашу литературу, то теперь – против кого направлены подобные
выходки? Бра-

496

ните и помещика, если он вам попадет под руку, но браните его как человека,
потому что бранить его как помещика в настоящее время не только бессмысленно, но
и скучно. Долго ли еще пережевывать эту жвачку? <...> Дело землевладельцев было
всегда и везде делом великим. А теперь оно более чем когда-либо важно и
значительно для всего государственного организма».

В пореформенное время «нехороший» помещик – как объект, над которым привык
«тешиться» литератор – отходит: это уже не современный «мочальный хвост».
Демократическая идеология 60-х годов перестает быть той «опорой», от которой
может «оттолкнуться» «средний» литератор – Фет указал здесь яркую беду писателей
пореформенной эпохи, создавшую, в сущности, литературное «безвременье».
Литератору остается другое: «на всякий современный вопрос отвечать: veto»: «Как
выражение сознательной косности, veto литератора еще не оскорбляло бы
нравственного чувства; но оно возмутительно своим притоком – струею демократизма
в самом циническом значении этого слова. <...> Это тот мотив, который в
парижском театре для черни заставляет блузников выгонять чисто одетого человека
из партера огрызками яблок».

Фетовские рассуждения о «литераторе» были чрезвычайно уместны и пришлись как раз
ко времени. Тот же И. П. Борисов (которому Фет прочитал продолжение своих
«деревенских» очерков еще в рукописи) с восторгом заметил в письме к Тургеневу
от 19 февраля 1863 года: «Прочел он мне несколько глав своих записок – мало

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
сказать, что они интересны, – в них фетовщина прелестная. Особенно хороша глава
о литераторах. Вы так и видите, к кому он подбирается и какому воробью готовит
камень, ну, вероятно, и они поклюют его поля <...>»31. Мудрый Иван Петрович как
в воду глядел...

Далее в очерках «сельский хозяин» Фет приводит серию живых и конкретных
примеров, свидетельствующих о том, что «переходное» законодательство не
отработало еще внутреннего «механизма» полюбовного разрешения постоянно
возникающих конфликтов между участниками «вольнонаемного труда» – крестьянами,
которые нанимаются, и помещиками, которые платят деньги. Эти примеры –
несомненные «мелочи», но отражают что-то общее, важное:

– волостной старшина выдал крестьянину ложное свидетельство о том, что
будущий работник свободен и никуда не нанялся (дабы крестьянин, успев получить
от нанимателя задаток, имел возможность не отработывать его), а хозяин так и не
мог найти рычагов воздействия, чтобы лжесвидетеля хоть как-то наказали (тут же
Фет приводит подобный пример из собственной военной службы: в его случае
«незаконная подпись» неизбежно повлекла бы наказание);

– «работник Семен», нанятый помещиком, не отработал из данного ему задатка
11-ти рублей серебром, и обманутый наниматель, стремясь добиться справедливости,
принужден был потратить много сил и хлопот; 34
34 Тургеневский сб. Вып. 4. С. 372.

497

– хозяин соседнего постоянного двора выпустил к нему на пшеничную зелень гусей с
гусенятами, и помещику пришлось особенно изощиться, чтобы наказать «мошенника»
за потраву и «полюбовно» решить дело, положив штраф не деньгами, а продуктами.
И так далее. Фет подчеркивает, что все это – ежедневные «мелочи». Но они-то и
есть самое главное в хозяйстве: без четкой законодательной регуляции всех этих
мелочей не создать естественного порядка нового, невиданного в России,
вольнонаемного сельскохозяйственного труда. Именно здесь – в рутинных
лжесвидетельствах, обманах, потравах – и скрываются те «ямы», от которых надо
избавить «многочисленные» последователей...

Салтыков-Щедрин, выступивший с гневной отповедью Фету, вполне понимает эту
направленность фетовских очерков. Но тут же переворачивает ситуацию наизуоборот,
стремясь продемонстрировать неосновательность его притязаний. Из всех описанных
автором очерков «Из деревни» мелочей (а всего в этой, второй серии очерков – 14
главок, зафиксировавших множество «ежедневных» эпизодов деревенской жизни)
сатирик останавливается на «работнике Семене» и на эпизоде с гусями. И тут же
назидательно заявляет: литературе «нет никакого дела не только до 11 рублей, но
даже если б у вас чуть- чуть не пропали и все 20 рублей, данные вами работнику
Семену в задаток, ибо она разрабатывает общие вопросы жизни, а не
четвертаковые». И тут же сравнивает рассуждения Фета с жалобами курицы, «у
которой другая курица отняла хлебное зерно».

Несчастные «чуть-чуть не пропавшие 11 руб.» Щедрин на трех журнальных страничках
повторяет семь раз – перед нами явная и намеренная сатирическая уловка. Ему
почему-то нужно выставить Фета таким недалеким, жадным и мелочным
«старосветским помещиком» – он даже сопровождает это наблюдение неким
философическим рассуждением: «Есть люди, которые обнаруживают необычайную
твердость характера и верность каким-то принципам, особенно когда идет речь о
мелочах»35.

К представлению о мелочном русском барине прибавляется и представление о
туповатой жестокости: тут же Щедрин предлагает устроить «наказание»: «повесить
Семена или содрать с него шкуру». И призывает уповать на «власти»: «...все ваши
сетования именно оттого происходят, что вы приступили к хозяйничанью не столько
с знанием дела, сколько с твердою уверенностью, что при вас всегда будет
находиться становой пристав...». Но ведь Фет как раз рисовал такого рода
ситуацию, в которой и «становой пристав» бессилён!

Щедрин подменяет поставленную Фетом проблему. Тот писал о «неравенстве перед
законом» – Щедрин бичует имущественное неравенство: «Вы имеете и лошадь, и
корову, и овцу, полиция видит это и описывает и продает их; работник Семен не
имеет ни лошади, ни коровы, ни овцы – полиция не видит их, следовательно, не
имеет

35 Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. С. 62–63.

498

возможности ни описать, ни продать их. Что ж ей делать? не зарезать же, в самом
деле, Семена!»36.

«Работник Семен» в истолковании Щедрина приобретает даже некоторые символические
очертания – между тем в том «эпизоде», который посвятил ему Фет, Семен вовсе не
являлся таким уж неимущим: просто ленивый работник («И лошадь ему запряги, и воз
утяни веревкой; словом сказать, ему надо дядек»), который мешает прежде всего

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana другим рабочим в той же «экономии», да к тому же еще и плут («у соседнего мужика попался хозяину с украденными у него же хомутами») – один из многочисленных примеров «нечестности» в трудовых отношениях. Фет ратует именно за «честность» этих отношений, ищет возможности «полюбовного» разрешения неизбежных конфликтов (такое разрешение он и нашел в эпизоде с гусями) – Щедрин выносит категорию «честности» за скобки и, принимая за главные социальные условия, готов для неизбежного соблюдения «нравственности» обвинить во всех грехах самого фета: это «человек благодушный, простодушный и прекрасодушный», не представляющий себе истинного положения трудового народа, «он философствует словосочинительно» и «на грех себе сделался публицистом»...

Главным же из того, что действительно осуществил в этом сатирическом памфлете Щедрин, было конструирование особенной литературной репутации фета – той репутации, что и по сей час жива в иных литературоведческих штудиях. Щедрин, надо подчеркнуть, блистательно уловил те возможности, которые представляла личность «нежного поэта», занявшегося фермерским хозяйствованием. Фет и его очерки, как подчеркивала А. А. Жук в комментарии к сочинениям Щедрина, оказались только «ближайшим поводом» для сатирических обличений³⁷ – но «поводом», нанесшим непоправимый урон восприятию личности фета в истории русской литературы. За фета-«крепостника» взялось «Русское слово»: выпад Варфоломея Зайцева в № 8, а в следующем номере – большая статья Д. Д. Минаева «Лирическое худосочие». В последней статье «работник Семен» поминался не только в прозе, но и в стихах, пародирующих фетовское «Шепот, робкое дыханье...»:

От дворовых нет поклона,

Шапки набекрень,

И работника Семена
Плутовство и лень.

Наконец, Д. И. Писарев поставил на созданном Щедриным «клейме» на образе фета жирную точку: «Работник Семен – лицо замечательное. Он непременно войдет в историю русской литературы, потому что ему назначено было Провидением показать нам оборотную сторону медали в самом яром представителе томной лирики. Благодаря работнику Семену, мы увидели в нежном поэте, порхаю

36 Там же. С. 64–65.

37 Там же. С. 588.

499

щем с цветка на цветок, расчетливого хозяина, солидного bourgeois и мелкого человека. <...> Такова должна быть непременно изнанка каждого поэта, воспевającego “шепот, робкое дыханье, трели соловья”»³⁸.

Таким образом на литературной репутации Афанасия фета образовалось «пятно», от которого он так и не смог «отмыться». Тот же Борисов констатировал (в письме к Тургеневу от 28 октября 1863 г.): «Статьи фета “Из деревни” всех очень интересуют, а иных приводят в ярость <...> Но что делать, все-таки фет поет правду, и наши мировые учреждения на первое время уже отслужили – пора им на упокой, – а умирать-то никому не хочется, особенно кому дают хорошее жалованье»³⁹. Тургенев охарактеризовал очерки фета с дипломатической тонкостью: «Правда, просто и умно рассказанная, имеет особенную прелесть»⁴⁰. Правда, «почитатели» фетовской «хозяйственной» правды имели несколько иные интересы и намерения, чем почитатели поэзии.

•irirk

Ярость, вызванная «правдой» фета, кажется, и остановила публикацию его «деревенских» очерков. 26 февраля 1865 года И. П. Борисов сообщает Тургеневу о тех новых очерках, которые фет написал после 1864 года: «Но новые его рассказы из деревни – прелесть. Истинны, умны и твердо спокойны без раздражения». И – через год, в письме от 24 февраля 1866 года: «фет “Из деревни” еще не послал Каткову – очень интересная»⁴¹. Но как бы ни были «интересны» и «прелестны» новые очерки, продолжения их в «Русском вестнике» после 1864 года так и не появилось: фет публикует их несколько позднее и уже не в столь популярных журналах – в 1868 году в «Литературной библиотеке» и в 1871 году в кашпиревской «Заре»... До какого-то логического конца он эти публицистические мемуары так и не довел – да и к чему?..

Литературное «пятно» на фетовской репутации осталось даже и тогда, когда непосредственный повод для его создания – статья «Из деревни» – в русском обществе подзабылись. Публицистические обвинения обернулись слухами; повторять эти слухи о «фете-крепостнике» сделалось хорошим тоном. Щедрин, избравший очерки фета в качестве «отрицательного повода» для выражения собственных демократических идей, оказался творцом негативного «личностного» мифа о фете-«крепостнике», мифа, благополучно дожившего до нашего времени.

Когда фет умер (в 1892 г.), Н. Н. Страхов писал жене Льва Толстого Софье Андреевне: «Для фета смерть была, конечно, избавле

38 Писарев Д. И. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 96.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
39 Тургеневский сб. Вып. 4. С. 383.
40 Письмо к Фету от 14 (26) июля 1864 // Тургенев. письма. Т. 5. С. 274.
11 Тургеневский сб. Вып. 5. С. 487, 512.
500

нием... Последние годы были ему очень тяжелы; он говорил мне, что иногда по часу он сидит совершенно одурелый, ни о чем не думая и ничего не понимая <...> Он был сильный человек, всю жизнь боролся и достиг всего, чего хотел: завоевал себе имя, богатство, литературную знаменитость и место в высшем свете, даже при дворе. Все это он ценил и всем этим наслаждался, но я уверен, что всего дороже на свете ему были его стихи и что он знал; их прелесть несравненна, самые вершины поэзии. Чем дальше, тем больше будут это понимать и другие. Знаете ли, иногда всякие люди и дела мне кажутся несуществующими, как будто призраками и тенями; но, встречаясь с Фетом, можно было отдохнуть от этого тяжелого чувства: Фет был несомненная и яркая действительность»⁴².

Страхов был приятелем Фета в течение последних пятнадцати лет. Еще в пору раннего знакомства Фет сравнивал его, известного критика, с «куском круглого, душистого мыла, которое не способно никому резать руки» – но способно менять свою конфигурацию в зависимости от того, с кем общается. Страхов оставил после себя самые разные оценки личности Фета, говорил о нем немало неприятного (в письмах к Льву Толстому, например) и много чрезвычайно лестного. В данном случае, может быть, под влиянием трагической минуты (письмо написано сразу же после похорон Фета) его приятель выделил именно те грани его личности, которые объясняют и его место в ряду окружающих людей (а окружали Фета – так уж выходило – всю жизнь люди незаурядные).

Во-первых, если рассматривать Фета в ряду «поэтов» (поэтов такого масштаба, как Лермонтов, Некрасов или Тютчев), то даже в этом ряду он выделялся как сильный человек, если следовать известному американскому выражению – self-made man. Во-вторых, если рассматривать Фета в ряду «сильных людей» России того времени (таких, например, как знаменитые реформаторы братья Милютины, как купец В. А. Кокорев или помещик-славянофил А. И. Кошелев), то и из этого ряда Фет опять-таки выламывается как поэт.

В-третьих, это был редкий случай, когда поэт изначально сознавал, что он поэт, «и поэт истинный» – и в этом смысле не нуждался ни в каких особенных «откровениях» со стороны «знатоков», оценивающих его дарование. Он был сам по себе несомненная и яркая действительность – и предназначал свою духовную деятельность тому настоящему, которое ориентировалось на будущее.

Как «сильный человек» в ряду поэтов Фет сразу же определил для себя такую модель поведения, которая отграничивала его от других поэтов. Эту «модель» кратчайшим образом определил тот же Страхов в 1880 году: «Простой и добрый человек»⁴³.

Собственно, те же грани природы Фета выделил и Лев Толстой четвертью века ранее. Едва познакомившись с поэтом, он записал в дневнике: «Фет – душ

42 Новый мир. 1978. № 8. С.133. Курсив наш. – В. К.

43 Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб.. 1914. С. 204.

501

ка и славный талант». Эта запись датируется 12 мая 1856 года. И – через полтора года: «Пришел Фет, добродушный»⁴⁴.

Эти же грани фетовской природы, только по-иному, воспринял и Некрасов: в период активного общения молодых еще поэтов в Петербурге он заметил в письме к Тургеневу: «Если б Фет был немного меньше хорош и наивен, он бы меня бесил страшно; да, ненадломлен- ный!»⁴⁵. Поэт выделил в поэте-современнике характеристическую черту «ненадломленности». Этого нельзя сказать о самом Некрасове, «изломанном» жизнью, – но Фет, которого, к слову сказать, жизнь «ломала» никак не меньше, выделялся именно этой чертой, которая, между прочим, и организовывала его особенную простоту и доброту.

Даже те люди, которые никак не хотели признать своеобразной «мудрости» Фета (тот же Страхов видел в нем только «дебри речей и понятий»), странным образом «разделяли» между собою его неприемлемый «образ мыслей» и прекрасную «натуру». Когда после кончины Фета Страхов должен был выпускать собрание его стихов, он заметил: «Волей-неволей пришлось взяться за наследство несравненного поэта, никуда не годного по образу мыслей, и очень недурного человека»⁴⁶.

Политические воззрения самого Фета не укладывались ни в одну «партию». Тургенев считал его «славянофилом», то есть человеком, придерживавшимся противоположных, по сравнению с ним, «западником», общественных взглядов. Правда, Герцен, познакомившись с первой статьей Фета в «Русском вестнике», предположил, что он не примыкает ни к какой из существующих «партий», а собирается создать новую партию «усталых от народа»⁴⁷. Когда Тургенев в конце 1874 года решил «разойтись» с Фетом, то объяснил этот шаг несходством идеологических воззрений и в конце концов пожелал поэту «всех возможных благ и преуспевания в обществе гг.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana Маркевичей, Каткова и других ejusdem farinae»48. Но с этими «другими» Фет, между тем, никогда не сблизился – и те, кажется, числили его в «тургеневском» стане. А Фет не был «ни в каком» стане. Показателен его ответ на известное письмо Тургенева от 12 января 1875 года. Всматриваясь в историю их с Тургеневым четвертьвековой дружбы, Фет уточняет: «Сошлись мы с Вами вследствие тождества не социальных, а художественных инстинктов. Вы знаете, как я дорожил в Вас этим качеством, упрямо закрывая глаза перед другими». «Вы могли бы прогнать старика-дядю, – продолжает далее Фет, – не обижая его; Вы могли бы разойтись с Толстым, со мною и вообще с человеком из противу- положительного лагеря, не меряясь обидами; но это значило бы, что действ

44 Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 21. М., 1985. С.153, 193.
45 Некрасов Н.А. Поли. собр. соч. и писем: в 10 т. Т. 10. М., 1952. С. 275.
46 Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 422.
47 Переписка И. С. Тургенева. Т. 1. С. 238.
48 Тургенев. Письма. Т. 10. С. 334.
502

вительно боишься руки замарать. Нечего церемониться с человеком, стоящим, по смыслу статьи Тютчева “Россия и революция”, в проти- вуположном с нами лагере. Мы, начиная с самого Тютчева, считаем наших противников заблуждающимися; они нас ругают подлецами.– Таков дух самого лагеря»49.

«Дух» какого бы то ни было «лагеря» вообще был противен Фету: он предпочитал строить свои отношения с людьми вне зависимости от «лагерей». Это был особенный ум, который Лев Толстой еще в середине 1860-х годов назвал, с подачи самого Фета, умом сердца, отделив его от ума ума (И. Л. Толстой считал, что Толстой и Фет «одинаково думали умом сердца»). Этот ум сердца предполагал прежде всего опору не на абстрактные понятия, а на житейскую практику, сформировавшуюся на огромном опыте собственных жизненных лишений и «преодолений». Он и здесь оставался «мудрецом», знавшим цену не только словам, но и людям. Раз навсегда сформировав свою жизненную позицию и свое мнение по какому-либо отвлеченному вопросу, он всегда готов был откровенно высказать ее любому человеку, к нему обратившемуся, – но умел и «замолчать» в виду ненужности какого-то «говорения». Все «отвлеченные понятия» для развитого «ума сердца» становились ненужными условностями.

В августе 1891 года, за год с небольшим до смерти, Фет напечатал в «Московских ведомостях» статью о постигшем Россию неурожай и голоде (под заглавием «Гром не грянет – мужик не перекрестится»), где выступил с критикой существующих форм помощи голодающим крестьянам. Эта статья удостоилась критики суворинского «Нового времени»; смысл критики сводился к тому, что «нежному и мечтательному поэту» не пристало судить о таких практических вещах, требующих деятельного вмешательства практиков. В ноябре Фет ответил большой статьей, в которой, в частности, коснулся и собственной поэтической позиции.

«Поэт до старости, подобно ребенку, витает в мире несбыточных грез и с поэтической стороны совершенно законно говорит:

Я царь, я раб, я червь, я Бог.

Но, с другой стороны, человек, вынужденный в продолжение тринадцатилетней службы ответственно заведовать отдельными частями и исполнять в продолжение 11 лет должность участкового мирового судьи, которому пришлось раздавать нуждающимся в хлебе крестьянам его участка собранные им деньги и затем устроить на эти деньги во Мценском уезде земскую больницу, по сей день существующую, – такой человек не может быть ни совершенно незнаком с крестьянским бытом, ни равнодушным к их благосостоянию. Излишне говорить, что мы упоминаем и о стихотворной, и о практической своей деятельности только с целью указать на право подачи голоса в вопросах народной жизни. Между тем и стихотворца, и земца в нашем лице постигла равная участь». *

*я Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 210–213.

503

Поэта Фета всю жизнь упрекали за то, что он рассуждает как «земец», а «земца» Шеншина – за его поэтические претензии. «Новое время», – замечает Фет, – укоризненно обозвало его «суровым реалистом». Он сам готов, в свою очередь, принять это название: «Ведь и игрушечный царь не вечно шествует в триумфе, а, подходя к молочной кашке или мягкой булке, превращается в самого несомненного реалиста». В житейской практике «разум человеческий довольствуется разговорной и быстрой речью» – песня же является тогда, когда в жизни возникает отторжение от «житейского» разума: «Над новорожденным поют, поют при апогее его развития, на свадьбе, поют и при его погребении; поют, идя с тяжелой денной работы, поют солдаты, возвращаясь с горячего учения, а иногда идя на штурм. Реальность песни заключается не в истине высказанных мыслей, а в истине выраженного чувства. Если песня бьет по сердечной струне слушателя, то она истина и правда. В противном

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
случае она ненужная парадная форма будничной мысли. Вот что можем мы сказать в
защиту поэзии»⁵⁰.

Такую же поэтическую «печать» несут на себе «деревенские» очерки Афанасия Фета – человека, противостоявшего какой бы то ни было литературной или общественной доктрине.

ИЗ ДЕРЕВНИ

Заметки о вольнонаемном труде

Впервые: РВ. 1862. Т. 38. № 3 (март). С. 358–379; № 5 (май). С. 219–273.

Подпись: «А. Фет».

Первые очерки будущего цикла были написаны Фетом сразу же по завершении первого земледельческого года в Степановке – в начале декабря 1861. Об их чтении в родственном кругу и о том, что они предназначены для РВ, сообщал И. П. Борисов (см. выше). В том же письме (от 25 дек. 1861) отмечается особенно приподнятое душевное состояние Фета после завершения этого первого земледельческого года: «Не знаю, милейший Иван Сергеевич, испытываете ли Вы то наслаждение, какое вот я двадцать лет от нашего натурального лирика. И чем плач его слышится сильнее, тем лучше для него. Без этого нет ему и жизни. <...> Посибаритничать он может только минуту где-нибудь в Спасском или на охоте где-нибудь в лесу, но не долго – нужно или в эскадрон или в Степановку» (Тургеневский сб. Вып. 3. Л., 1967. С. 354–355). В следующем письме (от 22 февр. 1862) сообщается о том же замысле: «Фет уже возвратился и сиплым голосом рассказывает про Москву и всякие свои в ней похождения. На пути он три дня прогостил у Вас в Спасском и едва несколько деньков у нас в Новоселках. В Степановку! в Степановку! Но, на счастье наше, нужно было ему заняться окончанием своей

л Там же. С. 174–176.

504

статьи в “Р<усском> вестн<ике>”, и статью кончил и нас усладил» (Там же. С. 357). В письме от 14 марта Борисов сообщает Тургеневу о своем посещении Степановки, в которую доехал «в ужаснейшую бурю по ухабам, зажорам, раскатам, колчаям, просовам и проч<им> прилагательным существующих наших дорог»: «С умилением слушал, что все у них с приезда шло отлично, благоденствие и мирная тишина. <...> Читал он мне два стихотво<рения> новых – “Ранняя весна”, посланное Вам, и “К Тютчеву”. Оба мне понравились – напоминают молодого Фета и Весну, просыпающуюся под снегом. Вспоминали Вас, милый, добрый Иван Сергеевич. Ждем Вас – ждали и детеныша, но и Фет еще не получил “Р<усский> в<естник>”» (Там же. С. 359, 360).

Помимо изменения первоначального авторского заглавия и переноса основного акцента на публицистику, редактор-издатель РВ М. Н. Катков вмешался в фетовский текст, сократив и несколько изменив его. У Фета он был разделен на маленькие главки-миниатюры и скомпонован, по-видимому, в две части. Несмотря на то, что в журнале очерк был разделен на две публикации, порядок представления главок оказался нарушен, что видно хотя бы из «сбитой» нумерации отрывков (возникшей, по всей видимости, из-за небрежности корректора). Сначала, в мартовской книжке, после небольшого введения, представлены главки I–IV («Осмотр имений», «Покупка», «Необходимое устройство» и «Осенние хлопоты»); в майской же книжке начинается показательная путаница. Как «продолжение» идет главка V («Приближение зимы» – в этой главке содержится указание на «окончание заметок о первом, кратковременном, но тем не менее хлопотливом сезоне»); после нее следуют главки VII («Зимняя деятельность») и VIII («Контракт»). После этого, без какого-либо обозначения, следуют главки с III («Весенние затруднения») по XII («Вопрос»). Указание на финал заметок между тем содержится ранее их действительного окончания: в конце главки XI («Федот и праздник Михаила Архангела»): «Я очень рад, что пришлось окончить мои заметки рассказом об этом отрадном факте...». По этой корректорской небрежности можно установить, что, вероятно, у Фета (рукопись которого до нас не дошла) эти очерки были разделены на две части (с отдельной нумерацией главок в каждой из них); Катков выкинул (возможно, и по цензурным причинам) главку VI первой части и главки I–II второй части (возможно, что и какие-то еще) – и заставил Фета дописать публицистическое «заключение» (последняя главка). Напечатав эти очерки под «обыкновенным» для публицистической статьи заглавием, редактор РВ переориентировал тем самым читательское восприятие. Перед читателем предстали дилетантские публицистические рассуждения известного поэта о трудностях по организации нового типа хозяйствования после крестьянской реформы – и только. Возможно, поэтому первый цикл очерков Фета не обратил на себя внимания критики и читателей и прошел почти незамеченным.

505

Стр. 121. Авторитет умер, да здравствует авторитет! – Аллюзия на франц. выражение: «Король умер, да здравствует король!» («Le roi est mort, vive le roi!») – с ним обращались к народу, извещая о смерти короля и вступлении на

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana престол его преемника.

Года за три еще до манифеста... – Имеется в виду Манифест 1861 об освобождении крепостных.

Стр. 122. ...сестры моей Б<орисовой>. – Младшая сестра Фета Надежда Афанасьевна Шеншина (1832–1870) в янв. 1858 вышла замуж за Ивана Петровича Борисова (1824–1871), который воспитывался в имении Шеншиных Новоселки Мценского у. Орл. губ. и рано стал одним из ближайших приятелей поэта (после трагической гибели отца, убитого собственными крепостными, отец Фета А. Н. Шеншин стал опекуном Борисова). После смерти отца Н. А. Шеншина получила Новоселки, и Борисовы поселились в родовой усадьбе, в которую периодически приезжал и Фет с женой. Сестра Фета была больна наследственной психической болезнью, которая к началу 1860-х приняла хроническую форму; Борисову пришлось поместить ее в больницу: сначала в Москве, а с 1864 – в Петербурге, где она и скончалась. Позднее в воспоминаниях Фет так описал свое состояние в Новоселках в 1860: «В Новоселках, за исключением отсутствия хозяйки, ничто не изменилось; но это отсутствие тяготело на всех гораздо более, чем если бы причинялось смертью. Как правы утверждавшие, что люди руководствуются волей, а не разумом. О любом больном, даже об усопшем, не стесняясь говорят близким людям и даже детям, но о душевнобольном упорно молчат. Это – то невольное молчание так тяготит всех близких. По крайней мере, я лично все более проникался сознанием шаткости нашего пребывания в Новоселках, и мысль – отыскать несомненное местопребывание, возникшая во мне с первой болезнью сестры, – стала настоятельно требовать неотложного осуществления» (МВ. Ч. 1. С. 326).

Вкруг тебя с ревом пасутся коровы... – Цитата из оды Горация «К Помпею Гросфу» (II, 16), переведенной Фетом в 1856.

Представился случай купить имение под Серпуховом. – Ср. в МВ: «Под влиянием городской и материальной тесноты всякий мало-мальски чистенький уголок казался мне раем; и в продолжение последних трех месяцев, присмотрев небольшое серпуховское имение, я платил жалованье будущему в нем приказчику. Конечно, надо благодарить судьбу, что покупка эта, подобно многим другим, не состоялась...» (МВ. Ч. 1. С. 326). Как видно из письма И. П. Борисова к Тургеневу от 8 окт. 1860, владельцем серпуховского имения был помещик В. К. Ржевский: «Фет чумел и нас всех доводил до отчаяния отчаянными покушениями купить землю во что бы то ни стало, какую ни попало, где бы ни было. Николай Николаевич, Ваш дядя (Н. Н. Тургенев (1795–1881), дядя писателя, управлявший его имениями. – В. К.), принимал живейшее участие и написал целый трактат, чтобы не покупать у Ржевского. Марья Петровна (урожд. Боткина (1828–1894), жена Фета. – В. К.) пролила слезы ручья»

506
ми. Я, истощив все убеждения, дошел до озлобления и начинал отчаиваться, что человек вот-вот изгадит себе всю свою независимую и обеспеченную жизнь, но случай помог, и слава Богу, что попало это имение, хотя далеко от нас, но с ним он справится и над ним отдохнет от мучительной праздной жизни» (Тургеневский сб. Вып. 3. С. 338).

Десятина – русская поземельная мера площади; в 1753 была установлена «казенная десятина»: 80 x 30 или 60 x 40 сажень = 2 400 кв. сажень, или 1, 09 га.

Копна – мера сжатого хлеба, состоявшая из 4 крестцов по 13 снопов в каждом. Четверть – мера сыпучих тел, равная 8 мерам (четверикам) или 8 пудам ржи (пуд = 16,38 кг).

Стр. 123. Вспомнив, что Т<ургенев>, зная мою опытность в сельском хозяйстве... – Тургенев был противником «земледельческих» увлечений Фета и всячески отговаривал его от «фермерских» занятий. О Н. Н. Тургеневе см. выше.

...у родственника моего Ш<еншина>... – Александр Никитич Шеншин (1814–1872) – владелец имения Ивановское (в 7 верстах от Степановки), орловский помещик, женатый на сестре Фета Любови Афанасьевне (1824–1879). Ср. в позднейших воспоминаниях: «Во времена моего студенчества берега реки Неручи, отделяющей на юго-востоке Мценский уезд от Малоархангельского, слыли обетованной страной для ружейных охотников. Мало-помалу безалаберная охота и осушение болот оставили Неручи только славное имя, произносимое ныне без всякого волнения. В конце июля 1860 года я по старой памяти отправился из Новоселок на Неручь на охоту, избрав главным центром сельцо Ивановское, имение моего зятя А. Н. Ш<ен- шин>а, женатого на родной сестре моей Любеньке. Они видимо обрадовались моему приезду и старались по возможности устроить меня поудобнее. Несмотря на очевидную практичность и опытность в хозяйстве, Александр Никитич видимо не мог выпутаться из петель долгов, которые успел надеть на свою и женину шею в первое время их женитьбы, при устройстве полной усадьбы на земле, которой не было. <...> Надо отдать справедливость Ш<еншин>м, что при постоянном денежном стеснении они оба умели вести дом образцово. Можно сказать, что все у них блистало чистотой,

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana начиная со столового и постельного белья и кончая последнею тарелкой; и обычные четыре блюда за обедом в два часа и за ужином в восемь часов приготовлены были мастерски» (МВ. ч. 1. С. 340–341). фет был дружен также и с его братом, Николаем Никитичем (1816–1879), жившим в имении Волково, в 12 верстах от Новоселок. Стр. 124. Мебель какая-нибудь на время есть, а там из Москвы подвезут... – И. П. Борисов в письме к Тургеневу от 8 окт. 1860 так описал первые шаги хозяйственной деятельности фета в Степа- новке: «Тут все кувыркается – и стройка, и охота на вальдшнепов, и копанье прудов, и балы, на которые он врывается и отплясывает с прежнею уланскою удалью, и вольнонаемные работники – народ хитростный, забирающий вперед денюжки, и – ах! – нету мебели. 507

Но рояль из Сердобинки (так, по фамилии домовладелицы Сердобин- ской, именовалась московская квартира, где феты жили до 1860 – В. К.) перевезена уже в Степановку, и Марья Петровна теперь, верно, разыгрывает сонаты Бетховена – и домик их принимает уютный, жилой вид среди этой степи, которую мы проезжали вместе по пути в Понеры» (Тургеневский сб. Вып. 3. С. 338–339).

Стр. 125. Когда мы сошлись в цене с продавцом, человеком, далеким от науки, но не от практики... – Речь идет о сыне хозяйки имения, бывшей вольноотпущенной М. В. Афанасьевой. Орл. губ. вед. сообщали о совершении 11 авг. 1860 купчей крепости «на проданную мценскую мещанкою Мариною Васильевою Афанасьевою гвардии штабс-ротмистру Афанасию Афанасьеву фет за 10 000 руб. ненаселенную 206 десят<ин> землю, состоящую Мценского уезда при селе Фроловке, в отхожей пустоши Степановской» (1861. ч. офиц. №3. 21 янв. С. 33, 37). См.: Кузьмина И. А. «Езда по клину и сосед А. Свинцов»: попытка реального комментария // Афанасий фет и русская литература: XX фетовские чтения / Под ред. Н. З. Коковиной, М. В. Строганова. Курск, 2006. С. 96–97. Ранее Степановская пустошь при селе Фроловском принадлежала Константину Семеновичу Оловеникову (Там же. С. 97). «К началу XIX в. они (Оловенико- вы. – Ред.) расселились по всей Орловской губернии, в Мценском же уезде проживали представители, по крайней мере, двух линий этой фамилии». Впоследствии фет именовал Оловениковых Свинцовыми. (Там же. С. 98,104).

...разделить пашню на четыре поля, указав на убыточность трехпольной системы при вольнонаемном труде. – Патриархальное трехпольное хозяйство предполагало деление возделываемой земли на три части: одно поле под озимым посевом, другое под яровым, третье – под паром. При введении севооборота пахотно пригодные земли разбиваются на определенное число (обычно от 4 до 11– 12) равновеликих полей, посадка различных сельскохозяйственных культур на которых чередуется в зависимости от качества земель и нужд хозяйства. При четырехполье обычно вводилось еще и травосеяние: перед пшеницей поле засеивается клевером, удобряющим почву.

Фунт равен 409,5 г.

Штоф равен 1,23 л.

Стр. 126. Экономика – зд. в значении «хозяйство».

Стр. 127. Ну ты. Андрон, живешь до заговин... – Имеется в виду т. н. «зимнее заговенье», т. е. начало Филипповского (Рождественского) поста, который начинался в день Филиппа Апостола (15 нояб. ст. ст.) и заканчивался накануне Рождества (24 дек.).

Стр. 129. Воз – мера объема некоторых сельскохозяйственных продуктов: сена, навоза, хвороста и т. п. Воз сена равнялся 0,125 куб. сажени, воз навоза – 0,1 куб. сажени.

Стр. 130–явился подрядчик-копач, бессрочный солдат Михай- ло... – «Бессрочными» (точнее: «бессрочно-отпускными») называли

508

военнослужащих, числящихся в отпуску от службы, но без определенного срока, а впредь до призыва.

Копачи – Через 15 лет после фета А. Н. Энгельгардт в очерках «Из деревни» (1878) с восторгом писал об этой крестьянской специальности (в Смоленской губернии их называли «граборами»): «Специальность граборов – земляные работы: рытье канав, прудов, погребов, отсыпка плотин, плантовка лугов, выкапывание торфяной земли, штыкование садов и огородов, отделка парков, словом – все работы с заступом и тачкой. Но, если требуется, граборские артели исполняют и всякие другие хозяйственные работы: корчуют пни, деревья, кусты, косят, пашут, молотят, словом – делают все, что потребуется в хозяйстве. Все хозяйственные работы граборы исполняют хорошо, потому что они сами хозяева и занимаются дома земледелием, а граборское дело служит им только подспорьем.

Исконные, старинные граборы, из поколения занимающиеся граборским делом, достигли в земляном деле высочайшей степени совершенства. Нужно видеть, как режет грабор землю, вырывая, например, прудок, – сколько земли накладывает

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana он на тачку, как везет тачку! Нужно видеть, как он обделяет дерном откосок! До какого совершенства, до какого изящества доведена работа! Грабор работает по видимому медленно: он тщательно осматривает место работы, как бы лучше подладиться, тщательно выбирает такой дерн, какой ему нужен, режет землю тихо, аккуратно, так, чтобы ни одной крошки не осталось, ни одной крошки не свалилось с заступа, – он знает, что все это будет потеря работы, что все эти крошки придется опять поднять на ту же высоту, с которой они свалились. Нельзя не залюбоваться на граборскую работу, тем более что вы не видите, чтобы грабор делал особенные усилия, мучился на работе, особенно напрягал мускулы. Ничего этого нет. Он работает как будто шутя, как будто это очень легко: дерн, глыбы земли в пуд весом грабор отрезывает и выкидывает на тачку, точно режет ломтики сыру. Так это все легко делается, что кажется, и сам так бы сделал. Только тогда и поймешь, как трудна эта граборская работа, сколько она требует науки, когда со старым опытным грабором увидишь молодого, начинающего, недавно поступившего в артель. Старый уже выкидал свою дольку земли и сел трубочку покурить – залогу делает, а молодой еще возится на своей долке, и глыбы земли у него не такие, и земля крошится, и подчистки много, и тачку опрокинул, не довезя до конца доски, подчищать нужно. Старые позаложили, отдохнули, пора за новые дольки браться, а ему и отдохнуть некогда, потому что нужно выгнать столько же, сколько и другие товарищи артели. Положим, в артели каждый получает за то количество кубов земли, какое он вывез, но ведь сообща, совестно отставать от артели. И вот, нервно пососав трубочку, отдохнув всего какую-нибудь минуту, молодой грабор берется опять за заступ и спешит на свою дольку. Искусство граборов в земляном деле еще более ярко выделяется, если посмотреть на эту же работу, когда ее делают обыкновенные крестьяне, не граборы.

509

Мне достаточно посмотреть на место, с которого брали землю, чтобы безошибочно определить, кто работал: граборы или крестьяне. Где брали землю неграборы, тотчас видно, что люди делали огромную массу непроизводительной работы, бесполезно растрачивали силу. Крестьяне, впрочем, за настоящие граборские работы никогда почти и не берутся, и если в деревне нужно вырыть канаву или пруд, то нанимают граборов.

Инструменты грабора, заступ и тачка, – топор они употребляют очень редко и даже при корчевке кустов обыкновенно отсекают коренья заступом – доведены ими до высокой степени совершенства. Применяет грабор эти инструменты опять-таки наисовершеннейшим образом, да оно и понятно, что человек, который совершенно точно знает, сколько на каком харче можно сработать, который считает, что на дешевой работе не стоит хорошо есть, такой человек не сделает лишнего взмаха заступом, не выкинет лишнего фунта земли и для выполнения каждой работы употребит минимум пудов фунтов работы» {Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 1987. с. 165–167}.

Стр. 131. Левиафан – нечто огромное (от библ. хищного животного).

Стр. 132. Клеща – клещи, клешни – две деревянные половинки, составляющие основу хомута.

Стр. 133. Вот тебе записка к инспектору врачебной управы... – Речь идет о бароне Петре Астафьевиче фон Май деле, приятеле и соученике Фета по Верро. Доктор Майдель лечил отца и сестру Фета Н. А. Борисову (см.: МВ. Ч. I. С. 185–186). Мушка – то же, что «шпанская (испанская) мушка», «шпанский пластырь». Шпанская мушка (*Lytta vesicatoria*) – род насекомых из отряда жуков, распространен в средней и юж. Европе, из сушеных ш. м., привозимых преимущественно из Испании, приготавливали порошок и наносили на пластырь, обладающий противонарывным свойством.

Стр. 135. А когда юхновец соглашался... – Юхнов – уездный город в Смоленской губ., жители которого издавна были известны как мастера отхожих промыслов, в частности земляных работ.

Рядчик – второстепенный подрядчик, берущий на себя только поставку работников. Аршин равен 0,7 м, а сажень – 2,1 м.

Стр. 136. ..Ларп, крестьянин барона Т<аубе>... – Очевидно, речь идет о штабс-ротмистре бароне Егоре Борисовиче фон Таубе, проживавшем в сельце Неручь (Лукино, Бароново) на р. Неручь, ниже по течению от Фроловского, вотчины Оловениковых. Имение принадлежало жене Т. Александре Матвеевне, как и часть дер. Крутой (др. частью владели Оловениковы, непосредственные соседи Фета (см. Орл. губ. вед. 1856.18 февр. № 7. С. 90; 1860. 5 нояб. № 45. С. 757).

Как пролабировал я между этими Сциллой и Харибдой... – Персонажи «Одиссеи» Гомера, миф. морские чудовища, жившие в

510

одном из проливов; имели по двенадцать ног и шесть голов с чудовищными пастями, которыми хватили и пожирали все живое. Одиссей сумел проплыть между Сциллой и

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana

Харибдой, потеряв шесть схваченных чудовищами спутников. Сцилла и Харибда стали нарицательным обозначением двух зол, неотвратимых и одинаково страшных.

Стр. 137. Амфион – в др.-греч. миф. сын Зевса и Антиопы, музыкант; под звуки волшебной кифары, подаренной Амфиону богом Гермесом, камни сами укладывались в возводимые им стены Фив.

...и вы против эманципации? – В. И. Даль определяет «эманци- пацию» как «освобождение от зависимости, подчиненности; полная воля, свобода» (Даль. Т. 4. С. 664); в 1850–1860-е так называли освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Стр. 138. Свободный человек, несмотря ни на Венеру Милосскую, ни на Аполлона Бельведерского... – Имеются в виду две знаменитые античные статуи, воспринятые в новое время как идеалы художественной красоты.

Стр. 139. Бабища кабацкая... – Цитируется присловье народных сатирических песен (см., например, «Про дурня»).

Стр. 142. Пешня– железный лом с деревянной рукоятью; используется для скалывания льда, проделывания в нем лунок и проч.

Стр. 145. ...опытный хозяин, посоветовал мне обратиться к г. Вильсону... – Имеется в виду механический завод в Москве по изготовлению сельскохозяйственных орудий, основанный в начале XIX в. англичанином Христофором Вильсоном; в 1802–1803 там начали изготавливать молотильные машины.

Стр. 146. Я застал столяров, грациозно полирующих присланную из Москвы мебель – и работа немедленно началась. – Ср. в письме И. П. Борисова к Тургеневу от 27 февр. 1861: «Все поджидал фета, но об нем ни слуху ни духу. С самого возвращения из Москвы ему удалось раз только заглянуть к нам из Степановки, и то на два дни, и исчез опять в своей степи. <...> К маю мес<яцу> он надеется управиться, и дом будет готов, и Марья Петровна будет уже хозяйничать в Степановке» (Тургеневский сб. Вып. 3. С. 349). Ср. в воспоминаниях: «Так как, с одной стороны, мы не имели права стеснять нашу мебелью московскую хозяйку, а с другой – крестьяне не могли выждать позднейшей ее отправки, то оказалось, что мебель и рояль прибыли в Степановку одновременно с паркетом, когда только что сняли соломенную крышу. А так как полы предстояло в то же время застлать паркетом, то приходилось с большинством мебели невероятно тесниться в единственном каретном сарае, размещая рояль и более дорогую мебель в двух комнатах, в которых полов менять не предстояло. Понятно, что, пробыв целый день на стройке, я ехал ночевать к зятю» (МВ. ч. 1. С. 364).

Попырка – «побегушки, толчки, частая посылка» (Даль. Т. 3. С. 309).

511

Стр. 147. Оброть – конская узда без удил и с одним поводом, для привязи. Заведовав в продолжение пяти лет в качестве полкового адъютанта конным лазаретом... – Фет исполнял должность полкового адъютанта Кирасирского Военного ордена полка с февр. 1849 до мая 1853. Только поход во время венгерской кампании... – Имеется в виду поход русских войск в 1849 для подавления революции в Венгрии.

Стр. 148. Однако воскресенье пришло, а море и не думало волноваться. – Имеется в виду «прощеное воскресенье» 5 марта 1861, в которое крестьянам в церквях был объявлен Высочайший манифест об освобождении. Ср. рассказ о том же в воспоминаниях: «Помнится, в моих “Записках из деревни” я говорил о том мировом событии, которое, имея в виду исключительно сельскую среду, совершилось в ней на моих глазах. Понятно горячее любопытство вопросов, раздававшихся по этому поводу со всех сторон. Спрашивали, очевидно, люди-мыслители, не предвидевшие ничего, подобно самим деятелям. Все чувствовали, что произойдет нечто неслыханное, противоположное всему существующему, но что из этого выйдет – предвидеть никто не мог. Полнейшую невозмутимость всей нашей сельской среды я могу себе объяснить только сравнением.

Мальчик, которому хорошо живется под родительским кровом, отправляется в далекую школу. Отец и мать и бабка обнимают его и плачут; будет ли ему лучше или хуже на чужбине – никому не известно и всех менее ему самому. Но он смутно чувствует приближение свободы, и глаза его сухи; он не хочет и не может обсуждать своего будущего положения.

Я был у зятя в день объявления с церковного амвона Высочайшего манифеста об освобождении крестьян. В тот момент слишком было рано задаваться вопросами насчет всенародного значения события. Мы сами вне всяких соображений были исполнены совершенно детского любопытства и рассчитывали по минутам, когда обедня должна быть кончена и крестьяне успеют вернуться из церкви. Во втором часу дня Алекс<андр> Никит<ич>, взглянув во двор, крикнул: “А, вот и кончилось, ключник идет к амбару”. Через две минуты ключник стоял в передней.

– Ну что, Семен, слышали манифест?

– Слышали, батюшка Лександр Микитич.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana

– Ну, что же вам читал священник?

– Да читал, чтоб еще больше супротив прежнего слухаться. Только и всего»
(Мв. ч. 1. С. 365).

Нужный для построек песок отыскался в лугу крестьян деревни С***... – Очевидно, речь идет о деревне, обозначенной в «Списке населенных мест...» под названием Никуличи (Степановский хутор), расположена при ручье Никуличе, в 57 верстах от Мценска. При том же ручье было и имение А. Н. Шеншина Ивановское (Мосолов- ка) (Списки населенных мест Российской империи, составленные и

512

издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XXIX. Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года / обработано Н. Штиглицем. СПб., 1871. С. 170).

Стр. 150. ...тощую косматую корову, едва ли не из числа виденных фараоном во сне. – См. в библейском рассказе об Иосифе: «По прошествии двух лет фараону снилось: вот он стоит у реки; и вот вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотью, и паслись в тростнике; но вот, после них вышли из реки семь коров других, худых видом и тощих плотью, и стали подле тех коров на берегу реки; и съели коровы худые видом и тощие плотью семь коров хороших видом и тучных» (Быт.: 41,1–4).

Стр. 154. Данаиды – в др-греч. миф. 50 дочерей царя Даная, в наказание за убийство своих мужей в брачную ночь вечно наполняющие в Аиде водой дырявый сосуд.

Стр. 156. Последнее слово напоминает очаровательный рассказ Тургенева... – Имеется в виду рассказ «Певцы» (1850) из «Записок охотника».

«Грустный вой песня русская». – Слегка измененная цитата из «Домика в Коломне» (1830) А. С. Пушкина (строфа XV):

фигурно иль буквально: всей семьей,

От ямщика до первого поэта,

Мы все поем уныло. Грустный вой Песнь русская. Известная примета!

Начав за здравие, за упокой Сведем как раз. Печалию согрета Гармония и наших муз и дев.

Но нравится их жалобный напев.

Отгадай, моя родная... – Ранний рус. городской романс (слова Евграфа Крузе, муз. А. Л. Гурилева, 1850), исполнявшийся то как «песня московских цыган», то как «простонародная песня» и положивший начало целой романсной традиции. Ср. текст романса:

Отгадай, моя родная,

Отчего я так грустна и сию всегда одна я у раскрытого окна?

Отчего с такой заботой каждый день чего-то жду?

Каждый день ищу чего-то,

И чего-то не найду?

Лягу ли в постель – не спится,

Мысли бродят вдалеке;

Голова моя кружится,

И сердечушко в тоске.

Отгадай, моя родная, –

513

То любовь или печаль?

Посмотри, я не больная,

А мне всё чего-то жаль!

(Песни русских поэтов: в 2 т. Т. 2. Л., 1988. С. 357).

Стр. 156–157. ...стих известной песни «и колокольчик дар Валдая», превращался: в «колокольчик гаргалгая»? – Имеется в виду стих из известной песни на стихи Ф. Н. Глинки «Тройка» («Сон русского на чужбине», 1825). То же явление подметил в начале 1870-х Ф. М. Достоевский, иронически предлагавший воспринимать сочетание «дар Валдая» в составе песни как глагольную форму (деепричастие) и, соответственно, представлял новый глагол «дарвалдаять»: «Смешнее представить себе нельзя чего-нибудь, как Валдай, дарящий колокольчики. К тому же глагол этот известен всей России, трем поколениям, ибо все знают тройку удалую, она удержалась не только между культурными, но даже проникла и в стихийные силы России. <...> Но все, во всех слоях, пели дар Валдая не как дар Валдая, а как дарвалдая, то есть в виде глагола, изображающего что-то мотающееся и звенящее; можно говорить про всех мотающихся и звенящих – он дарвалдает. Можно даже сделать существительное “дарвалдай”...» (Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч.: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 264).

Стр. 158. Кичка – сложный головной убор замужней женщины с выступами (рогами) впереди.

...подобно обозникам г. Успенского... – Имеются в виду персонажи рассказа Н. В.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Успенского «Обоз» (Соер. 1860. № 3), тупые и забытые крестьяне, которые никак не
могут сосчитать деньги, находящиеся в собственных кошельках.
...увязнувшей колымаге, о которой была как-то речь в газете «День»... – Далее
пересказывается притча, изложенная в передовой статье И. С. Аксакова в
издаваемой и редактируемой им газете «День» 15 окт. 1861. См. вступ. статью.
Стр. 159. Хорь – персонаж первого очерка «Записок охотника» Тургенева «Хорь и
Калиныч» (1846), действительно существовавшее лицо из деревни Хорёвка
Жиздринского уезда Калужской губернии. После Тургенева и Фета о нем писал
журналист И. А. Баталин в заметке «50-летие “Хоря и Калиныча”» (Утро. 1897.18
янв.).

Стр. 162. Я сам-друг с тобою... – Цитата из ст-ния А. В. Кольцова «Песня пахаря»
(1831):

Весело на пашне;
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Стр. 163. Там была красненькая, синенькая да рубль серебром. – Красненькой
называли в просторечии десятирублевый кредитный билет, синенькой – пятирублевый.

Стр. 164. Я объяснил становому дело... – Становой пристав – Гавриил Тихонович
Бережецкий (см. письмо И. П. Борисова к Фету

514

от 22 дек. 1862: «Бережецкого же зови, он удержался» // РО ИРЛИ. № 20272. л. 51
об.). См.: Орл. губ. вед. 1863. 10 авг. № 32. С. 794.

...случившийся в нашей стороне исправник... – Имеется в виду Павел Николаевич
Цуриков (1816– после 1877), с 1851 по 1862 земский исправник Мценского у. Фет был
знаком с Цуриковым с детства, ему посвящено шутовское послание «Амур – начальник
Гименея...» <1860–1862>, автограф которого находится в письме Фета к Ц. от 11
сент. <1860>. См. статью И. А. Кузьминой «П. Н. Цуриков – адресат стихотворного
послания А. А. Фета» (в печати).

Стр. 169. Прошлогодний яровой клин мой – одною стороною прилегает к землям
деревни П<лоты>, а другою к значительной даче О<ловеникова>. – См. Кузьмина И.
А. «Езда по клину и сосед А. Свинцов»: попытка реального комментария. С. 103.

Стр. 175. Праздник Михаила Архангела, или Михайлов день (8 нояб. ст. ст.; «Собор
Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных») широко праздновался на
Руси и знаменовал окончание осенних полевых работ и наступление зимы.

Стр. 176. Престол – зд.: престольный праздник, т. е. праздник в честь того
святого (или события), которому посвящена церковь.

Стр. 178. Пауперизм (от лат. pauper – бедный) – массовая бедность, обнищание
людей. На упомянутые темы писали многие публицисты начала 1860-х. См., напр.:
Ржевский В. К. О мерах, содействующих развитию пролетариата // РВ. 1860. №1, 5;
Курба-новский М. Н. Нищенство и благотворительность // Соер. 1860. № 9;
Шелгунов Н. В. Рабочий пролетариат в Англии и во Франции // Соер. 1861. № 9–11;
Щеглов Д. Ф. Семейство в рабочем классе во Франции // Время. 1861. № 9, 11; и
др.

Стр. 179. ...Es gab kein Buch in ganz Athen... – Фет по памяти цитирует строки
из ст-ния нем. поэта Георга Гервега (1817–1875) «Песнь язычников» («Heidenlied»;
1844), впервые опубликовано в сб.: <Herweg G.> Gedichte eines Lebendigen. Bd. 2.
S. 69. Полностью строфа, часть которой приводит Фет, звучит след, обр.: «Und von
Achill und Hektor, / wie's im Homerus steht, / Bis zu dem letzten Rektor / Der
Universitat, / Da gab's kein Buch in ganz Athen – / O schreckliche \ferworfen-
heit! / Man wurde vom Spazierengeh'n / Und von der Luft gescheidt» (в пер. Б.
Пастернака: «И ни Ахилл, ни Гектор, / Которых пел Гомер, / Ни высшей школы
ректор, / Ни люди высших сфер, / Во всех Афинах (о, разврат!) / В руках не
держивали книг! / Гуляючи, умнел их брат, / Их просвещал пикник» (Гервег Г.
Стихи живоного человека. М., 1925. С. 54). Фет привел эту цитату в статье «Два
письма о значении древних языков в нашем воспитании» (см. т. 2 наст. изд., с.
296).

...новейшая история в один день Севастополя и Сольферино... – Фет указывает
«горячие точки» новейшей истории Европы: Севастополь – центр событий Крымской
кампании 1853–1855; Сольферино – деревня в ит. провинции Мантуя, возле которой
24 июня 1859. франц. войска одержали победу над австрийцами, что привело к
унизительному для Италии миру в Виллафранке.

515

Из деревни <1863>

Впервые: РВ. 1863. Т. 43. № 1. С. 438–470; Т. 44. № 3. С. 299– 350. Подпись: «А.
Фет».

Вторая подборка «деревенских» очерков Фета, являвшаяся продолжением «Записок о
вольнораемном труде», получила, однако, новое заглавие: «Из деревни». Фет

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana сохранил его и в дальнейшем: вероятно, оно более соответствовало его замыслу. Эта серия очерков писалась Фетом, что называется, «на подъеме»: в 1862 стал очевидным успех его хозяйственной деятельности. По письмам И. П. Борисова к Тургеневу видно, что в это время настроение у Фета – самое боевое. 14 марта 1862 Борисов живописал собственную поездку в Степановку: «Но зато в Степановке, при виде всей внутренности их домика – хлопчущей Марьи Петровны и самого Громовержца, озабоченного новыми сооружениями, у меня взыграло сердце. <...> С умилением слушал, что все у них с приезда шло отлично, благоденствие и мирная тишина. Вдруг кучер новый, привезенный из Москвы, подрался с кем-то, и сумбур начался, и пошла катавасия. Тут-то я и прибыл – пособить нечем. Рассказал им про свои мелочные несчастья и этим много успокоил страждущего, и он повеселел, и долго мы просидели ночью и чего-чего не перетолковали» (Тургеневский сб. Вып. 3. С. 360). В «осеннем» письме того же года (26 окт. 1862) передается впечатление от разговора с Фетом: «У нас будет не жизнь, а блаженство, со временем только, т. е. лет через 50, но не прежде, в этом всякий день, всякий час убеждаюсь, и то слава Богу, если будет так скоро. Дикая мы люди. Фету только простительно было устроить ферму. Он дитя, т. е. поэт, а потому и слышите вы постоянный его плач и крик <...>» (Там же. С. 364). Кажется, в этом рассуждении отразились размышления Фета над новой серией «деревенских» очерков. В письме от 11 янв. 1863 Борисов сообщает: «А Фет третьего дни прислал такое письмо, с такими ожесточениями, с такую фетовщи- ную, что мгновенно меня окислил. Надо ему убираться из Москвы и поскорей, а не то пропадет <...>» (Там же. Вып. 4. С. 369). Через месяц (в письме от 19 февр.) сообщается о новых очерках: «Третьего дни я был у него в Степановке и, слава Богу, нашел его почти молодцом, и ноги стали с подходцем, и голос ожил, и нос зарумянился <...>. Прочел он мне несколько глав своих записок – мало сказать, что они интересны – в них фетовщина прелестная. Особенно хороша глава о литераторах. Вы так и видите, к кому он подбирается и какому воробью готовит камень, ну, вероятно, и они поклюют его поля <...>» (Там же. С. 372). В РВ статьи не замедлили появлением: в письме от 14 марта 1863 Фет сообщал Л. Н. Толстому: «Еще пальцы не развело от переписки второй части статьи в “Русский вестник”, которую сию минуту кончил и посылаю отвозить на почту с поездом» (Толстой. Переписка. Т. 1. С. 359). Между тем эта, вторая часть статьи была напечатана уже в мартовской книжке журнала.

516

Появление второй серии очерков пришлось на пик литературно-журнальной полемики начала 1860-х – эпохи, по выражению А. Григорьева, «знамен, доктрин и теорий». Фет видению мира через какую-либо теорию противопоставляет житейскую практику; доктринам, не желающим ничего знать, кроме самих себя, – подробный и детальный рассказ о разнообразных явлениях повседневности. Вторая подборка «деревенских» заметок оказалась наиболее публицистической, в ней содержались оценки многих литературножурнальных явлений. При этом наиболее резкую и негативную реакцию вызвали у Фета публикации «Современника» и приложения к нему – «Свистка». Продолжая тему, заявленную еще в «Записках о вольнонаемном труде», – жизнеустроение в новых условиях, Фет не принимает никаких догматических рамок при подходе к ней. В сознании современников Фет не являлся апологетом вольнонаемного труда. На самом деле отношение его к вольнонаемному труду сложнее. Принцип вольнонаемного труда хорош как идеал, но в житейской практике он может нести и губительное начало – об этом писатель прямо предупреждает. С цифрами в руках Фет показывает, что крестьянский труд очень дешев, а в сложившейся ситуации он и не может быть другим. Здесь – наибольшая опасность для землевладельца, она несет угрозу полного разорения: как только будет предложена более высокая оплата труда в ином месте – например, на железной дороге, – земля сразу же останется без работников, что и приведет сельское хозяйство в упадок. Собственно, надежды Фета в отношении земледелия связаны с регулированием экономических отношений, хотя и с идеей свободы вольнонаемного труда ему расстаться трудно. Такую же неоднородную позицию занимает он и по поводу общины. С одной стороны, общинное землевладение он называет «безобразным», с другой – признает за общиной регулирующую силу в обществе: «Община понятна и разумна как общество, но как владение она не более как книжничество, если не фарисейство». Это суждение Фет не развивает, хотя оно довольно противоречиво: ведь община была и весьма действенным инструментом именно в имущественных вопросах.

Стр. 184. Десная – правая рука.

Стр. 185. Ему не нравится известный вывод науки, он с размаху прибавляет к ней эпитет скарредная... – В восьмом номере «Свистка» (который вошел в состав № 1 Соер, за 1862) была помещена статья Г. З. Елисеева «862–1862, или Тысячелетие России», где сожаления по поводу оторванности науки от жизни занимают немало места; например, о философии говорится, что «она не мешалась ни в нашу жизнь, ни в обычаи, ни в управление, ни в науку, была всегда, так сказать, сама по себе, а

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana мы сами по себе» (Свисток: Собр. лит., журн. и др. заметок. Сатирич. прил. к журн. «Современник». 1859–1863. М., 1982. С. 243). Так же иронично автором статьи были оценены российская история, археология, экономика... После этой 517

статьи в «Свистке» было помещено юмористическое стихотворение Г. З. Елисеева «Requiem», содержащее сходную интерпретацию темы науки, причем о человеке науки в финале говорится так:

И ты, о читатель, о нем не жалея!

Ведь он не погибнет, страдая за брата; карьеры не сгубит своей.

И если б вся Русь, проклиная,

Стонала от скверных знаний его,

Москва приголубит сынка своего

(Свисток. С. 255. Курсив наш. – В. К.).

Стр. 186. ...а на деле это выходит мочальный хвост, который, для назидания, прицепляют к произведению. – Протест Фета против «мочальных хвостов» – это протест против тенденциозности «Свистка» и Соер. Неоднократное указание на канкан (неприличный танец) как символ наиболее распространенного подхода в современном искусстве имеет в виду опять-таки публикацию «Свистка» под названием: «Наука и свистопляска, или Как аукнется, так и откликнется» (Свисток. С. 82–91). Фетовское сравнение использовал Салтыков-Щедрин в статье «Петербургские театры. “Наяда и рыбак”», подготовленной для Соер. (№ 11–12 за 1864), но не пропущенной цензурой (напечатана в мартовском номере «Отечественных записок» за 1868 г.). Если Фет указал на тенденциозный реализм, присущий всем современным видам искусства, кроме «хореографии», которую сузил до канкана, то Щедрин пошел по тому же пути, только реализм подал со знаком плюс: «Нет сомнения, что самую характеристическую черту современного искусства составляет стремление его к реализму. Искусство начинает сознавать, что, отрешенное от жизни, гадливо взирающее на ее подробности (как на что-то деловое, прозаическое и, следовательно, не входящее в область поэзии), оно не может обстоятельно выполнить даже ту задачу, выполнение которой издревле считалось первейшей и священной его обязанностью: не может возбуждать благородных чувств». Но остался вид искусства, который не претерпел таких изменений: «Один балет благополучно избежал этого общего переворота, и не только у нас в России избежал, но и вообще в целом образованном мире. Можно сказать утвердительно, что европейский балет находится в состоянии еще более младенческом, нежели, например, поэзия гг. Майкова, Фета и проч.» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 5. М., 1966. С. 199, 201).

Шервуд Владимир Осипович (1833–1897) – живописец, скульптор, архитектор, с 1869 – академик. Фет описывает расхожий сюжет «обличительной» живописи, пользовавшейся поддержкой авторов Соер., – таким образом, Фет выступает и против их взглядов. Например, П. М. Ковалевский, приветствуя реальное направление в живописи, писал по поводу выставки в Академии художеств (открытой 10 сент. 1861) следующее: «...художники наши начинают наконец выхо

518

дить из пошлой рутины, вступают на реальный путь и проникаются чувствами современности» (Соер. 1861. №9. Отд. II. С. 81–82). Рецензент с удовольствием отмечал появление новых объектов изображения: «На том полотне, на котором красовались некогда сильные неба и высшие мира <...> теперь являются

какие-нибудь чиновники; офицеры, их жены, свахи и различная челядь, мужики и мужички, пляшущие у кабака, арестанты на дороге в Сибирь» (Там же. С. 81). Теньер Давид Старший (1583–1649) и его сын, Теньер Давид Младший (1610–1690) – голландские художники, создатели ландшафтов, сельских жанровых картин. Остаде Андриан ван (1610–1685) – знаменитый голландский живописец и гравер, автор жанровых сцен из крестьянского быта. Вуверман Филипп (1619–1668) – голландский живописец, создатель военных сцен, сцен охоты, кавалькад.

Стр. 187. Пищак, пищик – свисток для приманивания птиц. Шифервейс – белила лучшего сорта.

Очень просто: долой авторитеты! – Фет использует формулу, которую «Свисток»

приписал Достоевскому в стихотворении «Мысли журналиста при чтении программы, обещающей

не щадить литературных авторитетов»: «Что ты задумал, несчастный? Что ты дерзнул обещать?..

Помысел самый опасный –

Авторитеты карать!

(Свисток. С. 222).

Между тем в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год» Достоевский писал так: «Мы решились основать журнал, вполне независимый от литературных авторитетов, – несмотря на наше уважение к ним – с полным и самым смелым

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
обличением всех литературных странностей нашего времени» (Достоевский Ф.М. Поли.
собр. соч.: в 30 т. Т. 18. Л., 1978. С. 39).

Стр. 188. Свалилась ветхой чешуей... – Неточная цитата из ст-ния Пушкина
«Возрождение» (1819):

...Спадает ветхой чешуей;

Созданье гения пред нами Выходит с прежней красотой.

Стр. 189. В пятидесятых годах, в должности полкового адъютанта, я был на
высочайшем смотре. – Фет был утвержден в должности полкового адъютанта 16 окт.
1849. Полк участвовал в царских смотрах 16–18 сент. 1851 и 20–23 сент. 1852.

Стр. 191. ...тотчас поехал к мировому посреднику... – До нач. 1868 мировым
посредником 3-го участка Мценского у. был отставной штабс-капитан Александр
Николаевич Меншиков (Меншиков), затем зять фета А. Н. Шеншин, а с нач. 1872 – М.
М. Хрущев.

519

Стр. 192. Когда Колумб поставил свое яйцо... – Имеется в виду известный анекдот
о Христофоре Колумбе: «Однажды, когда он приглашен был к столу Фердинанда и
Изабеллы, один из присутствующих, завидуя чести, оказываемой чесальщику шерсти,
лукаво спросил его, как он думает: открыл ли бы кто другой Новый Свет, если бы
он не родился? Коломб не отвечал прямо на этот вопрос, опасаясь сказать о себе
слишком много или слишком мало. Но, взяв яйцо, обратился к присутствующим с
вопросом, не может ли кто поставить его на стол. Никто не мог этого сделать.
Тогда Коломб, разбив носок, поставил яйцо на стол, сказав своим противникам, что
выдумка не велика, однако никому прежде его в голову не приходила. Аллегория
была понята и впоследствии сделалась ответом каждого избранника, открывающего
полезную истину» (Ламартин А. Коломб, или Открытие Нового Света. СПб., 1854).

Стр. 193. Кохинхинка – домашняя курица крупной породы, с густым оперением, по
названию франц. колонии Кохинхина (на юго-вост. берегу Индокитая). Брамапутра –
порода кур (от названия реки в Индии).

Стр. 196. Кресты – хутор на пересечении старой Курско-Мцен- ской дороги (которая
шла мимо Орла) и дороги, соединявшей Орел с Ливнами. Место постоянных дворов.

Стр. 197. Вешний Никола – день, посвященный Николаю Мир- ликийскому,
праздновался весной – 9 мая; он считался временем начала полевых и огородных
работ.

Стр. 199. Елёса (елоса, елоза)– в ряде диалектов: проныра, пройдоха, искательный
лжец.

...dproposdebottes... – В письме к Фету от 10 (22)окт. 1865, говоря В. П.
Боткине, Тургенев использовал каламбур следующим образом: «a propos de
bottes...kine, я получил от этого франта письмо из Парижа, в котором он меня
уведомляет, что едет в ноябре в Петербург <...>»

(Тургенев. Письма. Т. 6. С. 28).

Стр. 201. Арника – лекарственное растение; примочки из настойки арники
применялись для лечения ушибов.

Стр. 204. Небольсин Павел Иванович (1817–1893)– публицист. Цитируется его статья
из цикла «Подмосковные письма».

Милютины лавки – гастрономические магазины в Москве и Петербурге, названы по
имени владельцев, графов Милютиных, из которых А. Я. Милютину, основавшему в Пб.
шелковую, позументную и парчовую фабрику и построившему в 1735 торговые здания
на Невском пр., было пожаловано дворянство. К этому роду принадлежали изв.
деятели реформы бр. Д. А. и Н. А. Милютины.

Стр. 205. Партер – зд.: цветник.

Стр. 206. Подстава – место впереди на пути, где стоят сменные лошади.

Стр. 209. ...как известная молочница с горшком на голове... – Имеется в виду
басня Ж. де Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком»: молочница Перетта с
кувшином молока на голове спешила на

520

рынок и мечтала, как продаст молоко, купит на эти деньги сто яиц, выведет из них
курочек, потом продаст и купит свинью, откормит ее, купит на эти деньги корову с
теленком и т. д. Тут кувшин упал и разбился, а с ним исчезли и все будущие
богатства молочницы.

Стр. 212. Тимофей – или Тимофеева трава, тимофеевка: кормовой злак, луговой
ржанец, засеивается для искусственных сенокосов.

К. Я. Мейер – владелец магазина семян в Москве на Лубянке. В письме от 23 февр.
1860 л. Н. Толстой просил фета спросить в этом магазине, «почем семена клевера и
луговой травы» (Толстой. Переписка. Т. 1. С. 340).

Стр. 213. Залежь – поле, покинутое из-за истощения почвы; его вновь распахивают
через 8–10 лет.

Стр. 214. Юрьев день – 26 нояб. по ст. ст. Крепостные до нач. XVII в. могли в
этот день переходить от одного владельца к другому. Борис Годунов эти переходы

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana ограничил, Василий Шуйский в 1607 их запретил. С этого времени пошла поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

Стр. 215. Россию не раз упрекали в до-геродотовской методе строиться из бревен на живую нитку. – Имеется в виду старинный способ строительства деревянных домов без гвоздей, вследствие чего постройки можно было переносить с одного места на другое. Геродот (ок. 484 – 425 до н. э.) – др.-греч. историк, которого называли «отцом истории»; зд. «до-геродотовские времена» упоминаются в значении доисторические, древние.

В прошлогодних «Московских ведомостях» выставляли на вид факт конкуренции волов с железной дорогой. – О возможности конкуренции гужевого транспорта с железнодорожным писал А. Мансуров (Коломенская железная дорога // Моек. вед. 1862. № 169). В ответ появилось несколько анонимных публикаций: Несчастные случаи на железных дорогах // Моек. вед. 1862. № 225; Еще о народных железных дорогах // Моек. вед. 1862. № 231.

Стр. 216. Фактор – комиссионер, исполнитель частных поручений.

Два брата Шмаровы, один в Москве, другой во Мценске... – 14 окт. 1860 и. п. Борисов писал Фету: «Что ты спрашиваешь о рыбьем жире. Я тебе уже писал, что на другой же день по получении письма он был уже отправлен <...> чрез Шмарова во Мценск» (РО ИРЛИ. № 20272. л. 18 об.).

...со вторника масленицы до чистого понедельника... – т. е. с 5 до 11 февр. В среду, 13 февр. 1863 посланные за экипажами вернулись ни с чем, а 22 (или 23) февр. Борисов писал Фету: «Экипажи твои Шмаров получил и отправил, высылай за ними, а то будет плохо» (Там же. л. 63 об.). Мценского Шмарова звали Иваном Степановичем (Список городским избирателям (г. Мценска) // Орл. губ. вед. 1865. Прибавл. к № 26 от 26 июня). О доставке экипажей см. далее, с. 255.

521

Иной метафизик в яме... – Имеется в виду герой басни И. И. Хемницера «Метафизик» (напеч. 1779), который свалился в яму и не желает воспользоваться спущенной ему отцом веревкой до тех пор, пока не получит ответа на «метафизические» вопросы («Веревка вещь какая?», «А время что?»). Он стал распространенным обозначением поверхностного мыслителя, отрешенного от действительной жизни. Ср. в письме Фета к Л. Н. Толстому от 3 дек. 1861 из Степановки: «Когда-то я мудрствовал, а теперь и я бьюсь с возами, молотками и, главное, с людьми. Это очень неаристократично, да ведь делать-то нечего, надо биться, не то попадешь в метафизику Хемницера» (Толстой. Переписка. т. 1. с. 352–353). В данном случае, упоминая «метафизика в яме», Фет намекает на этот же образ, активно используемый Д. И. Писаревым в статье «Схоластика XIX века» (1861).

С этой точки зрения, Диоген богаче Александра... – Диоген (ок. 412 – 323 до н. э.) – др.-греч. философ-киник, проповедовавший нетребовательность и презрение к культуре (жил в бочке). Александр Македонский (356–323 до н. э.) – царь, полководец.

Стр. 217. Демидов Анатолий Николаевич (1812–1870) – богатейший представитель фамилии тульских оружейников, князь Сан-Дonato, большую часть жизни прожил в Европе.

...город может и должен быть классною, кладовою колониальных и панских товаров, базарною площадью, архивом, сторожкой и т.д. – Ср. высказывание героя «Романа в письмах» Пушкина: «Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру. – Петербург – прихожая, Москва – девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю, редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в кабинете» (Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: в 16 т. т. 8. м.; л., 1948. с. 58).

Стр. 218. Фалшфейер (фальшфейер) – бумажная гильза, набитая горючим материалом, употребляемая для иллюминации, на судах для обозначения места.

Московское земледельческое общество – Земледельческая школа при Императорском Московском обществе сельского хозяйства (осн. в 1818); в окрестностях Москвы были образованы опытные хутора, на которых ученики этой школы проходили практику.

Стр. 219. Вспомним не раз «Водолазов» дедушки Крылова. – Далее Фет кратко пересказывает басню И. А. Крылова «Водолазы» (1813).

Стр. 220. Никогда не забуду вечерних бесед с одним из светил астрономии. – В 1855 в Дерпте Фет познакомился с нем. астрономом И.-Г. Мердером (1794–1874). Ср. в «Моих воспоминаниях»: «Я был принят старичком небольшого роста, еще довольно свежим, который походил на брюнета, густо намылившего себе голову. До сих пор я с глубочайшим удовольствием и признательностью вспоминаю о нескольких вечерах, проведенных в доме этого во всех отношениях

522

оригинального человека. Подобно многим немецким ученым, он обладал подавляющею массою самых разнообразных сведений, начиная с основательного знакомства с

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana древнеклассическими языками. Не менее обширны были его исторические сведения, причем годы событий сохранились в его памяти с математической точностью. Но во всяком случае естественные науки вообще и его специальность астрономия были его торжеством. Уверенность последней, постоянно опирающейся на математику, придает ее адептам такую простоту в отношениях к ней, какую трудно встретить в других ученых. Во время долгих вечерних бесед, прерываемых с моей стороны только редкими вопросами, я все время любовался великим умением ученого с детской простотой нисходить до моего низменного уровня и с него указывать мне все дивное устройство мироздания. При всей простоте он был так наглядно красноречив, что мне всякий раз казалось, будто какой-то всемогущий волшебник мчит меня по полному небу, указывая все его тайны» (Ч. 1. С. 98–99).

...один из наших талантливейших писателей... – Имеется в виду Лев Толстой. «Я всегда, – начал рассказчик – один костюм – больничный халат и колпак». – Ср. запись в дневнике Л. Н. Толстого за 23 янв. 1863: «Тип профессора-западника, взявшего себе усердной работой в молодости диплом на умственную праздность и глупость...». В этот день, как отмечено в том же дневнике, Толстой был в гостях у Фета (Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 21. М., 1985. С. 246–247).

Стр. 221. Эфемериды – астрономические таблицы, которые дают для каждого дня известного года положения светил на небесной сфере.

...цифрами доказываются возможность в настоящее время наживать миллионы при вольнонаемном труде. – Преимущества свободного труда «цифрами» доказывал на примере США Н. Г. Чернышевский в ст. «Леность грубого простонародья» (Соер. 1860. № 2): «Обязательный труд разорял вест-индских землевладельцев. Задолго до освобождения дела их были в совершенном расстройстве. Землевладельцы, захотевшие обращаться с освобожденными неграми по-человечески, не потерпели от освобождения никаких затруднений в своем хозяйстве, – напротив, хозяйство их пошло лучше» (Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч.: в 15 т. Т. 7. М., 1950. С. 221). Это же утверждение Чернышевский повторил, применив его уже ко всем государствам, в «Антропологическом принципе в философии»: «Землевладельцы вообще думают иметь выгоду от невольничества [крепостного права] и других видов обязательного труда; но в результате оказывается, что землевладельческое сословие всех государств, имеющих несвободный труд, находится в разоренном положении» (Там же. С. 287).

Стр. 222. ...смеясь все клятвы пишет... – Неточная цитата из ст-ния К. Н. Батюшкова «Разлука» («Гусар, на саблю опираясь...», 1813).

523

Стр. 223. Уже румяна осень носит... – Цитата из оды Г. Р. Державина «Осень во время осады Очакова» (1788).

Било (или билень) – «что бьет или чем бьют <...> верхняя, оди- накая челюсть мялицы, мялки для трепки пеньки и льна» (Даль. Т. 1. С. 86).

Стр. 224. ...у ворот литейного завода П<ерелыги>на. – Согласно «Памятной книжке Орловской губернии на 1864 год», Алексей Николаевич Перелыгин был владельцем чугунолитейного завода и при нем заведении для производства с/х машин, располагавшихся за Моек, заставой г. Орла (С. 74).

Стр. 225. Сибирка – короткий кафтан в талию, обычно синего цвета, без разреза сзади и с невысоким стоячим воротником; носился обычно лавочниками и купцами.

Стр. 228. Сельским хозяевам, вероятно, памятна – статья г. Михаловского... – Имеется в виду письмо тульского землевладельца В. Михаловского. Н. О. Сосульников-Муранский – изобретатель зерносушилки, которая производилась на заводе Е. В. Корчагина. Реклама этой машины была помещена в «Газете для сельских хозяев» (1862. №48–56).

Стр. 231. Линия, соответствующая подошве, – граница с землей А. Свинцова. – Под именем Свинцова Фет вывел в своих очерках Андрея Семеновича Оловеникова (1793–1868; фамилия эта писалась также: Оловянников, Оловяников, Оловенников) (Кузьмина И. А. «Езда по клину и сосед А. Свинцов»: попытка реального комментария. С. 102).

...но только Свинцова Порфирия Николаевича. – Под этим именем Фет вывел Пармена Николаевича Оловеникова (1808–1876), родственника А. С. Оловеникова, с которым Фет был знаком (в ОРРГБ хранится письмо П. Н. Оловеникова к Фету от 21 дек. 1867) (см. Кузьмина И. А. «Езда по клину и сосед А. Свинцов»: попытка реального комментария. С. 103).

Стр. 237. Барда – гуца, остающаяся после перегонки хлебного вина из браги, идет на корм скоту.

Стр. 238. Первый не более как временный (так он и называется) обязательный труд. – Согласно «Положениям о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», утвержденным 19 февр. 1861, крестьяне после земельной реформы были обязаны нести определенные повинности в пользу своих бывших владельцев и считались «временнообязанными» до момента выкупа земли, после чего переходили в разряд «крестьян-собственников».

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Стр. 239. Читатели, вероятно, помнят прекрасную статью в прошлогодней «Современной летописи» «Русского вестника» о выгодной замене войсками посторонних рабочих при постройке железных дорог? – «Современная летопись» – отдел журнала «Русский вестник». Имеется в виду статья: А. А. II. Главное общество железных дорог и минеральные богатства в России // РВ. 1862. Т. 39. № 18. Сент. Кн. 2. Совр. летопись. С. 106–127.
524

...с одним проезжим семейством, с которым я был знаком, состоя на службе в Новороссийском краю. – Имеется в виду военная служба фета в Кирасирском Военного ордена полку, продолжавшаяся с весны 1845 до весны 1853. Полк располагался в Херсонской губ. под г. Новогеоргиевском, где находился штаб. Полковые учения проводились под Новогеоргиевском, дивизионные – под Новой Прагой, корпусные – под Елисаветградом. О каком семействе идет речь, не установлено.

Стр. 240. Какой отголосок находит в вашей стороне малороссийская пропаганда? – Имеются в виду публикации бывших деятелей Кирилло-Мефодиевского общества (П. А. Кулиш, Н. И. Костомаров, позднее М. П. Драгоманов) в журнале «Основа» (1861–1862) и т. п. Они, как правило, ограничивались указанием на особенную поэзию украинской ментальности: «Мы все те, кто в настоящее время имеет драгоценное право называться украинцем...» (цит. рец. П. А. Кулиша: Основа. 1861. №4. С. 153). М. Н. Катков писал в передовой статье «Московских ведомостей» от 14 февр. 1863: «Года два или три тому назад вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества» (Катков М. Н. Передовицы за 1863 год. М., 1887. вып. 1. С. 276–279). См. об этом: Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. С. 140–170.

Стр. 241. Г. Буслаев любит и изучает русскую старину... – Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – историк литературы, фольклорист, автор вышедшего незадолго до этого очерка фета фундаментального труда «Очерки истории русской народной словесности и искусства» (СПб., 1861. Т. 1–2).

Так как обычный наш форум и агора – шинок... – Форум в Древнем Риме площадь, некоторой сосредоточивалась общественная жизнь города; агора – площадь того же назначения в Древней Греции; шинок – кабак, питейный дом.

...прибежал шинкарь с известием, что какой-то не наш что-то очень красно рассказывает. – П. И. Якушкин в статье «Проницательность и усердие губернской полиции. Письмо к издателю “Русской беседы”» (Рус. беседа. 1859. Т. 5. Окт. Кн. 17. Смесь. С. 107– 122) рассказал о произошедшем с ним похожем случае. Статья эта, перепечатанная «Московскими ведомостями», «Русской газетой» и РВ, вызвала полемику. Разница ситуации Якушкина, которого задержала полиция, так как он вызвал подозрение своей одеждой (был одет «по-русски»), с ситуацией безвестного «бродяги», о котором идет речь у фета, привлечшего внимание «не идущим» к внешнему виду костюмом, в том, что если Якушкина допрашивали полицейские, то безвестного бродягу – помещик. Если Якушкин более-менее благополучно выехал из Пскова, то напоминающий его «странник» так легко не отделался: предупрежденный помещиком, он все-таки

525

пренебрег предостережением и был избит мужиками, которые оказались более «жестокими», чем полицейские.

Стр. 243. С первых дней эманципации много у нас было говоре- но, писано, жертвовано и делано в пользу народного образования. – Толчком к возникновению полемики о народном образовании было письмо В. И. Даля к А. И. Кошелеву (Рус. беседа. 1856. Т. 3. Смесь. С. 3). Даль писал, что «грамота сама по себе ничему не вразумит крестьянина; она скорее соьет его с толку, а не просветит. Перо легче сохи; вкусивший без толку грамоты норovit в указчики, а не в рабочие». Мысли Даля были близки фету, который считал, что народное образование должно основываться на народных традициях. Наиболее заметные обращения к этой теме: Карнович Е. И. Нужно ли распространять грамотность в русском народе? // Соер. 1857. № 10; Антонович М. А. О почве // Соер. 1861. № 12; Писарев Д. И. Народные книжки // Рус. слово. 1861. №3; Достоевский Ф. М. Книжность и грамотность // Время. 1861. № 7, 8; Толстой Л. Н. Прогресс и определение образования // Ясная поляна. 1862. № 12.

Стр. 244. Раз узаконенная, отлитая форма неизменна и, подобно китайскому башмаку, препятствует росту живого организма. – В Китае и Японии существовал обычай для маленьких девочек аристократического происхождения туго перебинтовывать ноги или носить тесную обувь наподобие колодок для того, чтобы нога оставалась маленькой.

Галилеянин – Галилея – область на севере Палестины, где Христос провел свое

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
детство и отрочество, где он учил и совершал чудеса, откуда призвал учеников.
Поэтому иногда он именуется Иисус Галилеянин (Мф.: 26, 69).

И друг степей калмык... – Цитата из ст-ния Пушкина «Я памятник себе воздвиг
нерукотворный...» (1836).

Стр. 245. Пишущий эти строки имел счастье воспитываться (увы! не более трех лет)
в немецкой школе. – С конца 1834 до конца 1837. Фет воспитывался в образцовом
«частном педагогическом заведении» германского выходца Крюммера в лифляндском
городке Верро.

Стр. 247. В нем жив импульс, заставивший его выскочить за борт; он чувствует
потребность рикошетировать ~ Решить раз навсегда, что все предметы борт, и пошел
задавать рикошеты. – Ср. восприятие этого фрагмента очерка фета И. С. Тургеневым
(из письма к Фету от 26 июня (8 июля) 1863): «Прочел я Вашу статью в мартовской
книжке “Русского вестника” – очень мило – а над историей веретена в Орле я
хохотал. – Но тут же находится pendant к необъятно непостижимому стихотворению:
“И рухнула с разбега колесница” (имеется в виду стихотворение “О не зови!
страстей твоих так звонок...”, которое показалось “темным” членам кружка
“Современника”: МВ. Ч. 1. С. 127–128. – В. К.)– а именно 344-я страница с ее
латинскими словами и рикошетами. Я пробовал читать ее лежа, стоя, кверху ногами,
на полном бегу – с припрыжкой... ничего, ничего, ничего не понял! Там есть
фраза: “он на все смотрит при

526

помощи источников изобретения”?!!!!!!!?!?! Небеса разверзнутся, ад трепещет – и
тьма, тьма кромешная. А статья все-таки очень хороша» {Тургенев. Письма. Т. 5.
С. 133–134}.

Стр. 249. «Яр» – ресторан в Москве.

Петербургский Английский клуб был основан в 1770. В фетов-ские времена он
располагался в великолепном доме у Синего моста; в нем было около 400 членов и
полторы тысячи кандидатов, занимавших открывавшиеся вакансии. Московский
Английский клуб был открыт в 1780-х, размещался на Большой Дмитровке; в нем было
около 600 членов и две тысячи кандидатов. Английские клубы славились своей
«степенностью», особенно изысканными обедами и картежной игрой – подчас весьма
крупной.

Стр. 251. Даже фамусов – не может сделать хуже над вертлявою Лизой,
воспитанницей Кузнецкого моста, как: «В избу марш, за птицами ходить». –
Цитируется «Горе от ума» Грибоедова (действие IV, явление 14).

Стр. 252. Я уверен, не одни мужики, но и вы сами, г. П. П. П., осудите себя за
то... – Имеется в виду статья «П-новская школа» учителя Плехановской школы
Николая Павловича Петерсона, подписанная Н. П. П. (а не П. П. П., как у Фета).
Удерживаюсь от дальнейших выписок, чтобы не лишить читателя истинного
наслаждения – самому прочесть всю книжку журнала. – Высокая оценка журнала Л. Н.
Толстого «Ясная Поляна» намеренно противопоставлена уничижительной оценке
первого номера журнала, данной Н. Г. Чернышевским {Соер. 1862. № 3}.
Чернышевский обвинил сотрудников журнала в отсутствии педагогического опыта и в
безграмотности, в опоре только на «свои случайные впечатления»: «Но кое-что они
все же читали и запомнили, и – обрывки чужих мыслей, попавшие в их память, летят
у них с языка как попало, в какой попало связи друг с другом и с их личными
впечатлениями. Из этого, натурально, выходит хаос» {Чернышевский Н. Г. Поли.
собр. соч.: в 15 т. Т. 10. М., 1951. Т. 10. С. 515}.

Из деревни <1864>

Впервые: РВ. 1864. Т. 50. №4 (апр.). С. 575–626. Подпись: «А. Фет».

Второй очерковый цикл Фета, вызвавший литературный скандал и ставший мишенью для
Щедрина, а вслед за ним Д. Д. Минаева, В. А. Зайцева, Д. И. Писарева и других
демократов, имел немалый успех среди людей «не из литературного круга», которые,
однако, тоже были недовольны рядом выпадов Фета против местной законодательной и
исполнительной власти. И. П. Борисов сообщал Тургеневу 28 окт. 1863: «Статьи
Фета “Из деревни” всех очень интересуют, а иных приводят в ярость даже. –
Аркадий Карпов в “Соврем<енной> летописи”, ратуя за губернское их присутствие,
злбно боднул и Фета. Но

527

что делать, все-таки Фет поет правду, и наши мировые учреждения на первое время
уже отслужили – пора им на упокой, – а умирать-то никому не хочется, особенно
кому дают хорошее жалованье» (Тургеневский сб. Вып. 4. С. 383). Об успехе
очерков «Из деревни» сообщал Фету В. П. Боткин. Возможно, при участии Боткина
Фет летом 1863 писал отповедь «демократам» – статью о новом романе Н. Г.
Чернышевского «Что делать?» (см. об этом наст. изд., т. 3, с. 458–461). Статья
эта не была принята к печати М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым; тем не менее Фет
в продолжении своих очерков решил уже не касаться политических и «литературных»
проблем, сосредоточившись на хозяйственных «мелочах» и предоставив читателям

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana самим выводить из этих «мелочей» «какие угодно заключения».

Возможно, что новый цикл очерков был передан в РВ еще зимой: в янв. 1864 Фет ездил в Петербург на похороны А. В. Дружинина (21 янв.), встречался с Тургеневым, Некрасовым, Тютчевым; потом через Москву вернулся в Степановку. Ср. в письме Борисова к Тургеневу от 11 февр. 1864: «Возвратился он, враг-то Ваш, молодцом, не таким, как в прошлом году. <...> Пробыли они недолго – не дал порядком отдохнуть и Марье Петровне, спешил в Степановку на новые подвиги фермера» (Тургеневский сб. Вып. 4. С. 385). Сам Борисов весной ездил в Ивановское (к А. Н. Шеншину) – и заезжал в Степановку: «...Степановку нашел в разрушении – все было переломано и новые сооружения покрыты были опилками, чурками и стружками. В одной комнате Марья Петровна, и Фет, и рояль, и ящики с главнейшими сокровищами. За стенами же этой комнаты холод, а на дворе мороз и вьют витры, но все это не мешает хриплым и сиплым голосом Фету знакомить меня с романсом “На холмах Грузии”. Меня это пронизывает бесконечно насквозь! Дух захватывает оттого, что шумит. Арагва подо мною» (Там же. С. 386).

Цикл очерков имел большой успех. Именно по поводу его Тургенев заметил (в письме к Фету от 14 (26) июля 1864 из Баден-Бадена): «...я вообще часто думаю об Вас, но в последние два-три дня особенно часто, ибо читал “Из деревни” в “Русском вестнике” и ощущал при этом значительное удовольствие. Правда, просто и умно рассказанная, имеет особенную прелесть» (Тургенев. Письма. Т. 5. С. 274). Еще раньше Фет получил отклик В. П. Боткина из Петербурга (письмо от 28 мая 1864): «Уже слышу самые похвальные отзывы о статье твоей “Из деревни”. Вчера Абаза говорил, что прочел ее с великим удовольствием и ждет с нетерпением продолжения. Ржевский точно так же. Значит, нравится всем порядочным и дельным людям. Кроме того, Абаза находит в ней “что-то необыкновенно приятное”. Он не умел назвать вещь по имени: поэтическое. Да я и не читая уверен был в этом. Все это обязывает тебя непременно продолжать, да с этим ты и сам согласишься. Такого ли мнения Катков? Да я в Москве поддам ему пару. Впрочем, если он заартачится, то я предложу Дудышкину» (МВ. Ч. 2. С. 14). Примечательно, что очерки Фета понравились либералам 1860-х Александру Аггеевичу Абазе (1821–1895), будуще

му директору департамента экономии Государственного совета и министру финансов России, и Владимиру Константиновичу Ржевскому (1811–1885), чиновнику министерства внутренних дел, члену Орловского губернского комитета по улучшению крестьянского быта. Вместе с тем указание, что «заартачился» редактор РВ М. Н. Катков, намекает на некоторое «охлаждение» журналиста к Фету: незадолго до этого Катков отказался опубликовать статью Фета о романе Чернышевского, а позднее отверг и продолжение цикла «Из деревни»: Фет принужден был печатать его в других изданиях.

Борисов между тем констатировал возросшую в связи с этими очерками популярность Фета (в письме к Тургеневу от 22 июня 1864): «...у Каткова уже есть враги, но дай Богему здравствовать. Фет из деревни продолжает, и круг его читателей и почитателей гораздо шире, чем у поэта» (Тургеневский сб. Вып. 4. С. 388). Вместе с тем он констатировал, что характер Фета, ставшего деятельным помещиком, несколько изменился. Ср. в письме от 1 окт.: «С тех пор как Фет переселился в Степановку, мы все реже и реже с ним видимся, а теперь вот, как у них владения протянулись еще дальше на юг, то совсем они для нас пропали и бывают проездом в Москву да из Москвы. Каждое свидание оставляет во мне тяжелое по нем чувство – он все более и более болеет мнимой бедностью, и по мере увеличения его материальных богатств – увеличивается его беспокойство, чем жить? Толковать об этом уже нечего, все только раздражает его. <...> Зато, когда приходится минуты веселья, он так мил, добр, что еще более жалеешь, что Степановка унесла его в гремящую даль» (Там же. С. 395). Характерно, что именно в 1864, после двухлетнего перерыва, Фет вновь начинает печатать свои стихи: в РВ, параллельно с продолжением цикла очерков «Из деревни», печатаются и его стихи (№ 1, 3). Стр. 255. Таким образом и по написанию уставных грамот... – По положению 19 февр. 1861 уставными грамотами назывались акты, которые должны были составляться по соглашению между помещиком и вышедшими из крепостной зависимости крестьянами относительно предоставляемых крестьянам земель и угодий и устанавливавшихся в пользу помещика повинностей.

Стр. 256. Мера равнялась 8 пудам ржи.

Иов – богатый человек, история которого излагается в ветхозаветной «Книге Иова». У него было 7 тысяч овец, 3 тысячи верблюдов, тысяча быков и пятьсот ослиц. ...нельзя умолчать о сильном противодействии, вызванном польским восстанием. – Имеется в виду Польское восстание 1863–1864 гг.; военные действия носили партизанский характер, при котором отдельные революционные кружки (тройки) проникали и в великорусские губернии.

Стр. 257. ...нелепостей вроде: «Войны с белой Арапией»... – Ср. следующий диалог

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana в комедии А. Н. Островского «Праздничный сон – до обеда» (1859):

529

о Красавина: Да вот, говорят, что царь фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдет. Говорят, это перед последним концом.

Нинкина: Как страшно!

Красавина: Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионов войска ведет.

Нинкина: Откуда же он, белый арап?

Красавина: Из Белой Арапии» (Карт. 2, явл. 3).

Позднее Островский повторил это же выражение в комедии «Тяжелые дни» (1863); в 1860-е оно употреблялось для обозначения нелепых фантазий, невероятных домыслов и т. п. В рецензии В. А. Крылова (СПб. ведомости. 1863. № 273. Подп.: В. Александров) это выражение употреблено как синоним оборота «темное царство». В 1864 его использовал Ап. Григорьев для обозначения утопических конструкций в романе Чернышевского «Что делать?» (Парадоксы органической критики // Эпоха. 1864. № 5; Отживающие литературные явления // Эпоха. 1864. № 7).

...афоризм Гёте: «Если хочешь обмануть, то не делай этого тонко». – Слова из VI книги «Западно-восточного дивана» Гёте («Хик- мет-Наме; книга изречений»). См.: Гёте И.-В. Западно-восточный диван. М., 1988. С. 61.

...шляпе, наподобие гречневика. – Гречневик – гречишный блин (т. е. большой и серый), так называли высокую шляпу округлой формы.

Вы, батюшка, посредник? – Институт мировых посредников был введен в 1859 в связи с подготовкой крестьянской реформы. Целью его было устройство поземельных отношений и разрешение спорных вопросов между помещиками и крестьянским «миром» – крестьянской общиной или сельским обществом, рассматриваемым в качестве низшей административной единицы; просуществовал в центральных губерниях России до 1874 г.

Стр. 258. Красный товар – ткани, текстильные изделия, мануфактура.

Стр. 259. ..лишь теперь, благодаря заботам правительства, пересматриваются и прилаживаются к нему и остальные части. – Фет имеет в виду готовящуюся судебную реформу. Через несколько месяцев после публикации этого очерка, в нояб. 1864, были приняты Судебные уставы, по которым суд был отделен от администрации, признано равенство всех перед законом, создан суд присяжных и т. д.

Стр. 260. Вахмистр – унтер-офицер в кавалерии, занимавший должность старшего в эскадроне; соответствовал фельдфебелю в пехоте.

Стр. 267. Чека – стержень, клин, вкладываемый в отверстия осей или болтов.

Стр. 268. Седёлка – кожаная подушка под чересседельным ремнем, употребляемым для поддержания оглобеля.

530

Чересседельник – ремень, протягиваемый от одной оглобли к другой через седёлку.

Чалый – лошадь серой масти, как правило, с примесью другой шерсти.

Стр. 270. ...Имение, лежащее на живописных берегах значительной реки... – доставшаяся Фету от брата Петра в счет старого долга (см. примеч. к стр. 303) дер. Слободка (Ливенского у.), которая располагалась на берегах р. Тим, в 33 верстах от г. Ливны. Об истории тяжбы по поводу водяной мельницы на р. Тим см. далее, с.299-303.

Крупчатка – мельница для обдирки, выделки круп.

...в содержании л<ивенс>кого купеческого семейства Евпракси- ных – Иван Николаевич Евпраксин. – В МВ «Н. И. А-в» – Николай Иванович Аксенов (Ч. 2. С. 177). 4 янв. 1868 И. П. Борисов писал М. П. Фет: «...все, все идет хорошо, даже Аксенов порадовал, забежав уже заранее о мельнице, так что и эта беспокойная статья уже не так ему <Фету> страшна» (РО ИРЛИ. № 20308. л. 14). В ОР РГБ хранятся 3 письма 1868 года Н. И. Аксенова к Фету из г. Ливны. В 4 Списке гласных и кандидатов Ливенского уездного собрания, избранных на второе трехлетие» от городского общества значатся купцы Н. и Петр И. Аксеновы (Орл. губ. вед. 1869. 30 авг. №35. С. 321; в 4Списке очередным и запасным присяжным заседателям по Ливенскому уезду на 1875 год» – купцы Ион, Николай, Григорий, Дмитрий и Яков Ивановичи» (Там же. 1875.15 янв. № 5. С. 18).

Стр. 271. ...соседний купец Бочкин... –он же 4 Обручев» (С. 299), он же 4Алексей Кузьмич Б-в» (МВ. Ч. 2. С. 35-40) – скорее всего, Алексей Казьмич (по др. данным Козьмич) Бондарев, согласно 4 Списку священнослужителям, купцам и разночинцам Ливенского уезда» (Орл. губ. вед. 1869.12 апр. № 15. С. 125), у него во владении было 13 дес. 1900 сажен земли.

Стр. 272. Череспалосица – расположение земельных участков одного хозяйства полосами попеременно с чужими участками.

Стр. 273. ..можно было подумать, что Геба пролила в него кубок шампанского. – Геба, дочь Зевса, богиня цветущей юности; во время пиров богов на Олимпе подносила им нектар и амброзию. Здесь у Фета аллюзия на образ из стихотворения

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Ф. И. Тютчева 4«Весенняя гроза»:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Так суеверные приметы... – Цитата из стихотворения А. С. Пушкина 4«Приметы»
(1829).

Стр. 274. ...крупитчатую булкой с мельницы. – Крупичатый – приготовленный из
крупчатки, пшеничной муки самого тонкого помола.

531

Верст 7 до церкви... – Речь идет, вероятно, о церкви в с. Кудинове-Троицком,
состоящем из 8 селец при ручье Плоском, одно из них – Сергиевка (Кудиново) –
принадлежало С. С. Клушину. Населенный пункт Слободка на р. Тим обозначен на
совр. карте Орл. обл., неподалеку находится Кудиново.

Персидский порошок – средство от мелких насекомых, получаемое из персидской
ромашки.

Люстриновый сюртук – сшитый из люстрина, шерстяной или полушерстяной материи с
глянцем.

...пожалуй, не застанете Семена Семеновича. – В МВ Фет называет его
действительное имя: Сергей Семенович Клушин: «Не могу без душевного умиления
вспомнить этого вполне русского и вполне прекрасного человека. Неудивительно,
что такое трудно исполнимое дело скоро и блистательно окончено руками таких
образцовых людей. Я застал Сергея Семеновича в его кабинете, а затем, когда мы
успели более познакомиться, он все в том же парусиновом костюме, доставлявшем
прохладу его шарообразному телу, провел меня в большую залу, служившую вместе и
гостиной, и представил своей матери-старушке. Видно было, что прекрасный дом и
другие немногочисленные постройки окончены недавно, и Сергей Семенович
рассказывал, как он, не обладая большими средствами, в течение шести лет готовил
строительный материал и исподволь производил постройку. Зато все было сделано
обдуманно и выгодно, начиная с камерного отопления соломой и кончая прекрасными
рамами и дверями» (МВ. Ч. 2. С. 32–33).

Стр. 275. Садовской Пров Михайлович (1818–1872) – артист московского Малого
театра.

Стр. 283. Изложина – впадина, продольное углубление.

Стр. 284. Лавы – мостки.

Стр. 285. Черни Карл (1791–1857) – австрийский пианист, композитор и педагог, чех
по национальности. На рус. язык переводилась его книга «Письма Карла Черни, или
Руководство к изучению игры на фортепиано <...>» (СПб., 1842).

Стр. 286. Астролябия – угломерный геодезический инструмент; мензула –
углоначертательный инструмент. Для землемерных работ значительно удобнее была
мензула, так как пользование астролябией предполагало двойную работу: полевую,
для измерения углов и линий, и домашнюю, для нанесения на бумагу числовых
результатов, полученных в поле, и для сложных геометрических расчетов. Поэтому
при пользовании астролябией неизбежны были ошибки и неточности.

Стр. 287. Мы-то все радужными отсыпаем... – т. е. платим сторублевыми купюрами.

Пятиалтынный – пятнадцатикопеечная монета.

Стр. 295. Я нарочно с такою подробностью описал этот эпизод из современной
сельской жизни... – Ср. описание этого эпизода в МВ: «Благодаря спокойным
приемам Сергея Семеновича, разверстание с

532

крестьянами было окончено в один его приезд. “Крестьяне ваши жалуются, – сказал
Сергей Семенович, – что в их наделе весной две десятины засыпает песком, и
просят о прирезке им сверх надела еще двух десятин. Поедьте посмотреть, что ото
за песчаный перенос?”

По указанию сельского старосты и выборных мы увидели песчаную гривку, шириною не
более двух аршин, едва заметно желтеющую по огородному чернозему. Конечно, я
ничего не возражал при крестьянах, но, вернувшись домой, не мог не сказать
Сергею Семеновичу, что со стороны крестьян это очевидная прижимка для получения
лишнего.

– Хе-хе-хе! – захихикал Сергей Семенович, заметив мое волнение. – Да уж будет
вам, будет! Где уж на свете эта абсолютная правда? Ну, конечно, придирика. Да
плюньте вы на эти две десятины, и сейчас кончим все дело.

Через несколько дней сделка по обоюдному соглашению была окончательно оформлена»
(МВ. Ч. 2. С. 34–35).

Из деревни <1868>

Впервые: Литературная библиотека. 1868. № 2. С. 90–124. Подпись: «А. Фет».

Четвертый цикл очерков писался Фетом, вероятно, несколькими годами раньше, чем
появился в печати. 26 февр. 1865 г. И. П. Борисов сообщал Тургеневу: «Но новые

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana
его рассказы из деревни – прелесть. Истинны, умны и твердо спокойны без
раздражения» (Тургеневский сб. Вып. 5. С. 487). О работе над этими же очерками
Фет писал в это время в не дошедшем до нас письме к Л. Н. Толстому. Толстой
отвечал (письмо от 16 мая 1865): «Я не понял вполне то, что вы хотите сказать в
статье, которую вы пишете; тем интереснее будет услышать от вас, когда свидимся.
Наше дело земледельческое теперь подобно делам акционера, который бы имел акции,
потерявшие цену и не имеющие хода на бирже» (Толстой. Переписка. Т. 1. С. 370).
Между тем Фет не спешит публиковать продолжение цикла своих нашумевших очерков:
в письме от 24 февр. 1866 Борисов сообщает Тургеневу: «Фет “Из деревни” еще не
послал Каткову – очень интересная» (Тургеневский сб. Вып. 5. С. 512). К этому
времени, вероятно, между Фетом и редакцией РВ случилась какая-то размолвка – и
очередной очерк в журнале так и не появился. В 1867 Фет вошел в контакт (через
посредство Я. П. Полонского) с журналом «Литературная библиотека»: в № 4 и 5 за
этот год там была опубликована статья Фета «Два значения древних языков
в нашем воспитании»; в № 1 за 1868 – «Заметки о выборе мировых судей» и,
наконец, в № 2 – интересующий нас «деревенский» очерк.
К этому времени и внешность, и интересы Фета несколько изменяются. Тургенев (в
письме к П. Виардоот 13 (25) июня 1868 из Новоселок) так описывает
«переменившегося» Фета: «Фет здесь; он очень

533

растолстел, облысел; бородачи у него стала огромнейшая. Чтоб посмеить меня, он
надел на себя судейский мундир – действительно, в нем он очень забавен»
(Тургенев. Письма. Т. 7. С. 160–161). Годом раньше, в июне 1867, Фет был избран
мировым судьей 3-го участка на заседании Мценского уездн. земск. собрания – и
очень ревниво относился к своим обязанностям. Тургенев между тем уверился, что
Фет как поэт «выдохся до последней степени» и стал «плохо и дрябло повторять
самого себя» (из писем к Я. П. Полонскому от 2 (14) и 13 (25) янв. 1868: Там же.
С. 30, 26); правда, для фетовских очерков он делает некоторое снисхождение; ср.
в письме к Борисову от 18 (30) нояб. 1867: «Стихов я ему более не советую
писать – нов статья его, даже там, где он (между нами будь сказано) чушь
городит, попадают всегда прелестные вещи» (Там же. Т. 6. С. 344–345).
Стр. 296. ...к тем фантастическим мечтаньям, в которых жнецы – кончающемуся
блестящим балом во дворце из алюминия. – Фет резюмирует утопические
«предвидения» из «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, изложенные в главе
«Четвертый сон Веры Павловны».

Стр. 297. Ein Jude betragt 2 Deutsche – Остзейская школьн<ая> поговорка. – Эта
поговорка, вероятно, была услышана Фетом во время учебы в пансионе Крюммера в
Верро.

Минерва – рим. богиня искусств и талантов, покровительница искусств и ремесел;
соответствовала греч. Афине. Согласно мифу, Афина (Минерва) родилась из головы
Зевса (Юпитера), появившись на свет сразу во всем облачении и с воинским
снаряжением.

Стр. 302. Десятский – выборное должностное лицо из крестьян, исполнявшее
полицейские обязанности в деревне.

Хозяин ее, купец Обручев... – См. примеч. к стр. 268.

Стр. 303. Моисей – вождь и законодатель еврейского народа, пророк и первый
священный бытописатель. Имеется в виду следующий эпизод, описанный в библейской
«Книге Исхода»: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным
восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею, и расступились воды. И пошли
сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую
сторону» (Исх.: 14, 21–22).

Аршин – равен 71,1 см, вершок – 4,4 см, следовательно, расстояние составляло 377,5
см, т. е. около 4 м.

Стр. 306. ...когда другие молчали... – О мельнице на р. Тим см. примеч. к стр.

270. Мельница была отягощена запутанным судебным процессом с соседом-купцом
Алексеем Кузьмичом Б-вым. Фет включился в этот судебный процесс, но сумел решить
запутанное дело лишь к осени 1864. В МВ об этом процессе рассказано несколько
иначе, чем в очерках: «В начале этого приезда противник мой по мельничному
процессу Б. неоднократно приезжал ко мне с предложением мировой. Не справляясь
даже с мнением нашего арендатора А-ва, я не раз предлагал Б-ву четыре аршина
четыре вершка на его плотине, вместо прежних четырех аршин двух с половиною верш

534

ков. Но он и слышать не хотел, повторяя: “Помилуйте, 12 вершков то мои
неотъемлемые”. – А когда я на совещаниях с А-вым только заикался о
предоставлении Б-ву восьми вершков, А-в вопил, что тогда надо бросить мельницу и
бежать. Однажды, когда, по развер- стии с крестьянами, мы собирались уже в
Степановку, появился Б-в с теми же бесплодными толками.

– Не могу понять, – сказал он, – из-за чего мы с вами, Афанасий

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana Афанасьевич, судимся?

– Это вы, – отвечал я, – лучше меня знаете, так как желаете в пользу своей будущей крупчатки уничтожить мою, существующую десятки лет.

– Я ничего, – отвечал Б-в, – не желаю; а желаю только, чтобы было “исправедливо”. Ваша мельница пускай остается при своей воде; пустим ее на все поставы; а что затем из-под всех колес в реку стечет, то мое.

– Если бы вы только этого хотели, – отвечал я, – то не тягались бы мы с вами по Судам.

– А я больше ничего не желаю, как чтобы было “исправедливо”.

– Чего же справедливее! – сказал я. – Вы знаете, под нашими наливными колесами печать. Пустим всю рабочую воду до этой печати, а затем отметим, сколько воды наберется при этом в конце рабочей канавы, на находящемся там столбе, и с этой метки вся вода в реке наща.

– Помилуйте, – возразил Б-в, – зачем же нам отмечать другой столб? Ведь вода везде ровна. Так уж будем набирать мою воду с того столба, что под вашими колесами, а не с того, что в устьях рабочей канавы. Разговаривая не раз с арендатором о падении рабочей воды, я припомнил, что на небольшом протяжении рабочей канавы в каких-либо двухстах саженях вода в канаве для предупреждения засорения имеет вершка четыре склона, и что пустить Б-ва с водою по верхнюю печать значит дать ему ворваться в нашу рабочую канаву и тем лишит ее навеки возможности расчистки.

– Вы, Алексей Кузьмич, просите воды в реке, а присчитываете мою рабочую канаву и сами говорите, что все равно, – верхняя или нижняя печать. Уж если вы желаете справедливости, то будем метить с того места, где кончается моя вода и начинается ваша.

– Ну, пускай будет так. Давайте на этом кончать мировую, – сказал Б-в.

– Ну, в добрый час, – сказал я, протягивая руку. – Если вы твердо решились на этом покончить, то я сегодня же вечером поеду к Сергею Семеновичу и попрошу его в качестве посредника и человека, настолько же хорошо известного вам, как и мне, оформить нашу мировую и закрепить ее установлением законных знаков. Я сегодня же, вернувшись, дам вам знать, на какой день вызовет нас Сергей Семенович для написания мирового акта.

535

– Слава тебе, Господи, – сказал Б-в, раскланиваясь, – что на этом решили. По крайней мере, будет “исправедливо”.

Сергей Семенович просил нас приехать на другой день после обеда, обещав к тому времени написать черновую нашей мировой, в буквальном смысле моих слов, для того, чтобы, в случае одобрения проекта Алексеем Кузьмичом, писарь имел время переписать его набело для наших подписей.

– Ну что, Алексей Кузьмич, – сказал на другой день посредник входящему Б-ву. – Хорошее дело, кажется, вы, господа, затеяли. Прислушайте, что я написал начерно и поправьте, если что найдете не так.

При чтении проекта Б-в все время говорил: так-с, так-с, совершенно “исправедливо”.

Но, дойдя до печатей, он обратился к Клушину со словами:

– Сергей Семенович, как вы полагаете, следует обозначать начало моей воды от первой или второй печати?

– Я, – тоненьким и жирным фальцетом захихикал Клушин, – я обязан скреплять общее ваше желание, выраженное с надлежащей ясностью; а уж советовать, извините, никому из вас не могу.

– Да как же таперича? – начал Б-в.

Эта канитель начинала меня бесить, и я невольно проговорил:

– Видите, Алексей Кузьмич, а вчера еще по рукам ударили; а я-то от своих слов не отпираюсь.

– Да будет вам! – перебил нас Сергей Семенович. – Коли уговорились, то надо писать, а не решились, оставимте дело.

– Да ну уж что ж! – перебил Б-в. – Видно, так тому делу и быть: прикажите переписывать.

– А мы с вами, господа, – сказал Сергей Семенович, – покуда чайку попьем. Часам к десяти мы еще раз прослушали переписанную в двух экземплярах мировую. Как я ни рвался довести дело до надлежащего конца, оказалось, что исполнить его невозможно было с желаемой скоростью. Посредник счел нужным вызвать из Ливен исправника, депутата от купечества, пригласить трех свидетелей-дворян и трех купцов, и даже священника. А так как для приведения в исполнение проекта необходимо было не только спустить пруд на мельнице Б-ва до осушения нашей рабочей канавы, но приходилось поджидать и необычайного набора воды в собственном нашем пруду и в запруде выше лежащей по реке мельницы Селиванова, то раньше недели окончить дело нечего было и думать. Тем временем сентябрь подходил

к концу, и ночные холода стали сильно давать себя чувствовать; а наш дом вообще и спальня в частности при одиночных рамах были весьма плохой защитой от стужи. Приехали мы по теплой погоде в летних платьях, а тут приходилось еще на ночь завешивать окно от врывающегося ветра.

Однажды ночью, когда все уже шло к концу, дрожа от холода поднявшейся осенней бури, мы услышали сильные удары в стеклянную раму балконной двери. Выйдя наскоро из мрака в полусвет, я за

536

стеклами различил огромный силуэт и на вопрос: “кто там?” – узнал голос нашего арендатора. Впустив его в залу, я спросил – что ему нужно?

– У меня на плотине вода набрана по самые края, а при этой страшной буре ветер с верховья плещет волной через заставки. Я пришел просить у вас позволения спустить воду, а то плотина не выдержит, и мы разорим и свою, и б-векую плотину. А я до света пошлю Сергею Семеновичу донесение о случившемся.

Конечно, приведение в исполнение мировой было по необходимости отложено еще на два дня. Наконец, к полудню назначенного дня все вызванные к ее исполнению явились на Тимскую мельницу, и во избежание всяких недоразумений и подозрений положено было, чтобы мы с Б-вым стояли при спуске воды на все наши по- ставы, наблюдая, чтобы набравшийся с колес слой воды не превысил находящейся под колесами казенной печати, и когда вода подымется до печати, то человек, по нашему общему с Б-вым соглашению, должен выстрелом из ружья подать знак посреднику, ожидающему с депутатами от купечества и с понятными у нижнего столба, чтобы отметить высоту пришедшей туда из-под колес воды. Пока мы шли с Б-вым к рабочим заставкам, он не без иронии передавал событие запрошлой ночи. “Спустил я по приказанию посредника всю воду, и вдруг в полночь, откуда ни возьмись, вода стала прибывать и прибывать. Думаю, да что же, Господи, это за чудо такое? И невдомек, что это Николай Иванович делает репетицию. Ведь на театре никогда не бывает представления без репетиции”.

Мы приказали открыть заставки, и бросившаяся с силой на колеса вода стала быстро подниматься. Вот она подошла к печати, дошла до ее половины, затопила ее и стала подниматься все выше.

– Алексей Кузьмич, пора стрелять!

– Помилуйте, еще одну секунду!

– Вам-то хорошо, – возражал я, – говорить про секунды, а печать-то уж на четверть в воде.

– Ну, так и быть, стреляй! – крикнул Б-в ружейнику, и вслед за выстрелом нам уже оставалось ожидать результатов наблюдений и действий посредника с понятными. Через полчаса я увидел их идущими от устья канавы с Сергеем Семеновичем во главе шествия. Несмотря на свою полноту и одышку, он был бледен, как мертвец.

– Ну, – сказал он, подходя ко мне, – в силу формального условия вы имеете право требовать буквального его исполнения и остановиться на его результатах; но я должен вам сказать, что ваш противник будет окончательно разоренный человек, ибо, невзирая на лишки, допущенные вами у верхней печати, вода в минуту выстрела едва докатилась к самой пятке нижнего столба не плотнее картонного листа. Мы не предвидели этого обстоятельства; но я решаюсь просить вас отложить исполнение мировой до завтра и тогда уже отмечать высоту воды на нижнем столбе, только когда она выровняется по всей рабочей канаве.

537

Я с охотой согласился на такую уступку, и так как время было еще не позднее, то ливенские купцы отправились на обед к Б-ву, а ближайшие помещики по домам. Зато Сергей Семенович предупредил, что на завтра дело протянется долго, ибо придется набирать и весь б-кий пруд и забить в нем сваю с печатью для обозначения обязательной для Б-ва высоты воды. На таком основании на следующий день, невзирая на заботу, сосредоточенную на предстоящей судьбе мельницы, нам с женой необходимо было подумать, как вечером накормить двенадцать человек, вынужденных по нашему делу провести на ветре и холоде целый день. На этот раз результатом нашей экспертизы оказалось, что вода в нашей рабочей канаве, предоставленная своему естественному течению, стала в устьях как раз в половину печати, поставленной при первоначальном определении прав нашей мельницы, защита которых составляла всю сущность процесса; но зато долго пришлось дожидаться полного набора воды на плотине Б-ва, согласно условию. Когда, просидев над водой до совершенной темноты, мы забили при всех депутатах и свидетелях окончательную сваю, причем Б-ву вышло четыре аршина три вершка, вместо предлагаемых мною ему неоднократно четырех вершков, – и прибыли в наш дом, я был изумлен ярко освещенным столом, накрытым на двенадцать приборов. Я только позднее узнал, что милейшая старушка Клушина снабдила нас всем необходимым, начиная с кухонной и столовой посуды, белья и серебра до огурцов мастерского засола. Недостаток

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
шандалов был заменен бутылками, завернутыми в бумагу с бумажными розетками
наверху. Как при общей подписи акта исполнения мировой, мы все, начиная с
посредника, усердно ни просили нашего арендатора А-ва кончить и с своей стороны
мировую, отказываясь от всяких по этому делу претензий, он согласия на мир не
заявил и десятки раз, складывая пальцы как бы для писания, повторял: “Мамаша не
приказала брать в руки пера- с. а то нашему брату придется идти с медною
посудю”. – Так что наконец посредник спросил: “Да что это вы, Николай Иванович,
все медную посуду поминаете?”

– Нет-с, это так по-нашему: значит крест да пуговицы» (МВ. ч. 2. с. 35–40).

Науки юношей питают. – Стих из оды М. В. Ломоносова «На день восшествия на
всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны,
1747 года».

Стр. 308. Колчи – мерзлая грязь, комки на дороге.

Стр. 309. Хоботье – мякина.

Стр. 310. Пастрана Юлия (1834–1860)– мексиканская танцовщица, получившая
всемирную известность, поскольку ее лицо и тело заросли волосами.

Жеребий – кусочек, отрезок, отрубочек. Зд. отрезок земли, полученный по жребию.

Стр. 311. ♦Лес и степь» (1849)–заключительный рассказ из ♦Записок охотника».

538

Стр. 312. Полесье. – «Полесьем, – писал И. С. Тургенев в примечании к журнальной
публикации рассказа «Поездка в Полесье», – называется длинная полоса земли,
почти вся покрытая лесом, которая начинается на границе Волховского и
Жиздринского уездов, тянется через Калужскую, Тульскую и Московскую губернии и
оканчивается Марьиной рощей, под самой Москвой. Жители Полесья отличаются
многими особенностями в образе жизни, нравах и языке. Особенно замечательны
обитатели южного Полесья, около Плохина и Сухинича, двух богатых и промышленных
сел, средоточий тамошней торговли. Мы когда-нибудь поговорим о них подробнее»
(Соер. 1850. № 11. с. 109. Цит. по: Тургенев. Соч. т. 7. с. 415). В примечании к
рассказу «Певцы» читаем: «Полехами называются обитатели южного Полесья, длинной
лесной полосы, начинающейся на границах Волховского и Жиздринского уездов. Они
отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке <...>»
(Тургенев. Соч. т. 4. с. 239–240). Очевидно, в этих местах и охотился Фет. В
наст. время на северо-западе Орл. обл. создан национальный парк «Орловское
Полесье».

Сажень равняется 2,1 м.

Друиды – жрецы древних кельтов; по представлениям римлян, колдуны, оракулы,
предсказатели.

Стр. 313. Антики– зд.: др.-греч. и др.-рим. изваяния, камеи ИТ. д.

В его мастерской поэме даже все несообразности типа намечены довольно верно, но
целое слишком идеально. – Имеется в виду поэма Пушкина «Цыганы» (1824).

Мне бы хотелось встретить в искусстве не цыган, повествующих об Овидии... –
Имеется в виду рассказ Старика в пушкинской поэме: «Меж нами есть одно
преданье...» и т. д.

Стр. 314. Под узлами бедной шали...– Цитируется ст-ние

А. И. Полежаева из сб. «Кальян» (1832).

Весь бронзовый и стройный, как неаполитанский Меркурий... – Меркурий – в рим.
миф. бог торговли и вестник богов, отождествлявшийся с греч. Гермесом. Фет имеет
в виду знаменитую бронзовую статую Меркурия работы Джамболоньи (1564), копия с
которой украшает одну из площадей Неаполя.

Вспомните в Лувре его мальчика, сидящего с обращенными к зрителю подошвами. –
Фет имеет в виду картину Мурильо «Вшивый», поразившую его во время посещения
Лувра в 1856. См. наст. том, с. 77.

Стр. 315. ...припоминаешь Ромула, не пощадившего за подобную проделку и брата. –
Ромул, согласно рим. преданию, основатель и первый царь Рима. Убил своего
брата-близнеца Рема, решившего перепрыгнуть через степу только что заложенного
города.

Стр. 316. Шарабан – экипаж с сиденьями в несколько рядов.

Стр. 317. Младенцы смуглые, нагие... – Цитата из поэмы Пушкина «Кавказский
пленник» (1821).

539

Стр. 318. ...знакомый нам <...> обер-форстмейстер... – Речь идет о главном
лесничем Бауэре (РГ. с. 255, 266).

Легавые собаки на зайцев? – Легавые собаки считаются «подружейными» или
«птичьими».

Стр. 320. ...какое-то чувство приличия нашептывало: «Не распечатывай»... – В
комедии Гоголя «Ревизор» (действие 5, явление 8) почтмейстер говорит: «В одном
ухе так вот и слышу: “Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица”; а в другом
словно бес какой-то шепчет: “Распечатай, распечатай, распечатай!”».

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Стр. 322. Петров день отмечался 29 июня, во время перерыва в полевых работах:
сев и огородные посадки кончились, а сенокос и жатва еще не начинались.

...пар вспахан и передвоен... – Т. е. вспахан дважды, в клетку.

Др.-греч. математик и физик Архимед (ок. 287– 212 до н. э.) обосновал, в частности, закон рычага.

Стр. 324. Возьмем мировые учреждения... – Имеются в виду мировые судьи и уездный съезд мировых судей.

Из деревни <1871>

Впервые: Заря. 1871. № 6 (июнь). С. 3–86. Подпись: «А. Фет».

Последний цикл «деревенских» очерков Фета создавался как итоговый. 10 лет прошло со времени крестьянской реформы, и за эти годы Россия существенно изменилась.

Столь же кардинально изменились и личные обстоятельства поэта-фермера:

начинавший в 1860 хозяин, приобретший 200 десятин земли с недостроенным домиком, стал к 1871 одним из состоятельных и уважаемых помещиков Орловской губернии, который – что особенно важно – «выдвинулся» лишь благодаря упорной организаторской деятельности на почве нового для России «вольнонаемного труда».

Тургенев, который с конца 1860-х стал поговаривать о том, что Фет-поэт «исписался», постоянно побуждал его к публицистической и мемуарной деятельности:

«...пусть он соберет свои судебские воспоминания – и сделает из них книжку: по двум-трем сообщенным им мне анекдотам я вижу, что это может выйти прелестно и препоучительно, вроде – помните – его хозяйственных писем» (Письмо к И. П. Борису от 5 (17) дек. 1869 // Тургенев. Письма. Т. 8. С. 143). Фет в это время действительно увлекся новой деятельностью: в 1867 он был избран, а в 1870 – переизбран на должность мирового судьи Мценского уезда. Тем важнее было подвести итог прежней деятельности фермера.

Этот итог, впрочем, осмыслился Фетом более в философском аспекте. В его переписке со Львом Толстым за 1869–1872 заметно единомыслие корреспондентов в их отношении к проблеме «естественного человека» и гармоничного мироустройства. По мысли Толстого, жизнь «за 1000 верст от всего искусственного и в особенности от

на

540
шего дела» – и только «дух работы и тишины» могут служить «залогом счастья» (Толстой. Переписка. Т. 1. С. 402–403, 415). Фет в этот период разделяет взгляды Толстого и высказывает схожие мысли применительно к русской общественной жизни.

Ср. в «новогоднем» письме Фета к Толстому от 1 янв. 1870: «Как бы высоко ни забралась математика, астрономия, это все дело рук человеческих – и всякий может шаг за шагом туда влезть, проглядеть все до нитки, а в жизни ничего не увидишь –хоть умри –тут-то тайна-то и есть. <...>Ямогу признать пользу и интерес статистических данных. Но когда меня хотят оседлать таким силлогизмом:

статистика – цифры – цифры непогрешимы – ergo (следовательно – лат.) статистика точная наука, – я говорю – э-ге! вон куда метнул! Я сую всю пищу без разбора в один желудок, который варит и отделяет, стало быть, кровь и желчь, кость и сало, все равно, хотя по удельному весу, по субстанциям это небо и земля. Во все живые явления, выражаемые статистическими цифрами, ежесекундно вторгается такой океан саморазличнейших неисчислимых жизней, что говорить о цифрах, выражающих данные статистики, все равно, что о носах, будь это чукотский, птичий нос или нос корабля или чайника. Словом, владеть своим я по отношению к лошади, человеку, грамматике, физике, танцам – значит быть свободным, а выдумать какое-нибудь новое слово вроде учиться, чтобы быть свободным, и носиться с ним, припевая: “Акей аб! акей ось!” – значит старинный романс:

Тебя забыть, искать свободы!

Но цепи я рожден носить...

Вот почему Ваша интеллектуальная свобода так мне дорога и так бесит и волнует всех почти без исключения» (Там же. С. 395–396).

У Фета в 1869 умирают родственники и ближайшие друзья: в марте 1870 в психиатрической лечебнице в Петербурге – любимая сестра Н. А. Борисова; в том же году – три брата его жены, Николай, Владимир и Василий Петровичи Боткины. Потеря последнего, скончавшегося 10 окт. 1869, была для Фета особенно болезненной:

В. П. Боткин был одним из немногих литераторов, последовательно поддерживавших Фета в его начинаниях. А после смерти от чахотки в мае 1871 И. П. Борисова Фет уже вполне ощутил свое литературное и житейское одиночество.

Тургенев относится к нему свысока. Посетив Фета в июне 1870 в его имении, он констатировал в письме к Полонскому, что Фет «страшно обрюзг, все еще пишет стихи, а главное – врет чушь несуразную, не столь часто забавную, как прежде». И чуть позднее: «Сам он толст, лыс, бородаст – ив белом балахоне с цепью мирового судьи на шее представляет зрелище почтенное. Дела его очень хороши – но стихи он пишет плохо» (Тургенев. Письма. Т. 8. С. 244, 245).

Мнение Тургенева о том, что Фет «завершил» литературную деятельность и способен

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич фет fetathana только высказывать «вредные и нелепые мысли», в конце 1860-х расходится по российской журнальной сре

541

де. Фета постепенно перестают воспринимать серьезно и все чаще отказываются печатать. В 1868 он, к примеру, написал весьма оригинальную статью о романе Л. Н. Толстого «Война и мир», читале в литературных салонах Москвы, но РВ, для которого статья предназначалась, ее не принял. Более того: рукопись статьи, переправлявшаяся автором из одной редакции в другую, была утеряна (см.: Летописи Гос. лит. музея. Кн. 2. М., 1938. С. 261). Фет перестает печатать в РВ даже и стихотворения. В письме от 16 авг. 1868 Н. С. Лесков пригласил Фета к сотрудничеству в журнале «Заря»: «Принимая близкое и живейшее участие в судьбах нового журнала и очень любя Ваши сельские письма, я имею честь просить Вас не отказать нам в Вашем сотрудничестве. Прошу Вас почтить меня Вашим уведомлением: можем ли мы на Вас рассчитывать и заготовить для нас к ноябрю месяца первую Вашу корреспонденцию, в которой бы желалось по возможности видеть общий очерк состояния помещичьих и крестьянских хозяйств в настоящее время. Затем следующие пусть имеют характер текущих хроник» (Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. М., 1958. С. 271). В этом журнале и была напечатана завершающая серия очерков «Из деревни», прошедшая почти не замеченной в критике.

Тургенев, которому Фет специально указал на эту публикацию, откликнулся торпливым обещанием (в письме от 8 (20) янв. 1872): «...с удовольствием прочту Ваши письма “Из деревни” – если они будут написаны “sine ira et studio” (“без гнева и пристрастия”). – лат.). Но так как мне в сношениях с Вами сам Бог повелел ворчать, то я исполняю его волю – ворчу» (Тургенев. Письма. Т. 9. С. 209–210). Впрочем, кажется, Тургенев их так и не прочитал; 2 (14) марта 1872 он заметил в письме к Полонскому про Фета: «Философия Льва Толстого и его собственная его совсем с толку сбили – и он теперь иногда такую несет чушь, что поневоле вспоминаешь о двух сумасшедших братьях и сумасшедшей сестре этого некогда столь милого поэта. У него тоже мозг с пятнышком. А что Мещерский не понял его статей – дело весьма естественное» (Там же. С. 236). Словом, Фет в период публикации итогового цикла «деревенских» очерков оказался в том положении, которое охарактеризовал полтора годами спустя в письме к Толстому (от 20 янв. 1873): «Я же, бедный, уподобляюсь медведю захудалому, засидевшемуся в клетке, которую горемыка-содержатель возит по ярмаркам и которого он всякий день травит привязанного меделянскими собаками, которые кусают вовсе не на шутку, а самым чувствительным образом» (Толстой. Переписка. Т. 1. С. 419). Этот, завершающий, цикл очерков Фета оказался настолько прочно забыт, что не вошел ни в один из дореволюционных библиографических обзоров его сочинений. Он отсутствует даже в книге В. С. Федина «А. А. Фет (Шеншин): Материалы к характеристике» (Пг., 1915), включающей довольно полную библиографию. Впервые на отсутствие этой обширной публикации в библиографиях Фета

542

указал Б. Я. Бухштаб в обзоре «Судьба литературного наследства А. А. Фета» (Лит. наследство. Т. 22/24. М., 1935. С. 596).

Стр. 325. Скажите: Экой вздор! иль bravo... – цитата из неоконченной поэмы Пушкина «Езерский» (1833).

...пословица о 7 няньках? – Имеется в виду пословица «У семи нянек дитя без глаза».

Наши записки в течение долгих лет служили неистощимой темой свистков и дешевой карикатуры. – Первым на публикацию фетовских очерков «Из деревни» откликнулся Соер.: в апрельском номере за 1863 среди материалов «Свистка» было помещено анонимное стихотворение «Вступительное слово “Свистка” к читателям» (автор – Н. А. Некрасов), где деятельность Фета интерпретировалась следующим образом:

Когда сыны обширной Руси вкусили волю наяву,

И всплакал Фет, что топчут гуси в его владениях траву.

В этом же номере журнала был помещен обзор Салтыкова-Щедрина из цикла «Наша общественная жизнь», где немало места занимал карикатурный пересказ фетовских очерков. Затем выступление Фета высмеивали Д. Д. Минаев в «Дневнике Темного человека» (Рус. слово. 1863. № 6, 7) и В. А. Зайцев (Рус. слово. 1863. № 9, 10). Д. И. Писарев в «Цветках невинного юмора» (Рус. слово. 1864. № 2) сосредоточился тоже на гусях: «Так, например, г. Фет, решившись посвятить все свои умственные способности неутомимому преследованию жадных гусей, сказал в прошлом, 1863 году последнее прости своей литературной славе; он сам отпел, сам похоронил ее и сам поставил над свежей могилою величественный памятник, из-под которого покойница уже никогда не встанет...». См. также многочисленные стихотворные сатирические отклики: <Медведев П.А> Мечты и действительность // Искра. 1863. № 23. С. 319–21; <Минаев Д.Д.> Альбом светской дамы, составленный из произведений русских поэтов // Искра. 1865. № 5. С. 79 и др.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana
Вакхические возгласы – зд.: выступления, порожденные опьянением, потерей чувства реальности.

Екатерина II (1729–1796), императрица с 1762.

Стр. 326. Железные дороги пролетели из конца в конец Европейской России... – Эпоха реформ Александра II ознаменовалась своеобразным «бумом» железнодорожного строительства: к началу 1857 рельсовые пути России составляли 979 верст, в 1876 – более 18 тысяч верст. Только за 1871 была открыта 2631 верста железнодорожных путей.

Камера – зд.: место заседания.

Просительное письмо, прошение – письмо установленного образца, иногда на гербовой бумаге, иск, жалоба, изъяснение своих

543

нужд, подававшееся определенному должностному лицу. Будучи мировым судьей Мценского уезда, Фет получал много таких писем.

...Гоголь смеялся над почтмейстером, читавшим частную корреспонденцию. – Имеется в виду почтмейстер из комедии Гоголя «Ревизор» (1836). См примеч. к стр. 317.

Стр. 328. Не менее оригинальны приемы новых людей. – Отсылка к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», имевшему подзаголовок «Из рассказов о новых людях». Они разыщут его корень у Иоаннов, Бориса... – Имеются в виду Иван III (1440–1505) – великий князь Московский с 1462, Иван IV (1520–1584) – великий князь с 1533, царь с 1547, Борис Годунов (ок. 1552– 1605) – фактический правитель России в 1584–1598, царь в 1598–1605.

Тришка был прав... – Речь идет о персонаже басни И. А. Крылова «Тришкин кафтан» (1815).

Стр. 329. Есть речи – значенье... – Начало известного стихотворения М. Ю. Лермонтова (1839).

Стр. 330. «Живя, умея все пережить», – сказал поэт-философ. – Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не рассуждай, не хлопочи!..» (1850).

...такова природа человека, в положении крыловского зайца? – У Крылова нет басни с таким сюжетом.

Стр. 331. ...приготовленный тонким лопухинским поваром... – Вероятно, имеется в виду повар, который выучился своему искусству в доме князя Павла Петровича Лопухина (1788–1873), знаменитого гастронома и гурмана.

...наш полковой командир барон Карл Федорович... – в 1848– 1853 командиром Кирасирского Военного ордена полка, где служил Фет, был барон К. Ф. Бюлер (1805–1868).

Стр. 331–332. Вспомните греческих философов-стариков, родоначальников спекулятивного мышления... – Имеются в виду «семь мудрецов» Древней Греции, с которыми связывалось само возникновение философии и – шире – спекулятивного (т. е. умозрительного, не основанного на опыте и отвлеченного от практики) мышления вообще: Фалес Милетский, Биант Приенский, Питтак Митиленский, Клеобул Линдский, Периандр Коринфский, Хилон Спартанский и Солон Афинский.

Стр. 332. «Не препятствуй моему ндраву». – Поговорка купца-самодура, употребляется в нескольких пьесах А. Н. Островского.

...сданы земли в деревне Степановой... – Возможно, имеется в виду дер. Никуличи (Степановский хутор), которая существует и поныне (см.: Чернов Н. Орловские литературные места. Тула, 1970).

С. 103. См. также примеч. к стр. 148).

Стр. 334. Замашная рубаха – рубаха, сшитая из замашкой, т. е. посконной ткани, производимой из мужских стеблей конопли. Ткань эта, жесткая и грубая на ощупь, использовалась только в крестьянском хозяйстве и стала символом бедности.

544

Ледень – вырубленные из льда салазки.

Один замечательный человек, говоря о бедности, сказал... – Вероятно, Л. Н. Толстой, высказывавший похожие суждения. См., например, в его дневнике от 14 февр. 1870: Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 21. М., 1985. С. 265.

Стр. 336. Солитер – крупный бриллиант, вправленный в перстень, брошь и т. д. без других камней.

Гарпагон – персонаж комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой» (1668).

Стр. 337. Бутенопы Николай и Иоганн, братья из Гейдельберга, основали в Москве в 1832 завод для изготовления сельскохозяйственных машин и орудий.

Стр. 340. Акциз – вид косвенного налога, налагавшийся не непосредственно на потребителя, а на производителя продукта, пользующегося повышенным спросом (спирт, водочные изделия, табак и т. п.); акцизные сборы в России составляли один из главных доходов казны.

«Salus publica prima lex esto» – перефразированное лат. изречение, восходящее к трактату Цицерона «О законах» (III, 3, 8). Ср.: Salus publica (respublicae) – suprema lex (Общественное благо – высший закон).

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana

Стр. 341. Пора догадаться, что квартет дерет не потому, что музыканты рассажены не в должном порядке... – Аллюзия на басню И. А. Крылова «Квартет» (1811). ...только герой «не любо не слушай» сумел помочь беде, вытащив себя за волосы из трясины. – Под таким названием (точнее: «Не любо– не слушай, а лгать не мешай») была известна обработка на «русский манер» книги Р.-Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена», выполненная Н. И. Осиповым в 1791 и впоследствии неоднократно переиздававшаяся.

Стр. 342. Иверская – часовня Иверской иконы Божией Матери, расположенная у Воскресенских ворот в Москве, по названию знаменитой афонской иконы, точная копия с которой была привезена в Москву в 1648.

Шворень (шкворень) – стержень от задней части повозки, вставляемый в ось передка и позволяющий при вращении производить повороты.

...Руси веселие пити... – Слова князя Владимира из рассказа о выборе вер в «Повести временных лет» («Руси есть веселие пити, не можем без того быти»), ставшие поговоркой.

Ведро – мера жидкости, равная 12,5 л.

Очень развитый русский рассказывал нам – Герцен встал, выпив весь коньяк маленькими рюмочками, и ушел ни в одном глазе. – История посещения заведения Тортони во время декабрьского разгрома революции 1848 в Париже рассказана Фету В. П. Боткиным. Подробнее см. в статье Фета о романе Чернышевского «Что делать?», в написании которой принимал участие Боткин (Наст. изд. Т. 3. С. 458–461). Сам Герцен в рассказе об этих событиях в «Былом

545

и думах» дважды упоминает парижскую кофейню Тортони (ч. 5, гл. XXXVII). Упоминается Тортони и в «Письмах из-за границы» (см. наст. том, с. 59).

Стр. 343. ...с какой неотразимой логикой Бедность в комедии Аристофана «Богатство» выставляет себя возбудительницей производительных сил, матерью всех искусств и ремесел. – Имеется в виду комедия Аристофана «Плутос», одним из персонажей которой является Бедность, доказывающая, что она является «причиной всяких благ» для людей.

Стр. 344. ...которой известна и его душа мера... – Имеется в виду поговорка: «Душа меру знает» («Пей из ковша, а мера душа»). Ср. в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (т. 1, гл. 5): «лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует».

Сиделы ручки поскладамши... – Цитата из травестийной поэмы Ивана Петровича Котляревского (1769–1838) «Енеца» (1798; ч. 3) – малороссийское представление о греческом Олимпе.

Стр. 345. ...pop possumus. – формула категорического отказа; согласно Евангелию (Деяния апостолов: 4, 20), так ответили апостолы Петр и Иоанн на требование священников и саддукеев не проповедовать учение Христа: «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали»; эти слова стали формулой отказа римских пап выполнять требования светской власти.

Стр. 346. Вигонь – недорогая мягкая ткань, сырьем для которой служило хлопковое волокно с незначительной примесью шерсти грубых сортов. Имитировала дорогую ткань из шерсти викунии (ламы, распространенной в ряде стран Латинской Америки). В нашей местности мировые учреждения действуют четвертый год... – Мировые судебные установления (мировые судьи и съезды мировых судей) были постепенно введены в России по судебной реформе 1864 г. Ведомству мировых судей подлежали гражданские дела, касавшиеся исков по личным обязательствам, договорам и т. п., и те уголовные преступления, за которые по закону не полагалось лишения или ограничения прав состояния.

Сотский – низшее должностное лицо сельской полиции, избиравшееся сельским сходом.

Стр. 347. На днях один из местных деятелей по окончании мирового съезда... – Имеется в виду Александр Аркадьевич Тимирязев (1818 – не ранее 1893), в 1869–1877 – уездн. предводитель дворянства. Регулярно давал обеды на своей мценской квартире для участников мирового съезда, обычно собиравшегося 12 числа каждого месяца (МВ. ч. 2. С. 227). Старш. сын служившего в Министерстве финансов Аркадия Семеновича Т., с 1852 – действ. статс. советника в отставке, и его первой жены Марии Васильевны (урожд. Протасовой), сводный брат знаменит, ученого Климентия Арк. Т. (См.: Марченкова Л. В. Н. Н. Кутлер – материалы к биографии // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 8. С. 113–114). До избрания предводителем был мировым посредником 2-го участка, снискав на этом посту

546

всеобщее одобрение (МВ. ч. 2. С. 100–102). Фет, близко знакомый с Т., бывал в его имении при с. Алешне (Прилепы), что находилось в 35 верстах от Степановки, в 1870, выполняя в течение неск. месяцев обязанности мирового судьи 2-го участка, каждую неделю приезжал в усадьбу Т., где вел разбирательство дел (Там же. С.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana 160). Отношения с Т. Фет поддерживал после своего переселения в Воробьевку. В ОР РГБ хранятся 11 писем Т. к поэту, датированные 1876–1885. К Т. обращено ст-ние Фета «Всё дождь и дождь, и солнце лик свой прячет...» (1880).

...председатель управы... – М. М. Хрущев.

Стр. 348. ...по поводу статьи «Московских ведомостей» о сифилисе. – Речь идет о статье Фета «Из Мценского уезда» (Моек, ведомости. 1870. № 267). В начале 1870-х в рус. газетах и журналах активно обсуждалась проблема борьбы с сифилисом. Фет говорил об этом на земском собрании Мценского уезда и в 1872 устроил на свои средства больницу для крестьян-сифилитиков. К вопросу о борьбе с сифилисом Фет вернулся в «Письме к издателям “Московских ведомостей”» (1872. № 74). См. также в МВ: «Еще в прошлом году предводителем Тимирязевым и мною обращено было внимание земского собрания на непомерное распространение в уезде сифилитической заразы. Всего нагляднее зло было для предводителя во время приема рекрут, из которых 20 проц. оказывались зараженными. Тогда же собрание уступило нашим требованиям немедленной помощи, и из Петербурга была выписана весьма практическая и деятельная акушерка, которой пришлось немало побороться с убийственным злом, по одному уже тому, что крестьянки прятались от осмотров, боясь женского рекрутского набора. Через два года я слышал от Ал. Арк., что процент зараженных рекрутов сошел с двадцати на четыре» (МВ. ч. 2. С. 250–251). Ср. в письме Тургенева к Фету от 29 марта (10 апр.) 1872: «А за поход Ваш по поводу сифилиса нельзя Вас не похвалить – вот это дело, дельное дело – и дай Бог Вам успеха и помощи отовсюду! На Вашу больницу с домом я немедленно подписываюсь на сто рублей сер<ебром>, которые буду иметь удовольствие вручить Вам при нашем свидании в Спасском в мае месяце» (Тургенев. Письма. Т. 9. С. 256).

Сулема – ядовитый порошок хлорной ртути, употреблялся в медицине.

Клещевинное масло – то же, что касторовое масло, получаемое из семян клещевины (*ricinus communis*), растения из семейства молочайных, обладает слабительными свойствами.

...откроются меркуриальные раны? – Раны от отравления ртутью, которую раньше называли Меркурием.

Село Бортное в моем соседстве... – Имеется в виду с. Покров-ское (Бортное), при р. Алешне, в 29 верстах от Мценска, упомянутое в ст. Фета в ряду деревень, сплошь зараженных сифилисом, принадлежало родственникам Тимирязева по материнской линии Карамзиным и Протасовым (Орл. губ. вед. 1863. 21 сент. № 38. С. 923; Там

547

же. 1866. 26 марта. № 13. С. 114). В письме И. П. Борисова к Фету от <23 нояб. 1863> содержится описание имения Тимирязева: «Быв у Тимирязева, видел те Палестины, в которых мог и ты господствовать – река Алешня в них зародилась и выбегает ручьем, но местность прелесть – со всех сторон на горизонте леса, к северу горы и только на юг идут равнины по направлению к вам в Степановку. Показал бы Наденьке и все аристократам домик Тимирязева – 6 комнат, из них он, жена и ее сестра, и живут, как видно, без плача и рыдания <...>» (РО ИРЛИ. № 20272. л. 40 об.–41).

Народные училища – школы для начального образования народа, организованные земством (которое осуществляло материальное обеспечение школ) и министерством народного просвещения (осуществлявшим наблюдение за учебной частью); в 1869 была учреждена должность инспектора народных училищ, служившего в ведомстве Министерства народного просвещения.

Стр. 349. Неудачный antecedent столичных воскресных школ много повредил делу. – В 1859 киевский профессор П. В. Павлов открыл в Киеве воскресную школу для народа. Почин был подхвачен, и воскресные школы открылись в ряде крупных городов; в них деятельно участвовала учащая молодежь, прогрессивно настроенные офицеры, женщины и девушки из богатых семей и т. д. В 1861–1862 отдельные воскресные школы сделались ареной политической пропаганды, обратившей на себя внимание властей; в 1862 вышло распоряжение о закрытии всех воскресных школ впредь до издания особых о них правил.

Стр. 351. ...живой старинный портрет, нечто вроде бабушки в гончаровском «Обрыве». – Имеется в виду персонаж романа И. А. Гончарова «Обрыв» (1869) «бабушка» Татьяна Марковна Бережкова.

Гласные – земские депутаты, которые назывались земскими гласными.

Стр. 352. Мирабо оноре Габриэль Виктор де (1749–1791) – выдающийся оратор, деятель Великой французской революции.

Стр. 353. Пошевни – широкие сани, обшитые внутри лубом.

Ямская шапка – высокая стоячая шапка, которую носили ямщики.

Пациент явно возвращался от ближайших постоялых дворов, отсчитываях саженей на 150 от Глебовой. – Глебово – дер. Новопоселенная Петрова (Глебова), в 64,5 верстах от Мценска, на Курской большой дороге («Список населенных мест...». С.

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana 165), рядом с влад. хутором Кресты, где находились постоянные дворы. В наст. время Глебово и Кресты являются частью дер. Новопетровка (Филимонов Н. О старинных названиях // Сельская новь. Изд. в Змиевке. 1995. 3 июня. № 41. С. 2). Стр. 354. Деревня летом – рай. – Цитата из «Горя от ума» Грибоедова (действие III, явление 6); реплика Чацкого, обращенная к Платону Михайловичу Горичу: 548

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом рай.
...rara avis... – усеч. лат. выражение, восходящее к Ювеналу (Сатиры, VI, 165–170): «Rara avis in terris, nigroque simillima cuspis» (Редкая птица на земле, как черный лебедь»).

Стр. 355. Он был рожден для жизни мирной... – Неточная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (I, 55).

...приехал хрящевский приказчик, воспитанник Горыгорецкого института... – Приказчик в имении М. М. Хрущева в с. Долгом., который окончил, очевидно, Горы-Горецкий земледельческий институт.

Мецневская экономия – хозяйство Мацневых, фамилии, распространенной в Орл. губ. Поручик Г. А. Мацнев в 1860-е был гласным Мценского уездн. земского собрания. Степановские не выходят на работу? – См. примеч. к стр. 148 и 329.

Стр. 358. Замашка – посконная пряжа из конопли или холст.

Сулили коты и онучи... – коты – женская обувь из войлока или сукна в виде коротких сапожек; онучи – портянки для обуви, вместо чулков.

Стр. 359. Падрины – подстожье, подстилка под хлебные скирды.

Стр. 360. Увлечись мы теорией вероятностей... – Основание математической теории вероятностей положено Б. Паскалем и П. Ферма в перв. пол. XVII в., в ее разработке принимали участие мн. ученые, в т. ч. И.-С. Лаплас, создавший ряд итоговых трудов по т. в.

Стр. 361. Абсентизм (абсентеизм, от франц. – absentisme), зд. в значении: проживание землевладельца за пределами своего имения.

Стр. 362. Ввиду различных земледельческих обществ и даже земледельческой академии... – Имеется в виду основанная в 1865 Петровская земледельческая и лесная академия, находившаяся в Петровско-Разумовском к северу от Москвы.

Стр. 363. Матвей Матвейч! – См. коммент. к стр. 372.

Стр. 371. «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». – Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (Гл. 1, строфа V).

...какие-то мнимо-реальные гимназии... – С 1864 в России существовало два типа гимназий, окончание которых давало право поступать в университеты: классические (основанные на изучении гуманитарных дисциплин и, в частности, древних языков) и реальные (дающие преимущественно естественно-научные знания). Согласно реформе 1871 реальные гимназии были преобразованы в реальные училища, выпускники которых не имели права поступать в университет. Фет был горячим сторонником классического образования; в 1867 он опубликовал в журнале «Литературная библиотека» статью 549

«Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» (№ 4, 5). См. наст. изд., т. 3.

Пиндар (ок. 518 – 442 или 438 до н. э.) – др.-греч. поэт.

...другого, выведенного Аристофаном в «Облаках»? – Имеется в виду основной сюжетный мотив комедии Аристофана «Облака» (423 до н. э.): разбогатевший грек Стрепсиад отдает своего сына Фидиппи- да в платное училище мудреца Сократа. Фет относился к проблеме всеобщего народного образования двойственно: в МВ он приводит наблюдение Л. Н. Толстого: «“Всякая наука хороша и прочна, когда основана на органическом запросе. Как только назначишь мужика в старосты, он тотчас же надевает вязаные перчатки, подпоясывает кафтан, берет в руки длинную палку и кричит: «Ну-те, ну-те, бабы, бабы!» – оставшись на должности с год, он уж в воскресенье намастит и расчешет голову сынишке и поведет его в церковь, а затем отдаст учиться грамоте”. Со словами графа нельзя не согласиться, так как и сынишка старосты будет через грамотность метить сам в начальники, прочь от сохи. Гнать же поголовно всех от сохи – едва ли у нас целесообразно» (Ч. 1. С. 399).

Стр. 372. Мы говорим об общей военной повинности. – Проблема устранения рекрутчины и реорганизации армии, поставленная в 1856, активно обсуждалась в 60-е, и после ряда реформ Д. А. Милютина с 1 янв. 1874 стал действовать закон о всеобщей воинской повинности граждан России.

Матвей Матвейч – аключительный очерк цикла назван именем Михаила Михайловича Хрущева (р. 1835). Ближайший сосед Фета по имению, «бывший когда-то в числе лейб-драгунов, угощавших нас, улан, в Ревельской гостинице» (МВ. Ч. 2. С. 251), Хрущев был сыном колл., ассессора Михаила Ефимовича Хрущева и Марии Ипполитовны Х. Восприемницей его была А. М. Таубе (Российский государственный исторический

е сочинений в 20 томах. Том 4. Очерки- из-за границы из деревни. Афанасий Афанасьевич Фет fetathana архив. ф. 1343. Оп. 31. № 3225. л. 4 об.). Служил в лейб-гвардии драгунском полку, вышел в отставку в чине штабс-капитана ок. 1861, в 1860-е исполнял обязанности мирового посредника, в 1869-1871 был председателем земской управы. В 1877 сменил Фета на посту мирового судьи в связи с переездом поэта в Курскую губ. (Расписка М. Хрущева, почетного мирового судьи, от 26 нояб. 1877 о принятии (по описи) дел по 3-му Мценскому мировому округу от мирового судьи Шеншина // РО ИРЛИ. № 20302. л. 1). в мв Фет вспоминал о помощи Х. в устройстве больницы при с. Долгом (ч. 2. с. 251). С семьей Х. у Фета сохранились дружеские отношения и после переезда в Курскую губ. Известны 3 стих, послания Фета к Х.: «Посреднику М. М. Хрущеву» («Противу вечного закона...»; 1872); «М. М. Хрущеву» (Пускай с копьем противу злого...»; 1878) и «М. М. Хрущеву» («Твоей приветливой щедротой...»; между 1874 и 1886). Последнее вызвано получением подарка от Х. пресс-папье в виде Вандомской колонны, установленной в Париже на пл. Бастилии в память революции 1830. Обыгрывая понятие «свобода», Фет завершил послание след, строками:
550

И мыслью понял я свободной:

Игрушке место на земле Не там, на площади народной,
А здесь, на письменном столе.

Жене Х. Елизавете Григорьевне посвящено ст-ние Фета «Я видел преданность и рвенье...» (1880).

Стр. 374. Блонден (наст, имя и фам. Жан Франсуа Эмиль Гравис; 1821-1893) – франц. цирковой артист, канатоходец.

Торичеллиева пустота – безвоздушное пространство (вакуум) над свободной поверхностью жидкости в закрытом сверху сосуде; названа по имени ит. физика Э. Торичелли (1608-1647), открывшего атмосферное давление и формулу т. п.

Стр. 375. Пробой – служащая для навешивания замка металлическая дужка с острыми концами, которые пробиваются сквозь дверь, крышку сундука и пр. и загибаются, делая запоры надежнее.

Стр. 378. Волостной старшина избирался на волостном сходе выборных крестьян из нескольких селений и подчинялся непосредственно земскому начальнику; на нем лежали различные полицейские и общественные обязанности.

Стр. 383. ...разговор, скользнув по известиям с театра войны... – Имеется в виду франко-прусская война 1870-1871, завершившаяся разгромом франц. армии при Седане.

...один помещик ладил купить его в корень... – т. е. для того, чтобы запрячь в корень, коренником.

551

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://fetathanasius.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!